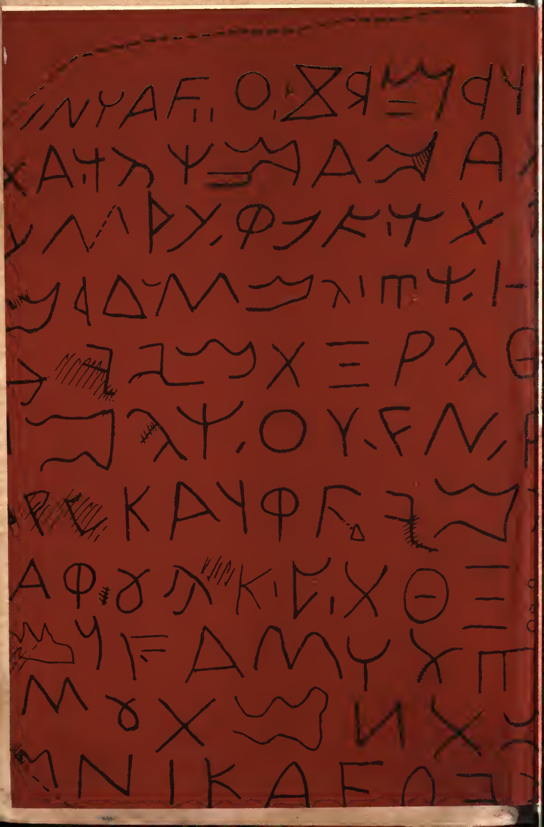
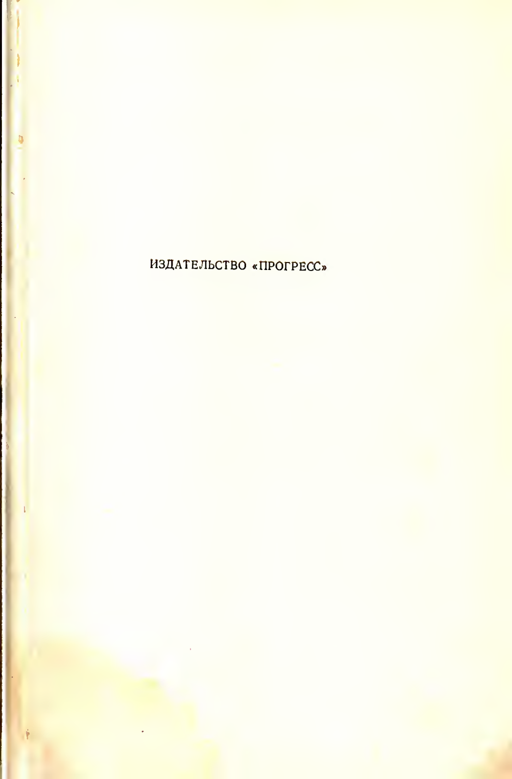




ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ТАЙНЫ ДРЕВНИХ ПИСЬМЕН

ПРОБЛЕМЫ ДЕШИФРОВКИ

Сборник статей

Перевод
с английского, немецкого,
французского и итальянского
языков

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
МОСКВА 1976

Составление, редакция, предисловие
И. М. ДЬЯКОНОВА

Предлагаемый сборник содержит труды специалистов в области дешифровки, опубликованные в последние годы. Основную часть сборника составляет перевод широко известной за рубежом книги Дж. Чэдуика «Дешифровка линейного письма Б», в которой увлекательно и популярно излагается дешифровка критского письма, осуществленная английским ученым Майклом Вентрисом.

В сборник включены также работы, посвященные еще не дешифрованным письменностям: в нем рассказывается о загадочной надписи на Фестском диске, о лемносской и сардской надписях, об этеокипрском, нумидийском, агванском, тангутском письме, об этрусках и их письме, о не разгаданных еще письменах о-ва Пасхи и т. д.

Т $\frac{70101-243}{006(01)-76}$ 161-75

ОТ РЕДАКТОРА

Потребность передавать мысли от человека к человеку через барьеры, создаваемые временем и пространством, в первобытные времена удовлетворялась рисунками или символическими пометами: зарубками на палке, узлами на ремнях или веревках. И в том, и в другом случае дело шло не о воспроизведении речевой формы мысли, а лишь о средстве помочь памяти, напомнить о тех фактах или событиях, о которых надо было рассказать в другом месте или в другое время. Все это было еще очень далеко от письма.

Но когда человек достигал уровня цивилизации и хозяйство его усложнялось до такой степени, что нужен был учет (для чего достаточно было запоминать не целые ходы мыслей, а лишь число и наименование учитываемых предметов), рисунок, сделанный для памяти, начал соответствовать *одному слову*.

Отсюда был один, и только один магистральный путь к письму, способному передавать связную речь, с ее явлениями словоизменения, с ее служебными словами и собственными именами: это был путь *ребуса*, путь использования рисунка не только для передачи *понятия* (в любой его языковой форме), лишь бы оно ассоциировалось с тем, что изображено на рисунке,— но и для той же *последовательности звуков*, что и в слове, передающем изображаемое понятие, где бы такая последовательность звуков ни встречалась. Так оказалось возможным передавать приставки и суффиксы, служебные слова и т. п.,— словом, все, что необходимо для передачи связной речи. (Впрочем, письмо еще долго оставалось прежде всего *мнемоническим* средством, и писцы часто опускали многие служебные элементы слов и предложений, если считали, что смысл сообщения будет и без этого понятен).

Ребус только тогда возможен, когда существует и известно также *прямое* значение рисунков, и поэтому ранние системы письма,— по крайней мере те, которые получили устойчивое существование,— были системами смешанными — идеографически (или логографически-) звуковыми, или, как их чаще называют, словесно-слоговыми (хотя в «звуковом» применении знаки не обязательно выражали именно слоги, а нередко — самые различные звуковые последовательности — от половинки слога до двух и даже трех слогов). Следует подчеркнуть, что в принципе

знаки *не делились* на словесные и на слоговые; лишь *применение* они могли иметь двоякое: либо в словесном, либо в «слоговом» значении. (Точнее, даже троякое, так как, в силу неоднозначности рисунков-иероглифов, некоторые из них использовались еще и как детерминативы — непроизносимые знаки, указывающие на ту *общую* категорию понятий, к которой относится слово, около которого детерминатив стоит).

Лишь когда — очень постепенно — была усвоена идея передачи речи на письме с помощью одних только знаков, выражающих звуковую сторону языка, возникли чисто слоговые фонетические письменности из более или менее геометризованных знаков. Для того чтобы такая система была неизменна и могла применяться не только в самых примитивных записях,— то есть таких, где общее содержание могло быть угадано заранее,— нужно было настолько отработать слоговые знаки, чтобы они передавали речь достаточно точно и недвусмысленно, чтобы графическая передача звуков была однозначна и чтобы соблюдались словоразделы. Все это требовало в большей степени филологического осмысления собственного языка и достигалось далеко не везде и не сразу. Поэтому многие выработанные в древности слоговые системы письма довольно скоро погибали. Лишь древнеиндийским филологам удалось создать строго фонетическую систему слогового письма, потомки которой существуют до сих пор, но это было сделано уже на основе огромных достижений в области развития письменности. Буквенное письмо—тоже потомок слогового.

Путь выработки первых графических знаковых систем для передачи речи принадлежит к универсалиям человеческой культуры. Хотя идея словесно-слоговой письменности, зародившись у одного народа, могла сделаться известной его соседу и стимулировать собственное аналогичное изобретение, но несомненно, что словесно-слоговая письменность изобреталась разными группами человечества неоднократно более или менее одинаковым путем. Если эламская иероглифика могла быть изобретена под влиянием шумерской, а различные иероглифические и силлабические системы письма Средиземноморья (а может быть, и Малой Азии) II тысячелетия до н. э., видимо, все восходят к древнейшему письму Крита, то письменности египтян, шумеров, народов протоиндской цивилизации, критян, китайцев, майя и некоторых других народов древней Америки, полинезийцев (о-в Пасхи), вплоть до некоторых народов Африки, Азии и Америки даже XIX — XX вв., видимо, были изобретены у каждого из этих народов независимо.

В настоящем сборнике будут подняты проблемы как оригинальных словесно-слоговых письменностей (протошумерской, протоиндской, критской, письма о-ва Пасхи), так и производных (письмо Фестского диска, линейное крито-микенское письмо

А и Б, этеокипрское, тангутское). Однако многие древние системы письменностей этого типа мы оставляем в стороне: одни — потому, что они уже давно расшифрованы и удовлетворительно читаются (египетская иероглифика и скоропись, собственно шумерская и большинство других видов клинописи, китайская иероглифика), другие — просто потому, что нельзя было расширять объем сборника бесконечно. Так, за пределами книги остались протокитайская и майянская иероглифика, хурритская клинопись (которая легко читается, но почти еще не поддается переводу) и некоторые другие древние системы письма.

В сборник «Тайны древних письмен» включены также статьи, в которых рассказывается и о более поздних типах письма — о буквенном, или алфавитном, а также о его непосредственном предшественнике — квазиалфавитном слоговом письме, знаки которого различались только в зависимости от согласных, входивших в слог, между тем как гласный в слоге мог быть произвольным — знак оставался тем же самым. У истоков этой ветви истории письма стоят, во-первых, протосинайская и протопалестинская полуиероглифические письменные системы II тысячелетия до н. э., о которых известно крайне мало — неизвестно даже число знаков, их составлявших,— и, во-вторых, псевдоиероглифическое силлабическое протобиблское письмо из ранней Финикии — письменная система эгейского типа, то есть содержащая знаки С (согласный)+a, С+i, С+u, причем один из этих типов использовался также в смысле «согласный+нуль гласного». Число знаков протобиблского письма приближалось к ста. Датировка надписей, выполненных протобиблским письмом, вследствие безобразного ведения раскопок в Библе французской экспедицией Монтэ, осталась неизвестной — их датируют от III тысячелетия до н. э. и вплоть до XIV в. до н. э. (Вероятно, ни одна из надписей не старше линейного письма А, а может быть, и линейного Б.)

Предпринимавшиеся до сих пор попытки дешифровать эти три системы письма, по-видимому, нельзя считать успешными.

Дальнейшие слоговые и квазиалфавитные и алфавитные письменности древности можно с точки зрения взаимного сходства форм знаков и их чтений подразделить на пять групп:

1. Угаритская квазиалфавитная клинопись.

2. Западносемитское («финикийское») линейное квазиалфавитное письмо и его ближайшие производные: фригийский и греческий алфавиты. Отсюда же идут почти все известные алфавиты мира: 1) от «финикийского» — восточные письменности: арамейская, еврейская квадратная, арабская, среднеиранские, уйгурская, монгольская и — в сильно переработанном виде, под влиянием греческих филологических воззрений,— иранская авестская, армянская, грузинская и агванская, или кавказско-албанская

(последние четыре являются алфавитами в полном, собственном смысле слова); 2) от греческого — этрусское, латинское, славянское, коптское и другие (также подлинные алфавиты); 3) к финикийскому восходят также древнее ливийское (нумидийское) письмо и современное письмо тифинаг, распространенное у племен Сахары — оба квазиалфавитные (консонантные).

3. Южноаравийские квазиалфавитные письменности и их потомок — эфиопский алфавит (точнее — слоговое письмо).

4. Вероятно, к каким-то разновидностям семитского квазиалфавитного письма восходят древнейшие чисто слоговые письменности Индии — кхароштхи и брахми, предки всех письменностей Индии, Тибета и Юго-Восточной Азии.

5. Алфавиты и квазиалфавиты южной части Малой Азии, распространенные здесь с I тысячелетия до н. э.,— «паралидийский», лидийский, паракарийский, карийский, ликийский, сидетский, возможно, некоторые другие. Ранее все эти алфавиты выводили из греческого, однако наличие в них «консонантных» написаний, без отдельного указания на гласные, и многие специфические формы букв говорят скорее в пользу происхождения всех этих письменностей из какой-то ранней семитской системы письма, достаточно отличной от «финикийской» и имевшей, несмотря на огромное пространство, разделяющее Малую Азию от Южной Аравии, известные точки схождения и с южноаравийской письменностью.

Особую проблему составляет фригийский алфавит (VIII — VI вв. до н. э.). Он применялся во времена существования великой Фригийской державы (с начала VIII до начала VII в. до н. э.) и некоторое время после этого. Этот алфавит содержит те же буквы, что и финикийский, однако (за редчайшими исключениями) с обозначением также всех гласных. До сих пор считалось, что фригийский алфавит был заимствован у греков. Однако сами греки создали свой алфавит, возможно, тоже только в VIII в. до н. э., когда фригийцы подчинили себе ряд греческих городов Малой Азии. Археологи для VIII — VI вв. не отмечают никаких следов греческого влияния на Фригию, но фригийское влияние на Грецию прослеживается хорошо. Все особенности фригийского письма прекрасно объясняются прямым заимствованием письма у финикийцев, с которыми у фригийцев достоверно были контакты в царствование царя Мидаса (конец VIII в. до н. э.).

Сами древние греки считали, что их алфавит заимствован от финикийцев; в пользу этого же говорят общие формы и названия букв. Однако вполне вероятно и фригийское влияние на слагавшуюся греческую алфавитную систему письма. Это влияние могло отразиться и на принципе передачи на письме гласных. Вопрос остается спорным; заметим, что фригийский почти точно совпадает с одной разновидностью греческого

алфавита — так называемой «западной», но существенно отличается от «восточной».

Большинство алфавитных и квазиалфавитных письменностей древнего мира уже расшифровано, и языки, которые ими пользовались, интерпретированы. Ниже пойдет речь лишь о тех случаях, когда либо алфавитное письмо все еще окончательно не расшифровано, либо скрывающийся за ним язык не интерпретирован. (В сборнике учтены работы по дешифровкам, вышедшие в свет до конца 60-х гг., большинство которых подверглось сокращению).

Задача настоящего сборника состояла в том, чтобы показать принципы, методы и трудности работы дешифровщика, поэтому не все нуждающиеся в дешифровке или интерпретации древние письменности представлены в нем. Тем не менее, характер проблем, стоящих перед открывателями тайн древних письмен, их методика, приемы и ошибки достаточно видны и из приводимых примеров; поэтому мы надеемся, что эта книга не только познакомит читателя с увлекательной профессией дешифровщика, но и поможет методически тем, кто еще решает как затронутые ниже, так и аналогичные проблемы.

По техническим причинам типологический принцип расположения материала в сборнике не соблюден, однако редакция надеется, что из этого краткого введения читатель поймет, что статьи, напечатанные в сборнике, можно прочитать и в иной последовательности, то есть сначала можно ознакомиться с протошумерским, протоиндским, тангутским письмом, с письменностью о-ва Пасхи, а также с увлекательными работами о линейном письме Б и о Фестском диске, а затем перейти к изучению семитских, малоазийских, греческих квазиалфавитов и алфавитов (разделы: «Западносемитское письмо», «Паракарийская и паралидийская письменности», «Сидетское письмо», «Лемносские надписи», «Язык этрусков», «Нумидийское письмо», «Агванское письмо»).

И. М. Дьяконов

О МЕТОДАХ ДЕШИФРОВКИ ДРЕВНИХ ТЕКСТОВ

В XIX — XX вв. были дешифрованы многие древние письменности. Каждой из этих дешифровок предшествовали десятки, а подчас и сотни неудачных попыток проникнуть в содержание надписей. Авторы некоторых из этих попыток получали на начальном этапе работы в общем неплохие результаты, однако, переоценив свои возможности и возможности материала, они не останавливались на достигнутом, а, оставив в стороне соображения здравого смысла, вступали в область фантастических измышлений. Другие попытки дешифровок были обречены на неудачу с самого начала. Авторы их, не видя характерных связей между неизвестным и известным, но стремясь их увидеть во что бы то ни стало, пытались сами конструировать эти связи. Достигалось это различными путями. Дешифруемая письменность объявлялась, например, генетически родственной какому-либо известному письму, причем случайное, а иногда и просто несуществующее сходство между обеими письменностями выдавалось за доказательство родства. Подобным же образом сравнивались языки (при этом «дешифровщик» отталкивался либо от реального текста на неизвестном языке, либо — если письменность была неизвестна — от фантастической транскрипции, полученной в результате псевдодешифровки письменности). Естественно, что при таких сравнениях никаких вразумительных чтений получиться не могло. Поэтому «дешифровщики» были вынуждены на каждом шагу «подгонять» свои тексты под тот или иной язык, читая одни знаки вместо других, объясняя плохие чтения либо ошибками писцов, либо «спецификой» дешифруемого языка. Впрочем, такая «подгонка» затрагивала в основном фонетику и морфологию дешифруемого «языка». Что же касается добытого таким путем содержания, то здесь обычно действовали по принципу: «чем нелепее, тем лучше» (считалось, что на неизвестном языке могло быть написано все, что угодно). Бывало и так, что «дешифровщики» не утруждали себя сравнением неизвестного письма или языка с известным письмом или языком. Получая тем или иным способом «чтения» на «новом языке», они наделяли эти чтения каким угодно содержанием.

Иногда думают, что подобные построения трудно опровергнуть. В действительности опровергнуть их довольно легко, ибо

они всегда содержат множество внутренних противоречий; но даже если бы они оказались внутренне непротиворечивыми, в них можно было бы отыскать уязвимые места. Дело в том, что язык человека обладает определенными закономерностями: каждый язык имеет свою особую систему (а не хаотический набор) звуков, гласные и согласные в словах чередуются определенным образом и т. д. «Языки» же, получаемые в результате псевдодешифровок, такими закономерностями не обладают.

Неверно считать, что псевдодешифровщики обычно являются профанами. Нередко в этой роли выступали заслуженные ученые, почтенные эрудиты.

Но одной эрудиции в дешифровке явно недостаточно, точно так же, как недостаточно и интуиции, хотя дешифровка вряд ли может удаться без той и без другой. Глубокой интуицией обладал английский архитектор Майкл Вентрис. Профессор Джон Чэдуик в своей книге «Дешифровка линейного письма Б» шаг за шагом прослеживает тот путь, каким Вентрис шел к своей дешифровке. Мы видим, что Вентрис часто ошибался, но в конце концов находил правильное решение. Вентрис понял, что формальный анализ текста, начатый математиком Алисой Кобер, был единственно верным начальным этапом дешифровки. Исключительная зрительная память Вентриса помогла ему уловить некоторые закономерности структуры текста, а это в конце концов привело его к созданию знаменитой «сетки». Вентрис, как и другие гениальные дешифровщики (такие, как Шампольон или Хинкс), шел непроторенным путем, и прокладывать этот путь ему помогала интуиция. Мы могли бы определить интуицию как способность подсознательно идентифицировать существенные признаки и связи; отсюда следует, что ничего «мистического» в интуиции нет. Действительно, прослеживая теперь ход той или иной дешифровки, мы убеждаемся, что ответы на вопросы, которые ставили перед собой дешифровщики, были заложены в самом материале, надо было лишь суметь из хаоса возможных решений выбрать единственно верные. Ставя вопрос о том, какие же связи могут быть названы существенными, какая структура — характерной, дешифровщик должен иметь в виду следующее.

В письме и в языке действует принцип экономии, что приводит к построению компактных, упорядоченных иерархических цепей и систем. Так, письмо может включать лишь знаки для слогов типа Г (гласный) или СГ (согласный+гласный), либо знаки типа Г, СГ, ГС, СГС («слоговое письмо»), либо только знаки типа С и Г («алфавитное письмо»). Есть и другие виды письма, однако важно подчеркнуть, что набор типов письменных знаков в данной письменности всегда крайне ограничен и строго упорядочен. Этого не мог, например, понять Т. Юнг, увидевший в египетской записи имени Птолемея знаки типа С, Г, СГ, ГС, ГСГ и

даже один ничего не значащий (?!) знак. Это понял, однако, Шампольон, показавший, что в имени Птолемея, как и в ряде других имен, египтяне использовали лишь знаки типа С и Г [1]. Вентрису удалось дешифровать линейное письмо Б только после того, как он установил, что знаки этого письма передают лишь звучания типа Г и СГ.

На протяжении десятилетий исследователи считали карийское письмо «смешанным» — буквенно-слоговым или еще более сложным, и только в 1950 г. Х. Боссерт высказал верное предположение, что карийцы пользовались весьма простой системой письма, а именно системой чисто буквенной, или «алфавитной»[2], то есть включающей лишь два типа знаков — С и Г. Сразу же отметим, что сказанное не означает того, что при дешифровке следует сводить набор типов письменных знаков до минимума. Главное — попытаться выявить ту стройную систему, которая лежит в основе фиксации речи. Так, если до Э. Хинкса ученые, слепо следовавшие методике Гротефенда — Роулинсона (а возможно, и Шампольона, работавшего на совершенно ином материале), находили в ассиро-вавилонском клинописном письме по семь знаков, передававших один и тот же согласный (что было нелепо), то Хинкс доказал, что знаков для согласных в этом письме нет вовсе, а есть знаки типа Г, СГ, ГС и СГС (таким образом, «семь разных знаков» для одного и того же согласного превращались в знаки типа СГ или ГС с различного рода Г).

Отказавшись от упрощенного представления о египетской иероглифике как об идеографическом письме (и здесь немалую роль сыграли соображения статистического порядка), Шампольон пришел к верному выводу о существовании в иероглифике знаков с тремя уровнями значений: идеограмм (словесных знаков), фонетических знаков и определителей, или детерминативов. Таким образом была вскрыта сущность египетского письма, представлявшего собой не хаотический набор идеограмм, а стройную систему знаков различных уровней.

Именно соображения системного порядка, раскрытие закономерностей клинописного текста позволили Хинксу сделать свои

[1] Вскрыв специфику египетского звукового письма, состоящего в том, что «египтяне, по-видимому, игнорировали гласные и очень часто их не писали», Шампольон, однако, чересчур упростил ситуацию, не сумев идентифицировать в египетском письме знаки типа СС (и более сложные). Эти знаки идентифицировал Р. Лепсиус, тем самым точно определивший систему египетского письма. Следует, однако, учесть, что, и ошибаясь, Шампольон не допускал появления внутренних противоречий в своих построениях: последовательности типа C_1C_2—C_2 читались им как C_1—C_2, что было теоретически вполне допустимо (появление «вторых C_2» отражало специфику письма, а не речи).

[2] Боссерт высказал эту мысль в связи с находкой самой большой карийской надписи (кавиской), в которой на 240 письменных знаков приходилось всего 27 разных, что вполне могло бы характеризовать буквенный алфавит средиземноморско-малоазийского типа.

знаменитые наблюдения (кстати, это он обнаружил в клинописи знаки детерминативов), с другой стороны, эти закономерности позволили ему увидеть и определенные усложнения в системе, связанные с тем, что знаки одинакового облика могли употребляться в разных значениях на различных уровнях.

Подтверждением того, что дешифровщик на правильном пути, может быть дальнейшая интерпретация текста на основе полученных ранее данных. Как общее правило нельзя довести дешифровку до конца без находки билингвы (как это было в случае с лувийским иероглифическим письмом) или квазибилингвы (как это было в случае с линейным письмом Б) [3]. Есть в дешифровке определенный барьер: можно определить принципиальный строй и состав письма, даже можно выяснить, какие знаки выражают гласные, какие — согласные, какие — группы согласных и гласных (и какие именно группы), но *прочесть* самые гласные и согласные, определить *звучание* знаков нельзя, если это звучание не подсказано написанием *тех же* слов и особенно *имен собственных* при помощи другого письма.

Итак, интуиция помогает дешифровщику выявить истинную (а не кажущуюся) простоту и стройность, лежащую в основе неизвестного письма и языка, а также системный характер связей между неизвестным письмом и/или языком, с одной стороны, и известным письмом или языком — с другой. Ниже мы покажем, как с помощью машин интуитивное знание может быть переведено в обычное; здесь же отметим, что, подчеркивая доминирующую роль интуиции в дешифровке, мы отнюдь не хотим умалить роли эрудиции. Часто именно из-за нехватки эрудиции дешифровщик не в состоянии довести дешифровку до конца, и его место занимают филологи-интерпретаторы. Однако верно и то, что человек, обладающий хорошей интуицией, в состоянии уловить структуру текста и указать путь дешифровки, тогда как эрудит, не обладающий интуицией, этого сделать не в состоянии.

Возьмем такой простой пример. Редакция одного популярного журнала получила ряд писем, в которых читатели, не имеющие к науке никакого отношения, высказывали свои теории относительно надписи на Фестском диске. Примерно тридцать процентов всех писем содержало весьма интересные соображения, в целом соответствующие соображениям Ипсена, который дал, по мнению специалистов, лучший из существующих до сих пор

[3] История знает случай, когда проверка правильности дешифровки на основе вновь найденного текста была произведена опытным путем: в 1857 г., по предложению Ф. Тальбота, одновременно четыре исследователя (Ф. Тальбот, Г. Роулинсон, Э. Хинкс и Ю. Опперт) произвели независимую интерпретацию дотоле не известного аккадского текста. Результаты у всех ученых в общих чертах совпали, что подтвердило правильность дешифровки клинописи.

анализ надписи на Фестском диске (анализ, разумеется, формальный, без идентификации отдельных письменных знаков и слов). Авторы писем в весьма осторожных выражениях высказывали мысль, что едва ли можно пойти в настоящее время дальше чисто формального анализа Фестского диска. В этом они были солидарны с наиболее авторитетными учеными и нашего времени, и истекших десятилетий. Их анализ, анализ этих любителей дешифровки, оказался более строгим и научным, чем выводы таких ученых-эрудитов, как Шертель и Дэвис! Эти ученые, видимо, обладающие недостаточной интуицией, не прислушиваются к голосу критиков и совершенно уверены в непогрешимости своих построений, сколь бы фантастичными они ни были с точки зрения науки и здравого смысла. Так, в 1967 г. проф. Саймон Дэвис выпустил книгу, содержащую «дешифровку» надписи Фестского диска, критских иероглифических печатей и ряда других, недоступных пока науке надписей [4], несмотря на то, что ее основные положения (высказанные в ранее опубликованных им работах) были подвергнуты суровой критике со стороны ведущих специалистов (ср. замечания М. Поупа, Г. Ноймана, Дж. Чэдуика в их работах, помещенных в настоящем сборнике). Точно так же и проф. Штольтенберг «дешифровал» в свое время чуть ли не все средиземноморские письменности. Не менее унылый след оставили после себя в истории дешифровки А. Менц, Ф. Борк и ряд других исследователей.

Как же работает мысль у тех дешифровщиков, которые добились надежных результатов? Очевидно, на начальном этапе работы они руководствуются соображениями здравого смысла, стремясь исключить те в принципе возможные сопоставления элементов неизвестной письменности с фактами известных письменностей и языков, которые представляются им бездоказательными. Просматривая текст, они подвергают его — сознательно или подсознательно — комбинаторному анализу, выделяя и классифицируя определенные группы сочетаний. Чем больше текст, тем больше дешифровщику приходится произвести «черной», технической работы по такой классификации. Истинный дешифровщик не станет перескакивать через этот мало приятный этап работы, понимая, что в нем — залог его успеха. Существенные особенности идентифицируются им, разумеется, не только интуитивно, подсознательно,— интуиция лишь сберегает его энергию, не позволяя ей растрачиваться на создание совершенно

[4] S. D a v i s, The Decipherment of the Minoan Linear A and the Pictographic Scripts, Johannesburg, 1967. Проф. Дэвис, специально посетивший Грецию, Крит и Кипр в целях дешифровки средиземноморских письменностей, «прочел» по-хеттски шесть письменностей: Фестский диск, минойские печати, линейное письмо А, кипро-минойское письмо, этеокипрские и этеокритские надписи.

бесплодных построений[5]. Вся сознательная работа дешифровщика также направлена на отыскание существенных связей (внутри текста или между текстом и внешней средой). Бывает иногда и так, что дешифровщик допускает в своей работе ошибки, причем часто, допустив промах, он чувствует неудовлетворенность — тут тоже сказывается интуиция. Она же может привести его и к такому выводу: «Это, кажется, так, хотя и не знаю почему». Если в этот момент проанализировать ход его мысли, то окажется, что заложенные в материале данные уже привели его подсознательно к идентификации какой-то закономерности и она вскоре будет осознана им и получит в его рассуждениях дальнейшее обоснование.

Таковы самые общие соображения о методике начальной работы дешифровщика.

Перейдем к описанию некоторых частных методов, используемых в дешифровке.

В специальной работе о методах дешифровки П. Аальто классифицирует различные виды дешифровок следующим образом: дешифровка неизвестного письма, которым записан известный язык; дешифровка неизвестного языка, записанного известным письмом (этот вид работы предпочтительно называть интерпретацией); дешифровка неизвестного письма и языка (неизвестный язык записан неизвестным письмом)[6]. Эту классификацию принимает и И. Фридрих[7]. В зависимости от того, с каким видом дешифровки исследователь имеет дело, он использует, согласно Аальто, те или иные приемы дешифровки; эти приемы кратко перечисляет Фридрих, замечая при этом, что «для раскрытия всякой неизвестной письменности и всякого неизвестного языка необходим хотя бы какой-нибудь опорный момент; из ничего нельзя ничего дешифровать» (стр. 52).Следует, однако, учитывать, что, как правило, дешифровщик не знает, с каким именно видом дешифровки он имеет дело. Неизвестный язык может оказаться известным (как это было в случае с Вентрисом) и т. д. К тому же подразделения языков на известные и неизвестные явно недоста-

[5] Здесь важно помнить, что если много усилий затрачивается на анализ неизвестного текста, то еще больше усилий уходит на то, чтобы отобрать действительно нужные факты из того многообразия фактов, которые дают нам известные письменности и языки, так или иначе связанные с дешифруемым языком (причем вначале приходится отбирать из всех возможных письменностей и языков именно те, которые действительно могут или должны быть связаны с неизвестным языком: этот процесс требует исключительно напряженной работы как сознания, так и подсознания).

[6] P. Aalto, Notes on methods of decipherment of unknown languages.— «Studia Orientalia», XI, 4, Helsingfors, 1945, стр. 3 и сл.

[7] И. Фридрих, Дешифровка забытых письменностей и языков, М., 1961, стр. 52 и сл. Оригинал опубликован в 1954 г.; во втором издании данный раздел остался без изменений: J. Friedrich, Entzifferung verschollener Schriften und Sprachen, Berlin — Heidelberg — New York, стр. 134 и сл.

точно. Важное, хотя и не решающее значение при дешифровке имеет и вопрос о том, находится ли дешифруемый язык в родстве с каким-либо из известных языков или нет (можно выразиться и более осторожно: удается ли установить генетическую принадлежность данного языка или нет). В этом смысле существует разница между дешифровкой хеттского и этрусского языков (для Фридриха обе дешифровки относятся к одному и тому же виду: язык неизвестен, но записан известной нам письменностью). Дешифровка хеттского языка осуществлялась вначале благодаря наличию в тексте уже известных по значению шумерских и аккадских идеограмм, дававших некоторый остов содержания текста; значение остальных слов выявлялось комбинаторно, а результат комбинаторного анализа проверялся благодаря применению этимологического метода (этот язык оказался индоевропейским, то есть родственным древнеиндийскому, греческому, латинскому, русскому, английскому и целому ряду других древних и новых языков, входящих в индоевропейскую семью). Напротив, дешифровка этрусского остановилась на начальном этапе (идеограмм не было; ряд форм был идентифицирован комбинаторным анализом, в частности благодаря привлечению квазидвуязычных текстов; об этих методах см. ниже). Дальнейшие успехи затормозились потому, что налицо билингв не было, а родственные связи этрусского выявить не удалось. Итак, существует, во всяком случае, некоторое различие между дешифровкой неизвестного языка и дешифровкой языка, родственного тем или иным известным языкам. Но было бы ошибочно возлагать слишком большие надежды на этимологический метод: известно, что одни и те же слова претерпевают со временем огромные изменения даже в близко родственных языках, совершенно меняя как свою звуковую форму, так нередко и значение. Между тем, египетский язык был расшифрован, несмотря на то, что не имеет близко родственных языков (кроме коптского, то есть до неузнаваемости измененного позднеегипетского). Между дешифровкой вовсе не известного языка и прочтением известного языка, записанного неизвестным письмом (например, древнегреческого языка Кипра), существует ряд промежуточных звеньев. Они, несомненно, отчасти зависят от степени родственных связей дешифруемого языка с известными. При этом следует принимать в расчет и хронологический момент: если дешифруемый язык отдален от своего хорошо известного потомка большим отрезком времени (много сотен лет), то перед нами скорее дешифровка языка, родственного известному, нежели прочтение известного языка, записанного неизвестным письмом (таков древнеегипетский, совсем уже несхожий со своим потомком коптским, в меньшей мере таков микенский греческий, несколько более похожий на греческий классического периода).

Аналогичные критические замечания могут быть сделаны и относительно разграничения письменности на известную (которую, следовательно, не нужно дешифровать) и неизвестную. И здесь, в качестве промежуточного этапа, следует назвать письменность, родственную какой-либо известной письменности, причем степень этого родства может быть весьма различной. Так, линейное письмо А и линейное письмо Б хотя и родственны кипрскому слоговому письму, однако не настолько, чтобы обеспечить прочтение линейных текстов (неудачи всех дешифровок до Вентриса как раз и объяснялись плохо обоснованными попытками «увязать» крито-микенское линейное и кипрское слоговое письмо); умение читать крито-микенские и кипрские слоговые письмена не дает возможности прочесть критские иероглифические надписи, несмотря на родство всех трех видов письма (в генетическом отношении иероглифическое письмо Крита предшествовало схематическому слоговому письму, в котором исследователи ориентируются сегодня весьма успешно). С другой стороны, фригийские, этрусские надписи удалось прочесть довольно быстро благодаря значительному сходству между фригийским, этрусским и греческим письмом; весьма близки греческому письму родственные ему письменности ликийцев и лидийцев, тем не менее некоторые ликийские и лидийские буквы еще не имеют окончательных чтений; то же можно сказать и о карийском письме, еще меньше похожем на греческое, чем ликийское или лидийское, и т. д. Таким образом, дешифровщикам приходится трудиться и над такими письменностями, которые не могут быть охарактеризованы как неизвестные.

Что касается «опорных моментов» при дешифровке письменностей и языков, то Фридрих относит к ним, в частности, следующие: установление направления письма, выявление словоразделов, идентификация типа письма (буквенное, слоговое и т. п.), возможность идентификации собственных имен, наличие билингв, возможность использования искусственных билингв (вроде надписей на топорах типа «топор такого-то»); наличие идеограмм или детерминативов, уже известных из других письменностей или имеющих характерный рисуночный облик. Фридрих не делает здесь различия между опорными пунктами в н е текста и в н у т р и него, и при этом недооценивает того, как много может дать внутренний анализ текста даже на том этапе, когда все возможные внешние связи пока оставляются в стороне. Так, если Фридрих полагает, что по числу письменных знаков можно определить, с какой письменностью предстоит иметь дело — с буквенной, или слоговой, или же со смешанной словесно-слоговой,— то он допускает здесь определенный методологический просчет. Во-первых, внешнее сравнение тут не всегда вполне надежно, ибо есть, например, буквенные письменности, число букв в кото-

рых больше, чем число слоговых знаков в некоторых слоговых письменностях [8]. Во-вторых, прежде чем определять число разных знаков в данной письменности, необходимо сначала выявить варианты знаков, иначе общий вывод может быть ошибочным. Интересно, что недавно сам Фридрих допустил именно такого рода ошибку при определении вида письма мюнхенской таблички [9]. В этом документе (предположительно малоазийского происхождения) Фридрих насчитал 217 разных знаков. Собственно, Фридрих сознавал, что он в ряде случаев разнес по разным рубрикам графические варианты одного и того же знака, однако систематизации вариантов не произвел и в результате ошибочно представил себе репертуар знаков весьма объемным. Отсюда он сделал неверный вывод о слоговом характере письменности мюнхенской таблички (во всяком случае, мысль о буквенном характере этого письма им исключалась!). Через год П. Мериджи опубликовал свой эпиграфический анализ этой же письменности [10]. Проведя тщательную работу по идентификации вариантов знаков, он насчитал 61 знак, причем отметил, что некоторые предположительно разные знаки на самом деле могут быть вариантами одного и того же знака. Отсюда он сделал вывод, резко отличающийся от вывода Фридриха: по мнению Мериджи, данная письменность «преимущественно алфавитная».

Говоря о выявлении словораздела, Фридрих имеет в виду идентификацию в тексте знаков словоделения (обычно известных из других письменностей): вертикальных черточек, двоеточий, пробелов. Следует, однако, учесть, что сплошной (не разделенный на слова) текст, в котором знаки словоразделов отсутствуют, не так уж трудно разделить на слова, проведя структурно-дистрибутивный анализ (то есть выявив закономерности, присущие речи человека, а следовательно, и тексту). Изнутри же, из самого текста, можно определить, какие части слов являются знаменательными, а какие — формальными морфемами (то есть отделить

---

[8] Так, в алфавите кавказских агван было 52 буквы. Фонетические системы некоторых других кавказских языков еще более богаты. Важно помнить также, что в ряде случаев до нас дошли незначительные по объему письменные памятники, поэтому число знаков в сохранившихся памятниках данной письменности может быть меньшим, чем соответствующий алфавит или силлабарий. В таких случаях уместно применить разработанный А. М. Кондратовым способ количественного определения репертуара знаков по нарастанию новых знаков на каждые 25 (или 15, 10) знаков текста. Интересно сравнить некоторые памятники: так, если в карийской стеле из Кавна на 240 знаков текста приходится 27 различных знаков, то в корпусе агванской эпиграфики (7 кратких надписей) на 160 отчетливых знаков приходится 36 различных знаков.

[9] J. Friedrich, Ein wohl kleinasiatisches Tontäfelchen mit unbekannter Schrift.— «Kadmos», III, 1, 1965, стр. 156 и сл.

[10] P. Meriggi, Zur neuen 'para-karischen' Schrift.— «Kadmos», V, 1, 1966, стр. 61 и сл.

основы от окончаний и т. п.); имена можно отделить от глаголов и провести еще ряд других формальных операций подобного рода (см. подробнее ниже). Изнутри же можно определить и характер письма и отделить в буквенном письме гласные от согласных, в слоговом — знаки типа Г от знаков типа СГ и т. п. Все это — основываясь на внутренних закономерностях текста, не прибегая к «внешним сравнениям».

Именно такой анализ «изнутри» приобретает чрезвычайно важное значение, когда дешифровщик имеет дело с неизвестным языком, когда не удается выявить родственной связи между дешифруемым языком и известными науке языками. Именно такой анализ важен и при дешифровке письменности, не обнаруживающей тесного родства с известными письменностями. Понятно, сколь важен такой анализ и в том случае, если дешифровщик не располагает билингвами. Современная дешифровка немыслима без структурно-дистрибутивного анализа текста; впрочем, фактически его производили уже и первые дешифровщики, такие, как Шампольон или Хинкс. Но об этой стороне работы дешифровщика Фридрих, к сожалению, говорит мало, и больше того, продолжая приведенную выше мысль, он пишет: «Если не за что ухватиться, если опора пока еще не найдена, значит серьезных результатов достичь невозможно — остается лишь простор для беспочвенных фантазий дилетантов». Однако, как мы убедились, для получения первичных результатов вовсе нет необходимости искать опору где-то вне текста. Только на последнем этапе работы без внешней опоры, о которой говорил Фридрих, пока ни один преуспевающий дешифровщик не смог обойтись.

Итак, мы можем наметить два типа опорных пунктов для дешифровки: опорные пункты, которые дает нам текст, и опорные пункты, лежащие вне текста (в первую очередь, по Фридриху, в билингвах). Следовательно, мы можем говорить о двух различных этапах дешифровки: 1) дешифровка «изнутри», то есть исключительно на основе выявления закономерностей текста, и 2) дешифровка «извне», с помощью билингв, квазибилингв (оба текста — на известном и неизвестном языке — совпадают не полностью, а лишь по общему содержанию), искусственных билингв и, с осторожностью, с помощью этимологического метода. Конечно, в практической работе дешифровщика эти два этапа не разделены так резко, и использование различного типа опорных пунктов нередко переплетается.

Как уже отмечалось, прежде чем приступать к дешифровке, исследователь должен провести эпиграфический анализ текста. Так, прежде чем киданьские тексты подверглись машинной обработке (что позволило выявить грамматику и генетические связи языка), пришлось провести кропотливую подготовительную работу по составлению каталога знаков, идентификации вариан-

тов знаков, разбору полустертых строк [11]. Чрезвычайно тонкий эпиграфический анализ крито-микенских силлабем выполнил американский исследователь Э. Беннетт, что сыграло важную роль в интерпретации текстов (см. об этом в публикуемой в наст. сб. книге Чэдуика). Интересно, что при идентификации вариантов некоторые знаки оказываются вариантами одного и того же знака, при весьма различном графическом облике; с другой стороны, некоторые внешне похожие знаки оказываются вариантами одного и того же знака, а не разными знаками (именно с такого рода парадоксами столкнулся Беннетт). Для того чтобы идентифицировать (отождествить) варианты, необходимо не только тщательно сверить копии с оригиналом (или, во всяком случае, располагать такими тщательно сверенными копиями), но и провести определенную часть структурно-дистрибутивного анализа текста (вообще нужно иметь в виду, что далеко не всегда дешифровка идет в соответствии с определенной схемой: иногда несколько анализов выполняются параллельно, один этап дешифровки может опережать другой и т. д.).

В карийских надписях, например, имелись две разные буквы — *N* (=S) и И (=N). Первая буква встречалась редко (1% от общего числа букв), вторая — часто (6% от общего числа букв), и при этом обе — в разных комбинациях с другими знаками. Но вот в надписи из Кавна встретилась как будто именно первая буква, а второй вообще не было. Однако такой вывод оказался неверным. На самом деле в кавнской надписи присутствовала буква **N**, передававшая тот же звук, что и И (=N) из других надписей. Это доказывается, в общем, простым способом. Во-первых, частотность буквы **N** в кавнской надписи составляла 6% (т. е. эта буква обладала той же частотностью, что и И=N других надписей). Во-вторых, буква **N** встречалась в соответствующих словах (последовательностях букв) на месте И=N других надписей. В-третьих, редкая буква **N** встречалась, как выяснилось, лишь в древних текстах: отсюда понятно отсутствие ее соответствия в относительно поздней кавнской надписи. Как видим, совершенно идентичные по форме знаки в разных надписях могут быть разными буквами.

Приведенный пример показывает, сколь важно при эпиграфическом анализе различать разные группы надписей: такие группы могут соответствовать разным локальным алфавитам (один и тот же звук может передаваться в разных местностях разными буквами; одна и та же буква может соответствовать разным звукам). Разные локальные алфавиты могут отражать разные

---

[11] См. об этой работе: В. С. Стариков, В. М. Наделяев, Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма (в сб. того же названия, М., 1964, стр. 5 и сл.).

диалектные особенности языка или особенности, связанные с эволюцией языка (если один алфавит значительно старше другого).

При эпиграфическом анализе можно на основе сравнения повторяющихся отрезков текста (а в древних текстах такие повторения часты) восстановить стершиеся буквы, слова, фразы.

Ни один серьезный дешифровщик не станет делать попыток прочесть неизвестный текст, прежде чем он не проделает самый тщательный эпиграфический анализ.

После того как выявлены варианты знаков, идентифицирован репертуар знаков, выявлены локальные алфавиты (если таковые имеются), установлена относительная хронология надписей, исследователь переходит к основному этапу дешифровки — анализу плана выражения (звуковой стороны текста) и анализу плана содержания (смысловой стороны текста).

Если текст записан известным письмом, исследователь сразу же переходит к анализу плана содержания. Если же текст записан письмом неизвестным, то при идентификации знаков письма могут быть применены различные методы.

В том случае, когда подавляющее большинство знаков неизвестного письма совпадает по своей форме со знаками известного письма, может быть испробован метод отождествления знаков дешифруемого письма со знаками известного письма [12]. Это метод, аналогичный методу этимологическому, применяемому к самому языку текста. Оставшуюся неидентифицированной часть знаков можно попытаться отождествить на основе комбинаторной методики (например, неизвестный знак может быть графическим вариантом известного знака или он может передавать звучание, близкое тому, которое передается известным знаком; неизвестный знак может быть ошибочно употреблен писцом вместо иного знака, сходного с первым по звучанию, и т. д. Во всех этих случаях, однако, необходимы доказательства, подтверждающие трактовку двух данных знаков как графических вариантов или как разных знаков, передающих близкие звуки).

«Этимологический» метод определения письменных знаков был применен, например, А. Фюрюмарком, прочитавшим тексты линейного письма А после того, как Вентрис дешифровал линейное письмо Б, несомненно родственное линейному А (родство этих двух видов линейного письма было установлено еще Эван-

---

[12] Подчеркиваем, что речь идет о случае совпадения письменных систем при расхождении лишь их деталей. Совпадение форм отдельных знаков вне системы, особенно простых знаков геометрического характера или схематических изображений человечков, рыб и т. п., не доказывает ровно ничего, как ничего не доказывают и случайные сходства звучания отдельных слов в разных языках. В этой связи совершенно бездоказательными следует признать те немногие совпадения в форме знаков, которые существуют между письмом долины Инда и письмом о-ва Пасхи (ср. также ниже о факторе времени).

сом; на то, что мы имеем дело с тесным, а не отдаленным родством, указывает абсолютное совпадение форм подавляющего большинства знаков, а также ряд полностью или частично совпадающих сочетаний знаков в обоих видах письма — очевидно, местных названий и имен собственных). В разделах сборника, посвященных линейному письму, подробно говорится о соотношении между линейным А и линейным Б (происходящим от критского иероглифического письма).

«Этимологический» метод был успешно применен для прочтения ряда клинописных текстов. Этот метод часто применяется и для идентификации буквенных алфавитов, родственных, например, греческим алфавитам. При таком использовании «этимологического» метода необходима особая осторожность: ведь число возможных геометрических фигур ограничено, к тому же в разных алфавитах сходные или даже идентичные по форме знаки могут передавать разные звуки (ср. лат. и русск. В, С, Н, Р, Х и др.), тогда как одни и те же звуки могут передаваться разными знаками (ср. звук [b], передающийся в латинском алфавите посредством B, а в русском — посредством *Б*, звук [n]=лат. N и русск. *Н*, звук [r]=лат. R и русск. *Р*, [g]=лат. G и русск. *Г* и т. п.). Если все-таки налицо явное сходство дешифруемого письма с известным, например с греческим, то необходимо при дешифровке учитывать следующее. Данное письмо, очевидно, возникло из греческого (возможно, хотя и менее вероятно, обратное предположение — греческое письмо возникло из дешифруемого письма, однако для целей дешифровки это не имеет принципиального значения: важно существование особенно тесного родства между обоими видами письма). Следует найти тот алфавит среди многочисленных греческих алфавитов, который наиболее близок данному письму: из него или из другого, очень сходного с ним алфавита, очевидно, и возникло данное письмо (таким образом исключается возможность произвольных сближений интерпретируемых букв с элементами самых разных греческих алфавитов, особенно если они значительно отдалены друг от друга в географическом отношении). Очевидно, оба вида письма (дешифруемое и обнаруженный эталон) следует отнести приблизительно к одной и той же эпохе (таким образом исключается произвольное сравнение знаков неизвестного письма с буквами разных греческих алфавитов, значительно отдаленных друг от друга во времени, особенно с более поздними алфавитами). Знаки данного письма необходимо сравнивать именно со стандартными буквами греческого алфавита, а не с различными вариантами букв, подчас изобретенных специально автором той или иной надписи. При сравнении следует учитывать частотность букв и звуков (так, в подавляющем большинстве языков n употребляется чаще, чем m, и т. п.). Несоблюдение этих и целого ряда

других условий может привести дешифровщика к грубейшим ошибкам.

«Этимологический» метод широко используется при идентификации элементов плана содержания. Характерный пример такой идентификации — дешифровка Вентрисом линейного письма Б: после того как удалось дать транскрипцию этого письма, оказалось возможным прочесть полученные тексты по-гречески. На основе использования этимологического метода Грозный интерпретировал хеттский язык (читать хеттское письмо, записанное клинописными знаками, умели и до Грозного), который оказался индоевропейским. Ряд письменностей семитохамитской семьи был дешифрован на основе применения этимологического метода. Впрочем, следует оговорить, что этимологическое сближение, будь то внешних форм знаков, будь то уже прочитанных слов языка с уже ранее известным письмом или языком, само по себе не дает права считать текст дешифрованным и интерпретированным, если нет поддержки со стороны комбинаторного внутреннего анализа текста. Тот же Грозный допустил серьезнейшие ошибки, перенося в хеттские тексты значения сходно звучащих слов из других индоевропейских языков. Так, в латинском корень da- значит «давать», а в хеттском — «брать»; в древнееврейском mālak̲ значит «царствовал», а в родственном ему аккадском malāku значит «советовать» и т. д.

При использовании этимологического метода важно соблюдать некоторые специальные правила. Так, если данному слову дешифруемого языка соответствует несколько отличная форма слова известного языка, то необходимо это отличие обосновать. Это отличие может быть фонетическим — и тогда оно проявляется как закон, поскольку и в других словах должны наблюдаться те же различия (например, звуку A дешифруемого языка соответствует звук A_1 известного языка). Если такой закономерности установить нельзя, то это значит, что, скорее всего, дешифровщик встал на ложный путь. При дешифровке языка, представляющего более древнюю стадию известного языка, должно учитываться все то, что уже достигнуто сравнительным анализом данной группы языков. Так, при дешифровке линейного Б в архаическом греческом языке табличек оказались действительно зафиксированными те формы — фонетические и грамматические, — которые были задолго до того реконструированы в работах языковедов для предыстории классического греческого языка; с другой стороны, дешифровка крито-микенских текстов внесла в эти реконструкции некоторые, в общем незначительные, коррективы; гораздо более значительные исправления в реконструкцию праиндоевропейского языка были внесены после дешифровки хеттского, однако и здесь наиболее важные из достижений прежней компаративистики подтвердились блестящим образом — доста-

точно назвать обнаружение в хеттском так называемых ларингальных звуков, существование которых в индоевропейском языке предположил Ф. де Соссюр за много лет до Грозного.

Этимологический метод, таким образом, безусловно, требует большой осторожности и проверки внутренним комбинаторным анализом, однако отвергать его не следует. Предубеждение против этимологического метода часто возникает потому, что многие дилетанты абсолютизируют его возможности, не подвергают свои первичные наблюдения над поверхностными сходствами надлежащей проверке, а иногда пытаются связать дешифруемые языки с теми из известных языков, которые в действительности относятся к совсем иной языковой семье. Известен печальный опыт кенигсбергской школы лингвистов, на годы затормозившей интерпретацию ликийского, лидийского и других языков своими попытками «увязать» эти языки с кавказскими. Реакция на эти неудачные попытки ощущается и до сих пор: хотя в настоящее время возможности комбинаторного метода в интерпретации этих языков почти исчерпаны и установлено тесное родство этих языков с хеттским и лувийским, некоторые исследователи продолжают с подозрением относиться к использованию этимологического метода в интерпретации ликийских и лидийских текстов. Однако именно сравнение этих текстов с хеттскими и лувийскими на основе этимологического метода (конечно, с учетом достижений комбинаторного метода) позволяет значительно продвинуть вперед изучение лидийского и ликийского языков.

Многие дешифровки прошлого были произведены при помощи билингв или трилингв, а также квазибилингв или искусственных билингв. Благодаря наличию двуязычных параллельных текстов (один текст — на неизвестном языке, другой — на известном) были дешифрованы египетская, ликийская, лидийская и другие письменности. При дешифровке с помощью билингвы обычно используется также и комбинаторная методика, причем билингвистическим анализом пользуются лишь на начальном этапе дешифровки, а затем применяется только комбинаторный метод. При билингвистическом и сходных методах исследования отправным пунктом является идентификация собственных имен. Так, отправным пунктом дешифровки египетского письма явилась идентификация имени Птолемея на Розеттском камне (соответствующее имя читалось и в греческой версии надписи). Шампольон показал, что картуши в египетских текстах указывали не на фонетическую запись слов, а на то, что в них заключены имена царей. В одном из картушей Шампольон прочел имя Alksntrs ('Αλέξανδρος), определив ранее неизвестные знаки k, s, n. Здесь перед нами — использование метода билингвы (зная, что в греческой версии имеется имя Птолемея, отыскиваем его в египетской версии), искусственной билингвы (слово в картуше пред-

ставляет имя царя; имена царей известны из истории), а также комбинаторного метода (определение неизвестных элементов — в данном случае консонантных знаков — по известному окружению; сюда же относится открытие Шампольоном принципа записи в египетских текстах собственных имен: «преимущественно согласные буквы»).

Сравнивая первую строку известного текста, содержащую стандартную формулу (например: «Дано в таком-то месяце такого-то года, в царствование такого-то царя» и т. п., или: «Эту стелу воздвиг такой-то», или: «Здесь покоится такой-то, сын такого-то» и т. д.), с первой строкой неизвестного текста, мы можем с помощью метода билингвы выявить не только имена, но и отдельные нарицательные слова («апеллативы»): из существительных: «год», «месяц», «стела», «сын» и др.; из глаголов: «воздвиг», «покоится» и т. п. Естественно, что одновременно выявляются и некоторые элементы грамматического строя — окончания падежей и глагольных форм и др. Когда возможности билингвы исчерпаны, в силу вступает комбинаторный метод, а если родство неизвестного языка установлено, то и этимологический.

Следует подчеркнуть, что в принципе метод билингвы мало чем отличается от метода искусственной билингвы. В начале прошлого века методом искусственной билингвы воспользовался Гротефенд, заложивший основы дешифровки персидской клинописи. Он исходил из того, что персидская надпись должна начинаться с определенной традиционной формулы (в пользу этого говорили исторические сведения). Этот вывод подтверждался и структурой надписи. В формуле упоминались имена царей. При идентификации имен царей Гротефенд, как и позднее Шампольон, опирался на ограниченный список царских имен. Метод искусственной билингвы применял и Вентрис, опиравшийся в подтверждение своих интерпретаций на рисуночный характер соответствующих идеограмм или отождествлявший слово pa-i-to на фестских табличках с названием города Фест (Phaistos), а слово ko-no-so на кносских табличках с названием города Кносс (Knossos). Использование различных методов не следует ставить в вину дешифровщику: это не эклектизм, а проверка одного метода другим. В самом деле, дешифровщик вынужден многократно проверять верность своей дешифровки самыми различными способами, и чем больше таких способов, тем лучше.

Как мы видели, методы обычной и искусственной билингвы могут быть применены как при определении чтения знаков, так и при идентификации значений отдельных слов. Интересно воспользовался методом искусственной билингвы П. Мериджи при интерпретации протоиндийских текстов (см. его статью).

Квазибилингва дает в руки дешифровщику орудие гораздо менее сильное, чем точная билингва. При квазибилингве один

текст является не переводом, а лишь пересказом другого, отсюда расплывчатость критериев в идентификации отдельных слов неизвестного текста (ср. недавнюю находку этрусско-финикийской квазибилингвы на золотых пластинах: о различных точках зрения на содержание их этрусского текста говорится в предисловии А. И. Харсекина к разделу «Об этрусском языке» — см. наст. сб.).

До сих пор мы говорили о методах, которыми пользуются в тех случаях, когда ключ к дешифровке неизвестного текста дают внешние данные (родственные письменности и языки, параллельные тексты, списки собственных имен и т. п.). Рассмотрим теперь методы, применяемые в тех случаях, когда, по словам Фридриха, дешифровщику «не за что ухватиться».

Благодаря целому ряду ограничений, наложенных на язык и речь человека, возможно выявление многих элементов структуры языка и речи (а также структуры письма) даже на материале очень небольших по объему текстов. Другое дело, что ограниченный материал дешифруемого текста не позволяет довести дешифровку до конца — для этого, действительно, нужны «внешние данные»,— однако начало дешифровки может быть положено без обращения к ним. В идеале всякую дешифровку следовало бы начинать «изнутри» и доводить ее до того этапа, когда обращение к «внешним» данным становится неизбежным. Использование же всевозможных внешних данных путем применения перечисленных выше методов явилось бы не только продолжением, но и проверкой дешифровки.

Исследуя текст изнутри, дешифровщик вскрывает особенности его структуры, распределение отдельных элементов текста, представляющих те или иные классы (классы письменных знаков, морфем, слов и др.). Мы можем охарактеризовать методику, применяемую в этом случае дешифровщиками, как структурно-дистрибутивную. Блестящим примером применения такой методики являются работы Ипсена (вернее, Ипсена и Порцига, 1929; статья Ипсена опубликована в настоящем сборнике в разделе о Фестском диске) и Вентриса (см. книгу Чэдуика). Эти работы не использованы Фридрихом в его методическом разделе, причем статья Ипсена в книге Фридриха вообще не упоминается (хотя в 1-е издание книги Фридриха раздел о Фестском диске включен, но имени Ипсена читатель в нем не найдет; во 2-м издании этот раздел снят).

Структурно-дистрибутивные методы используются как при анализе плана выражения, так и при анализе плана содержания. Анализируя план выражения, исследователь должен выявить определенные классы письменных знаков на основе их распределения в тексте. Так, Вентрис отделил знаки для гласных (Г) от знаков для согласных с последующим гласным (СГ) бла-

годаря тому, что знаки типа Г встречались, как правило, в начале слов (внутри слов гласные входили в состав знаков типа СГ). (Интересно, что Ипсен еще не смог применить этот метод к Фестскому диску.)

Советский исследователь Б. В. Сухотин разработал алгоритмы, на основании которых гласные могут быть отделены от согласных в буквенном тексте на любом языке. Сухотин проверяет свои алгоритмы на электронно-вычислительных машинах [13], но возможно идентифицировать классы гласных и согласных в буквенном письме также и «вручную». Методика эта основана на определенном свойстве человеческой речи: в ней гласные и согласные распределяются весьма равномерно (причем в языках, допускающих значительные скопления согласных, редки скопления гласных, в языках же, допускающих значительные скопления гласных, скопления согласных либо редки, либо невозможны). Естественно, что в группах из трех букв со срединным гласным в языках первого типа слева и справа будут находиться, как правило, согласные, в языках второго типа слева и справа от согласного будут стоять гласные. К тому же существует немало языков, в которых слова вообще строятся в соответствии со строгой структурой СГСГ, СГСГСГ и т. п. (ср. японский, яванский, из древних — пали и др.). Понятно, что, учитывая эти особенности человеческой речи, нетрудно гласные буквы отделить от согласных (при идентификации отдельных классов можно иметь в виду следующее: в системе — не в цепи! — гласных всегда меньше, чем согласных). Можно выделить и подклассы букв, передающих сонанты, спиранты и смычные, а также подклассы палатальных и непалатальных — среди согласных; гласные переднего и заднего ряда или гласные i и u в противоположность остальным гласным; все это, разумеется, на основе закономерностей относительной дистрибуции букв в тексте (в конечном итоге обусловленной звуковыми особенностями речи).

Основу структурной дистрибутивной методики исследования плана содержания заложил Ипсен в своем анализе надписи на Фестском диске. Суть этой методики состоит в том, что в тексте можно отделить именные и глагольные флексии от основ соответствующих слов. Сделать это нетрудно: флексии встречаются часто, причем с данной группой основ сочетаются флексии данного типа (что и позволяет противопоставить имена глаголам). Идя дальше, можно выделить аффиксы (они не столь подвижны, как флексии, тем не менее основы с аффиксами от корневых основ отделить можно).

---

[13] См. его работы в сб. «Проблемы структурной лингвистики» (М., 1962 и 1963).

Структурно-дистрибутивная методика была разработана Ю. В. Кнорозовым в его работе по дешифровке письма древних майя. Эта методика используется у нас, в США, в Австрии и в других странах для дешифровки различных письменностей (особенно интересны результаты советских исследований в области протоиндийских надписей: по предварительным данным, благодаря выявлению структуры текстов, удалось установить тип языка: он, очевидно, относился к дравидским). В плане «общей дешифровки» (анализ языка методами дешифровки изнутри) ряд алгоритмов исследования плана содержания разработан Сухотиным (алгоритм выделения морфем, распознавания слов в предложении и др. Заметим, что сплошное написание, в общем, не препятствует идентификации слов и морфем: как показал Кондратов, ошибка в среднем бывает в одном случае из четырех).

Структурно-дистрибутивная методика может быть применена и для идентификации значений (на основании анализа сочетаемости возможно выявление определенных семантических групп слов и т. д.), однако в этой интереснейшей области исследования только начинаются.

В области дешифровки весьма желательно сотрудничество лингвистов и математиков: необходима разработка критериев правильности дешифровки (именно отсутствие таких критериев позволяет скептикам публично подвергать сомнению такие несомненные дешифровки, как дешифровка Вентриса,— см. кн. Чэдуика).

Читателям, которые хотели бы «проверить себя» в дешифровке, можно порекомендовать лингвистические задачи типа тех, которые даются в статье Зализняка в сб. «Структурно-типологические исследования», М., 1961.

Почти все вышеизложенное касается по преимуществу «фонетических» видов письма — алфавитных и «слоговых»; идеографические письменности ставят перед исследователем задачи особого рода. В этой области большой опыт имеют ученые, изучавшие клинопись и египетское письмо. Ряд важных теоретических наблюдений сделан советским исследователем А. А. Вайманом*.

И. М. Дьяконов

* В настоящей статье широко использовались материалы авторов вступительных статей и комментариев к этой книге.— *Прим. ред.*

НАДПИСЬ НА ДИСКЕ ИЗ ФЕСТА

Уже 65 лет предпринимаются попытки дешифровки надписи на так называемом Фестском диске. Однако мы вынуждены отметить, что в настоящее время произвести полную или хотя бы частичную транскрипцию надписи не представляется возможным. Основным исследованием, построенным на строгом комбинаторном методе, является статья Г. Ипсена, опубликованная в 1929 г. (теперь к ней примыкают статьи Г. Ноймана, Э. Грумаха, В. Нама). Хотя при ознакомлении с исследованиями, посвященными Фестскому диску, мы не встречаем ни одного пункта, который вызвал бы согласие всех специалистов, статья Ипсена все-таки может рассматриваться в качестве достаточно надежной базы для дальнейших исследований. Вот некоторые исходные предпосылки Ипсена и его последователей: направление чтения надписей справа налево, то есть от края к центру (доказательства этому приводились неоднократно; последняя по времени попытка утвердить противоположную точку зрения, принадлежащая Э. Грумаху, не может быть признана достаточно убедительной); характер письменности — слоговой; группы знаков, ограниченные радиальными линиями, являются словами.

В настоящем сборнике составители решили поместить две статьи зарубежных исследователей. Поскольку работа Ипсена представляет собой в значительной мере исключение из общей массы работ по фестской проблеме, отличаясь безупречной, иногда даже чрезмерной строгостью, она вносит действительный вклад в изучение этого необычного, во всех отношениях загадочного памятника. Вторая статья написана Г. Нойманом специально для нашего сборника и касается современного состояния изучения этого памятника.

Трудно надеяться, что ближайшие годы принесут нам разгадку этой тайны, но, как нам кажется, благодаря общему прогрессу средиземноморской лингвистики и археологии мы в конце концов добьемся успеха.

А. Ф. Деянов

Г. Ипсен

ФЕСТСКИЙ ДИСК (ОПЫТ ДЕШИФРОВКИ) *

Диск был скопирован и опубликован в 1909 г. Л. Пернье в журнале «Ausonia» (№ 3, стр. 255 и сл.). С тех пор он часто служил предметом более или менее подробного обсуждения.

Со времен Пернье существует единодушное мнение, что надпись читается от края к центру. Все остальные проблемы, связанные с диском, остаются спорными.

Данная работа строится на рассмотрении диска как такового. Поэтому неизбежно приходится в какой-то мере повторять уже известное и общепризнанное. Однако мне кажется, что по этому пути можно продвинуться вперед дальше, чем удавалось до сих пор. Неизвестно, появится ли когда-нибудь возможность прочесть надпись диска, который пока остается немым. Но все же представляется немаловажным показать, чего можно достичь даже и без прочтения надписи, если строго следовать логике дешифровки. Не исключено, что эта попытка представляет интерес также и с методической точки зрения.

Статья основана на работе, проделанной совместно с Порцигом летом 1924 г. Многие результаты были тогда уже получены или предполагались; Порцигу принадлежит в этом исследовании такая же роль, как и мне самому.

I.

Памятник представляет собой плоский диск из обожженной глины размером с ладонь. Уже из этого видно, что он является изделием человеческих рук. Найден он в числе других остатков утвари среди обломков Фестского дворца. Место, где он был найден, и окружающие предметы указывают на то, что он относится примерно к XVII в. до н. э, то есть к началу Второго Великого Дворцового периода эгейской культуры.

Обстоятельства находки позволяют высказать предположения о возрасте диска и о том, что он был либо создан на Крите, либо завезен на Крит в минойскую эпоху. Но ни место, ни время

---

* Gunther Ipsen, Der Diskus von Phaistos. Ein Versuch zur Entzifferung.— «Indogermanische Forschungen», Band XLVII, Heft 1, 1929, стр. 1—41. Статья печатается с небольшими сокращениями.— *Прим. ред.*

создания диска не определяются таким образом с абсолютной уверенностью, так как диск мог быть прислан, завезен или скопирован. Аналогичные находки, которые позволили бы это определить, отсутствуют.

Обе плоские поверхности диска покрыты различного рода бороздами: по обеим сторонам проходит глубокая спиральная борозда, делающая четыре витка; получившиеся в результате спиральные полосы на внешнем конце замыкаются поперечными черточками, пересекаемыми четырьмя или пятью кружками; ограниченная таким образом полоса подразделяется неравномерно распределенными простыми поперечными черточками на поля различной величины; эти поля заполнены разнообразными рисунками [см. рис. диска на стр. 34].

Четко оттиснутые линии внешнего силуэта, кое-где зарисованного и внутри, складываются в отчетливые и определенные изображения. Большинство рисунков интерпретируется легко и бесспорно: мы узнаем, например, кипарис, кустарник, ветвь, колос, лилию, крокус (шафран), какую-то розетку (круглый орнамент, напоминающий цветок); мы видим на диске и изображения животного мира, например гусеницу (?), пчелу, дельфина, голубя, летящего сокола, держащего в когтях маленький двойной щит, головы льва и газели, снятую шкуру, коровью ногу, две кости предплечья, козий рог; мы видим бегущего человека, пленника со скованными за спиной руками, женщину в набедренной повязке с обнаженной грудью, ребенка, голову мужчины с татуированными щеками и другую — в уборе из перьев; мы можем рассмотреть и оружие, например шлем, круглый щит, двойную секиру и натянутый лук, а также дом, колонну, корабль, коромысло, угломер, отвес, треугольник и т. п.; кроме того, мы замечаем несколько рисунков, смысл которых вызывает сомнение или не поддается разгадке. Однако в том, что они, так же как и остальные, нечто изображают, сомнения нет.

Все это — мир, окружавший человека: люди, оружие, предметы домашнего обихода и орудия труда; и это мир южный, с характерными для него растениями и животными. Некоторые рисунки дают и более определенные свидетельства: мы узнаем головной убор из перьев, какой носили филистимляне и родственные им «народы моря», которые через несколько столетий соприкоснулись с египтянами; мы видим на рисунках также критский женский костюм, определенно эгейский тип корабля, ритоны в виде звериных голов (которые так ценили египтяне, называя «дарами Кефти» [то есть Крита.— *Ред.*]), орнамент в форме розетки. Наряду с этими отдельными соответствиями в содержании существуют также соответствия в стиле с критской росписью стен и ваз и с критскими миниатюрами на печатях и фаянсе: дерево, куст, лилия, крокус (шафран), колонна нарисованы

именно таким образом, как рисовали на Крите. Итак, детальное рассмотрение рисунков удостоверяет *эгейское происхождение* диска.

Независимо от того, возник ли он на Крите или где-нибудь по соседству, он представляет эгейский мир, где священными

Диск из Феста
(Из книги Йенсена «Письмо»).

животными считались корова, коза, дельфин и голубь, где любимыми цветами были лилия и крокус (шафран), для эгейского мира был характерен и спиральный орнамент, характерна и смелость выдумки.

II.

Однако несмотря на то, что рисунки отчетливо и конкретно изображают предметы окружающего мира, совершенно ясно, что их назначение не в этом. Их нельзя считать ни отдельными независимыми картинками (потому что они определенным образом упорядочены), ни единой картиной, состоящей из отдельных элементов (ибо их расположение нигде не обнаруживает образной связи). Впрочем, они действительно отражают некую закреп-

ленную в них картину исчезнувшего мира, но опосредствованно. Совершенно ясно, что они означают не то, что на них непосредственно изображено, они являются знаками, условно обозначающими предметы реального мира, другими словами — *письменными знаками*.

Но тогда, может быть, эти рисунки и следует «читать» непосредственно как рисуночное письмо? Это значит, что их последовательность в целом или в группах рисунков изображает непрерывный комплекс — событие или явление, разлагая его на отдельные моменты, закрепленные в рисунках. При чтении разнообразие рисунков снова сливается в непрерывный поток. Но таких последовательностей, изображающих непрерывный комплекс, не удается получить даже и для большинства отдельных полей, не говоря уже о целых полосах.

Итак, значение рисунков дважды опосредствовано: рисунки являются *знаками для звуков*, то есть настоящей письменностью. Только на этом, втором уровне они выражают смысловую связь, которая, однако, не имеет отношения к прямому значению отдельных изображений. Можно привести и еще одно, более наглядное доказательство того, что речь идет об ограниченном числе четко определенных письменных знаков (а не о рисунках или рисуночном письме): изображения не нацарапаны на мягкой глине и не нарисованы, а оттиснуты при помощи штемпелей, и на этих штемпелях часто как бы сокращены — понятно, что штемпеля с изображениями, упрощенными в знаки, изготовлялись для частого пользования. Предметный мир, память о котором сохраняют знаки, не воспроизводится во всей его полноте, а сводится к ограниченному числу постоянных элементов; повторяя и поразному располагая эти элементы относительно друг друга, можно, однако, передать индивидуальное многообразие мира. Таким образом, знаки не должны воспроизводить единичное вместе с присущей ему структурой; наоборот, они заменяют непосредственное воспроизведение этой структуры переводом ее в особые, присущие им самим формы, то есть превращаются в письменность.

Если диск является настоящим памятником письменности, то он должен быть доступным для чтения в полном смысле этого слова, то есть переводимым в текст, который следует в определенном направлении. Временна́я последовательность высказывания явно выражена в протяженной спиральной полосе, содержащей только один ряд знаков. Но в каком направлении следует читать надпись? Ответ вытекает из следующих наблюдений: спиральная линия, которая оформляет упорядоченность знаков в целом, идет от краев к центру (потому что к центру сглаживается угол, который получается при переходе от одного оборота к другому); к центру и полоса, и поля, и знаки сжимаются в простран-

стве (места для окончания надписи оставалось мало, и поэтому приходилось теснить знаки, а это говорит о том, что конец надписи — внутри); большинство рисунков обращено верхней частью к центру (так что каждый знак принимает участие в общем движении от краев к центру); а рисунки в большинстве случаев направлены навстречу чтению. Таким образом выражается на письме одна из основных ситуаций реального мира — встреча; это общий закон для всех письменностей, имеющих хоть в отдаленной степени изобразительный характер; только вавилоняне и греки, понимавшие письмо в основном как высказывание, исходящее от субъекта, а не как отрезок внешней среды, выраженный в условной форме, в более поздние времена повернули знаки (или, вернее, направление письма) в другую сторону.

Направление чтения от краев к центру имеет место на обеих сторонах. Следовательно, эти стороны самостоятельны по отношению друг к другу, и связь между ними пока не обнаружена; в дальнейшем мы будем, как обычно принято, называть их произвольно лицевой стороной (А) и оборотной стороной (Б). Обе стороны целиком исписаны (таким образом, диск сделан специально по размеру, соответствующему тексту): на стороне А — 123 или 124 знака в 31 поле (А I — XXXI); на стороне Б — 119 знаков в 30 полях (Б I — XXX).

Если каждая из полос может быть прочитана от краев к центру, если к тому же последовательность знаков упорядочена не как образная, а как языковая, возникает вопрос, каким языковым образованиям соответствуют различаемые группы — полоса, поле, знак. Прежде всего мы видим иерархическую систему, восходящую от самых мелких единиц (знаков) к группам из 2—7 таких единиц (полям), которые в количестве 31 или 30 уже без каких бы то ни было промежуточных ступеней заполняют полосу. Очевидно, эта иерархия — непосредственная языковая упорядоченность, которая примерно может быть представлена переходом от звука через слог к слову, предложению или другим, более сложным частям высказывания. Вся полоса, без сомнения, соответствует высказыванию, которое может состоять из одного или нескольких предложений. Однако какая же языковая единица включена в поле? И чему соответствует знак?

Возможность, что поля обозначают метрические единицы, исключается, потому что поля неодинакового размера и как таковые чередуются бессистемно; метрические же единицы, по определению, всегда упорядочены согласно тем или иным правилам.

Таким образом, полю и знаку соответствуют либо предложение и слово (эта гипотеза могла бы опираться на изобразительный характер знаков), либо слово и слог, либо слово и звук. Нет необходимости говорить, что в любом случае (скажем, при слого-

вом письме) отдельные единицы могут строиться по иному принципу, и, следовательно, мы ищем только общее правило письма, которое допускает различные отклонения.

Ряд соображений позволяет дать определенный ответ на этот вопрос. В о - п е р в ы х, *число полей* на каждой стороне показывает, что высказывание в целом выходит за пределы основных языковых единиц — слога, слова и предложения,— потому что все они, по определению, состоят из ограниченного числа подчиненных членов.

В о - в т о р ы х, обе стороны содержат всего 242 знака. Однако среди них только 45 различных знаков, каждый из которых повторяется в среднем по 5—6 раз. *Большое количество повторений* делает гипотезу о том, что знаки означают слова, маловероятной, потому что трудно представить себе высказывание данной длины, где бы почти все слова повторялись так часто. Это было бы возможно лишь в том случае, если бы диск представлял собой инвентарный список, где перечисляется большое количество сходных предметов, или молитву (эта гипотеза подтверждалась бы некоторыми восточными параллелями). Предположение о том, что диск является инвентарным списком, уже высказывалось; прежде всего это предположение выдвинул Э в а н с. Для решения данного вопроса следует рассмотреть, соответствует ли надпись диска общепринятой форме списка (или молитвы). Об этом будет сказано более подробно ниже. Но на вопрос, который стоит перед нами сейчас, можно ответить и без этого.

Решающим представляется мне т р е т ь е соображение. Если мы рассмотрим каждую сторону в отдельности (то есть примерно половину рисунков), то мы насчитаем от 33 (Б) до 35 (А) различных знаков; другая сторона (с таким же количеством рисунков) прибавит к ним всего лишь от 10 (Б) до 12 (А) новых знаков. Следовательно, при пропорциональном увеличении текста *прирост новых знаков быстро убывает*. Другими словами: если бы текст занимал пространство в пять или в десять раз большее или если бы, кроме этой, мы имели бы еще пять или десять надписей такого же размера, то у нас появилось бы совсем немного новых знаков, во всяком случае, значительного их прироста мы бы не имели.

Те же данные позволяют высчитать, сколькими различными знаками располагала письменность диска, ибо количество знаков на обеих сторонах дает достаточные основания для построения геометрического ряда. Расчет требует еще одной поправки: его можно было бы принять безоговорочно лишь в том случае, если бы обе стороны диска были совершенно не связаны друг с другом. Это маловероятно. Если же стороны так или иначе связаны между собой, то повторяемость знаков в какой-то степени обусловлена общностью содержания. Поэтому письменность

могла включать большее количество знаков, чем у нас получается. Однако, с другой стороны, рассмотрение обеих сторон показывает, что даже и отдельные поля, не говоря уже о целых полосах, различны по содержанию: только одно поле лицевой стороны (A III) без изменения вновь появляется на оборотной стороне (Б XX). Исходя из этих соображений можно приблизительно определить размер необходимой поправки.

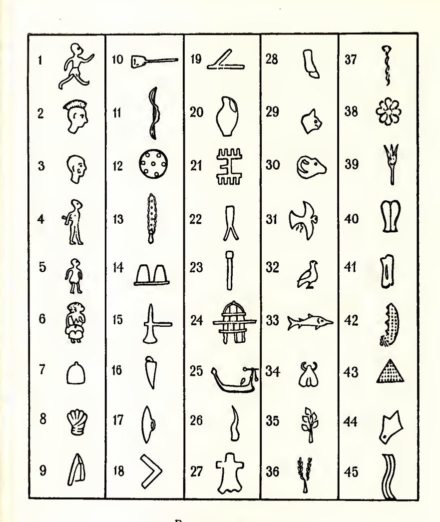
Исправленный расчет дает следующий результат: письменность, которой написан диск, содержала более пятидесяти, но едва ли многим более шестидесяти знаков. Следовательно, ее, без всякого сомнения, нужно признать *слоговым* письмом, ибо, если бы знак соответствовал слову — которое в свою очередь соответствует какому-то явлению или факту действительности,— то такая письменность в какой-то степени должна была бы обладать всем тем богатством, каким обладает действительность; поэтому всякая словесная письменность должна содержать сотни знаков. Буквенно-звуковое письмо, напротив, легко обходится двумя-тремя дюжинами знаков, ибо сфера его действия ограничена произносительными возможностями человека. Слоговое письмо занимает примерно срединное положение, насчитывая от пятидесяти до ста знаков.

Если отдельные знаки, как правило, передают слоги, тогда поля, безусловно, обозначают слова. Они отделяются друг от друга поперечными черточками, служащими словоразделами, тогда как более обширные члены высказывания, в частности предложения, никаких особых обозначений не имеют.

Анализ *частоты знаков* подтверждает вывод о *словесном характере* полей и таким образом опосредствованно еще раз доказывает, что текст диска записан слоговым письмом. Средняя частота — 45 отдельных письменных знаков при общем количестве знаков, равном 242,— составляет примерно 1 : 5,4. Однако отдельные знаки очень различаются между собой по частоте: одна пятая часть всех знаков (4 — на стороне А, 5 — на стороне Б) встречается только по одному разу; три пятых встречается от двух до семи раз и таким образом соответствует средней цифре; одна пятая встречается 11—19 раз. Из того факта, что некоторые знаки встречаются редко, можно усмотреть только то, что здесь, как и во всяком языке, частота различных слогов бывает различной.

Однако частотность последней пятой части знаков необычайно высока. Рассмотрим эти знаки в отдельности. [См. рис. на стр. 44.]

Чаще всего (19 раз) появляется знак ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ, и притом всегда в одном и том же положении, в начале группы. ЩИТ (17 раз) встречается либо как второй знак (и в этом случае всегда после ГОЛОВЫ С ПЕРЬЯМИ, стоящей в начале), либо



Репертуар знаков
(Из книги Йенсена «Письмо»).

как последний знак группы. ШКУРА, которая повторяется 15 раз, стоит 6 раз в начале, 2 раза на втором месте после ГОЛОВЫ С ПЕРЬЯМИ, 5 раз после ГОЛОВЫ С ПЕРЬЯМИ и ЩИТА: ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА (11 раз) 8 раз встречается на первом месте. ВЕТВЬ употребляется 11 раз, из них 8 раз — в конечном положении. К этому присоединяется еще один-единственный нерисуночный знак — короткая КОСАЯ ЧЕРТА, которая встречается 16 раз внизу, под последним знаком поля.

Другие часто повторяющиеся знаки ведут себя иначе: они меняют свое место, но нередко выступают в одинаковом окружении. Так, МУЖЧИНА (11 раз) 5 раз следует за КИПАРИСОМ; ШЛЕМ (18 раз) 6 раз появляется после знака, который я называю «ВОЛНОЙ», не утверждая, впрочем, что рисунок действительно изображает волну (смысл изображения неясен), 3 раза — в группе КУСТ — ШЛЕМ — РУКАВИЦА; УГОЛ (14 раз) 5 раз стоит после КОЛОННЫ, 2 раза — после ЖЕНЩИНЫ; КОЛОННА (11 раз) соответственно — 5 раз после УГЛА, 2 раза встречается в сочетании ПЧЕЛА — КОЛОННА — КОРАБЛЬ.

О чем говорят эти данные? Прежде всего о том, что группа наиболее частых знаков имеет также и качественное отличие по сравнению с большинством остальных знаков. Большая часть употребительных знаков встречается исключительно или преимущественно в начале и в конце поля, в неизменной позиции, но в совершенно различном окружении; другая часть, напротив, меняет свою позицию в поле, однако часто выступает в тесном сочетании с одним или двумя другими знаками. Это свойство поля говорит о том, что оно соответствует словокомплексу (то есть *единому комплексу, состоящему из ряда морфем*); составляющие его слоги группируются вокруг постоянного ядра, которое является носителем значения слова; оно согласуется с общей структурой предложения, в которое входит, при помощи начальных или конечных знаков. Эти знаки, очевидно, соответствуют грамматическим формам, указывающим на различные отношения между словами. Структура предложения в целом просматривается в отдельных его членах-словах именно через грамматические формы, поэтому-то они и повторяются так часто. Устойчивые же сочетания знаков представляют собой корни слов; их повторение указывает на то, что эти слова являются основными «темами» высказывания.

Наличие сверхчастых знаков доказывает, таким образом, что *поля являются отдельными словами* надписи. В таком случае отдельные рисунки, как правило, очевидно, обозначают слоги. Итак, утверждение, что мы здесь имеем дело со *слоговым письмом*, подтверждается двумя независимыми друг от друга путями: рассмотрением количества знаков и рассмотрением частоты знаков. Рассмотрение повторяющихся знаков дает возможность подойти и к анализу языковых значений. Сверхчастые знаки, с одной стороны, подготавливают проникновение в грамматический строй языка, на котором написана надпись, с другой — ведут к раскрытию тематического строения высказывания и, следовательно, значения надписи.

Но прежде чем перейти к попыткам в этих направлениях, подведем некоторые итоги. Достигнут первый результат: перед нами раскрылись способ письма и характер письменности.

III.

Каждую сторону диска следует читать как надпись, идущую справа (от края) налево (к центру). Мы имеем дело с письменностью, которая содержит около 60 рисуночных знаков. Знаки в большинстве случаев имеют правую направленность, а строки — левую. Каждый знак, как правило, обозначает слог, слова отделены друг от друга поперечными штрихами. [См. рис., стр. 34.]

Известная часть рисунков, как легко можно доказать, раскрывает перед нами эгейский мир; таким образом, письменность сложилась в районе Крита. Ряд рисунков характерен для эгейского мира вообще; большинство знаков и некоторые особенности способа письма свойственны именно диску, а, значит, тем самым также и Эгеиде...

Отсутствие непосредственной связи между образным смыслом рисунков и языковым значением в этой письменности доказывает, что эта письменность — *зависимое явление*, и основана она на знакомстве с другими, уже существующими письменностями.

По количеству знаков письменность диска близка к более поздней письменности *Эгеиды*. Приблизительное количество в 60 знаков, вычисленное для письменности диска, соответствует критскому линейному письму, которое, по исследованиям Сундвалла, насчитывает примерно 76 знаков (Эванс, пользуясь другим способом вычисления, получает примерно тот же результат), и кипрскому письму, насчитывающему примерно 55 знаков. Совпадение количества знаков говорит о *единообразии систем письма* в этих трех письменностях. По-видимому, произношение слоговых знаков также было сходным.

Однако необходимо иметь в виду, что текст диска обладает рядом важных отличительных черт, которые не дают возможности отнести его непосредственно к какой-либо из известных письменностей. Напротив, имеет место следующий странный факт. Как показал Сундвалл, многие формы знаков из критского рисуночного письма начала II тысячелетия до н. э. переходят в более позднее линейное письмо; к ним опять-таки непосредственно примыкает значительная часть репертуара кипрских слоговых знаков. Мы располагаем также некоторыми находками из промежуточного периода, подтверждающими связь между этими видами письма. Первые века своей истории критская письменность носит подготовительный, переходный характер; это *обозначения* — нечто среднее между языком рисунков и настоящей письменностью. Линейное же письмо, которое в XVII — XVI вв. было распространено во всей Эгеиде, представляет собой разработанное *слоговое письмо*, знаки которого разве что отдаленно напоминают рисунки. Слоговое рисуночное пись-

мо диска с точки зрения теории развития письменности находится как раз посередине между тем и другим.

Но ни по времени создания, ни с точки зрения истории развития диск не является связующим звеном между ними. Линейное письмо появилось одновременно с диском, если не раньше.

Очень заманчиво было бы устранить это противоречие, приписав диску иноземное происхождение. Однако нельзя закрывать глаза на то, что таким образом мы только отодвинем, но не решим проблему. Кроме того, анализ рисунков указывает на *эгейское* происхождение диска. Можно сомневаться в том, что диск сделан именно на Крите; возможно (хотя и недоказуемо), что его родина — юго-восточная Малая Азия,— так считает Эванс. Однако выйти за пределы Эгеиды мы не можем. Но тогда это не снимает противоречия, так как линейное письмо носит общеэгейский характер. Таким образом, этот вопрос должен быть решен исключительно на эгейском материале.

Поистине удивительный исторический факт: диск тесно связан с Эгеидой — непосредственно, по своей форме, и в более широком смысле — через дальнейшее развитие письменности,— и вместе с тем во всех деталях сохраняет индивидуальное своеобразие. Он, безусловно, представляет собой явление единственное в своем роде, однако его письмо связано с другими письменностями. По существу, он находится между древнекритским иероглифическим письмом и более поздним линейным письмом; однако же он является промежуточным этапом, несмотря на ярко выраженный эгейский характер рисунков...

Возможно, Фестский диск — эгейское воплощение восточной цивилизации. Исторической параллелью может здесь служить *хеттское иероглифическое письмо*. Оно также, по крайней мере на поздних стадиях, представляет собой слоговое рисуночное письмо малоазийского типа, хотя внешне оно построено по образцу египетских иероглифов, но по передаче слоговых значений соответствует знакам клинописи. Как рисуночное письмо диска сосуществует рядом с линейным письмом, так и хеттские иероглифы существуют одновременно с хеттской клинописью.

Письменности хеттских областей проливают свет на письменность Эгеиды потому, что они возникли в одинаковых условиях. Другой вопрос, существуют ли, помимо этого, еще и непосредственные исторические связи. Эванс сравнивал отдельные знаки диска с хеттскими иероглифами: оснований для того, чтобы говорить о формальном единстве, недостаточно. Однако же сходство есть в другом, весьма существенном отношении: диск (и линейное письмо) так же, как и хеттская клинопись, содержит знаки *словораздела*.

Словораздел, как заметил Порциг, характерен для Малой Азии. В Месопотамии он не применялся и впервые появля-

ется — часто, но нерегулярно — на каппадокийских табличках. Хетты, заимствовав его, первыми стали систематически разделять слова. С тех пор словораздел постоянно встречается в пределах Малой Азии; например, еще через тысячу лет — на западе — у лидийцев и ликийцев, на востоке — у персов. Поэтому словораздел говорит о малоазийском влиянии на письменность Фестского диска. В то же время он дает возможность понять, каким путем распространился в Эгеиде принцип клинописи.

IV.

После того как мы установили характер письменности и способ письма, можно было бы приступить к дешифровке диска, если бы его рисунки поддавались образному «чтению». В этом случае предметные значения знаков, правильно упорядоченные и приведенные в связь друг с другом, раскрыли бы нам смысл надписи. Однако знаки Фестского диска означают не то, что они изображают, и передают они неизвестное звучание какого-то неизвестного языка. Таким образом, перед нами встает новая задача, если можно так выразиться,— новый уровень дешифровки. Мы распознали непосредственно данную нам форму как определенную письменность; другими словами, как знаки для чего-то, что само по себе в свою очередь является системой знаков, а именно для языка. Сможет ли наша дешифровка проникнуть в этот второй уровень познания явления?

Сможет, потому что письменность и язык находятся в соответствии друг с другом. Так как письменность обозначает язык, она в опосредствованном виде содержит в себе факты языка; языку принадлежит ведущая роль в упорядочении знаков, благодаря которой немногочисленные рисунки могут обозначать бесконечное многообразие жизненных ситуаций. Мы уже и сейчас имеем кое-какие результаты, относящиеся к области языка: мы знаем, что «полоса» представляет собой высказывание, поля — слова, знаки — слоги. Отсюда мы можем судить о количестве слогов в слове и о длине высказываний. Этого, разумеется, еще очень мало. Ключ к дальнейшему пониманию дают *повторения*. Благодаря им высказывание перестает казаться нам произвольным и не поддающимся определению. Позволяя выделить в высказывании отдельные точки и определенным образом связать их между собой, они дают возможность расчленить целое; расчленяя целое, они превращают последовательность знаков на полосе в многослойную структуру. Эта структура, безусловно, является выражением содержащегося в высказывании смысла, который мы ищем. Если достаточно четко определить структуру, этот смысл можно из нее извлечь.

Лицевая сторона (А)

Оборотная сторона (Б)

Текст надписи на Фестском диске
(Из статьи Г. Ипсена в журн.
"Indogermanische Forschungen", Bd. XLVII, 1, 1929).

Повторяться могут две единицы целого — поля и знаки. Повторение полей (слов) делает возможным членение высказываний на отдельные части, повторение знаков (слогов) делает возможным членение слова на основу и грамматические форманты. Каждое отдельное наблюдение такого рода допускает ряд толкований; само по себе накопление подобных деталей не помогает нам продвинуться вперед, а заводит в область неопределенного: однако, сопоставляя наблюдения, независимые сами по себе, но группирующиеся вокруг одного и того же факта или дополняющие друг друга, мы достигаем уменьшения неопределенности в геометрической прогрессии; в некоторых благоприятных случаях возможность истолкования ограничивается одним, единственно правильным решением.

Больше всего повторений отмечено на лицевой стороне (A). Три следующих друг за другом поля (с XIV по XVI) вскоре после своего первого появления совершенно точно и в той же последовательности повторяются еще раз (XX — XXII). Между ними стоят три других поля, последнее из которых (XIX) совпадает с конечными полями этих одинаковых групп из трех полей. Эта внутренняя группа сходна с идентичными группами из трех полей, между которыми она находится, не только потому, что тоже состоит из трех полей и что конечное поле в ней одинаковое с ними; она повторяет и общую структуру идентичных групп: сначала идет большое поле из семи знаков, начинающееся ГОЛОВОЙ С ПЕРЬЯМИ, потом — двухсложное среднее поле; как поля из шести-семи знаков, так и поля из двух знаков настолько редки, что их сочетание можно считать уникальным. Отсюда можно сделать вывод, что XIV — XVI, XVII — XIX, XX — XXII — параллельные члены. [См. рис. на стр. 44.]

Пойдем дальше. Поле XXIX в точности повторяет XVII. За ним следует еще всего два поля, из которых последнее, как конец высказывания в целом, одновременно должно быть также и концом предложения. Здесь тоже среднее поле содержит только два знака. Непосредственно же перед XXIX находится поле, идентичное конечному полю XXI; таким образом, мы можем выделить еще одну трехчленную группу — с XXIX по XXXI.

Теперь, когда мы распознали поля XIV — XXII и XXIX — XXXI как расчлененные, связанные друг с другом группы, во второй половине стороны A нам остается только рассмотреть промежуточную часть XXIII — XXVIII. Здесь мы не встречаемся с тождеством целых полей; дальше мы будем пользоваться частичными аналогиями внутри поля XXIII — снова исключительно большое поле, подобно XIV = XX и XVII; с последним оно сходно не только тем, что в нем тоже семь знаков, но еще и тем, что то и другое начинается группой из трех знаков: ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ — ШКУРА. А поле XXV напоминает идентичные поля XVI = XIX = XXII, также включая знаки СОКОЛ — РОГ (но здесь за ними следует ЩИТ, тогда как в полях, рассмотренных до сих пор, им предшествовали знаки ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ). То, что это сходство не случайно, подтверждается следующими наблюдениями: сочетание СОКОЛ — РОГ появляется еще раз, со следующим за ним знаком ВЕТВЬ, в IX; предшествующее поле VIII начинается группой знаков ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ, за которой следует группа ЖЕНЩИНА — УГОЛ и один (или два?) почти полностью утраченных знака. На это поле в свою очередь похоже поле, предшествующее XXV, которое содержит четыре знака: ЖЕНЩИНА — УГОЛ — знак, который изображает какую-то

кухонную утварь с рукояткой (я называю его «РУКОЯТКА»), — и четвертый, который я условно называю «ВИЛКА».

Остатки стершихся знаков в поле VIII, к сожалению, не дают возможности разгадать, какие знаки здесь стояли; видны две точки внизу, остатки рисунка слева вверху и идущая, по-видимому, оттуда направо вниз косая линия — это могла быть «ВИЛКА», которой, возможно, предшествовала «РУКОЯТКА». Но даже если мы оставим этот вопрос открытым, сходство между VIII — IX и XXIV — XXV и без того очевидно. Далее, XXVI в четырех знаках (ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ — КИПАРИС — МУЖЧИНА) совпадает с I, только там за ними еще следует УГОЛ. Так как это начало высказывания, то в то же время оно является и началом предложения; можно предположить то же самое и относительно XXVI; тогда XXV — конечное поле группы, так же как XVI = XIX = XXII. Сочетание КИПАРИС — МУЖЧИНА появляется само по себе, отдельно от сочетания ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ, один раз, составляя самостоятельно поле XXX: это подтверждает факт существования двух параллельных групп XXVI — XXVIII и XXIX — XXXI и одновременно дает нам право выделить сочетание ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ (которое встречается 13 раз в начале полей), чем в свою очередь поддерживается сравнение XXV и XVI.

Таким образом, для нас становится ясной структура высказывания начиная с А XIV и до конца. Мы находим здесь две группы, состоящие из идентично построенных сегментов. В каждый сегмент входит три поля. Одна из выделенных нами групп содержит четыре таких сегмента, другая — два (XIV — XVI = XX — XXII ∽ XVII—XIX (∽) XXIII—XXV и XXVI—XXVIII ∽ XXIX — XXXI). Они связаны между собой тождеством слов (XVII = XXIX). Соответствия с первой половиной обнаружены в двух местах (I ∽ XXVI, VIII и сл. ∽ XXIV и сл.). В первой половине лицевой стороны не удается обнаружить непосредственного тождества между полями.

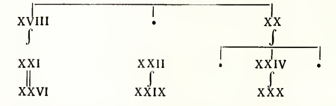
Переходим к оборотной стороне (Б). Повторение одинаковых полей здесь встречается гораздо реже; сначала мы находим только одно — XXI = XXVI, состоящее из знаков «КОРЕНЬ» — ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — КУСТ — ШЛЕМ — РУКАВИЦА с косой чертой. То же самое сочетание, только без первого знака, мы встречаем еще раз в XVIII. Но если мы уже начали искать неполные подобия, то их находится еще больше: XXII похоже на XXIX — оба содержат группу знаков ПЧЕЛА — КОЛОННА — КОРАБЛЬ, но в последнем этой группе предшествует ШКУРА, а в первом — ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА. Непосредственно за XXIX следует единственное поле на этой стороне, состоящее всего из двух знаков: «ВОЛНА» — ШЛЕМ, одновременно завер-

шающее все высказывание; это сочетание с различными добавлениями появляется также в полях, следующих за XVIII и XXI: ШЛЕМ — «ВОЛНА» — ШЛЕМ (XXIV) и ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — «ВОЛНА» — ШЛЕМ (XX).

К этому примыкает еще одно наблюдение: две группы полей, XXIII — XXV и XVIII — XX, вводятся одинаковыми начальными знаками, соответственно ШЛЕМ или ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА. Подобное явление мы дважды обнаружили на лицевой стороне: А III и IV — оба начинаются знаком ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА, А VI и VII — знаком ШКУРА. Количество встречаемости их и вторичное появление одного и того же знака ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА показывают, что это не случайность. В нижеследующей схеме я обозначаю это явление квадратными скобками сверху. Чтобы избежать длинноты описания, в дальнейшем я буду называть его *аллитерацией* (в расширенном и переносном смысле этого слова).

Для отрезка Б XVIII и сл. аллитерация доказывает, что и поля, не опирающиеся на сходство (на схеме они обозначены точками) — XIX и XXIII, XXV,— принадлежат к параллельной цепочке. Далее, точно зная, что XXX — конец предложения, мы можем из этого заключить, что как XXV, так и XX заканчивают синтаксический член.

Таким образом, получаем следующие подобия:



Вторая половина стороны Б (XVIII и сл.) состоит из трех до некоторой степени параллельно построенных членов, которые отделяются друг от друга после XX и XXV. Здесь параллелизм выступает не столько между формой членов, сколько между темами.

Далее: Б XX подобно А III, благодаря чему впервые лицевая и оборотная сторона диска приходят в связь друг с другом. Но так как на Б XXX изображено сочетание «ВОЛНА» — ШЛЕМ без каких-либо добавлений, а с другой стороны, как показывает Б XXII: Б XXIX, в начале слова знак ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА может чередоваться со знаком ШКУРА, мы выделяем тот же самый корень слова в А VI: ШКУРА — «ВОЛНА» — ШЛЕМ — ЩИТ, с чем в свою очередь можно сравнить Б II: ШКУРА — «ВОЛНА» ШЛЕМ — ВЕТВЬ. Чередование знаков ЩИТ и ВЕТВЬ в конце

слова нам уже встречалось в A XXV ∽ IX, так что оба случая подтверждают друг друга.

Таким образом, мы добились следующего: существует корень «ВОЛНА» — ШЛЕМ, который встречается четыре раза на оборотной стороне и два раза на лицевой, причем только один раз сам по себе, а обычно с «префиксами» (ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА-, ШЛЕМ- или ШКУРА-) и иногда с «постфиксами» (-ЩИТ, -ВЕТВЬ).

Подобным же образом другой корень, *СОКОЛ — РОГ, который нигде не встречается сам по себе, выступает либо с постфиксами (-ЩИТ или -ВЕТВЬ), либо с префиксами (ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ-). Этот корень встречается только на лицевой стороне, зато повторяется там пять раз.

Корень «ВОЛНА» — ШЛЕМ и явление аллитерации связывают начало стороны А со стороной Б, в особенности с ее концом.

Из подвижных знаков нам пока известны в начале слова ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ, ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА, ШКУРА, ШЛЕМ, в конце слова — ЩИТ и ВЕТВЬ. Это совпадает с наблюдениями и выводами, сделанными в свое время по поводу частых знаков (стр. 38), и подтверждает эти выводы.

В последних работах исследование синтаксического членения уже связано с раскрытием построения слова из корня и грамматической формы. Теперь, поскольку непосредственно видимые подобия между полями исчерпаны, мы сделаем попытку двинуться дальше в этом направлении.

Для расчленения слов должен быть принят такой основной принцип: одинаковое следование друг за другом нескольких знаков в одном поле само по себе ничего не доказывает. Только в том случае, если данный формант встречается с несколькими корнями, а данный корень — с несколькими формантами, пересечение обоих рядов дает нам право интерпретировать их как корень и формант. То, что корни в значительной мере определяются по формантам, а форманты определяются исключительно по корням, не означает, что мы попали в порочный круг, — просто дешифровка производится как бы двойным ходом: надо постоянно иметь перед глазами все поля и переходить от гипотезы к доказательству, исходя из единичного и находя подтверждение в целом.

Эта методика может быть выражена словами лишь неполно и приближенно, так как она является не линейной последовательностью причин и следствий, а многомерным взаимопроникновением догадок и решений. Поэтому я отказываюсь от изложения методики исследования и сообщаю результаты в виде списка, указывая на подтверждения и доказательства в замечаниях, сопровождающих или предваряющих отдельные пункты списка.

V. КОРНИ

1. «ВОЛНА» — ШЛЕМ (встречается 6 раз):

а) Корень сам по себе встречается в Б XXX.

б) С префиксом ШЛЕМ-: Б XXIV — в параллельном члене предложения, связанном посредством аллитерации с Б XXIII ШЛЕМ — УГОЛ — ВЕТВЬ и Б XXV ШЛЕМ — КОЛОННА — УГОЛ — ДОМ. Сочетание КОЛОННА — УГОЛ встречается в качестве корня и в другом месте (см. № 14).

в) С префиксом ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА-: Б XX — в члене предложения, параллельном встреченному ранее, и А III, которое аллитерирует со следующим полем ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — ПЧЕЛА.

С префиксом ШКУРА-:

г) С постфиксом -ЩИТ: А VI, связанное посредством аллитерации со следующим ШКУРА — «КУСОК» — РУКАВИЦА.

д) И с постфиксом -ВЕТВЬ: Б II.

2. *СОКОЛ—РОГ (встречается 5 раз):

а) С префиксом ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ-:
А XVI, А XXII } в конце одинаковых трехчленных групп.

б) С постфиксом -ЩИТ: А XIX, А XXV } в конце параллельных трехчленных групп.

в) С постфиксом -ВЕТВЬ: А IX после слова ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ — ЖЕНЩИНА — УГОЛ?, подобно А XXV после слова ЖЕНЩИНА — УГОЛ — «РУКОЯТКА» — «ВИЛКА». О чередовании ЩИТ: ВЕТВЬ ср. п. 1 г и д.

3. КИПАРИС — МУЖЧИНА (встречается 5 раз):

а) Корень сам по себе: А XXX.

б) С префиксом ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ-: А XXVI — в предыдущем члене предложения. О сочетании ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ- перед корнем ср. 2 а.

в) С сочетанием ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ- и -УГОЛ: А I.

г) С сочетанием СЕКИРА — ШЛЕМ- и -УГОЛ: Б VIII.

д) С сочетанием -КРОКУС — ДЕЛЬФИН: Б VII, непосредственно перед (г).

Эти дополнения перед (г) и после (д), кроме этого случая, не появляются; только постфикс -УГОЛ (п. д) и соседство корня ДОМ — «СУМКА» в Б X (см. № 5) доказывают, что мы имеем дело с уже известным корнем.

4. ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — КУСТ — ШЛЕМ — РУКАВИЦА (встречается 3 раза; ср. выше, стр. 46);

а) Корень сам по себе: Б 18 в аллитерирующей группе XVIII — XX.

б) Со знаком «КОРЕНЬ» впереди: Б XXI, Б XXVI — в параллельных членах предложения.

Поскольку ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА и в других случаях часто выступает как префикс (см. стр. 61 и сл.) и поскольку Б XX, безусловно, разлагается на знак ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА+сочетание «ВОЛНА» — ШЛЕМ (см. 1 в), и здесь, по-видимому, можно отделить знак ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА- как префикс. Таким образом, истинный корень слова, вероятно,—*КУСТ — ШЛЕМ — РУКАВИЦА.

5. *ДОМ — «СУМКА» (встречается 2 раза):

а) С постфиксом -ЩИТ: А II.

б) С постфиксом -ВЕТВЬ и префиксом ШЛЕМ-: Б X.

О чередовании -ЩИТ: -ВЕТВЬ ср. 1 г, д и 2 б, в.

Слова оба раза появляются в соседстве с корнем КИПАРИС — МУЖЧИНА: А I и Б VII и сл., ср. 3 б, г, д.

6. *ПЧЕЛА — КОЛОННА — КОРАБЛЬ (встречается 2 раза):

а) С префиксом ШКУРА-: Б XXII

б) С префиксом ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА-: Б XXIX — в параллельных членах предложения.

О чередовании ШКУРА: ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА ср. 1 в, г, д.

7. ЖЕНЩИНА — УГОЛ-(«РУКОЯТКА» — «ВИЛКА»)? (встречается 2 раза):

а) Корень сам по себе: А XXIV.

б) С префиксом ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ-: А VIII. — (См. выше, стр. 45 и сл.)

8. *ДОМ — «НОЖ»? (встречается 2 раза):

а) С постфиксом -ЩИТ и начальным компонентом ДЕЛЬФИН-: Б V.

б) С постфиксом -ВЕТВЬ и начальным компонентом ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — ДОМ-: Б XIII.

К вопросу о чередовании ЩИТ : ВЕТВЬ ср. 1 г, д, 2 б, в, 5 а, б. Это чередование суффиксов доказывает, что здесь мы действительно имеем дело с корнем. Только начало корня нельзя определить с уверенностью, потому что ни ДЕЛЬФИН-, ни ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — ДОМ-, ни ДОМ- нигде в других случаях не выступают как префиксы, хотя все эти знаки встречаются часто. Таким образом, остается несколько возможностей. Или это неизвестные нам случаи распространения, больше нигде не встречающиеся, или ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА- в Б XII — широко распространенная приставка; тогда ДОМ — ДОМ — «НОЖ» может быть графическим или фонетическим дублетом к ДОМ — «НОЖ»; наконец, не исключено, что -ДОМ- является вариантом знака

-ДЕЛЬФИН- для тех случаев, когда этот знак находится внутри слова (хотя другие случаи появления знаков ДОМ и ДЕЛЬФИН скорее говорят против этого, чем за это). Поэтому вопрос об истинном корне пока остается открытым.

Два следующих, достаточно хорошо представленных слова мы пока не имеем возможности проанализировать. Вот эти слова:
9. ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ШКУРА — КОРАБЛЬ — КОЛОС — КОЛОННА — УГОЛ (встречается 2 раза): А XIV и XX в подобных членах предложения, см. стр. 45.
10. ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ —ШКУРА — ШКУРА — ВЕТВЬ — ЛИЛИЯ — «ГРЕБЕНЬ» (встречается 2 раза): А XVII и XXIX, см. стр. 45.

Анализ этих слов наводит на мысль (стр. 53 и сл.), что в первом следует выделить начальный компонент ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ-, во втором — ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ-. Но и тогда эти слова останутся необычайно длинными.

Все перечисленные выше корни получены при помощи принципа перекрестных рядов: там, где из целых слов может быть выделено устойчивое соединение нескольких знаков таким образом, чтобы оставшиеся знаки в свою очередь выступали как устойчивое сочетание в определенном положении, и если имеются хотя бы два случая, которые разрешают сравнение, речь идет о корне и форманте. Примененный метод исследования одновременно может служить для определения корня и форманта.

Тот же метод перекрестных рядов позволяет пойти еще дальше. А именно, подобным же образом можно выявить еще некоторые явления, родственные рассматриваемым до сих пор, но несколько иного рода.

Я начинаю от Б VII (ср. стр. 49 и сл., № 3). Поля Б VII и VIII содержат общую для обоих группу КИПАРИС — МУЖЧИНА. Эта группа выступает в А XXX непосредственно как корень слова. То, что здесь это тоже корень, подтверждается наличием постфикса -УГОЛ, а для всего этого места — соседством с корнем ДОМ—«СУМКА» при сравнении с А I и сл. Тогда следует отделить СЕКИРА — ШЛЕМ- и -КРОКУС — ДЕЛЬФИН. Группа -КРОКУС — ДЕЛЬФИН встречается еще раз в Б XVI, и снова в конце слова. Там ему предшествует ЖЕНЩИНА — ВЕТВЬ — ГОЛУБЬ. С другой стороны, сочетание ЖЕНЩИНА — ВЕТВЬ мы находим еще раз в Б XXVIII. Здесь ему предшествует ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ-, которая обычно встречается в качестве форманта; дальше следует КОЛОННА — УГОЛ — ШЛЕМ. Группа КОЛОННА — УГОЛ встречается не меньше пяти раз в четырех различных сочетаниях.

Следовательно, имеются устойчивые сочетания из двух знаков, которые появляются несколько раз в различных контекстах. С корнями их объединяет многосложность, с формантами — спо-

собность присоединяться к другим корням. Поэтому с лингвистической точки зрения здесь может идти речь о *сложных* словах или об образованиях, сходных со сложными словами. Ниже приводится список сочетаний, которые точно или вероятно можно отнести к компонентам сложных слов:

11. -КРОКУС — ДЕЛЬФИН (встречается 2 раза):

а) После корня № 3 КИПАРИС — МУЖЧИНА: Б VII.

б) После части слова № 12 ЖЕНЩИНА — ВЕТВЬ- (ГОЛУБЬ): Б XVI.

12. -ЖЕНЩИНА — ВЕТВЬ- (встречается 2 раза):

а) Перед компонентом слова № 11 — КРОКУС — ДЕЛЬФИН: Б XVI, ср. 11 б.

б) После префикса ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ- и перед -КОЛОННА — УГОЛ — ШЛЕМ: Б XXVII, ср. № 14.

В а) на стыке сложного сочетания стоит знак -ГОЛУБЬ-. Тот же знак встречается в А XII и XXIII. Его значение определить не удалось.

13. -ШКУРА — КОРАБЛЬ- (встречается 3 раза):

а) Перед -РОЗЕТКА — МУЖЧИНА: Б XII.

б) После префикса ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ- и перед -КОЛОС — КОЛОННА — УГОЛ: А XIV — XX, ср. № 9.

В связи с сочетанием КОЛОННА — УГОЛ ср. № 14. Знак -КОЛОС- на стыке сложного слова подобен знаку -ГОЛУБЬ-, упоминаемому в 12 а. КОЛОС встречается еще в сочетании КОЛОС — ЛИЦО — РОЗЕТКА в А XXVIII — XXXI в начале слова.

14. -КОЛОННА — УГОЛ- (встречается 5 раз):

а) В сочетании ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ШКУРА — КОРАБЛЬ — КОЛОС — КОЛОННА — УГОЛ: А XIV—XX.

По поводу -ШКУРА — КОРАБЛЬ- ср. 13 б. ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ- — часто встречающийся префикс. Таким образом, нам удалось расчленить слово № 9, одно из длинных слов, которые пока оставались неделимыми: это сложное слово состоит из двух компонентов, каждый из которых встречается в тексте несколько раз, с префиксом перед ними.

б) В сочетании ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЖЕНЩИНА — ВЕТВЬ — КОЛОННА — УГОЛ — ШЛЕМ: Б XXVIII.

ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ- — формант, -ЖЕНЩИНА — ВЕТВЬ- — компонент сложного слова (ср. 12 б). ШЛЕМ часто употребляется и в начале, и в конце, и в середине слова, но доказать, что это суффикс, невозможно.

в) ШЛЕМ — КОЛОННА — УГОЛ — ДОМ: Б XXV.

Аллитерация с Б XXIII и сл. показывает, что ШЛЕМ- является префиксом. То, что -ДОМ является постфиксом, доказать невозможно, в других случаях ДОМ выступает только в начале и в середине слова, часто как первый слог корня.

г) «ОТВЕС» — КОЛОННА — УГОЛ — «ТРЕУГОЛЬНИК»: Б VI.

Разложение основано только на устойчивом сочетании КОЛОННА — УГОЛ, которое встречается в других местах, и на формальном сходстве с в. «ТРЕУГОЛЬНИК» в тексте больше не встречается, «ОТВЕС» встречается еще один раз в Б XIV, где он не поддается определению.

Тот факт, что при сочетании КОЛОННА — УГОЛ часто выступают односложные приставки или суффиксы, приближает этот компонент сложного слова к настоящим корням № 1—8. Другие компоненты сложных слов, напротив, соединяются между собой или с корнями. Ни один из них не встречается в виде корня.

VI. ФОРМАНТЫ

а) ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ- (встречается 6 раз).

б) ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ- (встречается 13 раз).

ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ самостоятельно встречается 6 раз в начале полей А XIV=XX; Б III, XI, XVII, XXVIII. То, что этот знак следует отделить от корня, можно если не доказать, то с большой вероятностью предположить на примере Б XXVIII: это слово (ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЖЕНЩИНА — ВЕТВЬ — КОЛОННА — УГОЛ — ШЛЕМ) в первой части корня подобно полю XVI (ЖЕНЩИНА— ВЕТВЬ — ГОЛУБЬ — КРОКУС — ДЕЛЬФИН). То, что этот знак следует отделять и в других случаях, станет очевидным только после рассмотрения данных п. б; в таком случае все остальные форманты будут ἅπαξ λεγόμενα.

Сочетание ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ встречается в начале поля 13 раз: А I, V, VIII, X, XII, XVI, XVII, XIX, XXII, XXIII, XXVI, XXIX; Б I. При этом можно доказать, что в шести случаях перед нами префикс:

А I и А XXVI: ср. А XXX и другие случаи появления корня КИПАРИС — МУЖЧИНА (см. выше, № 3).

А VIII: ср. А XXIV (корень № 7).

А XVI=XIX=XXII: ср. А IX и XXV (ср. выше, № 2).

В других случаях возможность доказательства отсутствует ввиду недостатка материала для сравнения. Но и там (то же самое относится к знаку ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ, стоящему отдельно) постоянная позиция в начале полей не оставляет сомнения в том, что это — знак, однородный с теми, которые можно точно определить как префиксы.

Оба префикса отличаются друг от друга рядом черт: ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — единственный более или менее часто встречающийся знак, который имеет устойчивую позицию без всяких исключений, а именно положение в начале слова; он не появля-

ется ни внутри, ни в конце слова, ни в составе других префиксов, ни в составе других корней. Большое число появлений исключает какие бы то ни было сомнения. Далее, оба форманта в большинстве случаев фиксируются перед синтаксическими членами, состоящими из нескольких слов (в начале обеих сторон А I и Б I и А XIV, XVII, XX, XXIII, XXVI, XXIX — в других случаях пока только в А XVI=XIX=XXII). Наконец, они чередуются только с беспрефиксальными образованиями, в то время как все другие точно определяемые и часто встречающиеся форманты многообразно чередуются между собой. Кроме того, ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ- — единственный формант, состоящий из сочетания двух знаков, причем настолько прочного, что, хотя ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ- и встречается в самостоятельном употреблении, без знака ЩИТ-, однако знак ЩИТ без предшествующего ему знака ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ- не употребляется никогда.

О чем говорят эти черты? Упорядоченное чередование формантов с грамматической точки зрения означает флексию в самом широком значении этого слова. В индоевропейских языках важнейшими видами флексии являются склонение и спряжение, за ними иногда следует образование производных глаголов при помощи предлогов, а образование новых корней, напротив, отступает на второй план; в других языках, наоборот, на первом месте стоит соединение слов разных классов; в третьих — еще что-нибудь другое. Отсутствие такого правильного чередования доказывает, таким образом, что префиксы ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ- и ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ- *не образуют форм словоизменения*; их значение надо искать в какой-то другой области.

Будучи слогами какого-то языка, форманты необходимо должны являться частыми последовательностями звуков данного языка. Поэтому их звучание ни в коей мере не характерно только для формантов, а выступает в иной связи и в других словах данного языка. Ограничение заключается только в том, что форманты подчиняются особым фонетическим условиям, связанным с их положением в начале или в конце слова.

Рассмотрим некоторые знаки: часто встречающийся формант -ВЕТВЬ, например, кроме того, появляется и как обыкновенный слог внутри слова в А XVII=XX, как второй слог корня в Б XVI и XXVIII; или ШКУРА — этот знак тоже встречается внутри слова (А XVII, XXIII; Б XVII) и в конце слова (Б IV); или, например, ШЛЕМ — его мы находим одновременно и в корнях «ВОЛНА» — ШЛЕМ и ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — КУСТ — ШЛЕМ — РУКАВИЦА (№ 1 и 4) и т. д.

Упомянутое фонетическое ограничение можно проиллюстрировать на примере знака ЩИТ, который выступает только в ка-

честве форманта в начале (в сочетании ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ) и в конце слова (это явление будет рассмотрено ниже). Если знак ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ не встречается в другом положении, кроме твердой позиции в начале «слова», то это доказывает (как уже предполагалось другими исследователями), что данный знак является не слогом языка, а *графическим формантом*.

Этот вывод подтверждается следующим статистическим наблюдением: средний размер отдельного поля как на лицевой, так и на оборотной стороне составляет четыре знака. Иначе обстоит дело с полями, которые начинаются знаками ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ- и ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ-; они в среднем содержат по пять знаков. Все зафиксированные поля с шестью или семью знаками (А XIV, XX; Б XXVIII — А XVII, XXIII, XXIX) начинаются с одного из этих формантов. Если бы это относилось только к форманту (б), избыток знаков можно было бы объяснить двусложностью самого форманта; однако, так как это в той же мере относится и к полям, которые начинаются с префикса ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ- в самостоятельном употреблении, становится очевидным, что избыток знаков зависит именно от него. Но чрезмерная длина сразу же исчезает, если мы перестанем рассматривать знак ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ- в качестве слога, а будем считать его графическим знаком без звукового значения. Одновременно будет снято еще одно противоречие, ибо сочетание ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ, которое на письме состоит из двух знаков, в языке окажется, как и все остальные форманты, односложным.

ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ- является рисуночным знаком формантного характера без звукового значения. Такие знаки, применяемые в качестве детерминативов, известны из других письменностей — например, определительный знак, стоящий после слова в египетском письме, или — из знаков другого рода,— клин как детерминатив лица (мужского имени), стоящий перед словом в клинописи. В данном случае речь идет явно о чем-то подобном. Рисунок сам говорит о значении форманта: ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ- (как наиболее характерная особенность народа, который пользовался данной письменностью) показывает, что следующее слово обозначает определенную *личность*. По своему положению и значению он сопоставим с соответствующим знаком в клинописи; поскольку это рисунок и явно единственная идеограмма, постольку он сопоставим с иероглифами, где также люди и части человеческого тела (как, например, мужчина, женщина, старец с бородой, человек, который ест, человек, наносящий удар, рука с орудием, идущие ноги) чаще всего выступают в качестве детерминативов.

Личный детерминатив ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ- (3) показывает, что следующее за ним слово является именем или местоимением, а в предложении выступает в качестве субъекта, именного определения, объекта или именного сказуемого.

Важно, что знак ЩИТ- в префиксальном употреблении не выступает самостоятельно, без знака ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ. Точно так же мы не находим при одном и том же корне чередования между сочетанием ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ- и знаком ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ в самостоятельном употреблении. При этом синтаксические функции слов с префиксами (а) и (б), очевидно, очень близки друг другу: оба форманта выступают в большинстве случаев в более или менее длинных цепочках, которые редко стоят непосредственно друг за другом, а обычно находятся в начале соседних синтаксических членов. Эти правила их появления представлены в следующем списке:

Форманты:

	б) (ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ)	а) (ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ)
А	I, V, VIII, X, XII	
	XVI, XVII, XIX	XIV
	XXII, XXIII, XXVI, XXIX	XX
Б	I	III, XI, XVII, XXVIII

Таким образом, для интерпретации (б) определяющими являются только что полученное значение знака ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ и найденные отношения между (а) и (б). Мне известно лишь одно языковое различие, которое отвечает поставленным требованиям — различие между местоимением и именем. В соответствии с этим слова с префиксом (а) можно было бы считать личными местоимениями, слова с префиксом (б) — личными именами. Слоговому знаку ЩИТ- тогда можно было бы приписать субстантивирующее значение или значение субъекта для имени. Ниже я буду называть префикс ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ- артиклем, имея в виду, что он обладает субстантивирующим (или близким к этому) значением.

в) -ЩИТ (встречается 4 раза).

1. А II ДОМ — СУМКА — ЩИТ (при корне № 5).

2. А VI ШКУРА — «ВОЛНА» — ШЛЕМ — ЩИТ (при корне № 1). Связано посредством аллитерации с последующим ШКУРА — «КУСОК» — РУКАВИЦА. В обоих случаях (1 и 2) непосредственно предшествующее поле начинается с сочетания ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ- (формант б).

3. А XXV СОКОЛ — РОГ — ЩИТ (при корне № 2) — в конце трехчленного предложения, начинающегося с форманта

(б). По своей позиции соответствует заключительному слову предшествующих трех параллельных предложений ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ — СОКОЛ — РОГ.

4. Б V ДЕЛЬФИН — ДОМ — «НОЖ» — ЩИТ (при корне № 8). Поле III начинается формантом (а).

Кроме этих случаев, знак ЩИТ встречается только в форманте (б).

г) -ВЕТВЬ.

В четырех случаях может быть показано, что это суффикс:

1. А IX СОКОЛ — РОГ — ВЕТВЬ (при корне № 2). Группа А VIII и сл. повторяется в несколько измененном виде в А XXIV и сл.; там: ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ — ЖЕНЩИНА — УГОЛ —?, СОКОЛ — РОГ — ВЕТВЬ, здесь: ЖЕНЩИНА — УГОЛ — «РУКОЯТКА» — «ВИЛКА», СОКОЛ—РОГ — ЩИТ.

2. Б II ШКУРА — «ВОЛНА» — ШЛЕМ — ВЕТВЬ (при корне № 1). Непосредственно предшествует поле, которое начинается с форманта (б).

3. Б X ШЛЕМ — ДОМ — «СУМКА» — ВЕТВЬ (при корне № 5).

4. Б XIII ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — ДОМ — ДОМ — «НОЖ» — ВЕТВЬ (при корне № 8). За одно поле до него поле XI начинается формантом (а).

Кроме того, знак ВЕТВЬ выступает и в корнях в сочетании ЖЕНЩИНА — ВЕТВЬ (см. № 12) в Б XVI и XXVIII и еще внутри слова в А XVII=XXIX.

Остаются еще три случая, когда -ВЕТВЬ встречается в конце слова, однако нельзя допустить, что этот знак является суффиксом. Это маловероятно по причинам, приводимым ниже:

А X ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ — КОСТЬ — «ВИЛКА» — ВЕТВЬ. Это было бы единственным случаем, когда суффикс -ВЕТВЬ соединяется с префиксом ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ-.

А XXVII КОЛОННА — «ВИЛКА» — ВЕТВЬ. Сочетание «ВИЛКА» — ВЕТВЬ такое же, как в А X.

Б XXIII ШЛЕМ — УГОЛ — ВЕТВЬ. Аллитерирующие поля Б XXIV и сл. указывают на то, что ШЛЕМ необходимо отделить. Если бы в этом случае знак -ВЕТВЬ передавал суффикс, то у нас остался бы односложный корень, тогда как все остальные известные до сих пор корни были по меньшей мере двусложными.

С у ф ф и к с ы -ЩИТ(в) и -ВЕТВЬ(г) связаны между собой многообразными отношениями *правильного чередования*. Это можно наглядно показать в двух таблицах. Первая таблица показывает суффиксы, зависящие от корней; в отличие от (а) и (б), все они встречаются часто и потому известны. В общей сложности

восемь появлений падают, как видно из таблицы, всего на четыре корня таким образом, что к каждому из них имеется по одному примеру с формантом 3 и с формантом 4. В соответствии с этим оба форманта равноправно чередуются друг с другом при одних и тех же словах: это формы флексий одного и того же типа в различных значениях (то есть, например, глагольные формы разного лица или наклонения или разные падежи существительного и т. д.) Чередование имеет место дважды внутри одного высказывания на одной стороне: на лицевой стороне — при корне № 2 (СОКОЛ — РОГ), на оборотной стороне — при корне № 8 (ДОМ — «НОЖ»?); дважды между сторонами таким образом,что форме на -ЩИТ на лицевой стороне соответствует форма с конечным знаком -ВЕТВЬ на оборотной. Таким образом, обе стороны связаны между собой определенной синтаксической связью.

Корень	Формант в	Формант г
1.	А VI	Б II
2.	А XXV	А IX
5.	А II	Б X
8.	Б V	Б XIII

Двоякое чередование суффиксов самих по себе, независимо от слов, к которым они относятся, иллюстрирует другая таблица. Оба форманта распределяются по сторонам диска так, что на лицевой стороне три раза встречается -ЩИТ и один раз — -ВЕТВЬ, на оборотной, наоборот, три раза— -ВЕТВЬ и один раз — -ЩИТ.

	Формант в	Формант г
А	II, VI, XXV	IX
Б	V	II, X, XIII

Внутри высказывания форманты обычно сменяют друг друга последовательно в ходе высказывания. Только в начале на лицевой стороне и в середине на оборотной стороне два раза подряд

следуют друг за другом во втором случае — ЩИТ, и в первом — ВЕТВЬ, но и в этих случаях они встречаются при разных корнях, так что отношение чередования с другими компонентами сохраняется.

Чередование суффиксов при различных корнях на обеих сторонах диска не раскрывает грамматического значения формантов, зато говорит о строении и смысле высказывания. Поэтому позже мы еще вернемся к рассмотрению этого чередования. Но опосредствованно оно указывает условия, которым должно удовлетворять грамматическое решение: существуют лишь немногие языковые формальные категории, которые сами по себе могут чередоваться в высказывании от предложения к предложению.

Непосредственно к грамматической функции подводит другое наблюдение, которое относится как к форманту -ЩИТ, так и к форманту -ВЕТВЬ: оба форманта появляются преимущественно поблизости от формантов (а) и (б). Формант -ЩИТ следует непосредственно за словом с формантом ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ в А II и А VI: формант -ВЕТВЬ также используется два раза — в А IX и в Б II. Не непосредственно (через слово) (в) следует за (б) в А XXV, за (а) — в Б V; (г) следует за (а) в Б XIII. Единственное исключение представляет собой Б X; однако сходство отрезка Б VII и сл. с А I и сл. показывает, что принципиального отклонения здесь нет. Более точных зависимостей между отдельными формантами, входящими в четверку, не обнаружено: правда, (в) и (г) чаще соединяются с (б), не с (а), но лишь в соответствии с общим количественным соотношением этих формантов (всего 13 : 6, здесь — 5 : 2). Хотя на оборотной стороне (а) встречается чаще, чем (б) (4 : 1 против 2 : 12 на лицевой стороне), так же как (г) употребляется здесь чаще, чем (в), но именно здесь (а) используется одинаковое число раз с (в) и с (г). Очевидно, связь в пространстве относится в целом к группам (а, б) и (в, г). Связь можно считать почти устойчивой для (в) и (г), которые в семи случаях из восьми следуют за (а), (б); для (а), (б) эта связь гораздо более свободна — для них имеет место соотношение 7 : 19.

Что следует из всего этого? Наиболее типичная синтаксическая функция имени — функция субъекта: естественно ожидать, что в большинстве случаев употребления (а) и (б) мы имеем дело с субъектами предложений. Синтаксическая функция имени может быть распознана по его месту в предложении. Мы видим в уже опознанных синтаксических членах восемь раз слово с формантом (а) или (б) на первом месте (А I, XIV, XVII, XX, XXIII, XXVI, Б I), три раза — в конце (А XVI, XIX, XXII), один раз — в середине (Б XXVIII). Следовательно, как мы и ожидали, имеется несколько устойчивых положений для слов с формантами (а) и (б), причем положение в начале предложения очень заметно

преобладает: надо полагать, что это место занимают субъекты. С субъектом устойчивой связью связаны только атрибуты и предикаты. Но атрибутивное значение для (в) и (г) исключается, потому что оба эти форманта никогда не выступают в одном слове с (а) или (б). Тем самым для (в) и (г) остается только функция сказуемого, причем именное сказуемое опять-таки исключено; очевидно, -ЩИТ и -ВЕТВЬ — это *формы глагольных флексий.*

Это предположение, так же как и высказанное нами ранее предположение о том, что слова с формантами (а) и (б) в начале синтаксических членов являются субъектами, подтверждается еще одним, не зависимым от уже приведенных, наблюдением: (в) и (г) не только в семи случаях из восьми следуют за словами с формантами ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — (ЩИТ), но в то же время в пяти случаях из восьми за ними непосредственно или не непосредственно (через одно слово) в свою очередь следуют опять-таки слова с этими формантами. Отношение (а, б) : (в, г) в связи с этим обычно охватывает законченное целое, которое соответственно повторяется. Таким замкнутым повторяемым синтаксическим целым с устойчивым отношением противопоставления является только предложение с подлежащим и сказуемым.

Таким образом, здесь одновременно вскрывается и основной тип структуры предложения — *предложения в большинстве случаев из двух-четырех слов с именным подлежащим на первом месте и сказуемым, обычно глагольного характера, на последнем месте.*

д) ШКУРА- (встречается четыре раза).

1. A VI ШКУРА — «ВОЛНА» — ШЛЕМ — ЩИТ
2. Б II ШКУРА — «ВОЛНА» — ШЛЕМ — ВЕТВЬ } см. 1 г, д.

3. A VII ШКУРА — «КУСОК» — РУКАВИЦА. То, что ШКУРА- здесь носит характер форманта, доказывается аллитерацией с A VI.

4. Б XXII ШКУРА — ПЧЕЛА — КОЛОННА — КОРАБЛЬ см. 6а.

Кроме того, ШКУРА- встречается в начале слова: Б XII ШКУРА — КОРАБЛЬ — РОЗЕТКА — МУЖЧИНА;

после префикса (а): A XIV=XX ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ШКУРА — КОРАБЛЬ — КОЛОННА — УГОЛ. В обоих случаях за знаком ШКУРА- следует -КОРАБЛЬ: возможно, здесь имеет место устойчивое сочетание;

после префикса (б): A XXIII ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ—ШКУРА—КОРОМЫСЛО — ПТИЦА — УГОЛ—ШКУРА и, дважды, в A XVII=XXIX ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ — ШКУРА — ШКУРА — ВЕТВЬ — ЛИЛИЯ — «ГРЕБЕНЬ»;

-ШКУРА- — в середине слова, кроме того, еще в Б XVII

ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — «ИЗГИБ» (или «ОГРАДА») — — ШКУРА — МУЖЧИНА;

-ШКУРА — в конце слова в Б IV «КОРЕНЬ» — КОРАБЛЬ — ШКУРА и в А XXIII.

Таким образом, все возможные положения слога в слове достаточно представлены. Значение нигде нельзя определить точно, так как ни разу не встречаются точно определенные корни. Бросается в глаза частое появление знака ШКУРА в длинных словах: А XIV=XX (1 раз), А XVII=XXIX и XXIII (по 2 раза).

е) ШЛЕМ- (встречается 4 раза).

1. Б X ШЛЕМ — ДОМ — «СУМКА» — ВЕТВЬ; см. 5 б.

2. Б XXIV ШЛЕМ — «ВОЛНА» — ШЛЕМ; см. 1 б.

3. Б XXV ШЛЕМ — КОЛОННА—УГОЛ — ДОМ; ср. 1 б: аллитерация с Б XXIII и сл. и часто встречающееся сочетание КОЛОННА — УГОЛ подтверждают правильность расчленения.

4. Б XXIII ШЛЕМ — УГОЛ — ВЕТВЬ, по-видимому, аллитерирует с Б XXIV и сл.

Знак ШЛЕМ встречается еще в середине и в конце слова в корнях «ВОЛНА» — ШЛЕМ (№ 1) и ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — КУСТ — ШЛЕМ — РУКАВИЦА (№ 4). Значение не поддается точному определению в Б VIII: ТОПОР — ШЛЕМ — КИПАРИС — МУЖЧИНА — УГОЛ (см. 3 г) и в случаях появления в конце слова А XI: МУЖЧИНА — КОСТЬ — «СУМКА» — ШЛЕМ, Б I: ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ — «КОРЕНЬ» — «СУМКА» —ШЛЕМ, Б XXVII: «ИЗГИБ» —ГОЛОВА ГАЗЕЛИ— — КРОКУС — УГОЛ — ШЛЕМ, Б XXVIII ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЖЕНЩИНА — ВЕТВЬ — КОЛОННА — УГОЛ — ШЛЕМ. То, что оба последних слова оканчиваются на -УГОЛ — ШЛЕМ, вряд ли указывает на устойчивое сочетание, так как Б XXVIII является сложным словом, в состав которого входит группа КОЛОННА — УГОЛ (№ 14). Но и на то, что -ШЛЕМ является суффиксом, данные по этой группе не указывают (14 б). А XI и Б I совпадают в двух знаках (-СУМКА — ШЛЕМ), но что это означает, определить невозможно.

ж) ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА- (встречается 6+3 раза).

1. А III=Б XX ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — «ВОЛНА» — ШЛЕМ; см. 1 в.

2. Б XXIX ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — ПЧЕЛА — КОЛОННА — КОРАБЛЬ; см. 6 б.

3. А IV ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — ПЧЕЛА аллитерирует с А III. Только аллитерация говорит о соотносимости следований.

4. Б XIX ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — РУКАВИЦА — КИПАРИС
5. Б XVIII ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — КУСТ — ШЛЕМ — РУКАВИЦА

} аллитерирует с Б XX.

Но тогда это, по-видимому, тот же самый формант.

6. Б XXI=XXVI КОРЕНЬ — ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — КУСТ — ШЛЕМ — РУКАВИЦА (см. № 4).

7. Б XIII ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — ДОМ — ДОМ — «НОЖ» — ВЕТВЬ (см. № 8).

Неопределимым остается Б XV ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — ДЕЛЬФИН — МУЖЧИНА.

Принадлежность к корню можно предположить для А IV ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — ПЧЕЛА (см. выше, п. 3). Кроме этого случая и п. 6, ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА встречается только в начале слова.

Три форманта — ШКУРА-, ШЛЕМ- и ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА- — связаны друг с другом многообразными связями. Для них для всех как для префиксов общим является начальное положение в слове — общим, но не характеризующим только их, так как в этом они похожи, например, на форманты (а) и (б). Общим для них является и распределение в тексте — все три форманта на оборотной стороне встречаются чаще, чем на лицевой: ШЛЕМ- вообще встречается только на стороне Б, для форманта ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА- соотношение выражается числами 2 : 7 (из последних — четыре точно определяемых случая), для форманта ШКУРА- — числами 2 : 2. Преобладание на стороне Б видно и в этом последнем случае, если учесть, что знак ШКУРА вообще встречается на стороне А вдвое чаще, чем на стороне Б (10 : 5). Такое распределение в тексте позволяет противопоставить эти три форманта формантам ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ- и ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ-, три четверти случаев появления которых приходится на сторону А. Действительно, ни один из этих формантов никогда не выступает в соединении с (а) или (б), если только не рассматривать знак ШКУРА в длинных словах А XIV=XX, А XVII=XXIX, А XXIII как префикс. Более того, ни один из корней, при которых встречаются эти форманты, не соединяется с формантами (а) или (б); (д), (е), (ж), с одной стороны, и (а), (б), с другой, исключают друг друга непосредственно в слове и опосредствованно при корне; там, где скопляются одни, другие становятся редки.

Напротив, они часто соединяются с глагольными суффиксами -ЩИТ и -ВЕТВЬ: ШКУРА — «ВОЛНА» — ШЛЕМ — ЩИТ (А VI), ШКУРА — «ВОЛНА» — ШЛЕМ — ВЕТВЬ (Б II); ШЛЕМ — ДОМ — «СУМКА» — ВЕТВЬ (Б X), ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — ДОМ — ДОМ — «НОЖ» — ВЕТВЬ (Б XIII); как мы

видим, соединение с (в) и (г) одинаково свойственно всем трем префиксам. Если при этом преобладает (г), то это соответствует тому факту, что (г) (в отличие от в) так же, как и (д), (е), (ж), значительно чаще встречается на оборотной стороне; поэтому данное наблюдение, по-видимому, окажется важным при рассмотрении смысла высказывания, но не является свидетельством более тесной грамматической связи с (г). Связь формантов (д), (е), (ж) с формантами (в), (г) исключительна (последние никогда не встречаются с другими суффиксами, первые — с другими префиксами), но не необходима (она имеет место только в половине случаев появления каждого из формантов).

К этому присоединяется следующее: три форманта — (д), (е), (ж) — чередуются между собой при одном и том же корне. С корнем «ВОЛНА» — ШЛЕМ встречаются все три: ШКУРА- — в А VI и Б II, ШЛЕМ- — в Б XXIV, ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА- — в А III и Б XX (места в списке слов под № 1); кроме того, ШКУРА и ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА чередуются в параллельных членах предложения при корне ПЧЕЛА — КОЛОННА — КОРАБЛЬ в Б XII и XXIX.

И наконец: все три форманта повторяются, иногда два или три раза подряд непосредственно друг за другом при разных корнях (аллитерация), например:

ШКУРА-: А VI и сл.: ШКУРА — «ВОЛНА» — ШЛЕМ — ЩИТ, ШКУРА — «КУСОК» — РУКАВИЦА;

ШЛЕМ-: Б XXIII — XXV: ШЛЕМ — УГОЛ — ВЕТВЬ, ШЛЕМ — «ВОЛНА» — ШЛЕМ, ШЛЕМ — КОЛОННА — УГОЛ — ДОМ;

ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА-: А III и сл.: ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — «ВОЛНА» — ШЛЕМ, ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — ПЧЕЛА. Б XVIII — XX: ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — КУСТ — ШЛЕМ — РУКАВИЦА, ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — РУКАВИЦА — КИПАРИС, ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — «ВОЛНА» — ШЛЕМ.

Эти связанные ряды выступают в двух отрезках надписи, так что по два ряда находятся в отношении соседства: А III и сл. и VI и сл., Б XVIII и сл. и XXIII и сл. (в первом случае — два, а во втором — три поля). Каждый раз между парами происходит чередование префиксов (ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА: ШКУРА; ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА : ШЛЕМ).

Итак, появление префиксов определяется следующим правилом: при одинаковых словах и при соседних синтаксических группах они чередуются, при замкнутых рядах различных слов повторяются, не изменяясь. Чередование является правилом также и в сказуемых предложений, которые следуют друг за другом. Напротив, чередования между префиксами

внутри одного и того же синтаксического члена (то есть в соседних, различных словах), по-видимому, либо вообще не происходит, либо оно происходит редко; примером этого является один-единственный отрезок текста Б XXI и сл.: «КОРЕНЬ» — ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — КУСТ — ШЛЕМ — РУКАВИЦА, ШКУРА — ПЧЕЛА — КОЛОННА — КОРАБЛЬ, ШЛЕМ — УГОЛ — ВЕТВЬ.

Из многочисленных чередований трех формантов следует, что они являются *флексиями*; из их противопоставленности (а), (б) и связи с (в), (г) следует, что это — *флексии предикативного характера*. Этому соответствует и их место в предложении: не только в тех случаях, когда они выступают вместе с (в), (г), но и там, где они встречаются самостоятельно, они стоят обычно в конце предложения (напр., Б XX, XXV; Б XXIX — предпоследнее слово высказывания; другую картину мы наблюдаем в Б XXII и, если они относятся сюда, в Б XXI=XXVI); дважды они следуют за глаголом предложения (А III и сл. и VII).

Отношения с (в), (г) можно, пожалуй, еще уточнить при помощи анализа аллитерирующих форм: а именно, там, где выступают связанные между собой ряды префиксов (д), (е) или (ж), суффикс в большинстве случаев отсутствует; из десяти таких слов только одно противоречиво: в А VI, наряду с префиксом, появляется формант -ЩИТ. Но там, где внутри синтаксического члена выступает только одно слово с префиксом, оно часто связывается с формантом -ВЕТВЬ (Б II, X, XIII; в случаях Б XXII и XXIX остается неясным, принадлежит ли последний знак -КОРАБЛЬ к корню или является суффиксом, во всяком случае, здесь (в) и (г) отсутствуют).

Несмотря на это уточнение и несмотря на другие опорные моменты, которыми можно располагать при интерпретации (три ступени чередования, чередование от предложения к предложению, ряды внутри одного предложения), трудно заключить, что эти флексии — модальные флексии глаголов: с одной стороны, потому, что в них имеет место взаимосвязь стилистического своеобразия текста и грамматической структуры языка, причем отделить одно от другого вряд ли возможно; с другой стороны, потому, что несмотря на многочисленные перекрещивания количество однозначных случаев и зависимостей меньше, чем можно было бы ожидать, исходя из обилия примеров. Только при более глубоком проникновении в структуру текста как целого можно надеяться на успех и в этом вопросе.

з) «КОРЕНЬ»- (встречается 2+3? раза).

1. Б XXI=XXVI «КОРЕНЬ» — ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА — КУСТ — ШЛЕМ — РУКАВИЦА.

ШЛЕМ — РУКАВИЦА в Б XVIII обнаруживает префиксальный характер знака (см. корень № 4); возможно, что и сле-

дующий знак — ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА- следует рассматривать как формант (ж).

Знак «КОРЕНЬ» появляется еще три раза, причем явно в устойчивом положении в начале слов, в крайнем случае,— после форманта (б). Возможно, здесь речь идет о том же самом форманте:

2. Б IX: «КОРЕНЬ» — ЛИЛИЯ — ГУСЕНИЦА — КОРАБЛЬ.

3. Б IV: «КОРЕНЬ» — КОРАБЛЬ — ШКУРА.

4. Б I: ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ — «КОРЕНЬ» — СУМКА — ШЛЕМ.

В случаях 1 и 4 формант появляется в начале синтаксических членов, в случаях 2, 3 и 4 — перед глагольными формами: этот факт, так же как и связь с формантом (б), свидетельствует в пользу того, что «КОРЕНЬ» — это *именной формант*.

и) -УГОЛ.

1. А I: ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ — КИПАРИС — МУЖЧИНА — УГОЛ. (Относится к корню № 3.)

2. Б VIII: СЕКИРА — ШЛЕМ — КИПАРИС — МУЖЧИНА — УГОЛ. (Относится к корню № 3.)

Знак УГОЛ встречается очень часто: он появляется в середине и в конце слова в словах, которые определены как корни (ЖЕНЩИНА — УГОЛ — ... № 7), и в устойчивых сочетаниях (-КОЛОННА — УГОЛ — № 14); по-видимому, в корне также и в Б XXIII ШЛЕМ — УГОЛ — ВЕТВЬ. Неопределимыми остаются появления внутри слова в А XXIII: ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ — ШКУРА — КОРОМЫСЛО — ПТИЦА — УГОЛ — ШКУРА и Б XXVII: «ИЗГИБ» — ГОЛОВА ГАЗЕЛИ— КРОКУС — УГОЛ — ШЛЕМ, в конце слова — Б XIV: ОТВЕС — КОРОМЫСЛО — УГОЛ.

Так как в качестве форманта знак УГОЛ засвидетельствован только при одном корне, нельзя считать такое его понимание достоверным; пример А I говорит об именной функции независимо от того, является ли формант флексией или образует корень.

Наконец, остаются еще четыре знака, которые можно отделить от сочетания КОЛОННА — УГОЛ: ОТВЕС- (Б VI; кроме того, не определены еще позиции Б XIV), -ТРЕУГОЛЬНИК (Б VI), -ДОМ (Б XXV; ср. также состав корней № 5 и № 10), -ШЛЕМ (Б XXVIII); о других случаях появления этих четырех знаков шла речь при рассмотрении сочетания КОЛОННА — УГОЛ (см. выше, № 14). Вопрос, являются ли они формантами, остается нерешенным.

Г. Нойман

К СОВРЕМЕННОМУ СОСТОЯНИЮ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕСТСКОГО ДИСКА *

I

Настоящая статья написаиа специально для сборника «Тайны древних письмен». С разрешения редакции эта статья была первоначальио опублнкована в журнале «Kadmos».

Как раньше, так и теперь знаменитый диск из Феста представляет собой неразрешенную загадку науки о критских древностях. Он был обнаружен Л. Пернье во время итальянских раскопок 1908 г. в северо-западной части Минойского дворца вместе с одной табличкой линейного А. Вслед за Пернье («Ausonia», 3, 1908, стр. 255 и сл.) исследователи вплоть до настоящего времени считали, что диск относится к среднеминойскому III б периоду, то есть ко второй половине XVII в. до н. э. Однако ныне К. Еппесен (стр. 158 и сл.) (см. список лит.) обратил внимание на то, что указания Пернье страдают неполнотой, и высказал предположение, что «момент, в который диск попал в слой, где он был найден, мог находиться где-то между концом III среднеминойского периода и концом III позднеминойского периода, то есть приблизительно с 1600 г. до н. э. вплоть до окончательного падения государства около 1100 г. до н. э.» (там же, стр. 161). Еппесен допускает, что сам диск, естественно, может быть древнее, чем верхняя временна́я граница его попадания в этот слой. К этому я добавлю, что не следует слишком снижать древность диска, так как очень похожая письменность засвидетельствована на топоре из Аркалохори (см. ниже, стр. 68). (Время от времени под сомнение ставится *подлинность* диска, однако аргументы в пользу этого неубедительны.)

Глиняный круг, который можно легко охватить рукой (диаметр 15,8—16,5 см), имеет на каждой стороне последовательность знаков, расположенных спиралеобразно (ἑλικηδόν)**. Всего текст содержит 242 знака, которые распределены на 31 (сторона А)+30 (сторона Б) групп (каждая состоит из 2—7 знаков). На стороне А находится 123 знака, на стороне Б — 119. Различных знаков в надписи насчитывается 45; пиктографическое значение

---

* Günter N e u m a n n, Zum Forschungsstand beim «Diskos von Phaistos».— «Kadmos», Band VII, Heft 1, 1968, S. 27—44.

** Изображения одной из сторон дискa, репертуара знаков н текста иадписи иа обеих сторонах диска приведены иа стр. 34, 39 и 44 настоящего издаиия.— *Прим. ред.*

многих из них вполне однозначно: бегущий мужчина, женщина с обнаженной грудью, рыба, цветок крокуса, корабль, разрисованный треугольник и т. д. [см. рис. 1].

Гюнтер Нойман

Значение многих знаков все еще остается неясным; задачей будущих исследований является определение их пиктографического значения с помощью археологических параллелей (этим начал заниматься А. делла Сета; см. список литературы). Знаки вытиснены с помощью штемпелей (по всей вероятности, деревянных). Уже такая «техника печатания» связывает диск с некоторыми другими критскими памятниками, например с фрагментом сосуда из Психро, на котором вытиснены очертания кувшинов, и с глиняной табличкой из Феста, на краю которой выдавлены спирали и фигуры быков (изображения у X. Т. Боссерта «Alt-kreta»[3], 1937, стр. 211, № 365). Эту табличку относят ко II среднеминойскому периоду. Несмотря на давние попытки считать диск продуктом малоазийской (Эванс) или филистимской культуры, как и на попытку Еппесена (как уже ранее — Р. Макалистера) приписать его какой-то североафриканской культуре, близкой к египетской, необходимо признать его явно *критское* происхождение. Уже Ипсен (IF, 47, 1929, стр. 4) удачно заметил, что «он представляет эгейский мир ... для эгейского мира был характерен и спиральный орнамент, характерна и смелость выдумки»; и на стр. 10: «Таким образом, эта письменность сложилась в районе Крита». Мы можем добавить к этому, что в последнее время Ф. Шахермайр («Die minoische Kultur des alten Kreta», 1964, стр. 246) признал в знаках, изображающих бегущего мужчину и

Рис. 1.

летящую птицу, «типичные минойские картинки, передающие движение». Грумах упоминает («Kadmos», V, 1966, стр. 168), что в горном святилище Траостале под Закро были найдены мужские головы из глины с зубчатым гребнем, напоминающие знак ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ на диске (ср. табл. 1 в работе К. Даввараса — см. список лит. к этой ст.; по Даварасу, это святилище использовалось со среднеминойского периода I по среднеминойский период III). Далее в своем докладе на Втором критологическом конгрессе в Хании Грумах предложил считать иероглиф ЖЕНЩИНА С ОБНАЖЕННОЙ ГРУДЬЮ изображением богини-бегемота Ta-wrt = Thoeris (Θουηρις) (по происхождению египетской) [1]. Наряду с этим все еще остается в силе старое указание X. Р. Холла (JHS, 31, 1911, стр. 118), который сопоставил этот иероглиф с маленькой золотой фигуркой женщины из третьей шахтовой гробницы в Микенах, которая одета в похожую юбку с заострением в середине и у которой такая же широкая талия [см. рис. 2].

Рис. 2.

Еще одно доказательство, которое связывает *языковую* особенность диска, проглядывающую сквозь письменность, с подобным явлением в критских иероглифах, также принадлежит Грумаху. Он показал в Гр. III (стр. 365), что на стороне Б диска в слове XVI, как уже раньше заметил Ипсен, имеется «интерфикс» — СИДЯЩИЙ ГОЛУБЬ — внутри группы из пяти знаков [см. рис. 3] и что аналогично этому на критских иероглифических печатях появляются группы из пяти знаков с интерфиксом в середине.

Нам известно, кроме того, еще несколько критских памятников, которые можно поставить в один ряд с диском, поскольку форма знаков на них имеет ярко выраженный пиктографический характер и только им присущи особые формы знаков:

1) Бронзовый топор из Аркалохори (опубликован Сп. Маринатосом в «Archäol. Anz.», 50, 1935, столб. 252 и сл.), относящийся к отрезку времени между III среднеминойским периодом и I позднеминойским периодом и, видимо, имевший какое-то культовое значение. В начале двух из трех строк на этом памятнике, которые читаются сверху вниз, стоит знак головы со странной зубчатой линией на темени, что является, вероятно, параллелью к позиции знака ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ на диске, так как этот

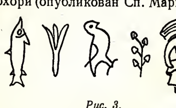


Рис. 3.

[1] См. Э. Грумах, К происхождению Фестского диска.— «Вестник древней истории», 1968, № 2, стр. 14—28.

последний появляется только в качестве начального знака группы. (У головы, изображенной в профиль, зубчатая линия идет вдоль, у другой головы — поперек.)

2) Каменный алтарь из Маллии (F. Chapouthier, CRAI, 1937, стр. 277 и сл.) с 14 (?) иероглифическими знаками.

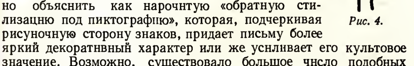


Рис. 4.

Нужно отметить, по крайней мере в качестве *предположения*, что отличие этих трех надписей от одновременного с ними курсивного письма можно объяснить как нарочитую «обратную стилизацию под пиктографию», которая, подчеркивая рисуночную сторону знаков, придает письму более яркий декоративный характер или же усиливает его культовое значение. Возможно, существовало большое число подобных индивидуальных или локальных форм.

Даже *направление*, в котором читаются оба текста на диске, все еще не определено с несомненностью. Из наблюдений над тем, как иногда пересекаются знаки, был сделан вывод (делла Сета), что надписи печатались снаружи внутрь, то есть справа налево. Таким образом, писец мог с самого начала использовать край диска в качестве нижней линии, на которой располагались знаки. Мне представляется в высшей степени искусственным допущение, что изготовитель диска работал в «обратном направлении», то есть против естественного направления чтения; гораздо более вероятным в любом случае является предположение, что направление письма и направление чтения совпадают. (В пользу данной точки зрения высказалось большинство исследователей, в самое последнее время — Шварц (II); в пользу чтения изнутри наружу высказались Шертель, Эфрон, Гордон и — коротко и осторожно — Грумах.) При дальнейшем изложении ячейки будут нумероваться снаружи внутрь (A I и т. д.).

Трудно добиться ясности в вопросе об *общем числе знаков* используемой в надписи на диске системы письменности. Ипсен («Der Diskus von Phaistos», IF, 47, 1929, стр. 8) определил это число как «более пятидесяти, но едва ли многим более шестидесяти». Э. Маккей в своей работе «On the Type-Fount of the Phaistos Disc» (London, 1964, Dept. of Crystallography,—Birkbeck College, Univ. of London) высказал предположение, что письменность, использованная в Фестском диске, содержала 55 различных знаков; эта работа известна лишь из краткого сообщения К. Деллера в «Orientalia» (№ 34, 1965, стр. 395 и сл.), и я ничего не знаю о примененном в ней методе исчисления. О возможности установить общее число знаков при помощи метода экстраполяции скептически высказывается А. Кобер (AJA, 52, 1948, стр. 87). В принципе возможно рассматривать отнесение *системы* письменности диска к следующим трем: логографическому (идеогра-

фическому) письму (то есть *одно* слово передается *одним* знаком), или к слоговому письму, или же к какой-то комбинации обеих систем, где к тому же надо будет еще считаться с различными вспомогательными знаками. (Чисто буквенное письмо для такой ранней эпохи исключается; к тому же число знаков слишком велико.) Гипотеза о чисто логографическом письме, о котором можно думать вследствие ярко выраженного рисуночного характера знаков, видимо, отпадает ввиду относительно малого числа различных знаков. Если же — как я предполагаю вслед за другими исследователями — мы имеем здесь дело в основном со *слоговым* письмом, то каждая отдельная группа знаков является «словом» (или же, возможно, группой, объединенной одним общим ударением, то есть словом с примыкающими к нему проклитиками и энклитиками или — используя термин Ипсена — «словокомплексом» («Wortgefüge»; см. выше, стр. 40). На слоговое письмо указывает также ограниченное число различных знаков, и когда один и тот же знак встречается *дважды*, например ДОМ (в Б XIII), ШКУРА (в А XXIX) или ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА (в А IV), то его надо рассматривать скорее всего не как логограмму и не как детерминатив [2]. [См. текст надписи на стр. 44.]

Для доказательства того, что ярко выраженная рисуночная форма знаков письма не исключает слогового характера письменности, можно привлечь и другие параллели, например протобиблское письмо, которое, видимо, можно датировать XVIII в. до н. э. или немного позднее и которое, таким образом, ненамного старше диска. Дорм назвал его «псевдоиероглифическим», так как в нем можно узнать рисунки человека, птицы, глаза, серпа, жертвенника и т. п. С другой стороны, общее число различных знаков — только 72,— равным образом как и результаты дешифровки, указывают на слоговую систему письменности *.

До сих пор считалось невероятным, что уже в XVII в. до н. э. могла существовать вполне разработанная слоговая письменность. Но протобиблское письмо является хорошей аналогией, к тому же исследования Еппесена дают возможность датировать диск немного позднее, чем XVII в. до н. э. Все еще спорным остается вопрос, в каком объеме критское иероглифическое письмо уже использовало слоговые знаки. Грумах (см. Гр. III, стр. 346 и сл.) допускает, что при преобладающем логографическом характере письма существовало некоторое количество слоговых знаков,

[2] Я использую здесь термин «детерминатив» в значении «знак, указывающий на семантический разряд, к которому принадлежит относящееся к нему слово, причем сам знак при чтении не произносится». Сундвалл (в «Acta Acad. Aboensis», X, 2, 1936, илл. 1 и 2) приводит примеры расположенных рядом двух знаков ДОМ в линейном А.

* В протобиблской письменности насчитывается, по-видимому, около 100 знаков; результаты дешифровки, которые имеет в виду Г. Нойман (очевидно, дешифровки Дорма и Йирку), не внушают доверия.— *Прим. ред.*

тогда как Поуп (Поуп I, стр. 8 и II, стр. 19), как до него Эванс («Scripta Minoa», I, стр. 247) и Вентрис — Чэдуик (M. Ventris, J. Chadwick, Documents in Mycenaean Greek, Cambridge, 1956, стр. 29), предполагает, что критское иероглифическое письмо имело наряду с логограммами уже примерно 50—75 слоговых знаков. Но поскольку в нем (и даже в линейном Б) наряду со слоговыми знаками существовали и многочисленные логограммы, было бы удивительно, если бы в письме диска встречались лишь слоговые знаки, но не встречались словесные знаки. (И в отношении других, еще не дешифрованных письменностей, вопрос о том, какова система данного письма — слоговая или логографическая,— вызывает споры.)

II.

Диск со своим захватывающим множеством рисуночных знаков постоянно соблазняет специалистов, и еще больше неспециалистов, на попытки его дешифровать (ср. длинный список в Гр. II, стр. 23—30; Гр. V, стр. 8 и сл.). Сегодня, когда достигнуты определенные теоретические результаты, касающиеся техники, методов и предпосылок дешифровки, можно с самого начала сказать, что в настоящее время нет никаких шансов дешифровать его полностью. Для этого имеются следующие основания:

1) диск является единственным памятником представленной им системы письменности;

2) текст диска слишком краток для проведения достаточного количества статистических исследований;

3) ни обстоятельства находки диска, ни сам диск как предмет не дают нам достаточно точных указаний на содержание текста;

4) диск относится к такому раннему времени, что в нашем распоряжении не имеется никаких данных «ante hoc» из критских собственных имен или глосс из иных источников, которые мы могли бы, с некоторой долей вероятности, обнаружить на диске.

Тем не менее в последние годы был опубликован целый ряд более или менее полных «дешифровок» диска, то есть как определение всех (или большинства) звуковых значений знаков, так и переводы текста. Новейшие шесть «дешифровок», принадлежащие Шертелю, Зиттигу, Шварцу, Эфрону, Гордону и Дэвису, мы рассмотрим подробнее. К сожалению, эти исследователи недостаточно принимают во внимание старые предварительные работы, например превосходное исследование Г. Ипсена (см. выше стр. 32—65), во всяком случае, по существу не анализируют результатов этих работ. Равным образом без всяких подробных доказательств они исходят из наивной предпосылки, заключающейся в том, что письменность диска — чисто слоговая (как в кипрских силлабариях первого тысячелетия до н. э.). Некоторые процеду-

ры, повторяющиеся у большинства из этих исследователей, будут далее критически проанализированы.

Один из постоянно применяемых «методов» получения звуковых значений состоит в том, что устанавливается *пиктографическое значение* знака; затем подыскиваются соответствующие слова какого-либо известного древнего языка данного ареала — например, какого-либо западносемитского наречия, или хеттского языка, или же (часто) древнегреческого — и первый слог их считается звуковым значением соответствующего знака. Так поступал, например, Зиттиг, чью дешифровку диска мы, правда, можем восстановить лишь в общих чертах по одной посмертно опубликованной рецензии (см. список лит.) и по скудным сведениям, сообщаемым Х. Парсом[3] (см. H. P a r s, Göttlich aber war Kreta, 1957, стр. 365 и сл.). Правда, Зиттиг положил в основу своей попытки дешифровки также и исчисление частотностей знаков, однако несомненно, что так называемый «принцип акрофонии» играл в его методе гораздо большую роль. Языком, на основании которого он строит свою гипотезу, у него служит древнегреческий (в частности, его южноахейско-аркадская разновидность); так, например, он определяет звучание знака ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ как a (соотнося изображения с греч. ἀρχὸς «вождь» или ἀνήρ «мужчина, муж»), знака КОРАБЛЬ — как na (ср. греч. ναῦς «корабль»), знака ШКУРА — как ta (ср. греч. ταῦρος «бык»), ВОЛНА — как u (ср. греч. ὕδωρ «вода»), ПЛЕННЫЙ — как ai (ср. греч. αἰχμάλωτος «взятый в плен») и т. д.; ср. DLZ, столб. 249. Таким образом, он читает слово A XIV = A XX как a-ta-na-me-ka-la Ἀθηνᾶ μεγάλη «великая Афина». Многие исследователи используют «акрофонический принцип», чтобы определить фонетические значения по крайней мере *части* знаков. Таким путем определил десять слоговых значений на первом этапе своей дешифровки Дэвис; например, он связал со знаком БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК[4] хеттское прилагательное liliwant- «спешащий» и получил слоговое значение li/le/ri/re; знак ДОМ он толкует как «дворец, крепость», связывает его с хет. gurta- «крепость» и получает для этого знака значения ku/hu/gu. В работах Гордона акрофония играет двоякую роль. Он взял у пяти знаков линейного А, так как они похожи на знаки диска, их слоговые значения; например, для знака РУКА, который он, правда, интерпретирует как «нога в сандалии», он принимает значение no, какое этот знак имеет в линейном Б

[3] Псевдоним Ганса Дибова (Hans Diebow).

[4] Своими названиями отдельных знаков я стремлюсь кратко указать на их возможное пиктографическое значение. Но во многих случаях, например при знаке ШЛЕМ, к сожалению, маловероятно, что данное название может совпасть с тем значением знака, которое придал ему изобретатель письма.

(и, вероятно, в линейном А). После этого он утверждает, что данный знак обладает этим слоговым значением потому, что *nôl соответствует зап.-семит. na'l «башмак». И когда оказывается, как ему представляется, что знаки диска наделены звуковыми значениями, взятыми из какого-то западносемитского языка, по принципу акрофонии, он отваживается на следующий шаг и приписывает подходящие звуковые значения еще семи знакам. Например, он приписывает знаку РОГ значение ḳr̥-, так как в семит. «рог» звучит ḳarn- (Gordon, стр. 41). Однако Гордон определяет звуковые значения лишь дюжины знаков и воздерживается от полного перевода диска.

В чем же заключается ошибочность такого «акрофонического метода»? Во-первых, уже при определении звуковых значений знаков в процесс дешифровки вводится то, что должно быть сначала установлено, то есть язык, скрывающийся под данной письменностью. Во-вторых, предположение, что можно узнать из рисунка, какое слово при этом пришло на ум изобретателю письма, является весьма оптимистическим. (Хеттская иероглифическая письменность могла бы здесь послужить предостережением: рисунок ноги имеет там звуковое значение *не* pa- (по padi- «нога»), а ti — по глаголу «ступать» и т. д.) И в-третьих, предполагается — хотя это и не доказано,— что время изобретения этой письменности и дата изготовления надписи на диске так близки, что можно оперировать одной и той же формой языка (ср. А. Кобер в «Language», 26, 1950, стр. 296). В принципе верно, что, во всяком случае у логограмм и детерминативов, *пиктографическое* значение знака может указывать на их смысл, но оно совсем не может помочь при определении фонетического значения *слогового знака*. Исследователь может высказывать предположения о происхождении слогового значения того или иного знака лишь тогда, когда это слоговое значение уже определено каким-либо другим способом. Так, например, Э. Ларош в своей книге «Les Hiéroglyphes Hittites» (Partie 1, 1960, стр. 255 и сл.) показал, что некоторые хеттские иероглифы («дающая рука», «идущая нога», «хороший», «девять» и т. д.) приобрели свои слоговые значения по акрофоническому принципу из какого-то хетто-лувийского языка. Аналогичным образом Г. Нойман (см. «Glotta», 36, 1957, стр. 156 и сл.) связал звуковое значение ni знака ВЕТВЬ СМОКОВНИЦЫ из линейного А и линейного Б с критской глоссой νικύλεον «вид инжира». Но подобные интерпретации должны были быть всегда лишь *последующим* шагом. Тот, кто начинает с них дешифровку, совершает грубую методологическую ошибку *.

* Отметим, что последовательное применение акрофонического принципа, то есть употребление первого слога названия изображенного предмета для зву-

Второй метод дешифровки заключается в том, что слоговые значения берутся из уже дешифрованных систем письма. При этом важную роль играет тождество или сходство знаков. (Подобным образом уже А. Кюни (в «REA», 13, 1911, стр. 296 и сл.) отождествил знаки диска с египетскими иероглифами и наделил их звуковыми значениями последних.) И здесь также возникают принципиальные возражения: тот, кто захочет прочесть русский текст с помощью латинского алфавита, или тот, кто захочет прочесть карийские, лидийские или ликийские надписи с помощью греческого, конечно, получит определенную *часть* верных чтений, но одновременно и *неверные* звуковые значения, которые для него не будут отличаться от истинных. И даже этот метод оправдывает себя лишь тогда, когда соответствующие письменности близкородственны по происхождению, что в отношении диска и критских письменностей или соответственно кипро-минойского письма все еще остается недоказанным. (Верным было решение Вентриса, давшее затем богатые результаты,— не стараться перенимать из кипрского силлабария б о л ь ш о г о числа слоговых значений, как это делали Зиттиг и другие, а напротив, брать их как можно м е н ь ш е.)

У Дэвиса второй этап дешифровки заключается в том, что он снабжает 13 знаков диска звуковыми значениями по сходству их начертаний со знаками линейного А и линейного Б. Новые шесть слоговых значений он получает, сравнивая слова диска с группами знаков на печатях, то есть с иероглифическим письмом, которое он также, как ему кажется, дешифровал. Остальные 13 знаков он определяет «из контекста».

У Эфрона, который подчеркивает свое знание современных методов дешифровки, первый шаг состоит в том, что он сравнивает знаки диска со знаками кипро-минойской таблички из Энкоми (которую, по его мнению, он дешифровал) и получает таким образом звуковые значения. (Однако ученые не приняли его чтения таблички из Энкоми — см. «Harvard Studies in Classical Philology», 65, 1961, стр. 39 и сл.) И так он устанавливает фонетические значения почти всех знаков и приходит, естественно, к явно невероятным результатам: знаки для простых гласных a, e, i, o, u якобы совершенно отсутствуют, для сибилянтов же, напротив, существует четыре разных ряда; лабиовелярный q передается комбинацией двух знаков, группа sa^{4}-sa^{2}-de-jo является формой родительного падежа от географического названия «Сарды», su^{3}-se^{4}-ja^{2} — аккузативом θεὰν «богиню» и т. д.

Как Дэвис, так и Эфрон оперируют «вариантными написаниями», то есть одно и то же слово выступает у них в различных

чания знака, изображаемого этим предметом, наблюдается в истории письма весьма редко, во всяком случае, гораздо реже, чем предполагают дилетанты.— *Прим. ред.*

орфографических вариантах. Но именно это предположение является невероятным в отношении так тщательно изготовленного документа, где текст и письменное выражение, очевидно, точно соответствуют друг другу.

Третьим методическим приемом является наблюдение над частотностью знаков в различных позициях (начало, середина, конец слова). По всей видимости, Зиттиг производил это в своем неопубликованном опыте; Шертель и Эфрон приводят внушительные вычисления и кривые, а Шварц (Шварц I, стр. 107) следующим образом формулирует принцип, согласно которому он приписывает знакам диска слоговые значения знаков линейного А или соответственно линейного Б: «Непосредственная преемственность развития плюс частотность плюс дистрибуция гарантируют отождествление». Он полагает, следовательно, что определил некоторое количество верных звуковых значений, поскольку он связывает сравнение сходных знаков на диске и в линейном Б со статистическими сравнениями встречаемости знаков в начале, середине и конце слов. Вполне разумно относить диск к крито-минойским письменностям, однако его письмо все-таки отличается от различных критских систем письма, а статистические результаты при исследовании таких кратких текстов слишком часто зависят от случайностей, а также и от структуры записанного языка. Уже из-за хронологической отдаленности маловероятно, что и диск и памятники линейного Б принадлежат одному и тому же языку. Дешифровщики полностью расходятся в определении звуковых значений знаков и соответственно в переводах интерпретируемого ими текста. Согласно Дэвису, в тексте говорится только об изготовлении печатей; выглядит он весьма бедным. Для иллюстрации приводим перевод Дэвиса групп Б XVIII и сл.: «я оттиснул, я отпечатал, я отпечатал, я оттиснул, я отпечатал, я отпечатал, я отпечатал, я отпечатал, я оттиснул отпечатки, я поставил печать, я поставил печать, я отпечатал, я поставил печать». (Мне не известна ни одна параллель к подобному повторению сходных выражений, где к тому же сильно варьировалось бы написание одних и тех же слов.)

Эфрон, напротив, обнаруживает на диске «относительно примитивное или, во всяком случае, раннее» произведение «греческой религиозной поэзии». Мы приводим тот же отрывок в его переводе: «Иаон дерзающий (из) Сард вызвал на состязание чтимую богиню Тарсо, дочь Теарнейя».

Шварц, со своей стороны, находит здесь список священных городов, который, видимо, служил пилигриму для ориентировки. Конец стороны Б выглядит у него следующим образом: «и именно это (место) Эрато (для) ритуалов с быками, и Энитоно (для) умиротворения, и для свободы от забот — третье, радостное (место) Эсирия».

Зиттиг считал, что ему удалось обнаружить на стороне А распоряжения о распределении земельных участков, а на стороне Б — инструкции о совершении ритуалов, связанных с поминками и праздником сева. В конце стороны Б он читает (по Парсу, указ. раб.) следующее наставление: «Да скажут они на это: 'Прими, наша земля, это благословение'».

Шертель же обнаружил гимн, посвященный Зевсу и Минотавру.

Насколько поэтично звучат все эти переводы, насколько они возбуждают воображение, настолько же они ненадежны. В самом благоприятном случае только *одно* из этих толкований может быть верным. Уничтожать, разбирая по косточкам, попытки дешифровок, сделанные коллегами,— отнюдь не приятное занятие, но поскольку можно быть уверенным, что и в будущем диск будет возбуждать исконное человеческое стремление — разгадывать тайны,— то пусть эта методологическая критика в какой-то мере окажет помощь и охладит разгоряченные головы. Все эти попытки — таково мое мнение — были с самого начала обречены на неудачу, поскольку исследователи допускали методологическую ошибку, рассчитывая узнать слишком много из слишком краткого и единственного в своем роде текста.

III.

Если сегодня (что мы попытались показать) нет никакой надежды на то, что можно полностью дешифровать диск, то все же определенные *предварительные исследования* являются необходимыми, а результаты их могут быть успешными. Нам необходим, например, по возможности полный свод сведений о расположении надписей по спирали в античное время и в странах Древнего Востока и о значении подобного расположения [5]; далее, нас интересует происхождение словоделения и его закономерности в различных системах письма. Детальное сравнение репертуара знаков и системы письма диска с иероглифическим письмом Крита также могло бы продвинуть вперед наши исследования. Что же касается самого процесса дешифровки, то здесь надо различать три фазы: как ни безнадежна в настоящее время попытка определить звуковые значения знаков диска или тем более дать полный перевод, однако возможен прогресс в чисто графической дешифровке. «Внутренний анализ», некогда нача-

[5] Здесь можно упомянуть в качестве примера об описании Павсанием (V , 20, 1) диска Ифита в храме Геры в Олимпии: «ὁ δὲ τοῦ 'Ιφίτου δίσκος τὴν ἐκεχειρίαν, ἣν ἐπὶ τοῖς 'Ολυμπίοις ἐπαγγέλλουσιν 'Ηλεῖοι, ταύτην οὐκ ἐς εὐθὺ ἔχει γεγραμμένην, ἀλλὰ ἐς κύκλου σχῆμα περίεισιν ἐπὶ τῷ δίσκῳ τὰ γράμματα.» — Другие примеры расположения надписей по спирали см. Paul Jacobsthal, Diskoi, =93. Winckelmannsprogramm, 1933, стр. 23 и сл.

тый с таким успехом Ипсеном, необходимо продолжить; он обещает принести еще новые результаты. Ипсен разложил группы знаков на «корни» [или «основы»] (стр. 53 и сл.) и «форманты» (стр. 56 и сл.). Ему удалось обнаружить сложные слова, состоящие из двух основ (ср. указ. раб., стр. 51 и сл.). Он определяет знак ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ в качестве чисто графического элемента, равно как и его вариант ГОЛОВНОЙ УБОР — ЩИТ (следуя за Э. Мейером (SB, Berlin, 1909, стр. 1023 и сл.)) [См. рис. 5.]

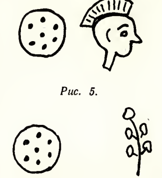


Рис. 5.

Рис. 6.

Суффиксами, которые связаны между собой упорядоченным чередованием, он признает знаки ЩИТ и ВЕТВЬ [см. рис. 6] и определяет их как формы *глагольных* флексий, поскольку они никогда не присоединяются к словам с детерминативом, то есть к существительным. Три *префикса* — ШКУРА, ШЛЕМ и ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА,— очевидно, сходные по функции [рис. 7], он определяет в качестве *предикативных* форм флексии (стр. 36 и сл.), в чем я не могу с ним согласиться. Он осторожно предполагает наличие *именной* функции у суффикса УГОЛ (стр. 40 и сл.). Замеченное Ипсеном явление, состоящее в том, что один и тот же префикс присоединяется к нескольким, следующим друг за другом словам, например ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА в Б XIII и Б XV, в Б XVIII — Б XIX — Б XX и т. д., или ШЛЕМ в Б XXIII— XXV, или ШКУРА в А VI— А VII, дает нам первую возможность ознакомиться с синтаксическим членением текста обеих сторон, поскольку, предположительно, слова, имеющие один и тот же префикс, входят в одно и то же предложение. Опираясь на эти результаты, достигнутые Ипсеном, которые я считаю правильными во всех основных моментах, я хочу изложить некоторые собственные наблюдения.

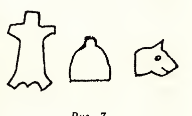


Рис. 7.

Как я уже указывал в «Gnomon», 34, 1962, стр. 577, я считаю правильным определение Ипсеном знака ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ как детерминатива (иначе см. Грумах I, стр. 24, который полагает, что это — односложный суффикс). Однако я думаю, что существует еще несколько других детерминативов. Они должны находиться в тех же условиях, что и ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ,

то есть стоять в начале группы (во всяком случае, их появление возможно и после вышеуказанного детерминатива) и не встречаться в середине или в конце слов, что указывало бы на их слоговое значение*. Этим условиям удовлетворяют четыре знака: НОЖ в Б VI, Б XIV, ТОПОР в Б VIII, ДВОЙНАЯ ФЛЕЙТА в Б I, Б IV, Б IX, Б XXI, Б XXVI и ТИАРА в Б XVII, Б XXVII; поэтому я предполагаю, что они являются детерминативами.

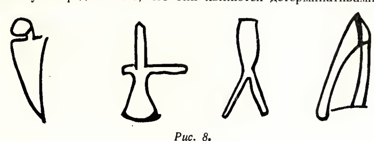


Рис. 8.

Появление в словах Б I и Б VII ДВОЙНОЙ ФЛЕЙТЫ после детерминатива ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ, вероятнее всего, надо интерпретировать в том смысле, что она в определенном отношении сужает, специализирует значение первого детерминатива. ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ, видимо, означает, что называется кто-то «принадлежащий к группе людей, которые носят это украшение», будь это мужская часть целого народа, или культовая общность, или какая-либо другая группа людей. Допущение наличия других детерминативов наряду с ГОЛОВОЙ С ПЕРЬЯМИ подкрепляется следующим наблюдением: суффикс УГОЛ во всех пяти ясных случаях своего появления находится не только в словах с ГОЛОВОЙ С ПЕРЬЯМИ (А I, А XIV, А XX), но также и в словах с ТОПОРОМ и НОЖОМ в начале (Б VIII и Б XIV). Далее, пока детерминативом признавалась лишь ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ, на стороне А имелось 14 слов с детерминативом, а на стороне Б — только 5 слов. Все новые детерминативы — ТОПОР, ДВОЙНАЯ ФЛЕЙТА, НОЖ, ТИАРА — встречаются на стороне Б, так что соотношение слов с детерминативами на обеих сторонах диска выровнялось и стало 14 : 13. (Скопление детерминативов встречается и в египетской иероглифике.) Кроме того, тот факт, что эти четыре знака имеют место лишь на *одной* стороне диска, указывает на то, что они *не являются* слоговыми знаками, а их концентрация на стороне Б зависит от разной тематики двух частей текста. В отношении детерминативов — в отличие от слоговых знаков — существует надежда на то, что мож-

* Практика употребления детерминативов в других письменностях вряд ли оправдывает такой вывод.— *Прим. ред.*

но будет что-либо сказать об их употреблении, когда выяснится их пиктографическое значение. Оба вида оружия (топор и нож), музыкальный инструмент и тиара (возможно, обозначающая должность) в своей совокупности указывают, по всей вероятности, на сферу культового жертвоприношения. Однако необходимо принять во внимание и мнение Еппесена (указ. раб., стр. 168), который считает, что знак ТИАРА на самом деле изображает мотыгу. На не мирское содержание, видимо, указывает и спиральное расположение надписи. С синтаксической точки зрения слова с детерминативом можно рассматривать в качестве имен, в частности существительных.

Необходимо отметить, что ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ имеет свою особенность: в 13 из 19 случаев своего появления за нею следует знак ЩИТ, о котором нам известно, что он, во всяком случае в других позициях, имеет слоговое значение. Поэтому можно задаться вопросом, добавлено ли к детерминативу окончание, выражаемое слоговым знаком. Однако допущение сочетаний непроизносимых детерминативов и слоговых знаков влечет за собою трудности (см. ниже, стр. 80). Сверх того, возникает трудность и принципиального порядка: анализ Ипсена (а вслед за ним и мои собственные наблюдения) различает лишь слоговые знаки и детерминативы. Но нельзя ли ожидать в такой ранней стадии развития письменности также и *логограмм*? (Ср. ниже, стр. 80.)*

Пока глина была еще влажной, на диске было сделано четыре *исправления* (в словах А V, А VIII, А X, Б XXVIII). Два из них были замечены уже делла Сета, остальные два — Грумахом; все это подробно изложено в Гр. 1. Речь идет о том, что были добавлены три раза ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЩИТ, и один раз ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ — ЖЕНЩИНА. Грумах с полным основанием подчеркивает, что эти исправления являются дополнительным аргументом в пользу подлинности диска. Он интерпретирует свои наблюдения (указ. раб., стр. 23) в том смысле, что корректор надписи иным образом сконструировал предложение, чтобы улучшить текст со смысловой или стилистической точки зрения. Поскольку я, в противоположность Грумаху, читаю диск снаружи внутрь и считаю ГОЛОВУ С ПЕРЬЯМИ и ЖЕНЩИНУ детерминативами, я прихожу к иным выводам в отношении исправлений, которые относятся к началу (по Грумаху — к концу) ячеек. Мне кажется, что наиболее правдоподобное объяснение состоит в том, что писец пропустил эти знаки с самого начала, по недосмотру, так как они, будучи детерминативами (соответственно группами детерминативов), являются *немыми*,

* Заметим, что в линейном А существуют только слоговые знаки и «идеограммы», которые правильней считать детерминативами.— *Прим. ред*

то есть они не произносились при диктовке текста во время печатания.

Шертель (S c h e r t e l, стр. 358) и за ним Грумах (в Гр. IV, стр. 747) видели в знаке РОЗЕТКА особый символический знак, ибо он находится в А XXXI — точно в центре диска; таким образом, они изобрели ad hoc новый тип знаков. Я не нахожу достаточно основательными доказательства в пользу этого; скорее всего, это обычный слоговой знак. Что касается употребления аффиксов, то я сформулировал бы правило для него следующим образом: по-видимому, для суффиксов типично, что они связаны каждый раз с определенным классом слов (например, УГОЛ — с существительными, ЩИТ и ВЕТВЬ, напротив,— с глаголами, так как они никогда не появляются в словах, снабженных детерминативами. А X — всего лишь кажущееся исключение!). Напротив, для *префиксов* верно, что они присоединяются как к группам с суффиксами ЩИТ и ВЕТВЬ, так и к группам с детерминативами, то есть к различным классам слов.

Так же и в анализе «корней» можно, наверное, продвинуться несколько далее Ипсена. Он оперировал корнями, насчитывающими от двух до четырех знаков. Однако корень слова Б XIV состоит лишь из *одного* знака ПОДПОРКА, если мы правильно вычленяем детерминатив НОЖ и суффикс УГОЛ; тот же самый корень, видимо, обнаруживается и в длинном слове А XXIII (после префикса ШКУРА и перед интерфиксом ГОЛУБЬ). В этом случае вновь встает вопрос, надо ли читать знак ПОДПОРКА фонетически, то есть как *одно*сложный корень, или же этот знак является логограммой?

Следующее соображение можно высказать лишь с оговорками: слова от Б XXVI по Б XXVIII являются, судя по их трем различным детерминативам ДВОЙНАЯ ФЛЕЙТА, ТИАРА и ГОЛОВА С ПЕРЬЯМИ, именами существительными [см. рис. 9].

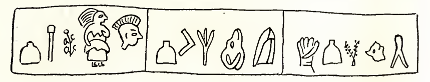


Рис. 9.

Так как наиболее общий детерминатив стоит перед *последним* из этих трех слов, то, скорее всего, речь идет не об *одном* лице с тремя эпитетами-приложениями, а, что более вероятно, о трех разных лицах. Если же они, как я предполагаю, входят в *одно* предложение, то можно думать, что знак ШЛЕМ, которым оканчиваются группы Б XXVII и Б XXVIII, является соединительной

частицей, наподобие лат. -que, которая присоединяется к концу слова. Поскольку дальнейшие параллели к этому отсутствуют, а рассматриваемые «корни» более нигде не встречаются, наше предположение не может считаться полностью доказанным. (В этом случае надо будет считать УГОЛ в Б XXVII именным суффиксом.)

Особую проблему составляет ШИП (по Эвансу: ЧЕРТА) — косая черточка, которая присоединена в 16 случаях к конечному знаку слова. Она не впечатана, но добавлена от руки, и основной вопрос заключается в том, относится ли она к слову или к предложению, то есть является ли она флексией или же, возможно, отмечает синтаксические или метрические отрезки текста. Эфрон (стр. 13) считает, что она несет ту же функцию, что и суффиксы ЩИТ и ВЕТВЬ, так как ШИП присоединен в A XVI, соответственно A III, к основам СОКОЛ — РОГ и ВОЛНА — ШЛЕМ, которые содержат суффиксы ЩИТ и ВЕТВЬ в A XXV и A IX соответственно A VI и Б II. Но необходимо отметить, что ШИП добавлен девять раз к словам с детерминативами, семь раз к другим словам, и к тому же по одному разу к суффиксу УГОЛ(A I) и ВЕТВЬ (A XXVII).Поэтому маловероятно, что сам по себе он является суффиксом. Эванс считал его знаком, разделяющим предложения, Боссерт думал о строфоделителе, Кречмер («Minos», 1, 1951, стр. 7 и сл.) определял его (вслед за Э. Мейером) как знак, обозначающий отсутствие гласного в соответствующем слоговом знаке. Шварц (Шварц I, стр. 112) осторожно высказывает мысль о том, что он имеет скорее синтаксическое или морфологическое значение, чем фонологическое.

Вполне понятно, что диск, с тех пор как он был найден 60 лет назад, заинтересовывает многих — и ученых и неспециалистов — и постоянно увлекает на новые попытки дешифровки. Но тот, кто выберет этот памятник в качестве объекта своего исследования, должен трезво установить границы своих возможностей, если он желает, чтобы кто-нибудь, кроме него самого, верил в правильность его положений. Сегодня мы вынуждены удовлетвориться немногим и можем лишь надеяться, что в один прекрасный день будет сделана новая находка с подобными или родственными письменными знаками, которая доставит нам материал для единственно верного решения труднейшей из загадок.

ЛИТЕРАТУРА

Brice, W. C., Inscriptions in the Minoan Linear script of class A, Oxford, 1961.

Davaras, Costis, Zur Herkunft des Diskos von Phaistos, в: «Kadmos», 6, 1967, 101—105.

D a v i s, Simon, The Phaistos Disk and the Eteocretan inscriptions from Psychro and Praisos, Johannesburg, 1961 (цит. как «Дэвис I») [ср. мою рец. в «Gnomon», 34, 1962, 574—578].
D a v i s, Simon, Remarks on the Phaistos Disk, в: «Studi Micenei ed Egeo-Anatolici», fasc. 2, 1967, 114—117 (цит. как «Дэвис II»).
D a v i s, Simon, The decipherment of the Minoan Linear A and pictographic scripts, Johannesburg, 1967 [см. стр. 85—110, о Фестском диске] (цит. как «Дэвис III»).
D o w, Sterling, Minoan writing, в: AJA, 58, 1954, 77—129 [о Фестском диске, стр. 99 и сл.].
E p h r o n, H. D., Hygieia Tharso and Iaon: The Phaistos Disk, в: «Harvard Studies in Classical Philology», 66, 1962, 1—91.
E v a n s, Arthur J., Scripta Minoa, Vol. 1, Oxford, 1909 [стр. 22 и сл. и 273 и сл., о диске].
G o r d o n, Cyrus H., Evidence for the Minoan language, Ventnor, N. J., 1966 [см. стр. 40—42, о диске].
G r u m a c h, Ernst, Die Korrekturen des Diskos von Phaistos, в: «Kadmos», 1, 1962, 16—26 (цит. как «Гр. I»).
G r u m a c h, Ernst, Bibliographie der kretisch-mykenischen Epigraphik, München — Berlin, 1963 [стр. 23 и сл., о диске] (цит. как «Гр. II»).
G r u m a c h, Ernst, The structure of the Cretan hieroglyphic script, в: «Bulletin of the John Rylands Library», 46, 1964, 346—384 (цит. как «Гр. III»).
G r u m a c h, Ernst, Der Ägäische Schriftkreis, в: «Studium Generale», 18, 1965, Heft 12, стр. 742 и сл. [о диске стр. 746 и сл.] (цит. как «Гр. IV»).
G r u m a c h, Ernst, Bibliographie der kretisch-mykenischen Epigraphik, Supplement 1 (1962—1965), München, 1967 (цит. как «Гр. V»).
I p s e n, Gunther, Der Diskus von Phaistos. Ein Versuch zur Entzifferung, в: IF, 47, 1929, 1—41.
J e p p e s e n, Kristian, En gammelkretisk gåde, в: «Kuml», 1962, 1963, 157—189.
K o b e r, Alice E., The Minoan scripts: fact and theory, в: AJA, 52, 1948, 87—88.
M a c k a y, A., On the type-fount of the Phaistos Disc, Xerox reprint, London, 1964, Dept. of Crystallography, Birkbeck College, Univ. of London. [К сожалению, осталась мне недоступна.]
N a h m, Werner, Zur Strukturen der Sprache des Diskos von Phaistos, в: «Kadmos», VIII, 2, 1969, стр. 110—119.
P a r s, Hans, Göttlich aber war Kreta, 2. Aufl., 1958, стр. 365 и сл.
P o p e, Maurice, Aegean writing and Linear A, в: «Studies in Mediterranean Archaeology», Vol. VIII, Lund, 1964 (цит. как «Поуп I»).
P o p e, Maurice, The origin of Near Eastern writing, в: «Antiquity», 40, 1966, 17 и сл. (цит. как «Поуп II»).
S c h e r t e l, Ernst, Der Diskus von Phaistos. Wege zu seiner Entzifferung, в: «Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft», 3, 1948, 334—363.
S c h w a r t z, Benjamin, The Phaistos Disk I—II, в: «Journal of Near Eastern Studies», 18, 1959, 105—112 и 222—226 (цит. как «Шварц I»).
S c h w a r t z, Benjamin, To the editor, в: «Nestor», № 122, стр. 532, v. 1. Febr. 1968 (цит как «Шварц II»).
Della S e t a, Alessandro, Il disco di Phaestos, в: «Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei». Classe di Scienze morali, storiche e filologiche, Reihe V, Vol. XVIII, 1909, 297—367.
S i t t i g, Ernst, рец. на V. G e o r g i e v, Probleme der minoischen Sprache, Sophia, 1953, в: DLZ, 77, 1956, столб. 245—250.
S u n d w a l l, Johannes, Phaistos-Diskus, в: «(Eberts) Reallexikon der Vorgeschichte», 10, 1927—1928, 124—126.
V e n t r i s, M. G. F., Introducing the Minoan language, в: AJA, 44, 1940, 494—520.

ЛИНЕЙНОЕ ПИСЬМО А

После того как Майкл Вентрис успешно дешифровал тексты линейного письма Б, оказавшиеся греческими (см. публикуемый ниже перевод книги Чэдуика), Арне Фюрюмарк, пользуясь теми же методами, попытался дешифровать письменность (но не язык!) линейного А (см. об этом ниже в статье Г. Ноймана).

Вполне естественно, что оба вида письма (А и Б) содержали знаки, имеющие одинаковые чтения: ведь по сути дела греки переняли линейное письмо у туземцев Крита (линейное письмо А — туземное письмо, восходящее к критской иероглифике), весьма грубо приспособив его к своему языку. На различиях между языком линейного А и языком линейного Б подробно останавливается А. Хойбек в своей монографии «Praegraeca» (Erlangen, 1961), об этих различиях говорят М. Поуп и Г. Нойман в публикуемых ниже работах. Здесь важно отметить, что язык линейного А, очевидно, не был индоевропейским: в языке линейного А (минойском) не различались глухие и звонкие (и придыхательные) смычные, не различались согласные r и l, зgто, видимо, имелись особые церебральные согласные. Главное же — в языке линейного А отсутствовали (или были очень редки) стыки согласных, так что структура минойского письма с его регулярным чередованием согласных и гласных (СГСГСГ...) соответствовала, очевидно, структуре минойской речи *. Это был не язык пришельцев-индоевропейцев (ср. допускаемые в индоевропейских языках разнообразные стыки согласных), это был язык исконных жителей Крита и других районов Средиземноморья, создавших специфический тип письма, которым было удобно передавать туземную речь. Г. Нойман, по-видимому, обосновал тезис о том, что речь минойцев действительно отличалась регулярным следованием согласных и гласных (ср. в типологическом — не генетическом! — отношении японский язык): он выявил группы минойских (исконно критских) слов, отличающихся таким **

---

* Это нельзя считать доказанным: ведь и в лувийском иероглифическом письме, иесомиеиио создаииом для индоевропейского языка, иет средств для передачи различия между глухими и звоикими и скоплеиий согласных, и оии у с л о в и о передаются как последовательиости СГСГСГ ...— *Прим. ред.*

** Не совсем таким: как видио из приводимого списка, в ием встречались удвоеиия согласиых: κισσύβιον, Κάσσολες, Κασσιόπη и даже скоплеиия согласных (κάρδοπος): отсутствие [d] в линейиом А ka-ro-pa_3 может объясияться чисто графическимн причииамн, ср. написаиие -d- вм. /dr/ в шумерском.— *Прим. ред.*

регулярным следованием звуков (слова эти сохранились в греческом и других языках, некоторые представлены в табличках линейного А). К таким словам относятся, в частности, названия сосудов: ka-ra-ru (καρορύς), su-pu (σι/υπύη), ka-ti (хетт. gazzi-), ka-ro-pa$_3$ (κάρδοπος); названия растений, содержащие суффикс -υλ-: *νικύλεον, μιμαίκυλον, ἄκυλος/ν, ζιζουλά (но: σταφυλή); ср. еще μιρύκεόν, ki-ki-na (κίκυνα), κισσύβιον, κιβώριον; некоторые апеллативы и собственные имена с суффиксом -οπ-: φύλοπις, ἀέροπος, ὀνόπη, Δόλοπες, Κάσσοπες, Πενελόπη, Κασσιόπη, Πέλοψ (ср. ka-ro-pa$_3$ выше). Может быть, минойский язык соответствует древнему «эгейскому».

А. Ф. Деянов

М. Поуп

ЛИНЕЙНОЕ ПИСЬМО А И ПРОБЛЕМА ЭГЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ *

Эгейское письмо эпохи бронзы образует особый тип письма среди письменностей мира. Этот тип письма имеет несколько разновидностей.

а) *Критское иероглифическое или пиктографическое (рисуночное) письмо*. Это название дано А. Эвансом давно, и сейчас оно уже не содержит однозначного ответа на вопрос о том, считать ли данный вид письма идеографическим или фонетическим. Памятники этой письменности засвидетельствованы на Кноссе, в Маллии и Фесте. Пределы датировки этих памятников остаются весьма неопределенными. Самые ранние случаи использования пиктографического письма А. Эванс и Дж. Пендлбери относят к XXI или XX в. до н. э.; возможно, оно продолжало употребляться и в XVIII в.

б) *Линейное письмо класса А* (линейное А). Это письмо обычно считали следующим этапом развития пиктографического, и его возникновение относили к XVII в. до н. э. Однако в 1953 г. Д. Леви обнаружил таблички с линейным А в древнем дворце Феста. Вопрос об их датировке (XX/XIX в. до н. э.?) до сих пор не решен, но, во всяком случае, ясно, что и линейное письмо А и пиктографическое письмо употреблялись одновременно. Наиболее поздняя дата для линейного А — XV в. до н. э.

Мы располагаем бесспорными свидетельствами в пользу того, что линейное А употреблялось во всех крупных городах Крита, и менее бесспорными — в пользу того, что оно употреблялось на Мелосе и Фере.

в) *Линейное письмо класса Б* (линейное Б). Очень важные таблички, записанные линейным Б, были обнаружены Эвансом в Кноссе, в развалинах середины** XV в. до н. э. После 1939 г. таблички с линейным Б были найдены в Пилосе и Микенах, в континентальной части Греции; они датируются началом XIII в. до н. э. Несмотря на расстояние и на разрыв во времени (около двух столетий), как само письмо, так и особенности его применения в качестве средства ведения учета необычайно единообразны, и, по всей вероятности, прав Э. Перуцци, называя линейное

---

* M. Pope, Aegean writing and Linear A, Cape Town, 1964.

** Или конца.— *Прим. ред.*

Б «un sistema vivo ma non vitale»[1] («система живая, но не жизнеспособная»). Мы не можем сказать, где и когда было создано линейное Б. Ни гипотеза о кносском происхождении (XV в. до н. э.), ни гипотеза о микенском происхождении (XVI в. до н. э.) не доказаны.

г) *Кипрские письмена*. Кипрское слоговое письмо употреблялось на Кипре вплоть до эпохи эллинизма. Оно использовалось для записей на греческом языке и на неизвестном языке, условно называемом этеокипрским. Письмо это известно с середины прошлого столетия. Эванс был склонен считать кипрское письмо непосредственным потомком линейного А, но этот взгляд, хотя и поддержанный большинством ученых, все же оставался недоказанным до 1955 г., когда Дикайос обнаружил в Энкоми табличку из обожженной глины, относящуюся, возможно, к концу XVI — началу XV в. до н. э., и таким образом установил существование письменности на Кипре в эпоху бронзы (за сто лет до начала микенской иммиграции). Но не так-то легко определить место табличек из Энкоми в общей линии развития письма от линейного А до классического кипрского слогового письма (которое в свою очередь имеет варианты в зависимости от района), и, возможно, прав О. Массон, полагая, что на Кипре в эпоху бронзы существовало несколько видов письма[2].

д) *Знаки на керамике с Панареи и Липари* (Липарские о-ва) *и из Лерны* (Арголида) позволяют предположить (хотя и отнюдь не доказывают), что в этих районах в то время также владели искусством письма. В обоих случаях представляется весьма вероятным происхождение письма от критского линейного А.

е) На принадлежность к эгейской группе систем письма претендует и *письмо Фестского диска*, попытки дешифровать которое предпринимались неоднократно[3]. Но пока не будет найдено значительно большее количество памятников этого письма[4],

[1] E. P e r u z z i, Le iscrizioni minoiche, Firenze, 1960, стр. 48.— В нашей работе изложена традиционная точка зрения на датировку табличек. Недавно эта точка зрения была пересмотрена Л. Палмером, который считает, что разрушение Кносского дворца и дворцов на материке произошло в одно и то же время. Благодаря такой датировке исчезает разрыв во времени между кносскими табличками и табличками, обнаруженными на материке. Пока что эти аргументы Палмера не убедили экспертов. Однако недавний пересмотр материалов, связанных с разрушением Кносского дворца (Попхэм и Рэзон), позволит, возможно, отнести таблички к несколько более поздней эпохе (не к середине, а ко второй половине или к концу XVв. до н. э.).

[2] O. M a s s o n, Les inscriptions chypriotes syllabiques, Paris, 1961, стр. 34—38.

[3] Результаты этих попыток публиковались по крайней мере четыре раза после войны (Шертель, Шварц, Эфрон, Дэвис). [См. выше, раздел «Надпись на диске из Феста».— *Прим. перев.*]

[4] На бронзовом топоре из Аркалохори (S. M a r i n a t o s, в: «Arch. Anzeiger», 1935, стр. 238 и сл.) сохранилось пятнадцать знаков, относительно которых можно предположить, что они взяты из того же письма, каким

его классификационная соотнесенность будет оставаться неясной. Это же можно сказать и о связи между эгейским письмом и хеттским иероглифическим письмом (если такая связь вообще существует).

Внутри эгейской группы наиболее тесно связанными между собой были три системы письма: критское пиктографическое письмо, линейное А и линейное Б. Их применение было различным. Пиктографическое письмо применялось в основном для ведения учета, но имело и сопутствующее употребление, о чем свидетельствуют каменные печати. Памятники линейного А обнаружены на весьма разнообразных предметах — от кувшинов для хранения вина до сосудов для возлияния, чаш и рукояток топоров; пожалуй, все эти надписи можно разделить на хозяйственные и религиозные. Линейное Б, если пренебречь весьма многочисленными надписями на керамике, вероятно, употреблялось только для ведения учета.

Итак, все три вида письма использовались для записи расчетов, причем в качестве материала для письма применялись сходные предметы: глиняные таблички (для линейного А — всегда прямоугольные, для линейного Б — прямоугольные и имеющие форму пальмового листа, для пиктографического письма — оба эти типа и четырехгранные бруски), глиняные диски или ярлычки (для пиктографического письма — круглые, с дырочками для нанизывания; эти предметы покрывались надписями с обеих сторон; для линейного А — такие же предметы, но не просверленные; для линейного Б — просто кусочки глины, прилеплявшиеся к плетеным изделиям — вероятно, к корзинам, в которых хранились таблички), глиняные пломбы (комочки глины с отверстиями для нанизывания, спресованные вокруг бечевки с выдавленным на них изображением, а иногда с клеймом из одного или нескольких письменных знаков). Из этого не следует, однако, что административные процедуры были во всем одинаковы. Табличек с линейным Б было найдено значительно больше, чем печатей и ярлычков для корзин. Мало было найдено табличек с образцами пиктографического письма и линейного А — по сравнению с ними круглых ярлычков было обнаружено значительно больше; было найдено очень много печатей [5]. Вряд ли

напнсан Фестский днск. См. А. Kober, в: «American Journal of Arch.», 82, 1948, стр. 87—88.

[5] Пиктографическое (Кносс): 19 таблнчек и брусков, 18 круглых ярлычков, 29 печатей с надписями.

Лннейное А (Дворец в Айа Триаде): 77 табличек, 19 круглых ярлычков, около 850 печатей с надпнсямн.

Линейное А (Закро, дом А): 1 табличка, 1 круглый ярлычок, около 500 печатей (без надписей).

Линейное Б (Пилос): свыше 1100 таблнчек, 20 ярлычков с печатямн, 7 печатей (только одна с надписью); кроме того, ряд находок в других местах,

это объясняется только случайностями, с которыми связаны раскопки. Вероятно, на Крите (но не на континенте!) для фиксации учета служил папирус.

Знаки на табличках, применявшихся для учета, можно разделить на три класса:

а) Знаки, которые встречаются группами в различных сочетаниях. Их можно назвать «фонетическими» или «слоговыми» знаками. Об исследователях, которые отрицают их фонетическое значение, см. ниже.

б) Знаки, которые встречаются по одному, в большинстве случаев прямо перед цифрами. Эти знаки толкуются как «идеограммы». «Лигатуры», т. е. стандартные комбинации двух или более знаков, также можно считать разновидностью этого типа.

в) Знаки меры — числительные и дроби (в линейном Б последние не встречаются). В памятниках, не связанных с ведением учета, а именно на пиктографических печатях и в религиозных надписях линейного А, знаки классов «б» и «в» не встречаются.

Сохранилось более трех тысяч табличек с линейным Б, тогда как табличек с линейным А можно насчитать лишь немногим более сотни, и еще меньше — с пиктографическим письмом. Найти принципы классификации системы знаков линейного Б было делом нелегким. Основу этой классификации заложили сам Эванс, Майрз и Беннетт. Их труды были необходимым фундаментом для блестящей дешифровки, которую осуществил Майкл Вентрис в 1952—1953 гг. Эта дешифровка пролила свет на многие вопросы древней истории греческого народа и греческого языка; кроме того, она позволяет надеяться, что в дальнейшем удастся датировать и интерпретировать также и другие эгейские письменности, в частности линейное письмо А.

Своей дешифровкой Вентрис установил фонетическое значение для 70 из 85 (или около того) слоговых знаков линейного Б. Многие из знаков линейного А и линейного Б очень сходны между собой. Естественно, анализ начинается с допущения, что знаки линейного А, идентичные знакам линейного Б, передают те же звуки. Это допущение таит в себе опасность, как можно видеть из многих примеров (так, латинские буквы c, n, p, y, x не идентичны русским *с*, *п*, *р*, *у*, *х*; внешнее сходство обманчиво); поэтому необходима осторожность. К счастью, имеется несколько обнадеживающих лексических соответствий между линейным А и линейным Б. Если на этом основании мы решимся положиться на звуковые совпадения знаков и решимся идентифицировать все знаки Б и А, которые кажутся родственными, то мы сможем прочесть следующие слоги[6]:

[6] В исследовании линейного А участвовали Дж. Пульезе-Каррателли, Дж. Гулд, М. Поуп, П. Мериджи, А. Фюрюмарк. Границы того, в чем сходятся между собой их мнения, очерчены Мериджи (P. M e r i g g i, Zur Lesung

a		i (?)		u
b/pa (2)		b/pi	b/po (?)	b/pu
da	de	di		du
g/ka	g/ke	g/ki	g/ko	g/ku
ja	je (?)			
l/ra (2)	l/re	l/ri (?)	l/ro	l/ru
ma	me	mi		mu
na	ne (?)	ni	no (?)	nu
qa	qe			
sa	se		so (?)	su
ta (2?)	te	ti	to	tu
wa	we (?)	wi (?)		
za				zu (?)

Пропуски (в частности, в ряду на «о»), наличие микенских омофонов, явное наличие двух рядов дентальных (противопоставленных одному ряду лабиальных и одному ряду велярных) — все это требует объяснения. Интересно, что в кипрском слоговом письме, которое, как уже говорилось, возможно, восходит к линейному А, есть только один ряд дентальных. Следовательно, один из рядов, возможно, передавал в минойском не дентальные, а какие-либо иные звуки [7]. Разумеется, фонемы одного какого-либо языка не должны обязательно в точности соответствовать фонемам другого. Несмотря на все это, набор слоговых знаков линейного А достаточно полон и позволяет нам прочесть около 90% обычных групп знаков; и лишь немногие регулярно повторяющиеся знаки линейного А остаются не идентифицированными.

Это только подножье горы. Манящая вершина — дешифровка. В настоящее время существуют два направления исследований в области линейного А. Первое — семитическое, и начало у него, безусловно, хорошее. Единственное слово в табличках линейного А, значение которого точно установлено,— это как раз

des Minoischen A.— «Minoica», 1958, стр. 232—245) и Чэдуиком (J. Chadwick, Minoan Linear A: a provisional balance sheet.— «Antiquity», 33, 1959, стр. 269—278). В моей табличке знак вопроса указывает, что имеются сомнения в идентификации отдельных знаков. Сомнения эти обусловлены либо редкой употребляемостью, либо двусмысленностью знаков (так, два знака, возможно, передающие один и тот же слог в микенском, в минойском имели соответствия, передающие явно различные слоги).

Реконструкция силлабария линейного А, выполненная Перуцци, не только более полна, чем наша, но и отличается от нее во многих важных пунктах.

[7] Если язык линейного А действительно семитский, то один из этих рядов может быть рядом интердентальных сибилянтов. А. Хойбек думает о латеральном согласном, промежуточном между d и l. М. Лежен высказывает то же предположение, но показывает, что в отношении толкования кипрского слогового письма это лишь создает дополнительные трудности.

то слово, которое предшествует подведению итогов. Оно транслитерируется как ku-ro (но первый согласный с таким же основанием можно считать придыхательным, второй мог бы быть звуком r или l), что, как отметил Мериджи в 1956 г., вполне соответствует общесемитскому корню kl, который означает «всё». Это очень важное соответствие, несмотря на то что в аккадских деловых табличках в данной функции используется иное слово. Почти в той же мере надежны слова kunisu и qerau, которые, весьма вероятно[8], обозначали в линейном А какие-то виды зерна; с ними можно сравнить часто встречающиеся вавилонские (аккадские) слова kunāšu — сорт пшеницы или какого-то другого злака и qālu — высушенное зерно. Однако, как уже отмечал Перуцци, тот факт, что в Англии, например, употребляется слово «total», отнюдь не значит, что англичане говорят по-латыни; то же можно сказать и об указанных выше аккадских словах. Еще с меньшей определенностью можно сравнивать семитские названия керамических изделий с четырьмя словами линейного А, обнаруженными на сосудах; надписи не обязательно могут сообщать названия сосудов, они могут говорить об их содержимом, но даже если это и не так, то слова эти могут оказаться заимствованиями. Личные имена здесь помогают еще меньше. Уже делались попытки соотнести имена daweda и kupanu, как и некоторые другие, с семитскими (Dāwîd и gpn в угаритском), но, очевидно, они иного происхождения, нежели wadunimi (ликийск. Badunimi) и titiku, titikuni (titiku и titikun в Алалахе — возможно, хурритские имена) *. Для того чтобы определить принадлежность языка к той или иной семье, необходимо располагать фактами синтаксиса и морфологии; это — conditio sine qua non. В нашем случае предварительные данные неблагоприятны. Частое употребление окончания -u (Перуцци [9] доказывает, что -u не было непроизносимым гласным) вполне вероятно для семитского языка, как и преобладание трехсложных слов. Но и в микенском греческом было обнаружено много слов семитского происхождения, хотя, возможно, и они заимствованы из минойского. Имеются и специфические признаки: таковы форманты -t- (очевидно, показатель множественного числа) и u- (префикс, используемый в качестве союза).

Однако существуют другие явные флексии, которые пока что не могут быть истолкованы как семитские. И мы вправе полагать, что поскольку семитские языки достаточно хорошо изучены, то

---

[8] Эту возможиость отрицает Перуцци (см. «Word»,15, 1959, стр. 318—323).

* Все эти этимологии имеют весьма мало цеииости. Так, иапример, угаритское gpn, возможио, иадо читать *Gupnu «вииоградиая лоза»; весьма маловероятио чтеиие *Gupānu; указаииые в тексте имеиа из Алалаха, по-видимому, иадо читать ииаче, будь оии семитские или хурритские; глагол qālu «жечь, жарить» ии при каких обстоятельствах ие может дать формы qelau. — *Прим. ред.*

[9] Peruzzi, Le iscrizioni minoiche, стр. 122.

линейное А, если бы его язык оказался семитским, уже давно раскрыло бы нам многие свои секреты. Беспокойство вызывает то обстоятельство, что исследователи, связывающие этот язык с семитскими, проводили свой анализ слишком поверхностно. Никто пока не предложил нам внутренней реконструкции для всего материала, который дает нам слоговое письмо А; никто пока не пытался найти сколько-нибудь последовательное объяснение для всех различий между языком линейного А и микенским [10].

Противоположное решение, разумеется, гласит: язык линейного А вовсе не семитский. Таков вывод ученого, который провел единственное в настоящее время исчерпывающее и последовательное описание памятников минойского языка. Это Перуцци, поддерживающий точку зрения о принадлежности рассматриваемого нами языка к индоевропейским.

Приводимые ниже факты морфологии, которые может дать это описание, весьма скудны (возможно, это обусловлено характером материала). Мы находим здесь именное склонение (основы на -о-), в котором номинатив (ед., дв. (?) и мн. ч.) представлен минойским -u (и.-е. соответственно *-os, *-ō и *-ōs), а «датив-локатив» — минойским -о (и.-е. *-oi). Другой тип склонения (основы на -n-) характеризуется дативом ед. ч. на -ni (и.-е. *-ei) и номинативом мн. ч. на -ne (и.-е. *-es). Имена мужского рода оканчиваются и на -а (ср. лат. scriba и др.), более редки имена общего рода (для женского рода нет специальных окончаний). К этому списку можно добавить предполагаемый датив мн. ч. на -si, гипотеза о котором основана на идентификации знаков, еще не общепринятой. Идентификация слов ограничивается теми случаями, когда можно подозревать их индоевропейское происхождение. Например, слово со значением «всё» — ku-ro, связано с *ger- «собирать» (ср. греч. ἀγείρω); ki-ro «недочет», «дефицит» — со *(s)kel- «быть обязанным» (ср. литовск. skeliu, англ. shall). Более специфична идентификация слова (если это одно слово), которое обнаружено на местах для жертвенных возлияний. Оно имеет формы jatano-, atano- и tanano-, с которыми Перуцци сравнивает хеттск. клинописн. istananas «подставка или алтарь» (на который возлагали жертву). Это — возможное значение, хотя предметом, на котором это слово было написано, был, вероят-

---

[10] Сторонниками семитской гипотезы являются С. Гордон (который относит к семитским также и этеокритский — язык, засвидетельствованный на Восточном Крите в классическую эпоху и, возможно, восходящий к минойскому), С. Дэвис (до 1960 г., потом он перенес свои симпатии на хеттский), М. Поуп (см., в частности: C. G o r d o n, Akkadian tablets in Minoan dress.— «Antiquity», 31, 1957, стр. 237—240; S. D a v i s, New light on Linear A.— «Greece and Rome», 6, 1959, стр. 20—30; M. P o p e, The Linear A question.— «Antiquity», 32, 1958, стр. 97—98; е г о ж е, The language of Linear A.— «Minos», 6, 1958, стр. 16—23.— Прекрасный обзор этих и других работ дал Чэдуик в «Antiquity», 33, 1959, стр. 269—278).

но, светильник. Столь же своеобразно соображение о том, что последние четыре знака на золотом кольце из Мавро Спелио читаются me ajau «меня сделал» (хеттск. клинописн. iya-, хеттск. иероглифич. и лувийск. aya- «делать», ср. в лин. Б ajemeno «сделанный»). Другая идентификация, данная Перуцци вслед за Палмером (1958), касается частой в религиозных надписях группы знаков asasarame с хеттск. клинописн. isḫassaras-mis «моя госпожа». Она правдоподобна, но не содержит данных об особенностях языка: имя богини могло быть заимствованием. Вероятно, это имя было унаследовано от пиктографических надписей. Основание для этой гипотезы дает печать P 41, надпись на которой сходна со словом линейного A, читаемым asasarame[11].

Я рассказал лишь о некоторых лингвистических объяснениях, которые дает Перуцци. В общем можно сказать, что, хотя все его положения представляются возможными, ни одно из них не является бесспорным. Кроме того, многое здесь основывается на оригинальных взглядах Перуцци на природу линейного A. Он считает, что у нас не должно быть сомнений относительно фонетического содержания даже очень редких знаков, и что мы, безусловно, можем констатировать существование в линейном A полного репертуара (репертуар знаков линейного A см. на стр. 89 наст. ст.) слоговых знаков точно того же объема, какой имеется в линейном Б, поскольку линейное Б Кносса — фактически то же самое письмо: минойские писцы употребляли его при записи языка новых правителей Кносса, и отсюда оно было перенесено на континент. Это мнение представляется мне менее убедительным, чем другое, а именно, что линейное Б — принципиально иное письмо, специально приспособленное для греческого языка и, быть может, созданное на континенте в эпоху ранних шахтных могил, когда минойское влияние ощущалось еще очень сильно. Если этот второй взгляд верен, то реконструкция минойского словаря, на которой основана работа Перуцци, оказывается значительно менее правдоподобной.

Я не буду останавливаться на других соображениях в пользу индоевропейской гипотезы. Некоторые из них (высказанные Мериджи, Палмером и др.) отражены в работе Перуцци, другие (высказанные Штольтенбергом, Дэвисом) обоснованы значительно менее строго и должны рассматриваться как несостоятельные.

---

[11] Палмер (L. P a l m e r, Luwian and Linear A, Oxford, 1958, стр. 75—100) полагает, что суффиксальные личные имена asasara : asasarame : : Donna : Madonna — важное свидетельство в пользу того, что язык линейного A — анатолийский. Перуцци (P e r u z z i, Le iscrizioni minoiche, стр. 32—128) поддерживает его. К сожалению, однако, просто *asasara не засвидетельствовано и лингвистическая часть их аргументов не выдерживает критики (см. P o p e, A Minoan Goddess Asasara — An Obituary.— «Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London», 8, 1961, стр. 29—31).

Заслуживает внимания, однако, совершенно иная концепция, защитником которой является Грумах. Концепция эта состоит в следующем: линейное А — вовсе не звуковое письмо. Главный аргумент (если я правильно понимаю суть дела), по-видимому, основывается на встречаемости групп, образованных одинаковыми значками, но в различном порядке, например: te-tu и tu-te или, с добавочным знаком, например: ri-te-no-ja и no-ja-te. Допускается, что эти «слова» передают в первом примере какое-то одно значение, а во втором — то же самое значение, получившее уточнение. Следовательно, поскольку порядок знаков безразличен, то, очевидно, для фонетического чтения это письмо и не предназначалось. Это подтверждается наличием лигатур, в которых знаки могут быть написаны один над другим, например $\substack{\mathrm{ru}\\\mathrm{ma}}$. Поскольку нельзя сказать, как такая лигатура читается — «ruma» или «maru»,— то можно предположить, что здесь порядок расположения элементов не обладал значимостью,— перед нами тот случай, когда могут быть выражены два значения. Из двух вышеприведенных доказательств второе представляется менее важным: минoец, по-видимому, заранее знал, как читать минойские лигатуры, которые представляют собой, очевидно, общепринятые сокращения. Решающим можно было бы считать только первое доказательство, но и то лишь при наличии большого количества примеров. В действительности же чистых случаев «перестановки знаков» очень мало, и они могут объясняться случайным совпадением (ср. лат. domo и modo — разные слова); к тому же «перестановки с дополнительными знаками» вполне могли бы иметь место и при фонетическом письме.

Грумах, однако, поднимает интересный вопрос, лишь едва затронутый в последнее время,— вопрос о первоначальном источнике и природе эгейской письменности. Он присоединяется к мнению Сундвалла, цитируя полученное от него письмо: «Ключ к пониманию минойской письменности — в знании ее развития, и ее дешифровку надо начинать с верно найденной точки, а ею является начало, а не конец» (см. «Minoica», стр. 180). В другом месте (см. «Forschungen und Fortschritte», 36, 1962, стр. 118) он называет линейное А сравнительно «простой и неразвитой системой письма». Речь идет о спонтанной эволюции. Рисунки сменяются стандартными изображениями, число которых увеличивается; уточняются их семантические границы; применение их постоянно сужается благодаря тому, что они образуют все новые и новые сочетания. Но письмо остается идеографическим, а не фонетическим. По крайней мере, так я понимаю Грумаха. Однако мне не удается сформулировать какое-либо соображение относительно того, как эта система письма могла бы практически функционировать, какой тип мышления мог быть представлен ре-

гулярными перестановками четырех, пяти, шести знаков, которые встречаются в линейном А и часты в линейном Б.

Однако если мы отвергаем концепцию Грумаха, которую он выдвинул относительно линейных систем письма, мы должны отвергнуть и его теории, касающиеся пиктографического письма. Трудно понять, как идеографическая система письма могла уступить место фонетической в процессе обычной эволюции. Если надпись на печатке Р41 действительно представляет собой имя богини asasarame, как и в линейном А, то следует предположить, что пиктографическое письмо тоже было фонетическим [12]. А если так, то каков его источник? Буквенное или слоговое письмо может быть приспособлено к языку, дополнено или сокращено. Оно может быть или специально создано или унаследовано — других возможностей нет. Но если эгейская система письма была создана специально, то что-то должно было послужить образцом для нее. Однако найти источник заимствования трудно. Некоторые эгейские знаки, по-видимому, египетского происхождения, но принцип письма здесь иной, чем в египетском, поскольку гласные различаются. Различение гласных, как и факт использования глины — все это напоминает вавилонское письмо. Однако эгейское письмо, в отличие от вавилонского, имеет знаки только для открытых слогов, и в нем не применяется эффективная техника клинописи. Вот почему ни египетское письмо, ни вавилонское, очевидно, нельзя считать подходящей моделью. Не помогут и ссылки на хеттское иероглифическое или на библское письмо. Хотя обе эти системы структурно схожи с эгейским письмом, дата их первого появления точно не установлена; и если даже будет доказано, что они являются более ранними, это только усложнит решение вопроса.

Другое предположение состоит в том, что эгейское письмо было унаследовано. Сэр Джон Майрз был поражен большим сходством между критским письмом и ранними шумерскими табличками из Урука [13], датируемыми концом четвертого тысячелетия. Равно сходны и протоэламские надписи, недавно описанные

---

[12] По моим приблизительным подсчетам число «фонетических знаков» в минойском пиктографическом письме не менее 50-ти и, по-видимому, не более 75-ти. Эти цифры свидетельствуют о существовании системы открытых слогов, как и в линейном письме А и Б.

Взаимные связи между различными видами эгейского письма хорошо освещены Леженом (M. Lejeune, Mémoires de philologie mycénienne, Paris, 1958, гл. XV). С хеттским иероглифическим письмом эгейское письмо сравнивает Штайнгерр (F. Steinherr, Minoisch und Hieroglyphenhethitisch.— «Minos», 3, 1954, стр. 30—40).

[13] A. Falkenstein, Archaische Texte aus Uruk, Berlin, 1936. [Эти тексты уже давно датируются первой четвертью III тыс. до н. э.— *Прим. ред.*]

ИДЕОГРАММЫ:

Линейное А	Линейное Б	Значения
		„ПШЕНИЦА“
		„МАСЛО“
		„ЯЧМЕНЬ“
		„ФИГИ“
		„ВИНО“
		„ОЛИВА“
		„ЧЕЛОВЕК“?

СРАВНЕНИЕ ЗНАКОВ

Линейное А	Линейное Б

Брайсом [14]. Обе эти системы письма предшествуют клинописи, но они, по-видимому, не предшествуют появлению звукового письма [15]. Здесь мы имеем дело с подходящей кандидатурой на роль предка эгейского письма, а возможно, и хеттского иероглифического. К сожалению, однако, до сих пор мы не располагаем достаточным количеством материала, чтобы заполнить значительный пробел как во времени, так и в расстоянии, так что теория остается, увы, лишь на уровне заманчивых предположений *.

Суммируем сказанное. Мы до сих пор не знаем крито-минойского языка (или языков). Имеют своих поборников как гипотеза о семитском, так и гипотеза об индоевропейском характере минойского, но ни та, ни другая не доказаны. Разумеется, этот язык мог принадлежать и к неизвестной группе, и в таком случае он останется недешифрованным **. Однако изучение эгейской письменности порождает много других проблем, решение которых, будем надеяться, прольет новый свет на историю письма, этого величайшего достижения человеческой мысли.

Примечание. Статья была сдана в печать в 1963 г. Годом позже было обнаружено около двенадцати новых табличек, писанных линейным А, в недавно раскопанном Минойском дворце в Закро (Восточный Крит). Это было самой значительной находкой материалов по линейному А за много лет, и можно надеяться на еще более значительные находки в связи с возобновлением раскопок в 1964 г. Недавно найденные таблички, насколько можно судить по краткому предварительному отчету археологов, по общему внешнему виду очень сходны с уже известными табличками из Айа Триады; новые находки свидетельствуют о единообразии системы линейного А. Это особенно важно, если учесть тот факт, что, пока исследователи располагали только собранием документов из Айа Триады (правда, достаточно богатым), можно было рассматривать эти документы как отражающие чисто местную линию развития письма.

---

[14] W. Brice, Bulletin of the John Rylands Library, 1962. Брайс, однако, не особенно верит в фонетическую природу этих систем письма. [Протоэламские тексты известны уже более 70 лет.— *Прим. ред.*]

[15] A. Falkenstein, указ. раб., стр. 33, 34, 38, 40, 43.

* С нашей точки зрения, никакого сходства между шумерской, египетской и критской иероглификой, кроме случайного совпадения отдельных форм, нет.— *Прим. ред.*

** Если не будет найдено билингв.— *Прим. ред.*

Г. Нойман

О ЯЗЫКЕ КРИТСКОГО ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА А *

Большая часть знаков линейных письменностей А и Б, найденных на Крите, совпадает. Из этого и из других наблюдений в настоящее время делается вывод, что греки, несколько модифицируя, вывели систему письма Б из системы письма А. То обстоятельство, что греки при заимствовании знаков в большинстве случаев сохраняли их звуковое значение, было признано вероятным, но не сразу было доказано. Доказать это сумел А. Фюрюмарк в докладе «Линейное А и древнекритский язык. Дешифровка и толкование»[1]. Линейное А, по-видимому, так же, как и линейное Б, в своей основе является слоговым. Скорее всего следовало бы допустить, что знаки наделялись значениями в соответствии с акрофоническим принципом письма, наиболее естественным и наиболее часто встречающимся, исходящим из тождества изображения и звучания **. В этом случае звуковые значения знаков могли указывать на догреческое или, в лучшем случае, древнекритское слово. Следует также иметь в виду, что линейное Б,— а только с этим письмом мы и будем оперировать в дальнейшем,— претерпело значительные изменения за длительный период, отделяющий его от собственно пиктографической ступени.

В линейном Б представлено лишь несколько слоговых знаков, которые одновременно выступают и в значении идеограмм. Мы рассмотрим здесь один из таких знаков, а именно — № 30 (Ɏ).

---

* Günter N e u m a n n, Zur Sprache der kretischen Linearschrift A.— «Glotta», Band XXXVI, Heft 1/2, 1958, стр. 156—158.

[1] Как и М. Вентрис в отношении линейного Б, А. Фюрюмарк идентифицирует знаки линейного А как имеющие одинаковые согласные в начале слога или одинаковые гласные в конце слога: такие знаки определенным образом чередуются. Установленные таким путем соотношения (около 13), образующие начало «сетки», соответствуют таким же соотношениям в линейном Б, исходя из чего можно с большой вероятностью сделать заключение о равнозначности всей системы. Следует отметить, что эти наблюдения были сделаны исключительно на основе анализа графики. Обнаружение слоговых значений является у Фюрюмарка последним шагом в его исследовании.

** По-видимому, говоря о том, что акрофонический принцип часто встречается в истории письма, автор имеет в виду не акрофонический принцип собственно (чтение слогового знака по первому слогу названия изображаемого предмета — этот принцип довольно редок), а р е б у с н ы й принцип (звуковое значение берется по звучанию названия изображаемого предмета в целом или с некоторым сокращением).

В качестве слога -ni- его рассматривают уже Вентрис и Чэдуик в JHS, LXXIII, 1953, стр. 88. Это значение получено комбинаторным путем. То, что знак изображает, А. Эванс (см. «Scripta Minoa», I, стр. 220) определяет как «ветвь фигового дерева», что подтверждается звуковой дешифровкой. Перед знаком № 30 в табличке KN Gv 862, а часто также и в иных случаях стоит слово su-za (в одном случае (см. Gv 863, 2) — только su), которое Г. Мюленштейн («Mus. Helv.», XII, 1955, стр. 122) транскрибирует как συκίαι. В настоящее время, исходя из данного соответствия, изобразительное значение № 30 всюду определяется как «фига», «фиговое дерево» [2]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что в языке создателей линейного А (знак существует и в этой системе письма) слово, обозначающее «фига» или «фиговое дерево», начиналось со слога ni-. По счастливой случайности это слово засвидетельствовано и в греческой передаче.

«Κρητικαὶ γλῶσσαι» (или «Κρητικαὶ λέξεις») афинского глоссографа Гермонакта дают материал для некоторых важных наблюдений. Так, в Ath., III (стр. 76) говорится: Ἑρμῶναξ δ' ἐν γλώσσαις Κρητικαῖς σύκων γένη ἀναγράφει ἀμάδεα καὶ νικύλεα. В этом ἅπαξ λεγόμενον (однократное упоминание) представлено чисто критское название растения, существовавшее вплоть до эллинских времен. Слово *νικύλεον, видимо, не индоевропейского происхождения. Слово это примыкает к группе слов с общим суффиксом -ul-, означающих, вероятно, «съедобные плоды злаков средиземноморского происхождения» и не имеющих убедительных индоевропейских этимологий. Это: μιμαίκυλον «плод земляничного дерева», ἄκυλος «съедобный желудь», βράβυλον «терновник», σταφυλή «виноградная гроздь», ср. еще глоссу Гесихия ἄχνυλα·κάρυα, которую также можно считать критской.

Примечательно, что греки, став властителями Кносса, не перенесли в свой язык исконно критских названий растений, а сохранили свои σύκον, συκία. Это слово также не является индоевропейским и принадлежит к слою заимствований, воспринятых греками еще на материке.

Так подтверждается предположение, что при создании своей письменности критяне использовали принцип акрофонии, и мы

---

[2] В тех случаях, когда знак № 30 обозначает не «плод фнгового дерева», а само дерево, вертнкальный штрих замеияется остроугольным треугольником, напомннающнм суживающийся кверху ствол дерева. Сделанное Фюрюмарком сопоставлеиие («Eranos», LI, 1953, стр. 104) показывает развитне формы знака от пиктографического состояиия через лииейное А к лииейному Б. По его даиным знак № 30 восходит к изображению ветви с остроугольными листьями или цветами. [Транскрипция Мюленштейна сомнительна.—*Прим. ред.*]

должны быть благодарны им за возможность отнести реликтовую лексику греческого к критскому языку. На основании рассмотренной выше методики можно в будущем получить еще более значительные результаты [3]. Если удастся отождествить определенного типа производные и суффиксы в качестве «исконно критских», то можно будет постепенно отделить слой минойско-критских слов в греческом от всех остальных словарных заимствований. Мы получим группу слов, на появление которых в текстах линейного А вполне можно рассчитывать.

Было замечено, что критское линейное письмо не приспособлено для передачи языка с консонантными группами. В νικύλεα, μιμαίκυλον, κισσύβιον мы как раз встречаем регулярное чередование согласных и гласных, которое совершенно адекватно передается слоговым письмом и для которого «как будто создана» критская линейная письменность.

КОММЕНТАРИЙ

В своих дальнейших исследованиях Г. Нойман в основном придерживается метода, изложенного им впервые в настоящей статье.

Отдельная работа (см. «Glotta», XL, 1/2, 1962, стр. 51—54) посвящена дальнейшему анализу слова νικύλεον; показывается его широкая распространенность в языках восточного Средиземноморья. Попутно к словам с суффиксом -ul- причисляются ζιζουλά «плод кустарника ζίζυφον» и δάκτυλος «финик» (естественно, в последнем случае отвергается народная этимология этого слова, которое сравнивалось ранее с δάκτυλος «палец»). В слове νικύλεον наряду с корнем νικ- и суффиксом -ουλ- выделяется также и окончание -εον, которое входит в состав группы слов, таким образом являющихся крито-минойскими. Нойман обнаруживает два крито-минойских заимствования в греческом: ὄσπρεα (ὄσπριον) «стручковый плод», «боб» и κόρσεον «клубень водяного лотоса», отмечая в первом случае чередование -εον/-ιον. Но скудость материала не позволяет сделать далеко идущие выводы.

В другой статье, «Weitere mykenische und minoische Gefäßnamen» («Glotta», XXXIX, 3/4, 1960/1961, стр. 172—178), Г. Нойман исследует три минойских названия сосудов. То, что это именно названия сосудов, определяется по сопровождающим слова идеограммам. Два таких слова — ka-ra-re-we и ka-ti — Вентрис и Чэдуик считали двойным написанием одного обозначения, но Нойман полагает, что появление этих вариантов находит объяснение в историческом развитии линейного письма.

Слово ka-ti встречается не только в текстах линейного Б, но и линейного А. Г. Нойман и на этот раз приводит глоссу Гесихия: κάθιδοι· ὑδρίαι. Ἀρκάδες,

[3] Толкование Зиттигом (DLZ, LXXVII, 1956, стр. 249) знака № 67 ki как κισσύβιον представляется правильным, поскольку κισσύβιον — слово явно негреческое. Здесь можно видеть также и слово κιβώριον. Напротив, я отношусь скептически к толкованию Мюленштейном (см. его «Olympia in Pylos») и В. Георгиевым знака № 23 mu как восходящего к μόχλος.

[К этому можно возразить, что на два случайно сохранившихся догреческих слова на ki- — κισσύβιον и κιβώριον — в древнекритском могли существовать сотни других слов на ki-, которые не сохранились.— *Прим. ред.*]

но выводит ka-ti за пределы Эгейского мира и сопоставляет его с иерогл. лув. gati- и хетт. DUG gazzi «сосуд», считая, впрочем, что этот пласт лексики заимствован в минойском и лувийском из неиндоевропейского языка-предшественника, называемого им «пралувийским» или «протолувийским». Как мы видим, Нойман не высказывается определенно об отношении «минойского» языка к другим лингвистическим группировкам, поскольку им исследуются, в основном, «миграционные термины» (ср. греч. κάδος — возможно, заимствование из семитских; ср. сем. kad «кувшин, ведро, бадья»; ср. выше относительно νικόλεον). Лин. А ka-ro-pa$_3$ Нойман связывает с греч. κάρδοπος «квашня, корыто» — словом, не имеющим удовлетворительной этимологии. «Суффикс» -ор- характерен для догреческой реликтовой лексики и ономастики. Соответствия переходу ρδ>ρ Нойман находит в среднекритском диалекте Гортины. Согласному, обозначенному через d-, уже в линейном А соответствовал, по мнению Ноймана, звук þ или ð (ср. W. Merlingen). В статье «Minoisch kikina 'Die Sykomorenfeige'» (см. «Glotta», XXXVIII, 3/4, 1960, стр. 181—186) Нойман приводит толкование слова, сочетающегося с идеограммой «ветвь сикоморы» ( ). Следуя своей методике, после детального анализа условий нахождения слова в тексте, Нойман сравнивает его с критской глоссой в записи Гесихия κεικύνη· συκάμινος= =«ветвь сикоморы» (συκάμινος — заимствование в греческом из семит. šiqmīn «тутовое дерево»). Чередование i/u (ki-ki-na=κικύνα‖ κεικύνα) уже отмечено для догреческого Кейпером, Вентрисом и Чэдуиком. В заключение Нойман приводит анализ структуры текста 88, из Айа Триады, отмечая ошибочные толкования А. Фюрюмарка.

Таким образом, на основании исследований Г. Ноймана складывается, казалось бы, некоторое представление о языке линейного А. Для этого языка, судя по Нойману, была характерна монотонная структура слова (согласный — гласный, согласный — гласный и т. д.), в нем действовал закон открытых слогов (это отмечается Нойманом во всех его работах), и самое основное то, что линейное письмо А было выработано именно для языка текстов этой письменности, что должно значительно облегчить их чтение.

Однако на самом деле до подлинной дешифровки языка линейного А еще далеко.

А. Ф. Деянов

ЛИНЕЙНОЕ ПИСЬМО Б

О дешифровке крито-микенских надписей II тысячелетия до н. э. английским исследователем М. Вентрисом в содружестве с Дж. Чэдуиком научная общественность узнала из статьи, опубликованной Вентрисом и Чэдуиком в 1953 г. в «Journal of Hellenic Studies»[1]. Три года спустя вышел в свет капитальный труд, написанный М. Вентрисом и Дж. Чэдуиком и содержащий подробный анализ и комментарий к прочитанным текстам[2]. После пятидесяти лет поисков, догадок и предположений ученых первым, кому удалось убедительно доказать, что язык крито-микенских надписей, исполненных линейным письмом Б,— греческий, был Вентрис. Это было событие, не уступающее по своему значению великим открытиям Шампольона и Роулинсона[3]. Дешифровка была встречена с огромным интересом не только специалистами, исследующими самые различные стороны античности, но и широкой непосвященной публикой. Возникла настоятельная необходимость ответить на множество вопросов, связанных с историей открытия, его значением и перспективами. Выполнить эту задачу взялся ближайший соратник Вентриса — Дж. Чэдуик[4].

В 1958 г. он публикует свою книгу «Дешифровка линейного письма Б»[5], русский перевод которой предлагается здесь впервые вниманию советского читателя[6].

Книга Чэдуика состоит из восьми глав. Первая, озаглавленная «Майкл Вентрис», содержит краткую биографию талантливого

---

[1] M. Ventris, J. Chadwick, Evidence for Greek dialect in the Mycenaean archives.— «The Journal of Hellenic Studies», v. 73, 1953, стр. 84—103.

[2] M. Ventris, J. Chadwick, Documents in Mycenaean Greek, Cambridge University Press, 1956.

[3] См. A. Furumark, Ägäische Texte in griechischer Sprache.— «Eranos», v. 51, 1953, f. 3—4, стр. 103.

[4] М. Веитрис погиб в 1956 г. при автомобильиой катастрофе.

[5] John Chadwick, The decipherment of Linear B, Cambridge University Press, 1958, стр. X+164. Перевод этой кииги иа русский дается с иекоторыми сокращеииями.

[6] Очерк «Крито-микеиская письмеииость», в основу которого положена киига Чэдуика, был написаи И. М. Дьяконовым (см. И. Фридрих, Дешифровка забытых письмеиностей, Москва, 1961, стр. 171—184, Приложеиие). См. также рецеизию С. Я. Лурье иа киигу Чэдуика во ВДИ, 1960, I, стр. 136—139.

ученого. Во второй рассказывается о раскопках Эванса и находке микенских текстов. «Надежды и неудачи» — так названа третья глава, повествующая о безуспешных попытках предшественников Вентриса дешифровать линейное письмо Б. Две следующие главы — «Рождение теории» (глава IV) и «Развитие теории» (глава V) — представляют для понимания истории дешифровки наибольший интерес. В них шаг за шагом прослеживается сложный путь, проделанный на первой стадии одним Вентрисом, на второй — в сотрудничестве с Чэдуиком, приведший Вентриса к выводу, что микенские письмена — древнейшие памятники греческого языка. В шестой главе «Дешифровка и ее критики» Чэдуик рассказывает читателю, как реагировали на открытие Вентриса виднейшие ученые мира. Седьмая — «Жизнь в микенской Греции» — содержит соображения автора относительно экономических и политических проблем раннегреческой истории [7]. В последней главе Чэдуик, устремляя взор в будущее, намечает задачи, возникшие перед самой молодой отраслью науки об античности — микенологией.

В конце XIX и в начале XX века н. э. на о. Крите были найдены надписи микенской эпохи, написанные на неизвестном языке на небольших глиняных табличках. Эти таблички с загадочными знаками на них были обнаружены в Кносском дворце, а позже — в материковой части Греции — в Пилосе, Микенах и в других местах. Тщательное изучение кносских текстов привело А. Эванса к выявлению трех типов критского письма II тысячелетия до н. э.: иероглифического, линейного А и — представленного в преобладающем большинстве надписей — линейного Б. Однако дешифровать линейное письмо Б Эвансу не удалось. Хотя идея чтения слова из двух знаков с сопровождавшим их рисуночным знаком жеребенка как po-lo и отождествления этого слова с греч. πῶλος была весьма заманчивой [8], Эванс отклонил ее, будучи убежденным, что критская культура резко отличалась от культуры микенской Греции. В течение нескольких десятилетий не было недостатка в предположениях и различного рода гипотезах. Некоторые из них, не решая проблемы в целом, способствовали накоплению необходимых для ее решения данных. Швед А. Перссон обратил внимание на сходство некоторых знаков в критских надписях и в надписях кипрского слогового письма [9], американка А. Кобер выявила в табличках признаки рода и флексии, а ее соотечественник Блеген, обнаружив пилосский архив, подтвердил предположение о связи линейного

---

[7] См. примечания к этой главе на стр. 253.

[8] См. об этом: С. Я. Лурье, Язык и культура микенской Греции, М.—Л., 1957, стр. 3.

[9] Там же, стр. 3—4.

письма Б с греческим[10]. Однако потребовались еще талант и упорные годы исканий Вентриса, прежде чем последний, отказавшись от своей неподтвердившейся гипотезы (язык надписей — этрусский), пришел к окончательному выводу: таблички написаны на греческом языке. Заявление Вентриса и Чэдуика было встречено учеными вначале несколько настороженно. Однако вскоре все большее число исследователей, убедившись в правильности дешифровки, соглашается с ними [11]. Открытие Вентриса и Чэдуика было подтверждено находкой в Пилосе Блегеном знаменитой таблички Та 641, на которой изображены сосуды с различным количеством ушек и соответствующие им названия; согласно предложенной Вентрисом дешифровке, эти названия оказались именно наименованиями сосудов, различавшихся по числу их ушек. Нашлись тем не менее и критики дешифровки [12]. Чэдуик полемизирует с ними и убедительно доказывает несостоятельность их возражений. Конечно, далеко не все еще вопросы выяснены и не все явления объяснены, однако правильность самой дешифровки несомненна.

Итак, крито-микенские надписи составлены на греческом языке. Это означает, что создателями микенской культуры были греки. Они обосновались в Греции, по-видимому, довольно рано, если учесть возраст надписей (XIV—XIII вв. до н. э.). Исходя из своего понимания табличек оka, Чэдуик рисует предполагаемую картину передвижения войск в связи с угрозой Пилосскому царству и описывает военный инвентарь. Касаясь социальной структуры микенского общества, он указывает на многочисленность профессий и большую роль ремесленников. Чэдуик соглашается с мнением, что во многих табличках идет речь о религии, приношениях богам, обслуживании святых мест.

Автор задумывается над проблемой письма в микенской Греции. Он полагает, что ни народ, ни высокопоставленные лица писать не умели. Это делали писцы, имена которых нам неизвестны. Наши таблички по своему содержанию являются хозяйственными документами. Очень сомнительно, существовали ли в то время литературные тексты.

В заключение Чэдуик высказывает некоторые прогнозы на будущее. Дешифровка линейного Б — это исходная база для атаки на линейное письмо А, кипро-минойское и древнейшее кипрское письмо. Можно надеяться, что дальнейшие раскопки

---

[10] Ср. P. Chantraine, État présent de la philologie mycénienne, «Revue de philologie», v. 33, 1959, стр. 257.

[11] В 1956 г. правильность дешифровки признал И. Фридрих; см. «Zur Schriftgeschichtlichen Wertung der kretischen Linearschrift B», «Minos», v. 4, 1956, f. 1, стр. 6.

[12] См., например, A. J. Beattie, Mr. Ventris' Decipherment of the Minoan Linear B script, «The Journal of Hellenic Studies», v. 76, 1956, стр. 1—17.

позволят найти новые надписи не только в выше упоминавшихся, но и в других центрах Греции, например в Фивах (Беотия) и Иолке (Фессалия).

Книга Чэдуика читается с большим интересом. В доходчивой форме автор излагает историю еще одного из великих открытий XIX—XX вв. Образ Вентриса, нарисованный его соратником и другом, пленит читателя своей выразительностью. Скромный, настойчивый в трудных поисках, обладающий силой умственной концентрации, живостью ума и большим чувством реальности — таким предстает перед нами этот безвременно ушедший талантливый исследователь. Книга Чэдуика представляет интерес не только с познавательной точки зрения. Автор стремится осмыслить пятилетний период, прошедший с момента опубликования результатов дешифровки, вносит уточнения в ее историю, предлагает новые интерпретации.

Книга призывает читателя не останавливаться на достигнутом, искать новые пути и решения, честно признавать свои неудачи, смело идти навстречу трудностям и уметь их преодолевать, как их преодолевал зачинатель микенологии Майкл Вентрис.

Н. С. Гринбаум

ДЖОН ЧЭДУИК

ДЕШИФРОВКА ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА Б

THE DECIPHERMENT OF LINEAR B

BY

JOHN CHADWICK
Reader in the Greek Language in the University of Cambridge,
and Collins Fellow, Downing College
Fellow of the British Academy

SECOND EDITION

CAMBRIDGE
AT THE UNIVERSITY PRESS
1967

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга была задумана не как методическое пособие по дешифровке неизвестных письменностей, она даже не является подробным отчетом о работе Майкла Вентриса над линейным письмом Б. Это была попытка представить читателю-неспециалисту историю открытия, историю разрешения давней загадки тонким и образованным любителем. Поэтому, хотя книга может служить первым введением в проблематику дешифровки, сама эта проблематика рассматривается в ней лишь в общих чертах. Тем, кто хотел бы ознакомиться с техникой дешифровки более детально, следует обратиться к «Рабочим заметкам» («Work notes») Вентриса, которые он писал по мере того, как продвигалась его работа.

Успех книги у публики был для меня неожиданным. Она была рассчитана на английского читателя, и многие иллюстрации были взяты из английского языка и быта. Но тема оказалась настолько популярной, что книгу перевели на ряд европейских языков и один восточный — японский. С моего согласия и одобрения переводчики изменили примеры в соответствии с особенностями языков, на которые переводилась книга, и снабдили текст пояснениями; тем не менее я приношу мои извинения за неясности, которые могут остаться, и надеюсь, что читатели поймут, с какими трудностями связан перевод такого рода книг.

Хотя дешифровка линейного письма Б была выполнена в Англии и англичанином, по своему образу мыслей Майкл Вентрис меньше всего походил на «типичного англичанина». Он всегда поддерживал связь с учеными разных стран мира и во все концы земли рассылал свои «Рабочие заметки», предназначенные для небольшого кружка исследователей, занимавшихся проблемой минойского письма. Поэтому я уверен, что Вентрис одобрил бы появление на русском языке этого отчета о его работе. Любое мероприятие, служащее объединению ученых мира, нашло бы у Вентриса безусловную поддержку; я также разделяю его уверенность в том, что в науке нет барьеров и ничто не должно мешать свободному обмену мнениями и встречам ученых.

Очень жаль, что до сих пор в исследованиях по микенологии принимали участие лишь немногие русские ученые. Среди них прежде всего нужно назвать С. Я. Лурье, профессора Львовского университета. Он начал интересоваться проблемой линейного

письма задолго до его дешифровки, однако он быстро оценил достоинства теории Вентриса и вскоре изложил ее на русском языке. Естественным результатом работы С. Я. Лурье явилась книга «Язык и культура микенской Греции» (Москва, 1957 г.). Сегодня мне трудно дать объективную оценку этого труда. Книга была написана всего через три года после дешифровки линейного письма Б, но за десять лет со дня выхода этой книги микенология значительно продвинулась вперед. Часть проблем, стоявших перед нами тогда, сейчас уже решена; расширилось наше представление о природе микенского общества, его быте, а также о той роли, которую играли у микенцев таблички линейного письма Б. Конечно, если бы С. Я. Лурье был сейчас жив, он захотел бы многое изменить в своей книге; он также чувствовал свою оторванность от других микенологов, и хотя мы дискутировали на страницах научных журналов, а между собой вели оживленную переписку, все это не могло заменить непосредственного общения и устного обсуждения наших проблем. Несколько раз его приглашали на коллоквиумы, о которых идет речь в послесловии к этой книге, но из-за плохого здоровья и преклонного возраста он не смог поехать за границу и принять в них участие. Я сожалею, что мы так никогда и не встретились, и хочу воспользоваться случаем, чтобы отдать ему дань уважения и почтить его память.

Тот, кто захочет обратиться к его книгам, должен иметь в виду следующее: в те годы, когда он писал свои работы, еще отсутствовала международная транслитерация знаков линейного письма Б. Транслитерация, которую ввели мы с Вентрисом, основывалась на английской графике (правда, мы использовали некоторые буквы в значении, не свойственном английскому письму, напр. j, а не y для звука [j]); что же касается идеограмм, то мы передавали их английскими словами, которые механически переводились на соответствующий язык в статьях на других языках. В ходе коллоквиумов ученые пришли к выводу о необходимости иметь единую унифицированную систему, которой могли бы пользоваться микенологи всего мира. В ее основу была положена система Вентриса, но с некоторыми существенными изменениями. Важнейшее изменение (принятое, правда, еще не всеми учеными) заключалось в том, что идеограммы стали передаваться посредством латинских слов. Лурье пользовался своей собственной системой, в которой буквы c и z передавали звуки, обозначаемые теперь посредством z и d соответственно; таким образом, чтобы не ошибиться, читатели должны постоянно иметь в виду эти изменения. Не нужно думать, что мы тем самым отказываемся от фонетических значений, предложенных Лурье; следует, однако, иметь в виду, что важнее принять международную систему транслитерации, чем пытаться дать точные

обозначения звуков микенского диалекта, о произношении которых у нас до сего дня нет единого мнения.

Кроме своей книги и ряда статей в русских и западноевропейских журналах, Лурье написал детскую книжку о микенцах, которую он назвал «Заговорившие таблички» (Москва, 1960 г.). Это, пожалуй, единственная попытка представить столь трудный сюжет в форме, доступной для детей, и эта попытка, несомненно, достойна подражания.

Другой советский ученый, которого тоже больше нет с нами, Я. А. Ленцман, внес свой вклад в микенологию прежде всего книгой, озаглавленной «Рабство в микенской Греции» (Москва, 1963 г.). В той степени, в какой это касается микенской цивилизации, книга эта представляет смелую попытку использовать очень скудные данные табличек линейного письма Б для воссоздания картины общественных отношений того времени. Нет сомнения в том, что рабство в ту эпоху существовало, однако наш материал настолько скуден, а более или менее значительные тексты столь малочисленны, что попытки исследовать этот вопрос едва ли могут быть доказательными. Если я скажу, что книга Ленцмана — скорее исторический труд, нежели исследование документов микенского письма, то это вовсе не будет критическим замечанием в адрес автора книги.

Среди других советских ученых, публиковавших статьи, связанные с проблемами микенологии, я должен особо отметить И. М. Тронского. Полная библиография советских работ по микенологии содержится в издании А. Бартонека «Studia Mycenaea: Proceedings of the Mycenaean Symposium, Brno, April 1966».

Хотя наиболее драматический период исследований по микенологии уже позади, все еще остается множество нерешенных задач. Необходимо более детальное изучение текстов, необходима подготовка новых изданий, нужно изучение археологического фона и по возможности более полное воссоздание политической и социальной системы микенской Греции. В разрешении этих проблем могут сыграть свою роль и советские ученые, и я осмелюсь выразить надежду, что моя книга пробудит интерес к этой замечательной эпохе начала европейской культуры. Если к нам присоединятся новые русские ученые, микенологи мира, несомненно, окажут им самый теплый прием.

Дж. Чэдуик
Кембридж, 6 декабря 1967 г.

ГЛАВА I

МАЙКЛ ВЕНТРИС

Потребность раскрывать тайны заложена в природе человека. Возможность узнать нечто скрытое от других волнует даже самых нелюбопытных людей. Судьба особенно благосклонна к тем людям, сама работа которых состоит в раскрытии тайн: это физики, наблюдающие неизвестную еще частицу, это следователи, раскрывающие преступление. Но большинству приходится довольствоваться решением искусственных задач, придуманных специально для развлечения. Большинству вполне хватает детективных романов и кроссвордов, и лишь немногие находят свое призвание в разгадывании шифров.

Я расскажу вам историю разгадки настоящей тайны, которая целые полстолетия ставила в тупик ученых.

В 1936 г. в музее Бёрлингтон-хаус в Лондоне, на выставке, посвященной 15-летию Британской Археологической Школы в Афинах, в числе экскурсантов был 14-летний школьник. Вместе с другими он слушал лекцию седого старца сэра Артура Эванса, великого археолога, рассказывавшего о своем открытии давно забытой цивилизации на греческом острове Крите и о загадочной письменности, которой пользовался легендарный доисторический народ. В этот час и было посеяно семя, которому суждено было потрясти мир своими плодами 16 лет спустя; мальчика, о котором шла речь, уже тогда глубоко интересовали древние письмена и языки.

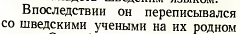
Когда ему было 7 лет, он купил и изучил книгу о египетских иероглифах, написанную на немецком языке. Теперь же он поклялся принять вызов, брошенный непонятным критским письмом; он стал читать книги об этом письме и даже начал переписываться со специалистами. И много лет спустя он добился успеха там, где им не повезло. Имя его было Майкл Вентрис.

Так как эта книга излагает в основном историю его открытий, то начать следовало бы с краткого описания его жизни.

М. Вентрис родился 12 июля 1922 г. в обеспеченной семье, происходящей из Кембриджшира. Отец его был офицером и служил в Индии. Мать, наполовину англичанка, наполовину полька, красивая и одаренная женщина, воспитала сына в атмосфере искусства. Часто он проводил свои каникулы за границей;

оставаясь в Лондоне, он нередко посещал Британский музей. Обучение мальчика тоже не было традиционным: в шестилетнем возрасте он выучил польский, школьные годы он провел в Швейцарии, где уроки шли на французском и немецком языках. Не довольствуясь этим, он быстро овладел местным швейцарским диалектом немецкого языка (знание этого диалекта впоследствии сблизило его с учеными-швейцарцами, которых ему довелось встретить). На всю жизнь он сохранил любовь к языкам; нескольких недель, проведенных в Швеции после войны, было ему достаточно, чтобы овладеть шведским языком.

Майкл Вентрнс (1922—1956).



Впоследствии он переписывался со шведскими учеными на их родном языке. Он обладал не только замечательной зрительной памятью, но также и способностью учить язык на слух, что встречается редко.

Возвратившись в Англию, он получил стипендию в одной из известных частных школ (Stowe School), где, как он однажды сказал мне со свойственной ему скромностью, он немного подзанялся греческим.

Естественно предположить, что мальчику с такими необычайными интересами трудно было бы приспособиться к обычной школе с ее рутиной, но он, кажется, вполне уживался в этой школе; впрочем, тогда еще никто не смог бы предсказать, что его увлечение сделает его знаменитым. Окончив школу, он не пошел в университет, а решил стать архитектором и поэтому поступил в Архитектурный институт при Ассоциации архитекторов (Лондон). Война прервала его занятия, и он стал летчиком английских ВВС, штурманом в эскадрилье бомбардировщиков. Штурманом он стал не случайно. «Это гораздо интересней, чем просто летать»,— заметил он. И однажды напугал командира корабля тем, что повел самолет, пользуясь только картой, которую сделал сам.

После войны Вентрис возвратился к занятиям архитектурой и в 1948 г. получил диплом с отличием. Те, кто знал его студенческую работу, были о ней очень высокого мнения и предсказывали ему как архитектору блестящее будущее. Некоторое время он работал в Министерстве просвещения в группе, проектировавшей новые школьные здания. Вместе со своей женой, тоже архитектором, он сделал проект очаровательного современного домика

для себя и двоих своих детей. В 1956 г. за работу «Информация для архитектора» он получил первую премию научного общества при «Журнале архитекторов».

Он вполне мог стать одним из ведущих специалистов в своей области; но слава ожидала его совсем на другом поприще. В нем не угасал интерес к минойским надписям; им он отдавал почти все свое свободное время и с редким упорством продолжал работать над этой запутанной проблемой.

В 1952 г. он заявил, что нашел ключ к ее решению; последующие пять лет полностью подтвердили его правоту. Среди полученных им наград были орден Британской империи, данный ему «за исследования в области микенской палеографии», титул почетного члена научного общества при Лондонском университете и почетная степень доктора философии университета Уппсалы. Это было лишь началом потока почестей и наград, которые, без сомнения, ожидали его.

Греческий поэт Менандр говорил: «Те, кого полюбят боги, умирают молодыми», но никто из нас не мог бы подумать, что жизнь, давшая такие гениальные открытия и обещавшая еще гораздо большее, будет прервана в самом ее расцвете. 6 сентября 1956 года поздно ночью Вентрис возвращался домой по Большому Северному шоссе. Около Хатфилда его машина столкнулась с грузовиком. Смерть наступила мгновенно.

Мне, который испытал счастье быть его другом и работать с ним более четырех лет, трудно найти слова, чтобы рассказать о нем. Я знаю, его бы шокировали высокие похвалы. Но это был человек, говорить о котором можно лишь в восторженном тоне. О его блестящих способностях говорят его достижения, но невозможно описать его личное обаяние, его жизнерадостность и его скромность. С самого начала говорил он о результатах своей работы с крайней осторожностью, что является свидетельством серьезного подхода для тех, кто привык иметь дело с самоуверенностью прежних дешифровщиков. Но даже и тогда, когда успех его получил всеобщее признание, когда со всех сторон его щедро осыпали похвалами, он оставался таким же простым и скромным.

Если мы спросим себя, какие же особые качества позволили ему достичь того, чего он достиг, мы сразу же отметим его необыкновенную работоспособность, умение сосредоточиться, предельную точность и аккуратность и его блестящее дарование чертежника. Но было еще много такого, что трудно описать. Его мозг работал с поразительной быстротой, так что он успевал всесторонне обдумать предложение и понять все, что оно может дать чуть ли не раньше, чем собеседник успевал его высказать. Он умел хорошо ориентироваться в разных ситуациях и вживаться в обстановку; микенцы были для него не туманной абстрак-

цией, а живыми людьми: он понимал их мысли и чувства. Сам он подчеркивал значение визуального подхода к проблеме. Вентрис был так хорошо знаком с текстами, что огромные куски текста как бы отпечатывались у него в мозгу задолго до того, как они были дешифрованы и наполнялись значением. Однако простой фотографической памяти было бы еще недостаточно, и тут ему помогло его образование архитектора. Глаз архитектора видит в постройке не просто фасад, набор конструкций и структурных украшений, он проникает вглубь и различает за внешним видом основные части всего сооружения. Точно так же среди запутанного множества таинственных знаков Вентрис умел различать формы и закономерности, которые выдавали кроющуюся за этим хаосом структуру. Именно этим качеством — способностью видеть порядок в кажущемся беспорядке — отмечены работы всех великих людей.

Глава II

МИНОЙСКИЕ НАДПИСИ

776 год до н. э. был свидетелем первых олимпийских игр, праздника, во время которого все греки собирались к храму Зевса Олимпийского, на северо-западе Пелопоннеса. Были ли олимпийские игры 776 г. действительно первыми, неизвестно, но так позднее считали греки, вспоминая об этой дате. Это была знаменательная дата в истории Греции, так как она отмечает принятие греками финикийского алфавита, к которому в конечном счете восходят все другие алфавиты. В VIII веке до н. э. греки стали грамотным народом; теперь они могли писать свою историю. Итак, строго говоря, можно считать, что история Греции начинается с этого времени, и все, что происходило ранее, можно отнести к доисторическому периоду. Тем не менее дата эта не более свидетельствует о начале истории Греции, чем 1066 г. нашей эры о начале истории Англии. Еще задолго до этого среди гор и на островах Греции жили мужчины и женщины, они боролись и умирали, и они были такими же греками, как и их потомки. И доказательством тому служит единственный настоящий критерий — их язык.

Есть три способа проникнуть сквозь туман, скрывающий ранние стадии в развитии греков. Ни один из них нельзя считать удовлетворительным, и каждый помогает получить лишь какие-то обрывки сведений, но, если, соблюдая осторожность, объединить сведения, полученные при помощи всех трех методов, можно прийти к некоторым общим выводам.

Первое: память о людях и событиях переживает их и сохраняется до эпохи письменности. У греков классического периода было много легенд о далеком прошлом, героическом времени, когда люди были способны на великие подвиги, а боги всегда находились поблизости, готовые оказать им помощь; многие герои были отпрысками богов и богинь. В этих легендах запечатлены два замечательных события: война против Фив в Беотии и Троянская война. Последнее событие лучше известно, так как оно послужило сюжетной основой для двух шедевров греческой литературы — «Илиады» и «Одиссеи». Эти произведения, творцом которых по традиции считается Гомер, представляют собой большие эпические поэмы. Они дошли до нас в том виде, какой они приобрели, по-видимому, к концу восьмого века до н. э.,—

именно того знаменательного века, когда письмо внесло значительные изменения как в образ жизни, так и в поэтическое творчество Греции.

Поэты, должно быть, были и до Гомера, но от их сочинений ничего не осталось, по крайней мере мы так думали. Но новейшие исследования показали, что Гомер не был таким художником, который, будучи одарен блестящим воображением, сам выдумывал свои поэмы. Он не только использовал существующие легенды. Сейчас мы склонны думать, что реально он был последним и самым большим в той длинной веренице поэтов, которые пели историю Трои. Пели, а не писали, поскольку процесс сочинения в те времена, когда люди не умели писать, существенно отличался от того, что мы понимаем под этим теперь. Барда, если можно использовать это кельтское слово для перевода греческого aoidos «аэд, певец», призывали, чтобы развлекать общество рассказами о подвигах; и он пел свои сказания, пользуясь определенным набором фраз, хорошо известными формулами и эпитетами, но каждый раз вновь импровизируя на основную тему. Таким образом, мы можем думать, что легенды, которые использовал Гомер со всеми их очень повседневными деталями, дошли до него от более ранних времен. Очевидно, воссоздать реальные исторические события, исходя из такого материала, невозможно. У Гомера зафиксировано множество легенд, но они противоречивы, и все попытки отсеять несколько зерен истины, которые, возможно, содержатся в этих легендах, безнадежны. Совершенно ясно также, что многое внесено в легенды Гомера богатым воображением бардов. Но по крайней мере мы находим здесь ясное указание на доисторический период жизни греков, когда их страна представляла собой сильное и хорошо организованное царство с центром в Микенах, хотя в исторические времена Микены были не более чем маленьким провинциальным городком.

Указание это было достаточно реальным, чтобы убедить Генриха Шлимана, романтически мыслящего немецкого буржуа XIX века, оставить дела и посвятить свое время и здоровье поискам осязаемых признаков этого забытого времени. Так появилось второе орудие в руках историков древней Греции — археология. Поиски зарытых в землю сокровищ начинают подниматься до уровня зачатков науки, цель которой — уже не простая охота за драгоценными или курьезными вещами. С Гомером в руках, с верой и энтузиазмом истинного любителя начал Шлиман свое путешествие, чтобы найти и открыть миру возведенные богами стены Трои.

Здесь не место подробно описывать его карьеру археолога; но мы должны остановить на минуту наше повествование, чтобы вспомнить его пробные раскопки 1876 г., когда он обнаружил в Микенах знаменитое каменное кольцо с расположенными внутри

шахтными могилами *. Ведь эти раскопки выявили богатую и развитую цивилизацию, и это показало ученым, что за легендами бывает скрыта большая доля правды. Гомер пел о «златообильных Микенах» — и количество золота, найденное в шахтных гробницах, потрясло даже самого Шлимана. Потребовались долгие годы кропотливой работы преемников Шлимана, чтобы установить последовательность и ход событий, которые теперь мы уже можем проследить в общих чертах. Доэллинская археология, как ее называли вплоть до последнего времени, различает три периода (фазы) Бронзового века в Греции: Ранний период грубо датируется 2800—1900 гг. до н. э.; Средний период — 1900—1600 гг. до н. э.; Поздний период Бронзового века — 1600—1100 гг. до н. э. Великий расцвет цивилизации на Крите начался в Средний период Бронзового века и достиг кульминационного момента примерно к 1400 г. до н. э., когда цивилизация эта подверглась насильственному разрушению. На материке расцвет цивилизации относится к более позднему времени, начиная с Позднего периода Бронзового века, продолжаясь вплоть до XII в. до н. э., когда все значительные центры древней Греции были один за другим разграблены и повергнуты в руины. Именно этот последний период носит название микенского периода — по названию местности, где были произведены первые раскопки, и ее центра — Микен.

Среди ученых, которые в последнее десятилетие XIX в. посещали Афины с целью ознакомиться с сокровищами из раскопок Шлимана, был английский ученый по имени Артур Эванс. Высокий уровень развития цивилизации, достигнутый в Микенах, наводил его на размышления о высокоорганизованной экономической структуре этого процветающего царства, достаточно богатого, чтобы породить такие памятники и такое искусство. Микены не обладали ни золотыми или серебряными копями, ни какими-либо другими природными богатствами, которые можно было бы эксплуатировать. Однако мастерство, с которым выполнены микенские изделия, предполагает высокую специализацию, а это в свою очередь — наличие экономической системы, при которой квалифицированные ремесленники были бы достаточно хорошо обеспечены. Но разве такая экономическая система не предполагает наличия письменности, хотя бы для ведения дворцовой бухгалтерии? Эти и другие подобные соображения привели Эванса к мысли, что микенцы, очевидно, умели писать. Но ни в их дворцах, ни в их гробницах не было найдено никаких надпи-

* Шахтные могилы — тип родового склепа, очень глубокие могилы в виде шахт, в каждой из которых было по нескольку захороненных, причем захоронения производились последовательно. Место, где находились шахтные гробницы, позднее было обнесено двойным кольцом из вертикально поставленных камней.— *Прим. перев.*

сей, и сложилось мнение, что греки заимствовали свой алфавит у финикийцев двумя или тремя столетиями позднее, после гибели Микенского царства.

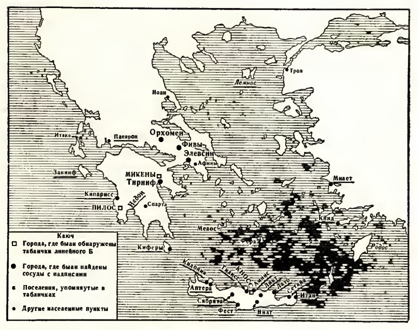
Именно эти размышления побудили Эванса начать поиски следов доисторической письменности. Его внимание привлекли резные камни с выгравированными на них рисунками, которые можно было встретить в лавках афинских антикваров. По стилю они явно отличались от подобных камней, известных на Ближнем Востоке, а произвольный характер расположения знаков на некоторых из них мог свидетельствовать о своего рода письменности. Прослеживая происхождение этих камней, Эванс пришел на Крит, и в то время как остров находился еще под властью Турции и кипел недовольством и возмущением, Эванс пересек его из конца в конец вместе с другим молодым человеком — Джоном Майрзом, который позже вместе с Эвансом был удостоен рыцарского звания *. Они нашли исчерпывающие доказательства того, что камни-печати происходят с Крита: на острове женщины-крестьянки часто носили их как амулеты и называли молочными камнями **. Изучая эти камни-печати, Эванс впервые предположил, что они представляют собой образцы древнейших греческих надписей.

Но этого Эвансу было мало. Несколько знаков, вырезанных на камнях, ничего не могли сказать о бухгалтерии, необходимой для управления высокоразвитым государством. Эванс решил копать сам. И в 1900 г., как только освобождение Крита из-под власти турок открыло ему такую возможность, он начал раскопки на месте уже хорошо известного Кносса, города, который в классический период имел огромное значение и, если верить Гомеру, был царской резиденцией и столицей легендарной державы. Главная цель раскопок — найти памятники письменности — вскоре была достигнута; первые таблички были обнаружены 30 марта, всего лишь через неделю после начала раскопок. Но по мере их продолжения, по мере того, как сезон за сезоном возникали и очищались от земли комплексы строений, возбуждение улеглось и впечатление от этой первой находки было оттеснено на второй план новой теорией, которая уже родилась в неутомимом мозгу археолога. Цивилизация Крита была несравненно старше греческой. И даже в Поздний Бронзовый век критская культура превосходила культуру классической Греции. Легенда рассказывает, что Афины подчинялись Миносу — царю Крита.

---

* Рыцарское звание дается в Англии как особая награда, а также вместе с некоторыми из высших орденов; оно дает награжденному право носить титул «сэр» — перед именем (никогда не перед фамилией!), а его жене — титул «лэди» — перед фамилией, полученной в браке (но не перед именем).— *Прим. ред.*

** Существовало поверие, что если женщина носит этот амулет, то у нее прибавляется молоко.— *Прим. перев*



Карта 1. Микенские города и селения, в которых были найдены таблички линейного письма Б; поселения, упомянутые в табличках, подчеркнуты.

Здесь обитал чужой народ, который держал греков в страхе. Легенда рассказывает о девушках и юношах, которых каждый год приносили в жертву чудовищу, жившему в лабиринте. Рационалистическое объяснение этой легенды может быть только одно: лабиринт — это огромный дворец со сложной системой сообщения между помещениями, а чудовище — жестокий монарх, царь Минос. Так родилась теория о негреческом происхождении культуры Крита, названной по имени ее легендарного правителя минойской. Сходство между искусством и архитектурой Крита и Греции легко объясняли тем, что Греция была провинцией Минойского царства, а возвышение Микен можно было представить как результат восстания колонии, закончившегося разрушением и подчинением бывшей столицы.

Правильно воспользоваться третьим ключом для разгадки истории древней Греции было еще труднее, и даже в наши дни его часто упускают из вида: это третье орудие — изучение греческого языка. В VIII веке до н. э., когда были сделаны первые записи буквами, каждое маленькое государство пользовалось своим диалектом. Это подобно тому, как если бы в каждом графстве Англии не только говорили, но и писали, пользуясь своей

особой формой английского языка. Но на всей территории Греции жители могли с большей или меньшей легкостью понимать друг друга. Все местные диалекты были лишь видоизменениями одного и того же языка народа, расколотого морем и горами на изолированные районы. Однако эти диалекты можно объединить в четыре основные группы, хотя это диалектное членение не совпадает с географическим. Совершенно несходные диалекты имели общую границу, тогда как сходные диалекты были значительно удалены друг от друга, разделены большим пространством. Такая ситуация позволяла сделать два вывода: было время, когда предки всех этих народностей Греции говорили на общем языке; но единство это было разбито, и далее основные группы развивались изолированно друг от друга. В итоге каждый диалект должен был развиться изнутри своей группы как раз к началу исторического периода.

Теперь с определенной долей уверенности можно соотнести эти факты с картиной, которую рисует нам археология. Принято думать, что по крайней мере три основные группы диалектов развились за пределами Греции, и диалекты эти были принесены на территорию Греции последовательными волнами завоевателей. За последнее время под влиянием новейших исследований эта теория претерпела изменения, и теперь представляется более вероятным, что распадение диалектов началось уже после переселения греков на Балканский полуостров. Возможно, эти данные соотносятся с данными археологии, которые показывают разрыв между культурами Ранней и Средней бронзы, около 1900 г. до н. э. В большинстве районов мы находим свидетельства разрушений, происходивших в этот период, а новая культура обнаруживает некоторые черты, существенно отличающие ее от прежней культуры. Еще лучше определяется последняя стадия передвижения греков. Основная территория Микенского государства, места, где располагались дворцы, подвергшиеся разрушению в XIII—XII вв. до н. э., были уже в историческое время заняты одной из основных языковых групп — дорийцами. Дорийские диалекты расположились большой дугой, которая начинается на северо-западе Греции (Эпир) и, спускаясь к западному берегу Пелопоннеса, проходит через Крит и далее к островам Родосу и Косу в Додеканес. В центре этой дуги дорийцы проникли в центральную Грецию, вплоть до Дельф, и поглотили весь Пелопоннес, кроме его центральной горной части, Аркадии, которая оставалась самостоятельной в языковом отношении. Но они не затронули восточное побережье к северу от Истма и острова в центральной части Эгейского моря. Эти данные вместе с легендой о завоеваниях дорийцев делают особенно вероятной гипотезу о том, что именно это движение было причиной окончательного ослабления микенского государства, хотя нельзя также совершенно отбро-

Карта 2. Греческие диалекты на рубеже V и IV вв. до н. э.

сить и другую гипотезу, о том, что гибель Микен была вызвана какой-то внешней причиной, а дорийцы продвигались по уже опустошенным местам.

Следовательно, с лингвистической точки зрения были довольно веские основания считать микенцев греками, как это делал Шлиман. Однако специалисты были более осторожны, поэтому в ходу было множество теорий об их происхождении. Теперь, в свете произведенных дешифровок, эти теории могут быть отброшены, но мы не должны забывать о них, когда оцениваем положение, существовавшее в этой области до 1952 г. Что касается диалектов, то особенно важным было то, что изолированный диалект центральной части Пелопоннеса — аркадский — был близкородственным диалекту отдаленного Кипра. Но по данным археологии было известно, что Кипр был колонией Микен в XIV и XIII вв. до н. э. Таким образом, аркадский и кипр-

ский диалекты почти наверняка представляли собой остатки микенского диалекта, который до прихода дорийцев был распространен на Пелопоннесе повсеместно. Этот важный вывод давал возможность при попытках дешифровки микенского письма ограничить круг возможных языков этими греческими диалектами. Всякое решение этой проблемы, при котором бы брался язык, далекий от диалекта Аркадии, имело очень мало шансов на успех.

Теперь мы должны более подробно рассказать о письменах, найденных Эвансом на Крите, и об аналогичных находках в других местах. Очень скоро Эвансу удалось различить три стадии

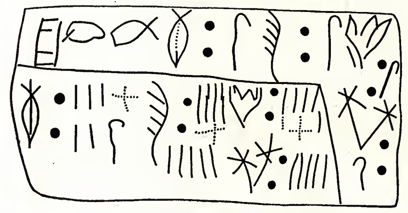


Рис. 3. Критские иероглифы. Табличка из Феста.

в истории минойского, как он его назвал, письма. На самой ранней стадии, датируемой очень приблизительно 2000—1650 гг. до н. э., письмо состояло из рисуночных знаков, представляющих собой общеизвестные предметы, такие, как голова, рука, звезда, стрела и т. д. Таким было письмо на камнях-печатях, но Эванс нашел также несколько образцов такого письма на кусках глины, которыми опечатывали сосуды, и на глиняных табличках. Этот тип письма он назвал «иероглифическим», так как знаки походили на знаки раннего египетского рисуночного письма; однако вряд ли можно доказать, что знаки этого письма действительно были заимствованы из египетского источника. Табличка с иероглифическими письменами, найденная в Фесте, дана на рис. 3. Сравнение с подобными же табличками, записанными линейным письмом Б, позволяет предположить, что здесь содержатся данные о количестве четырех видов продуктов, возможно пшеницы, масла, маслин и фиговых плодов. Поскольку этот вид письменности представлен очень скудно, произвести настоя-

щую его дешифровку совершенно невозможно. Однако из сходства двух систем письменности ясно, что стадия «иероглифического» письма тесно связана и, по-видимому, генетически предшествует следующей стадии, начало которой датируется приблизительно 1750 г. до н. э., а возможно, даже и ранее, и просуществовавшей до 1450 г. до н. э. Так как на этой стадии рисуночные знаки уже свелись к обобщенным начертаниям, Эванс назвал это письмо линейным письмом А. Направление надписей, сделанных линейным письмом А,— слева направо. Образцы этого письма находили в разных местах Крита, но только на этом острове. За пределами Крита были найдены лишь гончарные знаки на глиняных сосудах из Мелоса и с острова Феры. Было найдено много надписей на предметах из камня и бронзы. Странно, что таких надписей линейным письмом Б не обнаружено. Самое обширное собрание табличек линейного письма А — это 150 глиняных плиток, найденных в нескольких километрах от Феста, в местности, которая носит название Айа Триада (Святая Троица) по названию близлежащего храма. Совершенно ясно, что таблички эти являются главным образом записями, относящимися к сельскохозяйственному производству. Одна из таких табличек представлена на рис. 4. Линейное А сменилось видоизмененной формой письма, которую Эванс назвал линейным письмом Б. Определить, когда именно произошла такая замена, пока не удается. Установление даты этой замены имело бы огромное значение; но, к сожалению, таблички линейного Б пока были найдены только в одном месте на Крите, и, хотя документы, написанные этим письмом, можно с уверенностью отнести ко времени разрушения дворца второго Позднеминойского периода, около 1400 г. до н. э., неясно, когда линейное письмо А вышло там из употребления. Было высказано предположение, что линейное письмо А в Фесте и линейное письмо Б в Кноссе в течение некоторого времени были в ходу одновременно. Но сравнительная датировка их с нужной степенью точности не может быть до-

Рис. 4. Линейное письмо А. Табличка № 114 из Айа Триады.

стигнута методами, которыми пользуется современная археология. Такое совпадение во времени двух систем письма вполне вероятно, но остается пока гипотезой, которую мы еще не можем проверить. Имеющиеся в распоряжении ученых свидетельства говорят лишь о том, что для линейного письма А, по-видимому, наступил упадок около 1450 г. до н. э., если не раньше.

Отношения между двумя системами письма весьма непросты. С одной стороны, ранние рисуночные знаки превратились в более простые и более легкие для написания, с другой же стороны, в некоторых случаях знаки линейного письма Б более сложны, чем их соответствия в линейном А. Эванс предполагал, что линейное письмо Б было «царским» письмом, разработанным дворцовыми писцами и потому применявшимся исключительно в Кноссе. Теперь эта теория опровергнута находками линейного письма Б на материке, и мы знаем теперь, что линейное письмо Б возникло в результате приспособления минойского письма для записи текстов на греческом языке, хотя в то время, когда были найдены надписи на линейном Б, об этом еще нельзя было догадаться. Но даже и это новое объяснение является лишь частичным. Для того чтобы приспособить письменность к новому языку, нет нужды изменять форму знаков, хотя, возможно, приходится добавлять или исключать какие-то знаки или менять значение некоторых знаков. На французском языке пишут в основном с помощью того же алфавита, что и на английском; правда, есть несколько дополнительных знаков (à, ê и т. д.), k и w фактически не употребляются, и некоторые буквы соответствуют другим звукам. Различие между линейным письмом А и линейным письмом Б более походит на различие между греческим и латинским алфавитами (например, Α=A, Β=B, но Γ=G, Δ=D). Различались ли по звучанию сходные по написанию знаки линейного А и линейного Б (ср. греч. Χ=[kh], но лат. X=[ks]), мы не в состоянии решить, пока не дешифровано линейное письмо А. Нужно заметить, что все предложенные до сих пор дешифровки линейного А опираются на приписывание звуковых значений линейного Б знакам линейного А, поэтому они не могут дать ответа на наш вопрос. Различия двух этих систем ставят под сомнение некоторые из идентификаций и заставляют предположить, что между моментом первого применения линейного Б и наиболее ранними из найденных нами образцов этого письма, оно успело пройти некоторую историю развития. Поэтому вполне возможно, что наиболее ранние из известных текстов — критские — в действительности не являются самыми ранними существовавшими образцами линейного письма.

Хотя поверхностному наблюдателю обе системы письма кажутся одинаковыми, опытный глаз видит различия между ними; одно из наиболее очевидных различий состоит в том, что в линей-

ном А обычно отсутствует линовка, которая в линейном Б отделяет друг от друга строчки. Следующее различие касается системы чисел: в общем эти системы очень сходны, однако абсолютно различен в них подход к обозначению дробных чисел. Линейное А имеет систему знаков для дробей, хотя и недостаточно разработанную. В линейном Б нет таких знаков, а запись дробных количеств производится при помощи более мелких единиц, подобно фунтам, шиллингам и пенсам, или долларам и центам, или тоннам, центнерам, квартерам* и фунтам. Расхождения в системах измерения с блеском были продемонстрированы в 1950 г. профессором Э. Беннеттом.

Привлекая внимание к этим различиям между линейным письмом А и линейным письмом Б, Беннетт, по существу, выступил против точки зрения, предложенной Эвансом и поддержанной итальянским ученым профессором Дж. Пульезе-Каррателли, опубликовавшим в 1945 г. ряд наиболее важных текстов на линейном А. Эта теория предполагала, что язык обеих систем один и тот же, и что новое письмо представляет лишь позднейшую модификацию, как, например, новый латинский шрифт, который сейчас заменяет неудобный «готический» шрифт, употреблявшийся раньше в немецкой печати. Однако свидетельства в пользу того, что это был один и тот же язык, были чрезвычайно скудными. Ни одно более или менее длинное слово в двух системах письма не совпадало; правда, небольшое число двух- и трехбуквенных слов повторялось, а у некоторых слов совпадали начало или конец. Поразительный довод против идентичности линейного А и Б был получен после опознания итоговой формулы [ср. русск. *итого*...], о которой мы поговорим позже (см. стр. 156); в этом отношении между линейным А и Б не было решительно никакого сходства.

Почти все глиняные таблички, найденные в Кноссе, были записаны линейным письмом Б, а общее число известных теперь табличек,— конечно, включая множество мелких фрагментов,— от трех до четырех тысяч. Все эти таблички происходят, очевидно, из дворца, построенного в период, называемый археологами Вторым Позднеминойским, и разрушенного при пожаре в конце XV в. до н. э. В архитектуре минойского периода широко использовалось дерево, даже колонны стен скреплялись друг с другом при помощи системы балок, похожей на средневековые выходящие наружу деревянные конструкции. Думают, что такое применение дерева сообщало постройкам гибкость, необходимую, чтобы выдержать землетрясения. Но у этих зданий был и недостаток: во время пожара они очень легко загорались. Именно этот огонь и сослужил нам службу: он обжег множество глиня-

* Квартер — мера веса, равная 12,7 кг.— *Прим. перев.*

ных табличек, сделал их твердыми, как обожженные сосуды, а значит и более долговечными. Несомненно, что в районе Эгейского моря таблички никогда намеренно обжигу не подвергались, как это происходило в Анатолии или странах, расположенных еще дальше к востоку. Из глины лепили таблички нужной формы, на них делали надписи и оставляли их сохнуть несколько часов; во всяком случае, летом этого было достаточно, чтобы они затвердели и стали пригодными для хранения; в такую табличку уже ничего больше нельзя было вписать. Когда же нужда в табличках отпадала, их можно было растолочь в воде, размягчить, а глину употребить снова.

Внешний вид табличек непривлекателен: это плоские куски глины, обычно скучного серого цвета, хотя в некоторых случаях, во время пожара, к табличкам проникло достаточно кислорода, чтобы вызвать окисление,— в этом случае таблички получились приятно-розового цвета. Размеры табличек варьируются от небольших печаток и ярлыков, немногим более дюйма * в поперечнике, до тяжелых листообразных таблиц прямоугольной формы размером 10×5 дюймов. Многие таблички при раскопках оказались рыхлыми. А однажды Эванса постигла неудача. Он оставил партию только что выкопанных табличек в кладовой. Ночью пошел дождь, который проник через крышу, и к утру от табличек не осталось ничего, кроме комков сырой глины. Будем надеяться, что такие вещи больше не повторятся. Надо сказать, что отличить таблички от кусков глины нелегко, и вполне возможно, что при первых раскопках кто-нибудь из землекопов мог выбросить их как бесполезные комья глины.

Обилие табличек, найденных в Кноссе, давало Эвансу право надеяться на то, что он разгадает загадку. В своем первом сообщении, написанном в 1901 г., он отмечает в надписях такие очевидные закономерности:

«Поскольку на табличках часто встречаются цифры, мы можем заключить, что очень многие из них являются счетами царских кладовых и арсенала. Кроме того, во многих случаях таблички снабжены одним или несколькими рисуночными знаками, которые как бы иллюстрируют текст. Так, на ряде табличек из комнаты, названной по этим табличкам комнатой табличек с колесницами, встречаются рисунки типичных микенских колесниц, лошадиной головы, рисунок, напоминающий панцирь... Среди других рисунков часты человеческие фигуры, возможно, рабы, дома или амбары, свинья, колосья, различные виды деревьев, цветы шафрана и глиняные сосуды различной формы... Кроме того, на табличках нередко изображаются также вазы из

* 1 дюйм ≈2,5 см.

металла, разные орудия, такие, как лопаты, топоры, и много других предметов, которые трудно определить.

При существующей сейчас неполноте материала нежелательно идти дальше самых общих выводов, которые могут быть сделаны на основании сравнительного анализа. Из всех знаков линейного письма (всего их около 70) 10 практически совпадают с слоговыми знаками кипрского письма [1] и примерно столько же обнаруживают сходство с буквами более позднего греческого письма... Иногда тексты табличек разделены на слова вертикальными линиями, и из среднего числа знаков, заключенных между ними, можно было бы сделать вывод о слоговом характере письма. Все без исключения надписи читаются слева направо.»[2]

Но, по-видимому, ни в то время, ни впоследствии у Эванса не было ясного представления о том, как разгадать тайну этого письма. Во многих случаях его предположения были правильными, но это были лишь разрозненные наблюдения, и он не выработал метода разгадки этих письмен. С огромным энтузиазмом принялся он за организацию и подготовку публикации своих надписей и уговорил Кларендонское издательство отлить специальный набор «микенского» шрифта — название «минойский» вошло в употребление позже. Хотя впоследствии были сделаны дополнения к этому шрифту, это все же не было удовлетворительным средством для печатания текстов на линейном Б. Многие литеры были лишь вариантами одного знака, различие между которыми не значимо, а находки новых текстов за пределами Греции еще увеличили число этих знаков. Те несколько уже вышедших сейчас книг, которые содержат тексты на линейном Б, в большинстве случаев используют нормализованную рукописную транскрипцию (вернее — транслитерацию), которую воспроизводят фототипическим способом.

Первый том минойских надписей, озаглавленный «Scripta Minoa», вышел в свет в 1909 г. Он был посвящен иероглифическому письму, хотя содержал и некоторые замечания относительно линейных надписей, которым должны были быть посвящены второй и третий тома. В следующие годы была проделана значительная часть подготовительной работы для издания этих томов, но энтузиазм Эванса, по-видимому, начал убывать, затем вспыхнула первая мировая война, и проект печатания если и не был совсем отброшен, то уступил место более важной и насущной теме — записям полной истории всех кносских дворцов и вместе с тем первой попытке понять и описать минойскую цивилизацию. Описание надписей составляет лишь небольшой раздел этой работы, причем раздел, написанный неудовлетворительно, так как в де-

[1] См. ниже, стр. 132—133.

[2] "Annual of British School at Athens", IV, стр. 57—59.

шифровке надписей реальных успехов достигнуто не было. Задержка с публикацией надписей была, конечно, печальным фактом. Но теперь, обладая полученными за прошедшие годы знаниями, мы должны признать, что, даже если бы в то время все материалы стали вдруг доступными, возможность успешной дешифровки была бы очень мала. Кое-что все же можно было сделать в этом направлении, а главное, вовремя опубликовав надписи, можно было сэкономить массу усилий, бесполезно потраченных в течение пятидесяти лет.

Несколько табличек было помещено в первом отчете о раскопках и в других статьях. В 1935 г., когда был напечатан четвертый том обширной работы о дворце Миноса («The Palace of Minos»), стали доступными уже 120 надписей. Примерно в это же время финскому ученому, профессору Иоганнесу Сундваллу, во время поездки на Крит удалось скопировать еще 38 надписей; он опубликовал их вместе с некоторыми интересными размышлениями об их значении. Но эти пиратские действия вызвали величайшее недовольство Эванса. У археологов существует неписаный закон: тот, кто что-либо открыл, имеет право опубликовать это первым. Справедливый сам по себе, этот закон может превратиться в бессмыслицу, если археолог-открыватель, отказываясь передать право публикации другим, сам неоправданно затягивает публикацию. Даже и в наши дни, когда среди археологов, к счастью, господствует дух международного сотрудничества, такие случаи, хотя и редко, все же встречаются.

В 1941 г., в возрасте девяноста лет, Эванс умер, и как раз вовремя, так как этим он избежал известия об оккупации Крита немцами. Собственный дом Эванса, вилла Ариадна в Кноссе, превратился в штаб немецкого командования на острове. А второй том «Scripta Minoa», все еще неоконченный, лежал в беспорядке среди других его записей. Дело публикации надписей взял на себя его старый друг и соратник сэр Джон Майрз, который к этому времени оставил кафедру в Оксфорде и вышел на пенсию. Почти весь остаток своей жизни Майрз посвятил этой тяжелой и неблагодарной работе. Вряд ли можно было ожидать, что в тяжкие послевоенные годы Кларендонское издательство с энтузиазмом отнесется к перспективе издания исключительно трудной книги на языке, на котором никто не мог читать. План публикации надписей на линейном А был оставлен, так как эту задачу уже прекрасно выполнил профессор Пульезе-Каррателли. Таблички же с линейным Б находились в Ираклионе, а Майрз был уже слишком стар и слаб, чтобы вновь предпринять путешествие в Грецию. Во всяком случае, до 1950 г. условия в Греции не были нормальными и не позволяли открыть музеи снова; в самом Ираклионе потребовалась постройка нового здания музея, да и часть экспонатов пострадала во время войны.

Майрзу удалось привлечь нескольких ученых, которые помогали ему в сверке надписей; американские ученые д-р Алиса Кобер и д-р Эмметт Л. Беннетт предоставили свои неопубликованные работы в его распоряжение; но все же в то время не было еще возможности провести систематическую сверку. Лишь некоторое время спустя, после выхода в свет в 1952 г. «Scripta Minoa», т. II, стало ясно, насколько важна и необходима такая сверка. Мы должны быть благодарны Майрзу за то, что в условиях необычайно трудных он сумел осуществить публикацию; однако Майрз вынужден был полагаться на Эванса, на его рукописные копии и транскрипции, точность которых оставляла желать лучшего. Впрочем, вину за эти недостатки нельзя полностью возложить и на Эванса: точное копирование надписей, записанных неизвестными знаками,— работа исключительно трудная, а между тем обычно эта работа выполнялась одним из технических сотрудников-чертежников.

Но к этому времени новые открытия изменили уже самую задачу исследования; однако об этом речь пойдет в следующей главе, а пока мы должны закончить рассказ о разновидностях минойского письма.

Описание письмен, найденных на Крите, не было бы полным, если бы мы не рассказали о знаменитом Фестском диске. Найден он был в 1908 г. при раскопках Минойского дворца в Фесте, на юге Крита; нашли его итальянские землекопы. Это плоский диск из обожженной глины, около шести с половиной дюймов в диаметре. Диск с обеих сторон покрыт надписью, которая заполняет всю поверхность его и расположена по спирали, идущей от края к центру. Направление надписи — справа налево. Знаки надписи — рисуночные, числом сорок пять. Но наибольший интерес представляет метод, которым выполнена надпись на диске. Каждый знак отдельно выдавливался на мягкой глине с помощью трафарета-печати, специально вырезанной для этой цели. Очевидно, что при таком методе вся надпись в целом не могла быть отпечатана сразу; каждый раз брался лишь один знак из набора; и все же такое употребление стандартных форм для производства знаков удивительным образом предвосхитило изобретение гравюры и книгопечатания. Трудно поверить, чтобы сорок пять знаков-печатей были сделаны лишь ради изготовления одного диска; столь полезное изобретение наверняка должно было найти более широкое применение. Да и умение, с которым изготовитель диска заполняет все свободные места его поверхности, доказывает, что диск не был первой работой мастера,— этот мастер обладал уже некоторой практикой. Но пока что диск остается вещью уникальной. Предпринимались попытки идентификации знаков этой надписи со знаками иероглифического письма, и некоторое сходство между этими знаками действитель-

но может быть обнаружено, но гораздо чаще диск считают завезенным на Крит извне. Эванс думал, что он попал сюда из Анатолии. Но никогда еще среди памятников древнего мира не было найдено ничего похожего на этот диск по форме или по технике исполнения. Поэтому дешифровка этой надписи остается за пределами наших возможностей, но это не удерживает ученых и любителей от предложения своих версий, часть которых будет приведена в следующей главе.

Есть и еще одна разновидность собственно минойской письменности. Археологические находки, накопленные в период между двумя войнами, ясно показали, что в Бронзовый век родственное письмо употреблялось на острове Кипр, поэтому оно получило название «кипро-минойское». Основным из исследованных городищ этого периода является большое и имеющее важное значение поселение на восточном побережье острова, которое сегодня называют Энкоми. Раскопки на месте этого древнего города все еще продолжаются (1957 г.), и почти наверняка можно сказать, что письмена, обнаруженные там до сих пор,— это лишь небольшая часть того, что еще будет найдено. На свет появились материалы самых разных эпох. Старейший памятник — это маленький осколок таблички, относимый к началу XV столетия до н. э.; если эта датировка правильна, то кипро-минойское письмо должно быть старше линейного письма Б. Знаки его отличаются от знаков всех других форм минойской письменности, но предполагают родство с линейным А. Затем идет группа табличек, большей частью плохо сохранившихся, которые датируются примерно XII веком до н. э. На них обнаружены надписи, простейшие знаки которых почти идентичны знакам двух форм критского письма, но все более сложные знаки здесь изменили свое начертание: тонкие изящные линии и изгибы линейного А и Б уступили место жирным черточкам и точкам. Чтобы писать на глине линейным письмом Б, нужно обладать определенным мастерством и тонким, как игла, стилем (палочкой для письма). Ни один народ, для которого глина является обычным и единственным писчим материалом, не смог бы долго сохранять такую форму письма; в Греции и на Крите эта форма письма сохранилась потому, что там, очевидно, было распространено также письмо на бумаге (или подобном материале) с помощью пера или кисточки. Но если на Кипре глина была принята за основной писчий материал, как это было обычно на Ближнем Востоке, то почти неизбежно должны были произойти те изменения, которые мы в действительности и находим. Стиль становится более тупым и широким, процесс письма более быстрым, размер знаков уменьшается, что является важным средством экономии при таком тяжелом и громоздком материале, как глина. Точно такие же изменения могут быть прослежены в истории клинописного письма

Рис. 5. Эволюция клинописных знаков.

в Вавилонии; ранние знаки, рисуночный характер которых еще очень отчетлив, позже превращаются в формализованные схемы, состоящие из треугольных клинообразных черточек (см. рис. 5). С этой теорией о характере изменения писчего материала согласуется то, что на Кипре таблички подвергались обжигу, а не просто высушивались на солнце, как это было в Греции. И по форме эти таблички гораздо больше напоминают древневосточные. Похожа на кипро-минойскую письменность, но все же легко отличима от нее форма письменности, которая была недавно найдена в древнем Угарите (современное название — Рас-Шамра), на побережье Сирии. В этом государстве для внешней переписки применялась аккадская клинопись, для внутреннего употребления — то есть для записей на своем местном семитском наречии — это государство имело особый клинописный алфавит; но не удивительно, что колония киприотов, живших там, пользовалась письменностью своей родины. Нужно подчеркнуть, что большинство образцов этой письменности было найдено лишь в течение нескольких последних лет и не сыграло никакой роли в дешифровке линейного письма Б. Они сами еще не дешифрованы, и, кажется, на дешифровку нет надежды, пока не будет найдено бо́льшее количество текстов.

Однако это отступление от темы не было неуместным, так как есть еще один вид кипрского письма, который сыграл важную роль в дешифровке линейного письма Б. Это классическое кипрское письмо, которое не позже чем с VI и до III или II в. до н. э. использовалось для записей на греческом языке. Это письмо было прочитано в 1870 г.; первые шаги в этом направлении сделал англичанин Джордж Смит. Ключом к дешифровке послужили двуязычные надписи: надпись, сделанная кипрским и финикийским письмом, и надпись, сделанная кипрским и греческим буквенным письмом. Есть ряд надписей явно не на греческом, а на каком-то неизвестном языке, которые написаны этим же письмом. Полученная Смитом система дана на рис. 6. Каждый знак представляет собой не одну букву, а целый слог: или одну гласную (a, e, i, o, u), или согласную плюс гласная. Зафиксированы следующие согласные: j, k, l, m, n, p, r, s, t, w, x и z, но представлены не все сочетания этих согласных с гласными. Такая система письма крайне неудобна для передачи текстов на

греческом языке. Во-первых, взрывные согласные k, p, t должны передавать каждый по три звука, для которых в греческом алфавите есть специальные буквы: так, k передает k, g и kh, p=p, b и ph, t=t, d и th (тот, кто немного знаком с греческим языком, может показаться странным, что kh, ph и th в древнегреческом произносились не как в словах *холодно*, *фиалка* и в английском *th*ink (th=þ), а как в словах *вакханалия*, *обход* и *отходить*; именно поэтому римляне передавали греческое ph сначала как p, позже — как ph, но никогда — как f). Во-вторых, в этой системе нет возможности обозначить группу согласных или конечный согласный. В этих случаях согласный можно было обозначить на письме, лишь присоединяя к нему «немой» гласный, тот же самый гласный, который находился в предыдущем или последующем слоге; на конце же слова обычно писали «немое» *e*. Звук n перед другим согласным вообще не обозначался. Поэтому греческое слово anthrōpos «человек» передается как a-to-ro-po-se. В-третьих, долгота долгих гласных ē, ō, для которых в

a	𐠀	*e*	𐠁	*i*	𐠂	*o*	𐠃	*u*	𐠄
ka	𐠊	*ke*	𐠋	*ki*	𐠌	*ko*	𐠍	*ku*	𐠎
ta	𐠭	*te*	𐠮	*ti*	𐠯	*to*	𐠰	*tu*	𐠱
pa	𐠞	*pe*	𐠟	*pi*	𐠠	*po*	𐠡	*pu*	𐠢
la	𐠏	*le*	𐠐	*li*	𐠑	*lo*	𐠒	*lu*	𐠓
ra	𐠣	*re*	𐠤	*ri*	𐠥	*ro*	𐠦	*ru*	𐠧
ma	𐠔	*me*	𐠕	*mi*	𐠖	*mo*	𐠗	*mu*	𐠘
na	𐠙	*ne*	𐠚	*ni*	𐠛	*no*	𐠜	*nu*	𐠝
ja	𐠅					*jo*	𐠈		
wa	𐠲	*we*	𐠳	*wi*	𐠴	*wo*	𐠵		
sa	𐠨	*se*	𐠩	*si*	𐠪	*so*	𐠫	*su*	𐠬
za	𐠼					*zo*	𐠿		
		xe	𐠸						

Рис. 6. Кипрское слоговое письмо.

греческом алфавите есть особые знаки (η, ω), здесь никак не обозначается.

Итак, стало возможным сравнивать классическое кипрское письмо с линейным письмом Б. Семь знаков могут быть с легкостью сведены друг к другу, некоторые другие знаки обнаруживают различную степень сходства, но три четверти знаков можно было сравнивать, лишь основываясь на догадке; теперь же мы знаем, что большинство догадок было ошибочно. Например, в табличке, зарисованной Майрзом в «Scripta Minoa», II, из 32

Линейное Б	Кипрское письмо	Значения в кипрском письме
⊦	⊦	*ta*
+	+	*lo*
Ŧ	Ŧ	*to*
ш	ш	se
‡	‡	*pa*
⩪	⩪	*na*
⩚	⩚	*ti*

Рис. 7. Сравнительная таблица знаков линейного Б и классического кипрского письма.

знаков линейного письма Б только 11 оказались верными или почти верными. Тем не менее почти все, кто занимался линейным Б, начинали с переноса звуковых значений кипрского письма на знаки линейного Б, хотя даже самое поверхностное изучение истории письма показывает, что один и тот же знак, даже в родственных системах, может передавать разные звуки.

Чтение линейного письма Б при помощи кипрского создает путаницу и в другом отношении. Слишком быстро и легко было принято предположение, что правила письма на линейном Б должны быть подобны правилам кипрского письма; это привело к важному выводу: наиболее частым конечным согласным в греческом является -ς. Таким образом, в кипрских надписях большой процент слов оканчивается на -se, причем -e здесь немой

гласный. Но se — один из немногих знаков, которые легко опознаются в линейном Б; однако в конце слов он здесь встречается очень редко, да и вообще ни один знак линейного письма Б не обладает такой характерной дистрибуцией, как знак для se в кипрском письме. Это как будто говорило о том, что язык линейного Б вряд ли мог быть греческим.

Это было доказательством «изнутри», поддерживавшим полученный из археологических свидетельств вывод Эванса о том, что культура минойского Крита коренным образом отличалась от культуры микенской Греции, независимо от того, говорили ли микенцы, как и жители Крита, на греческом языке.

Влияние взглядов Эванса и его последователей было огромным. Лишь немногие археологи осмеливались сомневаться в этой ортодоксальной теории, и наиболее смелый из них, покойный А. Уэйс, который впоследствии стал профессором классической археологии в Кембриджском университете, дорого заплатил за свои «еретические» взгляды: его на долгое время отстранили от раскопок в Греции. Голоса протеста были голосами вопиющих в пустыне. И хотя в это время уже начали признавать влияние материковой культуры на позднюю минойскую культуру Крита, почти на всех специалистов, занимавшихся этим вопросом, утверждение Вентриса, что властители кносские говорили по-гречески, подействовало как разорвавшаяся бомба.

ГЛАВА III

НАДЕЖДЫ И НЕУДАЧИ

Успех любой дешифровки зависит от количества и качества материала, который имеется в распоряжении дешифровщика. Какое количество материала необходимо — это зависит от характера задачи, которую предстоит решать, характера самого материала и т. д. Так, короткая билингва, представляющая один и тот же текст на двух разных языках, может быть использована как шпаргалка и может дать ключ к прочтению и интерпретации всего остального материала. Когда же билингв нет, как это было в нашем случае, для дешифровки требуется как можно больше текста. Более того, сам тип текста может наложить некоторые ограничения; например, известны тысячи надгробных надписей на этрусском языке, но они позволяют извлечь лишь очень небольшую информацию о языке, так как в них все время повторяются одни и те же фразы.

Существует два пути дешифровки. Один — дешифровка путем методического анализа; описание этого метода составит тему следующей главы. Второй путь — путь чистой догадки. Разумная догадка, конечно, играет определенную роль и при использовании первого метода. Но между дешифровкой, основанной на тщательном и осторожном внутреннем анализе, и дешифровкой, достигаемой с помощью метода проб и ошибок, существует огромная разница. Такая дешифровка тоже может дать правильные результаты, но ее необходимо подтвердить, проверив результаты на совершенно новом материале, так как достоверность ее не вытекает из самого процесса ее получения.

Необходимо умение беспристрастно оценить, что может и чего не может содержать рассматриваемый текст. Тем, кто пользовался методом догадок, этого качества явно не доставало.

Эванс и наиболее осторожные из его последователей заметили, что все документы, за небольшим исключением, представляли собой списки или счета. Какие основания имелись для такого вывода, мы покажем позже.

Но это не помешало некоторым дилетантам отважиться на собственную интерпретацию. Эти «дешифровки» начинали в большинстве случаев с догадок о языке надписи; многие из них рассматривали линейное письмо А и Б и даже Фестский диск как образцы различных надписей на одном и том же языке. Не-

которые избирали для этого греческий язык, хотя тот «греческий», который у них получался, с филологической точки зрения не выдерживал никакой критики. Другие выбирали язык, иногда плохо изученный, или генетические связи которого были не ясны: предлагались такие языки, как баскский и этрусский. Третьи изобретали для этого случая свой собственный язык: этот метод очень удобен тем, что никто не может доказать ошибочность дешифровки. В попытке дешифровки, принадлежащей болгарскому профессору В. Георгиеву, искусно *смешиваются* языковые элементы, одни из которых напоминают греческий, когда это соответствует его целям, другие же — любой другой язык, когда греческий его не устраивает. Почти все дешифровщики начинали свою работу, отталкиваясь от кипрского письма.

Было бы излишне и слишком утомительно рассматривать здесь все результаты дешифровок, опубликованные до 50-х годов; нескольких примеров таких чтений и переводов будет достаточно, чтобы продемонстрировать характер большинства работ, которые предпринимались в этом направлении.

Чешский ученый профессор Бедржих Грозный доказал, что хеттский язык, записанный клинописью, имеет индоевропейское происхождение. Так он положил начало изучению этого языка. Произошло это во время первой мировой войны. К сожалению, не все его последующие работы были настолько же удачны, как эта, тем не менее в старости он повел наступление на все недешифрованные письменности, которые только были ему известны.

Загадка письма долины Инда — доисторической письменности Северной Индии — была «решена» быстро, после чего Грозный обращается к минойскому письму и в 1949 г. выпускает обширную монографию [3]. Он собрал все опубликованные к тому времени надписи, включая несколько надписей из Пилоса, и, не изложив своей методики, приступил к их интерпретации. Его метод, если тут вообще можно проследить какой-либо метод, заключался в том, что он сравнивал знаки минойского письма со знаками других систем письма, не только классического кипрского, но также египетского, хеттского иероглифического, протоиндийского (письменность долины Инда), клинообразного, финикийского и других ранних письменностей. Конечно, найти какое-либо отдаленное сходство между линейным Б и каким-нибудь другим письмом нетрудно. К тому же некоторые параллели в действительности оказались весьма натянутыми... Произвол, царящий в работе Грозного, настолько очевиден, что никто не принял этой работы всерьез. Это — печальная история, и она слишком часто повторяется в ученом мире: заслуженный и

[3] B. H r o z n ý, Les inscriptions crétoises, Essai de déchiffrement, Prague, 1949.

уважаемый ученый пишет в старости работы, не достойные времени его расцвета, а его друзьям и ученикам не хватает смелости сказать ему об этом.

В 1931 г. издательство Оксфордского университета выпустило в свет небольшую книжку под названием «Through Basque to Minoan» («К минойскому через баскский»). Автором книги был Ф. Гордон; он пытался прочесть минойское письмо, приписывая его знакам чтения, взятым из баскского языка, «на тот случай, если бы эти языки оказались близкородственными». Баскский язык он выбрал потому, что минойский, возможно, не был индоевропейским языком, а баскский — это единственный неиндоевропейский язык, который сохранился в Европе с доисторического времени.

Метод, примененный Гордоном, пользуется популярностью у дилетантов. Сначала за каждым знаком стараются угадать какой-либо предмет, каким бы неясным ни было их сходство; затем предметам приписываются названия из языка, избранного автором дешифровки,— и считается, что знаки прочитаны.

Гордон остановился на этом этапе, считая, что каждый знак передает слово. Другие шли дальше, применяя принцип акрофонии: это значит, что знак соответствует лишь первой части слова или первой его букве.

Пользуясь этим «методом», Гордон перевел несколько описей из Кносса как элегические стихи. При этом он читал их и слева направо и справа налево, как ему было удобнее, а одну табличку перевернул даже вверх ногами, так, что остов колесницы на ней можно было принять за опрокинутую вазу яйцевидной формы на двух ножках, из которой вытекает жидкость (см. стр. 42 его книги). Обратившись к Фестскому диску, он превзошел сам себя. Вот несколько строк из его перевода:

«...владыка, шагающий на крыльях по бездыханной тропе, звездокаратель, пенистая пучина вод, псо-рыба, каратель на ползучем цветке; владыка, каратель лошадиной шкуры (*или* поверхности скалы), пес, взбирающийся по тропе, пес, лапой осушающий кувшины с водой, взбирающийся по круговой тропе, иссушающий винный мех...» (стр. 55—56 его книги).

В том же году увидела свет еще одна подобная дешифровка, выполненная мисс Ф. Стоуэлл. Книга ее носила скромное название «Ключ к критским надписям» («A clue to the Cretan scripts», London, 1931). Используя описанный выше акрофонический принцип, она рассмотрела большое число иероглифических текстов, Фестский диск и некоторые надписи линейного письма А. Таблички с линейным письмом Б она не особенно старалась интепретировать. Мисс Стоуэлл признавала, что эти таблички со-

держат описи, и приняла мудрое решение придерживаться текстов, содержание которых рисовалось более туманным.

Для начала она предположила, что Эванс ошибался и что минойский язык — это на самом деле греческий. Предметам были приписаны греческие названия, причем некоторые из этих слов звучали для греческого довольно странно, а некоторые вообще были изобретением автора. Затем путем сокращения этих названий были получены слоговые значения знаков и каждая группа знаков на диске (очевидно, слово) превратилась во фразу, например: an-sa-kŏ-tĕ-re. Начальные слоги дополнялись до полных слов, и фраза читалась, как казалось мисс Стоуэлл, по-гречески:

Ana, Saō; koō, thea, Rē

«Восстань, спасительница! Слушай, богиня Рея!»

Она признавала, что этот греческий вряд ли был достаточно архаичным, но при этом явно весьма смутно представляла себе, как должен был выглядеть древнейший греческий язык. Все ее интерпретации столь же произвольны.

Другая попытка дешифровки Фестского диска была предпринята греческим ученым К. Д. Ктистопулосом. Чтобы быть справедливым, нужно сразу же отметить, что он проделал очень полезные статистические подсчеты по определению частотности знаков линейного письма. Здесь же приводится часть из его перевода надписи на диске, язык которой он относил к семитским:

«Всевышний — божество, могущественных тронов звезда,
Всевышний — нежность утешительных слов,
Всевышний — даритель предсказаний,
Всевышний — белок яйца»[4].

Даже и без извинений автора за плохое знание семитской филологии можно почувствовать, что здесь не все гладко.

Одна из самых многообещающих попыток прочесть минойский текст по-гречески была предпринята шведским археологом профессором Акселем Перссоном в 1930 г. За четыре года до этого руководимая им экспедиция обнаружила в одном из позднемикенских погребений в Асинэ, близ Навплиона (северо-восточная часть Пелопоннеса), кувшин, по ободку которого были расположены знаки, принятые за надпись.

Сравнив эти знаки со знаками классического кипрского силлабария, Перссон сделал попытку прочесть несколько слов. Они, за исключением одного слова, мало походили на греческие. Но слово po-se-i-ta-wo-no-se, если при его написании учесть правила кипрского письма, возможно, представляло собой форму, соответствующую греческому Poseidāwōnos, то есть форме родительного падежа имени бога Посейдона. Знатоки минойской

---

[4] Работа, представленная Афинской Академии 27 мая 1948 г.

письменности, однако, не разделяли уверенности Перссона относительно его идентификации. Знаки на кувшине совершенно не похожи ни на знаки линейного письма Б, ни на знаки какой-либо другой письменности Бронзового века, и увидеть в этих знаках сходство с классическим кипрским слоговым письмом мог только человек, обладавший очень богатым воображением. Вентрис же после тщательного исследования оригинала пришел к выводу, что знаки на кувшине вообще не являются надписью. Это или просто узор, или, может быть, попытка неграмотного мастера имитировать письмо. Интересно заметить, что форма имени, прочитанная Перссоном, оказалась, как мы теперь знаем, неверной для микенского диалекта, в котором она выглядит как po-se-da-o-no.

Совершенно иной характер носит работа болгарского ученого В. Георгиева, который в книге «Проблемы минойского языка», вышедшей в 1953 г. в Софии на русском языке, обобщил целый ряд более ранних своих работ. К своим критикам он относился с некоторым пренебрежением, хотя признавал, что не может убедить всех сразу и что потребуется еще много времени на совершенствование теории. Он считал, что минойский язык был диалектом широко распространенного догреческого языка, на котором говорили в Греции до прихода туда греков. Этот язык, по его мнению, был родствен хеттскому и другим раннеанатолийским языкам. Его теория в той или иной форме нашла значительное число приверженцев. В ней, безусловно, есть доля истины, но насколько она значительна, мы еще до сих пор не знаем. Несомненно лишь то, что большинство греческих топонимов состоит не из греческих слов; только некоторые из них, например Thermopylai (Фермопилы, букв. «Горячие ворота»), являются греческими по происхождению, остальные же, например Athēnai (Афины), Mykēnai (Микены), Korinthos (Коринф), Zakynthos (Закинф), Halikarnassos (Галикарнас), Lykabēttos (Ликабет), не только ничего не значат по-гречески, но и принадлежат к группе с ограниченным числом окончаний, подобно английским названиям, которые можно узнать по таким концовкам, как -bridge, -ton, -ford *. Сохранение в языке топонимов языка-субстрата — явление обычное. Так, например, хотя в Англии кельтский язык вышел из употребления уже более тысячи лет тому назад, много кельтских названий сохраняется в Англии до сих пор, например многие реки называются у нас Avon «Эйвон» (по-уэльсски afon — «река»). Учитывая подобные факты, некоторые ученые пытались определить догреческий язык Греции, опираясь на топонимику. Но хотя существование такого языка само

* Ср. русские названия городов на *-град*, *-горск*, *-ск*, *-ов* и др.— *Прим. перев.*

по себе не вызывает сомнений, решить, какой именно это был язык, до сих пор не удается.

Георгиев полагал, что таблички были написаны в основном на архаическом греческом языке, но содержащем большое число догреческих элементов. Это давало ему возможность интерпретировать в качестве греческих или «квазигреческих» все слова, которые годятся для этого, и вовсе не интерпретировать или интерпретировать как-нибудь иначе те слова, которые не удается вписать в рамки греческого языка. Я должен заметить, что часто даже опытные филологи без подсказки и комментариев Георгиева не могли увидеть греческого языка там, где он его находил. Например, одна из фраз кносской таблички (Fp 7) транслитерирована им следующим образом: θetáaranà make — и переводится «великой бабке-орлице», но слова эти вряд ли имеют сходство с греческими. Для сравнения покажем, как эта фраза читается сейчас: ka-ra-e-ri-jo me-no «в месяце Караэриосе». Ни один знак не совпадает в этих чтениях. Справедливости ради нужно добавить, что после некоторых колебаний Георгиев полностью принял дешифровку Вентриса.

В 1950 г. немецкий ученый проф. Эрнст Зиттиг испробовал новый метод.

Предполагая, что минойский язык родствен языку негреческих надписей с острова Кипр, Зиттиг исследовал частотность знаков в этих надписях. Затем, сравнивая частотность знаков минойского письма с частотностью знаков кипрского силлабария, а также опираясь на сходство знаков этих двух письменностей, он определял знаки линейного Б. Этот метод сам по себе был надежным, но неверна была, к сожалению, основная предпосылка — о близком родстве языков; кроме того, для точного установления частотностей знаков нужно было иметь больше материала, чем его имелось в распоряжении Зиттига. Теперь мы знаем, что из четырнадцати знаков, которые Зиттиг считал уже точно определенными при помощи этого метода, верными оказались только три. Примененный при подходящих условиях метод Зиттига может оказать ценную помощь, но при этом у нас не должно оставаться сомнений относительно генетической принадлежности языка и правил письма, к которым применяется этот метод.

Однако были и исключения из этого списка неудач, особенно у тех исследователей, которые ограничивались некоторыми частными наблюдениями и выводами, не претендуя на решение всей проблемы в целом. Сам Эванс оказался в этом отношении на высоком уровне. Думая, что минойский язык не является ни греческим, ни каким-либо другим из известных языков и не находится с ними в родстве, Эванс не поддавался искушению выдвигать скороспелые теории. Он был достаточно хорошо знаком с другими древними письменностями, чтобы избежать ловушек, в которые

попадают многочисленные дешифровщики, хотя в одном отношении именно это увело его в сторону.

Замечательной особенностью некоторых клинописных и других систем письма является применение так называемых детерминативов. Это знаки, которые не передают звучания, а служат для отнесения слов, при которых они стоят, к той или иной понятийной категории. Так, названия городов всегда начинаются с детерминатива, означающего «город», названия лиц мужского пола — с детерминатива, означающего «мужчина», названия всех деревянных предметов имеют при себе особый детерминатив и т. д. В сложных системах письма детерминативы являются важным ключом для определения значения слова: подразделяя слова на группы, они сужают круг возможных чтений для каждого слова и тем самым облегчают определение его значения. Примером простого детерминатива, бытующего в современных письменностях, может служить употребление прописных букв для обозначения собственных имен.

Эванс думал, что он обнаружил такую систему детерминативов в линейном письме Б. Он заметил, что многие слова начинаются со знака, напоминающего стул с высокой спинкой и крючком вверху справа:

которые его живое воображение представило как трон и скипетр. Еще большее число слов начинается со стилизованного знака

который, очевидно, восходит к знаку-рисунку двойного топора (секиры) в иероглифическом письме. Такой топор был частым мотивом в культовых сценах и имел какое-то религиозное значение. Следующим шагом была догадка о том, что эти два знака, кроме фонетического значения, в начальной позиции имели значение детерминативов, обозначающих группу слов, связанных с дворцовым управлением, и группу слов, связанных с религиозными обрядами, которые для минойцев имели огромное значение. И хотя у этой теории было мало приверженцев среди специалистов — одним из них был Грозный,— имя Эванса сообщало ей некоторую авторитетность. На самом деле теория была совершенно ошибочной. Она была основана лишь на простой догадке, тогда как исчерпывающий анализ употребления этих знаков обнаружил бы более вероятное объяснение их значения. Это объяснение будет дано в следующей главе.

Более удачной была попытка Эванса использовать кипрское письмо как ключ к разгадке. В замечательной табличке, о которой рассказывается на стр. 189—190, в двух строках представлены изображения лошадиных голов, за которыми следуют цифры. Левая часть таблички Эвансом не была записана. Я сам нашел ее в музее г. Ираклиона в 1955 г. и присоединил к остальной надписи. В каждой строке одна голова была меньше размером и без гривы, ей предшествовало одно и то же слово, состоящее из двух знаков. Оба знака были простыми, и без особого риска их можно было сравнить с похожими знаками кипрского письма, которые читались как po-lo. По-гречески же pōlos значит «жеребенок». Это слово родственно, например, английскому foal «жеребенок», так как по закону, известному филологам как закон Гримма, греческое p- в некоторых германских языках, в том числе и в английском, всегда представлено звуком f-. Это было впечатляющее совпадение. Но Эванс был настолько уверен, что за линейным письмом Б *не* мог скрываться греческий язык, что он, хотя и с явной неохотой, отмел такое объяснение. Сейчас принято отдавать ему должное за интерпретацию этого слова; но остается лишь сожалеть, что он не пожелал открыть двери ключом, на который он наткнулся.

Другое здравое рассуждение мы находим в статье А. Каули, опубликованной в 1927 г. Каули рассмотрел ряд табличек, в которых, как он предполагал вслед за Эвансом, речь шла о женщинах, так как все они содержали пиктограммы, явно обозначавшие женщину. За этими знаками шли другие, перед которыми стояли два слова:

𐀒𐀺 и 𐀒𐀷;

естественно было предположить, что они обозначали детей — мальчиков и девочек,— хотя тогда еще было неясно, какое слово к какому понятию относится.— Эванс и Каули оба ошибались.

В 1940 г., в специальной литературе, посвященной этим вопросам, появилось новое имя: Майкл Вентрис; было ему тогда всего восемнадцать лет. Его статья, озаглавленная "Introducing the Minoan Language", была помещена в "Американском археологическом журнале" ("American Journal of Archaeology"). В письмах к редактору он тщательно скрывал свой возраст. И хотя позже он забраковал эту статью как детскую, она все же была написана с позиции здравого смысла. Основная мысль ее заключалась в том, что нужно найти язык, родственный минойскому. Вентрис думал об этрусском языке; это была догадка, не лишенная оснований, так как этруски, в соответствии с античной традицией, пришли в Италию из Эгеиды. Вентрис предпринял попытку проследить, насколько этрусский язык подходил к линей-

ному письму Б. Как он признался, результат проверки оказался отрицательным, и все же мысль об этрусском языке как языке минойских надписей не покидала его до тех пор, пока наконец в 1952 г. греческий язык не вторгся в его работы в качестве единственной возможности. Минойская теория Эванса укоренилась так прочно, что о греческом языке в то время не могло быть и речи. «Гипотеза о том, что минойский язык мог бы оказаться греческим,— писал Вентрис,— конечно, основана на явном игнорировании исторической вероятности». Едва ли кто-либо в то время осмелился бы с этим не согласиться.

Наиболее ценный вклад внесла несколько позже (1943—1950 гг.) американка д-р Алиса Э. Кобер. Ее слишком ранняя смерть

Тип А | Тип В | C | D | E

Рис. 8. «Коберовские» тройки.

(она умерла в 1950 г. в возрасте 43-х лет) не позволила ей принять участие в разысканиях и увидеть плоды дешифровки, для которой она расчистила путь своей важной работой. Она первой начала систематическое исследование с целью проникнуть в природу языка, скрытого за барьером письменности. Вопросы, которые она при этом ставила перед собой, были просты: был ли это флективный язык, который использовал различные окончания для выражения разных грамматических значений? Обладал ли этот язык средством для последовательного различения форм единственного и множественного числа? Было ли этому языку свойственно различение слов по родам? Ей удалось решить лишь частные проблемы, но, несмотря на это, ее работы действительно были шагом вперед. Например, она сумела доказать, что формула, которая использовалась на многих табличках при подведении итогов, выступала в двух вариантах; один из них употреблялся, когда речь шла о мужчинах и животных одного определенного класса, другой — когда речь шла о женщинах, животных иного класса и некоторых предметах, таких, как мечи и т. п. Это было не только явным свидетельством различения рода, но помогало также определить те средства, с помощью которых обозначался пол животных (это средство состояло в том, что к соответствующей идеограмме присоединялся добавочный знак). Еще более замечательным было другое ее наблюдение. Она доказала, что некоторые слова имели две особые формы, которые бы-

ли на один знак длиннее, чем простые формы. Сейчас эти слова известны под названием коберовских троек. Она считала их еще одним свидетельством того, что рассматриваемый язык обладал системой флексий, но в процессе окончательной дешифровки им суждено было сыграть еще гораздо более важную роль. По-моему, не может быть никакого сомнения, что, будь мисс Кобер жива, она была бы ведущей фигурой в событиях последних лет. Она — единственная из прежних дешифровщиков — последовательно шла по пути, который в конце концов привел Вентриса к разрешению проблемы.

Здесь мы снова должны вернуться к истории открытия. До 1939 г. было известно только одно место, откуда происходили таблички с линейным письмом Б,— это был город Кносс на острове Крит. Но в материковой части Греции было найдено также несколько ваз с надписями, которые наносились перед обжигом. Эти надписи представлены в нескольких различных формах, однако общий их вид сходен с надписями линейного Б. То, что на материке были обнаружены «критские» письмена, не вызывало удивления, так как, по теории Эванса, в любом уголке Минойского царства могли быть найдены предметы, импортированные с Крита. Карта 1 на стр. 120 указывает те пункты, где были найдены вазы с надписями. Но неожиданно накануне второй мировой войны ситуация драматически изменилась.

Шлимана привело в Микены убеждение в достоверности гомеровской легенды. Ничем не примечательный город классической Греции, который в 480 г. до н. э. послал восемьдесят человек на битву с персами в Фермопилы, когда-то был столицей великого государства. Может быть, удастся найти и другие города, упомянутые Гомером? Этот вопрос задал себе профессор университета в Цинциннати Карл Блеген, который на месте раскопок Трои провел очень тщательную и поистине замечательную работу и уже был признан одним из самых выдающихся знатоков доисторического периода древней Греции. Теперь он отправился на поиски дворца другого правителя из гомеровского эпоса, старого болтливого вояки Нестора, чье имя стало символом долголетия.

Нестор правил в Пилосе, но где находился Пилос? Уже в период классической Греции существовала поговорка: «До Пилоса есть Пилос, а кроме того, есть еще один Пилос». Споры о Пилосе, в котором правил Нестор, начали в III веке до н. э. александрийские комментаторы Гомера, и с тех пор эти споры неоднократно возобновлялись. Географ Страбон (I век до н. э.) подробно обсуждает этот вопрос: было три претендента на звание Пилоса — резиденции Нестора: один в Элиде, на северо-западе Пелопоннеса, другой в Трифилии, в центральной части западного побережья, и третий в Мессении, на юго-западе. Страбон

в силу различных соображений выбрал Пилос в Трифилии, а в самом начале нашего века известный немецкий археолог Дёрпфельд пытался окончательно решить этот вопрос, найдя несколько микенских могил в местности, называемой Како́ватос. И хотя подобные захоронения всегда предполагают, что где-то поблизости должен быть город, однако дворца нигде не могли обнаружить.

Блеген игнорировал замечания Страбона и решил исследовать район Мессении. Именно здесь расположен новый город с названием Пилос. Он находился на юге Наваринского залива, который в 1827 г. был сценой знаменитого морского сражения, когда объединенные силы Англии, Франции и России разбили турецкий и египетский флот и тем самым нанесли сокрушительный удар противникам независимости Греции. В северной части залива находился древний город классической эпохи; это было место, где во время Пелопоннесской войны в 425 г. до н. э. афиняне провели замечательную десантную операцию. Но Страбон пишет, что жители переселились сюда из другого, более раннего города, который находился «под горой Эгалеон»; к сожалению, мы не знаем, ни как близко «под горой» они жили, ни какая это была гора и где она находилась. Примерно в четырех милях к северу от залива, в местности, которая сейчас носит название Эпа́но Энглиано́с, Блеген нашел место, где, возможно, стоял Пилос, и для раскопок его организовал в 1939 г. вместе с д-ром Куруниотисом, греческим ученым, совместную греко-американскую экспедицию. Блеген с помощником-студентом начал пробные работы, и тут им удивительно повезло: первая же пробная траншея прошла через помещение, которое теперь известно нам как архив. Не прошло и двадцати четырех часов с начала раскопок, как были найдены таблички, а первый сезон раскопок дал не менее шестисот глиняных табличек, подобных кносским и написанных тем же линейным письмом Б. Но и тут опять помешала война, и раскопки вместе с находками новых табличек смогли возобновить лишь в 1952 г. Последующие раскопки понемногу продолжали пополнять число известных текстов. Война помешала изучению и публикации первых находок; но прежде чем таблички отправились в подвалы Афинского банка, где они пролежали нетронутыми все годы оккупации, с них удалось сделать снимки. После войны Блеген доверил издание текстов табличек профессору Эмметту Л. Беннетту, который был уже всемирно известным знатоком микенских текстов. Собрание текстов, подготовленное на основе снимков, вышло в 1951 г.; в 1955 г. появилось новое, исправленное издание, сверенное с оригиналами и содержащее также вновь обнаруженные тексты. На этом месте продолжают и сейчас (1957) находить глиняные таблички.

Чтобы закончить рассказ о находках текстов, мы должны не-

много забежать вперед и сказать о первых табличках из Микен, которые были найдены в 1952 г. профессором Уэйсом (Wace). Найдены они были не в царском дворце, который Шлиман и Цундас раскопали в конце прошлого века, а в отдельных жилых или хозяйственных строениях, расположенных за стенами акрополя или царского замка. При дальнейших раскопках в 1954 г. число табличек, найденных на этом городище, возросло до пятидесяти.

Мы не знаем, какова была реакция Эванса на появление новых табличек из Пилоса; в то время он был уже 88-летним стариком и умер раньше, чем событие это подверглось обсуждению и получило отклики. Но последователи его, к которым относилось внушительное большинство археологов всех стран, срочно начали искать объяснение. Некоторые серьезно выдвигали версию о том, что таблички были «похищены» с Крита; но можно ли было поверить в то, что пират или разбойник взял бы с собой тяжелое и громоздкое собрание хрупких документов, которые он не мог даже прочесть? Более вероятной была гипотеза, что разбойники из Микен увезли с Крита писцов, которые вели бухгалтерию Минойского дворца, и по возвращении домой заставили их работать на себя и вести хозяйственные расчеты. Это по крайней мере объяснило бы, почему царь-грек использовал минойское письмо для ведения своих дел: писали же счета английского короля в средние века по-латыни. Сомнительно только, станет ли кто-либо вести бухгалтерию, если это ему не нужно. Неграмотная страна не станет ввозить писцов для того, чтобы вести счета, пока экономические условия ее жизни существенно не изменятся и не вынудят ее к этому. Была предложена и еще одна теория: микенцы вообще не были греками, а говорили на каком-то ином языке. Мысль, что таблички из Кносса тоже были написаны по-гречески, едва ли приходила кому-нибудь в голову.

Работая над новым материалом, Беннетт действовал осторожно и рассудительно. Этот материал он использовал для своей докторской диссертации, но она не была опубликована. Выше упоминалась его статья о двух разных системах мер и весов в линейном письме А и линейном письме Б. Но его выдающийся вклад в дело дешифровки — это идентификация репертуара знаков: он определил, какие знаки имеют самостоятельное значение и являются отдельными знаками, а какие — лишь вариантами одного и того же знака. Как трудна эта задача, знают лишь те, кто пробовал свои силы в этом деле. Нам довольно легко опознать какую-либо букву нашего алфавита, написанную десятком разных людей, несмотря на то, что они могут употреблять различные варианты этой буквы. Но если нам неизвестны ни возможное начертание буквы, ни пределы, в которых могут коле-

баться начертания ее вариантов, ни звук слова, который эта буква передает, то о редких знаках мы сможем сказать с уверенностью, являются ли они отдельными буквами или просто вариантами одних и тех же букв. Но именно с таким положением мы все еще сталкиваемся в линейном письме Б. Обратимся к таблице, приложенной в конце книги. Знаки, стоящие в ней под № 18 и 19, встречаются в текстах лишь несколько раз; служат ли они вариантами знака № 17 или являются самостоятельными? Именно благодаря Беннетту таких вопросов осталось теперь немного. При помощи тщательного и кропотливого сравнения ему удалось составить таблицу, в которой сгруппированы варианты для всех знаков, за исключением самых редких. Напротив, второй том «Scripta Minoa» страдает тем, что там иногда смешиваются разные знаки, а варианты одного и того же знака принимаются за особые знаки. В это время между Вентрисом и Беннеттом уже шел обмен мыслями и предложениями, и, очевидно, соображения Вентриса также способствовали разрешению задачи, которой занимался Беннетт. Переписка этих двух ученых положила начало их дружбе, которая расцвела и укрепилась во время поездки Беннетта в Европу.

Опубликование в 1951 г. пилосских табличек («The Pylos tablets») подготовило почву для дешифровки. Последовательный и систематический анализ, начатый мисс Кобер и Беннеттом, мог теперь заменить простые размышления и догадки, но при этом, чтобы найти правильный метод работы, необходимы были ясность мысли и непредвзятость суждений. Нужны были также упорство и сосредоточенность, чтобы провести очень трудоемкий анализ и, несмотря на скудные результаты, идти дальше, не останавливаясь. Нужна была и искра гениальности, чтобы вовремя схватить правильное решение, когда оно, наконец, выплыло на поверхность в результате кропотливой работы со знаками, еще лишенными смысла.

ГЛАВА IV

РОЖДЕНИЕ ТЕОРИИ

Рассказывая о линейном письме Б, мы намеренно рисовали до сих пор лишь тот хаос разрозненных сведений, который царил в этой области до конца второй мировой войны. Но теперь пора уже дать ясный и детальный анализ того, каким образом эта проблема предстала перед исследователями, начавшими в этот новый период новое наступление на линейное письмо Б. Однако начать следует с некоторых предварительных замечаний о сущности проблемы и методах, применяемых для ее решения.

Между неразгаданными письменностями и секретными кодами явно существует сходство. Для разгадки как тех, так и других могут быть использованы одни и те же или сходные приемы. Но при этом не следует упускать из виду и существующие между ними различия. При создании кода намеренно ставится цель как можно более запутать и озадачить его исследователя; письмо же этой цели не преследует и становится загадкой лишь по воле случая. Язык, на котором записан закодированный текст, обычно известен. Что же касается неразгаданных письмен, то здесь есть три различных возможности. Во-первых, язык может быть полностью или частично известен, но неизвестна система письма, передающая его. Примером здесь может служить дешифровка древнеперсидских надписей, осуществленная в 1802 г. немецким ученым Гротефендом: клинописные знаки были в то время совершенно непонятны, но после того, как в текстах обнаружили и идентифицировали собственные имена, оказалось, что язык надписей во многом понятен благодаря известным текстам Авесты, написанным на близкородственном языке.

Второй случай: письменность может быть известной, а язык — нет. Таково положение с этрусским языком. Этрусские надписи используют несколько видоизмененный греческий алфавит, который не представляет особых трудностей для чтения.

Но до сих пор не найден язык, достаточно близкий языку этрусских надписей, язык, который мог бы пролить свет на значения слов. Поэтому, несмотря на довольно обширное собрание текстов, наши сведения об этрусском языке остаются до сих пор еще очень ограниченными, весьма элементарными и недостаточно надежными.

И наконец, мы имеем ситуацию, с которой встретились дешифровщики минойского письма: тексты, написанные неизвестным письмом на неизвестном языке. То, что впоследствии этот язык оказался одним из известных языков, никак не облегчало задачи, поскольку он не мог быть использован на первых этапах дешифровки.

Обычно считали, что последний случай представляет собой такую ситуацию, когда дешифровка возможна лишь при наличии билингвы (одного и того же текста на двух языках). Египетские иероглифы лишь тогда начали выдавать свою тайну, когда находка Розеттского камня, на котором за египетской надписью следовал ее греческий вариант, дала возможность сравнить в этих двух вариантах имена царей. Для минойского языка подобного документа не было; но глупо было бы сидеть сложа руки в ожидании, когда он появится.

Новое оружие в руки ученых, занимающихся неизвестными письменностями, дала криптография. Сейчас хорошо известно, что — теоретически — может быть разгадан любой код, если в нашем распоряжении имеется достаточное количество образцов текста: единственная возможность обеспечить надежность шифровок состоит в постоянной смене кодовой системы или создании настолько сложного кода, чтобы для его дешифровки потребовалось бесконечно большое количество материала. Здесь нет необходимости подробно описывать весь процесс расшифровки, достаточно сказать, что основной принцип ее — анализ закодированного текста и составление конкорданций с целью выявить закономерности и типичные конструкции, лежащие в основе текста. Собрав достаточное количество примеров, можно заключить, что в закодированном тексте определенная группа знаков выполняет определенную функцию, например является союзом. Знание обстоятельств, при которых создавалось послание, также может помочь идентифицировать некоторые компоненты текста, а эти, хотя и скудные, результаты в свою очередь делают возможным дальнейший анализ, пока не будет разгадано значение большинства слов закодированного текста. Очевидно, что этот метод может быть применен также к неизвестным языкам, поскольку он позволяет дешифровщику определять значения групп знаков, не предрешая их произношения. Нетрудно представить себе такой случай, когда текст на неизвестном языке может быть понят, хотя фонетическое значение знаков, его составляющих, определить не удается.

Первый шаг в дешифровке — определение системы письменности, использованной для записи текста. В случае с линейным письмом Б эта задача была не такой уж трудной, как это может показаться с первого взгляда. Есть лишь три основных способа передачи сообщений на каком-либо языке с помощью письменно-

сти, и все существующие системы письма основаны на одном из них или на их комбинациях. Самый простой способ — рисуночное письмо: мы рисуем картинку, чтобы передать слово; с течением времени эти пиктограммы упрощаются и изменяются (часто до неузнаваемости), но сохраняется сам принцип такого письма: один знак соответствует одному слову. Такое письмо называется идеографическим. Наивысшей ступени развития оно достигло в Китае, где этот вид письменности является основным и поныне, хотя сейчас китайское правительство пытается провести реформу письма.

Например, 人 значит «мужчина», 女 — «женщина»; абстрактные понятия передаются косвенным образом: так,

大 значит «большой»

(картинка изображает рыбака, рассказывающего, какую большую рыбу он чуть-чуть не поймал).

Чтобы написать глагол 見 «видеть», знак 目 «глаз» (знак, как мы видим, сильно изменился по сравнению с первоначальным изображением) снабжается парой ног. Отличительной чертой идеографических систем письма является то, что для охвата даже небольшого и несложного словаря им требуется огромное количество знаков. Каждый образованный китаец должен знать (уметь читать и писать) несколько тысяч различных знаков, а большие словари включают до 50 000 знаков. В современных языках, письменность которых строится на ином принципе, также используются идеограммы, хотя в очень ограниченном количестве. Наиболее ярким примером являются числительные: 5 — это знак не для слова «пять», а для понятия «пять». В английском тексте часто можно встретить

сокращение Charing ✠*.

Идеограмма прямо не отражает произношения слова. Так, в каждом китайском диалекте одно и то же написанное слово читается по-разному. Чтобы понять, как это происходит, представим себе, что вся Европа писала бы CANIS, а читали бы это слово как cane, chien, perro, dog, Hund, *собака*, skilí и т. д., точ-

---

* Вместо Charing Cross (название площади и улицы в Лондоне, причем слово cross означает «крест», «перекресток»).— *Прим. перев.*

но так же, как «5» читается cinque, cinq, cinco, five, fünf, *пять*, pende и т. д.

Две другие системы состоят из элементов, которые в сочетании друг с другом передают звучание слова. Для написания каждого слова, кроме самых коротких, нужно несколько знаков. Различие этих двух систем состоит в том, что знаки могут передавать или слоги (единицы звучащей речи, которые можно произнести), или отдельные звуки (которые в ряде случаев сами по себе непроизносимы).

При слоговом письме слова делятся так же, как это делается в букварях; например, чтобы написать слово *ин-ди-ви-ду-аль-ный*, потребовалось бы шесть знаков. Очевидно, общее число знаков, необходимое при такой системе письма, гораздо меньше, чем в идеографическом письме, но оно все же может быть довольно большим, если в языке (как, например, в английском или русском) много сложных групп согласных. Например, английское слово strength или русское слово *всплеск*, с точки зрения силлабического письма, представляют собой одну отдельную единицу, то есть для каждого из них должен существовать особый знак. Но такой язык, как японский, слова в котором состоят почти исключительно из открытых слогов, то есть слогов, которые оканчиваются гласным, легко обходится одним лишь своим силлабарием кана, который содержит всего 48 знаков и 2 диакритических значка. Так, слово *Хи-ро-си-ма* записывается следующим образом:

ヒ ロ シ マ

а слово *На-га-са-ки* так:

ナ ガ サ キ.

На самом деле японское письмо не так просто, как это может показаться из приведенных примеров, потому что оно содержит как слоговые знаки, так и идеограммы. Но есть пример письменности, гораздо более близкой к описываемому типу языка,— это классическое кипрское письмо, речь о котором шла выше (см. стр. 132); силлабарий кипрского письма содержит всего-навсего 54 знака.

Алфавитное письмо принято считать изобретением семитов, хотя уже египетская письменность содержала подходы к нему, а полностью этот вид письменности был развит лишь греками. Отличительная черта алфавитного письма — очень небольшое число входящих в него знаков. Так, английский язык использует в своем письме всего 26 букв (причем некоторые из них

явно избыточны, например c, k и q в некоторых словах передают один и тот же звук [k]). Более сложные алфавиты редко насчитывают свыше 32-х знаков (число знаков в современном русском алфавите).

Вооруженные этими сведениями, мы можем теперь вернуться к текстам линейного письма Б. Тексты эти состоят из групп знаков, разделенных небольшими вертикальными черточками; длина группы варьирует от двух до восьми знаков. Эти группы во многих случаях сопровождаются другими знаками, которые стоят особняком и за которыми следуют числительные. В знаках, стоящих отдельно, можно легко узнать рисуночные знаки *. Нетрудно догадаться, что единичные знаки, очевидно, представляют собой идеограммы, то есть передают целые слова; знаки же в составе групп, вероятнее всего, являются либо слоговыми, либо алфавитными. Подсчет этих знаков показывает, что количество их доходит приблизительно до восьмидесяти девяти — о точном числе знаков все еще идут споры, так как некоторые формы встречаются очень редко и поэтому до сих пор еще неясно, представляют ли они собой самостоятельные знаки или варианты других знаков. Однако число 89 довольно показательно, оно слишком мало для того, чтобы считать систему письма полностью идеографической, и слишком велико для того, чтобы признать ее алфавитной. Остается одна возможность: линейное письмо Б должно быть слоговым, причем довольно простой формой слогового письма, как, например, кипрское или японское, а не такой сложной формой, как клинопись. Многие из так называемых дешифровщиков пренебрегали этим элементарным выводом.

Первым шагом в направлении окончательной дешифровки было объяснение системы чисел, а также метрической системы. Система чисел довольно наглядно выступает в текстах, и уже на ранней стадии исследования Эванс представил ее в виде таблиц. Это система, основанная на десятеричном принципе, но она не позиционна: знак для нуля отсутствует, а для обозначения чисел от 1 до 9 используется один и тот же знак, повторенный нужное число раз, что во многом напоминает римские цифры. Единицы обозначаются вертикальными черточками, десятки — горизонтальными, сотни — кружками, тысячи — кружками с расходящимися от них штрихами, десятки тысяч — такими же

* Они могут быть либо идеограммами (логограммами), то есть знаками, выражающими целое произносимое слово, либо детерминативами, то есть непроизносимыми знаками, указывающими на категорию понятий, к которой относится данное слово. В микенологии идеограммы и детерминативы нередко смешивают. — *Прим. ред.*

кружками, но с черточкой в центре. Так, число 12345 записывается следующим образом:

Основы метрической системы были выявлены Беннеттом в 1950 г. Он показал, что единицы системы весов обозначаются следующими знаками:

В то же время существуют и другие ряды знаков, которые употребляются в сочетании с названиями предметов для обозначения мер:

или

Как правильно догадался Беннетт, знаки первого ряда употребляются при обозначении мер сыпучих тел, знаки второго — при обозначении мер жидкостей. При этом и в том и в другом ряду для обозначения меньших количеств употребляется один и тот же знак; параллель этому находим в английской системе мер, где единицы емкости *пинта* и *кварта* применяются при измерении как жидкостей, так и сыпучих тел, далее же ряды единиц измерения расходятся: в одном мы имеем *бушель*, в другом — *галлон*.

Следующий этап — разделение всех знаков, которые встречаются в табличках, на два класса: идеограммы (включая знаки для чисел и мер) и слоговые знаки. Понять, как проводится такое разделение, помогает рис. 9. При этом мы сталкиваемся с осложнением, происходящим от того, что некоторые слоговые знаки используются также в качестве идеограмм. Однако многие знаки употребляются как идеограммы лишь в сочетании с числительными; изучая их, Беннетт смог произвести классификацию пилосских табличек так, что таблички, в которых речь шла об одинаковых предметах, попадали в одну и ту же группу. Для каждой из них давался определенный буквенный шифр (Cn, Sc и т. п.). С точки зрения дешифровки классификация эта была удивительно точной...

Рис. 10 свидетельствует о том, что значения некоторых знаков-идеограмм были очевидны. Но встречалось также большое число знаков, слишком стилизованных, чтобы по их начертанию можно было догадаться о значении, хотя теперь, когда мы уже выявили их значения, опираясь на контекст, в некоторых случаях стало возможным проследить происхождение этих знаков из рисунков. И все же уже с помощью тех идеограмм, которые

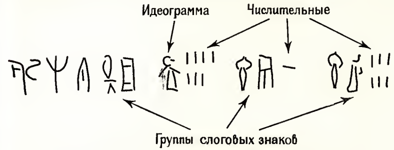


Рис. 9. Табличка Аа 62 из Пилоса. Показана структура текста.

Рис. 10. Идеограммы, значения которых ясны из рисунков.

Рис. 11. Идеограммы со значением «свинья». Разница в рисунках выражает разницу полов.

могли быть опознаны, оказалось возможным классифицировать гораздо большее количество идеограмм. Так, вместе со знаками *лошади* и *свиньи* регулярно встречаются три другие знака, которые на этом основании, очевидно, могут быть отнесены к той же категории сельскохозяйственных животных. Нелегкой была задача уточнения значения каждого из этих знаков, отсюда и вполне понятные ошибки при определении значений. Было также замечено, что встречаются разновидности идеограмм, употребляемых для обозначения скота. Обычно эти разновидности отличались от основного варианта тем, что вертикальная черта или ось знака пересекалась двумя горизонтальными штрихами или же

раздваивалась, образуя развилку (см. рис. 11). Верна была догадка Эванса, что эти варианты обозначают мужскую и женскую особи животного. Сундвалл, в принципе соглашаясь с этим предположением, считал, однако, что рисунок, принятый Эвансом за изображение самца, нужно отнести к самке, и наоборот. Окончательное решение этого вопроса нашла мисс Кобер, показав, что в «итоговой формуле» (формула суммы) одна и та же форма слова употребляется, если речь идет о мужчинах или самцах животных, и другая — если в документе говорится о женщинах или самках животных. Детерминативы же для мужчин и женщин и различие между ними уже были ясны.

Таким образом, общие заключения о содержании табличек часто становились возможными уже тогда, когда еще ни один слоговой знак не был прочитан. Почти во всех случаях было ясно, что таблички являются инвентарными списками, каталогами или описями. Например, если список состоит из групп знаков, за каждой из которых следует идеограмма «мужчина» и цифра 1, то это, очевидно, список мужских имен — допустим, войсковой список или что-то в этом роде. Если имена в списке сопровождались идеограммой «женщина» и цифрой 1, то в некоторых случаях к ним присоединялись небольшие числа, обозначавшие количество детей; знак для слова «дети» был опознан Каули в 1927 г. С другой стороны, когда за словом следовал идеографический знак «мужчина» и число, большее чем 1, и такое расположение повторялось в нескольких разных табличках, то можно было предположить, что слово это было титулом или названием занятия, профессии, например «пастух», «портной» или «житель Феста». Подобные же ряды слов могут быть выявлены и для женщин. Если слово регулярно сочеталось с каким-то определенным идеографическим знаком, то оно, очевидно, представляло собой название предмета, обозначенного этим знаком. Но если в сочетании с одной и той же идеограммой встречалось несколько различных слов, то они могли оказаться эпитетами, указывающими на разновидности предмета, обозначенного идеограммой.

Другие типы слов определить было гораздо труднее. Однако мы уже несколько раз произносили слова «итоговая формула», которые вполне поддаются определению; поскольку в таблицах под рядом чисел обычно записывается их сумма, то нетрудно догадаться, что значение слов, предшествующих этой сумме, выраженной числом, и есть «итого».

Такой метод установления значений часто называют комбинаторным, поскольку он основан главным образом на изучении различных комбинаций, в которые входит одно и то же слово. Пока еще не исчерпаны все возможности, возникающие благодаря этому методу, но уже с самого начала благодаря ему можно прийти к ряду ценных выводов о значении некоторых слов или

о семантической сфере, к которой могут относиться эти слова. На более позднем этапе комбинаторный метод может служить для проверки правильности дешифровки, так как результаты, полученные благодаря его применению, совершенно не зависят от фонетического значения, приписываемого слоговым знакам. Если при помощи комбинаторного метода слово отнесено к разряду профессий, а при фонетическом чтении оказывается, что оно значит «пастух», это служит доводом в пользу правильности интерпретации. С другой стороны, если фонетическая интерпретация расходится с предварительной классификацией, проведенной с помощью комбинаторного метода, следует подвергнуть эту интерпретацию сомнению.

Чтобы добиться результатов в работе над дешифровкой, необходимо хорошо ознакомиться с текстами, представлять себе их зрительно. Нужно тщательно изучить начертания знаков, чтобы при дешифровке не смешивать их, нужно знать наизусть группы знаков и даже целые куски текста, чтобы иметь возможность опознать идентичные группы знаков в любом окружении. Конечно, повторяющиеся группы знаков могут быть выявлены и с помощью тщательно составленных конкорданций; но наиболее значительные открытия часто основываются не на группах, точно повторяющих друг друга, а на группах знаков сходных, но имеющих небольшое различие. Вентрис часто подчеркивал, что дешифровщику необходима хорошая зрительная память. Сам он был богато одарен этим качеством, как и многими другими.

О первом вкладе Вентриса в изучение линейного письма Б говорилось еще в третьей главе этой книги. После войны, завершив свое архитектурное образование, он с новой энергией берется за эту работу. В начале 1950 г. он снова рассылает анкету-вопросник группе ученых мирового масштаба, которые, как ему было известно, непосредственно работали над минойскими надписями. Вопросы были составлены так, чтобы они могли выявить мнения ученых относительно типа языка или языков, которые могут скрываться за этими письменами, относительно системы словоизменения, относительно взаимоотношений линейного А, линейного Б и кипрского письма, и т. д. Из двенадцати ученых, которым были разосланы вопросы, десять прислали свои ответы. Это свидетельствовало не только о возросшем духе международного сотрудничества, но и о том, что вопросы анкеты были своевременны, глубоки и действительно интересовали специалистов. Каждый из полученных ответов Вентрис перевел на английский язык, если в этом была необходимость, проанализировал и вместе с изложением своих собственных взглядов разослал всем остальным участникам обмена мнениями. Официальное название этого документа — «Языки минойской и микенской цивилизаций», но так как целью его был пересмотр ситуации в названной

области через пятьдесят лет после открытия Эвансом первых табличек, то его окрестили «Mid-Century Report».

Учеными, ответившими на вопросник Вентриса, были Беннетт (США), Боссерт и Грумах (Германия), Шахермайр (Австрия), Пульезе-Каррателли и Перуцци (Италия), Георгиев (Болгария), Ктистопулос (Греция), Сундвалл (Финляндия) и Майрз (Великобритания). Взгляды этих ученых сильно отличались друг от друга. Георгиев и Ктистопулос считали, что они уже нашли, по крайней мере частичное, решение проблемы. Другие были сдержанней. Обмен мнениями, устроенный Вентрисом, прояснил обстановку и показал, что по основным вопросам между учеными существовали большие разногласия.

Ответы не прислали только двое ученых — Грозный (Чехословакия), который к этому времени был уже глубоким стариком (незадолго до этого он опубликовал результаты своей дешифровки), и мисс Кобер (США), чья работа оказалась столь плодотворной. В коротком письме Вентрису она написала, что считает вопросник бесполезной тратой времени; но этот ее отказ не помешал Вентрису установить с ней дружеские отношения. Мисс Кобер была права в том смысле, что обсуждение недоказанных теорий всегда бесплодно, и многое из написанного в то время сейчас представляется неосновательным или лишенным смысла.

Нам странно сейчас, что в то время никто не думал всерьез, что за линейным письмом Б может скрываться греческий язык. Вентрис считал, что если даже население материка состояло частично из греков, то основным языком тех мест все же был какой-то иной язык. Большинство ученых склонны были думать, что язык линейного Б окажется одним из индоевропейских языков (к которым относится также и греческий), но, возможно, более близким хеттскому. Меньшинство же, к которому принадлежал и Вентрис, склонялись к мнению, что надписи эти скрывают «эгейский» — язык плохо известного нам типа, представителем которого, возможно, является этрусский.

Наиболее интересна часть «сообщения», написанная самим Вентрисом. В ней он прямо говорит, что прежде всего нужно выявить отношения между чередующимися знаками независимо от того, какие звучания эти знаки передают. Все же остальные, за исключением мисс Кобер, направляли свои усилия на отыскание фонетических соответствий этих знаков, и поэтому от их внимания ускользала другая сторона вопроса — возможность чисто формальной группировки знаков. Вентрис делал упор на поиски структуры, и эта основная криптографическая процедура обеспечила успех его работе. Фонетические же чтения знаков, предложенные в то время как Вентрисом, так и другими учеными, мало способствовали продвижению вперед, это были в основном лишь догадки, основанные на сопоставлении знаков с кипрским

силлабарием. Причина неудач крылась в недостатке материала, который позволил бы сделать заключение о фонетической сущности знаков.

Этим документом Вентрис намеревался подвести итоги и на время отойти от занятий линейным письмом. Он был очень занят, работая архитектором в Министерстве просвещения, и не рассчитывал, что сможет уделить время и силы работе над минойскими письменами. Он заключил «Сообщение» такими словами: «Я искренне надеюсь, что этими письменами занимается достаточно людей и что в недалеком будущем им удастся найти удовлетворительное решение проблемы. Я шлю им свои лучшие пожелания. Я же, будучи вынужден заняться другой работой, делаю мой последний скромный вклад в наше общее дело».

Но нелегко уйти с поля боя, если задача, захватившая тебя, остается нерешенной. Она продолжает терзать сознание в минуты досуга, и рано или поздно ты все равно возвращаешься к ней, принося в жертву даже более необходимую и срочную работу. И в последующий период Вентрис был весьма далек от того, чтобы оставить эту проблему. За «Сообщением» следует двухлетний период интенсивной работы. За это время было написано 20 больших «Рабочих заметок» на 176 страницах большого формата.

Действуя совершенно в своем духе, Вентрис за свой счет размножал их и рассылал небольшому кругу ученых. Таким образом, мы можем проследить всю историю дешифровки по этапам. Никто не может обвинить дешифровщика в том, что он опубликовал отчет о своей работе после ее окончания и таким образом случайное открытие представил как результат применения строгого метода. Все ошибки и вся черновая работа отчетливо предстают перед нами. Подробно рассмотреть эти заметки здесь невозможно. Я остановлюсь лишь на тех местах, которые кажутся сейчас особенно интересными и значительными; при этом я буду руководствоваться отчетом, который позже написал сам Вентрис в «Documents in Mycenaean Greek».

Мы подходим к критическому разбору дешифровки, и это потребует от нас более углубленного рассмотрения проблемы. В последних «Рабочих заметках» Вентрис использовал нормализованную форму реальных знаков линейного письма Б, которые он очень красиво вычерчивал от руки — Вентрис был первоклассным чертежником, и его знаки были такими же ровными и четкими, как печатные, но выгодно отличались от них тем, что не утрачивали своих характерных особенностей. В этой книге я намерен применить условную систему, где знаки заменяются числами; система эта основана на классификации Беннетта. Беннетт группирует вместе знаки, сходные по начертанию. Таким образом, слово будет записываться в виде ряда двузначных чисел, при этом числа до десяти для симметрии имеют перед циф-

рой 0; знаки отделяются друг от друга черточкой, а знак словораздела, который присутствует в оригинале, опускается, но вместо этого используется раздельное написание слов. Так, вышеупомянутые (см. стр. 143) слова со значением «девочка» и «мальчик» записываются как 70—54 и 70—42. В действительности Вентрис начинал с алфавитной системы, но поскольку она вносит порядочную путаницу, то в конце концов он отказался от нее. Специально для тех, кто предпочитает знаки цифрам, на рис. 12 для иллюстрации приводится несколько основных слов, на которых была построена сетка Вентриса.

Нужно подчеркнуть, что вплоть до середины 1952 г. Вентрис склонялся в пользу связи минойского языка с этрусским. Рабочие заметки полны сравнений с этрусским и попыток сопоставления минойских слов и суффиксов с этрусскими. Но это не повлияло на результаты его анализа, а также на его попытки вывести значение из текста чисто комбинаторным методом. В это время он переписывается с Беннеттом, который в 1947 г. написал диссертацию о пилосских табличках (Вентрис никогда не видел этой диссертации), и переписка эта была очень плодотворной. Другие ученые тоже участвовали в обмене мнениями, особенно греческий ученый К. Д. Ктистопулос.

До публикации книги Беннетта «The Pylos tablets», содержавшей воспроизведение табличек, найденных в 1939 г., больших успехов в работе не было. В новой книге впервые были опубликованы достоверные списки знаков: до тех пор было много путаницы при передаче похожих знаков. Первой задачей было составление статистических таблиц, показывающих общую частотность знаков, а также их частоту в начальном, конечном и в других положениях внутри групп. Одновременно с Вентрисом такие же таблицы изготовили Беннетт и Ктистопулос. Уже одно это позволило сделать некоторые выводы. В начале слов преобладало три знака: 08, знак «двойного топора», по Эвансу, 61, знак «трона и скипетра», по Эвансу, и 38. Знак 61 нередко встречался и как конечный, остальные два были редки в других позициях; однако было ясно, что все три могли находиться и внутри слова. Этим еще не опровергалась теория, согласно которой это были детерминативы, или знаки-классификаторы, однако она сделалась менее вероятной, так как предполагала двоякое употребление их: в качестве детерминатива перед каким-либо словом и в качестве силлабемы в составе слова. Но внимательный анализ слогового письма позволяет найти более приемлемое решение проблемы. Если в слоговом письме используются только знаки типа «гласный» и «согласный+ +гласный», то знак «гласный» может писаться в середине слова только после гласного; что же касается начальной позиции, то все слова с начальным гласным должны начинаться знаком «глас-

Дети

70 54 70 42

Различия в написании

38 03 31 06 37 28 03 31 06 37

08 27 03 20 61 08 27 11 20 61

Соединительные элементы

28 38
03 11
38 46
44 70
14 42 51
60 76
44 74

Склонение

Именительный

08 39 32 59
54 06 59 36
11 02 10 04 10

'Родительный'

08 39 32 59 61
54 06 59 36 36
11 02 10 04 42

'Предложный' (03 02)

54 06 59 36
11 02 10 04 75

Соединительные элементы, Согласные

02 60
05 37
06 30 52
10 40 42 54 75
12 31 41
32 78
36 46
38 28
44 70
53 76

Мужской род

02
12
36
42

Женский род

60
31
57
54

Рис. 12. Структура «сетки».

ный». Например, слово individual писалось бы в слоговом письме так: i-n(i)-di-vi-du-a-l(a). Неважно, какой язык перед нами: если используется письмо данного типа, то его анализ дает нам характерную модель дистрибуции, в соответствии с которой знаки типа «гласный» (ср. *a* в слове individual) в середине слов употребляются редко, однако они часто начинают слова, ибо каждое слово с начальным гласным начинается со знака типа «гласный».

В середине слова большинство гласных стоит после согласного, поэтому на письме гласный входит в слоговой знак типа «согласный+гласный». Это ясно из сравнения с кипрскими надписями, записанными слоговым письмом: как раз таким способом фиксировали и *a*, и *e*. В отношении других гласных такой ясности нет, ибо в греческом языке они могут встречаться также и в дифтонгах, и в позиции после других гласных. Поэтому можно было предположить, что эти три знака — 08, 61 и 38 (или, во всяком случае, 08 и 38) — передавали чистые гласные.

Другой вывод основывался на том факте, что знак 78 часто встречается в конце слов. Возьмем, например, начало списка каких-то тел, где указывается и их вес:

36—14—12—41 70—27—04—27 51—80—04—78

11—02—70—27—04—27—78 77—60—40—11—02—78 61—39—58—70—78

61—39—77—72—38—75—78

77—70 06—40—36 03—59—36—28—78 37—44—41—78 43—77—31—80.

Из этого отрывка и из целого ряда сходных текстов Вентрис заключил, что 78 означало союз, может быть, «и», стоящий после того слова, к которому он относится (ср. лат.-que), то есть:

— — — А и В
и С и D и Е и F
— — — — — — и X и Y — — —

То, что знак 78 не входил в состав самого слова, а был легкоотделимым элементом, с очевидностью следует из сравнения сходных слов, например 70—27—04—27 в первой строке и (11—02—) 70—27—04—27(—78) во второй... Сходным образом можно было выделять суффиксы и, в начале слова, префиксы, например 61-(иногда чередующееся с 36-), 61-39-, и в некоторых особых случаях—08-.

Для дальнейшего анализа важно было и то, что некоторые слова записывались двумя способами. Иногда, возможно, это просто были разные слова, но если они были достаточно длинными и различались только одним слогом, то можно было предположить, что они связаны друг с другом, особенно если они встречались в сходном окружении. Так, слово, которое уже раньше рассматривалось как личное имя, встречалось в одинаковых формулах, но в одном случае оно записывалось 38—03—31—06—37, а в другом — на месте стертого 38— стоял знак 28—. К счастью,

стертые знаки на табличках нетрудно восстановить, ибо на глине сохраняются следы первоначальных записей, даже если поверх них сделаны новые. Наш анализ показывает, что знаки 38 и 28 каким-то образом связаны между собой. Соответственно 08—27—11—20—61, записанное на месте прежнего 08—27—03—20—61, указывает на связь между знаками 03 и 11; этот вывод подтверждается другими примерами. Менее достоверно, что связь существовала и между знаками 38 и 46; 44 и 70; 14, 42 и 51; 60 и 76; 44 и 74. Обычные ошибки, которые могли в подобных случаях сделать писцы, могут толкнуть нас на неверный путь, но и они иногда кое-что дают. Когда я сажусь за машинку, не имея опыта в печатании, я часто нажимаю одну клавишу вместо другой, расположенной рядом. Если я сделал много подобных опечаток, то анализ покажет, что я вместо *к* часто ставлю *у* или *е*, но не другие буквы. Отсюда следует, что клавиши *у*, *к*, *е* расположены рядом; таким образом можно попытаться реконструировать расположение всей клавиатуры. В письме существуют более сложные взаимосвязи, но часто вместо данной буквы (или группы букв) может использоваться определенная буква, передающая сходный звук. Если я написал *горот* вместо *город* или *сило* вместо *село*, вы можете сказать, что в определенных условиях буквы *т* и *д* или *и* и *е* передают одинаковые или сходные звуки. В случае слогового письма это сходство может касаться либо согласного, либо гласного, так могут взаимозаменяться либо знаки do и to, либо знаки do и du.

Однако наибольшее число вариаций приходилось на конечные знаки. Мисс Кобер обнаружила ряд таких вариантов, предположив, что взаимозаменяемые знаки передают грамматические окончания. К счастью, списки, содержащиеся в табличках, почти сплошь состоят из имен, так что на этой стадии исследования проблему глагольных окончаний можно было не затрагивать и считать, что почти все изменяемые концы слов входят в систему падежных окончаний. Располагая новым материалом, Вентрис мог выйти далеко за рамки наблюдений Кобер и констатировать различные типы склонения имен. В некоторых случаях окончание падежа образовывалось прибавлением нового знака: ср. 08—39—32—59 и 08—39—32—59—61 (предположительно «генитив»). В других случаях падеж образовывался прибавлением знака -36. В другом склонении падежи образуются путем замены окончания «номинатива» иными окончаниями, ср. «номинатив» 11—02—10—04—10, «генитив» 11—02—10—04—42, другой падеж (после слова 03—02) 11—02—10—04—75. Эти падежи были идентифицированы в предварительном порядке на основе изучения ряда слов, предположительно собственных имен, выступающих в каждой строке таблиц определенного класса в разных формах, хотя остальная часть строки

оставалась без изменений. Когда эти имена использовались в других сочетаниях, они получали вариантные формы, которые можно было считать падежными. Слово 03—02 часто стояло перед такими именами и за ним всегда следовала вполне определенная форма имени.

Различия во всех этих формах могли объясняться, например, присоединением агглютинативных суффиксов вроде японских послелогов, ведущих себя подобно падежным окончаниям: hito-ha «номинатив», hito-no «генитив», hito-wo «аккузатив». Но перед нами могла быть и истинная флексия типа латинской: domin-us, domin-i, domin-o (ср. русск. *дорог-а*, *дорог-и*, *дорог-е*, *дорог-у* и т. д.). Японское слово hito автономно и может употребляться само по себе, в латинском же нет автономного слова *domin; эта основа, прежде чем стать словом, должна получить падежное окончание. Если бы латинские слова записывались слоговым письмом, «окончаниями» стали бы сочетания -nus, -ni, -no, то есть на письме неизменяемый согласный основы входил бы составной частью в подвижное окончание. Именно об этой второй возможности свидетельствовало существование разных типов склонения; в японском же, например, все имена употребляются в связи с одним и тем же ограниченным набором суффиксов, и склонение в собственном смысле этого слова здесь отсутствует.

Понятно, что подобный анализ помог выявить новые ряды окончаний, предположительно содержащих один и тот же согласный, но различающихся гласными. Такая группа окончаний была представлена, например, в приведенном выше примере (окончания -10, -42 и -75). В августе 1951 г. Вентрис составил список из 159 слов из пилосских табличек; из списка ясно, что́ Вентрис считал флексией. На основе этого списка и списков кносских слов он формировал группы знаков, предположительно различающихся лишь гласными. Как он сам отмечал, не все здесь могло быть верно определено; наибольшие основания войти в такие группы имели те знаки, которые встречались по нескольку раз в различных словах. Ниже приводятся примеры таких знаков (группы из более чем двух знаков составлялись на основе целого ряда перекрестных соответствий):

02	60			
05	37			
06	30	52		
10	40	42	54	75
12	31	41		
32	78			
36	46			
38	28			
44	70			
53	76			

В некоторых случаях мы, скорее, имели дело с окончаниями рода, нежели падежа; об этом свидетельствует использование соответствующих слов в сочетании с идеограммами «МУЖЧИНА» и «ЖЕНЩИНА». Это дало возможность Вентрису составить такую таблицу:

Мужской род	Женский род
02	60
12	31
36	57
42	54

Третье соответствие он считал сомнительным, ибо другие причины побуждали его рассматривать слова с исходом на -57 как формы множественного числа. Эта таблица помогла Вентрису в сентябре 1951 г. выявить другие ряды соответствий. Если в микенском, как и в латинском, все слова женского рода образуются от соответствующих слов мужского рода одним и тем же способом:

Мужской род		Женский род	
domin-us	„господин"	domin-a	„госпожа"
bon-us	„хороший"	bon-a	„хорошая"
serv-us	„раб"	serv-a	„рабыня", —

то мы можем заключить, что каждый из обоих столбцов (02 12 36 42 и 60 31 57 54) образует ряд знаков, различающихся лишь согласными. На той стадии исследования было трудно судить, в чем прав Вентрис, а в чем нет, однако тогда уже Вентрис составил таблицу, показывающую, какие соответствия были наиболее вероятными. Знаки были распределены по столбцам в соответствии с функциями окончаний. Столбцы были составлены соответственно из окончаний мужского рода, окончаний женского рода, окончаний падежных и других производных окончаний; такая структура столбцов делала возможным дальнейшее развитие принципа мостиков между знаками, имеющими один и тот же гласный.

«Таким образом, мы получаем возможность,— писал Вентрис в своей 15-й «Рабочей заметке» 3 сентября 1951 г.,— добавить к нашей сетке второе измерение, в результате чего образуется костяк для таблицы, которая будет включать фонетические чтения знаков. Достаточно будет идентифицировать лишь небольшое число слогов, чтобы более или менее полная система гласных и согласных заняла свое место. И хотя лучше было бы подождать, пока данные кносских табличек позволят внести в сетку дальнейшие уточнения, однако может случиться и так, что какой-нибудь счастливый случай или интуиция уже сейчас приведет нас к решению». Вентрис явно чувствовал, что решение близится, однако он все еще был убежден в том, что за линейным письмом скрывается какой-нибудь язык типа малоизвест-

ных догреческих, к которому лишь этрусский мог стать ключом, да и то очень ненадежным.

Следующий этап состоял в построении на основе этой таблицы весьма условной слоговой сетки, в которой учитывались соответствия, представлявшиеся достаточно постоянными и убедительными. В результате использования разных типов соответствий ряды одинаковых гласных были сведены к пяти, а ряды согласных — к пятнадцати. Эта сетка была составлена в Афинах 28 сентября 1951 г. Позднейшая проверка показала, что в ней было допущено довольно много ошибок, тем не менее основные линии были намечены. Ниже сетка приводится в цифровой форме. В скобках даны знаки, включение которых в сетку Вентрис считал не очень обоснованным (у Вентриса в соответствующих клетках сетки стоят цифры меньшего размера).

Гласные		I	II	III	IV	V
Чистые гласные?		61	—	—	—	08
Полугласные?		—	—	—	59	57
Согласные	I	40	10	75	42	54
	II	39	11	—	—	03
	III	—	(14)	—	51	01
	IV	37	05	—	—	66
	V	41	12	—	55	31
	VI	30	52	—	24	06
	VII	46	36	—	—	—
	VIII	73	15	—	(72)	80
	IX	—	70	—	44	(74)
	X	53	—	(04)	76	20
	XI	60	02	27	26	33
	XII	28	—	—	38	77
	XIII	—	32	78	—	—
	XIV	07	—	—	—	—
	XV	67	—	—	—	—

В ноябре Вентрис внес в сетку поправки: исследуя слова, которые оканчивались в номинативе на -10, он заметил, что все они склоняются одинаково, меняя в «генитиве» окончание -10 на -42, а в «предложном падеже» (после слова 03—02) на -75.

Это наблюдение привело его к новой теории: в исследуемом письме существовало ограниченное число знаков, которые могли выступать непосредственно перед данным окончанием. Это, скорее всего, объяснялось тем, что перед данным окончанием находился всегда один и тот же гласный. Возникла возможность идентификации новых рядов знаков, содержащих разные согласные, но один и тот же гласный. Вентрис следующим образом «описал» гласный III (он содержится в каждом из перечисленных знаков):

Согласный	I	75
	V	55
	VI	24
	VIII	72
	IX	44
	X	04
	XI	27
	XII	38
	XIII	78
	?	13
	?	09

Это было большим шагом вперед: лишь один знак (55) мы должны теперь исключить из таблицы. Вентрис считал, что настало время поискать подходящий суффикс в словах или именах, заимствованных греками из догреческого источника. Далее он писал: «Теперь уже можно задаться следующим вопросом: не на греческом ли языке написаны кносские и пилосские таблички?» — и добавлял: «Правда, насколько можно судить по тем данным о формах минойских слов, которыми мы располагаем, такое предположение маловероятно».

Действительно, если считать, что орфография здесь та же, что и в кипрском слоговом письме, трудно увязать минойское склонение с греческим. Поэтому Вентрис продолжал искать подходящие образцы суффиксов в этрусском, но это не приводило к успеху. Он заметил, правда: «Окончание греческих существительных мужского рода на -eus в функциональном отношении полностью соответствует минойскому окончанию -10, независимо от того, связаны ли оба эти окончания между собой». Здесь Вентрис попал в точку, хотя сам не сознавал этого; ему предстояло пройти еще долгий путь.

Дальнейшая работа зимой 1951—1952 гг. позволила немного продвинуться вперед в исследовании природы текста и в трактовке склонения ⟨...⟩.

В феврале, когда публикация второго тома «Scripta Minoa», включающего полное собрание кносских текстов, была не за горами, Вентрис окончил работу над уточнением сетки. Вторая строка («полугласные») имела теперь обозначение «согласный I»,

Группы знаков, засвидетельствованные пилосскими табличками, на 90% состоят из приводимых здесь знаков (общее число последних равно 51). Цифры, поставленные рядом с чтением знака, указывают, в скольких случаях из тысячи встречается данный знак	„Нечистые" окончания, типичные слоги перед и в случаях 2с и 3	„Чистые" окончания, типичные именительные падежи форм, приводимых в 1 столбце	Включает предположительно „винительные падежи"	Реже встречающиеся именительные падежи форм, приводимых в 1-м столбце	
	Эти знаки не встречаются перед - -	Эти знаки встречаются реже или вовсе не встречаются перед - -			
	Чаще женский род, чем мужской?	Чаще мужской род, чем женский?			Чаще женский род, чем мужской?
	Обычно образует род. пад. ед. ч. посредством присоединения -		Обычно образует род. пад. ед. ч. посредством присоединения -		
	Гласный 1	Гласный 2	Гласный 3	Гласный 4	Гласный 5
Чистые гласные?	30.3				37.2
Полугласные?				34.0	29.4
Согласный 1	14.8	32.5	21.2	28.1	18.8
2	19.6	17.5			13.7
3		9.2		3.3	10.0
4	17.0	28.6			0.4
5	17.7	10.3		4.1	10.2
6	7.4	20.5		14.8	14.4
7	4.1	44.0			
8	6.1	6.1		13.5	15.2
9		33.1		32.3	2.4
10	22.2		38.2	3.5	2.2
11	31.2	33.8	34.4	8.3	0.7
12	17.0			37.7	24.0
13		9.4	14.2		
14	5.0				
15	12.6				

Рис. 13. «Сетка» Вентриса по 15-й «Рабочей заметке» (28 сентября 1951 г.).

в связи с чем были изменены номера у последующих согласных. Скобки указывают, что данная позиция знака сомнительна или альтернативна. Вентрис предложил несколько очень осторожных идентификаций гласных и согласных; они основывались главным образом на этрусских параллелях, причем кипрский силлабарий во внимание почти не принимался. Тем не менее все четыре гласные указаны верно; в горизонтальных строках следующие идентификации оказались верными или близкими к истине: все чистые гласные, III=p (дано как альтернатива), V и VI=t (в действительности V=d, VI=t), VIII=n, XI=r или l, XII=l. Однако относительное размещение знаков в таблице в гораздо большей степени соответствовало истине, чем идентификации.

Гласные...		I = -i?	II = -o?	III = -e?	IV	V = -a?	Не определенные
Чистые гласные?		61	—	—	—	08	—
Согласные	I	—	—	59	—	57	—
	II	40	10	75	42	54	—
	III	39	—	(39)	—	03	11
	IV	46	36	(46)	—	(57)	—
	V	—	14	—	—	01,51	—
	VI	37	05	(04)	—	—	66
	VII	41	12	55	—	31	—
	VIII	30	52	24	—	06	—
	IX	73	15	(72)	—	80	—
	X	—	70	44, (74)	—	(20)	(45)
	XI	53	—	(04)	—	76	(20)
	XII	60	02	27	—	26	33
	XIII	28	—	38	—	(77)	—
	XIV	—	—	13	—	—	—
	XV	—	32	78	—	(32)	58
Другие согласные		(67,07)	—	(09,45)	—	—	—

20 марта 1952 г. в 19-й «Рабочей заметке» Вентрис много внимания уделил тщетным поискам этрусских соответствий; здесь же он определил окончание -41 как показатель «косвенного падежа множественного числа». Сегодня мы знаем, что окончанием этим является -si (показатель дательного падежа множественного числа большой группы греческих имен); однако такое же окончание используется и в глагольной флексии, эта же кон-

цовка встречается и в некоторых других формах; таким образом, это не однородное окончание.

20-я «Рабочая заметка» (от 1 июня 1952 г.) была охарактеризована самим автором как «легкомысленное отвлечение от дела» и носила заголовок: «Не написаны ли кносские и пилосские таблички на греческом языке». Второй том «Scripta Minoa» к тому времени вышел в свет, однако ни Вентрис, ни другие исследователи еще не изучили его полностью. Вентрис сознавал, что он выступает против точки зрения, принятой специалистами, полагая возможным допустить присутствие греков на Крите в XV в. до н. э. Отсюда и тот случайный характер, который он придал своей гипотезе, полагая, что вскоре она будет опровергнута.

Надо сказать, что, начиная писать свою заметку, он не ставил целью подвергнуть таблички проверке «на греческий». Заголовок заметка получила уже после того, как была написана. Первоначальной целью Вентриса было обследование слов, включенных им в «категорию 3»; эти слова включали «тройки», выявленные Кобер,— подробнее о них говорится в предыдущей главе. Основная мысль Вентриса заключалась в том, что эти слова, встречающиеся во многих табличках,— названия местностей, судя по тому, что это собственные имена и все они встречаются очень часто и в текстах разного содержания. (Кобер такого предположения не высказывала). Вентрис полагал, что более длинные формы представляют собой прилагательные (мужского и женского рода), образованные от названий городов (ср. *Афины→афинский, афинская*). Их можно было попытаться отождествить с названиями, существовавшими и в классическую эпоху.

Вентрис предложил следующие фонетические идентификации: 08=а (этот знак часто встречался в начальной позиции); согласный VIII=п- (кипрская силлабема па — см. рис. 7 — отождествима со знаком 06); гласный I= -i? (кипрская силлабема ti почти тождественна знаку 37; к тому же этот гласный часто встречается перед 57(=ja?), но никогда — перед 61(=i?)). Здесь нужно заметить, что идентификация 61=i (вместо верного o) представляет собой единственную ошибку во всем рассуждении.

Одним из названий, которые вполне могли бы встретиться в кносских табличках, было Amnissos — так назывался портовый город, упоминаемый Гомером. Группа согласных -mn- на письме должна была разделяться вставным гласным, а все слово должно было предположительно иметь форму a-mi-ni-so, или, исходя из имеющихся данных, 08—...—30—... . И действительно, в табличках имеется подходящее слово в следующих формах:

08—73—30—12 (простая форма)
08—73—30—41—36 } (формы прилагательного)
08—73—30—41—57 }
08—73—30—12—45 («локатив»?)

Заметим, что знаки 73 и 30 содержат один и тот же гласный, как это следует из сетки (столбец I); это подтверждает предположение, что вставной гласный идентичен реальному гласному следующей силлабемы: -m^{i}-ni- (вместо фонетического -mni-). Это полностью соответствует правилам кипрского слогового письма. Следовательно, далее, знак 12 соответствует so, причем все имена, оканчивающиеся на -12, соответствуют типу греческих имен на -sos или -ssos. Подтверждается и предположение о том, что гласный II=-o. Другое употребительное название, 70—52—12 может быть, как это следует из изложенного, записано в виде .o-no-so. Знак 70 имеет сходство с кипрским ko. Нетрудно догадаться, что первый гласный — вставной, соответствующий реальному -o второго слога, и что перед нами название города Кносса: ko-no-so (Knōssos). Еще одно употребительное название на -12 мы можем записать как 69—53—12=..-.i-so; Вентрис осторожно предложил идентификацию tu-li-so=Tulissos (другой крупный город Центрального Крита). Знак 69 встречался относительно редко и не был включен в сетку.

Обратившись к формам прилагательных от топонимов, а именно к a-mi-ni-si-jo (м. р.) и a-mi-ni-si-ja (ж. р.), Вентрис тонко заметил, что если предположить отпадение конечных -s, -n и -i, то названные формы будут не чем иным, как точными соответствиями греческих прилагательных Amnisios (м. р.; возможно, также форма множественного числа Amnisioi), Amnisia (ж. р.; возможно, мн. ч. Amnisiai). Странное окончание «генитива» -36—36 будет в таком случае выглядеть как -jo-jo, что соответствует архаичному греческому генитиву на -(i)-oio.

В табличках имелись два слова—70—42 и 70—54,— обозначавшие мальчиков и девочек. Оба слова начинались со слога ko-. Этому в классическом аттическом диалекте соответствует koros «мальчик» и korē «девочка». Гомер для слова «мальчик» использует форму kouros, которая употреблялась главным образом в ионийском; в дорийском диалекте находим обычно kōros «мальчик». Из этого можно заключить, что исходной для всех диалектов была форма *korwos; и действительно, в аркадском диалекте находим форму женского рода korwā. На основе этой формы в аттическом диалекте появилось korē, ибо в этом диалекте не только исчезло w, но еще и ā перешло в ē. Таким образом, для раннегреческой эпохи следует предположить существование форм korwos, korwā. Вентрис понимал, что этому могли соответствовать 70—42 и 70—54, «если допустить определенные сокращения в написании», а именно: ko(r)-wo(s), мн. ч. ko(r)-wo(i) и ko(r)-wā, мн. ч. ko(r)-wa(i). Отсюда следовало, что согласным II в сетке был w, но при этом было ясно, что в данной строке что-то неверно, ведь 42 должно замещать 10 в столбце II! Но поправка делается автоматически. Тип склонения —10,—42, —75, в котором соглас-

ному предшествует гласный столбца III (е?), теперь выступает в виде -е-10, -е-wo, -е-we. Сразу же возникает аналогия со склонением слов на -eus в греческом (таким образом, 10=u), с их архаичным генитивом на -ēwos.

Слово со значением «все, всего» теперь также можно идентифицировать: 05—12=to-so, то есть to(s)-so(s) (м. р., букв. «весь»), или to(s)-so(n) (ср. р.—«всё»), или to(s)-so(i) (м. р. мн. ч.— «все»); 05—31=to-sa, то есть to(s)-sā (ж. р.—«вся»), или to(s)-sa(i), to(s)-sa (ж. и ср. р. мн. ч.— «все»).

Знак 45, который Вентрис поместил в сетку без особой уверенности, теперь мог быть наделен значением te (то есть также и the, de), так что более длинное слово со значением «всего же» (05—12—45) могло быть идентифицировано как to(s)-so(n)-de и т. п. Тот же элемент в топонимах мог соответствовать, например, -de (Amniso(n)-de «в Амнис»), или -the(n) (Amniso-the(n) «из Амниса»), или, наконец, -thi (Amniso-thi «в Амнисе»).

В конце заметки Вентрис написал: «Если продолжать дешифровку в том же духе, то, скорее всего, она зайдет в тупик или растворится в абсурдных идентификациях». Он заметил, что многие особенности микенского не могут быть объяснены из греческого языка; таков, например, союз -78, который, по мнению Вентриса, невозможно было сопоставить с греч. te «и». Но здесь Вентрис не учел того, что язык, с которым он имел дело, содержал архаизмы.

И все же даже тогда, когда письма с экземплярами заметки разлетелись в разные страны, Вентрис продолжал идти тем же путем и с изумлением обнаружил, что греческая трактовка табличек была неизбежной. Медленно, с большим трудом немые знаки начинали говорить, и говорили они на греческом языке, каким бы искаженным и искалеченным он ни казался.

Глава V

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ

Дешифровка — дедуктивная наука, использующая контролируемый эксперимент. Она формирует гипотезы, которые проверяются и часто отбрасываются. Однако то, что остается после проверки, обрастает новыми фактами, и вот наконец, исследователь начинает ощущать твердую почву под ногами: его гипотеза согласуется с фактами, осмысленные куски текста высвобождаются из вековой тьмы. Ключ к шифру найден. И тут хорошего материала начинает появляться так много, что за ним трудно бывает уследить. Это — как начало цепной реакции в атомной физике: когда перейден критический порог, реакция безудержно нарастает. Однако лишь в простейших случаях все завершается чем-то вроде мощного взрыва. В более сложных случаях приходится проделывать огромную дополнительную работу, и, пока она не проделана, небольшие осмысленные участки текста остаются изолированными, хотя и служат доказательством того, что ключ к шифру найден. И лишь постепенно картина становится более полной.

В июне 1952 г. Вентрис понял, что держит в своих руках ключ к шифру линейного письма Б. Правда, по общему мнению, образцы предполагаемых греческих слов были приведены в «Рабочей заметке» № 20 в количестве слишком незначительном, чтобы иметь доказательную силу, к тому же они предполагали существование малоправдоподобных принципов письма. Но чем большее число текстов подвергалось транслитерации, тем больше обнаруживалось греческих слов. При этом оказалось возможным определить звуковые значения ряда знаков: достаточно было идентифицировать в линейном тексте греческое слово, в котором один знак еще не был отождествлен: подстановка его чтения, вынужденного данной идентификацией, в другие слова, содержащие этот знак, сразу же подтверждала правильность этого чтения. Подтвердилось, что Вентрис был прав в определении орфографических принципов линейного письма и методов его дешифровки.

Случилось так, что в это время Вентрису предложили выступить по радио в связи с опубликованием второго тома «Scripta Minoa». Он решил использовать эту возможность, чтобы публично рассказать о своем открытии. Вначале он коротко рассказал о самом письме и об истории его открытия, затем перешел к из-

ложению своей методики. Далее последовало ошеломляющее признание:

«За последние несколько недель я пришел к мысли о том, что язык кносских и пилосских табличек — все же греческий. Это трудный и архаичный язык,— ведь он существовал за 500 лет до Гомера,— и записан он сокращениями, но это греческий язык.

Придя к этому выводу, я увидел, что многие особенности языка и письма, ранее приводившие меня в замешательство, кажется, находят логическое объяснение; и хотя одни таблички остаются непонятными, другие вдруг оказываются осмысленными» [5].

Затем Вентрис привел несколько хорошо известных греческих слов, обнаруженных им в табличках: poimēn «пастух», kerameus «гончар», khalkeus «бронзовых дел мастер», «кузнец» (по бронзе), khrysoworgos «ювелир», а также переводы восьми фраз. Закончил он с подобающей случаю осторожностью: «На мой взгляд, теперь мы можем приступить к чтению древнейших надписей Европы с большими, чем когда-либо, шансами на успех. Однако еще очень много придется поработать, пока все согласятся с тем, что проблема решена».

Я не думаю, чтобы эта радиопередача произвела особенно большое впечатление, но сам я был одним из внимательнейших слушателей. После стольких неудач, постигших микенологию, я не думал, что система Вентриса будет иметь шансы на успех; во всяком случае, я очень хорошо представлял себе, каким мог быть греческий язык в микенскую эпоху, и я сомневался в том, что Вентрис представляет это себе так же хорошо. Однако слово khrysoworgos сразу же привлекло мое внимание: w почти исчезло из греческого языка классической эпохи, однако оно, несомненно, должно было иметься в более древних диалектах, ибо известно, что его исчезновение из гомеровского диалекта относится к поздней эпохе. Закономерности, выявленные Вентрисом, в большой степени соответствовали моим собственным заключениям; тщательный учет этих закономерностей мог привести к верным результатам. В отличие от большинства археологов я не был предубежден против греческой теории; за шесть лет до этого я пытался найти греческий язык в немногих доступных мне пилосских табличках, но материал был явно недостаточным. Я должен признаться, что в 1952 г. я был плохо подготовлен; незадолго перед этим мне было предложено место в Кембридже, и все свое свободное время я посвящал составлению лекций, которые я должен был читать в октябре.

Однако выступление Вентриса было слишком важным и слишком хорошо отвечающим сути дела, чтобы его можно было оста-

---

[5] «The Listener», 10 июля 1952 г.

вить без виимания. Первым делом иадо было увидеть теперь сэра Джона Майрза и выясиить его мнение — я знал, что он связаи с Веитрисом. Сэр Джои сидел в своем любимом парусииовом кресле у стола, ноги его были закутаны в плед. «Гм, Вентрис,— сказал он в ответ иа мой вопрос,— это молодой архитектор». Поскольку самому Майрзу в это время было восемьдесят два года, я стал размышлять про себя, означает ли «молодой», что Веитрису лет шестьдесят или все же меиьше. «Вот эти заметки,— продолжал Майрз,— я ие зиаю, что с ними делать, я ведь не филолог». В целом ои был иастроеи скептически, хотя и призиавал, что не обладает достаточными зиаииями для того, чтобы судить, насколько греческие чтения Вентриса иаучно обосиоваины. Однако он имел в своем распоряжении иесколько заметок Веитриса, в том числе последний вариаит сетки; ои разрешил мие снять с него копию, пообещав в то же время позиакомить меия с Вентрисом.

Я возвращался домой, горя желанием поскорее проанализировать новую теорию. Однако в своем подходе я был очень осторожен, так как, хотя я и иаходился под впечатлеиием выступлеиия Веитриса, я очень опасался того, как бы слова в записи Веитриса не оказались лишь отдалеиными созвучиями греческих слов, как это было, иапример, в «дешифровке» Георгиева; в ней к тому же совсем не отразились особенности того диалекта, который действительно мог быть зафиксироваи в табличках. Я приступил к траискрибированию слов из двух подборок текстов и через четыре дия убедился, что идеитификации в целом были вполие здравыми. Я составил список из 23 слов, имеющих достаточио четкие соответствия в греческом; эти слова я нашел в табличках, из которых в то время еще ие все были учтены Веитрисом. 9 июля я сообщил Майрзу свое заключеиие. Я иаписал также и Веитрису, поздравив его с открытием и предложив ряд иовых соответствий.

13 июля Вентрис ответил мие в типичной для него открытой и скромной манере: «Сейчас мие не помешала бы моральная поддержка... Я созиаю, что есть *много такого*, что пока не поддается удовлетворительиому объяснению». Я осторожно осведомился, не понадобится ли ему моя помощь; ои ответил: «Я действительно нуждаюсь в помощи «чистого» филолога: это позволило бы мие не отклоияться в стороиу... Ваша помощь принесла бы мие очеиь большую пользу, причем не только в объяснеиии иадписей, но и в интерпретации фактов с точки зрения диалектологии и истории языка». Так возникло сотрудиичество, которому суждеио было продлиться более четырех лет.

Особеино важио следующее место из его письма: «Я рад, что Вы предложили ряд идентификаций, к которым я также пришел уже после того, как я писал Майрзу, хотя не исключеио, что суд ие признал бы доказательной силы этих совпадений,

предположив, что я заранее подтасовал материал». Поскольку мы оба независимо друг от друга предложили несколько одинаковых идентификаций, возможны были лишь два объяснения этому: или эти идентификации верны и правильность дешифровки доказана, или Вентрис намеренно «запланировал» результаты. Однако достаточно было познакомиться с Вентрисом, чтобы понять, что это последнее предположение исключено. И вот тогда я почувствовал, что, какие бы ни существовали трудности, дешифровка в ее основе действительно верна. С тех пор эта моя уверенность так и не была поколеблена. Что же касается самого Вентриса, то его летом искушало явное желание дезертировать; 28 июля он писал, например: «Раз в два дня меня одолевают такие сомнения относительно всего этого дела, что я начинаю желать, чтобы делал его кто-нибудь другой». Его беспокоили многие расхождения между микенским диалектом и классическим греческим языком; в ряде случаев мне удавалось его успокоить. Так, не было оснований беспокоиться по поводу отсутствия определенного артикля в микенском: филологи давно предположили, что он отсутствовал на ранних стадиях эволюции языка. Однако этот период нашего сотрудничества длился недолго, так как в удивительно короткий срок Вентрис сам вник во все детали греческой филологии.

В самом начале нашей работы я предложил запись nu для знака 55: таким путем удавалось идентифицировать несколько хороших слов, в частности имя бога Enyalios, упоминавшегося наряду с Афиной и Посейдоном. Вентрис ответил мне: «Во мне укоренилось предубеждение против идентификации имен богов в табличках... но Athana potnia [госпожа Афина] действительно выглядит очень правдоподобно».

Первым делом Вентрис составил список слов, для которых можно было предположить правдоподобные греческие соответствия. Он назвал этот список «экспериментальным словарем»; в нем насчитывалось 553 слова, включая собственные имена. Лишь очень немногие слова были впоследствии исключены из списка; некоторые соответствия были позже видоизменены, в целом же список представлял собой то разумное основание, на которое можно было опираться в дальнейшей работе. Оставалось, однако, некоторое число редких знаков, значение которых определить не удалось; текстов же, полностью понятных, было мало. Тем не менее мы могли читать такие, например, тексты: PU-RO i-je-re-ja do-e-ra e-ne-ka ku-ru-so-jo i-je-ro-jo ЖЕНЩИНА 14 (ΠΥΛΟΣ· ἱερείας δοῦλαι ἕνεκα χρυσοῖο ἱεροῖο «Пилос. Рабыни жриц из-за священного золота: 14 женщин»).

Эта табличка показательна еще в двух отношениях. Во-первых, поражало слово e-ne-ka, точно соответствующее классическому heneka «(из-)за», хотя этимологи считали, что в более ран-

нюю эпоху слово это имело вид henweka (в табличках было бы e-nu-we-ka). Но слово e-ne-ka встречается несколько раз, так что об описке не может быть и речи. Приходилось признать, что либо этимологи ошиблись, либо по каким-то причинам w в этом слове было утрачено в микенском диалекте.

Во-вторых, сама возможность понимания текста табличек еще не давала ответа на все вопросы. Почему эти женщины были рабынями жриц? Чьих жриц? О какой сделке идет речь в этой табличке? На все эти вопросы у нас нет ответа. Обстоятельства дела были известны автору таблички, а он не предполагал, что его записи будут читаться людьми, не обладающими теми же знаниями, которыми обладал он. Ведь мы тоже делаем в наших календарях краткие записи, хорошо понятные нам, но могущие поставить в тупик человека, не знакомого с теми условиями, в которых производилась запись. Проблема эта всегда будет существовать; мы не обладаем знаниями обо всех фактах и событиях, о которых в табличках сообщаются лишь некоторые сведения. Мы должны тщательнейшим образом проанализировать эти сведения, сравнить между собой сходные таблички, привлечь свидетельства археологии. Иногда воображение может помочь нам заполнить лакуны; так, в главе VII я попытаюсь, отталкиваясь от текстов, рассказать в какой-то мере о жизни в микенском мире; однако не следует делать вид, что мы знаем больше, чем мы знаем.

Моя переписка с Вентрисом превратилась в стремительный обмен мнениями. И хотя мы время от времени встречались, чтобы обсудить возникающие вопросы и наметить дальнейший план работы, каждый из нас получал основные результаты индивидуальным путем и затем представлял их другому для критического рассмотрения и отзыва. Этой методики мы придерживались и при подготовке наших совместных публикаций; каждый готовил раздел, который затем подвергался критике со стороны другого, так что подчас все приходилось переделывать наново, уже с учетом критических замечаний. Этот метод себя не оправдал бы, если бы мы не были так близки друг другу в нашей основной концепции. Между нами существовали и разногласия, но они никогда не были серьезными, причем многие разногласия были устранены еще до того, как работа была сдана в печать; то же обстоятельство, что выводы одного всегда критически анализировались другим, в значительной степени определяло нашу уверенность в работе.

Вначале была запланирована большая специальная статья о результатах дешифровки, и я был польщен, когда Вентрис предложил мне быть его соавтором. Сам я считал, что мои заслуги в работе незначительны, но Вентрис всячески настаивал на совместной публикации. В такой публикации не было необходимости всякий раз специально оговаривать мои собственные

результаты, а главное, соавторство показывало, что если эта работа — заблуждение, то наше общее.

Мы долго выбирали заголовок, стремясь сделать его не слишком претенциозным: «Evidence for Greek dialect in the Mycenaean archives» («Свидетельство о греческом диалекте в микенских архивах»). Мы не претендовали на то, что нам удалось дешифровать линейное письмо Б, мы просто собрали воедино обнаруженные нами данные. Слово «диалект» (а не «язык») было использовано для того, чтобы подчеркнуть, что мы выявили особый греческий диалект, а слово «архивы» подчеркивало, что у нас нет иллюзий относительно характера документов, с которыми мы имели дело. Наиболее дерзким во всем этом было то, что мы говорили о «микенском», а не о «линейном Б», как обычно. В наше намерение входило открыто констатировать некий факт, который обходили или игнорировали почти все, писавшие на эту тему. Термин «минойское письмо» в применении к линейному Б стал анахронизмом с 1939 г.; однако то обстоятельство, что Пилос был микенским, а не минойским городом, обычно игнорировалось; иногда, чтобы как-то замаскировать проблему, пользовались гибридными наименованиями «минойско-микенское» или «крито-микенское» письмо (или язык). Из нашего положения о греческом характере языка документов линейного Б с необходимостью следовал вывод о том, что в Позднеминойский период II Кносс представлял собой часть микенского мира. Это, пожалуй, явилось той костью, которая особенно крепко застряла в горле у археологов. Но наша настойчивость имела свои основания, и в конце концов термин «микенский» (первоначально он использовался для обозначения культуры материковой Греции в Позднеэлладский период) закрепился как обозначение линейного письма Б и скрывающегося за ним языка. Находка табличек, записанных линейным письмом Б в Микенах, в 1952 г., стала дополнительным доводом в пользу обоснованности термина.

Работа над статьей продолжалась до ноября 1952 г. Нам повезло, так как благодаря Т. Данбэбину статья была принята для публикации в «Journal of Hellenic Studies» за 1953 г.: во-первых, и сейчас еще в Англии довольно трудно напечатать статью по классической филологии или истории менее чем за полтора года (к тому же тогда на печатном деле сказывались последствия войны); во-вторых, значение статьи мог оценить далеко не всякий редактор. Действительно, она могла представлять собой очередной холостой выстрел, и тогда потеряны два десятка дорогих журнальных страниц; однако если авторы были правы в своих утверждениях, то статья представляла первоклассную ценность и могла сделать честь опубликовавшему ее журналу. К счастью, редакция решила опубликовать статью, за что мы были ей очень признательны. В случае отказа нам пришлось бы

публиковать ее за границей: проф. Бьёрк был готов напечатать ее в шведском журнале «Eranos».

В первой части статьи было показано, что тезис о греческом характере языка табличек линейного Б находит разумное обоснование и с точки зрения истории. Далее следовал анализ текстов на основе лишь самих текстов, здесь же кратко объяснялись принципы построения слоговой сетки. Эта часть была неправильно понята и неверно интерпретирована нашими критиками, но даже и сторонники наши жаловались на ее недостаточную обоснованность. Однако рамки статьи не позволяли нам дать подробного изложения хода анализа, который занимал так много места в «Рабочих заметках» Вентриса; к тому же нам казалось, что важнее говорить о результатах работы, нежели о частных деталях, обеспечивших получение этих результатов. Возможно, мы были неправы, рассуждая так; но если бы мы значительно увеличили за счет этой части объем нашей статьи, едва ли бы издатели с той же охотой пошли нам навстречу.

В экспериментальной опытной сетке приводилась транслитерация 65 слоговых знаков, семь из которых мы сопроводили знаками вопроса. В дальнейшем большая часть вопросительных знаков была снята, причем наше qo_2 было заменено на su, da_2 — на du, nu_2 — на nwa. Верность же подавляющего большинства идентификаций так никем и не была подвергнута сомнению — я не говорю о тех, кто вообще отвергает нашу дешифровку. Здесь или все, или ничего.

Далее мы изложили «предполагаемые правила микенской орфографии». Эти правила были выявлены в результате идентификаций микенских форм в качестве греческих слов; в ряде случаев правила оказались неожиданными и неприятными. Но перед лицом критики было необходимо подчеркнуть, что, хотя правила были определены эмпирически, они, несомненно, образуют связную систему. Основной принцип письменности — открытость слога; если слог начинался двумя или более согласными, то на письме удваивался гласный; если же согласный, закрывая слог, предшествовал другому согласному, начинающему следующий слог, то первый согласный на письме не фиксировался. Правила могут быть суммированы следующим образом:

1. Различаются пять гласных (a, e, i, o, u), однако долгота их не обозначается.

2. Второй компонент дифтонгов на -u на письме фиксируется (au, eu, ou).

3. Второй компонент дифтонгов на -i (ai, ei, oi, ui) обычно опускается; исключение — позиция перед гласным (тогда -i обозначается через j); кроме того, -i сохраняется в начальном знаке ai.

4. Глайд, возникающий в потоке речи, обозначается через

j в позиции между i и следующим гласным и через w в позиции между u (у) и следующим гласным. Эти звуки в греческом алфавитном письме не фиксируются.

5. Представлено 12 согласных:

j используется лишь для обозначения дифтонгического -i и глайда (см. п. 3).

w — дигамма в архаическом греческом письме (ϝ), произносилась как англ. w.

d, m, n, s произносились, как в позднем греческом (ср. русск. *д*, *м*, *н*, *с*).

k=k, kh, gh; p=p, ph, bh; t=t, th.

r=r и l.

z=греч. ζ, точное фонетическое значение (или значения) в микенскую эпоху неизвестно.

q — это ряд так называемых лабиовелярных звуков (k^w, g^w, k^wh; ср. лат. quis, ninguit). В классическом греческом эти звуки уже отсутствуют; здесь на их месте в зависимости от позиции появляются k, p или t (и соответствующие смычные на месте звонких или придыхательных). Существование лабиовелярных в греческом в доисторическую эпоху было предсказано давно.

6. Нет специальных обозначений для придыхательных; придыхательные th, ph, kh (греч. θ, φ, χ) не отличаются на письме от соответствующих непридыхательных смычных.

7. l, m, n, r, s опускаются на письме, если они находятся в конечной позиции или предшествуют другому согласному; ср. po-me = poimēn «пастух», ka-ko = khalkos «бронза», pa-te = patēr «отец». Эта удивительная закономерность может быть более научно сформулирована следующим образом: единственные конечные согласные, которые допускались в греческом (n, r, s), в линейном письме не фиксируются; это правило распространилось и на согласные внутри слов (в конце закрытых слогов перед следующим согласным), а также на другие согласные этих же категорий (l, m).

8. Начальное s- перед согласным опускается; в то время мы распространяли это правило и на начальное w-, но, как выяснилось в дальнейшем, это было ошибкой, основанной на неверных этимологиях, содержащихся в словарях.

9. В группах «согласный + w + гласный» (CwV) на письме фиксируются оба согласных; вставной гласный либо соответствует реальному гласному, следующему за вторым согласным, либо u; однако r перед w обычно опускается.

10. После смычных (d, k, p, q, t), предшествующих какому-либо согласному, ставится тот же гласный, что и после второго согласного (редко ставится гласный предшествующего слога): ku-ru-so = khrysos; аналогично mn: A-mi-ni-so = Amnisos. Используются специальные приемы для обозначения конеч-

ных групп согласных: wa-na-ka = wanax «царь, правитель» [1 a].

Было известно, что силлабарий содержал несколько знаков, которые были взаимозаменимы; эти знаки получили обозначения типа pa, a, pa_2, a_2, и т. п. Впоследствии было обнаружено еще несколько таких знаков, и, хотя метод подобной транслитерации удобен, мы можем сегодня сказать много больше об условиях, в которых эти знаки употреблялись. Так, pa_2, возможно, восходит к qa; ra_2 обычно представляет ria; ra_3 = rai и т. п. В системе отмечается несколько отклонений от нормы; так, существуют специальные знаки для pte, для nwa и, как это выяснилось лишь недавно, для dwo.

Вообще говоря, закономерности микенского письма соответствуют закономерностям кипрского, однако перечисленные ниже расхождения показывают, что между обеими системами нет точного соответствия. В кипрском письме дифтонги на -i фиксировались регулярно; лабиовелярные согласные в диалекте отсутствовали (на письме нет q); d и t не различались, но l и r различались; предметом дискуссии является употребление z; возможно, существовал специальный знак для xe. Конечные согласные обозначались сочетанием соответствующего согласного с немым -e; *все* группы согласных фиксируются благодаря вставке гласных, лишь n в позиции перед другим согласным опускается.

Сравнивая микенское письмо с кипрским, нетрудно обнаружить недостатки первого, но ведь со временем письменность могла быть видоизменена в лучшую сторону; во всяком случае, мы не можем винить микенцев за то, что система их письменности «не всегда соответствует нормам, какие могли бы быть разработаны подкомитетом ЮНЕСКО».

В нашей статье содержался список слов, в результате анализа которых была составлена сетка, однако сетка в том виде, какой она имела до дешифровки, в статье дана не была, и это было плохо, ибо, когда процесс дешифровки раскрывается постепенно (как это сделано в главе IV), изложение становится более убедительным. Это опять-таки объясняется ограниченным объемом статьи; насколько мне известно, нас никто не упрекнул в том, что статья содержит слишком большое количество материала. Как бы то ни было, оглядываясь назад, я вижу, что эта часть статьи («Истоки экспериментальной транслитерации») была бы удачней, если бы мы показали ход дешифровки. Мы недостаточно подчеркнули решающее свидетельство критских географических названий и не указали, что вывод о греческом характере языка табличек зависел от идентификации этих названий; создавалось впечатление, что названия были идентифицированы уже после того, как составляющие их слоговые знаки были определены на основе других соответствий.

Эта часть статьи заканчивалась четырьмя пояснениями, имевшими целью обезоружить любого критика, который вздумал бы обвинить нашу дешифровку в неполноте: 1) микенский диалект на тысячелетие древнее, чем классический аттический; 2) документы — не литературные произведения, а чрезвычайно сжатые отчеты; 3) статья отражает результат всего лишь трехмесячной работы над совершенно новым предметом; 4) авторы не делали попыток обозреть все таблички, внимание их было сосредоточено лишь на самых значительных.

Затем шел раздел, в котором рассматривалась проблема рода. Наиболее показательной в этом отношении была табличка, в которой слово мужского рода do-e-ro (doëlos, классич. doulos «раб») было связано с pa-te (patēr «отец»), а слово женского рода do-e-ra «рабыня» — с ma-te (mātēr «мать»). Анализ личных имен обнаруживал различие в типах склонений, что подтверждалось изучением названий профессий: в статье цитировалась целая сотня таких терминов. Глаголы относительно редки в табличках, но мы смогли все же привести и проанализировать четыре формы глагола ekhō «иметь», а также некоторые формы других глаголов, в частности пассивные причастия с характерным греческим суффиксом -me-no (-menos). В этом же разделе были приведены образцы основных категорий табличек. Одна из кносских табличек с изображением колесниц была переведена нами так:

«Конные (колесницы), окрашенные в алое и с полной столярной работой, снабженные вожжами. Перекладина (?) из смоковницы, с принадлежностями (?) из рога, и нет (?) «подпятника» (?)».

Теперь, после обсуждения, можно уточнить перевод; но и сейчас мы не можем хорошо представить себе, что значит «с полной столярной работой» и «подпятник». Перевод «перекладина» неверен; очевидно, речь идет о какой-то части удил или узды; а вместо «смоковницы» надо читать «кожи». Эти уточнения показывают, как далеко вперед мы продвинулись за истекшие годы; однако ясно и то, что общий смысл был верно понят с самого начала. Большинство наших старых переводов вполне выдержало испытание временем, хотя сейчас, после многолетней работы, проделанной десятками ученых, мы уже знаем гораздо лучше, что именно кроется за лаконичными формулами табличек.

В конце статьи мы дали краткую характеристику микенского диалекта. Мы описали основные особенности диалекта, сделали попытку определить его позицию по отношению к диалектам классической эпохи и другим индоевропейским языкам. Подтвердилось старое предположение о том, что микенский диалект наиболее близок аркадскому и кипрскому; под влиянием господствовавшей точки зрения мы отметили также связь с эолийским диа-

лектом. Новые важные работы, появившиеся после 1952 г., заставили нас пересмотреть свои оценки отдельных диалектных связей. В результате перестало употребляться название, предложенное для диалекта — «древнеахейский». Все это привело некоторых к мысли, что мы изменили нашу точку зрения на позицию диалекта; на самом же деле за это время несколько сдвинулся фон.

Нашу статью мы закончили предположением, что таблички могут сыграть важную роль в изучении языка Гомера. Это предвидение оправдалось очень скоро.

После окончания работы над статьей нам ничего не оставалось, как запастись терпением и ждать ее публикации (статья вышла в в свет осенью 1953 г.). Впрочем, за этот промежуток времени произошли некоторые сдвиги, подготовившие почву для восприятия статьи; мы рассказывали коллегам о нашей работе, в результате чего нас стали приглашать читать лекции перед различными учеными и не очень учеными обществами в разных частях Англии.

Нам удалось очень быстро заручиться поддержкой видного английского филолога Л. Палмера и двух крупных шведских ученых — А. Фюрюмарка и Г. Бьёрка. Благодаря их помощи в этот критический период в значительной степени были преодолены колебания, вполне естественные в то время среди наших коллег.

Фюрюмарк первый создал нам паблисити — это произошло в ноябре 1952 г., когда он давал интервью представителям шведской печати. Он был одним из тех, кто получал «Рабочие заметки» Вентриса, и когда он получил «Экспериментальный словарь», он назвал его «бомбой, брошенной в почтовый ящик». Похвалы, которые он расточал в адрес Вентриса, достигли ушей журналистов, однако в то время с результатами дешифровки было знакомо очень мало людей, и когда, например, Беннетта, работавшего в Йеле, попросили высказать свое мнение, он высказался чрезвычайно сдержанно.

В личной переписке с Вентрисом Беннетт был менее сдержан. 6 июля он писал: «Я не знаю, поздравлять ли мне Вас с дешифровкой или высказать Вам соболезнование...» Он был все время слишком занят, чтобы проверить результаты дешифровки, и когда в октябре получил проект нашей статьи, то ответил так: «Я опять начинаю колебаться, сегодня считая, что дело у вас в руках, а завтра сомневаясь в этом».

О лекции, прочитанной Вентрисом в Лондоне 24 июня 1953 г., газета «Таймс» писала в специальной статье, где обсуждалась гипотеза Вентриса и ее возможные последствия. От внимания читателей не ускользнуло, что статья была помещена рядом с сообщением о покорении Эвереста, так что вскоре дешифровку стали называть «Эверестом греческой археологии». Но тогда еще не было известно, насколько верна дешифровка, так что «Таймс» назвала свою статью «На пороге?».

Мы думали, что наша статья вызовет долгую и ожесточенную дискуссию, лишь после которой теория будет окончательно принята. Ученые не принимают революционных нововведений в науке без предварительного глубокого анализа их, но и потом многие проявляют сдержанность. Но в нашем случае мы ошиблись в прогнозах. Еще до опубликования статьи мы получили от проф. Блегена подтверждение правильности нашей теории, подтверждение настолько мощное и убедительное, что поражение наших противников было предопределено еще до начала дискуссии.

Глава VI

ДЕШИФРОВКА И ЕЕ КРИТИКИ

Однажды днем в мае 1953 г. в моей кембриджской квартире зазвонил телефон. Звонил Майкл Вентрис из Лондона. Он был очень возбужден. Вообще-то Вентрис редко терял спокойствие, но этот момент был для него поистине драматичным. Причиной возбуждения Вентриса было письмо профессора Блегена, который вел раскопки в Пилосе. Мы знали, что в 1952 г. Блеген нашел много новых табличек, но никому еще не удалось изучить их внимательно: всю зиму их очищали и приводили в порядок, и только следующей весной можно было приступить к их исследованию. Письмо Блегена гласило:

«Возвратившись в Грецию, я провел много времени в работе над табличками из Пилоса, стремясь подготовить их так, чтобы можно было сделать с них снимки. И к некоторым из них я попытался применить Ваш пробный силлабарий.

Для Вашего сведения прилагаю копию таблички P641, которая может показаться Вам интересной. Ясно, что речь в ней идет о сосудах: одни из них на трех ножках, другие с тремя или четырьмя ручками, а некоторые совсем без ручек. Первым словом, прочитанным по Вашей системе, оказывается ti-ri-po-de, дважды оно встречается и в форме ti-ri-po (единственное число?). Перед изображением сосуда с четырьмя ручками стоит слово qe-to-ro-we, с тремя ручками — ti-ri-o-we или ti-ri-jo-we, а изображению сосуда без ручек предшествует слово a-no-we. Все это кажется слишком большой удачей, чтобы быть правдой. Может ли это быть совпадением?»

Мы должны привести полностью текст этой таблички, ставшей теперь знаменитой:

1 ti-ri-po-de ai-ke-u ke-re-si-jo we-ke 2

ti-ri-po e-me po-de o-wo-we 1

ti-ri-po ke-re-si-jo we-ke a-pu ke-ka-u-me-no ke-re-a_2 [

2 qe-to 3

di-pa me-zo-e qe-to-ro-we 1

di-pa-e me-zo-e ti-ri-o-we-e 2

di-pa me-wi-jo qe-to-ro-we 1

di-pa me-wi-jo ti-ri-jo-we 1

di-pa me-wi-jo a-no-we 1

Об интерпретации некоторых мест этой таблички спорят еще и до сих пор, но анализ ее содержания, проведенный Блегеном на основании идеограмм, не вызывает сомнения, и слова, соотносимые с рисунками, также ясны. Там, где нарисованы котлы-треножники, написано ti-ri-po, то есть tripos «треножник» или форма двойственного числа (в раннем греческом языке было специальное склонение для имен, обозначающих два предмета) ti-ri-po-de = tripode, сопровождаемая цифрой 2. Ряд сосудов, которые упоминаются в конце таблицы, названы di-pa (или в двойственном числе — di-pa-e); должно быть, это те сосуды, которые у Гомера названы depas. Правда, при таком заключении мы столкнулись со следующими двумя трудностями. Во-первых, греческое ε передается в табличке как i; однако найдены и другие случаи такой же передачи, и, по-видимому, передача ε через i ограничивается определенным кругом слов; во-вторых, гомеровское depas обычно переводится словом «чаша», хотя ясно, что в некоторых случаях этим словом обозначен вовсе не сосуд для питья, а нечто гораздо большее по своим размерам — depas Нестора настолько тяжел, что, когда он полон, один человек поднимает его с большим трудом. Кроме того, вполне вероятно (это часто случается), что тип сосуда, обозначенный этим словом, за несколько веков изменился. После названий сосудов на первом месте стоят описывающие их прилагательные me-zo «больший» и me-wi-jo «меньший». Эти два слова уже известны нам, так как они использовались при разделении детей на старших и младших. За этими прилагательными следуют другие, которые меняются в зависимости от числа ручек у сосудов. Второй составной элемент прилагательных всегда одинаков: -o-we = -ōwes (или -oues) и означает «ушко». В греческом языке это слово последовательно употребляется для обозначения ручек сосудов, у «чаши» Нестора было четыре «ушка». Первая часть прилагательных состоит из tri- (так же, как в tripos) при описании сосудов с тремя ручками, q^{w}etro- — с четырьмя (в классическом греческом — tetra-, однако ср. лат. quattuor) и an- (отрицательная частица) — при описании сосудов без ручек.

Вероятность того, что это поразительное соответствие рисунков и надписей — чистая случайность, настолько мала и практи-

чески ничтожна, что можно утверждать: перед намн — неоспоримое доказательство правильности дешнфровкн. Конечно, некоторых людей (очень немногих) убеднть все же не удалось. С нх возражениями мы ознакомимся позже. Но каждый, кто непредвзято подходил к проблеме, мог теперь убедиться, что система работала; несомненно, были возможны и нужны поправки и уточнения, но было ясно, что основание снстемы прочно.

Мы должны сразу оговориться, что не все в табличке было ясно н понятно. Например, три узкогорлых кувшнна были названы словом qe-to, которому мы не находнм соответствня в греческом языке; впрочем, позже Беннетт высказал предположенне о том, что qe-to может быть ранней формой слова, известного нам как pithos. Мы не можем также прийтн к соглашению относительно перевода опнсаний треножннков. Выдвнгался целый ряд предположений, но каждое нз ннх встречает какое-ннбудь возражение; и возможно, лишь после открытня новых текстов подобного содержания мы сможем с уверенностью судить о том, что́ представляли собой этн треножникн. Далее следует пункт, на который особенно упнрали нашн критикн: вторая строка второго раздела содержнт слово me-zo-e — форма двойственного чнсла, как н в следующей строке,— хотя запнсь сопровождается цнфрой 1 и слова́ н до н после me-zo-e имеют форму единственного чнсла. Ответ понстине прост: это описка пнсца, вполне объяснимая описка, еслн принять во внимание, что следующая строка уже маячила в сознании писца. Существует довольно большое чнсло запнсей, о которых мы можем с уверенностью сказать, что писцы допустнлн в них ошибкн. Например, если в табличке постоянно повторяется одна н та же формула н в одном случае она без вндимых прнчин изменена, мы можем без особых опасений считать это ошнбкой. В конце концов, кто нз нас может написать тысячу страниц текста, не допустив случайной ошибки? А когда глнна высыхала, уже не было возможности стереть слово, напнсанное с ошнбкой, н заменнть его правнльным. Но, конечно, если опнски встречаются в нзолированных фразах, обнаружнть их очень трудно, и такне ошибкн несколько раз направляли наше исследованне по ложному путн.

Вся трудность с опнсаниями треножников состоит не в том, что мы не можем дать их перевод, а в том, что возможных переводов слншком много, но при этом нет достаточно надежных крнтериев, которые позволили бы отобрать правнльный перевод. Следующая фраза достаточно ясна, н поэтому о ней стоит упомянуть: третий треножннк назван apukekaumenos skelea «с обгорелымн ножками». Некоторые исследователн возражают против такого перевода этой фразы на том основании, что ненужные сосуды не перечнслялись бы в спнске. Такое возражение не является обоснованным, поскольку мы не знаем точно, с какой

целью составлялась эта табличка, хотя и ясно, что она представляет собой какой-то инвентарный список. Все, кто имеет дело с документами такого рода, знают, что в них фигурируют не только новые вещи; мы имеем даже точную параллель этому случаю в некоторых табличках, перечисляющих негодные к употреблению колеса от колесниц.

Для Вентриса и для меня эта табличка была как дар божий. Не то чтобы нам самим нужны были дальнейшие подтверждения, но мы понимали, что эта табличка была доказательством, которое должно было убедить каждого, кто подходил к вопросу без предвзятости. Блеген сделал все от него зависящее, чтобы ускорить публикацию таблички, и весной 1954 г. Вентрис смог опубликовать свое толкование надписи в американском журнале «Archaeology» («Археология»). Но еще до этого она упоминалась в лекциях, и эта новость просочилась в широкие круги ученых, которых ранее заинтересовала наша статья «Свидетельство о греческом диалекте...».

Общество эллинистов выпустило нашу статью отдельной брошюрой, и более тысячи экземпляров ее было распродано — беспрецедентный случай в истории этого общества. Вскоре в научных журналах начали появляться рецензии на эту работу, а в газетах и популярных журналах было напечатано о ней довольно много статей. Трудно судить, насколько сильно повлияло на обозревателей известие о том, что дешифровка подтвердилась, однако возможно, что без этой новости прием, оказанный работе Вентриса прессой, был бы менее восторженным. Приводим один из типичных комментариев, который появился в начале 1954 г. в испанском периодическом издании «Zephyrus» и принадлежал профессору М. С. Руипересу:

«Хотя можно предполагать необходимость дальнейших уточнений и исправлений данной интерпретации... (которая венчает многолетний упорный труд молодого английского архитектора г-на Майкла Вентриса), все же — признаем это сразу — дешифровка эта отвечает всем требованиям, какие только можно к ней предъявить (чтение целых фраз и соответствие их значений тому, что мы ожидаем, исходя из идеограмм; чтение известных топонимов и собственных имен; логичность грамматической и графической систем), и, следовательно, нужно считать ее окончательной».

Эту точку зрения разделяли и другие ученые, однако у них имелись и некоторые замечания. Естественно, что с момента опубликования результатов дешифровка подвергалась тщательнейшему анализу и проверкам. Например, ведущий специалист в области греческого языка, парижский профессор П. Шантрен жаловался на отсутствие подробного изложения самого процесса дешифровки. Он обратил внимание на ассиметричность силлабария, в котором были знаки для такой редкой группы, как pte,

для начального дифтонга ai, но не было знаков для других дифтонгов. Создавала трудности также неадекватность системы письма: казалось, что при той слишком большой свободе, которую допустили правила орфографии, греческие слова получаются очень легко. Закончил проф. Шантрен перечнем (на 20-ти страницах) трудностей, которые возникают при данной дешифровке. И все же, несмотря на это, он считал, что такой путь решения проблемы является правильным.

«Со времени дешифровки хеттских текстов,— писал он,— открытие г-на Майкла Вентриса должно рассматриваться как важнейший шаг вперед в такого рода исследованиях. Выявленная им языковая система работает и заставляет нас в корне пересмотреть положения, которые считались до сих пор общепринятыми. Из-за исключительных трудностей графики, из-за отсутствия настоящих двуязычных текстов многие детали надписей на табличках нам все еще не ясны. Древнейшая греческая филология находится пока что на начальной стадии разработки, но развитие ее пойдет вперед быстрыми шагами благодаря заслугам ее основоположника».

Самая строгая критика исходила, однако, из цитадели минойской археологии: это была статья директора Ираклионского музея, в котором хранятся все сокровища Кносса, д-ра Н. Платона. Конечно, грека могло несколько задевать, когда иностранец сообщал ему о том, что таблички, хранящиеся в его музее, написаны на его родном языке. Поэтому нет ничего удивительного, что он подходил к дешифровке с некоторой долей скептицизма и старался выискать все возможные бреши в аргументации. Его приговор вполне можно прочесть как «не доказано», но в последующие годы и он начал менять свое мнение.

Весной 1955 г. мне удалось провести неделю на Крите, где я работал над табличками из Кносса. Беседуя со мной, Платон сообщил, что после отъезда Беннетта, который покинул Крит год назад, он обнаружил на складе музея подносы с осколками табличек; во время войны, когда музей подвергся разрушению, они лежали под открытым небом, попортились и теперь вряд ли ими можно будет воспользоваться. Таблички действительно были в плачевном состоянии: некоторые при прикосновении к ним разламывались на кусочки или рассыпались в пыль. Но мне удалось спасти большое число осколков, которые были достаточно тверДыми. У меня не было времени, чтобы по-настоящему заняться ими, и закончить эту работу я предоставил Вентрису, который должен был заняться ею несколько позже. Но в одном мне все же повезло. Я нашел довольно большой фрагмент, который оказался левой частью таблички из двух строк. На месте разлома ясно видна была лошадиная голова — идеографический знак для «лошади». Изображения лошадей в кносских табличках встречаются лишь

в записях, относящихся к конннце, форма которых совершенно иная, и в одной изолированной табличке, говорящей о лошадях и жеребятах,— знаменитой тем, что на основе ее Эванс определил и слово со значением «жеребенок», но потом отказался от своего открытия. У той таблички не хватало левого края. Был ли это тот самый кусок? Я наспех очистил фрагмент и пошел с ним вниз, к стеклянной витрине, где была выставлена табличка. Я положил его на стекло — кусок как будто подходил к табличке. Пришел Платон и открыл витрину, мы соединили куски таблички, они явно представляли собой одно целое. Это было счастливым событием. На фрагменте было нечто такое, что поколебало скептицизм Платона: теперь для каждой строки имелось начальное слово, и это были слова i-qo «лошади» и o-no «ослы». И здесь снова можно было спросить, как это сделал Блеген: может ли это быть совпадением? Какова вероятность того, что перед двумя рядами лошадиных голов будут стоять слова, точно соответствующие греческим словам «лошади» и «ослы»? Вычисление таких вероятностей недоступно математике, чтобы судить о них, мы прибегаем лишь к нашему здравому смыслу. Но тут наши критики опять указывают нам на новые проблемы: почему идеограммы для ослов и для лошадей не обладают каким-либо более ясным отличием? Возможно, ответом является такое простое соображение: совершенно точно выразив каждое из этих понятий соответствующим отдельным словом, писец не счел нужным тратить свои усилия на то, чтобы обозначить каждое из них специальной идеограммой. Возможно также, что стандартный идеографический знак в этом письме был лишь для «лошадей», но не для «осла»; в таком случае вполне естественным было бы использовать для понятия «осел» тот же знак, а отличие передать с помощью фонетических знаков*.

В этот период Вентрис получал много писем от иностранных ученых, которых он держал в курсе своей работы. Тон этих писем был необычайно благожелательным. Например, профессор Зиттиг, который придерживался своего собственного метода дешифровки, благородно отказался от своей теории и поддержал Вентриса. 22 мая 1953 г. он писал: «Я повторяю: Ваши доказательства с точки зрения криптографии превосходят все, что мне известно в этой области; они поистине поразительны. ... Если вы правы, то методы археологии, этнологии, истории и филологии, применявшиеся в течение последних пятидесяти лет, *сводятся на нет*». И неделей позже: «Я чрезвычайно благодарен Вам за интереснейшие сведения о новых надписях, которые уничтожают всякие сомнения и полностью подтверждают Ваше предположение».

---

* Для сравнения заметим, что в шумерском знак «осел» является детерминатнвом для «лошадей», «мулов» и даже для «верблюдов».— *Прим. ред.*

Шведский ученый, профессор Мартин Нильссон, специалист в области греческой и микенской религии, с энтузиазмом принял известие о результатах, полученных Вентрисом. Он указывал, что если доказательство правильно, то достижение Вентриса превосходит достижения Шампольона и Роулинсона, так как они отталкивались от параллельных текстов или, во всяком случае, от слов на двух языках.

Как бы то ни было, он отказался высказаться более определенно, поскольку не считал себя достаточно компетентным в лингвистических вопросах. И конечно, для археолога это представляло трудность: оценка дешифровки — задача лингвистическая.

Специалистов, знакомых лишь с греческим языком классической эпохи, смущала необычность форм; но именно эта необычность явилась аргументом для тех филологов, которые тогда уже реконструировали некоторые из этих форм, сравнивая между собой греческие диалекты классической эпохи.

Профессор И. Фридрих из Берлина, который в то время как раз закончил книгу о дешифровке древних письменностей, писал Вентрису 12 февраля 1954 г.: «У меня еще не было времени как следует изучить Вашу работу. Но насколько я могу судить, она производит впечатление очень хорошего и вполне логичного исследования, а отдельные аргументы так хорошо связаны один с другим, что Вы, очевидно, действительно, нашли правильное решение». Однако прошло почти два года, прежде чем в периодическом издании «Minos» появилась небольшая его статья, в которой он публично признал эту теорию. Журнал «Minos», который начал издаваться в Саламанке как международный орган, отражающий работы по «минойским проблемам», стал теперь основным изданием, где печатались специальные работы о линейном письме Б. В начале 1956 г. Фридрих писал на страницах этого журнала:

«Умудренный опытом, я в течение долгого времени воздерживался от высказываний по поводу дешифровки критского линейного письма Б, произведенной М. Вентрисом. Но теперь, после тщательной проверки его методов и результатов, я пришел к твердому убеждению, что эта дешифровка действительно является правильной и может составить прочный фундамент для дальнейших работ даже в том случае, если, как говорит сам дешифровщик, еще многое в ней придется исправить».

Другим ученым, который, несмотря на необычность теории Вентриса, быстро встал на его сторону, был американский профессор И. Гельб. В ноябре 1953 г. он писал Вентрису: «Без дальнейших колебаний могу заявить, что я полностью убежден в правильности Вашей дешифровки. Должен признаться, что меня удивило и явилось для меня неожиданностью, что Вы обнаружи-

ли греческий язык, близкий языку Гомера. И все же я нимало не сомневаюсь в Ваших выводах».

Первые отклики на дешифровку содержали главным образом изложение и осмысление фактов и оценку доказательств. Но очень скоро среди них начали появляться статьи, которые были новым вкладом в эту область наших знаний. Ученые уже были подготовлены к тому, чтобы принять нашу работу за основание, на котором можно строить; и вот начали поступать все новые предложения по улучшению и дальнейшей разработке теории. Значительный шаг вперед представляла собой большая статья Фюрюмарка; он просмотрел таблички разных категорий и показал, что все они могут быть прочитаны по-гречески. Вступительная лекция Палмера под названием «Ахейцы и индоевропейцы» была увлекательным и обнадеживающим отчетом о результатах дешифровки, мастерски сделанным с лингвистической точки зрения. Было бы глупо утверждать, что наши взгляды в точности совпадают, и в следующей главе я должен буду рассмотреть его теорию индоевропейской культуры, но я хочу воспользоваться представившейся здесь возможностью отметить, что микенология как наука многим ему обязана.

Конечно, и мы с Вентрисом не стояли на месте. Уже в декабре 1953 г. мы написали для журнала «Antiquity» популярную статью о методах дешифровки и ее результатах. Лекция Вентриса, прочитанная им на Международном конгрессе классиков в Копенгагене в августе 1954 г., явилась триумфом; как только он показал диапозитив с дешифрованной табличкой, в которой речь шла о сосудах-треножниках, огромная аудитория разразилась бурей аплодисментов, хотя Вентрис не успел еще сказать ни одного слова. После того как Вентрис закончил доклад, его стали публично поздравлять многие выдающиеся греческие ученые, заявляя, что доказательства полностью убедили их. Сам я там не присутствовал и об огромном успехе этого выступления узнал лишь позже от разных лиц. Вентрис был слишком скромен, поэтому он сообщил лишь, что все прошло благополучно.

Теперь самой заманчивой перспективой было прочесть все новые таблички, найденные в Пилосе в 1952 г. Публикацию их ускорить было невозможно, но Блеген был настолько любезен, что разрешил нам ознакомиться с текстами заранее. Беннетт, которого окончательно убедила дешифровка таблички с треножниками, сразу же скопировал для нас собрание новых табличек, и в 1954 г. Вентрис уже сумел дать полную их транскрипцию и обсудить с Беннеттом в Афинах их чтения. Профессор Уэйс тоже очень любезно позволил нам снять копии табличек, найденных в 1954 г. в Микенах.

Обладая такими богатыми возможностями, мы должны были написать теперь полный отчет о табличках. И снова Вентрис

пригласил меня сотрудничать при выполнении этой задачи, и это сотрудничество дало нам возможность приблизительно за год написать том объемом в 450 страниц. В этот период мы оба посетили Грецию и сверили чтения таблиц с оригиналами, так что наши тексты не являются точной копией текстов, изданных Беннеттом. Последний помог нам напечатать нашу работу о кносских табличках отдельным изданием, в котором тексты даются в латинской транслитерации. Книга «Документы на микенском греческом языке» («Documents in Mycenaean Greek») была закончена летом 1955 г., а опубликована осенью следующего года, через несколько недель после смерти Вентриса.

Книга состояла из трех частей. Первая — это пять вводных глав, в которых речь идет о вопросах дешифровки, письменности, диалектах, собственных именах; здесь же дается обзор новых сведений о микенской цивилизации, которые можно извлечь из результатов дешифровки. Основное место в книге занимает собрание самих текстов —корпус из трехсот табличек из всех трех мест раскопок. Выбраны таблички так, чтобы в них входили все наиболее интересные и важные тексты. Те надписи, интерпретация которых была затруднительна, тем не менее не исключались из собрания. Кроме того, в примечаниях и комментариях рассматриваются и многие другие таблички, которые не попали в этот свод. Почти во всех случаях дается перевод, но, конечно, с должными предосторожностями, а сомнительные слова в переводе выделяются курсивом. В тех случаях, когда невозможно было дать разумного перевода, в комментарии рассматривались все возможности интерпретации и все возникающие трудности. Последняя часть книги состоит из словаря, насчитывающего 630 отдельных микенских слов с их предполагаемыми значениями, собранных из всех известных табличек, а также списка собственных имен, в который вошли лишь наиболее интересные случаи, так как число слов, которые могли быть отнесены к именам, огромно (более 1200).

Отклики на эту книгу в общем были так же благожелательны, как и те, что встретили нашу статью. Но через несколько недель после опубликования «Документов» началось первое наступление на них. Некоторые критические замечания уже были высказаны в Америке мисс Хенле, которая имела несчастье завершить свое статистическое исследование линейного Б в то время, когда была обнародована теория Вентриса. Понятно, что мисс Хенле была враждебно настроена по отношению к теории, которая отличалась от ее собственной, хотя она тоже считала, что надписи сделаны на греческом языке.

Журнал «Journal of Hellenic Studies», который тремя годами раньше напечатал нашу статью, теперь предоставил свои страницы профессору греческого языка в Эдинбурге А. Дж. Битти

для его довольно обширной статьи. Битти был одним из моих учителей в Кембридже, и мы с Вентрисом, считая его одним из ведущих английских специалистов в области греческих диалектов, уже в 1952 г. показали ему нашу предварительную работу в надежде убедить его присоединиться к нам. Но он не счел возможным принять нашу аргументацию, и, несмотря на дальнейшую переписку и новые доказательства, которые мы ему послали, он не изменил своего мнения. Он написал статью, не ознакомившись с нашей новой книгой, в которой как раз и содержались ответы на многие из его вопросов; в таком же враждебном тоне была написана и его рецензия на нашу книгу в «Cambridge Review».

Битти начал с того, что признал в качестве гипотезы, что язык линейного Б греческий и что силлабарий состоит из открытых слогов (согласный плюс гласный). Затем он рассмотрел сетку, но совершенно ясно, что не понял ни ее построения, ни ее назначения, и в результате все описание этого этапа дешифровки было им искажено. Он пытался восстановить для себя начальные стадии дешифровки, делая при этом многочисленные ошибки, и закончил свою статью замечанием: «Поэтому я с большим сомнением отношусь к таблице соответствий и к сетке». Это наша вина, что процесс дешифровки описан недостаточно ясно; но странно, что Битти, который спрашивал нас о других вещах, не потрудился выяснить, каков в действительности был ход открытия.

Он признает, что перевод многих слов и фраз осмыслен, но при этом замечает: «Мы, конечно, не знаем, использовал ли г-н Вентрис эти слова *с самого начала* (курсив его) для установления значения того или иного знака». С первого взгляда это замечание кажется справедливым. Если для подтверждения дешифровки используются те же слова, что и для определения звуковых значений, вся дешифровка может оказаться фикцией. Продемонстрировать это ложное заключение можно на следующем специально придуманном примере. Представим себе, что нам нужно дешифровать сообщение на английском языке, а значения букв в нем нам неизвестны. В сообщении мы находим 6 слов, которые по своей функции и позиции могут быть классифицированы следующим образом:

существительные:	XYZ	ZYX
глаголы:	XY	ZY
прилагательные:	XYYZ	YZZ

Если мы сможем прочесть одно существительное, то остальные слова уже будут прочитаны автоматически; но если первое слово прочитано неправильно, то при чтении остальных получается бессмыслица. Поэтому мы можем быть уверены, что решение:

$X = G$, $Y = O$, $Z = D$ — единственно правильное решение [6].

Что-то в этом роде можно попытаться проделать и с линейным письмом Б, однако очевидно, что при силлабарии, насчитывающем более восьмидесяти знаков, гораздо труднее найти слова, которые состояли бы из одних и тех же слогов и отличались лишь порядком их следования. Но Битти не может отбросить to-sa pa-ka-na (греч. tossa phasgana «итого мечей», за которым следует пиктограмма «меч»), ибо если эти слова выбраны для включения в сетку, то pa-?-to вытекает из них как название города на Крите (Phaistos «Фест»), ka-sa-to — как имя Xanthos «Ксанф», pa-sa — это pansan «всех» (форма женского рода винительного падежа). Неважно, какие слова поставлены в сетку; смысл получается *только* в том случае, если значения их определены правильно. Попытаемся проследить это на более обширном материале: ниже приводится таблица, в которой каждый знак встречается не менее двух раз и для каждого слова найдено его возможное значение, вытекающее из контекста.

a-pi-qo-ro	им. п. мн. ч.	amphipoloi	„женщины, находящиеся в услужении"
a-to-po-qo	им. п. мн. ч.	artokopoi	„пекари"
a-to-ro-qo	дат. п. ед. ч.	anthrōpoi	„человеку"
ka-ko	им. п. ед. ч.	khalkos	„бронза"
ka-ru-ke	дат. п. ед. ч.	kērȳki	„вестнику"
ko-ru-to	род. п. ед. ч.	korythos	„шлема"
po-ni-ke-qe	дат. п. ед. ч.	phoiniki te	„и фениксу"
qe-to-ro-po-pi	твор. п. мн. ч.	tetrapo(d) phi	„четвероногими"

(Греческие слова даются в их классической форме, а значит их написание не всегда соответствует написанию в микенском.)

Каждое определенное нами слово состоит из слогов, которые встречаются также и в других словах, а словарь «Документов» дает обширный материал для проверки всех знаков, за исключением самых редких. Нам уже не важно знать, каким образом

---

[6] Этот пример впервые был предложен профессором Л. Р. Палмером, но использован в иной ситуации.— *Прим. автора.*

[Пример расшифровывается следующим образом:

существительное: God «бог», dog «собака»
глагол: go «идти», do «делать»
прилагательное: good «хороший», odd «странный».—
Прим. перев.]

определяются фонетические значения слоговых знаков; слова, которые получаются из этих знаков, сами уже доказывают, что звучание их определено правильно. Если принять во внимание отношения между знаками, которые дают возможность построить сетку до начала дешифровки, то окажется, что можно провести двойную проверку, так как мы уже знаем, например, что в sa, pa, ka и na содержится один и тот же гласный.

На это Битти, конечно, возразит, заявив, что не все полученные слова обладают смыслом. Например, ka-na-to-po и ka-na-po-to остаются бессмыслицей, даже если фонетическая ценность знаков определена правильно. Этот факт, конечно, должен был бы озадачить нас, если бы мы расшифровывали сообщение, написанное на хорошо известном нам языке. Представим, что в английской шифровке встретилось слово YXY = OGO; это должно было бы беспокоить нас, пока мы не узнали бы, что сообщение касается британского Сомали и что Ogo — это название района, расположенного к югу от Берберы. В линейном письме Б мы встречаемся с тремя неизвестными: первое — содержание табличек, за исключением того немногого, о чем можно догадаться по идеограммам; второе — собственные имена (кроме нескольких топонимов); наконец, третье — реальный диалект греческого языка, на котором говорили в ту эпоху. Положение, в которое мы здесь попадаем, похоже на то, с каким мы столкнулись бы, если бы наше английское сообщение было написано не на современном языке, а на языке и в орфографии времен Чосера, *причем ни с чем подобным мы до этого не встречались*. Прибавьте к этому несовершенство написания, и станет понятно, почему мы не можем перевести каждое слово. Ka-na-to-po — это женское имя; ka-na-po-to — возможно, тоже имя или название, но это слово встретилось лишь на фрагменте таблички, что дает очень мало возможностей для толкования. Если заниматься поисками в словаре, то последнее написание можно сравнить с греческим словом gnamptos «сгиб, склон», но большинство из нас избегает таких рискованных приемов. Обычно мы до тех пор не интерпретируем слово, пока, исходя из контекста, не составим себе представления о приблизительном круге его значения. Но повторяю: у нас нет ни словаря *микенского* греческого языка, ни списка *микенских* имен собственных. Все свои догадки мы должны строить на свидетельствах, дошедших до нас через многие века.

Палмер привел еще один подобный же аргумент, который если и не является решающим сам по себе, то в значительной степени поддерживает другие аргументы. Мы видим, что в табличке с треножниками, речь о которой шла в начале этой главы, элемент qe-to-ro соотносится с числительным «четыре». В четвертой главе было также показано, как слово со значением «и» было определено как знак -qe, присоединяемый к слову, которое он свя-

зывает с предыдущим. Что же это за языки, в которых слово со значением «и» звучит приблизительно так же, как начало числительного «четыре»? Одним из таких языков является греческий (в классическом греческом: tessares, te), но можно найти и других претендентов, по крайней мере в индоевропейской семье языков: таков, например, санскрит (catur, ca).

Это ставит перед нами следующий вопрос, который не рассматривается Битти, но который со всей серьезностью поднят другим критиком, берлинским профессором Э. Грумахом, в его статье, опубликованной в июльском номере «Orientalistische Literaturzeitung» за 1957 г. Является ли язык линейного Б греческим? Или же правила правописания служат не более чем удобным средством, которое позволяет нам сравнивать с греческими словами слова неизвестного языка? На этот вопрос можно ответить по-разному. Может быть, самый простой ответ — это составление списка некоторых слов, сопровождаемых идеограммами, которые указывают на их значения:

t -ri-**po**-(de)	tripous (tripode)	„треножник“
di-**pa**	depas	„какой-то сосуд“
pi-a$_2$**-ra**, **pi**-je-ra$_3$	phialē, phielai	„блюдо, миска“
a-pi-po-re-**we**, **a**-po-re-**we**	amphiphoreus, amphoreus	„амфора“ (и двойственное на -ēwe)
pa-ka-na	phasgana	„мечи“
to-**ra**-ke	thōrākes	„латы“
ko-ru	korys	„шлем“
pa-we-a, **pa-we-a**$_2$	pharea (*pharwea)	„одежда“
i-qo	hippos	„конь“
o-no	onos	„осел“
po-ro	pōlos	„жеребенок“
ta-**ra**-nu, ta-**ra**-nu-**we**	thrēnys, thrēnyes	„скамеечка для ног“

(Слоги, которые в этом списке встречаются более одного раза, даны жирным шрифтом.)

К этому списку можно было бы добавить другие слова, значение которых выступает не так отчетливо; но уже и так, с первого взгляда, в глаза бросается тесная связь этих слов с греческими. Эта связь на самом деле станет еще теснее, если формы классического греческого заменить более старыми реконструируемыми формами. Напрашивается вывод о том, что язык линейного

письма Б либо греческий, либо настолько похож на греческий, что эти два языка невозможно отличить друг от друга.

Битти и Грумах пытались поставить под сомнение этот список слов, нападая на наши идентификации идеограмм. Следует признать, что изображение шлема может оказаться изображением какого-то другого предмета, а латы изображены недостаточно выразительно. Но совершенно ясно, что сосуды — это сосуды, а лошади, ослы и жеребята — это животные из семейства лошадей. И никто не станет отрицать, что у сосудов-треножников действительно по три ножки.

Здесь же будет уместным ответить и на другое возражение, состоящее в том, что никто не станет одно и то же слово писать дважды: слоговым письмом и с помощью идеограммы. Это соображение справедливо, если речь идет о настоящей идеографической письменности, хотя читатели японских газет могут знать, что редко встречающиеся идеограммы регулярно сопровождаются фонетической записью, использующей слоговые знаки. Если же, однако, идеограмма не отображает в должной мере сущности изображаемого предмета, то может возникнуть необходимость добавить к ней более точное определение. Изображение может ясно указывать на сосуд, но не давать точного представления о его размерах. Название же сосуда исключает всякую путаницу, и для Микен такое написание было обычным и общепринятым, причем название иногда даже сокращалось до одного знака, и этот знак вписывался в рисунок. Например, в рисуночный знак сосуда из Кносса, напоминающего пилосский сосуд di-pa, вписан знак di. Равным образом и рисунок подтверждает правильное чтение названия. Такого рода приемы, гарантирующие правильное чтение, известны в бухгалтерии, об этом свидетельствует английский обычай выписывать чеки: «Two Pounds, £2» (два фунта стерлингов).

Но микенские идеограммы обладают и еще одной чертой, которая полностью снимает выдвинутое возражение. Идеограммы никогда не употребляются как синтаксические единицы (члены предложения), они встречаются только в сочетании с числительными: «X и Y, *мужчин* 2», «скамейка для ног, инкрустированная фигурами из слоновой кости, *скамейка для ног* 1». При счете писцы пользовались обозначениями конкретных предметов, подобно тому, как маленькие дети складывают не просто 2 и 3, а только 2 апельсина и 3 апельсина. И привычка эта была настолько сильна, что в тех случаях, когда идеограммы не было (или ее воспроизведение было слишком сложным), писец иногда чувствовал необходимость «создать» ее, соединяя в лигатуру те самые слоговые знаки, которыми он только что обозначил название нужного предмета; «десять сыров» пишется ty-ro$_2$ TU + RO$_2$ 10. В этом случае слово tyroi «сыры», очевидно, не

читалось дважды. Таким образом, противоречия, на которое указывали наши критики, просто не существует.

Едва ли нужно приводить здесь дополнительные доводы, чтобы показать, что язык линейного Б — греческий. Тем не менее заметим, что убеждает в этом еще и изучение системы окончаний в линейном Б. Я напомню здесь лишь несколько поразительных случаев. В греческом языке эпохи Гомера существовал родительный падеж имен существительных на -os: -oio; так, микенское слово do-e-ro «раб» в родительном падеже выглядело как do-e-ro-jo. При обозначении орудия, инструмента или места функцию окончания творительного или местного падежа в языке Гомера выполняло окончание -phi; таким образом, микенское a-ni-ja-pi означает «поводьями, вожжами», po-ni-ki-pi — «фениксами», pa-ki-ja-pi — «близ Пакиян». Приведем два примера, которые свидетельствуют о том, что микенский язык подтверждает предсказания филологов. Причастие прошедшего времени действительного залога первоначально образовывалось при помощи суффикса -wos-, известного также и из других языков, но в греческом языке во всех падежах, кроме именительного падежа единственного числа, этот суффикс был замещен новообразованием -wot-, которого мы не находим в других языках. Микенский язык представляет ту стадию развития греческого, на которой это нововведение еще не имело места: a-ra-ru-wo-a — причастие среднего рода множественного числа со значением «подходящие» (ср. классическое ararota; таким образом, a-ra-ru-wo-a = araruwota); в микенском языке сохранялся первоначальный суффикс -wos-a, который закономерно переходил в -woa. То же самое происходило и в прилагательном сравнительной степени со значением «бо́льший»: в аттическом диалекте форма именительного падежа множественного числа мужского рода имеет вид meizous, где -ous развилось из -oes, восходящего к более раннему -os-es; утраченная ступень -oes засвидетельствована в микенском: me-zo-e.

Можно привести также и другие примеры, но мы боимся наскучить тем читателям, которые не знакомы с историей греческого языка.

Против дешифровки выдвигался и такой аргумент: двусмысленность, допускаемая графикой, должна была бы сделать чтение надписей невозможным. Нам действительно очень трудно читать их, этого никто не станет отрицать. Но трудно согласиться с тем, что образованный гражданин Микен сталкивался с теми же трудностями. Действительно, один знак может передавать до семидесяти различных слогов: ka может читаться как kă, kā, gă, gā, khă, khā, kai, kal, kar, kas, kam, kan и т. д. и т. п. Но ведь это касается *не всех* знаков! Например, возможности знаков mi или u гораздо более ограничены. Неправильно также и то предположение, что если мы имеем слово из трех знаков, то число раз-

личных возможностей их чтения будет равно 70^3: ведь некоторые чтения, выбранные для одного знака, автоматически исключают другие чтения следующего знака. Например, в начале слова перед согласным s- не обозначается (ke-re-a_2 = skelea). Но при этом количество различных чтений увеличивается лишь для начального знака слова, так как если s опущено в середине слова, то это не создает дополнительной возможности чтения одновременно *и* для конца предыдущего *и* для начала последующего слога: pa-ka-na = phas-ga-na; так что если pa стоит вместо phas, то ka вместо sga уже исключается. Кроме того, начальное s- не может быть опущено в написании, если в микенской орфографии слово начинается с j-, w-, r-, s-, z-, n- или, возможно, d-. Возможность выбора между kam и kan лишь мнимая, поскольку выбор всегда определяется следующим знаком, а в конечной позиции возможен только знак kan, ибо ни одно греческое слово не оканчивается на -m. Рассуждая таким образом, мы можем практически исключить значительное число (сотни или даже тысячи) теоретически возможных чтений.

Но есть и еще гораздо более важное соображение: ведь микенцы писали и читали известные им слова; конечно, мы не знаем всех возможных чтений, но для читающего микенца не составило бы никакой трудности исключить все те теоретически возможные чтения, которые не соответствуют микенским словам. Однако даже и в этом случае микенец иногда вынужден был выбирать из двух и более слов. Этот выбор мог осуществляться на основании контекста, точно так же, как это делаем мы, когда встречаем в тексте такие формы, как «замок», «мука» или «мыла». Утомительным мог бы быть выбор между разными окончаниями; но мы всегда должны помнить, что у микенских писцов мы не встречаем длинных и сложных предложений. Они обычно придерживались коротких формул, которые были настолько привычными, что ошибок почти не возникало. Вопрос о грамотности микенцев будет рассмотрен в следующей главе; но следует сразу же сказать, что доказательства в пользу грамотности, в тех масштабах и в таких формах, как мы подходим к ней сейчас, несостоятельны.

Грамотный человек воспринимает слово сразу как одно целое; встретившись с написанием di-pa, читатель не перебирает в своем мозгу все возможные чтения двух знаков, а если ему и приходится выбирать, то не в бо́льшей степени, чем нам из разных возможностей чтения слова *солнце* (с *л* или без него). Вряд ли читателю требуется, чтобы рядом со словом стояла пиктограмма, подсказывающая, какое чтение нужно выбрать. Любая система письма есть лишь приближение к звуковому облику слов, поэтому некоторые из аргументов Битти, касающиеся этой стороны вопроса, не вполне добросовестны. «Жители Пилоса,—пишет он,—

вряд ли знали бы, что такое pu-ro». Но вероятность того, что пилосец здесь мог ошибиться, не превосходит вероятность ошибки при «расшифровке» русским человеком написания *Ростов/Д*.

Небольшое осложнение, которое при этом возникает,— это просто результат нашей системы транслитерации. Действительно, знак, транслитерируемый как ka, может читаться также и как ga или kha; но для говорящего и читающего по-микенски этот знак не передавал ни одного из этих чтений. Он просто обозначал слог с велярным взрывным, артикуляция которого определялась контекстом. Поэтому бесполезны разговоры о том, что микенцы не различали l и r; для удобства транслитерации нам нужно было выбрать какой-нибудь один из этих знаков (в действительности мы совершенно произвольно выбрали r), а микенцы просто употребляли один и тот же набор знаков для передачи обоих звуков. Говорящие по-английски не имеют особых причин жаловаться на то, что сочетанием th они вынуждены передавать сразу два звука, а сочетанием gh — даже целый ряд звуков. Однако в графике новых языков обычно предпочитается обратное: в них один звук передается несколькими различными способами.

И еще один, последний пункт необходимо здесь рассмотреть. Когда мы просматриваем список микенских «слов» (групп знаков), мы находим много неполных слов или слов, которые встречаются без контекста на небольших фрагментах. У нас почти нет надежды когда-либо найти для этих слов убедительную интерпретацию. Для большинства остальных слов можно найти признаки, говорящие о том, что это имена собственные; по крайней мере для 65% слов это может быть доказано, а в действительности их, очевидно, до 75%. Это можно легко проиллюстрировать. Во многих табличках мы находим обособленные группы знаков, после которых идет идеограмма МУЖЧИНА (или ЖЕНЩИНА) и цифра 1. Ясно, что эти группы знаков передают имена людей, ибо, если бы это были обозначения ремесел, они бы повторялись чаще. Некоторые из этих групп знаков встречаются также в табличках определенного типа, содержащих стандартные формулы; поэтому все другие группы знаков, которые в подобных формулах стоят на месте этих имен, тоже являются именами. Таким образом, мы можем составить список имен собственных совершенно независимо от дешифровки.

Однако идентификация имен сопряжена для нас с большим риском. Писец знал людей, с которыми он имел дело, у нас же нет никаких официальных документов, где бы имена были записаны точно (а ведь бывает, что точной записи придается чрезвычайно важная роль). Писец хорошо знал, что запись e-ko-to передает имя Hektōr, так как в той группе людей, о которых в записи шла речь, имя лишь одного человека подходило к этой записи. Если существовало два человека, имена которых — пусть

даже они носили несколько различные имена — писались одинаково, то писец прибавлял к имени обозначение профессии человека или какие-либо другие подробности, чтобы различить этих двух людей. К сожалению, мы не располагаем средствами проверки имен собственных. Если из контекста мы установили, что слово является именем собственным,то о звучании его мы можем только догадываться; и неудивительно, что именно эта сторона дешифровки оказалась наименее полной и точной. У нас есть основания полагать, что ряд имен — не греческие, и поэтому мы не можем сказать, что это за имена. Однако во многих других случаях мы *можем* предложить чтение имени, но часто это чтение не единственное, и мы не можем решить, какое же чтение выбрать. Однако, когда Битти уверяет нас, что qe-ra-di-ri-jo «нельзя соотнести ни с одним греческим словом», мы отвечаем на это, что он не очень старался это сделать. Это имя может быть классическим греческим Tēlandrios, в текстах не засвидетельствованным, но составленным из трех явно греческих элементов: tēle «далеко», andr- «человек» и суффикса -ios. Подобным образом построена английская фамилия Farmanson *. Возможны и другие реконструкции этого имени, но, чтобы опровергнуть возражение Битти, достаточно и одного примера.

Вскоре после публикации статьи Битти в «Санди таймс» развернулась дискуссия. Анализ статьи, подводящей итоги дискуссии, показал, что никто не пытался высказать никаких соображений в поддержку положений Битти, тогда как в защиту теории Вентриса было выдвинуто очень много аргументов. Если целью дискуссии было выявить господствующее мнение, то результат ее был абсолютно ясен. За границей статья Битти вызвала удивление и насмешки. Если бы были правы Битти и Грумах, то это значило бы, что большинство ученых-грецистов во всем мире стали жертвами заблуждения. Конечно, такие вопросы не должны решаться голосованием, но невозможно и сбросить со счетов авторитет ведущих ученых всех тех стран, где ведется изучение греческого языка.

Современное состояние исследования микенских текстов и связанных с ними проблем лучше всего можно проиллюстрировать несколькими цифрами из библиографии, напечатанной Институтом исследования античности при Лондонском университете. Четыре выпуска, которые вышли в свет, охватывают статьи и книги, напечатанные после опубликования нашей статьи «Данные о греческом диалекте...» и до конца 1958 г. Только за этот период появилось 432 статьи, брошюры и книги, принадлежащие перу 152 авторов из двадцати трех стран. И работы на эту тему

---

* Эта фамилия составлена из трех элементов: far «далеко», man «человек», -son — суффикс собственных имен (восходит к son «сын»).— *Прим. перев.*

продолжают выходить в таком же, если не в еще большем, масштабе. Об огромной важности новой отрасли науки свидетельствует тот факт, что ее сочли подходящей темой для работ, за которые присуждаются ученые степени, и что эта дисциплина вошла в экзаменационные программы Кембриджского и Оксфордского университетов.

В апреле 1956 г. французский национальный научно-исследовательский центр под руководством профессоров Шантрена и Лежена организовал первый Международный коллоквиум по микенским текстам. Девять французских ученых и одиннадцать ученых из других стран собрались на неделю в парижском предместье Жиф, чтобы обсудить уже проделанную работу и наметить планы будущих исследований. Их доклады и сообщения были изданы в томе, озаглавленном «Études Mycéniennes». И надо сказать, что самой большой удачей при этом была та дружеская атмосфера, которая царила во время коллоквиума и которая помогала нам преодолеть все наши разногласия и все противоречия.

На этой встрече главной фигурой, конечно, был Вентрис; его беглая французская речь произвела огромное впечатление, но он с одинаковой легкостью разговаривал со швейцарцами на швейцарском диалекте немецкого языка и с греческой делегацией по-гречески.

Через пять месяцев его не стало; но живет работа, которую он сделал, и имя его будут помнить до тех пор, пока будут изучать язык и цивилизацию древней Греции.

Глава VII

ЖИЗНЬ В МИКЕНСКОЙ ГРЕЦИИ

Взгляд, который нам удалось бросить на бухгалтерские книги давно забытого народа, сразу пробудил в нас надежду, что с их помощью мы сможем теперь заглянуть и в его жизнь.

К сожалению, непроницаемая завеса отделяет разрозненные и фрагментарные таблички от более полных записей исторического периода; в течение «темных веков», которые наступили вслед за крушением микенской цивилизации, воспоминания о прежнем образе жизни постепенно стирались или перерабатывались и искажались в сознании народа.

Поэтому не наша вина, если картина жизни Микен, которую мы попытаемся нарисовать, будет неполной, неточной и во многих отношениях предположительной. Будем надеяться, что дальнейшие исследования и открытия во многом прояснят для нас детали; однако мы можем быть уверены, что по крайней мере очертания этой эпохи нам уже ясны. И все равно я считаю себя обязанным предупредить читателя об опасности, ожидающей человека, выходящего слишком далеко за рамки голых фактов и попадающего в паутину легковесных, далеко идущих, но малодоказательных гипотез.

Но один из фактов действительно важен и действительно ведет к далеко идущим, следующим из него заключениям: жители Микен были греками. Когда Шлиман раскопал в Микенах первый круг могил, у него не возникло сомнений, что он открыл под землей династию греческих царей,и в своей знаменитой телеграмме королю Греции он заявил, что видел лицо одного из предшественников короля. Но более академичные судьи не были столь поспешны в своих выводах, и были годы, когда преждевременный расцвет доисторических Микен объяснялся теорией иностранного господства. Казалось бы, тот факт, что язык их документов был греческим, должен был положить конец спорам по этому поводу; но было потрачено много усилий и изобретательности, чтобы обойти мнимые трудности, связанные с этим доказательством: язык документов не всегда является родным языком тех, кто эти документы пишет — индийским бизнесменам, возможно, удобнее писать свои бумаги на английском, английский король в средние века заставлял свою канцелярию вести дела на латыни. Во всех этих и подобных им случаях, о которых мне известно, соответст-

вующий язык был господствующим литературным языком, а язык, место которого он занимал, был местным, с ограниченной сферой распространения и часто не обладал должным образом разработанной системой письма. Если греческий язык принимался за границей в качестве письменного языка, как это было в Египте в эпоху эллинизма, то только потому, что греческий уже был господствующим литературным языком, но для Микен такое заключение при имеющихся доказательствах звучит абсурдно.

Выдвигались такие альтернативные теории: или сохранившиеся таблички были написаны по-гречески и греческими писцами, но по воле негреческого правителя; или они были написаны негреческими писцами, но по-гречески для греческих правителей. Эти теории легко опровергаются тем, что в табличках встречается огромное количество явно греческих имен, которые были распространены не среди отдельных социальных групп, а во всех классах общества. Например, одного из высокопоставленных граждан Пилоса звали E-ke-ra$_2$-wo; оказывается, это хорошо известное греческое имя Ekhelawon; а на другом конце социальной лестницы кузнец носит забавное имя Ma-na-si-we-ko(= Mnasiwergos), что значит «заботящийся о своей работе», а пастух — обычное имя Philaios.

Многие имена, конечно, гораздо труднее поддаются интерпретации на греческой основе, а некоторые, безусловно, являются негреческими; но наличие элементов негреческого происхождения не противоречит тому факту, что микенское общество состояло в основном из греков, и мы можем быть уверены, что микенцы были греками или преимущественно греками. Семисот лет, которые прошли между приходом греков в Пилос и появлением пилосских табличек, было достаточно, чтобы доэллинские жители были ассимилированы.

Факт присутствия греков в Кноссе до сих пор смущает ученых. Профессор Уэйс и некоторые другие археологи доказали существование тесных связей между Кноссом и материком в период, предшествовавший падению Кносского дворца, и даже предполагали, что материковая культура греков повлияла на культуру Крита, а не наоборот. Дело в том, что ограниченность археологических методов не дает возможности определить, на каком языке говорил данный народ. Останки людей позволяют произвести антропологическую классификацию, но ведь люди, относящиеся к одному и тому же физическому типу, не всегда говорят на одном и том же языке. Главное орудие археологов — изучение «культур», различающихся по своим типам. Именно это дает нам возможность быть уверенными в том, что около 1900 г. до н. э. в Грецию ворвалась волна завоевателей, которые там и осели. Но вывод, что это были предки греков, основан лишь на знании того факта, что в этом районе не прекраща-

лась греческая речь; прийти же к такому выводу можно, лишь используя предпосылки неархеологические.

Итак, тщетно было бы надеяться, что археологи более или менее точно определят время, когда влияние материка впервые сказалось в Кноссе. Когда полуцивилизованный народ покоряет цивилизованный, он старается перенять и усвоить из этой цивилизации как можно больше, поэтому сам факт завоевания может ускользнуть от археологов, особенно если завоевание не сопровождалось большими разрушениями. Все же имеется одно свидетельство (которое нельзя назвать археологическим в строгом смысле слова), доказывающее, что греческое господство на Крите — явление довольно позднее: употребление линейного письма А, видимо, вплоть до начала XV века, показывает,что в то время греческий язык еще не заменил минойского в делопроизводстве, если только язык линейного А сам не был греческим — предположение, которое допускается лишь самыми ярыми энтузиастами.

Мы знаем не только то, что микенцы были греками, но также и то, на каком диалекте греческого языка они говорили. Они не были ни дорийцами, ни, по-видимому, эолийцами; заманчиво было бы, следуя широко распространенной традиции, называть их ахейцами — именем, которое Гомер чаще всего использовал, когда говорил о греках вообще. Название *эллины* появилось лишь после Гомера, а название *греки*, конечно, взято лишь из латыни — так римляне называли народ Греции. Какое название было в ходу у микенцев — если у них вообще было какое-либо самоназвание,— до сих пор остается загадкой. Но мы по крайней мере знаем, что лингвистически ближайшими родственниками этого народа в классический период были жители Аркадии и Кипра; далее шли ионийцы [1].

Что погубило микенскую цивилизацию? Этот вопрос занимает специалистов уже три четверти века. Дешифровка не приближает нас к решению этой проблемы. Есть основание полагать, что последним звеном в цепи событий, погубивших Микены, было вторжение дорийских греков, отсталого народа, пришедшего с северо-запада; но у нас нет доказательств, что это событие было главной причиной гибели Микен. Предполагая, что Пилос ожидал вторжения, последовавшего вскоре после того, как были написаны найденные таблички, мы можем увидеть в них предвидение предстоящего события. Конечно, очень заманчивой была бы возможность трактовки ряда табличек, которые рассказывают о передвижении войск, как текстов, отражающих подготовку к неизбежному нападению. Лично я верю в это, но, поскольку у нас нет параллельных документов, описывающих обычное состояние армии в мирное время, мы не можем быть уверенными, что это не описание обычного расположения войск.

Во всяком случае, если принять наше предположение, то представшая перед нами картина будет обладать рядом вполне убедительных деталей.

В некоторых пилосских табличках речь идет о военных и морских делах. В одной маленькой табличке говорится, что тридцать гребцов, набранных из приморских деревень, должны отправиться в Плеврон. Возможно, в те времена различие между торговыми и военными судами было очень невелико, так как морской бой — изобретение более позднее. Итак, мы не можем полностью отбросить гипотезу о мирном морском путешествии; но опасность, которая уже грозила этому району, говорит о том, что вряд ли это плавание было предпринято с целью торговли. Почему они плыли в Плеврон? Если это тот же Плеврон, который упоминается у Гомера, то он находится в Этолии, на севере Коринфского залива. Это, конечно, был микенский город, и мы можем надеяться, что на этот раз нам удалось правильно определить географическое положение. Но, к сожалению, в Греции, как и во всех других странах, топонимы дублировались; сколько городов называются *Новгород* или *Ростов*? Так что когда нам попадается название места Ko-ri-to, мы можем быть уверены, что так записано название *Коринф* (Korinthos), но наши знания о Пилосском царстве убеждают нас в том, что это не знаменитый город на перешейке Истм, а всего лишь небольшая деревушка с тем же названием. То же самое может оказаться справедливым и в отношении Плеврона; хотя нет ничего невероятного в том, что Пилос послал корабль в Этолию, если оттуда ожидалось нападение. Несмотря на предлагавшиеся остроумные решения, мы все еще не можем точно определить географические границы царства, находившегося под контролем Пилоса.

Две другие таблички содержат списки гребцов, в одном из них общее число гребцов значительно превышает 400 (некоторые цифры утрачены), в другом перечисляются «отсутствующие гребцы». И опять мы чувствуем искушение задаться вопросом: отсутствовали ли они по делам службы или без разрешения? Было ли это дезертирством из флота перед наступающей опасностью? Пока возможны менее драматические объяснения, лучше не привлекать для наших построений эти, лишь наполовину ясные фразы.

Более значительна группа табличек, в которых речь идет о так называемых o-ka. Несмотря на интенсивное изучение, мы до сих пор не можем прийти к единому мнению относительно деталей и особенно относительно того, что же такое o-ka [2]: может быть, это было военное подразделение, возможно отряд, хотя некоторые связывают этот термин со словом, означающим «торговое судно»; однако все сходятся на том, что контекст, окружающий это слово,— военный. Первая фраза его звучит так: «Итак,

наблюдатели охраняют прибрежные районы». По-видимому, цель этого распоряжения — создать войска береговой охраны, и отсюда можно сделать вывод, что греки опасались высадки врагов с моря. Далее, перечислено десять «отрядов» и указано имя командира каждого из них; иногда указывается место размещения отряда, но не всегда; затем следует другой список имен, вероятно, командного состава более низкого ранга; далее перечисляются силы, находящиеся в их подчинении, часто очень небольшие по численности и никогда не превышающие 110 человек. Число цифр в любых подразделениях всегда кратно десяти — это дает нам возможность представить себе строение армии. Каждый абзац заканчивается записью: «и с ними «спутник» такой-то». «Спутники» (e-qe-ta = heq^{u}etai) [3] — это важные лица, вероятно, соратники царя и, возможно, члены его дома, как немецкие графы при феодальных правителях. Но почему при каждом подразделении был царский офицер, который не командовал, а лишь находился при войске? Я предполагаю, что он и ему подобные выполняли функции офицеров связи. Должны же были войска береговой охраны, растянувшиеся по всему побережью, иметь возможность быстро связаться с руководством армии. Для поднятия тревоги, возможно, применяли сигнальный огонь; но нужен был и связной, а у «спутников», как нам известно, были колесницы — самое быстрое в то время средство передвижения. Поэтому я думаю, что в задачи «спутников» входило с помощью своей колесницы поддерживать связь между войсковым подразделением и штабом. Если это предположение правильно, то мы сталкиваемся здесь с организацией пограничной охраны, подчиненной пилосскому царю; ему нужно было обеспечить охрану длинной береговой линии, но он не мог противостоять высадке неприятеля одновременно во всех пунктах побережья. И если он быстро получал известие о нападении, то мог успеть собрать армию, чтобы встретить захватчиков. Такая мера была, конечно, необходима, поскольку пилосский дворец, в противоположность микенскому, не был защищен крепкими стенами, за которыми можно было укрыться от неприятеля. Однако, когда началась война, все эти приготовления оказались напрасными. Наконечники стрел и остатки человеческих костей, которые были найдены за пределами дворца, говорят о том, что дворец защищали, и все же он был сожжен дотла, чтобы уже никогда не возродиться вновь.

Разрушение дворца было внезапным; но именно огню мы обязаны тем, что до нас дошли глиняные таблички; вряд ли могло быть случайностью, что все три города, в которых мы до сих пор находили таблички, погибли при сильном пожаре. Однако мы ничего не знаем ни об обстоятельствах, при которых было совершено нападение, ни о судьбе жителей города.

Археологи считают, что разрушение Кносского дворца произошло примерно на два столетия раньше, но сходство между записями на табличках, найденных в двух дворцах, настолько велико, что многим приходит в голову мысль, не является ли указанное различие во времени иллюзорным. Археологи производят датировку, главным образом, на основе косвенных методов. Раскопки, проведенные с осторожностью, часто обнаруживают отложения нескольких последовательных периодов, аккуратно лежащие пластами один над другим, как в огромном слоеном пироге. Чем ближе к верхушке пирога находится слой, тем более поздним временем он датируется. Исследование найденных предметов, особенно глиняной посуды, дает специалистам возможность определить и различить стили, характерные для каждого отдельного слоя, или периода, а глубина слоев помогает, хотя бы грубо, определить продолжительность периода. Все данные, полученные таким способом, носят относительный характер. Абсолютную хронологию можно установить только в том случае, если соотнести слои с известными уже историческими событиями; можно надеяться, что нам серьезно поможет новая техника датировки при помощи углерода-14, однако этот метод пока еще не дает достаточно точных результатов. Датировать события доисторического периода можно, лишь синхронизируя их с событиями других цивилизаций, имеющих письменную историю; по отношению к доисторической Греции такой цивилизацией является главным образом египетская. В Кноссе были найдены предметы из Египта, которые можно датировать, и с помощью этих и других подобных находок удалось установить время разрушения Кносского дворца — примерно 1400 г. до н.э. Однако относительно точной даты остаются значительные сомнения, и желательно было бы получить некоторые дополнительные подтверждения; неясно, во всяком случае, как можно заполнить лакуну в 200 лет [4].

Важную роль при дешифровке сыграли некоторые критские топонимы. Десяток или полтора из них отождествляются теперь с известными названиями местностей классической эпохи, а неудачу в определении остальных, очевидно, нужно приписать нашему недостающему знанию древней географии острова. Гомер упоминает, что на Крите было расположено девяносто или сто городов; из классической эпохи до нас дошло гораздо меньше их названий. Но те из них, которые, как нам кажется, мы можем соотнести с названиями, записанными в табличках, покрывают фактически всю территорию острова, а это ведет к предположению, что весь Крит был подчинен Кноссу; с другой стороны, в табличках не встречаются названия местностей, расположенных вне острова; это как будто говорит о том, что Кносс не был центром морской державы, как полагал Фукидид; эта

легенда, если она соответствует действительности, должна относиться к другой эпохе.

Мы не можем восстановить картину организации кносской армии и флота, но у нас есть некоторые сведения об оружии, позволяющие нам сделать кое-какие выводы и об армии. Характерным военным экипажем того времени была легкая двухместная колесница, запряженная двумя лошадьми. Если судить по сценам, отображенным в произведениях искусства, такие колесницы применялись как в мирное время, так и в военных целях.

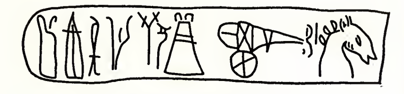


Рис. 14. Табличка с колесницей (Кносс) (Sc 230).

Знаменитая тиринфская фреска изображает двух женщин, едущих в колеснице, очевидно, на охоту. Таким образом следует проявить осторожность и воздержаться от того вывода, что все колесницы, перечисленные в табличках, были военными. Например, описанные в кносских табличках каркасы колесниц с инкрустацией из слоновой кости и богатым снаряжением использовались, возможно, для торжественных церемоний в мирное время, хотя члены царской фамилии могли и воевать на таких колесницах. Колеса учитывались отдельно; несомненно, это делалось потому, что они снимались, когда колесницами не пользовались. Нам это может показаться странным, но Гомер знал, что, если вы берете колесницу для поездки, первым делом вам нужно надеть колеса:

«Геба с боков колесницы набросила гнутые круги
Медных колес осьмиспичных, на оси железной ходящих...»

(«Илиада», перевод Н. Гнедича).

Кое-что здесь расходится с описанием деталей микенских колесниц, но мы должны учесть, что Гомер описывает повозки богов. Так, в колесах микенских колесниц всегда было по четыре спицы, и хотя в одной из кносских табличек описывается пара «бронзовых» колес, сомнительно, чтобы все колеса целиком были сделаны из бронзы. Обычно, судя по записям на табличках, колеса делались из ивы или вяза; перечисляются также три пары колес из кипариса. Часто на колесо надевались своего рода шины; некоторые из них были бронзовые, один раз упоминается

пара, скрепленная серебром. В одной кносской табличке перечисляется 462 пары колес.

Ряд кносских табличек, без сомнения, представляет собой список «танковой бригады» — латников на колесницах. В каждой табличке перечисляются мужское имя, колесница с колесами, панцирь и пара лошадей (рис. 14). В редких случаях упоминается только одна лошадь, что могло означать, что эти колесницы были «в запасе». Общее число их подсчитать нелегко, потому что многие таблички — это лишь фрагменты. Все же я насчитал восемьдесят две идеограммы колесниц, и это составляет минимальное их число. Очевидно, мы не впали бы в большое заблуждение, считая, что численность отряда, состоящего из колесниц,

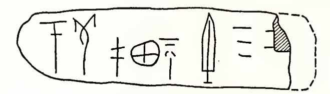


Рис. 15. Табличка с мечом (Кносс) (Ra 1540).

значительно превышала сотню. Колесницей управлял возница (такой возница упоминается особо в одной из кносских табличек; обычно же воинские списки дают только одно мужское имя для каждой колесницы, вероятно, имя воина); таким образом, второй человек в колеснице не был занят и мог свободно применять оружие. У Гомера колесницы используются почти исключительно как повозки, привозящие воинов на место битвы и увозящие их с поля боя; но, возможно, это объясняется, по крайней мере частично, тем, что колесницы как средство передвижения вышли из употребления задолго до Гомера, и он уже не мог помнить об их истинном назначении. Концентрированный отряд из ста колесниц, галопом атакующих неприятеля, должен был представлять ужасающее зрелище. Воспоминание о такой тактике, видимо, сохранилось и у Гомера: в одном месте Нестор советует использовать такое построение, полагая, что о нем уже забыли. Но массовое наступление колесниц можно было развернуть лишь на открытой местности. Во многих же районах Греции возможности применения описанной тактики были ограничены, и поэтому колесницы чаще использовались как «моторизованная пехота», чем как «танковые войска».

К сожалению, в Пилосе списки колесниц еще не найдены. Может быть, их, как и в Кноссе, хранили в специальном помещении, отдельно от главного архива, но они должны были сущест-

вовать, потому что имеется множество записей о колесах. И в этом случае, как и во всех остальных, записи пилосских писцов более подробны, чем на кносских табличках: колеса тщательно подразделяются на пригодные к употреблению и непригодные, а некоторые снабжены и другими эпитетами, например «старые». Несколько удивляет тот факт, что при описании колес говорится об их принадлежности «спутникам». Из этого мы можем сделать вывод, что «спутники», в действительности, являлись колесничими или по крайней мере составляли важную часть войска. И действительно, сходство этого термина (e-qe-ta «спутник») с названием лошади (ср. лат. equus) заставило некоторых ученых (С. Я. Лурье) сравнивать это слово с гомеровским словом hippota, значащим «всадник». Соблазнительная сама по себе, эта идея все же должна быть отвергнута в свете всех наших знаний о микенской грамматике. Слово «лошадь» всегда встречается в форме i-qo, а не e-qo, и во всех родственных словах выступает i, как и в классическом греческом hippos. Отсюда же произведено и название колесницы: i-qi-ja = hiqq^{w}ia «лошадиная (повозка)». Общее число годных к употреблению колес составляет, видимо, восемьдесят четыре пары; но мы не знаем, сколько при каждой колеснице было запасных колес. Если дороги в районе Пилоса были похожи на современные, то колеса не могли долго служить.

Бесконечные споры велись вокруг доспехов, которые носили герои Гомера. Предпринимались не всегда успешные попытки «увязать» гомеровское описание и свидетельства археологических находок; мы должны признать, что и здесь, как и в других частях поэм Гомера, наблюдается анахронизм. При изучении табличек картина несколько проясняется, так как мы, к счастью, обладаем списками доспехов как из Кносса, так и из Пилоса, и описания, данные в них, в общем согласуются между собой. Шлем имеет простую коническую форму; о материале, из которого он изготовляется, ничего не сказано, но, по-видимому, это была кожа, так как к шлему прикреплялись четыре «пластинки» или «чешуи». Слово, которое переведено таким образом, не сопоставляется с каким-либо засвидетельствованным греческим словом, но примерный смысл его кажется ясным из контекста. В табличках не указывается ни размер пластинок, ни каким образом они размещались и крепились на шлеме, но, очевидно, имеет значение то, что число их всегда постоянно в записях обоих городов, хотя одна из кносских табличек упоминает только две пластины. Должно быть, к шлему прикреплялись также два нащечника. Тело прикрывали латы или панцирь; материал, из которого они были сделаны, и в этом случае не обозначен, но в одной табличке мы находим намек на полотно. К латам или панцирю были прикреплены тридцать или более «пластинок» (опять то же слово),

двадцать больших и десять маленьких, или — в некоторых случаях — двадцать две большие и двенадцать маленьких. Эти цифры взяты из пилосских записей, так как у кносских табличек соответствующие части отсутствуют.

Здесь я должен упомянуть еще об одном затруднении. В Пилосе латы назывались их обычным греческим названием — «thōrākes», а в кносских табличках это слово не встречается; вместо этого мы находим предмет, обозначавшийся qe-ro₂. Сначала мы думали, что слово это тоже означает «латы»; но неопубликованная табличка, на которую я обратил внимание в конце 1956 г., заставила меня изменить свое мнение. Есть табличка, в которой вместе с сосудами перечислены 16 таких предметов, и не только говорится, что они были сделаны из бронзы, а даже дается рисунок одного из них. Это четырехугольный предмет, изогнутый в верхней части, и при желании может быть принят за своего рода латы. Но новая табличка свидетельствовала о том, что в одном комплекте доспехов всегда были два qe-ro₂, другими словами, их всегда носили парами. Вообще, вполне возможно, что латы были сделаны из твердого металла и состояли из двух частей, но таких доспехов мы не встречаем в описаниях Гомера, и это, конечно, не то же самое, что thōrāx с тридцатью и более пластинками, записи о котором представлены на табличках из Пилоса. Более того, далее упоминаются доспехи, прикрывающие плечи, а затем еще пластинки, которые могут иметь отношение только к латам. Это убедило меня в том, что здесь важен порядок перечисления предметов, и если описание qe-ro₂ дается между описанием шлема и его частей и описанием наплечников, то это должны быть части доспехов, прикрывающие руки, что подтверждается также их парным употреблением. Только в этот момент я понял, что в греческом есть подходящее слово: pselion «нарукавник» имеет вариант spelion, вполне отвечающий микенскому написанию.

Воины в колесницах были вооружены копьями (древками с бронзовыми наконечниками: [e]-ke-a ka-ka-re-a = enkhea khalkārea). В Пилосе бронзу затребовали для изготовления «наконечников для копий и стрел». На табличках из Кносса можно видеть широкие, обоюдоострые мечи, хорошо известные благодаря археологическим находкам; они называются так же, как у Гомера — phasgana. Здесь мы сталкиваемся с небольшой трудностью: тип меча, изображенный на табличках, по археологическим источникам становится известным лишь в более поздний период. Пилосские таблички дают и классическое слово, означающее «меч» — xiphos, но, судя по изображению, этот предмет скорее мог быть узкой рапирой. Несколько раз в списках упоминаются стрелы, одна из табличек дает их сумму: один раз — 6010, другой — 2630 стрел. Кроме того, в Кноссе была найдена коробка с ярлыком, в которой хранились наконечники для стрел.

В описании микенских доспехов есть два странных пробела. Во-первых, нет упоминания о поножах (ножных латах), хотя «хорошо защищенный поножами» — это любимый эпитет Гомера, которым он наделяет ахейцев (в одном случае — «одетый в бронзовые поножи»). И археологи находили поножи, по крайней мере при раскопках на Кипре, в синхронных слоях. Во-вторых, и это еще более удивительно, совсем не упоминаются щиты. Это из ряда вон выходящее упущение в записях. Мы не должны терять надежды, что когда-нибудь этот пропуск будет пополнен, потому что у греков непременно должны были быть щиты, а восьмеркообразный щит раннемикенского периода был любимым мотивом в декоративном искусстве.

Кроме того, что уже было сказано, мы фактически ничего не знаем об организации армии. Но при обращении к политическому и социальному строю, из довольно густого тумана, мы можем извлечь несколько более или менее ясных деталей. Как Кносс, так и Пилос были монархиями, и здесь и там мы находим упоминание о «царе» (wanax) без каких-либо дальнейших уточнений. Это значит, что был только один правитель, хотя некоторое осложнение заключается в том, что тот же титул присваивался и богам. Вывод о том, что эти царства были монархиями, которые управлялись при помощи хорошо развитого бюрократического аппарата, можно сделать и из простого изучения сложных дворцовых сооружений, найденных на месте столиц. Этот факт оправдывает нас, когда мы вывод, полученный из кносских и пилосских табличек, распространяем также и на Микены, где найдено лишь несколько табличек, не содержащих никаких свидетельств о социальном строе.

В табличках названо также важное должностное лицо lawagetas «воевода», который, очевидно, являлся вторым лицом в государстве после царя. Вначале я пытался понять, не есть ли это титул законного наследника, но Палмер, указывая на этимологическое значение, предположил, что это скорее титул главнокомандующего. Точка зрения Палмера нашла большее число приверженцев, хотя она не обязательно должна исключать предыдущее предположение. Ясно только, что лишь два человека в стране — *царь* и *лавагет* — имели при своем дворе ремесленников; точно так же, как встречается «царский валяльщик», мы встречаем и «пастух лавагета». Лишь эти двое разделяли честь обладания *теменами* — название царского землевладения у Гомера, которое в позднем греческом приобретает религиозную окраску.

Та же самая табличка, из которой мы почерпнули эти сведения, перечисляет еще и два других класса землевладельцев, и здесь мы сталкиваемся со спорным вопросом. Представители первого из этих классов называются te-re-ta; возможно, это соответствует классическому греческому telestai, и есть все основания

полагать, что по крайней мере в некоторых местах они были крупными землевладельцами. Палмер рисует картину микенского общества в виде феодальной монархии, где telestai примерно соответствует барону. С первого взгляда, приводимая им германская параллель кажется привлекательной и полезной. Но когда он идет дальше и утверждает, что греки заимствовали свою феодальную систему у своих индоевропейских предков и таким образом это была та же система, что у германцев или индийцев, согласиться с ним уже гораздо труднее. Эта теория должна предполагать, что через 500 лет после обоснования в Греции и длительного контакта с другими цивилизациями, особенно минойской, греки все еще должны были сохранять свои социальные институты фактически неизменными. Мы бы с большей готовностью поверили Палмеру, если бы во всех этих случаях названия титулов были лингвистически родственны друг другу; в действительности же мы имеем перед собой множество совершенно различных слов. Даже слово со значением «царь» сохраняет индоевропейский корень только в латинском (rex), в кельтских (в галльском имени собственном Dumno-rix) и в индоиранских языках (ср. др.-инд. rājā «раджа, царь»); все же остальные языки имеют разные другие корни. При обращении к более низким титулам Палмер вынужден сравнивать слова лишь на основе их *семантического* параллелизма: например, по Палмеру, telestas значит «человек, несущий бремя», точно так же как германское baron связано с глаголом *bher- «нести».

Лично я отстаивал мнение, что материал позволяет интерпретировать telestas как титул особы духовного звания, и преимущество такой интерпретации в том, что она согласуется с классическим греческим употреблением этого слова. Однако самое деление на светские и духовные титулы в этом контексте может увести нас в сторону от истины; для примера можно взять хотя бы Тибет (по крайней мере тот Тибет, каким он был до недавнего прошлого), чтобы понять, что разграничить светскую и духовную власть иногда бывает крайне трудно [5].

Положение «спутников» ($heq^{u}etai$) уже описывалось выше. У Гомера цари тоже имели сотоварищей, но они носили совсем иное название (hetairoi); точно так же и у германских королей были «графы» (лат. comites). «Спутники» носили форму (о чем свидетельствует выделение им особых тканей), на их колесницы надевались особые колеса, и, возможно, они сообща владели рабами.

Вопрос о землевладении в целом все еще вызывает горячие споры и обсуждения. Несмотря на обилие документов, найденных в Пилосе, точное значение постоянно повторяемых формул остается неясным; к тому же почти во всех табличках, имеющих отношение к данной теме, речь идет об одной и той же

деревне, которая могла быть и нетипичной. Возможно, это было необычное поселение, так как все землевладельцы этой деревни обладали духовными званиями.

На основе фактов, которыми мы располагаем, можно разработать схему землевладения даже с некоторыми подробностями, однако это — лишь голые факты, а об отношениях, которые лежат в их основе, можно лишь догадываться. Вся земля разделялась на два типа владений: ke-ke-me-na — владения *общины* dāmos, и ki-ti-me-na = ktimenā — владения отдельных лиц, очевидно, telestai (и этимологически это слово значит что-то вроде «освоенный», следовательно, возможно, «частный»). Крупные землевладельцы сдавали часть своей земли ktimenā «арендаторам»; но не нужно думать, что это слово предполагает действительную аренду и арендную плату; мы все еще далеки от понимания того, что экономисты называют денежным обращением *.

Второй ряд пилосских табличек характеризует быт другой деревни, где каждый год собирались подати в пользу Посейдона либо каких-то других существ. Тут, как и во всех других документах, возникает путаница, связанная с тем, что мерой земельных участков было количество семян, очевидно, такое количество, которое, в соответствии с установленной нормой, было необходимо для посева. С подобным же способом измерения мы сталкиваемся в Вавилонии. И хотя площадь земли и количество зерна находятся в определенной пропорциональной зависимости, иногда кажется, что по крайней мере в некоторых документах речь идет скорее именно о зерне и семенах, а не о земле.

Есть еще ряд более мелких титулов, значение которых трудно определить; но их объединяет то, что они не встречаются в столице и таким образом представляют собой в некотором роде провинциальную знать. Видимо, в каждой деревне Пилоса был местный чиновник, называемый ko-re-te, очевидно, что-то вроде старосты; при нем был также помощник. Наиболее интересный титул — basileus, который в позднегреческом стал обычным словом, обозначающим царя. У Гомера еще можно видеть,что этим словом обозначается иногда лицо гораздо менее высокого ранга, во времена же микенского царства это был лишь титул местного правителя, стоявшего много ниже главного монарха — *ванака* (wanax). Как уже было сказано, не всегда содержание слов со временем беднеет; иногда они, как в данном случае, «поднимаются по социальной лестнице»; возможно, это про-

---

* Можно сравнить практику землевладения в синхронной Ассирии. Здесь доля землевладельца могла называться zittu «выдел (из земли семейной общины)» или ši'āmātu «благоприобретенное»; распоряжение последним видом земли было более свободным.— *Прим. ред.*

изошло потому, что в «темные века» крупные монархии исчезли, а остались лишь мелкие владения.

Интересно, что некоторые местные правители имели при себе «совет старейшин», как если бы царская власть уже была ограничена олигархическими институтами; но больше нам ничего не известно об этой стороне общественной жизни, а делать более или менее достоверные выводы из простого существования слова, обозначающего какое-либо понятие, невозможно.

На низшей ступени социальной лестницы мы находим рабов. Нам неизвестно, в какой степени в обществе использовался рабский труд и обладали ли рабы какими-нибудь правами; подробный список из Пилоса насчитывает свыше шестисот женщин и примерно столько же детей. Различные определения, находимые в списке, свидетельствуют о том, что это были рабы: о некоторых особо говорится, что они пленники, многие приписаны к «низким», «рабским» работам (помол зерна, доставка воды, прядение и т. д.). Не все рабы жили при дворце, многие размещались в других местах, возможно, при загородных резиденциях царской семьи (это можно предполагать потому, что снабжались они из дворца). Но еще более интересными, чем указания на их занятия, являются упоминания об их происхождении. Ясно, например, что такие три названия, как Лемнос, Книд и Милет — это географические названия, относящиеся к восточной части Эгейского моря. Последнее из этих названий подводит нас к хеттским надписям, ибо мы знаем, что под властью царя страны Аххиявы, который, возможно, был греком, находился город на азиатском побережье, название которого было сходно с названием Милета. Перечисленные местности могли быть микенскими колониями или отдаленными владениями, которые вели торговлю рабами. Или же можно предположить, что рабы были захвачены в результате пиратских набегов на враждебное побережье и что пилосские корабли, следовательно, достигали противоположного берега Эгейского моря.

Многие таблички перечисляют мужчин и женщин по роду их занятий; эти описания позволяют нам сформировать некоторые представления о сложности городской жизни и разделении труда. Прядение и ткачество — это женские занятия; чесальщицы, прядильщицы и ткачихи имеют особые названия, так же, как и теребильщицы льна и шерсти. Шитье, однако, могло, по-видимому, выполняться как женщинами, так и мужчинами: мы находим название как для швеи, так и для портного. Чистка платья входила в обязанности валяльщика; царь имел своего личного валяльщика.

О разнообразии производства можно судить по таким названиям профессий: плотники и каменщики — это строительные специальности, существование которых мы могли бы предвидеть; корабли строит специальная группа судостроителей, а конопа-

чение, возможно, было особым видом работ. Оружие и другие металлические изделия ковались бронзовых дел мастерами; конечно, бронза была еще в то время основным металлом; железные предметы были очень редки и никогда не упоминаются в табличках. В одной кносской записи встречается упоминание о свинце. Драгоценный металл — это золото, оно обрабатывается золотых дел мастерами и идет на изготовление некоторых сосудов и для инкрустации мебели. Если мы обратимся к реальным находкам, то увидим, что мастера по золоту изготовляли также и ювелирные изделия; вкус и мастерство, с которыми выполнены известные нам микенские золотые изделия, оцениваются очень высоко. Серебро, которое довольно часто встречается при раскопках, в табличках упоминается лишь однажды; это заставляет нас подозревать, что иногда для обозначения его использовалось другое название. Существование особых мастеров по изготовлению луков — яркий пример широко распространенной специализации. О производстве предметов роскоши свидетельствует наличие специалистов по изготовлению разных мазей и ароматических масел, или, как мы назвали бы их,— парфюмеров. Ряд табличек дает нам возможность немного ознакомиться с их работой: им поставляли оливковое масло, которое и составляло основу производства, они варили его с пахучими веществами и получали ароматические масла и мази. Нам известны три вида таких масел: розовое, кипарисовое и шалфеевое. Несколько неожиданным может показаться назначение этих веществ: их отсылали в качестве даров храмам. Таблички не сообщают нам, пользовались ли ими также и микенские женщины, но многочисленные «парфюмерные» флаконы и бутылочки,находящиеся в женских могилах, говорят сами за себя. Одна из записей свидетельствует о том, что в Пилосе был врач; к сожалению, мы ничего не можем узнать о методах его работы или его положении, кроме того, что он, видимо, получал надел земли *.

О том, что в Микенском царстве были гончары, можно заключить по хорошо известным нам изделиям из глины; интересен факт, что один из гончаров жил при царском дворе и владел значительным участком земли. Однако глиняная посуда в табличках, по-видимому, не перечисляется, так как ее производили в таких больших количествах, что учесть ее было невозможно. В некоторых случаях прямо указано, что описываемая посуда сделана из бронзы или золота. Но три ванны, запись о которых найдена в Пилосе, по-видимому, были сделаны из глины; в 1955 г. Блеген нашел во дворце встроенную в пол ванну с приспособлением для губки.

---

* В ранней древности «профессионалы» получали обычно землю как плату за службу.— *Прим. ред.*

Нам повезло, что мы имеем ряд записей из Пилоса, красноречиво рассказывающих о мастерстве столяров. Ученые спорят о том, с какой целью был написан этот документ, но список перечисленных в нем предметов впечатляет:

3 кувшина
6 котлов-треножников
3 кувшина для вина (?)
6 сосудов di-pa
3 сосуда для варки пищи
1 разливательная ложка (?)
6 молотков (?)
1 щетка (?)
2 щипцов для угля
1 кочерга
11 столов
5 стульев
15 скамеечек для ног.

Кносс		Пилос	Микены	Описание
200		*pi-je-ra*$_3$	–	КАСТРЮЛЯ
201		*pi-a*$_2$*-ra* *ti-ri-po-de*	*ti-ri-po-di-ko*	ТРЕНОЖНИК
202	*di-pa*	*di-pa*		КУБОК?
203		*qe-to*	*qe-to*	СОСУД ДЛЯ ВИНА?
204		*qe-ra-na*		Б. КУВШИН
205		*a-te-we*		М. КУВШИН
206		*ka-ti*		КУВШИН С РУЧКАМИ
207	*ku-ru-su-pa*$_3$			АМФОРА НА 3-Х НОЖКАХ
208				ЧАША
209	*a-pi-po-re-we*	*]-re-we*	*a-po-re-we*	АМФОРА
210	*ka-ra-re-we*	*ka-ra-re-we*		СОСУД
211	*po-ti-[ ]-we*			СОСУД ДЛЯ ВОДЫ?
212	*u-do-ro*	*u-do-ro*		КУВШИН ДЛЯ ВОДЫ?
213	*i-po-no*			КОТЕЛ

Рис. 16. Микенские сосуды и их названия.

В табличке говорится, что по какому-то случаю был произведен осмотр этих предметов. Профессор Палмер высказал предположение, что этим случаем было погребение царя и что здесь представлен список вещей, составляющих убранство склепа; но число столов и стульев для такой цели представляется слишком большим; к тому же кажущийся нам удачным перевод некоторых спорных слов предполагает, что инвентаризация была про-

изведена в связи с назначением чиновника. И если этот чиновник действительно нес ответственность за складские помещения, где хранились ценные вещи, то в таком случае очевидна необходимость составления точных списков. В таком случае легче объяснить и запись о том, что один из треножников сломан. Именно к этой серии принадлежит табличка с треножниками, о которой речь шла в главе VI. Но самое интересное в этом списке — это предметы меблировки.

Столы и стулья не просто перечисляются; каждый предмет снабжен своим отдельным описанием, что позволяет легко выделить его среди остальных; у нас не остается ни малейшего сомнения, что это были превосходные образцы мастерства микенских мастеров. Столы делались из мрамора, инкрустированного горным хрусталем, «кианом», золотом и слоновой костью. Мы не знаем точно, что представлял собой «киан», возможно, это была голубая стекловидная масса, имитирующая драгоценные камни. Инкрустации эти изображали шлемы, узоры из перьев, морские раковины и спирали. Не менее искусно были сделаны и стулья. Вот описание одного из них:

«Один стул черного дерева с резной спинкой слоновой кости, украшенный двумя навершиями (?), человеческой фигурой и телками».

Как декоративные мотивы упоминаются также львы и птицы. Некоторые скамеечки для ног гармонируют со стульями, но и остальные богато разукрашены. Например, мы находим такое описание:

«Одна скамеечка для ног с человеком, и лошадью, и осьминогом, и грифоном, выполненными из слоновой кости».

Декоративные диски из слоновой кости с тонкой резьбой давно известны нам по микенским раскопкам: прекрасную коллекцию нашел в самих Микенах профессор Уэйс в 1952—1954 гг. Было высказано предположение, что эти диски вставлялись как украшения в деревянную мебель, которая, конечно, разрушалась в климатических условиях Греции. Сейчас считают, что некоторые изделия из слоновой кости, назначение которых раньше было непонятным, украшали скамеечки для ног, подобные описанным выше. Конечно, при изучении такого специального каталога, как этот, ряд проблем приходится оставлять нерешенным; но, несомненно, здесь мы имеем дело с указаниями на некоторые мотивы, которые давно считаются любимыми мотивами микенских художников.

Организация сельского хозяйства гораздо более проста: упоминания о пастухах овец, коз и коров показывают, каковы были основные сельскохозяйственные животные того времени. Обширный архив записей на Крите указывает на широкое распространение овцеводства, которое и теперь еще является там

важной отраслью хозяйства. Крупного рогатого скота там было гораздо меньше и использовался он, очевидно, главным образом как тягловая сила; иногда волов называют «рабочими». Увлекательно читать таблички с различными кличками волов: Пятнистый, Темный, Белоногий, Виноцветный, Белокурый и Ревун — так приблизительно можно их перевести; как известно, названия цветов в древних языках неточны.

Группа людей, называемых «яремщики», может представлять погонщиков, которые сопровождали упряжку быков.

Конечно, держали и свиней. До нас дошел список двадцати пяти свиней, которых откармливали в разных деревнях пилосского царства. Очень редко в табличках упоминаются олени: видимо, речь идет о тушах диких животных. Собак держали для охоты, если слово kynagetai (этимологически «водители псов») действительно значит «охотники». Лошади почти всегда описываются в связи с колесницами, в других же случаях — очень редко; один раз упоминаются ослы.

В табличках говорится о дровосеках, и, возможно, встречающееся там слово «жгущие огонь» означает не «истопники, кочегары», а «угольщики». Безусловно, во времена Микенского царства Греция была гораздо более лесиста, чем в наши дни. Уничтожение лесов относится к классическому периоду. Довольно странно, что несмотря на записи о пахотной земле, в табличках не идентифицировано ни одного термина, относящегося к обработке земли. Мы предположили, что причина этого в том, что каждая семья владела своим участком земли или держала его в аренде, и, следовательно, совместной обработки земли со специализацией на отдельных операциях не существовало; однако, делая такой отрицательный вывод, мы должны соблюдать осторожность и не забывать о том, что многие термины идентифицированы еще неудовлетворительно.

Основным пищевым продуктом было, несомненно, зерно; для двух видов зерна — очевидно, пшеницы и ячменя — при записи использовались идеограммы. Зерно отмеряли, выдавали и мололи женщины, но пекарями были мужчины. Такую еду, состоящую из хлеба и каши, можно было оживить пряностями. Наиболее частой из них был кориандр, но в одном списке из Микен встречаются также сельдерей, тмин, сыть, укроп, мята, полей (род мяты), сафлор (и цветы и семена) и кунжут. Среди подношений божествам фигурирует сыр, и, без сомнения, он часто употреблялся в пищу. Распространенным продуктом были фиги; для нас странно, что в рационе пилосских женщин-рабынь фиги содержались в таком же количестве, как и зерно. Потреблялись микенцами маслины и оливковое масло. Одна из идеограмм, возможно, означает вино; о том, что вино тогда было известно, можно судить по имени одного из быков, о которых речь шла выше.

Необоснованна попытка Эванса и других превратить минойцев в любителей пива; против этого свидетельствует отсутствие характерных сосудов для пива, какие употреблялись, например, филистимлянами. Мед несколько раз упоминается как приношение богам, и, несомненно, он служил основным лакомством.

Естественный вопрос, на который мы, однако, не находим столь же естественного ответа, состоит в следующем: откуда брались богатства этих царств? Такие товары, как слоновая кость и тмин, должно быть, ввозились из восточных стран; в Греции не было также меди и олова, необходимых для изготовления бронзы. Предметами экспорта могли быть, по-видимому, только продукты сельского хозяйства и, возможно, кустарные изделия, такие, как глиняная посуда, включая и предметы вторичного экспорта в виде изделий ремесленников. Реконструкция экономики — это очень сложная задача, зависящая от слишком большого количества неизвестных факторов, так что тут мы вынуждены оставаться в области гипотез. Возможно, мы должны принять во внимание скрытые источники богатства в виде военной добычи и пленников.

Но кое-что мы все же знаем о внутренней экономике этих царств. У них не было не только чеканки монет (она была изобретена лишь в VII в. до н. э.), у них не было, очевидно, вообще никакого постоянного мерила цен. Другие древние цивилизации Ближнего Востока уже оценивали товары в золоте и в серебре; однако ничего подобного до сих пор в микенских текстах не обнаружено, хотя были многочисленные попытки увидеть в некоторых текстах такой смысл. Но для того чтобы мог происходить товарообмен, нужно было как-то измерять ценность товаров: когда деревни, как мы теперь говорим, облагались налогом, они должны были производить определенное количество определенных товаров. С другой стороны, центр распределяет товары, снабжая ими эти же деревни, группы рабочих и отдельных лиц. Средства для подведения баланса в этих счетах, если позволительна такая метафора, неизвестны, но можно быть уверенным, что обе стороны брали на себя определенные обязательства. Нас удивляет отсутствие какого бы то ни было подобия платежей. Попробуем выбрать два ряда документов, типичных для этих операций. Во-первых, длинный ряд табличек из Кносса с записью об овцах. Для некоторых районов общее число овец доходит до нескольких тысяч, а в одной табличке упоминаются целых 19 тысяч. Отдельные записи — каждая на особой табличке — строятся по общему плану. Открывает табличку имя человека, очевидно, владельца или пастуха стада. Затем следует название района и имя другого человека, очевидно, дворцового чиновника или лица, ответственного за взимание налогов, и, наконец, число овец. Иногда это бывает просто запись типа «100 баранов», но

чаще общее количество разбито на категории, например: 28 баранов, 22 овцы, остается 50 баранов. Это значит, что установленная сумма была 100; первые две цифры — запись об уплаченном налоге, последняя — о том, сколько еще должно быть уплачено. Замечательно, что в этих случаях сумма, которая реально не выражена, почти всегда равна круглому числу, чаще всего это 100, но находим также и 50, 150, 200 или 300. Сундвалл, который впервые заметил эту черту, думал, что упоминаемые животные были быками, а не овцами и что это были гекатомбы (сотни) животных для жертвоприношений. В этом случае цифры, приводимые в документах, делали бы жителей Крита крайне набожными; мы должны удовольствоваться менее поэтичным объяснением. Баранами и овцами, видимо, платили подати... Странно еще вот что: число баранов значительно превосходит число овец не только при подсчете недостачи, которая обычно измерялась баранами, но и в отчетах о сданных животных. Это, видимо, объясняется тем, что владельцы стад выбирали для уплаты податей тех животных, которые были менее важны для воспроизведения потомства. Отсюда следует, что эти большие числа фиксировали лишь некоторую часть поголовья, которое измерялось на Крите многими сотнями тысяч животных,— цифра, отнюдь не малая. Мы только можем строить догадки о судьбе всех этих овец и баранов. Едва ли все они приносились в жертву и шли в пищу. Впрочем, можно, конечно, предположить, что в то время ели гораздо больше мяса, чем в классическую эпоху.

В некоторых табличках говорится не только об овцах, но и о шерсти.

Насколько значительна была роль религии в обыденной жизни, можно судить по большому числу сакральных предметов, обнаруженных при раскопках храмов и по многочисленным табличкам, связанным с жертвоприношениями. В прежних попытках дешифровки очень многие таблички трактовались как записи религиозного содержания, и мы вначале скептически относились к подобным интерпретациям. Но с того дня, как только я обнаружил имена трех олимпийских божеств в табличке из Кносса, они стали просто неизбежными, и сегодня мы уже находим в табличках имена большинства богов и богинь, почитавшихся и в классический период 〈...〉.

Но определение имени бога — не простое дело. С уверенностью о таких именах можно говорить лишь в том случае, если имеются соответствия в классическом языке.

Кроме того, есть большое количество слов, которые также могут быть именами богов. Предостережение против скороспелых выводов мы находим в тех табличках, где речь идет о жертвоприношениях, но не богам, а их земным представителям, например кносской жрице ветра.

Вот некоторые имена богов, общие для микенской и классической Греции: Зевс и Гера (уже в табличках упоминаются в паре), Посейдон, Гермес, Афина, Артемида. Paiawon — ранняя форма имени Paian (позднее отождествляется с Аполлоном); Enyalios — это имя позднее используется как эпитет Арея; отсутствие в табличках имени Афродиты,— возможно, простая случайность: если оно, действительно, кипрского происхождения, то, очевидно, его заимствование относится к микенской эпохе, ибо позднее Кипр был отрезан от остального греческого мира. На одном фрагменте, видимо, упоминается Дионис, культ которого считался поздним. Гомер рассказывает, что Одиссей прибыл «в Амнис, где была пещера Эйлейтии». И действительно, археологи обнаружили на побережье Крита, недалеко от Кносса, пещерный храм, функционировавший в минойскую эпоху и позднее. И вот, в одной табличке из Кносса говорится о приношении сосуда с медом Элевтии из Амниса! Вариант «Элевтия» — имени богини деторождения Эйлейтии — был известен и ранее.

Но вот мы от известного начинаем переходить к неизвестному. Кносские посвящения «всем богам» кажутся странными [6], ибо пантеизм характерен лишь для эллинистической эпохи. Культ ветров известен, но что это за культ, непонятно. И самое странное — эпитет богини, представляющий известное греческое слово potnia «Госпожа». Один раз это слово встречается перед именем богини Афины — подобно тому, как у Гомера это эпитет любой богини; однако, как правило, это слово употребляется автономно или в связи с обозначением местности. Посвящение «госпоже Лабиринта» на Кноссе очень впечатляет. Обычно считалось, что классическая греческая религия соединила в себе два различных верования — культ олимпийских, или небесных, богов (такое представление свойственно и другим индоевропейским народностям) и культ божеств земли, обитающих под землей и возглавляемых богиней плодородия, известной в классический период под именем Деметры. Сооружения минойской и микенской эпохи свидетельствуют о важной роли, которую играло в религии женское божество, поэтому я предложил отождествить с этим божеством «Госпожу». И все же нужно проявлять осторожность в попытках отождествления «Госпожи» с Деметрой классической эпохи. Иногда пытаются увидеть имя Деметры в одной из пилосских табличек, но в тексте говорится не о самой богине — возможно, ее имя использовано как фигуральное обозначение жнива, но возможны и другие объяснения. В пользу существования культа богини-матери говорит, однако, важное свидетельство, которое можно извлечь из одной таблички, найденной в Пилосе в 1955 г. В ней говорится о возлиянии жертвенного масла ma-te-re te-i-ja «божественной матери» — это название очень похоже на более пóзднее «мать богов».

Едва ли сегодня мы станем отрицать существование подобного культа в Пилосе в микенскую эпоху.

В табличках, по-видимому, упоминается большое число менее значительных божеств. У Зевса и Посейдона, вероятно, имелись их женские половины: Diwia и Poseidaeia. Божественные почести оказываются и Ифимедее, которая у Гомера предстает таинственным полубожеством. Загадочна фигура, имя которой можно интерпретировать как «трижды герой». Возможно, в кносских табличках упоминалась Эринния (фурия). Однако, выходя за рамки этих идентификаций, мы попадаем в область малообоснованных гипотез.

Боги в табличках выступают в одной-единственной функции— как объекты жертвоприношений. В жертву богам иногда приносятся животные, и мы можем предполагать существование определенного жертвенного ритуала. В одной из табличек Посейдон получает: одного быка, четырех баранов, несколько мер пшеницы, вина и меда, 20 сыров, некоторое количество умащения и две овечьи шкуры. Это напоминает приготовление к торжественному обеду, и действительно, на одном из раскрашенных саркофагов из критского поселения Айа-Триада мы находим интересное изображение подобной церемонии. Чаще всего в качестве жертвенного возлияния используется оливковое масло. Многие таблички из Кносса перечисляют меры оливкового масла, пожертвованного различным божествам. В Пилосе подобных табличек не находили, но в 1955 г. Блеген обнаружил в помещениях пилосского дворца хранилища оливкового масла. В этих хранилищах стояли вместительные сосуды, там же лежали таблички, в которых учитывалась выдача масла, как правило благовонного. Возлияния обычно совершались в честь «Госпожи», Посейдона и царя, причем, возможно, под царем подразумевался бог, скорее всего тот же Посейдон.

Как ни странно, в нашем списке микенских профессий нет писцов: очевидно, мы пока не в состоянии найти в табличках соответствующий термин, скрывающийся за одним из многих все еще не идентифицированных слов этой группы. Можно было думать, что интересующее нас обозначение родственно классическому греческому grapheus «писец» — ведь graphō «пишу» первоначально значило «выцарапываю», что вполне мыслимо как обозначение письма на глине. Но киприоты в классическую эпоху предпочитали другое слово — alinō, первоначально — «рисую красками». Вполне возможно, что в архаичном кипрском диалекте именно это слово было унаследовано от более древнего состояния языка, и мы можем ожидать слово от того же корня в микенском. Действительно, в одной из табличек упоминаются aloiphoi, но это скорее «маляры» или даже «смазчики», нежели «писцы».

Аккадские клинописные таблички часто хранят имя человека, писавшего их; ни одной такой подписи нет на микенских табличках. Возможно, составление надписей на табличках не было для микенцев предметом гордости (в Угарите же, например, составители таблиц называли себя «искусными писцами») *. Создавалось впечатление, что у микенцев не было необходимости подчеркивать ответственность лица за правильность сведений в табличках. Современное хитроумие восторжествовало над этим упущением древних. Беннетт показал, что разные писцы писали разными почерками. Каждый писец обладал присущей ему идиосинкразией, и для привычного глаза определить почерк было нетрудно.

Несколько табличек написано каллиграфическим почерком: многие исписаны небрежно; при использовании письма, содержащего такое множество знаков, создавались широкие возможности для их варьирования.

Таблички, найденные в одном из микенских зданий, были, очевидно, написаны шестью разными людьми; найденные до сих пор пилосские таблички написаны тридцатью или сорока разными людьми; то же можно сказать и о кносских табличках [7]. Эти цифры мало что могли бы сказать, если бы не было ясно, что большинство табличек, найденных в данном городе, относится примерно к одному и тому же времени.

К сожалению, микенские таблички не датированы. Лишь немногие таблички (обычно религиозного содержания) датированы тем или иным месяцем, но не годом. В кносских табличках встречается шесть названий месяцев, в пилосских — два; одно из кносских названий месяца находит аналогию в классическом аркадском.

Зато на табличках часто встречаются пометы: tōto wetos «этого года», hateron wetos «следующего года» и perysinwos «последнего года». Отсюда следует, что таблички были в ходу лишь в течение года. В начале каждого года таблички крошились, после чего изготовлялись новые. Такой круговорот свидетельствует, что писание табличек было отнюдь не редким занятием при царских дворцах.

Но много ли вообще людей могли читать и писать? Здесь прежде всего нужно отказаться от предположения, что микенские таблички были найдены в частных домах. К сожалению, я не могу согласиться с подобным мнением проф. Уэйса, раскопавшего здания, в которых были найдены таблички: хотя эти здания стоя-

---

* Автор не учитывает, что в клинописных памятниках большинства эпох имя писца упоминается лишь в особо важных случаях — в важном документе, религиозном тексте и т. п.— *Прим. ред.*

ли за пределами стен дворца, они, очевидно, были дворцовыми постройками. Уэйс называет их домами купцов, однако можно задаться вопросом, не была ли в это время вся торговля сосредоточена в руках дворцовых чиновников? Об этом же свидетельствуют и некоторые записи в табличках *. Не слишком ли легковесно утверждение, что в одном частном доме по крайней мере шесть слуг могли быть составителями хозяйственных документов?

Есть и негативное свидетельство, которое отнюдь не может быть сброшено со счета только потому, что до сих пор раскопано не слишком много поселений. Мы не знаем ни одного надгробия, ни одной надписи на камне линейным Б. Ни на одном здании нет имени архитектора. Есть лишь таблички и надписи на сосудах, и это позволяет считать, что в целом население микенской Греции было неграмотным. Это тем более примечательно, что на критском линейном письме А имеются надписи как на камне, так и на металле.

Разумеется, грамотность не была всеобщей; однако прежде чем заключить, что она была привилегией небольшого круга писцов, мы должны рассмотреть еще одно свидетельство: сосуды с надписями. Такие сосуды были найдены в четырех городах, кроме тех, в которых нашли таблички, причем, по крайней мере в Фивах, сосуды эти были местными, а не привозными. Таким образом, письменность существовала не только в тех городах, где имелись архивы. При этом ясно, что едва ли надпись будет наноситься на сосуд перед обжигом, если при этом не предполагается, что надпись кто-то прочтет. О назначении надписей мы могли бы говорить с большей уверенностью, если бы нам удалось дать им более четкую интерпретацию. Судя по всему, надписи на сосудах обычно представляют собой собственные имена (очевидно, изготовителей сосудов или их владельцев). Это не посвящения — едва ли микенцы считали, что их боги умеют читать. Это, очевидно, и не указания на содержимое сосудов. Резюмируя, можно сказать, что письменность была распространена довольно широко как инструмент администрации, но что за пределами бюрократических кругов она едва ли существовала — ни высшие, ни низшие члены общества читать не умели. Именно потому, что письмо было тесно связано с дворцовой администрацией, оно не могло пережить тех социальных потрясений, которые разрушили эти сильно централизованные государства [8].

Микенское письмо с его тонкими линиями и небольшими изгибами представляет резкий контраст по сравнению с современ-

---

* Вообще, вряд ли записи на микенских табличках относятся к торговле.— *Прим. ред.*

ным ему кипро-минойским письмом (см. выше). Это также говорит о том, что микенцы писали не только на глине; форма знаков свидетельствует о том, что первоначальным инструментом этого письма были перо и чернила. Следует учесть, что в это время в Египте уже использовался папирус. Из склеенных вместе полосок этого тростника изготовлялась годная к употреблению, хотя и довольно жесткая бумага. Для письма могли использовать также и кожи; Геродот сообщает нам, что на кожах писали «ионийцы». Глина же, очевидно, была подсобным материалом, используемым при грубой работе и под временные записи; таблички крошили, как только содержащаяся в них информация переносилась в более удобные «гроссбухи». Такое предположение кажется сегодня вполне вероятным: трудно представить современного администратора, у которого совсем не возникает необходимости заглядывать в списки прошлых лет. Однако микенские чиновники могли рассуждать и иначе: если уж все расчеты за год произведены, то какой смысл хранить документы?

Нам может сегодня казаться странным, что такое полезное изобретение, как письмо, использовалось в столь малоинтересных целях. Почему бы не заняться сочинением писем, рассказов или даже стихов? Неудобство письма может накладывать ограничение на сферу его распространения. Можно спросить себя, насколько записи, сделанные линейным письмом Б, были понятны человеку, незнакомому с условиями, в которых эти записи были сделаны. Это что-то вроде нашей стенографии: человек, сделавший запись, без особого труда расшифрует ее. Однако незнакомому человеку многое покажется непонятным, если он не знает хотя бы приблизительно, о чем идет речь. Так что в случаях, подобных нашему, едва ли можно предполагать существование книг и читающей публики. Мало надежды, что когда-нибудь лопата археолога наткнется на микенскую библиотеку. А письма? Ведь в эту эпоху на других языках писались письма, представлявшие собой, по крайней мере по форме, инструкции для вестников. В Угарите, например, письма обычно начинали так: «Царю, моему владыке, скажи...» или: «Так царь страны Бируту правителю страны Угарит, моему сыну, говорит...» Линейное Б вполне могло бы выступать в подобной мнемонической функции.

Во всяком случае, мы с Вентрисом с успехом переписывались на линейном Б, имитируя микенский диалект. Одно такое письмо я послал Вентрису, чтобы сообщить ему о завершении работы над рукописью нашей книги «Documents...» Вот это письмо в переводе с греческого: «Джон Майклу привет. Сегодня я передал книгу печатникам. До свиданья! Кембридж, июня 7». Вентрис заметил, что обычно на чтение табличек он тратил много больше усилий, чем он потратил на чтение этого письма.

В заключение остановимся коротко на очень трудной проблеме: какой свет микенские таблички проливают на поэмы Гомера? В настоящее время в науке существуют две точки зрения. Согласно первой, микенский элемент в гомеровских поэмах велик, согласно второй, он незначителен. Возможно, ближе всего к истине будет компромиссное мнение. Нельзя отрицать того, что многие черты гомеровского мира восходят к микенской эпохе. Возьмем известный пример: Гомер описывает странную войлочную шапку, к которой пришиты ряды пластинок, сделанных из кабаньих клыков. Объяснение этому нашли, лишь раскопав гробницу, в которой во множестве имелись осколки кабаньих клыков, и Уэйс показал, что если их надлежащим образом пришить к шапке, то получится как раз та вещь, которую описывает Гомер. Однако такие шапки едва ли носили в VIII в. до н. э. Их описание, очевидно, передавалось из поколения в поколение. То же, вероятно, можно сказать и о множестве других деталей. Взять, например, тот архаичный язык, которым пользовался Гомер: он, наверное, казался очень странным афинянам классической эпохи. Некоторые его элементы имеют явно микенское происхождение: так, падежное окончание -phi отсутствует в поздних диалектах, но широко распространено в микенском [9]. Все это может свидетельствовать в пользу сохранения большого числа микенских элементов в эпосе. Те, кто считает так, не сомневаются в реальности Троянской войны, и гомеровские поэмы для них — путеводитель по микенской Греции.

С другой стороны, если мы начнем сличать во всех деталях данные таблиц с тем, что нам известно из поэм, сразу же обнаружится значительное несходство. Функции царя в поэмах Гомера и в табличках одни и те же, но что случилось с царскими воеводами, с лавагетами? Возможно, этот термин не употребляется в эпических стихах потому, что он не соответствует стихотворному ритму, но ведь в поэмах нет и заменяющих его слов. То же и в отношении многих других вещей: пусть Гомер не интересовался вопросами землевладения, но ведь могло бы у него хоть раз встретиться слово, сплошь и рядом употреблявшееся в микенском для обозначения участка земли. Во многих пилосских табличках в определенном порядке упоминаются девять важнейших поселений. Сразу же было замечено, что это напоминает перечисление девяти городов пилосского царства у Гомера, но списки по названиям не совпадают: у Гомера в число городов входит Пилос, а в табличках его нет; из остальных городов лишь один упомянут в обоих источниках. Язык Гомера, несомненно, содержит микенские элементы, но очень многое в нем гораздо более позднего происхождения, причем все настолько перемешано, что героические попытки ученых отделить одно от другого не привели к согласованным результатам. Поэтому не следует ни

преувеличивать, ни преуменьшать роли микенского наследия в поэмах Гомера.

Чем бы ни кончился спор, несомненно, что благодаря дешифровке проблема Гомера предстала перед нами в совершенно новом свете. Получили лингвистическую интерпретацию немые памятники доисторической Греции, интерпретацию пока неполную и неотчетливую, однако свидетельствующую о том, что творцами этих памятников были греки. Древнée на семь столетий стали первые греческие тексты, благодаря чему стали более полными наши сведения об этом языке, история которого насчитывает теперь тридцать три столетия, уступая по продолжительности лишь истории китайского языка.

Глава VIII

ПЕРСПЕКТИВЫ

Линейное письмо Б дешифровано. Что делать теперь? Какую задачу оставил Майкл Вентрис нам — его друзьям и коллегам? Дел еще много, и мы очень надеемся, что, используя методы, которым он нас обучил, мы достигнем новых, хотя и не столь эффектных, успехов.

Дешифровка Вентриса позволила по-новому организовать штурм двух других неизвестных письменностей эгейского мира — линейного письма А и кипро-минойского письма, распространенного на Кипре в Бронзовом веке. Линейное А, очевидно, тесно связано с линейным Б, являясь, возможно, его непосредственным предком, поэтому представляется разумной рабочая гипотеза, в соответствии с которой знаки линейного письма А, идентичные или очень близкие знакам письма Б, имеют те же значения, что соответствующие знаки письма Б. Это — исходный пункт; однако, наделяя знаки письма А такими значениями, мы почти не получаем слов, известных из письма Б. Большая удача, когда язык оказывается родственным другому, уже известному языку; здесь этого нет, поэтому мы должны шаг за шагом идти по пути, по которому шли мисс Кобер и, вслед за ней, Вентрис: вначале нужно проанализировать тексты и выявить предположительные значения слов и их сочетаний, определить систему языка и составить, если это возможно, сетку, с тем, чтобы проверить идентификацию знаков, установленных путем сравнения с письмом Б. Первые шаги на этом пути уже сделаны: в настоящее время ученые разных стран занимаются этой проблемой; однако нужно признать, что дальнейшие исследования наталкиваются на препятствия, обусловленные скудостью материала. Некоторые найденные недавно таблички письма А еще не опубликованы; будем надеяться, что эти и другие находки увеличат объем материала настолько, что успешная дешифровка надписей станет возможной. Сегодня же исследователи пытаются иногда идти напролом, постулируя родство с тем или иным известным языком и интерпретируя надписи путем подгонки под удобные звуковые соответствия. Недавняя попытка американского семитолога С. Гордона отождествить слова надписей со словами аккадского языка Вавилона представляется преждевременной; вообще же родство с семитскими языками предполагают и другие исследователи, так

что не исключено, что разгадку следует искать в этом направлении. Впрочем, ряд ученых высказывает мысль об индоевропейском характере линейного А, в частности о его возможном родстве с хетто-лувийскими языками Анатолии.

Таблички кипро-минойского письма, о котором шла речь в главе II, также слишком малочисленны, чтобы быть предметом успешной дешифровки. Дополнительная трудность состоит здесь в том, что набор знаков известен пока не полностью, причем нет условий для четкого сравнительного анализа табличек, в которых использованы разные репертуары знаков. Это подобно сопоставлению разных почерков; зная алфавит и соответствующий язык, легко читать письма, написанные даже незнакомыми людьми; здесь же мы, не зная ни письма, ни языка, до сих пор топчемся на одном месте. Чтобы сдвинуться с места, понадобится еще много работы и еще много новых текстов. Сходство между линейным Б и кипро-минойским письмом гораздо менее значительно, чем сходство между линейным Б и линейным А; это особенно затрудняет идентификацию знаков письма. Правда, мы можем сравнивать кипро-минойское письмо с кипрским силлабарием классической эпохи, но здесь не всегда удается установить сходство, да к тому же оно может ввести в заблуждение. Нас, однако, не оставляет надежда, что со временем удастся найти много новых надписей — ведь, судя по всему, глина была обычным письменным материалом на Кипре, а главные кипрские архивы пока не обнаружены.

Линейное письмо Б таит в себе еще много загадок. Ряд знаков не получил еще четкой идентификации; возможно, дальнейшие исследования помогут прояснить дело, но едва ли можно будет многое сделать, если только не будут найдены новые таблички с этими редкими знаками. И все же прогресс возможен, как видно хотя бы из следующего блестящего примера. Было замечено, что слово wo-wo значило в ряде контекстов «два», хотя оно и не соответствовало греческому слову с тем же значением; один раз имя wi-du-wo-i-jo было записано как wi-wo-wo-i-jo. Профессор Э. Риш из Цюриха заметил, что в обоих случаях написание wo-wo было необычным: второй знак был перевернут, представляя как бы зеркальное отображение первого Риш заключил отсюда, что перед нами составной знак, передающий звукосочетание du-wo (вернее dwo), соответствующее греческому слову duō «два»; получил объяснение и странный вариант написания имени.

Не все известно и об идеограммах, хотя ряд соответствий установлен четко. Например, уже после того как было высказано предположение о том, что одна из идеограмм означает «масло», была найдена табличка, в которой эта идеограмма стояла перед словом, означающим «масло». Значения целого ряда менее упот-

ребительных идеограмм до сих пор неизвестны или сомнительны. Хотя отношения между различными мерами веса и объема определены с большой точностью, абсолютные значения этих единиц не выявлены. Вентрис сделал некоторые расчеты, на основе которых удалось очень приближенно определить эти единицы; эту работу необходимо проверить и продолжить. При этом важно учесть следующее: археологи обнаружили большое количество сосудов для хранения жидкости; их можно распределить по последовательным категориям соответственно их объему, примерно так же, как наши бутылки для молока, вмещающие 1/4 л, 1/2 л или 1 л. Конечно, трудно ожидать столь четкой закономерности сосудов, сделанных вручную, но ведь можно попытаться определить нужную единицу, вычислив средний объем всех сосудов данной категории.

Важнее всего для нас те тексты, которые мы в состоянии переводить. На первой стадии дешифровки мы были счастливы, когда находились осмысленные значения для отдельных слов. Но что гарантировало правильность этих идентификаций? Гарантия заключалась в тщательном предварительном исследовании не только отдельных табличек, но целых серий их, в результате чего начала вырисовываться та картина микенской экономики, о которой шла речь в предыдущей главе. Мы можем сравнить теперь микенские надписи с аналогичными документами, обнаруженными в ряде городов Ближнего Востока, ибо цивилизации существуют не изолированно, а в контакте с другими народами, традиции и обычаи которых могут служить предметом заимствования. Нет сомнения в том, что наша современная концепция во многом несовершенна, но есть все основания надеяться, что напряженный труд самых различных ученых позволит нам лучше представить себе ту реальность, частным порождением которой были таблички с их текстами.

Большие надежды связывали мы с находками новых надписей. Многие микенские города еще дожидаются того времени, когда они будут раскопаны. Интересный дворец был раскопан недавно в Иолке, в Фессалии; может быть, это был дворец Пелея, отца Ахилла; возможно, и здесь были в ходу таблички, хотя этот район находится на периферии микенского мира. К сожалению, над древним городом расположен новый, что делает невозможным завершение раскопок. Эти же причины препятствуют раскопкам в Фивах, многообещающем городе, в котором уже в процессе беглых раскопок были найдены сосуды с надписями. Фивы были одним из важнейших микенских городов ранней эпохи; около 1300 г. до н. э. они пришли в упадок, что согласуется с легендой о взятии их войсками Адраста из Аргоса.

Столицей микенского царя Менелая, мужа Елены, была Спарта, но дворец Менелая пока не найден, хотя место расположения

древней Спарты известно. Упоминание о Плевроне в табличках из Пилоса наводит на мысль, что исследование этого городища может принести успех, тем более, что локализация его известна. Правда, не во всех микенских поселениях находят таблички. Ничего не дали, например, раскопки двух знаменитых дворцов — микенского и тиринфского. Надежда обнаружить таблички велика там, где руины свидетельствуют о разрушительном пожаре — его огонь предохранял таблички от разрушения.

Труден и извилист путь человеческого познания. Вспомним, что европейская цивилизация основана на трех великих традициях — семитской, греческой и римской. В греческую традицию уходит своими корнями все европейское искусство в самом широком смысле этого слова: все то, чего достигли европейские художники, писатели и мыслители, несет на себе глубокую печать поразительных успехов небольшого античного народа. Наш долг перед греками — узнать как можно больше о начале их цивилизации, уходящей в глубь доистории.

Имя Майкла Вентриса вошло в число тех имен английских эллинофилов, которые почитаются всем научным миром. Для нас, кто имеет счастье продолжать его работу, источником вдохновения служит его простота, изящество, скромность и остроумие. Много теплых слов было сказано о нем после его смерти, но мне кажется, что проще всех и трогательней всех сказал профессор Дюмезиль: «Devant les siècles son œuvre est faite» *.

* «Перед лицом столетий труд его исполнен» (франц.).— *Прим. перев.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

(январь 1967 г.)

Работу над первым изданием книги я окончил в декабре 1957 г.; с тех пор было сделано несколько новых открытий. Они нисколько не уменьшили ценность дешифровки и выводов из этой дешифровки в том виде, как они изложены здесь, тем не менее мне представляется необходимым остановиться на некоторых деталях. Настоящий раздел заменяет послесловие, написанное в июле 1959 г. и опубликованное в предшествующем издании книги.

Ко времени первой публикации этой книги появилось несколько нападок на дешифровку; за ними последовали другие. На эти нападки должным образом ответили те ученые, которые были согласны с дешифровкой; благодаря возникшей дискуссии получили необходимое освещение некоторые неясные этапы дешифровки. Наши критики утверждали, например, что знакомство Вентриса с табличкой с «треножниками», в том виде, как оно изложено выше (стр. 185), не имело места и что он использовал текст таблички еще на начальном этапе дешифровки. Эту клевету без труда опроверг проф. Блеген, отметивший, что фрагменты таблички были обнаружены лишь тогда, когда Вентрис писал свою двадцатую «Рабочую заметку», да и то вначале они оставались «немыми», ибо до чистки на них нельзя было ничего разобрать. Поэтому, если бы даже Вентрис присутствовал при раскопках, он не смог бы воспользоваться текстом таблички. Тогда критики высказали ошеломляющее предположение: они решили, что Вентрис каким-то образом раздобыл другую табличку со сходным текстом; он якобы воспользовался ею, а потом уничтожил. Такого рода спекуляции лишь дискредитируют их авторов.

Вполне понятно, что те авторы, которые еще до дешифровки пришли к убеждению, что линейное письмо Б не могло использоваться для передачи греческого языка,. не были расположены признавать свои ошибки. Другие критики исходили из предвзятого мнения относительно характера письма. Один из них писал: «Совершенно невероятно предположение, что греки той эпохи пользовались своего рода стенографией, опуская концы слов и записывая только их основы. Если рассматривать греческое письмо с точки зрения современных алфавитных систем, может показаться довольно странным, что греки микенской эпохи довольст-

Джон Чэдунк

вовались столь неадекватной системой письма» [1].

Но мы не должны забывать — и доказательств тому становится все больше,— что микенские греки пользовались линейным письмом Б только при составлении описей, инвентарных списков и для простых коротких заметок; нет ни одного обычного прозаического текста, для фиксации которого требовалась бы система письма, способная адекватно отобразить элементы словоизменения. Письмо отвечало стоящей перед ним задаче: при помощи разработанной системы средств сохранять в памяти весьма разнообразные сведения. Поэтому нет смысла упрекать микенцев в том, что им не удалось изобрести систему письма, столь же эффективную, как у их восточных соседей *. На подобных предпосылках строит свою книгу проф. С. Левин [2]. Он начинает с того, что предлагает самую строгую, какую только можно себе представить, проверку достоверности дешифровки. Интересно, что почти половина идентификаций знаков выдерживает эту чрезвычайно строгую проверку, а оставшаяся часть не выдерживает ее лишь из-за отсутствия тех данных, которых требует для проверки Левин. Поэтому Левин заключает, что хотя большая часть написанного линейным Б действительно представляет греческий текст, однако в тех случаях, когда чтения не дают явно греческих слов, можно все же предположить, что перед исследователем иной язык. Подобные предположения высказывались и другими авторами, и мы изучали их весьма тщательно. В главе VI я подробно говорил о причинах, по которым мы не в состоянии были интерпретировать каждое слово; к таким причинам относятся: неполнота текстов, различия между формами и лексикой микенской эпохи, с одной стороны, и классической эпохи, с другой, наличие неподдающихся интерпретации собственных имен и т. п. Для поддержки своей гипотезы Левин ссылается на отдельные слова, записанные с ошибками, о чем сви-

[1] W. E i l e r s, «Forschungen und Fortschritte», 31, 1957, стр. 326—332.

* Тем более, что письменность, явившаяся первоначальным предком клинописи и тоже предназначенная только для учетных документов, была еще гораздо менее совершенным средством передачи речи.— *Прим. ред.*

[2] S. L e v i n, The Linear B decipherment controversy re-examined, Ohio, 1964.

детельствуют параллельные тексты. Тщательное изучение подобного материала позволяет выявить ошибки писцов, и мы должны быть готовы к тому, чтобы допустить существование таких ошибок. Однако проф. Левин не хочет признать их существование; и все-таки даже он готов принять часть результатов дешифровки.

В общем и целом критических выступлений оказалось очень немного, и греческий язык микенской эпохи рассматривается теперь учеными-грецистами в качестве важного объекта научных исследований. Факты микенского языка и отдельные тексты используются в справочниках как по греческому языку, так и по археологии. Во многих странах читаются курсы по микенологии и проводятся соответствующие экзамены; ведущие грецисты, в том числе и те, кто вначале не занимался микенскими текстами, теперь пользуются материалом микенских надписей.

* * *

Весьма интересны новые материалы, обнаруженные за истекшие девять лет: ведь само то обстоятельство, что мы в состоянии понимать вновь найденные тексты, является лучшим доказательством правильности дешифровки. Зимой 1957—1958 гг. греческие власти разработали план расширения улиц в Микенах, чтобы создать удобства для многочисленных туристских автобусов, курсирующих по городу. В непосредственной близости от сооружений, раскопанных проф. Уэйсом в 1952—1954 гг. (ср. выше, стр. 147, 226), бульдозер наткнулся на основание древнего здания. Греческая Археологическая служба под руководством д-ра Н. Верделиса немедленно предприняла спасательные работы, в результате которых были обнаружены новые фрагменты табличек. Они находились в здании, примыкающем к домам, раскопанным ранее Уэйсом. К счастью, проф. С. Маринатосу, тогдашнему директору Археологической службы, удалось убедить инженеров изменить расположение улицы в этом месте так, чтобы можно было раскопать участок, находившийся под старой улицей. Здесь был обнаружен еще один дом, и теперь ясно, что в этом районе располагался сложный комплекс зданий. Уэйс считал, что это были дома торговцев, но обнаруженные здесь таблички с надписями на линейном Б (которые встречаются обычно в зданиях дворцовой администрации), скорее всего, свидетельствуют о том, что здесь жили и работали дворцовые чиновники, контролировавшие торговлю и ремесла (видимо, микенская экономика была в значительной мере подчинена царю).

Среди табличек линейного письма Б, обнаруженных в результате этих раскопок, обращает на себя внимание большая, хорошо сохранившаяся табличка, представляющая собой список личных имен, частью уже известных из микенских надписей. Этот

список, судя по всему, включает 24 женских имени, которые обычно приводятся попарно. В двух случаях вторая часть такой пары представляет собой не имя, а сочетание tu-ka-te-qe = thygatēr-q^{u}e «и дочь». Что же касается имен, то два из них известны не только в Греции, но и до сего дня распространены в различных обликах в Европе. Это — греческие имена A-re-ka-sa-da-ra = Alexandra и Te-o-do-ra = Theodora. И снова можно поставить перед собой вопрос, впервые сформулированный Блегеном: может ли это быть совпадением? Может ли быть простой случайностью, что шесть последовательных знаков в точности соответствуют употребительному греческому имени?

Правильность дешифровки подтверждена и публикацией таблички, найденной в Пилосе в 1955 г. Поскольку профессоры Блеген и Беннетт любезно предоставили мне эти тексты еще в 1956 г., основные сведения о них были уже сообщены в этой книге. В табличках, о которых идет речь, сообщается о распределении между различными «получателями» (очевидно, между богами и богинями) благовонного масла. Слово wa-na-so-i, часто встречающееся в табличке, очень напоминает греческое слово со значением «обеим царицам» (или «обеих цариц»). На этом основании Палмер выдвинул остроумную гипотезу, согласно которой микенская религия заимствовала представления и обряды месопотамских и малоазийских религий. Многое здесь, правда, сомнительно или неясно; возникают определенные трудности в трактовке слова wa-na-so-i как обозначения божеств, в пользу которых совершается возлияние. Дальнейшее исследование этого вопроса, может быть, позволит прийти к согласованному решению, однако окончательные выводы возможны лишь в том случае, если будут найдены новые таблички.

Проф. Блеген продолжал свои раскопки в Пилосе, в меньших масштабах, вплоть до 1964 г.; после очистки всей дворцовой территории перспектива находок в этом месте новых табличек в ближайшее время стала маловероятной. Небольшое число новых табличек было обнаружено во время раскопок; эти таблички были сразу же опубликованы профессором Мэйбл Лэнг в «Американском археологическом журнале» («American Journal of Archaeology»). К счастью, ряд вновь найденных обломков оказался частями известных табличек; один из таких обломков представляет часть таблички, относящейся к инвентарным спискам хозяйственных предметов (см. выше, стр. 218—220). Теперь в список перечисленных там предметов мы можем включить два переносных очага или две жаровни.

Однако для современного уровня наших знаний характерно то, что новые находки не только подтверждают дешифровку (многое в них может быть прочитано моментально), но и ставят новые проблемы. На этом же обломке таблички встретились три новых сло-

ва, пока для нас непонятных; впрочем, не следует из-за этого огорчаться, — ведь наши сведения о микенском диалекте в целом расширяются.

Несколько новых табличек было обнаружено в той части дворца, которая примыкала к жилым помещениям. Возможно, в этой части располагались царские мастерские. Видимо, как и в Кноссе, многие ремесленники занимались своим делом на глазах у царя и его чиновников. Интересна серия табличек, представляющих собой списки-наряды рабочих из различных провинциальных районов. В сохранившихся табличках содержатся имена 118 мужчин, причем против некоторых имен стоит указание «отсутствует».

Другая группа табличек представляет собой документацию седельной мастерской. Мне думается сейчас, что мужчины, названные в табличках «швецами», были на самом деле не портными (ср. стр. 217), а кожевенных дел мастерами, седельщиками. Сохранился тщательно выполненный перечень различного рода сбруй и других предметов, например хомутов или уздечек. (Здесь мы находим хорошее подтверждение чтению знака dwo; ср. выше стр. 232: этот знак передает числительное duō «два», после которого стоит идеограмма ДВА.) В некоторых табличках говорится об оленьих шкурах, что придает больше веса интерпретации обломков табличек с упоминанием оленей (ср. стр. 221). Наконец, в одной поврежденной табличке перечисляются кожи и шкуры овец, коз и свиней, а также некоторые изготовленные из этих материалов изделия, как-то: ремни, жгуты и сандалии.

В ряде случаев новые тексты позволили внести исправления в наши старые интерпретации. Так, если я раньше рассматривал имя E-ke-ra$_2$-wo (см. стр. 205) как явно греческое и считал его свидетельством вхождения греков в господствующую верхушку (стр. 214), то теперь, благодаря находке новой таблички с вариантом этого имени и в связи с идентификацией знака ra$_2$ как rya, я вынужден признать мою прежнюю интерпретацию неточной. Хотя и сегодня нельзя считать исключенным греческий характер этого имени, однако из списка явно греческих имен его следует вычеркнуть. Зато удалось обнаружить еще одно явно греческое имя A-pi-me-de (Amphimedes); это имя носило одно важное лицо из Пилоса; это же имя встречается и в Кноссе. Несомненно греческим является титул лавагета (lawagetas «полко-водец»; ср. стр. 214), второго по значению лица в государстве.

Другой важный прогресс в наших исследованиях касается микенского обозначения боевой колесницы — hiqq^{w}ia «лошадиная (повозка)» (см. стр. 212). Таблички с упоминанием боевых колесниц в Пилосе пока не обнаружены, однако новый текст, в котором речь идет о колесницах, содержит слово wo-ka; очевидно, wokha — «повозка» (корень тот же, что и в русск. *воз*, *везу*). Ранее

мы упоминали о возможности такой трактовки, однако предпочли иную, за что и подверглись резкой критике со стороны Палмера. Я с удовольствием отмечаю этот ценный вклад Палмера в дело интерпретации микенских текстов. Причина нашей ошибки характерна для такого рода ошибок: до сих пор в греческом не засвидетельствовано слово женского рода wokhā; у Гомера встречается лишь слово среднего рода (w)okhea. Еще раз подчеркиваю, что таблички читались бы с большей легкостью, если бы мы хорошо знали язык той эпохи. Без этого нам приходится распознавать формы, не засвидетельствованные в греческих текстах, а при таких интерпретациях уверенность возникает лишь в том случае, если в стандартных формулах проявляются варианты слов.

В Кноссе раскопки ведутся под руководством Синклера Худа— директора Британской археологической службы в Афинах. До сих пор там удалось обнаружить лишь незначительные фрагменты табличек. Зато удалось обнаружить ряд фрагментов табличек в Ираклионском музее, не говоря уже о других местах. Теперь становится ясно, что Эванс не относился к своим находкам с той тщательностью и осторожностью, которой мы требуем сегодня от археологов; к нему, однако, и нельзя было бы предъявить подобные требования, ибо он, располагая большим числом рабочих, имел лишь одного помощника-профессионала. Эванс сам рассказывает о том, как один из его рабочих, Аристид (это имя считалось в древности символом честности), украл несколько табличек и продал их в Афинах; судя по записям Эванса, этот человек был наказан, однако некоторые из проданных им табличек так и не были обнаружены; остальные лишь через 60 лет были возвращены Криту.

Сегодня нам ясно, что Эванс и не пытался регистрировать все фрагменты табличек. Возможно, под влиянием археологов, которые, ведя раскопки в Ассирии, регистрировали только большие и хорошо сохранившиеся таблички, Эванс оставлял без внимания тысячи мелких или сильно поврежденных фрагментов табличек, которые складывались где-нибудь и предавались забвению. Некоторые из таких фрагментов были обнаружены Беннеттом в 1950 г. в Ираклионском музее; с еще большим числом фрагментов я смог познакомиться в 1955 г. (см. стр. 189).

Некоторое дополнительное число весьма важных фрагментов удалось обнаружить позднее в том же музее, на Вилла Ариадне, в Кносском стратиграфическом музее и в Британской школе в Афинах. Несколько мелких неопубликованных фрагментов было найдено в Эшмолеанском музее в Оксфорде и в Британском музее в Лондоне. Выяснилось, кроме того, что два фрагмента находятся вне известных собраний — один из них, хранящийся в настоящее время в Отделении археологии Лондонского университета, был

подарен Эвансом в 1911 г. заезжему археологу; другой был куплен у торговца в Афинах и долгое время пролежал в безвестности в одной из частных коллекций в Англии. Напрашивается вывод о том, что и по сегодняшний день в чьих-то частных коллекциях хранятся забытые фрагменты табличек. Я выступал публично с просьбой сообщить о местонахождении таких фрагментов, однако у нас мало надежды на сколь-нибудь значительный успех. И все же даже маленький фрагмент может послужить связующим звеном, благодаря которому удастся соединить два более значительных фрагмента одной и той же таблички и получить таким образом полный текст.

Я хотел бы упомянуть здесь о новом нашем коллеге, блестящем молодом исследователе из Бельгии Ж.-П. Оливье, который особенно преуспел в своих поисках недостающих звеньев среди обломков текстов наших табличек. Он, кроме всего прочего, скопировал сотни фрагментов, которые ранее считались недоступными для прочтения, и показал, что эти фрагменты представляют собой части известных поврежденных табличек. Благодаря этим чрезвычайно ценным исследованиям удалось, например, идентифицировать слово. a-sa-mi-to, обозначающее «продолговатый прямоугольный предмет»; у Гомера этому слову, очевидно, соответствует asaminthos «ванна».

Другой мой помощник, д-р Дж. Т. Киллен из Колледжа Черчилля в Кембридже, также внес ценный вклад в микенологию (подробнее о его замечательных исследованиях я расскажу ниже). Я был очень рад, что мне посчастливилось заинтересовать этих двух талантливых молодых людей нашей работой. В 1964 г. мы с Килленом выпустили 3-е издание кносских текстов; в настоящее время мы все трое работаем над большим изданием кносских табличек...

На стр. 233 я говорил о Фивах как о наиболее многообещающем месте возможных находок новых табличек. Я думал так, в частности, потому, что уже при ранних раскопках здесь были найдены сосуды с надписями на линейном Б; однако мой вывод о том, что эти сосуды были местного изготовления, нуждается теперь в пересмотре в свете поразительных результатов новых исследований д-ра Х. Кэтлинга и г-жи Э. Миллетт из Эшмолеанского музея в Оксфорде [3]. Анализ глины, из которой были изготовлены сосуды, показал, что некоторые из них, скорее всего, были вывезены из Восточного Крита. Поэтому факт находок сосудов в Фивах еще не должен был считаться свидетельством того, что здесь было распространено микенское письмо; неизвестно даже, умели ли фиванцы, которые пользовались этими сосудами, читать начертанные на них надписи.

[3] «Archaeometry», 8, 1965, стр. 3—85.

Однако сомнения на этот счет могут быть теперь отброшены: в 1964 г. в одном из сооружений микенской эпохи, расположенном вблизи главной части фиванского дворца, было найдено около двадцати табличек и их обломков. Находка эта была случайной: на этом месте предполагалось построить новое здание, и рабочие, рывшие котлован для фундамента, наткнулись на древние гробницы. В результате дальнейших раскопок, предпринятых Археологической службой, было обнаружено здание, служившее, очевидно, складским помещением; в одной из его комнат и находились таблички. Сами по себе они мало примечательны; к тому же для обозначений предметов в них использованы сокращения, которые мы не в состоянии идентифицировать, но по форме, по особенностям письма и по виду надписей они совершенно такие же, как и таблички, найденные в Пилосе, что является еще одним подтверждением мысли о единообразии микенского мира. По-видимому, это наиболее древние таблички, обнаруженные на материке: их можно отнести примерно к 1320 г. до н. э. Эта датировка имеет важное значение в связи с обсуждением вопроса о хронологии кносских табличек.

* * *

Многим читателям, видимо, известно, что существует новая теория Л. Палмера относительно датировки кносских табличек (эта теория обсуждалась в газетах и радиопередачах). Когда Эванс предпринял раскопки в Кноссе, он полагал, что Кносс — город микенской эпохи, современный шлимановским Микенам; лишь после многолетних исследований Эванса его талантливому помощнику Маккензи удалось разработать хронологическую схему. Это была ясная схема, и позднейшие раскопки чаще подтверждали ее, чем противоречили ей.

Надо отметить, однако, что Эванс допустил существенный промах, проистекавший от нежелания соотнести захват Крита греками со временем создания табличек линейного письма Б. Из-за этого ему тогда приходилось либо относить вторжение греков на Крит к XV в. до н. э. (чему, видимо, нет археологических подтверждений), либо предполагать, что катастрофа 1400 г. связана с греческим вторжением, и датировать таблички более поздней эпохой. Эванс называл людей, обитавших во дворце после 1400 г., «squatters», полагая, что они отличались низким уровнем цивилизации. По мнению Эванса, они расчистили лишь немногие из сохранившихся во дворце комнат, кое-как приспособив их для жилья. Выводы эти не могут объяснить отраженного в табличках факта существования сложной административной системы управления всем островом. Но может быть, Эванс был не прав? Не мог ли новый захват Крита стать еще более блестящей

эпохой, из которой Эванс «изъял» ее тончайшую керамику, ошибочно связав ее с другой эпохой?

Выдвигались и другие аргументы в пользу более поздней датировки табличек. В отношении письма и языка кносские таблички очень близки пилосским, которые датируются примерно 1200 г. до н. э. Возможно ли, чтобы язык не эволюционировал на протяжении двух столетий? Палмер утверждал даже, что некоторые языковые формы кносских табличек моложе, чем соответствующие формы в табличках из Пилоса.

К сожалению, одни и те же факты иногда можно интерпретировать совершенно по-разному. Следует учитывать, однако, что факты территориально различных родственных языков не могут, как правило, служить основой установления относительной хронологии, ибо подчас данный диалект на протяжении веков сохраняет особенности, давно утраченные другими диалектами. Так, причастие gotten все еще часто употребляется в Америке наряду с более новой формой got, в Англии же употребляется только got; следовательно, если текст на английском языке содержит форму got, то это еще не значит, что он является более поздним, чем текст, содержащий форму gotten.

Понятно поэтому, что дискуссия по вопросам датировки ведется в основном вокруг археологических данных, причем главным образом вокруг записей в дневниках Эванса и Маккензи. Здесь не место выносить окончательное суждение, да я и не считаю себя компетентным делать это. Сегодня ясно, однако, что специалисты, которые занимаются этой проблемой, не приняли предложения Палмера о датировке кносских табличек XII веком до н. э. Давно известно, что Эванс иногда ошибался в своих отчетах о раскопках и в интерпретации результатов этих раскопок. Это не значит, однако, что мы должны отказаться от его хронологии, в частности от его датировки кносских табличек (1400 г. до н. э.). Теперь, когда фиванские таблички удалось датировать 1320 годом до н. э., можно вполне удовлетворительным образом заполнить разрыв во времени между табличками из Кносса и табличками материковой Греции.

Итак, мы возвращаемся к исходному вопросу: когда же греки пришли на Крит и как они проявили себя в качестве преемников высокой цивилизации? Здесь новые исследования неожиданным и драматическим образом подтвердили теорию, много лет назад сформулированную проф. Маринатосом из Афинского университета. Мы знаем, что в XV в. до н. э. внешнеторговые связи минойского Крита ослабевают; место критских товаров занимают теперь микенские товары с материка. Маринатос считал, что первопричиной ослабления внешней торговли Крита было стихийное бедствие — извержение вулкана, остатки которого были известны в классическую эпоху под именем острова Феры (Ти-

ры; ныне Санторин). Это — ближайший к Криту остров из островов Киклад, расположенный в 65 км к северу от Ираклиона

Землетрясения, несомненно, происходили в эпоху существования Кносского дворца, хотя трудно себе представить бедствие, которое могло бы стереть с лица земли цивилизацию всего острова. Однако американские геологи[4] в своих исследованиях извержения вулкана на Фере пришли к любопытным заключениям. По-видимому, извержение это было более грандиозным, чем извержение вулкана Кракатау в Ост-Индии в 1883 г. Извержение вулкана на Фере вызвало, очевидно, очень большую волну, высотой футов в сто, которая захлестнула все северное побережье Крита, залив и разрушив на своем пути прибрежные поселения. В это же время было, очевидно, выброшено огромное количество вулканического пепла, в результате чего большая часть подветренной территории оказалась покрытой горячим пеплом и ядовитым дымом. Изучение дна моря вокруг Феры с помощью эхолота показало, что значительная часть моря, к юго-востоку от острова, покрыта толстым слоем пепла, а это значит, что во время извержения ветер дул с северо-запада. Следовательно, основная масса пепла обрушилась на центральные и восточные районы Крита и прилегающие острова. Этого было достаточно, чтобы уничтожить всю растительность и сделать жизнь невозможной для тех, кто не был отравлен дымом или погребен под пеплом. Это грандиозное бедствие могло опустошить все основные центры минойского Крита; когда же через несколько лет дождь и ветер смели пепел и почва вновь стала плодородной, для греков материка не представило особых трудностей продвинуться на Крит и основать централизованное государство с царской резиденцией в восстановленном Кносском дворце. Возможно, на западе некоторые поселения сохранились, однако мощь Крита была настолько подорвана, что объединить остров под греческим господством не стоило большого труда.

Эта гипотеза не объясняет, однако, причин разрушения столицы, заселенной греками, на рубеже XV и XIV вв. Предполагали, что туземцы-минойцы подняли восстание против греческого господства, но если мы верно изложили ход событий, то едва ли оставшихся в живых минойцев было достаточно, чтобы поднять такое восстание. Более того, факты свидетельствуют о том, что Крит продолжал находиться под властью греков, хотя центральная власть в Кноссе была сломлена; возможно, остров был поделен на несколько мелких государств, как это, вероятно, было и во времена господства минойцев. Если в XIV в. до н. э. из городов Восточного Крита вывозились сосуды с греческими надпи-

[4] D. Ninkovich, B. C. Heezen, в: «Submarine Geology» (Colston Papers), 1965, стр. 413—452.

сями, то это было лучшим доказательством того, что остров продолжал находиться под властью греков.

* * *

Особенно больших успехов удалось добиться в интерпретации микенских надписей, и заслуга здесь принадлежит ученым разных стран мира. Даже в таких отдаленных странах, как Бразилия или Япония, грецисты изучают микенские тексты и предлагают свои решения и комментарии. Некоторые небольшие изменения касаются интерпретации слоговых знаков. Знак № 16 (см. табл. ниже) следует передавать скорее через qa, чем через pa_2; впрочем, это изменение принципиального значения не имеет, поскольку в языке классической эпохи слоги, восходившие к qa и pa, звучали одинаково (так что указанное изменение важно скорее для этимологии, чем для интерпретации микенских текстов). Знак № 71 следует передавать через dwe; знак № 85 — возможно, через au; относительно передачи знака № 90 как dwo см. выше (стр. 232 и 239); знак № 91, возможно, соответствовал two.

Более важной представляется новая методика интерпретации текстов в целом: они рассматриваются не как изолированные объекты лингвистического анализа, а как звенья больших серий надписей, содержащих сведения об экономике страны. Работе по интерпретации надписей препятствует, правда, неполнота сохранившихся архивов; однако многие таблички, мало интересные при изолированном рассмотрении, дают важную информацию, если их анализировать в соответствующих контекстах. Мы старались, насколько это возможно, реконструировать серии табличек, которые первоначально хранились в определенных ящиках или корзинах. Сравнивая серии табличек между собой, мы в состоянии выяснить, какого рода записи были важны с точки зрения микенских чиновников. Для них основное содержание таблички заключалось в цифрах; остальная часть текста представляла собой лишь указание на то, что именно обозначалось цифрами.

Блестящее исследование табличек провел в Кембридже д-р Дж. Т. Киллен. Он тщательно изучил более чем 800 кносских табличек, содержащих упоминания об овцах и шерсти. Мы полагали, что имеем дело с регистрацией податей, уплачиваемых дворцу, сейчас стало ясно, что в табличках учитывались существующие стада (состоящие преимущественно из кастрированных баранов), которые затем использовались для получения шерсти. Другие стада использовались главным образом для воспроизводства. Интересно, что в средневековой Англии существовала система регистрации овечьих стад, поразительно похожая на ми-

кенскую; отсюда можно заключить, что практика овцеводства и получения прибыли от него в обоих случаях была сходной. В микенскую эпоху шерсть ткали, и экспорт этих тканей служил основной статьей государственных доходов (позволявших, в частности, роскошно отделывать дворец), точно так же как овцеводство и экспорт шерстяных изделий служили основой процветания средневековой Англии. Это — новый вывод, который нельзя было бы получить на основе чисто археологических исследований.

Аналогичный анализ табличек из Пилоса свидетельствует о том, что овцеводство здесь, несмотря на всю его важность, не являлось основой экономики. Большее значение имели здесь лен и льняные ткани, едва упоминаемые в кносских табличках. Определенную роль в экономической жизни Пилоса играл экспорт металлических изделий, о чем свидетельствует пространный список (около 400 имен) мастеров бронзовых дел, который может быть составлен на основе изучения пилосских текстов. В Микенах производились и предметы роскоши, как это видно из новых серий табличек, упоминающих о ремесленниках, изготовлявших голубую стекловидную массу для имитации полудрагоценных камней, которой столь восхищались микенцы.

Метод, который я применил для определения абсолютных величин микенской системы мер (см. стр. 233), был использован профессором Мэйбл Лэнг [5] для определения вместимости пилосских сосудов, в достаточной степени сохранившихся или пригодных для реставрации. Создается впечатление, что небольшие сосуды нельзя сгруппировать по их вместимости, зато сосуды большего объема можно распределить, в основном, по двум группам: это сосуды вместимостью около 2,4 л и около 3,2 л. Трудность заключается в выяснении того, каким именно микенским мерам соответствуют эти числа, ибо единица, соответствующая 0,8 л, может получить разное толкование. В «Документах» мы с Вентрисом предложили следующую приблизительную систему соответствий (большими латинскими буквами я передаю теперь знаки отдельных мер):

ꓷ = Z = 0,5 л.
ϸ = V (= 4Z) = 2 л.
T = T (= 6V) = 12 л.

Та же система соответствий может быть интерпретирована иначе, если принять, следуя подкупающей гипотезе г-жи М. Лэнг, что Z=0,2 л. В таком случае V=4Z=0,8 л и, соответственно,

[5] «American Journal of Archaeology», 68, 1964, стр. 99—105.

3V=2,4 л, 4V=3,2 л. Если же Z=0,4 л., то 2,4 литрам должно соответствовать 1V2Z (=1,5 V), а 3,2 л=2V.

Выбор между обеими альтернативами не прост. Он зависит от выяснения величины рациона продуктов для различных групп мужчин, женщин и детей. Так, мы знаем, что месячная норма пшеницы для женщин, занимавшихся физическим трудом, составляла 2T (то есть либо 2×4,8, либо 9,6 л). Проф. Палмер настойчиво защищал цифру, близкую той, которую предложила г-жа Лэнг, однако мне представляется крайне низкой дневная норма зерна, составляющая всего лишь 0,16 л, и я по ряду причин стою за более высокую цифру (Z =0,4 л). Если это так, то данные, приведенные в литрах в ряде мест книги, должны быть уменьшены на 20% (поскольку Z=0,4 л, а не 0,5 л) *.

* * *

Можно было ожидать, что успешная дешифровка линейного письма Б оживит интерес к линейному письму А и к сложной проблеме Фестского диска. Я познакомился с большим числом опубликованных и неопубликованных исследований по дешифровке обоих этих видов письма. Поскольку все они противоречат друг другу, можно предположить, что подавляющее их большинство неверно. Многие попытки настолько плохо обоснованы, что никто, кроме их авторов, не может принимать их всерьез. Однако за это время была проделана и определенная исследовательская работа, так что сейчас можно подвести некоторые итоги.

Все исследования по линейному письму А основывались на том положении, что тождество форм определенных знаков линейного А и Б свидетельствует о тождестве звуковых значений этих знаков. Многие знаки линейного письма А могут получить на этой основе четкие идентификации; однако ряд знаков (и не только самые редкие) надежной интерпретации не поддаются. Выяснилось, что из-за ограниченности материала текстов на линейном А не удается проверить правильность идентификации знаков этого письма с помощью решетки типа вентрисовской. Объем опубликованных текстов линейного письма А в 25 раз меньше объема текстов линейного письма Б; правда, новые находки в Като Закро могут несколько увеличить число табличек линейного письма А. Определенное подтверждение верности чтений знаков линейного письма А основано, однако, на том факте, что собственные имена, известные из кносских табличек линейного письма Б, встречаются и на табличках линейного письма А (иногда с несколько иным окончанием). Мы можем, следовательно, с достаточной уверенностью транслитерировать знаки линейного письма А, опи-

* В древней Месопотамии дневной рацион составлял для мужчины 1,5 л, для женщины—0,75 л ячменя. Пшеница выдавалась лишь по праздникам, и то не всегда.— *Прим. ред.*

раясь на линейное письмо Б; мы не знаем, однако, заимствованы ли значения силлабем линейного Б из линейного А или они представляют собой результат приспособления линейного письма для передачи греческого языка. Видимо, можно предположить, что язык линейного письма А, который мы можем условно назвать минойским, отличался преимущественно открытыми слогами и не обладал значащими различиями между глухими и звонкими согласными (k/g, p/b и т.п.). Но этот вывод недостаточен для построения гипотез о генетической принадлежности минойского.

Твердо установлено значение одного минойского слова — ku-ro. Это слово предваряет итоговое число и может трактоваться как «итого» или «всего» (см. выше, стр. 156 и 172). Если бы нам удалось найти такое же слово в одном из известных нам языков, проблема линейного письма А была бы, возможно, решена; к сожалению, ни одна из попыток дешифровки текстов на линейном А не содержит сколько-нибудь четкой этимологической идентификации этого слова. Определено приблизительное или возможное значение еще нескольких слов, благодаря чему делались попытки отыскания лексических соответствий в известных языках. Имеется лишь две семьи языков, на родство с которыми может претендовать минойский. Одна из них — широко распространенная и представленная большим числом языков индоевропейская семья. Несколько индоевропейских языков локализовались в Малой Азии во втором тысячелетии до н. э.; из них лучше всего известен хеттский; хуже представлен лувийский язык, распространенный в Юго-Западной Малой Азии.

Проф. Палмер, неустанно трудившийся над расширением наших знаний о линейном письме Б, пытался доказать существование генетической связи между лувийским языком и языком линейного письма А [6]. Жертвенные надписи на линейном письме А содержат слово a-sa-sa-ra, которое считалось именем богини; Палмер остроумно идентифицировал это слово в качестве лувийского со значением «госпожа», что явилось бы точным соответствием греческому слову Potnia из табличек линейного письма Б (стр. 224). Если бы эта идентификация оказалась верной, она явилась бы в целом незначительной, хотя и интересной находкой; дело в том, что наше знание лувийского языка очень ограниченно *. Но тут мы встречаемся с серьезным возражением, исходящим от проф. Мориса Поупа из Кейптаунского универси-

[6] L. Palmer, Mycenaeans and Minoans [2], London, 1965.

* Следует учесть, что если тот или иной язык окажется родственным лувийскому, то его придется интерпретировать не столько на основе лувийского, сколько на основе близкородственного хеттского языка, имеющиеся материалы по которому гораздо более значительны. Именно так интерпретируются в настоящее время факты ликийского языка, очень близкого лувийскому (оба эти языка входят в одну и ту же подгруппу хетто-лувийской группы языков, однако документы ликийского языка относятся к гораздо более позднему вре-

тета, который в прекрасной статье «Минойская богиня Асасара: некролог»[7] показал, что нет причин считать a-sa-sa-ra отдельным словом, ибо оно встречается либо перед обломом, либо в сочетании с различными «суффиксами». Несмотря на остроумную трактовку одного из этих «суффиксов», интерпретация в целом пока что плохо продвигается вперед.

Проф. Саймон Дэвис из Витватерсрандского университета много времени посвятил попыткам доказать родство языка документов линейного письма А с хеттским. К сожалению, при этом он злоупотребил особенностью слогового письма, в котором отдельные звуки могли не обозначаться, так что те хеттские слова, которые он вычитывает из надписей на линейном А, иногда лишь отдаленно напоминают формы, засвидетельствованные в хеттских надписях.

Другой большой языковой семьей древнего Ближнего Востока была семитская. К семитским отнес язык линейного А известный лингвист-семитолог проф. Сайрус Гордон из Брэндейсского университета штата Массачусетс. И здесь получены некоторые интересные результаты, однако часто сходство минойских слов с семитскими неубедительно, ибо, исходя из того, что в основах семитских слов наиболее значимыми являются согласные, проф. Гордон при своих идентификациях часто вообще полностью игнорирует гласные. Четкости идентификаций препятствует то обстоятельство, что структура согласных линейного письма А выведена из линейного письма Б и плохо соответствует семитской, в связи с чем возникают многие неясности. Попытка Гордона подтвердить лингвистические аргументы ссылками на предполагаемые параллели между минойцами и филистимлянами, хотя и базируется на известных археологических данных, все же приводит его к ряду абсурдных утверждений.

Не будучи приверженцем ни одной из теорий, я думаю, что, несмотря на возможность верных предположений со стороны тех или иных исследователей, пока нельзя решить, кто из них прав, если вообще кто-нибудь прав. На мой взгляд, существует и третья возможность, состоящая в том, что минойский язык не родствен ни одному из известных языков. Если это так, то мы смо-

---

меии, чем документы хеттского и лувийского языков). На осиове комбинаторного аиализа устанавливается приблизительное значение ряда ликийских слов, после чего реконструируются возможные хетто-лувийские праформы этих слов. Если в хеттских текстах удастся обнаружить фонетически тождественные формы с соответствующими значениями, идентификация ликийских слов может считаться осуществленной. Аналогичным образом идентифицируются слова других поздних хетто-лувийских языков — лидийского и карийского (входящих в хетто-лидийскую подгруппу). Что же касается минойского языка, то идентификация минойских слов на хеттской основе не может быть признана доказательной.— *Прим. перев.*

[7] "Bulletin of the Institute of Classical Studies", London, 8, 1961, стр. 29—31.

жем прочесть минойские тексты лишь тогда, когда будем обладать достаточным числом структурно прозрачных надписей, которые позволят вывести значение слов из их контекстов.

Внимание энтузиастов-любителей продолжает привлекать Фестский диск (см. стр. 130), однако до сих пор неясно, представляет ли письмо Фестского диска формализованный вариант критского иероглифического письма или же диск завезен на Крит извне. Положение о левой направленности часто подвергалось нападкам, однако нет сомнения в том, что знаки печатались именно в таком порядке, и едва ли правы те исследователи, которые утверждают, что мастер печатал текст, начиная с конца. Было отмечено, что общее число знаков письма Фестского диска должно превышать число засвидетельствованных знаков, то есть 45. Статистические подсчеты показывают, что письмо Фестского диска состояло примерно из 55 (или даже большего числа) знаков. Тем самым подтверждается мысль, что и в данном случае мы имеем дело с простым слоговым письмом.

* * *

В заключение я доставлю себе удовольствие упомянуть о международном сотрудничестве, начало которому положили наши французские коллеги в 1956 г. и которое особенно бурно развивалось в течение последних шести лет. Состоялись очередные коллоквиумы в Павии в 1958 г. (Италия), в Висконсине (США) в 1961 г., в Кембридже (Англия) в 1965 г., и в настоящее время готовится пятый коллоквиум. Был создан Постоянный Международный Комитет по микенологии, влившийся недавно в систему ЮНЕСКО; на его основе возникли другие международные комитеты и ассоциации. По инициативе проф. К. Галлавотти в Римском университете был образован Центр * исследований по микенологии и эгео-анатолистике, который предпринял издание важной серии книг и занялся организацией Первого Международного Микенологического конгресса 1967 г. ** Восточноевропейские страны также участвовали в проведении микенологических исследований, и вот в 1966 г. я получил приятную возможность принять участие в работе микенологической секции Конгресса Классических Исследований в Брно (Чехословакия). Таким образом, отрасль науки, для создания которой так много сделал Вентрис, развивается теперь в обстановке сотрудничества и взаимопонимания, в обстановке, которая доставила бы ему глубокое удовлетворение.

Джон Чэдуик

* Ныне — Институт.— *Прим. перев.*

** Этот конгресс состоялся в Риме в мае 1968 г.— *Прим. перев.*

01	*da*	30	*ni*	59	*ta*
02	*ro*	31	*sa*	60	*ra*
03	*pa*	32	*qo*	61	*o*
04	*te*	33	ra_3	62	*pte*
05	*to*	34		63	
06	*na*	35		64	
07	*di*	36	*jo*	65	*ju*
08	*a*	37	*ti*	66	ta_2
09	*se*	38	*e*	67	*ki*
10	*u*	39	*pi*	68	ro_2
11	*po*	40	*wi*	69	*tu*
12	*so*	41	*si*	70	*ko*
13	*me*	42	*wo*	71	*dwe*
14	*do*	43	*ai*	72	*pe*
15	*mo*	44	*ke*	73	*mi*
16	pa_2	45	*de*	74	*ze*
17	*za*	46	*je*	75	*we*
18		47		76	ra_2
19		48	*nwa*	77	*ka*
20	*zo*	49		78	*qe*
21	*qi*	50	*pu*	79	*zu*
22		51	*du*	80	*ma*
23	*mu*	52	*no*	81	*ku*
24	*ne*	53	*ri*	82	
25	a_2	54	*wa*	83	
26	*ru*	55	*nu*	84	
27	*re*	56	pa_3	85	
28	*i*	57	*ja*	86	
29	pu_2	58	*su*	87	

Рис. 17. Транслитерация 87 знаков линейного Б в твердой нумерации.

К стр. 181.

[1a]. Возможно, это слово в микенском принадлежало к асигматическому склонению и звучало wanak: по крайней мере именно в такой форме оно было заимствовано во фригийский язык наряду со словом lawagetas.— *Прим. ред.*

К стр. 206.

[1]. Вопрос о лингвистической принадлежности «микенцев» продолжает до сих пор оставаться дискуссионным. В своем докладе на микенологическом симпозиуме в г. Брно (апрель 1966 г.) «Греческая диалектология после дешифровки линейного письма Б» чешский исследователь А. Бартонек указал на наличие по меньшей мере четырех точек зрения относительно характера «микенского диалекта». Минималистическая теория (Адрадос) отождествляет микенский с аркадско-кипрским. Пизани, Риш и Чэдуик рассматривают микенский как диалект аркадско-кипрско-аттико-ионического типа. Палмер, То́вар, Лурье видят в нем диалект аркадско-кипрско-эолийского характера. Микенский — смешанный язык, разновидность раннего греческого койнэ, базирующегося на ионийско-эолийском (Георгиев) или ахейско-ионийском (Гринбаум)— такова четвертая точка зрения. Какая из этих теорий наиболее близка к истине, пока определить не удалось.

К стр. 207.

[2]. Согласно общепринятой и поддерживаемой Чэдуиком трактовке, знаменитые таблички oka рисуют картину оборонительных мер, предпринятых в XIII в. до н. э. военными подразделениями для защиты прибрежных районов Мессении от надвигавшихся вражеских войск (ср. L. R. P a l m e r, Military arrangements for the defence of Pylos, «Minos», 1956, v. 4, f. 2, стр. 120—145). С новой интерпретацией табличек выступил недавно бельгийский ученый Л. Деруа. В своем докладе «Новая интерпретация табличек oka», прочитанном на микенологическом симпозиуме в г. Брно, он высказал предположение, что в названных табличках речь идет не о военной, а о финансово-административной организации. По мнению Л. Деруа, ее функции (на это указывает термин ὀχά, т. е. ὀχή «прием», «пункт приема» <ср. гл. ἔχειν>) состояли в сборе соответствующих повинностей (податей) у населения.

Само собой разумеется, что, если бы точка зрения Деруа подтвердилась, вывод Чэдуика о близости дорийских захватчиков, которые уничтожат пилосское царство (стр. 206), оказался бы преждевременным. В этой связи следует напомнить, что Илиада не знает ничего о дорийском нашествии (см. D. L. P a g e, History and the Homeric Iliad, Berkeley, 1959, стр. 120).

К стр. 208.

[3]. Интерпретация слова eqeta остается до сих пор спорной. М. Лежен, как и Чэдуик, находит в нем корень *sekʷ-(ср. ἕπομαι) и переводит «следующий за . . ., слуга» (см. M. L e j e u n e, Essais de philologie mycénienne.—«Revue de Philologie, de littérature et d'histoire anciennes», 1956, v. XXX, f. 2, стр. 184).

К стр. 209.

[4]. Одним из сложных вопросов, связанных с дешифровкой Вентриса, оказался вопрос датировки кносских надписей. В соответствии с гипотезой Эванса американский археолог Блеген полагал, что кносские таблички датируются второй половиной XV в. до н. э., а пилосские, вероятно, второй половиной XIII в. до н. э. (см. C. W. B l e g e n, «American Journal of Archaeology»,

v. 58, 1954, стр. 30). Однако пилосские таблички, написанные линейным письмом Б, столь мало отличались от кносских, что, естественно, возникал вопрос: неужели за 200 лет линейное письмо Б совершенно не изменилось? (См. С. Я. Лурье, рец. на кн.: L. R. Palmer, Mycenaeans and Minoans, London, 1961.— ВДИ, 1964, 2, стр. 177.)

В 1958 г. Блеген высказал предположение, что дошедшие до нас кносские надписи могли быть обожжены не в XV веке, а при пожаре перестроенного греками кносского дворца в XIII в. до н. э. (см. «Minoica», «Festschrift Sundwall», Berlin, 1958, стр. 64). Эта мысль была поддержана впоследствии Л. Палмером, выступившим со статьей в английской газете «The Observer» (3.7. 1960, стр. 17, 19).

К стр. 215.

[5]. Вентрис и Чэдуик в «Documents» поддержали мнение Палмера о «феодальной» системе управления в микенской Греции. Они были склонны видеть в telestai «баронов», в kamaewe «вассалов», в basileus «тип феодала». Микенское общество в этом плане представлялось им феодальной монархией. В «Decipherment» Чэдуик, встав на сторону итальянских и испанских ученых, рассматривающих микенское общество как общество «теократическое», интерпретирует термин telestas как религиозный титул и высказывает предположение о том, что в микенское время религиозные должностные лица были одновременно представителями и светской власти.

С. Я. Лурье подверг резкой критике «феодальную» теорию Палмера и «теократическую» теорию итальянских и испанских ученых (ВДИ, 1960, 1, стр. 139). С. Я. Лурье считал, что для «индоевропейского» общества схеме Палмера следует предпочесть схему Моргана — Энгельса, поскольку в крито-микенских текстах хозяином земельных участков в большинстве случаев выступает народ (dāmos), а не царь. Надписи не дают никаких оснований и для утверждений о будто бы монархической власти ванака и лавагета. Относительно сосредоточения царской и церковной власти в одних руках С. Я. Лурье писал: «Это противоречит . . . всему тому, что мы знаем о греческом жречестве, которое никогда не делало никаких поползновений на светскую власть...» (там же).

Следует заметить, что в западной терминологии слово «феодализм» относится только к характеру иерархической государственной структуры и к системе земельных наделов, а не к определенной социально-экономической формации, как в нашей терминологии.

К стр. 224.

[6]. Чэдуика смущают упоминаемые в кносских надписях приношения «pasi teoi», то есть «всем богам». Однако с этим культом мы встречаемся в Греции, как указывает С. Я. Лурье (там же, стр. 138), и в доэллинистическое время, например у Гомера (ср. πᾶσι θεοῖσι, Od. 14.423), Эсхила, Аристофана и др. В «Documents» (стр. 127—128) приводится соответствующая параллель из ведийских гимнов. Имеются и древневосточные параллели.

К стр. 226.

[7]. Утверждение Чэдуика, что крито-микенские таблички написаны 30—40 почерками (писцами), уточняется в настоящее время. Бельгийский исследователь Ж. П. Оливье сообщил на микенологическом симпозиуме в г. Брно, что примерно 2500 (из 3500 опубликованных) табличек можно отнести на счет 41 «основной» и 25 «второстепенных» рук. По его мнению, в одном кносском дворце могло быть от 75 до 100 писцов. Ж. П. Оливье присоединяется к высказанному Бенеттом и Чэдуиком предположению, что, по-видимому, речь идет здесь не о

профессиональных писарях, а об умеющих писать и отвечающих за различные участки дворцового хозяйства царских чииовииках.

К стр. 227.

[8]. Замечаиие Чэдуика о том, что в микеискую эпоху письмо было доступно лишь «бюрократическому» кругу лиц, является, может быть, «иесколько поспешным» (см. С. Я. Л у р ь е, ВДИ, 1960, 1, стр. 139).

К стр. 229.

[9]. Вопрос о формах на -φι в крито-микенских текстах и у Гомера подробио рассматривается в статьях М. Лежеиа и И. М. Троиского. См. M. L e j e u n e, La désinence -φι en mycénien, «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», v. 52, 1957, стр. 170—201; И М Т р о н с к и й, Образования иа -φι в гомеровском эпосе, «Eirene», I, 1960, стр. 37—50.

Н. С. Гринбаум

ЭТЕОКИПРСКИЕ НАДПИСИ

Догреческий язык о. Кипра, так называемый этеокипрский (то есть «истинно кипрский»), известен по нескольким надписям VI—IV вв. до н.э., выполненным характерным слоговым письмом, употреблявшимся в греческой эпиграфике острова Кипра. Всего известно 14 текстов. Среди них — небольшая этеокипрско-греческая билингва.

Интерпретация этих документов наталкивается на серьезные трудности. Небольшое число памятников, несовершенство системы письма, затемняющей действительный фонетический облик слов и отсутствие в большинстве случаев ясного словораздела — обстоятельства, препятствующие применению комбинаторной методики. Мало помогает и единственная билингва, обе части которой оказались не вполне идентичными. В греческом, более кратком, ее тексте (ἡ πόλις ἡ 'Αμαθουσίων 'Αρίστωνα 'Αριστώνακτος εὐπατρίδην «Город жителей Аматонта Аристону, сыну Аристонакта, благородному») только два слова не являются собственными именами: ἡ πόλις «город» и εὐπατρίδην «благородный». В этеокипрском (a-na/ma-to-ri/u-mi-e-sa-i-mu-ku-la-i-la-sa-na/a-ri-si-to-no-se/a-ra-to-va-na-ka-so-ko-o-se*/ke-ra-ke-re-tu-lo-se-ta-ka-na-ku?/no?-so-ti/a-lo/ka-i-li-po-ti) им, вероятно, соответствуют ana matori «этот город» и kerakeretulose.

Из других памятников переводу поддается, например, граффито № 11 **: ta-ve-ta-re-se «это (некоего) Ветария (сосуд)». В большинстве случаев, однако, объяснимы лишь единичные слова, как, например, указательные местоимения ta и ka «это, то» или a-i-lo «а также» (ср. греч. ἄλλος, кипр. αἶλος с тем же значением).

Благодаря разысканиям в области собственных имен удалось проследить некоторое сходство этеокипрского языка с древнеанатолийскими, в частности с карийским. С другой стороны, среди объясненных элементов его морфологии и лексики обнару-

---

* Это слово интерпретируется как род. п. на -se от притяжательного прилагательного на -oko-, в данном случае выражающего отчество и образованного от имени собственного *A-ra(s)-to-wa-na-ko-s(e), что соответствует греч. Aristōnax, Aristowanax.— *Прим. ред.*

** Здесь и далее нумерация надписей дается по изданию И. Фридриха: J. Friedrich, Kleinasiatische Sprachdenkmäler, Berlin, 1932, стр. 50—52.

живаются также соответствия с этрусским. Например, этеокипр. -se (род. п.) — этр. -s; этеокипр. -ti (абл. или лок.) — этр. -t, -ϑ; этеокипр. -ulo (суфф. отыменных прилагательных) — этр. -(u)l (также окончание род. п.); этеокипр. -oko (суфф. принадлежности) — этр. -uχ, -aχ (в словах, обозначающих этническую принадлежность). Из лексических параллелей можно отметить уже упоминавшиеся местоименные формы: этеокипр. ana — этр. an, ana «это»; этеокипр. ta — этр. ta «этот, тот»; этеокипр. ka — этр. ca «этот, эта», а также этеокипр. matori «город» — этр. meϑl- (<*meϑul-) «город-государство; городская община».

Надо надеяться, что дальнейшие поиски в этом направлении принесут новые фактические данные, которые помогут выяснению вопроса о характере и исторических связях этеокипрского языка и в какой-то мере будут способствовать постепенному проникновению в смысл этеокипрских надписей.

А. И. Харсекин

Т. Б. Джоунз

ЗАМЕТКИ ОБ ЭТЕОКИПРСКОМ ЯЗЫКЕ *

Хотя кипрское слоговое письмо было известно уже ранее и исследовалось в течение почти пятидесяти лет, мало кто до 1911 года предполагал, что некогда оно использовалось для записи языка, отличного от греческого. Это был год, когда Р. Мейстер опубликовал две надписи на «негреческом языке», обнаруженные им в Эшмолеанском музее в Оксфорде [1]. Позже, в 1913 г., Ж. Вандриес обратил внимание на две такие же надписи, принадлежавшие Лувру [2]. Но самое важное пришло еще через год, когда Э. Зиттиг издал двуязычный текст из акрополя в Аматунте [3]. Надпись эта со всей очевидностью показала, что знакам силлабария придавались одни и те же фонетические значения независимо от того, употреблялись ли они для записи греческого или этеокипрского языка. Со временем были выявлены и другие этеокипрские памятники: граффито из Абидоса, фрагментированный текст, намного ранее изданный в сборнике греческих надписей Кипра, и краткие легенды на монетах и печатках.

Основываясь на этих надписях, исследователи предпринимали попытки рассмотрения этеокипрского языка. Однако скудость материалов вынуждала лингвистов высказывать крайне неубедительные предположения. Неточные издания текстов создают дополнительные трудности для их интерпретации. Знаки транслитерируются неверно, да и словоделение проводится подчас ошибочно. Цель настоящих заметок состоит поэтому в том, чтобы предложить новые чтения пяти важнейших этеокипрских надписей и показать, что может быть получено в результате их пересмотра.

Исходя из опубликованных фотографий [4], предлагается читать надписи I, II и III, как показано ниже. Тексты V и VI в

* Tom B. J o n e s, Notes on the Eteocypriote inscriptions.— «American Journal of Philology», LXXI, 1950, стр. 401—407. Переведено со значительными сокращениями.

[1] R. M e i s t e r, в: «Berl. Sitzungsberichte», 1911, стр. 166—169.

[2] J. V e n d r y e s, в: «Memoires de la Société de Linguistique de Paris», XVIII, 1913, стр. 271—280.

[3] E. S i t t i g, в: «Archaiologikē Ephēmeris», XXXII, 1914, стр. 1—2.

[4] Фотографии I и II даны у Мейстера (указ. раб., после стр. 169), III и IV представлены у Вандриеса (указ. раб., между стр. 276 и 277). Свое сообщение о билингве Зиттиг снабдил фотографией части самого камня и снимком эстампажа другой его части [1].

исправлениях не нуждаются, а текст IV придется отложить до более позднего рассмотрения.

I. vi-ti-le ra-nu ta-na mu-no-ti/a-i-lo e-ki ja-no-ti ma-na ko-/ to-u-pa-ra (или ki; или la)-mi ra-nu ta-na mu-/no-ti

II. a-na ta-si tu-sa e-ki vi-ja-ki ma-na/a-po-i e-ki ma-ri ma-na tu-mi-ra/i-mi-ka-ni pu-e-ne-mi-na pa-na-mo/vo (или ka)-ni-o ta-ra-vi ka-va-li-ja ma-na mi-?

III. tu a-li-ra-ni o-i-te tu-tu (или su) ta-le-ja pa-ku-ke a-no-ti ta-so-ti/a-pu-e-ma o-i-te a-?-ra (или le)-ma ma-na a-so-na tu-ka i-mi-no-na/a-ja-i-a ko-?-? a-na ta-? a-so-na tu-ka i-mi-no-na/ tu-mi-ra o-i-te i-mi-ka-ni o-i-te ta-ko e-ne-mi-na o-/i-te ta-ra-vo e-ne-mi-na ? -ti (или ka)-la-va-ka (или ti)-ke mu(или va)-so-ti

В этих надписях (I, II, III, V и VI) идентифицируется ряд собственных имен. В билингве (V, I) упомянуты Арист и Аристонакт, amota asatiri в VI толкуется как «Аминт, сын Асандрия». Кречмер читал pa-na-mo в II, 3 как Panammū* (Παναμύης)— распространенное в Карии имя, имеющее отзвук в позднехеттском Panamuwatas. Допущение, что данные надписи могут содержать некоторые карийские имена, представляет интерес. Можно было бы отметить, что ko-to-u-pa-ra-mi (I, 2—3) напоминает Κυτβέλημις и Κτούβολδος. Более того, ta-le-ja (III, 1) не так уж далеко от Τάλλιας. Заслуживает внимания предположение Кречмера о том, что ka-va-li-ja (II, 4) напоминает Kabalia — топоним в Азии.

Четвертая этеокипрская надпись, хотя и высечена на том же камне, что и третья, но она коренным образом отличается от I—III, так как содержит ряд греческих антропонимов. Текст ее мог бы служить важным ключом в дешифровке этеокипрского языка, но камень сильно испорчен, а хорошая его фотография никогда не публиковалась [2]. Чтения Вандриеса и Зиттига большей частью ненадежны.

Вот уже отмечавшиеся в надписи греческие имена:

строка 1 Никатор, сын Аристогона (или Аристогенна)
строка 2 Онасагор; Онасагор, сын Аристонакта
строка 3 Пирра; Эраситим
строка 4 сын Стратона (?), благородный
строка 5 Пирра

* Имя известных царей государства Я'уди или Сам'аль в Северной Сирии (ныне Зинджирли в Турции), считающееся лувийским.— *Прим. ред.*

Список может быть пополнен следующими именами:

строка 4 Филотим (pi-e-lo-ti-mo)
строка 5 Онаситим (o-na-si-ti-mo-se)
строка 6 Филотим (как в строке 4).

В отличие от той части лексики, которую можно было бы назвать «текстовыми словами» (имена, глаголы, предлоги, союзы и т. п.), антропонимы и топонимы, возможно, удастся идентифицировать, если исходить из наблюдений, что надписи содержат ряд слов (не считая греческих личных имен), встречающихся более одного раза. При рассмотрении греческих надписей Кипра (как алфавитных, так и силлабических) находим, что частотность некоторых «текстовых слов» в них выше частотности собственных имен. Принимая в качестве рабочей гипотезы, что то же верно и по отношению к этеокипрским надписям, можно составить следующий список слов, которые встречаются два или более раз в текстах I, II, III, V и VI:

Группа 1 (окончание -na)

ana II,1; III,3; V,1; VI,1
asona III,2; III,3
(pu)enemina II,3; III,4; III,5
iminona III,2; III,3
mana I,2; II,1; II,2; II,4; III,2
tana I,1; I,3

Группа 2 (окончание -oti)

munoti I,1; I,3
musoti III,5; V,2 (чтение Зиттига)

Группа 3 (разные окончания)

ailo I,2; alo V,2
eki I,2; II,1; II,2
imikani II,3; III,4
oite III,1; III,2; III,4
ranu I,1; I,3
taravi II,4; taravo III,5
tuka III,2; III,3
tumira II,2; III,4

Заметим, что все слова в группе 1 оканчиваются слогом -na, а в группе 2 — слогами -oti. К последней следует, возможно, добавить anoti (III, 1), tasoti (III, 1), kailipoti (V, 2) и alioti (IV, 3; IV, 5). Ряд слов, не вошедших в эти группы, уже упоминался как потенциальные личные или местные наименования. Добавим, что matori (V, 1), по предположению Зиттига, означает Amathūs [3], тогда как kerakeretulose является, как полагают, этеокипрским эквивалентом εὐπατρίδης «благородный». Из остальных слов надписей I, II и III слово tu-sa (II, 1) находим в IV, 4 и, возможно, в V, 1; tu-tu-su (III, 1) — в IV, 5; tu (III, 1) — в IV, 1; ta-ko (III, 4) — в IV, 5 и IV, 6. После этого в первых трех

текстах остается пять слов, сохранившихся фрагментарно[5], еще два довольно загадочных слова[6] и пять слов, которые могут быть собственными именами.

Вот эти последние слова:

1. vi-ti-le (I, 1 с последующим ranu tana) представляет собой собственное имя, если к этой же категории относится kotouparami (за которым также следует ranu tana).
2. a-ja-i-a (III, 3) напоминает 'Ἀχαια-.
3. a-li-ra-ni (III, 1) напоминает сложное образование с ranu.
4. ta-si (III, 1) могло бы быть Δάσων — еще одним галикарнасским [4] именем.
5. a-pu-e-ma (III, 2) малоперспективно. В случае чтения a-pu-ta-ma можно было бы сблизить с финикийским Abdemon, но правильным представляется скорее чтение *e*, чем ta.

В заключение следует отметить, что данные надписи, весьма вероятно, содержат имена божеств, несмотря на тот факт, что до сих пор ни одно из них не идентифицировано. Греческие надписи Кипра изобилуют ими. То же можно сказать и о финикийских надписях острова.

КОММЕНТАРИЙ

К стр. 257 [1].

(Дополнение к прим. 4). Новые, очень хорошие снимки надписей I—IV были опубликованы О. Массоном («Syria», XXX, 1953, стр. 83—88, табл. XV—XVIII).

К стр. 258 [2].

В настоящее время такое издание имеется: O. Masson, в: «Syria», XXX, 1953, табл. XVI—XVII.

К стр. 259 [3].

По мнению других авторов, matori означает «город». Это тем более правдоподобно, что в соответствующем месте параллельного греческого текста находим, как уже отмечалось выше, ἡ πόλις «город».

Мало того, учитывая, что основа имени Amathūs — amathont-, кажется странным, чтобы она могла дать в этеокипрском matori.

К стр. 260 [4]. То есть карийского происхождения.

А. И. Харсекин

---

[5] mi-? (II, 4); ko-? (III, 3); ta-? (III, 3); vo (или ka)-ni-o (II, 4); ?-ti-la-va-ka-ke (III, 5).

[6] a-po-i (II, 2); pa-ku-ke (III, 1).

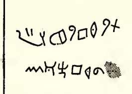
ЗАПАДНОСЕМИТСКОЕ ПИСЬМО

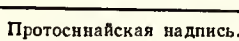
Как исключение в настоящем сборнике приводится статья известного историка, лингвиста и теоретика письма Игнациуса Ежи (Джея) Гельба, посвященная не расшифровке какой-либо определенной системы письменности, а теоретическим вопросам возникновения алфавитного письма вообще. Мы поместили ее в наш сборник потому, что без учета идей Гельба достаточно успешная работа дешифровщика и интерпретатора слоговых и алфавитных письменностей в нынешнее время вряд ли возможна.

В ученом мире теория И. Гельба приобретает все больший вес. Согласно его теории, знаки семитского письма воспринимались носителями этого письма не как «консонантные», но как слоговые (и аналогично воспринимались египтянами так называемые «консонантные» знаки египетского письма). Каждый такой знак считался обозначением сочетания согласного с любым из возможных гласных либо с нулем гласного.

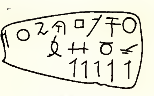
Греки и фригийцы, переняв у семитов их письмо, первоначально, видимо, также использовали его как слоговое, однако структура индоевропейских языков, какими являются фригийский и греческий, обусловила довольно быструю эволюцию заимствованного силлабария в алфавит. Очевидно, сходный процесс произошел и в западной и в южной Малой Азии: в надписях, выполненных потомками хетто-лувийцев, пользовавшихся буквенным письмом, можно найти слова (преимущественно имена собственные), в которых отсутствуют буквы для гласных. Сохранение таких «консонантных написаний» свидетельствует не только об архаичных способах записи собственных имен, но и о том, что на письме собственные имена легче других слов опознавались в малоазийских индоевропейских языках по «консонантному костяку». Носители же языков семитской структуры, быть может, легче могли опознавать и обычные слова, даже если в записи их отсутствовали специальные знаки для гласных, поскольку гласные мыслились как неотъемлемая часть «консонантного» знака. Однако и у семитов новый тип письма широко вошел в практику лишь тогда, когда были введены обозначения хотя бы только для долгих гласных, а также словораздел.

И. М. Дьяконов





Протосинайская надпись.



Протобиблская надпись.

Сравнительная таблица важнейших семитских письменностей

ТРАНСЛИ-ТЕРАЦИЯ	УГАРИТСКАЯ	ФИНИКИЙСКАЯ	ПАЛЕСТИНСКАЯ	АРАМЕЙСКАЯ	ЕВРЕЙСКАЯ КВАДРАТН.	СИРИЙСКАЯ	АРАБСКАЯ	ЮЖНО-АРАБИЙСКАЯ	ЭФИОПСКАЯ
ʾ	𐎀=a; 𐎛=i; 𐎜=u	𐤀	𐤀	𐡀	א	ܐ	ا	𐩱	አ
B	𐎁	𐤁	𐤁	𐡁	ב	ܒ	ب	𐩨	በ
G	𐎂	𐤂	𐤂	𐡂	ג	ܓ	ج	𐩴	ገ
D	𐎄	𐤃	𐤃	𐡃	ד	ܕ	د	𐩵	ደ
Ḏ							ذ	𐩹	ዘ
H	𐎅	𐤄	𐤄	𐡄	ה	ܗ	ه	𐩠	ሀ
W	𐎆	𐤅	𐤅	𐡅	ו	ܘ	و	𐩥	ወ
Z	𐎇	𐤆	𐤆	𐡆	ז	ܙ	ز	𐩸	
Ḥ	𐎈	𐤇	𐤇	𐡇	ח	ܚ	ح	𐩢	ሐ
Ḫ	𐎃						خ	𐩭	ኀ
Ṭ	𐎉	𐤈	𐤈	𐡈	ט	ܛ	ط	𐩷	ጠ
Ṭ̱							ظ	𐩼	
J	𐎊	𐤉	𐤉	𐡉	י	ܝ	ي	𐩺	የ
K	𐎋	𐤊	𐤊	𐡊	כ	ܟ	ك	𐩫	ከ
L	𐎍	𐤋	𐤋	𐡋	ל	ܠ	ل	𐩡	ለ
M	𐎎	𐤌	𐤌	𐡌	ם	ܡ	م	𐩣	መ
N	𐎐	𐤍	𐤍	𐡍	ן	ܢ	ن	𐩬	ነ
S	𐎒, 𐎝	𐤎	𐤎	𐡎	ס	ܣ		𐩪	
ʿ	𐎓	𐤏	𐤏	𐡏	ע	ܥ	ع	𐩲	ዐ
Ġ	𐎙						غ	𐩶	
F(P)	𐎔	𐤐	𐤐	𐡐	ף	ܦ	ف	𐩰	ፐ=p, ፈ=f
Ṣ	𐎕, 𐎑	𐤑	𐤑	𐡑	ץ	ܨ	ص	𐩮	ጸ
Ṣ́							ض	𐩳	ፀ
Q	𐎖	𐤒	𐤒	𐡒	ק	ܩ	ق	𐩤	ቀ
R	𐎗	𐤓	𐤓	𐡓	ר	ܪ	ر	𐩧	ረ
Ś	𐎝				שׂ		س	𐩯	ሰ
Š	𐎌	𐤔	𐤔	𐡔	שׁ	ܫ	ش	𐩦	ሠ
T	𐎚	𐤕	𐤕	𐡕	ת	ܬ	ت	𐩩	ተ
Ṯ	𐎘						ث	𐩻	

И. Гельб

IV. ЗАПАДНОСЕМИТСКИЕ СИЛЛАБАРИИ *

1. ЗАПАДНОСЕМИТСКИЕ СИСТЕМЫ ПИСЬМА

Прежде чем начинать обсуждение проблемы происхождения и характера семитских силлабариев, имеет смысл вкратце ознакомиться с различными системами письма, существовавшими во втором тысячелетии до н. э. на обширной территории расселения семитоязычных народов от Синайского полуострова до Северной Сирии (далее мы будем употреблять термин «семитский»— алфавит, силлабарий, письмо — исключительно по отношению к системам письма, которые употреблялись народами, говорившими на северо-западных (то есть финикийском, древнееврейском, арамейском и др.) и юго-западных (то есть классическом арабском, южноаравийском, эфиопском и др.) семитских языках, а вместо термина «восточносемитский» будем употреблять термин «аккадский»).

Зимой 1904—1905 гг. английский археолог сэр Уильям М. Флиндерс Питри на Синайском полуострове, вблизи Серабит эль-Хадема, обнаружил несколько камней, покрытых знаками неизвестного дотоле письма. Открытие Питри вызвало незамедлительный и живейший интерес в научном мире. И как следствие его на Синайский полуостров были направлены новые экспедиции, обнаружившие там новые объекты с надписями этого же типа письма. Общее число текстов исчисляется ныне несколькими десятками. Датировка этой письменности и по сей день остается спорной, хотя большинство исследователей считает, на основании археологических данных, что надписи относятся примерно к 1600—1500 гг. до н. э. (неспециалисты не должны смешивать это п р о т о с и н а й с к о е письмо с более поздней «с и н а й с к о й» письменностью, которая является связующим звеном между набатейским и арабским письмом).

Протосинайские надписи начертаны на камнях, часто — на статуэтках, изображающих богинь. Выполнены они, очевидно, семитами, которые работали в медных и бирюзовых копях в районе Серабит эль-Хадема.

Английский египтолог Алан Х. Гардинер в 1916 г. заложил основы дешифровки протосинайского письма, предположив, что

* Эта статья написана автором для настоящего сборника. В ее основе лежит гл. IV книги I. J. G e l b, A Study of Writing (The University of Chicago Press), Chicago — London, 1965. Перевод просмотрен автором.— *Прим. ред.*

4 знака на одной из статуэток богинь должны читаться как B'lt. Такое чтение имени известной семитской богини Баалат, по всей видимости, находит поддержку в том факте, что храм египетской богини Хатхор, отождествляемой с Баалат, был найден в Серабит эль-Хадеме [см. рис. надписи на стр. 262, вверху, слева].

Однако прогресс в дешифровке протосинайского письма очень незначителен со времени, истекшего после публикации работы Гардинера,— это ставит под сомнение сами основы дешифровки. Прогресс этот затруднен не только и не столько скудостью самих текстов, сколько фантастическими домыслами исследователей, пытавшихся прочесть в них имена Яхве и Моисея и историю исхода евреев из Египта! (На самом деле тексты являются не чем иным, как обычными посвятительными надписями.) Новейшая работа У. Ф. Олбрайта дает образец пути исследования, который может привести к полной дешифровке протосинайского письма (см. его работу «The early alphabetic inscriptions from Sinai and their decipherment», опубликованную в 1948 г. в BASOR, № 110, стр. 6—22) [1]. Для полноты картины отметим, что на Синайском полуострове найдены две фрагментарные надписи, знаки которых несколько отличаются от знаков протосинайского письма (см. BIE, XVI, 1934, стр. 177—183).

Двигаясь от Синайского полуострова на север, мы попадаем на территорию Палестины. Здесь также были сделаны открытия, имеющие огромное значение для истории письма. В таких удаленных друг от друга местностях, как Бет-Шемеш, Эль-Хадр, Гезер, Лахиш, Мегиддо, Шехем, Телль эль-Хеси, Телль эс-Сарем и, возможно, Иерусалим и Телль эль-Аджжул, были найдены различные предметы (главным образом горшки и черепки) с короткими надписями, выполненными знаками, часть которых сходна с протосинайскими, а часть отличается от них.

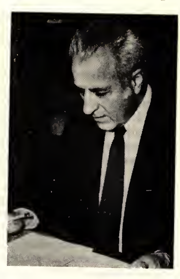
Всего известно около десятка этих надписей [2]. Однако ценность палестинских находок заключается отнюдь не в общем количестве текстов. Гораздо важней места находок этих надписей, ибо они позволяют сделать важный вывод: письменность была широко распространена в Палестине за несколько веков до еврейского вторжения*. Даже беглый взгляд на эти надписи убеждает в том, что они относятся к разным периодам. Точная датировка текстов, разумеется, пока невозможна. Однако фрагменты из Гезера и Шехема можно датировать временем около 1600—1500 гг. до н. э., а некоторые из надписей Лахиша — около 1300—1200 гг. до н. э. Наконец, черепок из Телль эс-Сарема и очень важный в эпиграфическом отношении наконечник копья, найденный крестьянином из Эль-Хадра, деревни, располо-

---

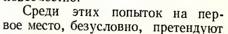
* Вторжение еврейских племен в Палестину датируется примерно XIII в. до н. э.— *Прим. ред.*

женной вблизи окрестностей Вифлеема, датируются примерно 1100 г. до н. э.

Каталог знаков, встречающихся в протопалестинских надписях, отсутствует, и поэтому мы не можем установить, в каком случае надписи представляют одну систему письма, а в каком — несколько систем. Хотя протопалестинские надписи и не прочтены, сам факт их существования на территории Палестины во II тысячелетии до н. э. говорит о том, что здесь была предпринята попытка — или даже ряд попыток — создать систему письма. Такие попытки возникали в ту эпоху в Средиземноморье повсеместно.



Джей Гельб



Среди этих попыток на первое место, безусловно, претендуют загадочные короткие тексты, найденные в Кахуне (Файюм), предположительно датируемые временем фараонов XII династии, то есть первой половиной второго тысячелетия до н. э. Другой, также нерасшифрованный вид письма, был найден в Балуа (Иордания). Согласно Этьену Дриото, оно датируется временем, более поздним, чем правление Рамсеса III (около 1200—1168 гг. до н. э.).

Загадочная письменность, представленная надписью из трех рядов знаков, была найдена на каменном фрагменте в Библе (Финикия), где существовал и иной тип письма (протобиблское или «псевдоиероглифическое протобиблское»), созданный, вероятно, под влиянием эгейских слоговых письмен (линейное письмо А и Б, кипрский и кипро-минойский силлабарии). Другой, также нерасшифрованный вид письма был обнаружен на статуэтке из Библа [3].

Первым памятником протобиблского письма был фрагмент каменной стелы, найденный в 1929 г. и содержащий 10 строк. Затем в ходе раскопок Библа было обнаружено еще 9 объектов с надписями. Среди них две бронзовые таблички, четыре спатулы* и три надписи на камне. Все тексты опубликованы Морисом Дюнаном в его книге «Byblia grammata» [см. рис. протобиблской надписи на стр. 262, вверху, справа].

* Культовый предмет, напоминающий лопатку или мастерок штукатура.— *Прим. ред.*

Протобиблское письмо было исследовано французским востоковедом Эдуардом Дормом («Syria», XXV, 1946—1948, стр. 1—35). Согласно Дорму, текст длиной в 217 знаков содержит 53 различных знака; второй текст, состоящий из 461 знака, содержит 64 различных знака. Дюнан, однако, насчитывает 114 различных знаков в протобиблском письме; кажется, тут есть противоречие, ибо в двух надписях ограниченной длины (содержащих 53 и 64 разных знака) мы должны ожидать наличия полного силлабария, который должен содержать примерно 80—90 знаков.

Дорм называет протобиблское письмо и слоговым, и алфавитным одновременно и даже настаивает на том, что это письмо могло содержать знаки для закрытых слогов типа «гласный плюс согласный». Эти факты несовместимы с тем, что мы знаем о системах письма средиземноморского региона, что заставляет сделать вывод о том, что протобиблское письмо могло иметь характер, сходный со структурой эгейских силлабариев. Но вполне возможно, что пересмотр и переклассификация, которые должен проделать проф. Дорм, смогут устранить трудности, стоящие на пути определения эгейской принадлежности протобиблского письма. Язык этих текстов считается семитским, точнее финикийским [4].

Датировка протобиблских текстов все еще остается нерешенной проблемой. В то время как Дюнан относит ее к последней четверти III тысячелетия до н. э. или первой четверти II тысячелетия до н. э., Дорм занижает дату до XIV в. до н. э. Важность датировки связана с тем, что спатула с финикийской надписью ‘Азарбаала (см. ниже) содержит также знаки, которые, согласно Дюнану, близки к знакам протобиблских надписей. В силу этого датировка протобиблского письма, возможно, должна быть значительно снижена.

Одно из величайших археологических открытий было сделано в конце двадцатых годов в захолустной маленькой деревушке Рас-Шамра, расположенной в нескольких милях к северу от Латакии (древняя Лаодикея), в Сирии. Случайная находка местным крестьянином подземного туннеля (в 1928 г.) повела к раскопкам городища, скрывавшего приморский процветающий древний город Угарит.

С точки зрения истории письма наиболее важное открытие в Угарите заключалось в находке глиняных табличек, покрытых знаками своеобразной клинописи. Это письмо содержало небольшое число различавшихся знаков и имело специальный знак для словораздела, что значительно облегчало дешифровку. В необычайно короткий для истории дешифровок срок письмена были прочтены Гансом Бауэром, Эдуардом Дормом и Шарлем Виролло́ (спустя всего лишь несколько недель после публикации первых текстов!).

Угаритское клинописное письмо содержит 30 разных знаков; из них 27 представляют собой знаки обычного семитского типа, передающие согласный плюс какой-либо гласный. Но в отличие от других семитских систем в угаритском письме употребляются 3 знака, передающие слоги 'a, 'i, 'u. Тексты датируются XIV в. до н. э. и передают семитский язык, родственный финикийскому и древнееврейскому. Употреблялось оно и для передачи хурритского языка, который в ту эпоху был широко распространен на территории Северной Сирии и Месопотамии [5].

Вариант угаритского письма, не так давно обнаруженный в двух надписях из Бет-Шемеша и на горе Фавор в Палестине, заставляет предполагать, что тип клинописи, сходной с угаритской, употреблялся и на территории Палестины в середине II тысячелетия до н. э. (проблема эта обсуждается в статье A. Herdner, A-t-il existé une variété palestinienne de l'écriture cunéforme alphabetique?.— «Syria», XXV, 1946—1948, стр. 165—168).

Одной из наиболее важных находок, сделанных в последние годы в Рас-Шамре, было открытие древней «азбуки», порядок следования знаков в которой совпадал с порядком следования знаков в «алфавитах» более поздних западносемитских письменностей (финикийского, древнееврейского и др.). При этом в угаритском «алфавите» имелось пять знаков, отсутствовавших в позднейших западносемитских (Ḫ, Š, Ḏ, Z, Ġ); знаки № 28 и 29 ('i и 'u, являющиеся по своей структуре производными от знака № 1, обозначающего'), а также знак № 30, применявшийся обычно лишь для передачи одного из хурритских звуков,— все появившиеся вследствие локального развития — помещены в самом конце «азбуки».

В середине девятнадцатого столетия была обнаружена древнейшая семитская надпись, выполненная «алфавитным» письмом,— знаменитый моабитский камень царя Меша', датируемый серединой IX в. до н. э. С той поры наши знания в области семитской эпиграфики значительно возросли благодаря находкам в Библе, позволившим провести более точную классификацию знаков ранних периодов развития семитского «алфавитного» письма.

В настоящее время древнейшей семитской надписью, выполненной этим письмом, считается надпись на саркофаге царя Ахирама и граффити* на одной из стен гробницы Ахирама, обнаруженной в Библе. Обычно надпись Ахирама датируют XIII в. до н. э., основываясь исключительно на стратиграфии слоев, сравнивая ее с египетскими материалами. Моложе с точки зрения эпиграфики надписи 'Азарбаала и Йехимилка из Библа

* Процарапанные надписи.— *Прим. ред.*

и надпись на бронзовом наконечнике стрелы, найденная в Рувейсе (Ливан). Наконец, примерно к X в. до н. э. можно отнести надпись Абибаала, которая по историческим данным может быть датирована временем правления египетского фараона Шешонка I (около 945—924 гг. до н. э.), а также надпись Элибаала, датируемую временем правления Осоркона I, сына Шешонка I (около 924—895 гг. до н. э.). Датировка М. Дюнаном надписей Шапатбаала и 'Абда'а XVIII и XVII вв. лишена оснований (как доказал это У. Ф. Олбрайт, датировавший эти надписи началом IX в. до н.э.; см. BASOR, № 102, 1946, стр. 20).

В связи с проблемой датировки древнейших финикийских надписей необходимо сделать следующее предостережение. Эпиграфические различия между самыми ранними надписями, такими, как надписи Ахирама, и более поздними, такими, как надписи Абибаала и Элибаала, не столь велики, как можно было бы ожидать, учитывая трехсотлетний промежуток между ними. Поскольку датировка надписей Абибаала и Элибаала X в. до н. э. бесспорна, с точки зрения эпиграфики целесообразно снизить датировку самых ранних надписей на два столетия (снижение датировки надписи Ахирама до XI в. до н. э., предпринятое различными исследователями и поддержанное Олбрайтом (в JAOS, XVII, 1947, стр. 153—160), подтверждается и археологическим материалом; см. «Постскриптум» к книге Дюнана «Byblia grammata», стр. 197 и сл.).

На основании наших знаний о ранних семитских системах письма мы можем реконструировать следующую картину:

1) Протосинайские тексты (около 1600—1500 гг. до н. э.) выполнены системой письма, состоящей из небольшого числа различных знаков, имеющих рисуночный характер (предмет, изображаемый знаком, может быть без труда опознан). Безусловно, до нас дошли далеко не все знаки протосинайского письма. Число знаков равно 31 (по Лейбовичу), но оно может быть сокращено, если принять во внимание, что знаки, считающиеся самостоятельными, могут оказаться лишь вариантами основных знаков.

2) Приблизительно к этому же периоду, до 1100 г. до н. э., относятся протопалестинские тексты из Гезера, Шехема и др. Хотя некоторые из знаков протопалестинского письма носят рисуночный характер, большинство знаков являются линейными, геометрическими. Ряд знаков, входивших в систему письма, видимо, не представлен наличными текстами. Ограниченность материала делает невозможным сравнение протосинайского и протопалестинского письма. Последнее, весьма вероятно, представляет одну или несколько попыток создать систему письма, сходную по внутренней структуре с протосинайской системой письма, но отличающуюся от нее по внешней форме знаков.

3) Все недешифрованные надписи из Кахуна, Балуа и Библа, возможно, являются образцами других попыток создать системы письма, сходные по своей внутренней структуре с протосинайским и протопалестинским письмом. Знаки имеют линейный характер.

4) Угаритское письмо XIV в. до н. э. представлено знаками из групп клинообразных черт (которые в связи с этим по необходимости имеют линейную форму). Попытки некоторых исследователей произвести угаритское письмо либо от протосинайского (А.Т.Э. Олмстед в 1931 г., X.Бухман в 1934 г.,Э.Берроуз в 1936 г., Б. Розенкранц в 1938 г.), либо же от месопотамской клинописи (Э. Эбелинг в 1934 г.) оказались неудачными. Хотя иноземное влияние могло сказаться на выборе внешней формы знаков*, в большинстве случаев облик угаритских знаков является результатом свободного индивидуального творчества.

5) Наконец, около 1000 г. до н. э. появляются самые ранние библские надписи, выполненные «алфавитным» письмом, имеющим чисто линейную форму знаков. Число разных знаков равно 22. Из всех многочисленных попыток семитских народов создать новый тип письма это была самая успешная. Непосредственно от этого письма, как в отношении выбора внешней формы знаков, так и по своей внутренней структуре, происходят четыре основных вида семитского письма, представленные финикийской, палестинской, арамейской и южноаравийской ветвями. Последняя, южноаравийская, возможно, единственная из всех четырех ветвей, может быть непосредственно произведена из финикийского прототипа. Южноаравийское письмо, по всей вероятности, появилось в первой половине первого тысячелетия до н. э., хотя различные исследователи предлагают как более раннюю, так и более позднюю датировку (так, А. Жамм датирует одну из недавно обнаруженных южноаравийских надписей IX—X вв. до н. э.; см. BASOR, № 137, 1955, стр. 32—38). В южноаравийском письме 29 знаков; ряд этих знаков почти идентичен с угаритскими; но, кроме того, в южноаравийском содержится семь знаков, отсутствующих в финикийском письме. Форма знаков южноаравийского письма линейная, и, хотя некоторые знаки идентичны финикийским по форме, большая часть знаков является результатом самостоятельного творчества [6].

Если свести в единую таблицу знаки основных семитских систем письма и привести соответствующие чтения знаков, нетрудно увидеть большое сходство формы и числа знаков в финикийском, арамейском и палестинском письме. Большее число знаков в угаритской, южноаравийской, эфиопской и арабской

* Клинообразная форма черт знаков в угаритском письме прежде всего объясняется тем же материалом для письма, что и в Вавилонии, а именно — пластичной глиной, и тем же орудием письма.— *Прим. ред.*

письменностях объясняется тем, что языки, представленные этими письменами, содержали большее число разных фонем, чем остальные семитские языки* [см. табл. на стр. 262].

Называя надпись Ахирама из Библа прототипом всех последующих семитских систем письма, мы вовсе не хотим утверждать, что этот тип письма был создан именно в Библе или даже в Финикии. Просто нам посчастливилось обнаружить самые ранние образцы семитского письма в Библе и Финикии, но никто, однако, не станет отрицать возможности того, что любой город обширного района, простирающегося от Синайского полуострова до Северной Сирии, в принципе мог быть местом рождения прототипа всех семитских письменностей.

Такова краткая история происхождения семитского письма— от различных попыток, начавшихся в середине II тысячелетия до н. э., до создания четкой системы, которая завершилась после 1000 г. до н. э. И здесь встает вопрос об исследовании *истоков* семитского письма, один из наиболее дискуссионных вопросов в востоковедении. Полное освещение его потребовало бы целой книги, и даже простое перечисление различных точек зрения потребовало бы объема, намного превосходящего объем настоящей статьи. Поэтому мы отметим лишь, что выдвигались самые различные системы письма, существовавшие на Ближнем Востоке, в качестве прототипа семитского письма. Среди них — египетское, во всех трех его формах (иероглифической, иератической, демотической); ассирийская, вавилонская, шумерская клинопись; критское рисуночное письмо; кипрский силлабарий; хеттская иероглифика и даже германские руны!

2. КРИТИКА «ЕГИПЕТСКОЙ ТЕОРИИ» ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЕМИТСКОГО ПИСЬМА

Среди многочисленных теорий происхождения семитского письма наиболее популярна так называемая «египетская теория», которая основывается почти целиком на формальном сходстве знаков. Обычная интерпретация сторонников «египетской теории» такова. Сначала формы знаков семитского письма были заимствованы прямо от знаков египетского письма (иероглифики, иера-

* Это утверждеиие оказалось иеточным. Новые иаходки показали, что одиовремеиио с угаритским клииописным «алфавитом» из 30 зиаков существовал и его вариаит, имевший те же 22 зиака, что и фииикийское письмо, между тем как в угаритском языке заведомо было больше 22 согласиых. Точно так же есть основание думать, что и в фииикийском, сверх известиых иам 22 согласиых, существовали еще по крайией мере согласиые ṯ (ẓ), ś, γ и, возможно, ḫ и ś, ио они передавались теми же знаками, что и ṣ, š, ʻ, а также ḥ и ṣ.—*Прим. ред.*

тики либо демотики). Затем логографические значения египетских знаков, служивших для фонетической записи слов (или основ слов), были переведены на семитский язык и дали названия знакам письма. Наконец, семитские чтения знаков образовывались от соответствующих названий по так называемому акрофоническому принципу. Например, берется египетский знак для обозначения дома в качестве одного из знаков семитского письма. Затем египетское слово p^xr^x «дом» (значком ^{x} здесь и далее обозначается любой гласный звук, следующий за согласным — [a], [e], [i] и т. д.) переводится на семитский язык и получает звучание bêth «дом» и становится названием буквы. Наконец, знак дома, передающий эту букву bêth, получает чтение b по акрофоническому принципу.

Египетское происхождение знаков семитского письма подтверждается, по мнению многих исследователей, и тем фактом, что в обоих системах письма «алфавиты» сходны в том отношении, что они не имеют знаков для передачи на письме гласных звуков и являются так называемыми «консонантными алфавитами» [7]. Однако столь якобы «самоочевидное» сопоставление знаков показывает со всею очевидностью лишь слепоту исследователей, придающих значение внешней форме знаков и игнорирующих внутреннюю структуру системы письма. Находка протосинайских письмен, выполненных семитами на территории, подвластной Египту, дала новый импульс «египетской теории» происхождения семитского письма: протосинайские знаки были тотчас же объявлены долгожданным «недостающим звеном», соединяющим воедино египетские и более поздние семитские письмена.

Так было до тех пор, пока около четверти века назад проблема происхождения семитского письма не начала освещаться группой исследователей, стоящих на совершенно иных позициях. Главная идея их заключалась в том, что при анализе различных систем письма формальное сравнение знаков имеет гораздо меньшее значение, чем выявление *внутренних структурных характеристик* сравниваемых систем письма. Это положение отнюдь не ново. Уже в годы первой мировой войны и несколько позже Амелия Гертц и К. Ф. Леманн-Хаупт высказали эту мысль и показали на примере многих письменностей, существующих у племен, стоящих на низком уровне развития культуры, что внешние формы знаков свободно варьируются и изменяются, хотя их внутренние структурные характеристики возникают под воздействием стимула, полученного от знакомства с европейскими системами письма. После появления статей Иоганнеса Фридриха (статьи 1935, 1937, 1938 гг.), Рене Дюссо (статья в «Syria», XXV, 1946—1948, стр. 36—52; и более ранние статьи в том же журнале — XI, 1930, стр. 185 и сл.; XIX, 1938, стр. 88 и сл.) и Ганса

Бауэра (AO, XXXVI, 1—2, 1937) этим идеям стали придавать должное значение (см., например, статью Витторио Пизани «Origini dell'alfabeto», опубликованную в ARSNSP, Пиза, серия XI, т. V, 1936, стр. 267—277).

Из этих работ наиболее непосредственное отношение к проблеме происхождения семитских алфавитов имеет ясная и логичная работа Бауэра, вышедшая в свет уже после смерти ее автора. Идеи ее и будут положены в основу нижеследующего обсуждения проблемы (к сожалению, около десятка статей, опубликованных в Германии позже и посвященных происхождению семитского письма, написаны в духе старых представлений и не вносят коренных изменений в решение проблемы).

Основной принцип прежних исследований заключался в том, что классические семитские письмена, начиная с надписи Ахирама, сравнивались с другой системой письма — египетской. Но даже и поныне среди сторонников «египетской теории» нет согласия в том, какая же из разновидностей египетского письма — иероглифическая, иератическая или демотическая — послужила прототипом для ф о р м знаков семитского письма. И если ограничиться лишь одной из этих разновидностей — скажем, иероглификой,— встает вопрос о том, каким же образом из нескольких сотен иероглифов была отобрана основа для 22 знаков семитского письма? (Ясно, что если производить формы семитских знаков из иератики или демотики, или же из всех трех разновидностей сразу, то это отнюдь не облегчит задачу.)

Как яркий контраст этому стоит назвать хотя бы такое очевидное и убедительное происхождение знаков греческого алфавита из семитского письма, знаков хурритской клинописи из месопотамской, японского из китайского письма и даже кипрского силлабария из критского. Много лет назад я отмечал, что если в дискуссии по истории какого-либо алфавита одинаково можно выдвинуть десятки различных и противоречивых мнений, которые все основаны на формальных признаках, то следует поставить под сомнение само исходное предположение. Либо происхождение данной письменности в общих чертах наглядно прослеживается, и тогда дискуссия должна вестись в определенных рамках (как, например, в случае греческих букв, происходящих непосредственно из семитских знаков), или же существование многочисленных и противоречивых мнений свидетельствует о некорректности самого метода формального сравнения (как это имеет место при обсуждении проблемы происхождения германских рун). Отсюда следует вывод: когда нет согласия в том, какая из систем послужила прототипом для другой системы, то скорей всего, знаки этой системы не заимствованы со стороны, а являются результатом свободного и произвольного выбора форм. И анализ знаков семитского письма иллюстрирует это положение.

Существует мнение, будто знаки древнего финикийского письма происходят от рисунков. Знак, обозначающий букву *'āлеф*, образован от рисуночного знака, изображавшего голову быка; знак *бēт* — от изображения дома и т. д. Но и здесь, как и в случае отбора египетских знаков, нет согласия между исследователями в том, какой предмет изображал первоначально тот или иной знак финикийского письма (обширный список толкований содержится в книге Драйвера «Semitic writing», 1948, стр. 152—171).

Поясним для несемитологов: исследователи толкуют знак *'āлефа* как изображение бычьей головы не потому, что знак действительно похож на форму головы быка, а просто потому, что в семитских языках слово 'āleph (название данной буквы) означает «бык» — и в силу этого предполагается, что знак изображал голову этого животного!

Ни один из знаков семитского письма не имеет формы, которая бы явно указывала на его первоначальный рисуночный характер. Огромные трудности, возникающие при трактовке знаков как рисунков, ярко видны из следующих примеров: ряд знаков, например знаки букв *хê*, *ẋêт*, *ṭêт*, *цāдê*, носят названия, которые не могут быть объяснены с помощью слов какого-либо из семитских языков. С другой стороны, названия таких букв, как, например, *гӣмель*, *лāмед*, *сāмех*, *ķōф*, можно объяснить как слова семитских языков, но соответствующие знаки очень трудно объяснить как происходящие из подходящих по смыслу к этим словам рисуночных знаков. При этом некоторые знаки, по всей видимости, имели разные наименования в различные периоды времени и в различных районах. Так, знак, именуемый в хананском письме словом *нӯн* («рыба») — который, однако, не похож на изображение рыбы! — в эфиопском письме именуется словом *наẋāш* («змея»). Больше того: можно высказать предположение, что знак *зайин* «оружие?» первоначально имел наименование *зайит* «оливковое дерево», ибо соответствующая греческая буква называется *дзēта*; греческая буква *сигма* происходит, по-видимому, от слова, звучавшего по-финикийски примерно как *шикм* «плечо», в то время как соответственный финикийский знак обычно именуется *шӣн* «зуб(?)».

Ряд названий знаков можно сгруппировать на основании близости их звучаний, а это говорит о том, что названия давались не на основании рисуночной формы знаков, а на основании фонетического принципа. Так, можно перечислить группу названий, образуемых знаками *вāв*, *тāв* и даже *шāв*, *ķāв*, приводимую в библейской «Книге Исайи» (Исайя 28 : 9—10), и группу, включающую *ẋêт*, *ṭêт* и даже *бêт* (если *бêт* не «дом») и *зêт* (в соответствии с греческим названием буквы *дзêта*). Структура названий семитских знаков, оканчивающихся на согласный звук, сходна

с названиями грузинских букв, где большинство названий оканчивается на звук *н*, например: *ан*, *бан*, *ган*, *дон*, *эн* и т. д.

Пожалуй, наилучшее доказательство тому, что знаки первоначально были не рисунками, а являлись результатом свободного и произвольного выбора, дает сравнение пар простых форм знаков — *хê* и *ẋêт*, *нӯн* и *мêм*, *зайин* и *сāмех*, *тāв* и *ṭêт*. Из этого сопоставления, например, ясно, что знаки *хê*, *ẋêт* происходят не из двух различных рисунков: чтобы получить ḥ, к h была прибавлена черта; знак *тāв*, имеющий форму +, был окружен кружком ○, и тем самым был образован новый знак ⊕— *ṭêт*.

Вторым краеугольным камнем теории египетского происхождения семитского письма является предположение о том, что семиты называли знаки, заимствованные из египетских логограмм, переводя их на свой язык, и затем по акрофоническому принципу получали чтения знаков из этих названий. Иными словами, семиты должны были сначала н а з в а т ь знаки и лишь затем получить их ч т е н и я! Однако в истории письма нет параллелей такому процессу развития. Рассматривая различные типы письмен, я обнаружил, что названия знаков в письменах возникают при выполнении следующих условий:

а) формы знаков, чтения знаков и названия знаков непосредственно заимствуются из одной системы письма в другую (греческие из семитских; коптские из греческих);

б) формы и чтения знаков заимствуются, а названия знаков свободно изобретаются или видоизменяются в последующие периоды существования письма (латинские из греческих, армянские из арамейских);

в) формы знаков и чтения знаков придуманы произвольно; затем к ним придумываются и названия знаков (славянская глаголица; германские руны). Последний случай особенно важен для правильного понимания ситуации, сложившейся при исследовании семитского письма.

Названия знаков глаголического алфавита — *азбуки* (слово происходит из наименований двух первых букв алфавита) таковы: *азъ* «я», *буки* «буква», *вѣди* (от «знать, ведать»), *глаголь* «говори», *добро* «хорошо», и т. д. В древнеанглийском руническом письме, именуемом fūthorc (слово происходит от наименований пяти первых букв алфавита), названия пяти первых букв таковы: feoh «деньги», ūr «дикий бык», thorn «шип, куст», ōs «бог», rād «путешествие», cēn «факел» и т. д. В целом все эти названия имеют одну общую черту: очевидная связь между формами знаков и наименованиями знаков о т с у т с т в у е т. Стоит отметить и тот факт, что названия знаков в древнеанглийском руническом алфавите зачастую отличаются от названий скандинавских рун; например, третий знак в скандинавских рунах именуется не thorn

«шип», а thurs «великан», пятый знак — kaun «опухоль» вместо cēn «факел» и т. д.

Принцип наименований букв столь же произволен, как и принципы той мнемоники, к которой прибегают при обучении детей письму: А — apple («яблоко»), В — bunny* и т. д. или, в другой системе: А — ape («обезьяна»), В — bear («медведь») и т. д. Подобный принцип произвольного выбора названий знаков применяется и в армии США: able («умелый») — для А, baker («пекарь») — для В, Charlie («Чарли») — для С и т. д. или, соответственно, в британском флоте: able — для А, boy («мальчик») — для В, cast («брось») — для С и т. д.

Если мы можем считать доказанным, что знаки древнефиникийского письма не происходят из рисуночных, то бессмысленно говорить о получении чтений этих знаков с помощью так называемого акрофонического принципа. Согласно этому принципу, знак получает чтение по начальной части слова, которое выражено этим знаком (так, если бы имелся знак, передающий слово «дом», то, следуя акрофоническому принципу, в алфавите этот знак дал бы чтение букве Д). Однако история письма показывает, что ни в египетской, ни в месопотамской письменностях акрофонический принцип практически не применялся; случаи же спорадического применения его крайне редки и с большим трудом поддаются истолкованию.

Слоговые знаки в древних системах письма происходят из словесных знаков (логограмм),— но не по акрофоническому принципу эти знаки получали свои чтения! Вопреки мнению К. Зете, высказанному в книге «Vom Bilde zum Buchstaben», Leipzig, 1939, стр. 28 и сл., ни в шумерском, ни в мексиканском письме нет свидетельств о существовании акрофонии. Тот факт, что в клинописи имеется слоговой знак, читающийся tu и как логограмма обозначающий слово tud «рожать», не означает, что слоговое чтение tu развилось по акрофоническому принципу из слова tud, ибо первоначально слово tud могло — и так оно было в действительности — приобрести, вследствие процесса фонетического изменения, звучание [tu], из которого и было впоследствии получено чтение для слогового знака tu. Обычное египетское письмо также не несет в себе следов акрофонии. И лишь в позднюю эпоху упадка можно найти примеры акрофонического чтения некоторых знаков так называемого «энигматического письма». Правда, и здесь Х. У. Фэйрмен в своем мастерском эссе «An introduction to the study of Ptolemaic signs and their values», BIFAO, XLIII, 1945, уничижительным выражением «на акрофонии далеко не уедешь» [8] выражает свое несогласие с обще-

* Ласковое название белки или кролика в сказках.— *Прим. ред.*

принятым мнением о существовании принципа акрофонии даже в эпоху Птолемеев.

Если знаки семитского письма не могли происходить из рисуночных знаков, имевших логографическое чтение (знак = =слову), то, конечно, невозможно утверждать, будто слоговые или алфавитные чтения знаков были получены из чтения логограмм с помощью акрофонического (или любого иного) принципа.

3. ВНЕШНЯЯ ФОРМА И ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА СЕМИТСКОГО ПИСЬМА

Теперь, когда мы показали слабость прежней и до сих пор широко распространенной теории происхождения семитского письма из египетского, мы изложим новую точку зрения. Для того чтобы лучше понять происхождение семитского письма, следует рассмотреть возможности происхождения письменностей вне семитской группы.

1 возможность. Формы знаков и чтения знаков заимствованы, как это имело место в греческом письме (где они заимствованы из финикийского письма).

2 возможность. Формы знаков целиком заимствованы, чтения же частично заимствованы, частично произвольно изобретены (происхождение мероитского письма из египетского).*

3 возможность. И формы и чтения знаков частично заимствованы, частично произвольно изобретены (происхождение южноаравийского письма из северносемитского прототипа).

4 возможность. Формы знаков заимствованы, но чтения знакам даны новые (системы письма, изобретенные индейцами племен саук и фокс). Принцип этот типичен для криптографии (так называемые «шифры замещения»).

5 возможность. Формы знаков частично заимствованы, частично изобретены, но знакам даны новые чтения (например, в слоговом письме индейцев чироки формы знаков базируются на формах знаков латинского алфавита, но имеют иное чтение).

6 возможность. Формы знаков изобретены произвольно и им даны произвольные чтения (как это имеет место в значительном числе письмен, таких, например, как балти, брахми, кельтиберийское, корейское, глаголица, древневенгерское, нумидийское, огамическое, руническое, йезидское, а также в целом ряде письменностей, созданных в наше время, главным образом в примитивных обществах: письмо ваи, баса, менде и др.).

В свете сказанного выше нет нужды обсуждать возможности того, что формы знаков семитского письма могли быть заимст-

* Сюда же относится славянская кириллица, буквы которой частично заимствованы из греческого. — *Прим. ред.*

ваны из какого-либо другого письма. Формальное сходство семитских знаков со знаками других систем письма, отмечавшееся различными исследователями, является не чем иным, как результатом случайного совпадения. О том, что ложные результаты могут быть получены путем некритического сравнения внешних форм знаков, наглядно свидетельствует формальное сопоставление знаков древнефиникийского письма со знаками семи других различных систем письма, выбранных наугад из числа письменностей, знаки которых в основном были заведомо придуманы изобретателями этих письмен (брахми, йезидское, древневенгерское, корейское, нумидийское, древнеанглийское руническое, сомалийское). Во всех восьми сравниваемых системах письма существуют или очень похожие, или полностью идентичные знаки (например, знак + встречается в древнефиникийском, брахми, йезидском, древневенгерском, нумидийском, древнеанглийском, руническом; знак ⊕ — в древнефиникийском и древневенгерском и т. д.).

Причина такого сходства очевидна: хотя чисто теоретически нет никаких пределов числу линейных форм, которые могут употребляться как знаки письма, на практике употребляются главным образом простые формы типа прямых линий, треугольников, квадратов, кругов, ибо они легко запоминаются в процессе обучения письму. А число таких геометрических форм весьма ограничено. Так, Флиндерс Питри в своей книге «The formation of the alphabet» (London, 1912, таблицы II—IV) насчитывает всего лишь около 60 форм, употреблявшихся в качестве отметок или тамговых знаков в различных доисторических и исторических системах Средиземноморского бассейна.

Ганс Бауэр в упоминавшейся выше статье рассматривает знаки криптограммы, придуманной школьником: формы геометрических знаков этой тайнописи во многом совпадают с формами знаков семитского письма, хотя никто, конечно, не будет всерьез предполагать знакомство школьника с семитской эпиграфикой. Подобный вывод можно сделать и из эксперимента, проведенного голландским исследователем Йоганнесом де Гроотом: девятилетняя девочка выполнила его просьбу изобрести новый алфавит из 26 знаков. И семь из них точно совпали по форме со знаками финикийского письма, а остальные могли быть соотнесены с формами синайского, критского и кипрского письма.

Исключив теорию иноземного происхождения семитских знаков и считая их продуктом самостоятельного творчества, мы все же остаемся лицом к лицу с проблемой: какие же формы— линейные или рисуночные — лежали в основе семитских знаков. Формы знаков, известные нам по древнейшим памятникам семитского письма, начиная с надписи Ахирама,— линейные. Но были ли они таковыми во время изобретения этого письма? Или, быть

может, линейность форм является результатом схематизации, упрощения форм рисуночных знаков?

Одно можно утверждать с уверенностью: с одной стороны, ясно, что ряд знаков семитского письма не происходит ни из линейных, ни из рисуночных форм. В пользу линейного происхождения семитского письма говорит линейный характер знаков многих письмен, являющихся результатом свободного творчества (как и семитское письмо; ср. 6-ю возможность приведенного выше списка). С другой стороны, мы должны помнить о различных протосемитских системах письма, существовавших на Синайском полуострове и в Палестине, которые датируются временем, предшествовавшим времени создания надписи Ахирама и других древнейших памятников семитского письма,— и в этих протосемитских системах рисуночные знаки широко распространены. Рисунки, конечно, могли в течение времени развиться в линейные формы — это обычный процесс, свойственный всем системам письма.

Но существуют ли какие-либо формальные соответствия между протосемитскими знаками письмен Синая и Палестины и семитскими знаками надписи Ахирама и ей подобных? Вопрос этот не может быть решен окончательно, ибо нет материала, достаточного для сравнения. По моему мнению, в середине II тысячелетия в районе расселения семитских народов было создано несколько различных систем письма, употреблявших как рисуночные, так и линейные формы знаков. Не исключена возможность сосуществования рисуночных и линейных знаков в одной и той же системе.

В целом же вопрос формального анализа протосемитской и семитских письменностей кажется второстепенным по сравнению с вопросом о в н у т р е н н е й с т р у к т у р е этих систем письма. И если по внешней форме знаков протосемитские и семитские письмена различны, то они полностью идентичны по своей наиболее важной внутренней структурной характеристике: все они состоят из небольшого числа знаков (22—30), причем каждый знак выражает согласный звук и не указывает на характер сопровождающего его гласного. Стоит только сопоставить чтение B‘LT на протосинайской стеле, BL‘ на протопалестинском обломке керамики из Телль эль-Хеси или MLK на саркофаге Ахирама, чтобы эта общая особенность предстала с полной ясностью.

Подобную систему письма естественно назвать «алфавитной». Но на самом деле, как мы это постараемся показать ниже, она является *слоговой* системой письма, знаки которого передают сочетание согласного с произвольным гласным звуком. Конечно, практически большой разницы нет, будем ли мы транскрибировать знаки подобной системы письма с помощью одних

согласных, например, как приведенное выше B'LT, или как B^{xcx}-$L^{x}T^{x}$, где знак x обозначает любой гласный (то есть знак B^{x} может читаться как слог ba, be, bi, bo, bu). Поскольку чтение гласных неизвестно, все равно нам приходится рассматривать знаки как чисто консонантные (согласные). Но это имеет огромное значение для *теоретического* анализа системы семитского письма и его места в эволюции письменности.

И первый вопрос, который встает в этой связи, таков: откуда же семиты могли заимствовать идею употребления знаков, которые указывают на произношение согласного, но не определяют последующего гласного звука? Ответ на него дать незатруднительно: из трех основных типов письма, которые могут приниматься во внимание — месопотамской клинописи, эгейского и египетского письма,— только последнее идентично с семитским письмом в смысле принципа отсутствия передачи гласных.

4. ЕГИПЕТСКИЙ СИЛЛАБАРИЙ

На протяжении всей своей многовековой истории египетское письмо оставалось словесно-слоговым («лого-силлабическим»), то есть употребляющим как знаки для слов (логограммы), так и знаки для отдельных слогов* (силлабограммы). Термин «силлабарий», применяемый нами для обозначения египетских фонетических (несемантических) знаков, следует понимать в его самом обычном смысле, то есть как систему, содержащую слоговые знаки. Эта простая терминология не имеет ничего общего с идеями некоторых египтологов, которые разделяют египетские «фонетические» знаки на две категории: «алфавитные», типа m, и «слоговые», типа tm (этой устаревшей терминологии, введенной А. Эрманом еще в 1902 г. в его «Египетской грамматике», и по сей день придерживаются некоторые египтологи).

Курт Зете в статье, опубликованной в ZÄS (вып. XLV, 1908—1909, стр. 36—43), убедительно показал, что такое разделение неоправданно, ибо оба типа знаков идентичны по структуре. Почти все современные египтологи включают несемантические знаки египетского письма независимо от того, являются ли они односогласными или передают более одного согласного, в разряд «консонантных». Проблема состоит в том, были ли знаки египетского письма алфавитными и слоговыми, как считает большинство египтологов, или же *исключительно силлабическими*, как считает автор этих строк.

Я согласен с египтологами в том, что несемантические знаки египетского письма полностью указывали на состав согласных,

* Точнее, последовательностей согласных и гласных фонем.— *Прим. ред.*

но не передавали различий в гласных, следующих за согласными. Я всецело солидарен с Зете, например, в том, что знак, транслитерируемый египтологами как mn, мог передавать сочетания măn, mĭn, mĕn, mūn, mŏn позднейшего коптского языка (см. Зете, указ. раб., стр. 37 и сл.; Зете также приводит чтения mēne, mīne, mno). В самом деле, в египетском языке могли существовать такие слова, и они должны были передаваться знаком mn.

Конечно, с практической точки зрения нет особой разницы в том, будем ли мы транслитерировать египетские знаки посредством одних согласных,

например, знак записывать посредством букв mn,

как это делают египтологи, или же транслитерировать его как $m^x n^x$, $m^x n^{(x)}$, $m^{(x)} n^x$ и т. д., воспринимая египетское фонетическое письмо как слоговое, в котором последовательно передаются согласные (m и n) и не указываются гласные (^{x}). Однако, с точки зрения теории письма, различие здесь огромно. *Египетские фонетические, несемантические знаки не были консонантными, ибо переход от логографии к консонантному письму, как это считает большинство египтологов, в истории письма неизвестен и немыслим, а известен нам лишь единственный путь развития: от логографии к слоговому письму.*

Пути развития древневосточных систем письменностей, таких, как шумерская, хеттская, китайская, равно как и опыт создания новых письмен, предпринятый американскими индейцами и африканцами (чироки, бамум и др.), свидетельствуют о том, что эволюция всегда шла от логографической к силлабической стадии.

С точки зрения психологии это наиболее естественный путь развития. Первый шаг анализа слова состоит в том, что оно разделяется на *слоги*, а не на гласные и согласные звуки. Действительно, если учесть тот факт, что почти все местные африканские системы письма так же, как и системы письма, созданные американскими индейцами в новое время, остановились на слоговой стадии, не получив дальнейшего развития и не став алфавитными, то нужно сделать вывод, что создатели этих письменностей столкнулись с трудностями при разложении слова на компоненты из отдельных фонем. Таким образом, рассматривая египетские несемантические знаки как консонантные, мы не только игнорируем историю развития других систем письма древнего Востока, но и приписываем египетскому письму уровень абстрагирования, который был достигнут в греческом алфавите лишь тысячи лет спустя.

Как известно, египетский язык входит в большую семью семито-хамитских языков, одной из основных морфологических ха-

рактеристик которой является сохранение «костяка» согласных и изменяемость гласных. Так, например, абстрактный корень *ktb «писать» принимает формы: kataba «пишет», kātib «пишущий», kitāb «книга» и много других форм, производных от трехсогласной основы ktb путем изменения огласовки. Разумеется, это отнюдь не значит, будто «гласные играли более важную роль в греческом языке, чем в семитских», или что «гласные менее важны в семитских языках, чем в индоевропейских», как зачастую утверждают некоторые филологи, ибо текст, в котором опущены гласные, можно читать с одинаковой легкостью — или с одинаковой трудностью — как на индоевропейских, так и на семитских языках: *рскй ткст бз глснх мжн чтт ткж кк ткст в ктрм пштс глсні.*

Правда, в индоевропейских языках различия слов по грамматической форме и по смыслу чаще передаются окончаниями, тогда как в семитских языках главным способом словообразования и словоизменения является изменение состава гласных. Но подобный способ образования форм существует и в индоевропейских языках, например в немецком (brechen, brach, bräche, brich, gebrochen, Bruch, Brüche) или английском (sing, sang, sung, song). Относительная стабильность согласных и изменяемость гласных в семито-хамитских языках и послужила основной причиной того, что египтянами был создан силлабарий, который базировался на знаках, передающих лишь согласные (типа C^x, C^{x}C^x, где знак С обозначает согласный, а знак x — любой гласный).

Утверждение о том, что египетские фонетические знаки как односогласные, так и передающие более одного согласного, всегда начинались с *согласного* звука, расходится с мнением некоторых египтологов, полагающих, что «консонантные» знаки египетского письма могли передавать один (или более) согласный звук плюс любой гласный — как в финальной, так и в инициальной и медиальной позиции. Например, знак РОТ мог передаваться знаками ră, rā, rĕ, rē, ăr, ār ,ĕr ,ēr и т. д., или знак ДОМ мог читаться как par, pĕr, āpr, epr, erpa и т. д. (так, например, считает А. Гардинер в «Egyptian Grammar», Oxford, 1927, § 7).

Реконструкция произношения египетских знаков, передающих сочетание «гласный + согласный», основывается, по-видимому, на наблюдении над рядом египетских словоформ, которые могут проявляться как с инициальным слабым согласным, так и без него. Таковы, например, предлоги ỉ^{x}m^x и m^x, ỉ^{x}r^x и r^x, многие императивы вроде ỉ^{x}ḏ^{x}d^x и ḏ^{x}d^x («говори!») и другие глагольные формы. Рассматривая подобные чередования, некоторые исследователи делают вывод о том, что этот тип написаний (слабый согласный + согласный) употребляется для передачи сочетания «гласный+согласный» наряду с более кратким написанием.

Однако нет нужды в *графической* интерпретации всех этих случаев, ибо появление префиксального'('алефа) может быть объяснено на чисто *фонетической* основе: 'алеф появляется как вторичный элемент, введенный перед двумя смежными согласными, чтобы облегчить их произношение (см. диссертацию Курта Зете о протетическом 'алефе в египетском языке и его статью «Die Vokalization des Ägyptischen», ZDMG, LXXVII, 1923, стр. 144—207, особенно стр. 201 и сл.).

Такое объяснение может быть подкреплено и фактами семитских языков, напр.: 'emr.a и min «из» или 'uqtul, qutul<*qtul «убей!» и т. п. Толкование египетских знаков, передающих сочетание «гласный + согласный», может быть принято лишь после того, как будет твердо доказано, что первоначальные инициальные гласные (вроде тех, какие встречались в именах *Амон* или *Осирис*) могли свободно опускаться в классическом египетском письме.

Создание силлабических знаков, передающих два согласных звука, было относительно простым делом для египтян. Например, силлабический знак $m^x n^x$ был образован из слова $m^x n^x$ («доска для игры в шашки»), силлабический знак $w^x r^x$ — из слова $w^x r^x$ («ласточка», «большой»). Выбор односогласных знаков был связан с гораздо большими трудностями, так как в египетском языке имелось очень небольшое число односложных слов. Трудности эти были преодолены предпочтением односложных слов, которые оканчивались на так называемые «слабые согласные» (', y, w) или имели в конце суффикс -t — показатель женского рода, который мог игнорироваться при чтении знака. Так, слоговой знак $r^{x'x}$ («рот») получил слоговое чтение r^x; слово $n^x t^x$ повело к образованию слогового знака n^x.

В случае образования слогового знака $\underline{d}^x$ из $\underline{d}^x t^x$ (древнее $^*w^{x'x}\underline{d}^x \underset{\frown}{i}^x t^x$ «змея») и, может быть, слога d^x из $^*\underset{\frown}{i}^x d^x$ «рука» мы должны, вероятно, принять во внимание утрату начальных w или y, столь частую и в семитских языках.

Разумеется, говорить о «стандартных» устойчивых силлабариях в пределах словесно-слоговых систем письма (каким является и египетское письмо) невозможно; мало того, нельзя говорить даже о сколько-нибудь точном составе силлабариев, употреблявшихся в определенные периоды и в определенных ареалах. Люди, употреблявшие словесно-слоговое письмо, обычно не делали различия между логографическими и силлабическими знаками, как это делаем мы. Все, что они знали о своем письме, заключалось в том, что знаки письма являлись знаками для слов, но в силу определенных условий некоторые из этих знаков можно употреблять и в качестве обозначения слогов (хотя тот факт, что писцы, пользовавшиеся словесно-слоговым письмом, не составляли отдельных списков силлабических знаков, вовсе не означает, что в своей практике они не видели разницы между

знаками для слов, употреблявшимися только как логограммы, и знаками, употреблявшимися как в логографическом, так и в силлабическом значении).

Как и в клинописи, употребление знаков в египетском письме варьировалось от периода к периоду, несмотря на монолитность Египетской державы по сравнению с Хеттской или государствами Месопотамии. Например, раннее египетское письмо, представленное «Текстами пирамид», содержит гораздо больше случаев силлабического написания по сравнению с текстами последующих периодов. Затем, в ряде текстов Саисского периода (середина 1 тыс. до н. э.) мы сталкиваемся почти с полным отсутствием логограмм и тех слоговых знаков, которые передавали более одного согласного. И здесь мы имеем дело практически с однoконсонантным слоговым письмом, почти полностью идентичным западносемитским силлабариям (см. статью Баттискомба Ганна в «Journal of Egyptian Archaeology», XXXIX, 1943, стр. 55—59).

Стандартизация силлабариев в письменностях древнего Востока шла различными путями. Шумерский силлабарий и системы, от него производные, включают знаки, передающие, как правило, один слог, оканчивающийся гласным или согласным звуком; знаки, передающие два слога, встречаются редко. Хеттский иероглифический силлабарий ограничивается знаками, передающими один открытый слог («чистый гласный» или «согласный + гласный»). Китайский силлабарий сходен по своим принципам с месопотамским, но в нем представлены исключительно односложные знаки, заканчивающиеся гласным или согласным звуком. Египетский силлабарий, подобно месопотамскому, содержит знаки, передающие один или два слога, но в отличие от последнего знаки египетского письма не указывают на звучание гласных в слоге.

На первый взгляд такой «консонантный характер» слоговых знаков египетского письма может показаться уникальным явлением по сравнению с другими системами письма, в которых, за исключением семитского (непосредственно связанного с египетским), регулярно отмечается качество гласных звуков. И тем не менее эта особенность не является исключительным феноменом, если вспомнить, что в месопотамских клинописных системах ряд знаков вовсе не указывает на качество гласного, а многие другие знаки передают лишь приблизительное звучание гласного.

Во всех клинописных системах большое число знаков, оканчивающихся на -i, могло также употребляться для передачи слогов, оканчивавшихся на -e. Например, знак LI имел чтения li и le; знак, обычно именуемый WA, мог читаться как wa, wi, we, wu; знак LAB — как lab и lib. Кроме подобного рода слоговых знаков, которые либо вовсе не указывали на качество гласного, либо же передавали его приблизительно, в месопотамской кли-

нописи имелся и другой тип знаков: они указывали приблизительное звучание *согласного* звука, входившего в состав слога. Например, знак AG мог иметь чтения ag, ak, aq; знак GA — чтения ga, kà, qá и т. д. Таким образом, в месопотамской системе письма существовало два способа создания слоговых знаков:

Способ первый	*Способ второй*
Один знак передает ga, или ka, или qa	Один знак передает wa, или wi, или we, или wu
Один знак передает gi, или ki, или qi	Один знак передает ya, или ye, или yi, или yu
Один знак передает ge, или ke, или qe	Один знак передает aḫ, или iḫ, или eḫ, или uḫ
Один знак передает gu, или ku, или qu	Один знак передает ḫar, или ḫir, или ḫer, или ḫur

Из этих двух способов создания слоговых знаков первый способ играл в клинописи более важную роль. Напротив, в египетской системе письма именно второй способ лег в основу формирования силлабария. *Но в обоих случаях действовал принцип экономии, стремящийся к эффективному выражению явлений языка посредством возможно меньшего числа знаков письма.*

Египетский силлабарий состоит из 24 знаков, каждый из которых передает один начальный согласный плюс какой-либо гласный, и около 80 знаков, каждый из которых передает два согласных плюс гласный (или два гласных). В исключительно редких случаях (для «забавы») в египетском письме в качестве силлабем употреблялись и трехсогласные знаки, в обычном письме имевшие лишь логографические чтения (Олбрайт указывает, что число слоговых знаков, употреблявшихся в эпоху Нового царства, было порядка 60-ти, что хорошо сопоставимо с числом слоговых знаков в системах письма типа кипрской, содержащей 56 силлабем, японской — 47 силлабем, кипро-минойской — около 63 силлабем; протобиблской — 80 — 90 силлабем, а также с линейным письмом А, включающим в свой состав 80 слоговых знаков, и линейным письмом Б, состоящим из 88 знаков).

Из сложной египетской системы письма, состоящей из нескольких сотен логограмм и множества фонетических знаков, передающих от одного до трех согласных звуков, семиты создали свою простую систему письма, отбросив все логограммы и фонетические знаки с двумя и более согласными. 24 простых знака,

передающих сочетание согласного с произвольным гласным, в египетском письме идентичны по внутренней структуре 22—30 знакам, которые существуют в различных семитских письменностях [9].

5. SCRIPTIO PLENA И MATRES LECTIONIS

Почему семиты предпочли клинописи и эгейскому письму египетскую систему, избрав ее в качестве прототипа своего письма? Объяснить это можно тем, что в эпоху создания семитского письма, во втором тысячелетии до н. э., между Сирией и Палестиной, с одной стороны, и Египтом — с другой, существовали тесные культурные и торговые связи. Главная же причина состоит в том, что египетское письмо лучше, чем другие письмена древнего Востока, отвечало структуре семитских языков. Не нужно забывать, что египетский язык относится к одной из ветвей протосемитской семьи языков [10].

Сходство структуры египетских фонетических знаков и знаков семитского письма очевидно. Отсюда следует, что либо и египетские и семитские знаки были алфавитными, либо те и другие были слоговыми, как полагает автор настоящих строк. Поэтому все доказательства, приводимые в пользу силлабического характера египетских знаков, в равной степени должны быть верны и по отношению к семитскому письму. И, наоборот, все свидетельства в пользу силлабического характера семитского письма должны поддержать и гипотезу о слоговом характере египетских фонетических знаков.

Нет ничего удивительного в том, что исследователи определяли и египетскую, и семитскую системы письма как алфавитные «консонантные» системы письма. Такими системами являются многие современные семитские алфавиты, в которых знак *bêt*, например, в сочетании с диакритическим значком, передает слог ba. В силу этого *bêt* трактуется как знак, передающий согласный b, а диакритический значок — как передающий гласный *a*. Результаты такого анализа экстраполируются и на *древние* семитские системы письма, в которых значки диакритики, указывающие на гласные звуки, отсутствовали, а существовали лишь знаки для согласных. Что, кажется, вовсе не приходит в голову исследователям, так это простая мысль о том, что современные семитские алфавиты могут вовсе н е б ы т ь идентичными по своей структуре своим раннесемитским и египетским предтечам!

Хотя гласные в древних семитских текстах оставались в общем необозначенными, тем не менее в них можно отметить случаи, когда качество гласного выражалось с помощью так называемых «слабых согласных». Явление это обычно называют «scriptio plena» (то есть «полногласное написание»).

В древнееврейском письме, например, имя «Давид» посредством scriptio plena записывалось как $D^x w^x y^x d^x$ [т. е. $D^a w^i y^i d^{(i)}$], тогда как в scriptio defectiva оно передавалось как $D^x w^x d^x$ [т. е. $D^a w^i d^{(i)}$]. Знак y^i не передает здесь самостоятельного слога — его единственное назначение состоит в том, чтобы указать, что предшествующий знак w должен читаться именно как wi, а не как we, wa, wo или wu. Точно так же употребление w^U в записи scriptio plena слова ʼAŠŠŪR «Ассирия» как $'^{a}\check{s}^{U}w^{U}r^{(U)}$, в отличие от написания scriptio defectiva $'^{a}\check{s}^{U}r^{(U)}$, сделано исключительно для того, чтобы слог šū был прочитан с должным гласным.

Такие вспомогательные знаки называются термином matres lectionis — название это происходит, по всей видимости, от калькированного еврейского выражения ʼimmōth haqqərīʼāh («матери чтения»), ибо, согласно средневековому еврейскому ученому Давиду Кимхи, десять гласных еврейского языка подразделяются на пять «материнских» (долгие гласные) и пять «дочерних» (краткие гласные), без помощи которых ни одна буква не может быть произнесена вслух.

В написании plene слог za, например, мог быть записан с помощью знаков *зайин* и *ʼāлеф*; слог ti — знаками *тāв* и *йōд*. Исследователи, считающие семитское письмо консонантным, не колеблясь, транслитерируют «основные» знаки (*зайин* и *тāв*) как согласные z и t. Они, однако, не учитывают того факта, что существование написаний plene отнюдь не ограничено семитскими «алфавитными» текстами, но употреблялись в различных других системах письма, без всякого сомнения, *силлабических*.

Приведем, к примеру, ряд клинописных знаков, которые передают согласный без указания на качество гласного звука,— структура написания, идентичная обычной структуре египетской и семитской письменностей. Среди этих знаков есть, например, знак, передающий w плюс любой произвольный гласный. Знак этот транслитерируется не как согласный w (что обычно делается при транслитерации знаков египетской и семитской письменностей), а получает транслитерацию wa, wi, we, wu — в зависимости от того, что требует смысл данного слова. Еще более ясно «консонантный» характер этого знака виден в тех случаях, когда вслед за ним следуют звуковые подтверждения, указывающие на необходимость выбора для чтения одного определенного из всех возможных гласных, как, например, в написаниях wa-a для [wa], wi-i для [wi] и т. д. (подобного рода написания систематически встречаются в хаттских, хурритских, палайских текстах из архива Богазкёя).

Подобным же образом транслитерации ia-a для [ya] или iu-u для [yu] и т. д., которые применяются при воспроизведении месопотамской клинописи, предполагают существование од-

ного специального клинописного знака для ia, ii, ie, iu, а не специального знака для передачи согласного [y].

Причины различия в транслитерации, при полном сходстве принципа написания, очевидны. Клинописные системы письма— заведомо слоговые. Следовательно, и знаки клинописи должны транслитерироваться не иначе, как посредством *слогов* wi, wa, we, wu или ia, ie, ii, iu. Семитское же письмо считается алфавитным (буквенным), в силу этого и знаки, по структуре, в сущности, совершенно сходные с упомянутыми выше клинописными знаками, транслитерируются как согласные звуки w и y. Неадекватность такой транслитерации с точки зрения теории письма очевидна. Во всех случаях, рассмотренных выше,— как в семитском, так и в клинописном письме,— транслитерация должна быть идентичной, то есть либо слоговой, либо буквенной. А так как клинописные системы письма, безусловно, были слоговыми, а не алфавитными, то и знаки сходного по принципам написания звуков семитского письма должны считаться слоговыми, а не алфавитными.

6. СВИДЕТЕЛЬСТВО ЗНАЧКА «ШВА»

Веский аргумент в пользу слогового характера так называемого «семитского алфавита» дает изучение диакритического значка š^{ə}wā («шва»). Когда под влиянием греков семиты ввели в свое письмо обозначения гласных с помощью диакритики, они ввели не только диакритические значки для передачи всех гласных (a, i, e, o, u), но и значок, называемый š^{ə}wā, который указывал, что знак следует читать либо как один согласный без гласного, либо же как согласный плюс сверхкраткий гласный ə (последний вводился, чтобы облегчить произношение нескольких согласных, следующих подряд друг за другом). Если бы знаки семитского письма, как считают многие исследователи, с самого начала были консонантными, а не слоговыми, то в этом случае для них не понадобилось бы вводить особый значок «шва». Тот факт, что семиты чувствовали необходимость ввести особые отметки, которые бы показывали отсутствие гласного, означает, что для них каждый знак письма первоначально был слоговым, то есть передавал сочетание согласного звука с каким-либо гласным.

Еще более веские аргументы в пользу этого предположения мы можем найти в эфиопской и индийской системах письма. Формы знаков эфиопского письма развились из форм южноаравийского и вместе с последним сходны по происхождению со знаками письменностей семитских народов, живущих северней. Когда в первых веках нашей эры эфиопы решили ввести в свое

письмо обозначения гласных звуков, и они также стали применять не только специальные значки, видоизменяющие основной знак для передачи различных гласных, но и специальный знак «шва», как это было сделано и в северносемитских письменностях. И наиболее важным представляется здесь то обстоятельство, что *основной* знак, без каких-либо дополнительных значков, передает не согласный сам по себе, а *слог*, состоящий из сочетаний согласного с гласным [а]!

Конечно, если семитские письменности были бы первоначально консонантными, в них основным знаком должен был бы быть тот, который передавал согласный сам по себе, а слоги типа «согласный + гласный [а]» должны были бы передаваться дополнительными значками. Аргумент Вольфа Лезлау, приводимый в журнале «Word» (XI, 1955, стр. 281 и сл.) и состоящий в том, что создатель эфиопской вокалической системы потому взял гласный [а] в качестве основного, что этот гласный чаще всего встречается в языке, теряет свою силу, если произвести элементарные подсчеты; так, подсчитав частоты употребления слогов в четырех эфиопских отрывках в книге G. B e r g s t r ä s s e r, Einführung in die semitischen Sprachen (стр. 104 и сл.), я нашел, что число слоговых знаков, содержащих гласный [а], равно 126, тогда как число знаков с шва равно 199.

Сходную картину мы можем увидеть и в индийских системах письма. Здесь к каждому знаку добавляются специальные значки, указывающие на конкретный гласный при данном согласном, но имеется один специальный значок, именуемый «вирама», который указывает на нуль гласного, а слог, передающий сочетание «согласный + гласный [а]», передан основным знаком, без каких-либо дополнительных значков. Большое сходство или даже идентичность принципов эфиопской и индийских систем письменностей подтверждает тот факт, что, во всяком случае структурно (а, может быть, и формально), различные индийские системы письма имеют в своей основе семитский прототип.

Из того факта, что и в индийских и в эфиопской системах письма основной знак передает сочетание «согласный + гласный [а]» (без каких-либо дополнительных отметок), следует вывод, что основным и первичным чтением всех знаков было чтение их как сочетания согласного с гласным *а*. Это основное чтение в некоторых системах письма превратилось в *наименование* знака, как это имеет место, например, в индийском письме.

Названия знаков в арабском письме являются следствием смешения двух систем. Ряд названий арабских букв, например *'алиф*, *джӣм*, *да̄ль*, *д̠а̄ль*, *ка̄ф*, *ла̄м* и т. д., несомненно, происходит от северносемитских наименований букв, тогда как другие названия, вроде *ба̄*, *ха̄*, *за̄*, *х̣а̄*, *х̮а̄*, *т̣а̄* и т. д., могут быть отнесены ко

времени существования семитских письменностей, когда знаки именовались по их основному чтению, а именно: «согласный + + гласный [a]».

Впрочем, эта реконструкция ослабляется тем предположением, что арабские названия букв типа *бā*, *хā* могут быть результатом позднейших инноваций, подобно современным эфиопским наименованиям букв *хā*, *лā* и т. д., которые употребляются ныне вместо старых названий букв *хōй*, *лаве* и т. д. (хотя Эдвард Уллендорф в статье «Studies in the Ethiopic syllabary» (в «Africa», XXI, 1951, стр. 207—217) доказывает, что эфиопские названия *хā*, *лā* и т. д. были созданы в самой Эфиопии, тогда как названия типа *хōй*, *лāве*, по всей вероятности, были заимствованы из еврейского языка и имеют вторичное происхождение).

Различные наименования значков, отмечающих отсутствие гласного, также имеют важное значение, ибо они свидетельствуют в пользу того, что семитское письмо и производные от него системы письма были первоначально слоговыми. Например, таково современное еврейское название š^əwā, происходящее от слова šāw' («ничто»); древнееврейское же название ḥiṭpā происходит от корня ḥṭp, означающего «похищать», «удалять».

Арабскими наименованиями для соответствующего значка, аналогичного еврейскому š[ə]wā, являются: sukūn, образованное от корня SKN «быть неслышимым, быть неподвижным», или название ğezma, произведенное от корня ĞZM, означающего «резать, отрезать».

Сирийское слово marh[e]ṭānā, образованное от корня RHṬ, означающего «убегать», употребляется не только для наименования значка, указывающего на отсутствие гласного, но порой применяется и для обозначения того, что сохранившийся на письме согласный перестал произноситься в разговорном языке (как, например, для чтения m[e]dīttā вместо древнего m[e]dīntā, значок marh[e]ṭānā ставится над знаком n).

Наконец, название диакритического значка в индийских системах письма — *вирама* — является санскритским словом, восходящим к корню ram-, имеющему значение «делать остановку, отдыхать» — явная параллель арабскому наименованию sukūn (отметим, что значок для sukūn'а восходит к знаку для нуля).

Анализируя наименования значков, основанные на корнях ḥṭp и ğzm, мы вправе сделать вывод о том, что значок «шва» применялся для того, чтобы обозначать удаление гласного звука из основного знака, имевшего слоговое чтение. Названия, производные от корня со значением «отдыхать, останавливаться», также могут указывать на остановку, то есть непроизношение положенного гласного звука слогового знака.

7. АНАПТИКТИЧЕСКИЕ (ВСТАВНЫЕ) ГЛАСНЫЕ

Вопрос о том, какие свидетельства в пользу теории, изложенной выше, могут быть извлечены из данных других, не западносемитских письменностей, не может быть решен с догматических позиций. Возможно, последующая дискуссия сможет пролить свет на эту проблему.

Еще много лет назад было отмечено, что ассирийские и вавилонские тексты поздних периодов часто содержат необычные написания, например: na-ta-ku-lu вместо natkulū, a-pa-ta-laḫ вместо aptalaḫ, li-qi-bi вместо liqbī, i-ḫu-bu-tu вместо iḫbutu.

Особенно важно отметить здесь очень частое для этого периода написание нефункциональных, «лишних» гласных после согласных в конце слов, например ba-la-ṭa вместо balāṭ, a-ra-ku вместо arāk, na-di-na вместо nādin, ku-ú-mu вместо kûm.

И Сигурд Ильвисакер (S. Ylvisaker) в своей работе «Zur babylonischen und assyrischen Grammatik» (Leipzig, 1912, стр. 15) и, позже, Торкильд Якобсен в своей рецензии на книгу, J. F. Hyatt, The treatment of final vowels in early Neo-Babylonian (New Haven, 1941), опубликованной в «Classical Weekly» (XXXVI, 1942, стр. 100 и сл.), пробовали толковать подобного рода интерполяции как вставные гласные, которые вводились между двумя согласными для того, чтобы облегчить произношение сочетания нескольких согласных, следующих друг за другом.

Теоретически, разумеется, не может быть никаких возражений против возможности появления анаптиктических гласных в поздних ассиро-вавилонских диалектах, ибо подобное же явление мы можем наблюдать во многих языках мира, например в английском диалектном eləm вместо elm «вяз» [11].

Но даже в том случае, если это явление объясняет, почему появлялись «лишние» гласные между двумя согласными в поздних ассиро-вавилонских текстах, остается нерешенной другая проблема: почему появлялись «лишние» гласные на *конце* слов? Анаптиксисом это объяснить нельзя.

По моему мнению, вопрос о происхождении гласных, вставляемых между двумя согласными, и вопрос о появлении «лишних» гласных в конце слов взаимосвязаны — их нельзя рассматривать отдельно друг от друга, а необходимо решать как одну проблему. Главный довод в пользу такого объединения заключается в том, что оба эти феномена возникают в один и тот же период — поздний ассиро-вавилонский. А так как очевидно, что вопрос о появлении «лишних» гласных в конце слов не может быть решен с фонетических позиций, то и предположение о фонетической интерполяции гласных между согласными (анаптиксис) также должно быть оставлено. Отсюда следует: если объяснение обоих этих явлений не может быть дано с точки зрения фо-

нетики, то единственная возможность объяснить их заключается в решении проблемы на *графической* основе.

Однако мы не находим никаких данных в клинописных системах письма, которые бы могли подтвердить такую графическую интерпретацию. Клинопись обладала графическими средствами, с помощью которых слова, подобные natkulū или balāṭ, могли быть записаны без «лишних» гласных, например, как na-at-ku-lu или ba-la-aṭ (а не как na-ta-ku-lu или ba-la-ṭa!).

Приемлемое объяснение может быть дано в том случае, если вспомнить, что клинописная система письма была уже не единственной письменностью, употреблявшейся в Месопотамии в поздний ассиро-вавилонский период. Ведь это время, когда арамейское влияние начало сказываться на большей части Ближнего Востока. О том, насколько сильно сказывалось оно в Месопотамии, свидетельствуют, между прочим, многочисленные арамейские надписи и приписки к клинописным документам, найденные в Ассирии и Вавилонии. Они ясно говорят о том, что в эту эпоху страна была и двуязычной и *двуписьменной*. И если понимать арамейское письмо, подобно другим семитским системам письма, как слоговое, в котором каждый знак передает согласный плюс какой-либо гласный, то мы можем трактовать необычные клинописные написания, рассмотренные выше, как следы влияния арамейской системы письма.

В своей аргументации в пользу слогового характера семитской письменности я отнюдь не одинок. Еще в 1906 г. Франц Преториус в своей книге «Über den Ursprung des kanaanäischen Alphabets» (Berlin, 1906, стр. 1 и сл.), сравнивая ханаанейское письмо с кипрским силлабарием, пришел к выводу, что и первое также было слоговым. Другой исследователь — А. Зейдель — в своей книге «Sprachlaut und Schrift» (Wien — Leipzig, 1920, стр. 130 и 133) употребил термин «финикийский силлабарий», хотя не разъяснил причины этого. С. Йейвин в своей небольшой, но стимулирующей статье «The sign; and the true nature of the early alphabets» (AO, IV, 1932, стр. 71—78) определяет и египетскую и западносемитские системы письма как слоговые. Давид Дирингер в статье, опубликованной в «Antiquity» (XYII, 1943, стр. 89), подытоживает мнения исследователей, считающих, что семитский «алфавит» не может быть признан подлинно алфавитной системой письма, ибо в нем отсутствуют знаки для передачи гласных. Такого же мнения придерживается и Эдуард Швицер в своей «Griechische Grammatik» (Bd. I, München, 1939, стр. 145), интерпретируя архаичное слоговое чтение he греческой буквы η «эта» как «след слогового чтения, существовавшего в финикийском алфавите». Следует также принять во внимание мнение профессора Арно Пёбеля из Чикагского университета, считавшего семитское письмо слоговым, а не алфавитным на осно-

вании свидетельств, которые дают особенности эфиопского письма и аккадских вставных гласных (см. его книгу: Arno P o e b e l, Studies in Akkadian grammar, Chicago, 1939, стр. 61—64). Однако профессор Пёбель не считал египетское письмо слоговым, ибо это не соответствовало его пониманию общей истории письма.

Эдгар X. Стёртевант в книге «An introduction to linguistic science» (New Haven, 1947, стр. 22) и знаменитый датский исследователь Холгер Педерсен также считали и египетскую и семитскую системы письма слоговыми (см. его книгу «Linguistic science in the Nineteenth Century», Cambridge, 1931, стр. 142 и сл. и 180 и сл.). Педерсен, конечно, не был в состоянии решить этот вопрос на уровне наших современных знаний — и тем примечательней то обстоятельство, что к своему выводу он пришел на основании правильного т е о р е т и ч е с к о г о понимания процесса развития письма. Разумеется, Педерсен все еще употреблял термин «семитский алфавит» и помещал его среди «алфавитных систем», ио его понимание «семитского алфавита» как «слогового письма, которое лишь кажется нам коисоиантным» (цит. раб., стр. 142), очень близко к тому, что было изложеио нами выше относительно западносемитского письма.

В пользу слогового характера семитских письменностей высказывались и такие исследователи, как Роланд Кент (R. K e n t, The sounds of Latin, Baltimore, 1945, стр. 33), Дональд Свансон (D. S w a n s o n, в: «Word», II, 1946, стр. 244), Марсель Коэн (M. C o h e n, L'écriture, Paris, 1953, стр. 58), Эдмон Солльберже (E. S o l l b e r g e r, в: «Cahiers F. de Saussure», IX, 1950, стр. 13) и такой ученый, как Аитуан Мейе, ясно выразивший свое поиимание этой проблемы в следующих словах: «Знаки большинства древиих фонетических алфавитов выражают фонетические группы, а не отдельные фонемы—гласные или согласиые... Следовательно, первые фонетические алфавиты были слоговыми, а не буквеиными... Зиаки ktb являются слоговыми, они передают согласные в сочетании с каким-либо гласным или даже совсем без гласного». Согласно Мейе, лишь греки «разложили речь на согласные и гласные звуки» (см. книгу Мейе «Aperçu d'une histoire de la langue grecque», Paris, 1935, стр. 57 и статью «La langue et l'écriture», в: «Scientia», XXVI, 1919, стр. 282—293).

Этот список мнеиий может быть увеличен: иазовем Герберта X. Пейпера («Lingua», IV, 1954, стр. 89—96, особенно стр. 91 и сл.) и Э. А. Спейзера (E. A. S p e i s e r, в: «Journal of Biblical Literature», XXIII, 1954, стр. 257 и сл.), рецензентов первого издания моей кииги «A study of writing» (Chicago, 1952), в которой была изложена теория слогового характера семитских письмен, а также П. Кречмера и А. Шмидта, о чьих взглядах мы скажем ииже [12].

Интересная и примечательная особенность этого списка заключается в том, что он ограничивается лингвистами и исследователями, стоящими на «чисто лингвистических» позициях. К сожалению, мои друзья и коллеги — филологи, особенно востоковеды и семитологи, в большинстве своем не склонны разделять мою теорию. Однако их критика не содержит ничего такого, что заставило бы меня пересмотреть свои взгляды на вопрос о слоговом характере семитского письма. Более важным представляется мне то обстоятельство, что в ходе дискуссии были найдены новые подтверждения в пользу теории, изложенной выше. Хотя факты эти и не новы, ибо были известны с давних пор, их важность стала очевидна уже после выхода в свет английского издания моей книги. Дополнительные доказательства в пользу слогового характера западносемитского письма дает анализ некоторых особенностей иберийского, этрусского и архаического греческого письма, а также угаритской клинописи.

8. СВИДЕТЕЛЬСТВА ИБЕРИЙСКОГО, ЭТРУССКОГО И ГРЕЧЕСКОГО АЛФАВИТОВ

Иберийское письмо, несколько сот образцов надписей которого было обнаружено на камнях и монетах, главным образом в районах Восточной Испании, применялось для передачи малоизученного кельтиберийского языка. Памятники письма датируются примерно VI—V вв. до н. э. Хотя начало дешифровки было положено М. Гомесом Морено еще в 1922 г., изучение этой письменности продвинулось лишь недавно благодаря работам Антонио Товара (статьи 1947—1952 гг.). Иберийское письмо состоит из 28 знаков; пять из них передают гласные (a, e, i, o, u), восемь передают спиранты и сонанты (l, r, ŕ, m, ḿ, n, s, ś) без указания на качество соседнего гласного, 15 знаков передают три смычных (b/p, g/k, d/t) в сочетании с различными гласными.

Если считать доказанным, что в состав иберийского письма входит 15 явно слоговых знаков, естественно, встает вопрос о происхождении этих силлабем. Все исследователи, высказывавшиеся по этому вопросу (Гомес Морено, Антонио Товар, Герхард Бар, Бароха, Лафон, Вальехо, Касарес), единодушно считают, что силлабические признаки иберийского письма обязаны влиянию эгейских систем письма, представленных такими хорошо известными слоговыми письменностями, как кипрское и линейное письмо Б.

Формы знаков иберийского письма (или хотя бы некоторых из этих знаков), несомненно, происходят от форм финикийских знаков, как отмечают в своих монографиях, посвященных истории письма, такие исследователи, как Йенсен, Феврие, Дирингер,

Однако никто еще не высказывал предположения о том, что и *структурные* особенности слоговых иберийских знаков могут быть связаны со слоговым характером финикийского письма. В самом деле: следы эгейского влияния на Иберийском полуострове до сих пор не обнаружены, тогда как финикийско-пуническое влияние там несомненно и первостепенно по значению. И если судить беспристрастно, то именно финикийско-пуническое письмо должно было послужить моделью для иберийского письма. А если это так, то силлабический характер части иберийских знаков является доказательством тому, что и их семитский прототип являлся слоговой системой письма [13].

Все исследователи этрусской эпиграфики высказывали удивление в связи с тем, что в этрусских текстах наблюдается большое число труднопроизносимых консонантных сочетаний. Так, латинское имя Минерва представлено в них написаниями MENERVA, MENRVA и даже MNRVA [14]; имя Фелициний записывается как FELZNAL, FEZNAL и FELŚNAL. Сокращенные написания первоначально толковались как аббревиатуры. Однако от этого толкования следует отказаться, если принять во внимание то обстоятельство, что подобные написания встречаются лишь в определенных условиях, а именно — в связи с сонантами l, m, n, r и спирантами s, ś, z, f. Если вспомнить, что эти согласные в более поздние периоды пишутся теми же знаками, которые (с небольшими формальными и фонетическими изменениями) получили в этрусском наименования el, em, en, er, es, ix, ef — в противоположность названиям букв для смычных be, ce, de и т. д., то станет ясно, что этруски трактовали проточные согласные и смычные согласные по-разному.

Положение это справедливо и для линейного письма Б, и для иберийского, и даже для африканского слогового письма бамум (см. статью Фридриха, посвященную письму бамум, где приводится пример различной трактовки звуков m и n в этом письме). Хотя фонологическая интерпретация этого явления относительно легка (проточные согласные выступают в роли слогообразующих), с точки зрения графики объяснение не так-то просто, ибо в четырех различных системах письма мы имеем различные результаты.

Анализ написаний, вроде тех, какие были отмечены выше, привел Хаммарстрёма и других исследователей к мысли о том, что этрусское письмо находилось под влиянием слоговой системы письма, употреблявшейся в районе Эгеиды. Первоначальный слоговой характер знаков этрусского письма подтверждается и регулярным появлением знаков С перед i, e; К перед a; Q перед o, u, как будто знаки С, К, Q ранее имели слоговые чтения [ke/ki], [ka] и [qo/qu]. В пользу этого говорят и написания типа CI, CA, CU, CE, VI, VA, VU, VE и т.д., зафиксированные либо отдельно,

либо в соединении с алфавитным перечнем букв в их стандартном порядке A, B, C, D, E и т. д.

Еще более важный аргумент в пользу слоговой основы этрусского письма — наличие пунктуационных точек в южноэтрусских, этрусских Кампаньи, а также венетских надписях. Э. Феттер, впервые описавший систему этой своеобразной «пунктуации», отмечает, что знаки, передающие инициальные гласные слова и слогообразующие согласные, отмечаются точками, которые ставятся либо перед буквой, либо после буквы, либо перед и после буквы и, наконец, могут ставиться внутри буквы. Например: i·tan·; a·v·ϑ·leϑ· (для слова avϑleϑ); a·cvi·l·na·s· и т. п.

За исключением Слотти, все исследователи полагают, что употребление точек в этрусских текстах говорит о слоговом характере этрусского письма. В том случае, когда отметки ставятся при слогообразующем конечном согласном, они употребляются с той же целью, что и семитские значки *шва* или санскритская *вирама* — они отменяют слоговое чтение знака «согласный + гласный» и сводят его к чтению одного согласного. В том случае, когда отметки ставятся при начальном гласном, они указывают на слоговое чтение сочетания «слабый согласный + гласный» (например, 'a; ji) в отличие от чтения его просто как гласного. Те же исследователи, которые считают, что этрусское письмо первоначально было слоговым, единодушно полагают, что моделью для этрусского силлабария послужили эгейские системы письма, в особенности кипрское. И лишь Пауль Кречмер, великий австрийский индоевропеист, увидел связь этрусской системы письма с западносемитскими слоговыми системами (на этой же позиции стоит и автор настоящих строк) *.

Гипотеза о существовании доалфавитной средиземноморской слоговой системы, употреблявшейся в северной части Средиземноморья, от Испании до Эгеиды (высказанная в статьях Ф. Рибеццо, Витторе Пизани, Э. Перуцци и Жана Берара), должна быть пересмотрена в том смысле, что *не одна, а две различных слоговых системы письма применялись в Средиземноморье во II и I тысячелетии до н. э.* Это:

1) Западносемитская слоговая система, созданная в районе Сирии — Палестины во II тысячелетии до н. э. и распространившаяся на запад в Эгеиду, Италию и Испанию в I тыс. до н. э.

2) Эгейская слоговая система, созданная на Крите во II тысячелетии до н. э. и распространившаяся затем на восток — в Кипр, Библ и Анатолию [15].

Ф. Рибеццо опубликовал образцы древней (слоговой?) письменности, обнаруженной в Сицилии, которая, впрочем, походит

---

* Заметим, что этрусские буквы через ранний западногреческий прототип восходят именно к финикийским. — *Прим. ред.*

на современную подделку, и высказал предположение о связи между эгейскими письменами и знаками на керамике, которые находят повсеместно на территории Италии. Однако подобное сопоставление, базирующееся на внешнем сходстве, не может считаться на данном уровне наших знаний доказательством в пользу того, что слоговые системы письма существовали в Италии во втором тысячелетии до н. э.

Употребление «эты» в качестве слогового знака, передающего слог he в архаичных греческих надписях, известное с давних пор, было правильно оценено Швицером. Альфред Шмидт, основываясь на этом факте, разработал целую теорию. Не ограничиваясь письменами Эгеиды, он смог найти почти десяток слоговых систем письма, которые могут быть привлечены для сопоставления. Шмидт полагает, что западносемитские письменности, в особенности финикийское письмо, объясняют феномен употребления слоговых знаков в греческом письме. В своей монографии "Der Buchstabe H im Griechischen" (Münster, Westf., 1952), равно как и в двух статьях ("Die Alaska-Schrift und ihre sprachgeschichtliche Bedeutung", MF, Heft 4, Marburg, 1951 и "Die Vokallosigkeit der ägyptischen und semitischen Schrift", IF, LXI, 1954; в последней работе дана оценка моей теории, изложенной в "A study of writing"), Шмидт развивает свои взгляды, согласно которым западносемитские системы письма не являются алфавитными или консонантными, а представляют собой силлабарии, производные от египетского письма.

Подобно Антуану Мейе (его работы на эту тему Шмидт не знал) и подобно автору этих строк (моя книга вышла в свет одновременно с монографией Шмидта под названием "Der Buchstabe H im Griechischen"), Шмидт приходит к решающему выводу о том, что только систематическое употребление специальных знаков для гласных, введенное греками, позволило расчленить слоговые знаки на их составные компоненты — и это дало возможность письму в конечном счете достигнуть алфавитной стадии развития ("Der Buchstabe H...", стр. 30 и сл.).

9. ДАННЫЕ УГАРИТСКОЙ КЛИНОПИСИ

Dies diem docet*. Когда все надежды отыскать в собственном семитском ареале новые и еще более убедительные доводы в пользу слогового характера семитского письма были утрачены, раскопки Угарита в Северной Сирии принесли неожиданную находку, имеющую важное значение. Осенью 1955 г. в ходе девятнадцатого сезона раскопок, проводимых французскими учеными,

* Латинская поговорка со значением: «каждый день приносит новое», букв. «день учит день».— *Прим. ред*

была обнаружена глиняная табличка, содержащая в алфавитном порядке столбец знаков обычного угаритского письма, рядом с которыми находился столбец знаков месопотамской клинописи. К несчастью, эта табличка повреждена в середине: сохранилось лишь 20 знаков угаритского алфавита из 30 (10 в начале таблички и 10 в ее конце). Вот каким образом расположены сохранившиеся части текста (1-й столбец представляет традиционную транслитерацию угаритских знаков, второй — транслитерацию месопотамских клинописных знаков):

Столбец I	Столбец II	Столбец I	Столбец II
’a	a	[P]	[p]u
B	be	Ṣ	ṣa
G	ga	Q̣	qu
Ḫ	ḫa	R	ra
D	di	T	ša
H	ú	Ġ	ḫa
W	wa/wi/wu	T	tu
Z	zi	’i	i
Ḥ	ku	’u	u
Ṭ	ṭi	S̀ или S_2	zu

Первый вопрос, который мы должны задать: что означают месопотамские клинописные знаки? Являются ли они названиями угаритских знаков? Или же передают их первоначальные чтения? Или же передают и то и другое? Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, сделаем несколько предварительных допущений.

Ясно, что месопотамские знаки не воспроизводят наименований западносемитских знаков, как они известны нам, в традиционном порядке: *’ăлеф*, *bêт*, *гӑмель*, *дӑлет* и т. д.* Столь же ясно, что месопотамские знаки не являются чтениями, которые стоят в какой-либо систематической связи с традиционными наименованиями семитских знаков.

Правда, можно предположить, что месопотамские знаки a, be, ga соответствуют названиям семитских знаков *’ăлеф* (*’a*); *bêт* (*бе*); *гамл* (*га*); последняя форма — возможный прототип позднейшего названия буквы *гӑмель*. Однако большая часть знаков такого соответствия не имеет. Знак di не имеет сходства с названием *дӑлет*, знак (h)u — с названием *хē*, знак zi — с на-

* Однако сама эта угаритская азбука, как и другие, найденные там же, имеет тот же порядок знаков, что и финикийская, древнееврейская и греческая азбуки, если не считать того, что в различных местах перечня помещены буквы, не сохранившиеся кроме как в угаритском (ḫ, ġ, ’i, ’u, s_2). Заметим, что в аккадском не было фонем /h/, /ḥ/, /ġ/, и они не могли быть точно переданы. — *Прим. ред.*

званием *зайин* и т. д. Таким образом, мой вывод о том, что стандартные наименования западносемитских знаков являются поздним и искусственным нововведением (мысль эта была высказана в 1952 г. в первом издании книги "A study of writing", см. стр. 141 и сл.), подтверждается новой находкой в Угарите.

Вряд ли можно считать месопотамские знаки чтениями знаков угаритского письма, если полагать, что последнее было алфавитным и состояло из 30 знаков, каждый из которых выражал согласный звук и только. Конечно, месопотамское письмо, будучи слоговым, не было в состоянии передать звучание одного согласного звука. Но столь же ясно, что если бы угаритское письмо выражало лишь согласные и не передавало гласных, то в списке соответствующих месопотамских знаков мы должны были бы ожидать какую-либо систему. Например, согласные угаритского письма B, G, Ḫ, D должны были бы передаваться в месопотамском письме посредством знаков ba, ga, ḫa, da или же bi, gi, ḫi, di, или чем-то в этом роде, то есть обозначения их должны были бы иметь систематический характер. Однако вместо одного гласного, который употреблялся бы систематически, в месопотамских знаках, транслитерирующих угаритские, мы обнаруживаем все виды гласных (a, e, i, u). Это имеет первостепенное значение в понимании угаритской системы письма (см. также статью Уильяма Хэлло "Isaiah 28 : 9—13 and the Ugaritic abecedaries".— "Journal of Biblical Literature", XXVII, 1958, стр. 324).

В моей книге "A study of writing" (стр. 150) я высказал мысль о том, что основным или первичным чтением всех знаков в западносемитских письменностях было чтение «согласный + гласный *a*» (основываясь на данных эфиопской, индийской и арабской письменностей). Альфред Шмидт, чьи идеи о слоговом характере западносемитского письма очень близки моим, вместо этого предположил, что первичные чтения каждого знака были получены по акрофоническому принципу из названий знаков, например: чтение be от названия знака *bêt*, чтение la от названия знака *ламед* и т. д., а систематизация употребления гласных в названиях букв была введена лишь в позднейшие времена (например, употребление [e] в наименованиях букв латинского и этрусского алфавитов или [a] в названиях эфиопских и, быть может, индийских знаков).

Так как связь между чтениями угаритских знаков (в том виде, как они представлены месопотамской клинописью) и стандартными названиями семитских знаков отсутствует, ясно, что Шмидт был прав в своем предположении о том, что основные или первичные гласные западносемитских знаков различались от знака к знаку. Причин подобной вариации мы все еще не знаем [16].

Я полностью солидарен с Шмидтом в том, что «вопрос о первичных чтениях слоговых знаков финикийского письма представ-

ляется малозначительным; гораздо важнее тот факт, что для финикийцев знаки их письма были слоговыми, а не консонантными. Консонантные знаки появились лишь тогда, когда греки ввели знаки для обозначения гласных».

10. РОЛЬ И МЕСТО ЗАПАДНОСЕМИТСКИХ СИЛЛАБАРИЕВ В ЭВОЛЮЦИИ И ИСТОРИИ ПИСЬМА

Уже сам термин «западносемитские силлабарии», употребляемый по отношению к различным формам письма, применявшимся финикийцами, евреями и другими семитскими народами, начиная с последней половины II тысячелетия до н. э., ясно выражает мою мысль о том, что письменности эти являются слоговыми, а не алфавитными. Они использовали в качестве модели египетский прототип и, с точки зрения истории письма, являлись силлабариями и не чем иным, как силлабариями.

Естественно задать вопрос: если ранние семитские системы письма не являются алфавитными, то что же тогда алфавит? Ответ на него ясен. Если под термином «алфавит» мы понимаем письмо, выражающее отдельные звуки языка, тогда первым алфавитом была письменность, созданная греками.

На протяжении II тысячелетия до н. э. в силлабариях египетско-семитского типа предпринимались различные попытки указать на состав гласных с помощью matres lectionis. Однако ни одна из этих попыток не привела к развитию полной вокалической системы. Если в семитских письменностях matres lectionis употреблялись спорадически, то греки* стали применять знаки для гласных после каждого слога *систематически* и создали, впервые в истории письма, подлинную алфавитную систему письма. Тем самым был сделан третий великий шаг на пути развития письменности от примитивной стадии к алфавиту. В хронологическом порядке шаги были следующими:

1. Шумерский принцип фонетизации письма.
2. Западносемитское слоговое письмо.
3. Греческий алфавит.

Принцип фонетизации, поведший к созданию систематизированного силлабария, исторически впервые был применен шумерами. Позднее его стали применять и во многих других системах письма древнего мира. Спорадические случаи фонетизации, отмечаемые в различных районах Старого и Нового Света, свидетельствуют о том, что принцип этот мог быть открыт в разных странах независимо друг от друга.

---

* И фригийцы — возможно, независимо от греков? — *Прим. ред.*

Второй важный шаг был сделан при создании западносемитских силлабариев, содержащих 22 знака и по своей структуре полностью соответствующих 24 одноконсонантным знакам египетского силлабария. Величие семитского открытия заключается не в революционном нововведении, а в отказе от логограмм и знаков, передающих более чем один согласный (как это имело место в египетском письме), и в ограничении системы письма небольшим числом знаков, передающих открытые слоги. Но достижение это само по себе не более великое, чем создание кипрского силлабария, который развился из эгейского словесно-слогового (логосиллабического) письма путем отказа от логограмм. Конечно, семитский силлабарий оказал исключительно большое влияние на письменность других народов, но это случилось лишь потому, что семитскому письму посчастливилось стать матерью алфавитов, в то время как кипрская система умерла, не оставив прямых потомков.

Наконец, третий решающий шаг, заключительный в создании греческого алфавита, был сделан путем систематического употребления matres lectionis — изобретения, которое широко (но спорадически) применялось в разных частях Ближнего Востока. Регулярное употребление гласных после слоговых знаков повело к тому, что эти знаки утратили свой слоговой характер и превратились в знаки для согласных, что и привело к созданию подлинного алфавитного письма (причем, многие другие восточные системы письма, например древнеперсидская клинопись, стояли также на пути, ведущем к созданию алфавита, ибо употребление знаков в них очень сходно с употреблением знаков в архаичных формах греческого письма).

Происхождение алфавита и общий ход эволюции письма, по мнению автора настоящей статьи, можно вкратце сформулировать следующим образом:

1. С точки зрения т е о р и и п и с ь м а эволюция шла от словесно-слогового письма — через слоговое к алфавитному.

2. С точки зрения и с т о р и и п и с ь м а развитие шло от египетского письма — через западносемитские системы письма к греческому.

Или, если объединить обе точки зрения, ход развития письма таков: *от египетской словесно-слоговой системы к чисто слоговой системе западносемитского письма и от западносемитского силлабария к греческому алфавиту.*

КОММЕНТАРИЙ

К стр. 264.

[1]. Последняя работа Олбрайта, посвященная итогам его многолетнего труда по дешифровке протосинайского письма, вышла в 1966 г. ("The Proto-Sinaitic inscriptions and their decipherment", Cambridge, Mass., London, 1966).

К стр. 264.

[2]. Прорисовку протопалестинских и протохананейских текстов, а также более подробный анализ характера текстов и попыток их дешифровки см. в книге Д. Дирингера «Алфавит» (М., ИЛ, стр. 251—254, рис. 127 и 128).

К стр. 265.

[3]. «Загадочная письменность» из Библа, представленная примерно двумя десятками знаков, начертанных на обломке каменной плиты, о которой рассказывается в книге М. Дюнана «Byblia grammata» (Beyrouth, 1945, стр. 136), является, по всей вероятности, не особым типом письма, а разновидностью «протобиблского», ибо все знаки этой надписи имеют аналогию в системе протобиблских знаков (см. диссертацию А. М. Кондратова «Статистические методы дешифровки некоторых письмен Древнего Востока и Средиземноморья», гл. II, раздел, посвященный протобиблскому письму). Надпись на статуэтке из Библа, всего лишь из пяти знаков, Дюнан считает «инкунабулой алфавита» и транскрибирует как ly'mn «ко мне, Амон!» (см. Д и р и н г е р, указ. раб., стр. 246; там же см. предположение И. М. Дьяконова о том, что второй знак в надписи может быть разделительной чертой, и тогда следует читать текст как l'mn «Амону» или «(принадлежит) Амону»). Дата статуэтки — по Дюнану — середина XVIII в. до н. э. — нуждается в уточнении.

К стр. 266.

[4]. Дешифровка Дорма неприемлема прежде всего из чисто методологических соображений. Дорм практически отождествляет около сотни знаков протобиблского письма, всего лишь с 20 чтениями, ибо фактически знаки, обозначаемые им как k, k_1, k_2, k_3, k_4, k_5, имеют *одно* чтение — [k]; знаки, обозначаемые как p, p_1, p_2, p_3, p_4 имеют лишь *одно* чтение — [p] и т. д. Таким образом, 20 фактических чтений «размещались» на месте сотни возможных слоговых чтений (ибо Дорм предполагал, что в протобиблском письме знаки могли передавать и сочетания типа «согласный + гласный» и сочетания типа «гласный + согласный»). Естественно, что при такой свободе выбора можно без особого труда получить осмысленное (если читать без огласовки) чтение кратких протобиблских текстов по-финикийски, ибо всегда в затруднительном случае для «увязки» можно посчитать неподдающийся отождествлению и невмещающийся в заранее намеченную схему знак омофоном еще одного «согласного + икс гласного» и получить искомый результат. Статистические подсчёты показывают, что протобиблское письмо было по своей структуре таким же, как и эгейские силлабарии, за тем лишь исключением, что в нем отсутствовали знаки для «чистых» гласных и имелись лишь знаки для сочетаний «согласный + гласный».

К стр. 267.

[5]. О дешифровке угаритского письма см. И. Ф р и д р и х, Дешифровка забытых письменностей и языков, М., 1961; о структуре угаритского языка см. С. С е г е р т, Угаритский язык, М., 1965; о соотношении его с другими семитскими языками см. И. М. Д ь я к о н о в, Языки древней Передней Азии, М., 1966.

К стр. 269.

[6]. О гипотезах происхождения южноаравийского письма (протосинайской и связанных с нею протоханаанейской, финикийской, греческой письменностей) см. Г. Б а у э р, Язык южноаравийской письменности, М., 1966, стр. 30—34.

К стр. 271.

[7]. Гипотезы египетского происхождения знаков семитского письма придерживался ряд советских исследователей, начиная с В. В. Струве (см. его книгу «Происхождение алфавита», Пг., 1923).

К стр. 275.

[8]. В оригинале: "acrophony a very dead horse" — «акрофония — очень дохлая лошадь».

К стр. 285.

[9]. Подсчет частоты употребления одноконсонантных (якобы «алфавитных») знаков в египетских текстах показывает, что они покрывают около 50% всего объема текста, в то время как на долю двуконсонантных приходится около 5% всего объема текста, хотя общее число знаков этого типа намного больше общего числа одноконсонантных (см. А. М. К о н д р а т о в, Египетская иероглифика и статистические методы дешифровки, «Тезисы V Всесоюзной сессии по Древнему Востоку», Тбилиси, 1971). Это говорит о том, что в египетском письме класс «односогласных» отличался по функции в тексте от класса «двусогласных» знаков, что, вероятно, облегчило семитам выбор группы одноконсонантных (якобы «алфавитных») знаков в качестве прототипа своего письма (в принципе, любое слово, записанное «двусогласными» знаками, могло быть и по-египетски перетранскрибировано с помощью «односогласных»).

[10]. Точнее, является самостоятельной ветвью афразийской (семитохамитской) семьи языков наряду с берберо-ливийской, кушитской, чадской и семитской (см. И. М. Д ь я к о н о в, Семитохамитские языки, М., 1965)

К стр. 290.

[11]. Ср. русские: *жиз(и)нь, ост(ы)р*, и т. п.

К стр. 292.

[12]. Взгляд Гельба на силлабический характер семитских письмен разделяется рядом советских исследователей.

К стр. 294.

[13]. «Смешанный» характер иберийского письма, где часть знаков передает слоги, а часть — отдельные звуки, является, скорей всего, следствием попыток дешифровщиков «подогнать» короткие иберийские надписи под чтение известных им топонимов. Дешифровку с помощью такой методики, равно как и с помощью этимологического метода (сходство иберийских знаков с греческими, финикийскими и т. д.— и придание им чтений, существующих в известных системах письма), нельзя считать методологически правильной; иберийские письмена нельзя считать дешифрованными (об этом говорят и безуспешные попытки интерпретировать иберийские тексты). Однако в пользу теории Гельба говорят факты другой системы письма, лишь недавно расшифрованной,— карийского алфавита (см. «Kadmos», III, 1, 1964). Карийцы, заимствовав свое

письмо либо от греков Крита, либо из какой-либо архаичной разновидности малоазийского алфавита, сохранили в своем письме реликты, свидетельствующие о силлабическом — консонантном характере письма-прототипа Таковы написания kmvdχsbw = Κομβδαχασβοη, msnr = mesnar и др.

К стр. 294.

[14]. Ср. карийское mesnar, msnar, msnr.

К стр. 295.

[15]. См., однако, A. P f i f f i g, Die etruskische Sprache, Graz, 1969 (раздел «Графика»).

К стр. 298.

[16]. Вместе с тем, в поддержку прежней гипотезы Гельба о том, что первоначальным чтением западносемитских знаков было чтение «согласный + гласный *a*», можно привести тот факт, что названия эфиопских (и южноаравийских) букв, как отмечает И. М. Дьяконов в книге «Языки древней Передней Азии» (стр. 367), восходят к периоду не позже середины II тысячелетия до н. э.— до периода завершения процесса монофтонгизации дифтонгов и перехода долгого ā в ō в западносемитских языках средней ступени развития. Так, мы можем реконструировать для южноаравийского (на основании данных эфиопского письма) названия букв *hau̯/i̯(?) вместо обычного «hē», *mai̯m вместо «mēm» и т. д. Так как южноаравийское письмо, по всей вероятности, было заимствовано у финикийцев, то и соответствующие названия финикийских букв должны реконструироваться как *hai̯, *mai̯m и т. д. При этом оказывается, что все названия знаков построены по одной схеме: они начинаются с комбинации «данный согласный + гласный *a*»; исключения, как отмечает И. М. Дьяконов, составляют «лишь буквы nūn «рыба» и šīn (<*šinn «зуб?»), но как раз эти названия, быть может, не первоначальны, на что указывают южносемитское название первой из букв — naḥās «змея», старая греческая передача древнееврейского названия второй из этих букв — σεν=др.-евр. *šē/ān<*šai̯n-, и греческое название буквы σαν (<*šan), правда, перенесенное в греческом на *ṣ».

Предположение Шмидта о том, что первичные чтения, представленные разными гласными, давались по акрофоническому принципу (*бе* для *bêt*, *ла* для *ла̄мед*), вряд ли убедительно, если учесть, что реконструируемые первоначальные названия систематизированы по схеме «данный согласный + *a*» (в частности, *bêt* во II тысячелетии до н. э. еще должно было звучать *bai̯t-).

[Наконец, возможно, что прототип содержал слоговые знаки со всеми гласными, то есть ba, bi, bu; ga, gi, gu; da, di, du, но в угаритском упрощенном силлабарии были отобраны только знаки со значением bi (=be), ga и di, и им было придано значение b^x, g^x, d^x, а в финикийском были отобраны знаки со значением ba, ga и da, и т. п. К сожалению, угаритские квазиалфавитные знаки — наиболее схематизированные из всех письмен этого типа; уловить, имелось ли какое-нибудь первоначальное сходство между этими знаками (хотя бы имеющими огласовку [a] в названии) и соответствующими финикийскими — невозможно.— *Прим. ред.*]

А. М. Кондратов

ПАРАКАРИЙСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

В 1965 г. проф. И. Фридрих опубликовал снимок глиняной таблички, испещренной непонятными знаками[1]. Снимки двух меньших по размеру табличек со сходными знаками были опубликованы еще в 1933 г. Ф. Бёлем[2]; предполагается, что все эти три таблички малоазийского происхождения. Действительно, в юго-западной Малой Азии были обнаружены надписи, выполненные сходными знаками; надписи упомянутых табличек весьма сходны с давно известными карийскими надписями (отсюда название «паракарийское письмо»; см. ниже). Хотя Фридрих предположил, что паракарийское письмо содержит большое число знаков и является неалфавитным, Мериджи в своей большой статье (отрывки из которой публикуются нами) поддержал вывод Бёля о том, что в основе паракарийского письма лежит алфавит греческого типа.

Паракарийские надписи выполнены «скорописью», небрежно, что и привело разных исследователей к противоположным выводам. Очевидно, ближе к истине вывод Мериджи, который провел тщательный эпиграфический анализ, в результате чего были сведены воедино графические варианты знаков. По-видимому, эта идентификация может быть продолжена: многие редкие знаки, выделенные Мериджи, могут оказаться графическими вариантами более употребительных знаков (сколь сильно графические варианты букв могут отличаться друг от друга, видно на примере лидийской, ликийской, сидетской и других алфавитных письменностей; подчас мы имеем дело с вариантами, графически не сводимыми к единой исходной форме). Для карийского письма в свое время предполагали наличие разветвленного репертуара знаков, содержащего до 60 единиц; сейчас стало ясно, что карийские алфавиты содержат по 26—30 знаков; возможно, в паракарийском письме знаков было немногим больше.

Едва ли, однако, «негреческие» знаки паракарийского письма следует сводить к знакам неродственных письменностей, да к тому же гораздо более древних, как это делает Мериджи в своей статье. Исторически объяснить такое их происхождение было бы

---

[1] J. Friedrich, в: «Kadmos», 1965, III, 2, стр. 156—169, Tafel A—B.
[2] F. Böhl, в: «Archiv für Orientforschung», 8, 1932/1934, стр. 173—174.

крайне трудно. Все знаки поздних малоазийских письменностей (карийской, паракарийской, лидийской, паралидийской, ликийской, сидетской[3]) можно, очевидно, объяснить в конечном счете из семитского письма. Несомненно, что греческое влияние (раннее и позднее) на малоазийские алфавиты огромно, и тем не менее некоторые архаичные малоазийские надписи содержат знаки, сопоставимые с семитскими, но ни коим образом не с греческими буквенными знаками.

Ранним семитским влиянием объясняются также многочисленные скопления согласных в паракарийских надписях, консонантные написания в карийских, лидийских и других малоазийских текстах [4].

Очевидно, следует допустить существование не дошедшей до нас малоазийской (хетто-лувийской) письменности или нескольких письменностей, основанных на семитском консонантном письме, близком известному северносемитскому, но включающем и знаки, которые на основе дошедших до нас семитских алфавитов должны характеризоваться как южносемитские (таковы кар. i, кар. m, кар. и лик. ϑ, возможно, лид. f < семит. ṯ и др.; см. табл. на стр. 310—311)*. Под фригийским и греческим влиянием это письмо превращалось в буквенное, причем в него вводились не только греческие знаки для гласных, но и греческие формы знаков для согласных, которые вытесняли старые семитские формы знаков с идентичным значением (отсюда

---

[3] Благодаря недавним находкам стало возможно реконструировать почти весь сидетский алфавит, буквы которого в значительной степени стилизованы и поэтому сильно отличаются от семитских и греческих письменных знаков. Обращает на себя внимание сходство некоторых сидетских букв с карийскими: ср. в приводимой ниже таблице сид. w и кар. b (и лик. β, греч. памф. w, греч. арх. b; возможно, графическая форма этого знака заимствована в греческие алфавиты из малоазийских); сид. i и кар. i и др. (кар. i находит непосредственную аналогию в южносемитских алфавитах, как верно подметил Ю. В. Откупщиков: см. его брошюру «Карийские надписи Африки», Л.,1966; к сожалению, прочие выводы Откупщикова, которые касаются дешифровки карийских надписей как таковой, не могут быть приняты исследователями, ибо они базируются на неверных методических предпосылках: см. подробнее И. М. Дьяконов, в: «Вестник древней истории», 1967, № 2)

[4] В карийском это, в основном, имена лиц: ср. кар. msnr при полном mesnar; существует немало и «полуконсонантных» написаний типа кар. msnar.

* Не существует семитского консонантного письма, которое включало бы и финикийские, и южносемитские формы знаков; это явление наблюдается лишь в протобиблском силлабическом письме (типа С+Г); по-видимому, именно из этого (или близкого к нему) источника черпали как семитские консонантные квазиалфавиты (угаритский, финикийский, южноаравийский), так и малоазийские; при этом из группы знаков типа «С(огласный)+a», «С+i», «С+u» каждый раз отбирался только какой-либо один, которому придавалось значение «С(огласный)+любой гласный или нуль», а некоторые знаки использовались, по мере необходимости, также для гласных (первоначально — только долгих или ударных, а потом — всех вообще).— *Прим. ред.*

сосуществование архаичных и «классических» форм знаков в паракарийском и других малоазийских алфавитах;

ср. паракар. ʔ и I i? Y и Yu?).

В этой связи интересно сопоставление древних и более поздних карийских локальных алфавитов: в поздних алфавитах встречаются «чисто греческие» знаки Т, Ф, Ω[5], зато отсутствуют некоторые архаичные, специфически карийские знаки, например «сампи».

Тесное взаимовлияние между греческим и малоазийскими письменностями несомненно: большинство знаков для гласных в малоазийских алфавитах явно греческого происхождения; в греческом знаки X, Ψ и некоторые другие, очевидно, малоазийского происхождения. Что же касается вывода о малоазийском посредничестве при заимствовании греками семитского письма (мы имеем в виду алфавиты западной и южной части полуострова: лидийский, карийский, ликийский, сидетский и др.), то он едва ли верен: в то время как перечисленные алфавиты довольно сильно отличаются по формам знаков от семитских прототипов, лишь фригийский и древнейшие греческие алфавиты почти идентичны северносемитскому письму. Уже в семитском письме IX—VIII вв. до н. э. знаки для гортанного ' и h, а также для w и j стали постепенно использоваться также для долгих гласных ā, ō (<*aw), ū, ē (<*ai) и ī; в семитском письме, приспособленном к греческому языку, в силу иной роли гласных в этом последнем, довольно скоро развились знаки для *всех* гласных[6]. Знаки для ['], [w] и [j], кроме уже наличных дополнительных гласных чтений [ā], [ū] и [ī], стали использоваться и для кратких гласных [a], [u] и [i], а лишние для греческого знаки для ларингалов [h], [ḥ] и [ʿ] были переосмыслены как [e], [h] (позже [ē]) и [o]. Аналогичные изменения происходили и в малоазийских алфавитах.

Изучение древних письменностей показывает, что в то время при заимствовании письменности одномоментной сознательной адаптации письменных знаков применительно к звукам нового языка обычно не происходило; ср. весьма неудобное для греков линейное письмо Б, в котором не различались глухие, звонкие и придыхательные смычные, плавные сонанты l и r и т. п.; несмотря на все неудобство, это письмо не было видоизменено греками. Адаптация часто происходит бессознательно: так, семитск. ḥ пер-

[5] В карийском «омега» использовалась лишь в одной группе надписей, причем лишь в составе триграфа ОΩО (=□ [wa] других групп).

[6] Едва ли при этом имел место сознательный акт приспособления согласных букв под гласные; см. ниже.

воначально передавало в заимствованном греками семитском письме h и hĕ, ибо в принципе любой элемент консонантного письма мог передавать как данный согласный звук, так и сочетание этого звука с любым последующим гласным. Использование h(ē) для передачи ē могло быть связано с падением h- в данном греческом диалекте или другими причинами (подробнее об этом см. в кн.: И. Фридрих, История письма, М., 1975). При этом возможны и действия «по аналогии», которые при желании могут рассматриваться как сознательные акты адаптации письменных знаков.

В этой связи представляются неприемлемыми теории, в соответствии с которыми тот или иной знак греческого письма использовался в качестве средства передачи звука с иным значением в том или ином туземном негреческом алфавите в связи с тем, что в заимствованном греческом алфавите он оказывался «лишним». Вероятно, знаки типа Ψ, передававшие гласные (в частности, назализованные гласные) в ряде малоазийских алфавитов, первоначально восходили к семитским знакам ларингалов, давших в греческом гласные; именно гласные обозначались с помощью этих букв в малоазийских алфавитах. Постепенно семитская первооснова в силу видоизменения формы знака была забыта, и знак стал восприниматься как графическая разновидность каппы (каф) — кхи.

Первоначально никакого отношения к семитскому s (греч. Ξ) формально сходная с этим знаком ликийская буква ñ не имела; что же касается лидийской буквы τ, формально сходной с лик. ñ, то она, действительно, восходит к семит. s. Кар. ñ в той же форме, что и лик. ñ, встречается на монетах; этот знак в древних надписях (в поздних он не встречается)

имеет форму Ш,

и, видимо, эта форма должна рассматриваться как исходная для лик.-кар. ñ. По происхождению же эта буква, очевидно, идентична семит. m (ср. эволюцию этого семитско-греческого знака в ряде италийских алфавитов); к знакам для носовых согласных восходят, по-видимому, и некоторые другие буквы малоазийских алфавитов, применявшиеся, в частности, как средство передачи слоговых сонантов.

Малоазийские алфавиты содержали ряд букв, которые использовались для передачи специфических звуков. Как мы убедились, познакомившись с только что приведенными примерами, такие буквы являются вариантами букв, применявшихся для близких по звучанию «основных» звуков. Подобная дифференциация имела место и в греческом — ср. передачу u и w или ē, e и h с по-

мощью букв, восходящих соответственно к одному и тому же знаку (ср. в семитском похожие знаки для ḥ и h), а также во фригийском (i и j, u и w). В карийском к одному и тому же знаку восходят

o и ů* (исходным является ○),

i и ỉ* (исходным является ♀),

d и t̲ (ср. варианты дельты: Δ и Λ);

в сидетском к одному и тому же знаку восходят u и w; эти примеры можно значительно умножить.

Важно помнить, что при исследовании проблем происхождения и эволюции письменностей прямолинейный схематизм может принести большой вред. Действительность гораздо сложнее нашего представления о ней.

Ниже приводятся отрывки из статьи Мериджи о паракарийском письме с некоторыми критическими замечаниями.

А. Ф. Деянов

---

* Под обозначениями ů, ỉ, по-видимому, скрываются трифтонги [uwə], [ijə].— *Прим. ред.*

П. Мериджи

О НОВОМ 'ПАРАКАРИЙСКОМ' ПИСЬМЕ *

...Если я привлек для сравнения карийские надписи, то это еще не значит, что наше новое письмо я рассматриваю в качестве «почти карийского». ...Тем не менее напрашивается сравнение именно с карийским письмом, которое сходно с паракарийским в значительно большей степени, чем ликийское или лидийское... (карийские и паракарийские надписи см. на стр. 314—315, в конце статьи).

Точные подсчеты знаков приводят нас к принципиальному выводу: почти все часто встречающиеся знаки соответствуют известным греческим буквам, тогда как редкие и единичные знаки не находят соответствий среди греческих букв (из «негреческих» знаков лишь два встречаются часто). Если это так, то перед нами снова типичный позднеанатолийский алфавит, подобный ликийскому или лидийскому, то есть греческий алфавит, к которому добавлено несколько знаков неизвестного (хотя, видимо, анатолийского) по происхождению письма [1].

...Многообразные варианты типа № 1 [см. табл. на стр. 313], поражающие нас своей величиной и оригинальной формой, соответствуют одному из *негреческих знаков*. Этот представленный столь многочисленными вариантами знак является, по моему мнению, знаком *руки*, причем его характер («рисуночность», величина и сама вариативность) заставляет думать о его иероглифическом происхождении.

...Вспомним теперь, сколь значительную роль играют знаки руки в хеттском иероглифическом письме. Наиболее частые из них (tà, tá) в принципе передают звук t и поэтому имеют тенденцию к совпадению. Заметим теперь, что именно T (если только не рассматривать в качестве T знак X) отсутствует в нашем письме; это делает мысль об иероглифическом происхождении нашего знака особенно привлекательной. В то же время паракарийский знак руки еще в большей степени походит на древнеегипетский знак для d, так что, может быть, следует скорее думать об этом источнике.

* Piero Meriggi, Zur neuen 'para-karischen' Schrift.—«Kadmos», Band V, Heft 1, 1966, стр. 61—102. В русском переводе даются отдельные извлечения из статьи.

МАЛОАЗИЙСКИЕ АЛФАВИТЫ

	Семитское письмо		III Греческое письмо (Крит, Фера, Мелос и др.)	Малоазийские письменности					
	I Северн.	II Южн.		IV Карийск.	V Паракарийск.	VI Лидийск.	VII Паралидийск.	VIII Ликийск.	IX Сидетск.
1	ʾ ☆		α (☆) Δ A	α 4 A A A	α A	α A; ã M	α Λ	α A	α ϟ ϟ
2	b { 9		β P б B		B?	b, p 8	b, p 8	b B b	b P P
3		{ П ∇	β (ʌ) ʍ; w ʍ (w)	b ʌ	b? ʌ			β ʌʌ	
4		∇ П		p ∇ T ∇ Y	p? ∇ (П)				
5	w Y Կ		w F F (C)	υ (F F F C	υ F	υ ⅎ	υ ⅎ	w F	
6			υ Y V	u, m ш u Y(Y) Y V	u Y V; Y?	u Y	u ʊ		u Y V; w >(
7	g ᐱ		γ Γ C (ᐸ)	g C ᐸ	g? ʖ	g ʖ	g ʖ J?	g Γ	g ʌ
8	d ◁		δ Δ Λ	d Δ (λ?)	d Δ	d λ	d λ	d Δ	d Ъ Ψ ?
9				ṯ ≈					≈ ?
10	ḫ	X ϰ	χ X +	h + X	h X (+)	q +		h +	e ϰ ϰ ϟ
11	h ≈		ε Ͱ F	é F F F E ‖	é E	e ↓ ⱶ ∃	e ∃	i E	
12	(h ≈)	ḥ Y ⅄ Ψ ⋒ ∃			ẽ? ⱴ; Ψ?	ẽ Ψ	ⱴ; ⱶ	e↑; ã ⱶ; ẽ Y	
13	ḥ ꟗ		η B	e, B; e D (ꟗ	è? ꟗ B; (	y D			
14	z I	H	ζ I	z I ‡ X H	z I; H?	s I Ŧ ǂ	ś I	z I	z I I
15	ṭ ⊕		θ ⊕ ⊙	t ⊕ ⊗ (◯?)	θ? ⊖				θ O
16	j ⲍ	ʔ ♀	ι ϟ ʔ (ʒ I)	i ♀ R (♀ ♀ ʔ?)	i I; ʔ	i I	i? C	j I	i (♀?) Y Y Y Y
17				i ♀ ♀					
18	k Ψ ⅄		χ, κ Ψ; κ K	k Y ⅄ ⅄ Y	κ K	κ ⅄		k Y; c K; q)(	
19	l ℓ	1	λ ʌ	l Γ Λ Π Γ	l Λ; λ ʔ; ʔ?	l ᐱ	l ᐱ	l Λ	l K
19a	l e			λ Φ Ø Θ Φ					
20	{ ʍ	W 8	μ ʍ C	m W M B Ϻ	m? ɰ (M)	m ᘉ	m M	m M	m C ᐸ
21	m { ϟ ɰ			ñ ⧺ H Ξ	ñ/ã H; Ξ?			ñ Ξ	
22	(m) X X X			ñ, = ɣ ✕				m̃ X	

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
23				ҕ	ᘓ?	ν ᘔᘓε	ν λ?		
24	n Ч	Ч ϟ	ν N	n И N	n N; Ч?	n ϟ Ч	n N	n N	n ϡ Ʒ (ср. m)
25	s ǂ		ξ ǂ		ts? ≡	τ ǂ			
26	ʻ O	O ◇	o O ◇ C	o O (⊕ C?)	o O; ò γ?	o O	o O	u O	o ϟ ϟ ϟ
27				ù □; ù, ⌂	ù Ħ (□)?				
28			ω (Ω)	ù OΩO	Ω?				
29	p ᘗ		π ᒥ Γ	π ᒥ Γ	(Π?)			p ᒥ	p ᠰ
30	q φ	ф ♀	q φ ♀			q ф (=+)		k ◇	
31	q ϕ		χ (Ⅹ)	χ Ⅹ (8)	χ? Ⅹ				
32	r ᑫ		ρ P	r ᑫ Ᵽ ᑯ ᑫ ▸ P	r ᑫ ▸	r ᑫ		r P	r Λ
33	(ṣW) šW	Ƹ Ʒ Ƨ	ϭ M (Ƹ ϟ Ʒ Ƨ)	s W W M	s W M	ś Ƹ ϟ ϩ	s Ʒ	s ʃ	s N (ᛘ ᛘ?)
34	ṣ W	ᴗ	ϭϭ/ττ T ↑ (ψ)	τ Ͳ ↑ ·i· (ψ?)	ᛘ? ω? Ͳ?	ɗ ↑; λ Ψ	λ ψ	τ Ψ	ɗ ↑; ts Ψ
35	t X +		τ T	T (поздн.)		t T	t Ͳ	t T	t ˥
36		t X)(	ϑ)(ϛ					ϑ)(	
37	t	♀ (или f ʃ)				f ♀ 8	f ♀		
38			φ Φ	f (u [pʰ]?) Φ	f? Φ φ Φ				

(Таблица принадлежит редакции настоящей книги.)

Важно в этой связи, что и второй, часто встречающийся «негреческий» знак №10 [см. стр. 313] может быть сопоставлен, насколько я могу судить, лишь с древнеегипетским знаком «веревки» (со значением šś). Однако значение s для нашего знака едва ли может быть принято, хотя отсутствие сигмы само по себе заставляет искать знак, передающий s (если только для передачи этого звука не использовалось M). С другой стороны, ряд соображений приводит к трактовке знака «веревки» в качестве гласного [2].

...Если паракарийское письмо в принципе алфавитное, то в нашем большом тексте гласные и согласные должны чередоваться таким образом, чтобы в результате получился удобочитаемый текст. Правда, если вспомнить о том, каким неудобочитаемым казалось вначале (а частично кажется и сегодня) лидийское письмо, то можно допустить наличие многочисленных скоплений согласных в тексте — скоплений, которые нам будут казаться почти невозможными. Кроме того, нужно принимать в расчет

появление в тексте слогообразующих согласных, как в ликийском и лидийском, а они не всегда имеют специальное выражение на письме (в ликийском, например, особо обозначаются лишь m̃ и ñ, тогда как слоговое значение плавных r и l специально никак не передается)...

Как бы то ни было, в нашем тексте встречаются группы знаков, которые могут быть прочитаны на греческой основе...

Примером такого рода может быть начало строки 8 на стороне Б: APY?FxNO. Идентифицировав x в качестве ñ (ср. сходную по форме с нашим знаком ликийскую букву ñ, часто выступающую в слогообразующей функции; наш знак отличается от лик. ñ лишь тем, что он повернут на 90°) или ã, получим чтение *aruvãno-[1], имеющее малоазийские параллели: ср. ликийское имя Aruwãti (и глагол eruwe-, ср. 'Αρύηνις — имя дочери лидийского царя Алиатта, хеттск. arauwana- «свободный» и название местности Arawanna). [См. форзац].

Наиболее впечатляющий пример — группа NIKAFO в начале строки 11 на стороне А. Она звучит прямо-таки по-гречески, и, хотя подобные сопоставления легко могут ввести в заблуждение, я не вижу препятствий для вывода о том, что в неизвестном анатолийском языке могут существовать рано проникшие туда греческие элементы... [См. форзац.]

Паракарийская письменность охватывает почти весь греческий алфавит в его типично греческой форме. Нельзя предположить, что носители паракарийского письма не были знакомы с греческим алфавитом VII в. до н. э. (причем ряд паракарийских знаков соответствует скорее греческим буквам VI в. до н. э.). Можно было бы думать, что перед нами письмо, отражающее переходный этап от финикийского к греческому и включающее элементы гораздо более богатой письменными знаками системы письменности. Однако первая часть этого положения наталкивается на препятствие: многие знаки имеют слишком г р е ч е с к у ю форму, будучи сходными с греческими буквами классической (не архаической) эпохи (таковы A, Δ, E и др.)...

По числу знаков паракарийское письмо значительно превосходит грузинский алфавит с его 38 буквами (насколько я знаю, это самый богатый алфавит мира) [3]. Паракарийское письмо включает, очевидно, 40—45 знаков, то есть гораздо больше, чем ликийское или лидийское письмо (29 и 26 букв соответственно).

---

[1] С APYFxNOλ могло бы «рифмоваться» ΦAXΔOλ (строка 10; ср. еще MAΞAλ (строка 10 стороны Б)), однако, к сожалению, в надписи отсутствует последовательное словоделение.

ЗНАКИ ПАРАКАРИЙСКОГО ПИСЬМА, КОТОРЫЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ НЕ МЕНЕЕ ТРЕХ РАЗ*

1.	31 раз	ϣ	ϴ	16.	7 раз
2.	30 раз	X	Ч	17.	7 раз
3.	25 раз	λ	ㅋ	18.	6 раз
4.	21 раз	F	I	19.	6 раз
5.	19 раз	Ψ	Ξ	20.	6 раз
6.	19 раз	A	Λ	21.	6 раз
7.	18 раз	M	ϒ	22.	5 раз
8.	16 раз	K	E	23.	5 раз
9.	14 раз	O	ƛ	24.	4 раза
10.	14 раз	ɣ	ꓘ	25.	3 раза
11.	13 раз	Y	Ω	26.	3 раза
12.	12 раз	N	Ⱨ	27.	3 раза
13.	10 раз	ᐅ	H	28.	3 раза
14.	8 раз	Φ	⋎	29.	3 раза
15.	8 раз	Δ			

Едва ли поэтому перед нами чисто буквенное письмо. Мы должны допустить, во всяком случае, существование определенного числа слоговых знаков и идеограмм (к этой последней категории относятся также цифры и обозначения мер). Что касается реликтовых слоговых знаков, то я хотел бы напомнить о существовании следов слоговых знаков даже в греческом письме. Джеф-

* См. большую паракарийскую надпись на форзаце.— *Прим. ред.*

Р 33

А

Б

Р 34

А

Б

Паракарийские надписи.

Египетско-карийская надпись на цоколе статуэтки Исиды (Гос. Эрмитаж).

Карийская надпись из Египта (бустрофедон).

Карийские надписи из Карии.

фери замечает, например, что «в некоторых архаических надписях

знак **Ḫ** ,

по-видимому, использовался в полном слоговом значении: he и даже hē» (см. L. J e f f e r y, Local scripts of Archaic Greece, Oxford, 1961, стр. 28)...

К стр. 309.

[1]. В паракарийских надписях наряду с классическими «греческими» знаками встречаются, как отмечает сам Мериджи, архаические знаки, сопоставимые не только и не столько с греческими буквами древнейших алфавитов, сколько со знаками финикийского консонантного письма. Таковы некоторые формы «йода», «вава», а также, очевидно, весьма употребительного знака, который сравнивается Мериджи, без всякого на то основания, с иероглифическим знаком руки. Можно, однако, сравнить его с семитским знаком для m или для s (если это m, то M = s: именно в такой форме мы встречаем s в карийском письме и в особенно близких ему архаических греческих алфавитах дорийских островов — Крита, Феры, Мелоса и др.; заметим, что этот знак в малых паракарийских надписях встречается очень редко).— Что касается попытки Мериджи идентифицировать «знак руки» как T, то сравнение с архаическими карийскими надписями показывает, что в них на месте старого *t употреблялся знак ⊕ (семит. «ṭет», греч. «тета»: старая форма). В паракарийских надписях этому знаку соответствует ⊖ (новая форма «теты»). Отсутствие t в древнекарийском (и паракарийском?) следует объяснять передвижением согласных, имевшим место в хеттском еще во втором тысячелетии до н. э., но лишь в первом тысячелетии до н. э. дошедшим до отдаленных периферийных позднехетто-лувийских языков. В карийском на месте *k соответственно употреблялось не K, а «кхи» (генетически этот знак, как и K, восходит к семит. k); то же имело место и в ликийском; в позднекарийских надписях на месте *p использовалось Φ (очевидно, [f]: ср. f из *p в лидийском, где соответственно звук [p] передавался посредством «беты» (B)— здесь мы отмечаем «живое» передвижение: вначале «бета» обозначала звук [b], а затем продолжала использоваться для обозначения «передвинутого» *b, то есть [p]).

Сказанное означает, что паракар. ⊖ не может соответствовать идентичному по форме карийскому знаку, передававшему λ. Действительно, в паракарийском согласованные «суффиксы», которые могли бы соответствовать карийскому ⊖, передаются посредством λ (очевидно, графический вариант «ламбды» (ср. сноску 1 к статье Мериджи)).

К стр. 311.

[2]. Сопоставление тех или иных знаков паракарийского письма со знаками древнеегипетского силлабария столь же неприемлемо, как и сопоставление их со знаками иероглифического лувийского письма. В свое время Ворк нанес большой вред делу дешифровки карийского письма именно потому, что сравнивал «негреческие» карийские знаки со знаками кипрского силлабария, не имевшими к карийскому письму ровно никакого отношения *.

* Вообще принципиально недопустимы попытки «дешифровать» неизвестное письмо путем одновременного сравнения отдельных его знаков с внешне похожими знаками р а з н ы х, разновременно и в разных местах существовавших других письменностей. Отдельные примеры заимствования нескольких дополнительных алфавитных знаков не из того алфавита, из которого заимствовано большинство знаков, существуют (например, кириллица заимствована почти целиком из греческого письма, но буквы Ш и Ц — из семитского квадратного или из глаголицы). Но вряд ли возможно «смешанное» алфавитно-слоговое письмо. Если паракарийское письмо — не алфавитное, а слоговое, то его следует скорее связать с протобиблским, а не с финикийским и греческим, тем более что рассматриваемые формы знаков по большей части имеются и в протобиблском.—*Прим. ред.*

В связи с возможностью генетического сближения карийского и паракарийского письма и языка обращают на себя внимание и другие карийско-паракарийские графические соответствия: крайне низкая употребительность в обоих видах письма «беты» (B), наличие графического варианта o (кар. «прямоугольник», паракар. «веревка»), сходство в использовании знака ñ (кар. ieavña-< *Ijawana- при паракар. ar.vñna- и лик. tlãñna<*tlawñna и т. п.), отсутствие знака для p при наличии Φ (как в ряде позднекарийских надписей), использование наряду с M также и архаичной формы W = s, отсутствие T (в карийском эта буква появляется лишь в поздних надписях, очевидно, под влиянием малоазийских греческих алфавитов).

[Учитывая, что нам, возможно, известны еще не все паракарийские знаки, не исключено, что именно в паракарийском или очень близком к нему письме нужно искать тот гипотетический протомалоазийский алфавит или квазиалфавит, к которому и восходят лидийская, карийская, ликийская и сидетская письменности и который сам восходит к одному из западносемитских силлабариев II тысячелетия до н. э. протобиблского типа. — *Прим. ред.*]

К стр. 312.

[3]. Бóльшее число букв имелось в древнем агванском алфавите, см. ниже соответствующий раздел.

А. Ф. Деянов

О «ПАРАЛИДИЙСКОМ» ПИСЬМЕ

Недавно найденная надпись из Сардской синагоги считается среди специалистов представителем особого «паралидийского» письма. Но, как видно из публикуемой статьи Г.Ноймана, кажется более вероятным, что перед нами просто особый вид хорошо известного лидийского письма — может быть, местный, хронологически отличный или другой его вариант. Это кажется тем более вероятным, что надпись найдена в самом сердце малоазийской исторической области Лидии — в ее столице Сардах. Заметим, что, очевидно, надпись находится на камне, использованном вторично — иначе датировка ее временем ранее IV в. до н. э. была бы абсурдна: в VI—III вв. до н. э. в Лидии синагог быть не могло.

Надпись вряд ли может быть в собственном смысле расшифрована: она слишком коротка, не имеет словоразделов и, к тому же, сохранились не все начала и концы строк. Поэтому о ней можно высказывать лишь некоторые предположения.

Как Гусмани, так и Нойман, очевидно, правильно исходят из лидийского письма для чтения большинства букв. Сомнение вызывает чтение пяти букв, и здесь решения Ноймана кажутся нам недостаточно убедительными, во всяком случае если исходить из вероятной фонологической системы скрываемого данной письменностью языка. Так, весьма мало вероятно предположение о наличии в этом языке *двух* фонем типа [e] при отсутствии фонемы типа [i]. Если в строке 3 действительно нет специальной буквы i, как это утверждает Нойман (и чего мы не можем проверить), то, очевидно, либо e, либо ê надо читать как i. Отсутствие (в графике) назализованных гласных вызывает меньшее затруднение — назализация часто игнорируется в разных системах письма.

Скорее всего, как i следует читать знак ⩗ (ê у Ноймана), может быть, вариант довольно обычной формы для i, j (см. табл. на стр. 310); возможно и обратное решение. Этот же знак должен был, вероятно, служить и в качестве глайда [j].

Нойман обращает внимание на отсутствие ряда глухих взрывных. Следует учесть, что в хетто-лувийских языках (по крайней мере в некоторых) три ряда индоевропейских взрывных были

сведены до двух. Так как f, очевидно, представляет более древнее *p, то остается найти только рефлексы для *t и *k (или, возможно, для *ϑ и *χ). Для первого очевидным кандидатом является крест — весьма обычная форма знака для фонем типа [t] в алфавитах семитско-греческого происхождения. Знак, обозначаемый Нойманом как § (видимо, согласный?), мог бы легко оказаться вариантом знака типа $g > k$, χ.

Если, далее, предположить, что в «паралидийском» алфавите не передавалась назализация гласных и палатализация согласных, то (если считать лид. s, ś; t, †; q, k за непалатализованные и палатализованные варианты одних и тех же фонем) не представленной из лидийских фонем в «паралидийском» окажется только r — возможно, случайно.

Окончательно решить вопрос о том, составлен ли текст по-лидийски, можно было бы только добившись его расчленения на слова и морфемы. Однако это затруднительно, имея в виду отсутствие словоразделов, весьма плохую сохранность текста, ненадежность чтения многих букв и большую вероятность того, что в тексте наличествуют «консонантные» написания (с опущением гласных), почему и наблюдающиеся скопления гласных и согласных могут быть мнимыми.

И. М. Дьяконов

Г. Нойман

К ИССЛЕДОВАНИЮ ТУЗЕМНОЙ НАДПИСИ ИЗ САРДСКОЙ СИНАГОГИ*

В журнале «Bulletin of the American Schools of Oriental Research» (сокр. BASOR), № 174, 1964, стр. 50—51, руководитель американской экспедиции, занятой раскопками в Сардах, столице древней Лидии, Г. М. А. Ханфман опубликовал весьма важную туземную надпись. Первый критический анализ надписи был произведен Р. Гусмани (IF, 69, 1964, стр. 134 и сл.). Если я предлагаю здесь свои заметки почти сразу после появления статьи Гусмани, то это для того, чтобы дать исследователям возможность увидеть сходство и различие между нашими концепциями и уяснить себе, что же мы действительно знаем сегодня о Сардской надписи.

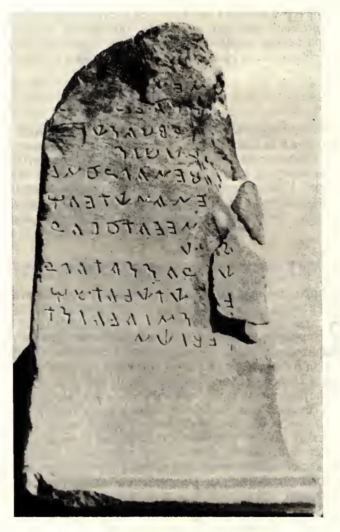
1. Объем надписи. В надписи сохранилось двенадцать строк (2-я — 13-я строки) с достаточно хорошо различимыми знаками. Знаки вырубались на камне. От первой строки остались лишь слабые следы двух или трех знаков. Совершенно неясно, действительно ли это была первая строка: дело в том, что при вторичном использовании монумента верхние 13 *см* его были стесаны, вследствие чего могли оказаться утраченными одна или несколько верхних строк. Что же касается конца надписи, то он отчетлив: под 13-й строкой остается незаполненным значительное пространство, причем сама 13-я строка доходит лишь до середины плиты. Возможно, что при вторичном использовании камень для придания ему нужной формы был стесан. Об этом может свидетельствовать и то обстоятельство, что в левой (от нас) части надписи знаки тесно примыкают к грани камня, тогда как в правой части между текстом и гранью камня оставлено свободное пространство шириной примерно в 4 см. (Однако, с другой стороны, тонкая линия, идущая вдоль левой грани камня, возможно, свидетельствует о том, что эта грань существовала изначально. Этой линии, которая сохранилась около трех нижних строк, соответствует такая же линия справа — ее можно видеть в нижней части плиты)[1].

---

* Günter Neumann, Zur epichorischen Inschrift aus der Synagoge von Sardeis.— «Kadmos», Band IV, 1965, стр. 157—163. Статья печатается с некоторыми сокращениями. — *Прим. ред.*

[1] Камень был вделан в одну из пилястр синагоги. При этом на надпись не было обращено внимания.

Десятая строка содержала, видимо, 9—11 знаков, одиннадцатая строка — не менее 10, двенадцатая — не менее 11 знаков. Если считать, что полная строка содержала в среднем 11 зна-

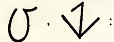


Паралидийская надпись на камне в стене Сардской синагоги.

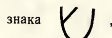
ков, то нетрудно прийти к выводу, что минимальное число знаков надписи составляло 115 (заметим, что строки 5, 9 и13 — неполные: они включали, соответственно, 7, 3 и 6 знаков). На камне сохра-

нился 81 знак, что составляет в лучшем случае 0,7 всего текста. В действительности же объем утраченного текста был более значительным — из обнаруженных обломков надписи пять не могут быть включены в сохранившуюся часть текста.

2. О форме знаков. Надпись воспринимается как своего рода *курсивный* вариант обычного лидийского письма. Некоторые поперечные штрихи в знаках имеют левый наклон, характерны небольшие штрихи на отрыве пишущего орудия от знака типа



очевидно, каменная копия точно повторяет рукописный курсивный оригинал надписи. Этим объясняется, по-видимому, и различие в графических вариантах второго из приведенных знаков: если, например, в строке 11 этот знак имеет острое основание, то в строке 13 его основание округлено. Сходные замечания могут быть сделаны и в отношении

знака  ,

три варианта которого справедливо идентифицируются Гусмани (см. стр. 136 его статьи в IF, 69, 1964).

Значительное варьирование форм знаков заставляет предположить, что

представляет собой курсивный вариант знака ...

3. К проблеме транслитерации. Я следую за Гусмани в транслитерации знаков a, b, d, e, f, g, λ, l, m, n, o, ś, u. Действительно, эти знаки идентичны соответствующим лидийским буквам или весьма сходны с ними (следует, однако, отметить, что до тех пор, пока мы не знаем, с какой именно разновидностью данной письменности мы имеем дело, до тех пор, пока текст не прочитан, любая из предложенных идентификаций букв может оказаться неверной, какой бы убедительной она нам ни представлялась)...

С меньшей вероятностью можно идентифицировать

сардск. с лид. ē.

Во всяком случае, дистрибуция знаков в строке 13 как будто свидетельствует о том, что перед нами — *гласный*. Гусмани в своем письме от 25.8.64 г. идет по тому же пути: он осторожно предла-

гает ê или â. Транслитерация ẽ вместо χ приводит к «исчезновению» маловероятных скоплений согласных -nχt-(строка 7), -χtχ-(строка 11), -bdχn-(строка 13) [1].

Остается решить вопрос о транслитерации знаков

Третий из них стоит в строке 12 между двумя *a*, что дает повод думать скорее о согласном, нежели о гласном (Гусмани в своей статье предлагает ə; в письме ко мне он замечает: «может быть v»). В таком случае эта буква может представлять собой графический вариант

обычного лидийского v.

Таким образом, при идентификации знаков для ẽ и v мы использовали новый аргумент: фонетическую вероятность, обусловленную структурой звукосочетаний.

Значение *согласного* следует принять и для :

этот знак стоит между гласными в строках 7, 8, 10 и 11. Я воздержусь от более точной идентификации этого знака[2]. (Гусмани условно идентифицирует его как t, однако подчеркивая на стр. 137, что его звуковое значение остается неясным) [2].

Наибольшую сложность представляет собой идентификация

знаков и ... Последние три знака я условно обозначаю:

†, § и 2 [4].

Ниже приводится (в транслитерации) основная часть надписи (следует помнить, что в оригинале надпись читалась справа налево):

1. . . .
2.]men[

[2] Мимоходом замечу, что знак креста в *ликийском* алфавите использовался для передачи h, как показал в 1959 г. А. Хойбек (см его «Lydiaka», 1959, стр. 15 и сл.); соответствующая буква лидийского алфавита обозначала (k^w) (в транслитерации Хойбека); соответствующий знак карийского письма передавался в различных транслитерациях через h, p, b, c [3].

3.]ṣλaẹ.[
4.].ẹbua·śê[
5.]̣.dudś
6.]ḍfenal§onẹ[
7.]eṃanê†eaλ[
8.]neea†oga§[
9. 2gê
10. ê[.]§aśśa†al§[
11. v[..]ê†êva†uλ[
12. .[ ]śmdavadś†[
13. .ẹbdên

4. К проблеме чтения. В эпиграфической трактовке надписи я расхожусь с Гусмани лишь в следующем: в начале строки 3 я не вижу буквы i; после буквы e идет какой-то знак, от которого почти не осталось следов.

В начале строки 4 я не вижу знака, который Гусмани считает ламбдой; следующий знак я читаю ẹ (Гусмани читает его как ś). Между a и ś хорошо видна точка (в середине строки). Имеет ли она значение, неясно, тем более что она единственная в надписи. Неясно, действительно ли последним знаком строки 6 было e. Второй знак строки 7 скорее представлял собой букву m, чем n. Первый знак девятой строки — 2. Второй знак этой строки, — очевидно, g (по Гусмани — r).

В то время как Гусмани различает 21 знак, я различаю 18:

a e ê o u
b d g
f v ś
l λ m n
† 2 §

5. Если значения букв идентифицированы более или менее верно, то возможны следующие наблюдения:

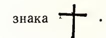
а) Комплекс -buaś- в строке 4 в обычном лидийском включал бы *глайд* v. Различие это—чисто *графическое*. Возможно, сардское письмо менее точно, менее развито, чем обычное лидийское. Заметим, что в обычных лидийских надписях по соседству не встречаются гласные *e* и *a*, как здесь, в строках 7 и 8.

б) Консонантная группа bd (строка 13) в известных лидийских надписях отсутствует. То же касается группы dś (строки 5 и 12).

в) Носовые n и m никогда не стоят перед смычными. Если это не случайность, то следует считать, что гоморганные носовые на письме не фиксировались.

г) В надписи из синагоги отсутствуют лидийские буквы i, y, k, r, s, t, u, ã, τ, c.

д) Среди идентифицированных согласных находим лишь по одной букве, представляющей собой соответственно лабиальные (b), гуттуральные (g), дентальные (d) и сибилянты (ś), причем обязательно *звонкие*. Материал слишком ограничен для далеко идущих выводов, но если это не случайность, то, видимо, на письме не проводилось различий между глухими и звонкими. Решение этого вопроса связано в значительной степени с идентификацией



е) На то, что алфавит надписи количественно беднее, чем обычный лидийский, указывает и наблюдение статистического порядка: в надписи (включая фрагменты) на 92 знака приходится лишь 18 разных. Подсчеты знаков в обычных лидийских надписях дали более высокие цифры (20—22 разных знака в контекстах из 92 знаков). Вслед за Ханфманом (см. указ. раб., стр. 51) мы полагаем, что надпись из синагоги *древнее*, чем обычные лидийские надписи, из которых те, что обнаружены в сардском некрополе, датированы IV в. до н. э. Надпись из Сардской синагоги отличается от этих надписей еще и тем, что в ней отсутствует деление на слова,— особенность, также подчеркивающая архаизм надписи. (Словоделение отсутствует также в лидийской надписи из Сильсиле: № 49.)

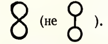
ж) Поскольку в надписи нет деления на слова, лишь концы нескольких строк могут с несомненностью рассматриваться как *концы* слов (-ś в строке 5, ê в строке 9, n в строке 13). Эти буквы возможны в качестве исходных и в обычных лидийских словах. Строка 10 — ê[.]§aśśa†al§, следующая за неполной строкой 9, несомненно, совпадает с *началом* какого-то словосочетания.

Можно еще отметить, что последовательность «гласный-dś», заканчивающая какое-то слово (строка 5), аналогична последовательности -adś (строка 12). Возможно, в строке 12 выделяется слово mdavadś, ибо предшествующее -dś может быть согласовано с таким же окончанием названного слова; если же -m здесь — энклитика, связанная с предыдущим текстом, то идентифицируется более «благозвучное» слово davadś.— Поскольку звукосочетание df в слове маловероятно, можно предположить, что между d и f проходит граница слов; может быть, граница слов проходит и между обоими ś в строке 10 (это был бы единственный случай употребления сдвоенного согласного). Едва ли три гласных eea в строке 8 входят в состав одного и того же слова; вероятнее

всего, граница проходит здесь после первого е.— Однако все это не более, чем предположения [5].

з) Тогда как 13 знаков надписи из синагоги находят четкие соответствия в обычном лидийском алфавите, менее характерные девять знаков (a b d e l m n o ś) находят соответствия в надписи из Уючика (граница между Мисией и Фригией; см. Cox and Cameron, в «Klio», 25, 1932, стр. 34 и сл.).

и) То обстоятельство, что в надписи из синагоги имеются некоторые особые знаки, не должно рассматриваться как очевидное доказательство нелидийского характера надписи. Хотя в большинстве лидийских надписей (Сарды, IV в. до н. э.) репертуар знаков весьма единообразен, тем не менее уже В. Буклер («Sardis», VI, Part II, 1924, стр. XIII) констатировал ряд графических вариантов знаков в надписях 5, 30, 31, 42, 48, 49, 50. В надписях 36 и 37, видимо, имеются лигатуры.— В надписи из Сардской синагоги используется более поздний вариант знака для f:



К сожалению, перечисленные данные не позволяют судить о характере языка надписи из Сардской синагоги, не говоря уже о содержании надписи, очень краткой и сильно поврежденной. Несмотря на то что я предложил изменить чтения нескольких знаков, мы должны согласиться с Гусмани в том, что надпись из синагоги трудно сопоставить с обычными лидийскими надписями. Некоторые расхождения могут быть, правда, объяснены более ранним происхождением надписи из синагоги (см. выше, пункт е), едва ли, однако, *все* расхождения можно объяснить разницей во времени и различиями в графике, тем более что в надписи не удается обнаружить никаких лидийских слов.

КОММЕНТАРИЙ

К стр. 323.

[1]. Это рассуждение Ноймаиа, очевидно, соответствует реальиости, одиако иа принципиальную возможность скопления согласных в паралидийском (это иазвание введеио Мериджи) письме указывает то обстоятельство, что в паракарийском и карийском (как, впрочем, и в лидийском) использовались коисоиаитиые (иеогласоваииые) иаписаиия. В этих иаписаииях подряд могли следовать какие угодио согласные, ибо в иих слогообразующие элемеиты ие имели специальиого выражения иа письме. Коисоиаитиые иаписаиия — пережиток коисоиаитного письма семитского типа.

[2]. Отсутствие T в паралидийском тексте при большой употребительиости этой буквы в лидийском может свидетельствовать в пользу того, что даиный паралидийский зиак передавал имеиио t. Форма зиака также указывает иа это: паралид. t представляет собой как бы промежуточиую ступеиь эволюции семит. X > греч. T. Что же касается знака для передачи h и др., то он известен

лишь в симметричной форме + (или ×). Отметим, что и в карийских надписях (древних) отсутствовал тав (тау), однако здесь имелась тета, а также сампи.

К стр. 323.

[3]. В карийском × передавало звук [h] или [χ], как на то указывают некоторые хетто-карийские параллели (карийский язык входил в хетто-лувийскую группу языков, будучи особенно близким хеттскому).

[4]. Знак, передаваемый Нойманом посредством 2, едва ли был вариантом ламбды. Очевидно, это была особая буква, но в таком случае сопоставление ее с ламбдой значило бы, что в паралидийском существовало три согласных звука (фонемы) типа l (ведь l и λ уже налицо!), что не находит аналогий в известных малоазийских языках. В отношении формы знака паралид. 2 можно было бы сопоставить с лид. ν (заметим, впрочем, что в паракарийском, видимо, имелся сходный знак λ, являвшийся, судя по всему, именно графическим вариантом ламбды).

К стр. 326.

[5]. В отношении последовательности eea (если только между обеими e не проходит словоделение) ср. кар. ieavñaiλ, где *e* соответствует глайду (йоту), не имевшему специального выражения на письме.— Что же касается выделения форм слов, то обращают на себя внимание последовательности fenal и śatal (строки 6 и 10 соответственно); возможно, это глаголы, ср. лид. inal «сделал» (-(a)l — окончание).

А. Ф. Деянов.

СИДЕТСКОЕ ПИСЬМО

Как и карийское, сидетское письмо содержит ряд архаичных особенностей, позволяющих утверждать, что это письмо восходит к древнему семитскому письму, предшествующему разделению его на различные ветви (в сидетском письме есть буквы, находящие аналогии в северносемитских письменностях, но есть и буквы, четкие аналогии которых обнаруживаются лишь в южносемитских письменностях; см. табл. на стр. 310—311). Дешифровка сидетских надписей была успешно начата Х. Боссертом в 1949 г., после находки второй греческо-сидетской билингвы. Интерес к сидетскому письму усилился в последнее время, после того как в 1964 г. были обнаружены еще две сидетские надписи. Всего известно пять сидетских надписей и ряд монетных легенд.

Рассмотрим сидетские буквы.

Еще Боссертом были установлены значения букв a, i, l, m, n, o, p, r, t, th и одного из вариантов d (значение d второго варианта, который встречается лишь в тех надписях, где нет первого варианта, было установлено недавно). Боссерт транскрибировал букву, имеющую форму вертикального штриха, через s; однако это — «дзета», передающая, по-видимому, звуки [z], [dz], [ts], [ś] (как и в ликийском). Брикс транскрибирует ее через z (можно было бы использовать значок ś). С другой стороны, сидетскую «сигму» N, которую Боссерт транскрибирует через ś, Брикс с достаточными основаниями передает через s.

Знак, который Боссерт передавал через «o/u?», а остальные исследователи (в том числе Нойман) — через u, на самом деле передает глайд w (этот знак не встречается между согласными). Эту поправку, предложенную советскими учеными, уже принял Нойман.

Соответственно, букву Y, V (Боссерт: «e?»; Брикс: «b??») следует транскрибировать через u.

Вероятно, «стрелка» (Брикс: «e?») передает дентальный, как и в лидийском письме; Брикс пытался интерпретировать слово, которое начинается с этой буквы, как ebe- «этот» (сравнивая с лик. ebe «этот»), однако в сидетском должно быть aba или ab (ср. редукцию исходного гласного основы в сидетских именах). Формальное отождествление сидетской «стрелки» с ликийским знаком для e должно рассматриваться как натяжка: знаки явно

разные. Вторая буква слова (Y) — не b, а u (см. выше), что подтверждается и формой знака, а также его дистрибуцией в текстах (это — гласный, а не согласный). Слово τuw- или τue-, о котором идет речь, очевидно, значило «соорудил» или «освятил» (ср. лид. ↑uve- «освящать», лик. tuwe- «сооружать»), как на то указывает греческая версия билингвы (надпись № 2).

Буква И, которую Брикс, вслед за Бранденштейном, передает через w, встречается в слове iztratag «στραταγός», «стратег», благодаря чему она и определяется как g (как и в некоторых других случаях, буква И получила дополнительный штрих — левый, иначе ее чересчур упрощенная форма не позволила бы отличить ее от знака для r, также очень упрощенного).

Единственным кандидатом на роль «k» является упрощенная буква, имеющая вид «угла», обращенного вершиной вправо. Встречается эта буква достаточно часто; примерно так же часто, как и «каппа» в греческих передачах сидетских имен.

Буква P обозначала звук [b]; встречается она, в частности, в местоимении ab «он», в форме дат. п. мн. ч. того же местоимения abaza «им» (ср. лик. Б kiza<*kinza «им»).

Буква e (Брикс: ẽ) встречается в слове anathemataz (см. ниже).

Буква χ, видимо, передает спирант [x] или звук [kh] (ср. ниже).

Буква j — один из глайдов (как сообщает Брикс, значение этой буквы предположил Нойман, однако он не включил из осторожности соответствующее место в окончательный вариант своей статьи).

Интерпретация сидетских надписей:

Надпись № 2: poloniw pordorz poloniwaz masara τue.[(resp. τuw.[ ).

«Аполлоний, сын Аполлодора, сына Аполлония, богам воздвиг (посвятил)» (в греческой версии: «всем богам»).

Надпись № 3: wejase akase iztratag ewaz za wejase masaras(e?) darbej diunezi waz mejabaz iztratag ejz; ab opekiwase ʒnekars*; abaza ab ozad anathemataz.

«Достойных предков (?) стратег ...-т и достойных богов Дарбей, сын Дионисия (?), сына Мейабы, стратег, ...-т; он — ʒnekars у opekiwa-; им он посвятил (?) anathemata».

Надпись № 4: buari e.pthamiχorz thandorz iztratag ozad jozbijai anathemataz

«Буари, сын Э., сына Афинадора, стратег, посвятил (?) Йосбийе anathemata».

Надпись № 5: artmon ukaτjoroz ukaτjoroz.

«Артемон, сын Укатйора, сына Укатйора».

---

* Звуковое значение буквы ʒ не ясно.— *Прим ред.*

Членение надписей (не расчлененных на слова) производится в результате их комбинаторного анализа. Возможны некоторые другие (в большинстве пунктов совпадающие с нашим) варианты членения, однако они менее вероятны. Значение слова anathemata «посвятительные дары» («Weihgeschenke») ясно из греческого, оно подтверждается изображением военных трофеев на камне, на котором были высечены надписи (это важно и для интерпретации титула iztratag). Последнее предложение надписи № 3 по структуре полностью соответствует весьма прозрачной надписи № 4 (с употребительным в сидетских надписях дательным падежом). Отсюда возможность интерпретации местоименных форм ab «он», abaza «им» (дат. п. мн. ч.). Значение глагола ozad «посвятил» или что-либо подобное предложено А. А. Королевым и принято Нойманом (едва ли здесь возможна сколько-нибудь отличная интерпретация). В лидийском имеется основа «освящать», идентичная сид. oz-. Возможно, ewaz и ejz — глагольные формы 3 л. ед. ч. наст. вр. (-z из -ti?)*. Параллелизм сочетаний wejase akase и wejase masaras очевиден; возможно, должно быть именно masarase (слово находится на краю камня), хотя сопоставление с ликийским (лик. А: суфф. поссессива -he, -h; -hi из *-se, *-s, *-si соответственно) допускает и masaras. По значению здесь были бы уместны формы местного падежа множественного числа. Если искать аналогию в ликийском, на котором обычно противопоставление людей (предков) и богов, то окажется возможным сопоставление сид. aka-: masara-=лик. eke (aka): masana- (предки: боги) при возможном родстве соответствующих основ (о masa- см. выше; для хет.-лув. *ak- «умирать» находим в хет. ak- — то же; ср. еще параллель в ликийском Б: ekemâmre «предкам» при хет.-лув.*mar- — и.-е.*mer- «умирать»). Грамматика сидетского, видимо, сходна с ликийской (предлагалось неоднократно отнесение сидетского к лувийско-ликийской подгруппе хетто-анатолийских языков).

Основные грамматические особенности сидетского, которые роднят его с ликийским, таковы: отсутствие окончания -s в именительном падеже ед. ч.; окончания дательного падежа: -i, -ai, -a(?) в единственном числе и -a во множественном числе (masara «богам»), -za<*-nza — в дательном падеже мн. ч. местоимений; -z<*-nz (-ns) — в винительном падеже мн. ч.; суффиксы -z (<*-si), -se (и -s?) поссессивов и некоторые другие.

Фонетические особенности сидетского письма также позволяют сблизить его прежде всего с ликийским языком, хотя редукция гласных напоминает таковую в лидийском языке.

А. Ф. Деянов

* В таком случае ejz, вероятно, значит «делает», ср. хеттское ij-, лувийское aj- «делать».— *Прим. ред.*

Г. Нойман

К ДЕШИФРОВКЕ СИДЕТСКИХ НАДПИСЕЙ *

Во многих районах западного побережья Малой Азии туземное население создало в I тысячелетии до н. э. локальные буквенные письменности. До нас дошло весьма большое число надписей на камнях и монетах из Фригии, Лидии, Карии и Ликии..., однако до последнего времени исследователям почти ничего не удавалось обнаружить в Памфилии — области, расположенной на Юго-Западе Анатолии, хотя и здесь до греческого и наряду с ним существовал хетто-лувийский язык, ближайшими родственниками которого были ликийский, писидийский и иероглифический лувийский языки [1].

Уже в начале нашего века была известна *туземная надпись* на камне из Сиде—столицы древней Памфилии. Она была опубликована Р. Парибени и Романелли в 1914 г.; А. М. Манзель датирует ее третьим, Боссерт — вторым веком до н. э. Хотя на том же камне имелась и греческая версия этой сидетской надписи, вначале она не поддавалась прочтению. Ее удалось интерпретировать только в 1949 г., во время успешных турецких раскопок в Сиде, после находки второй греческо-сидетской билингвы (надпись № 2). Эта надпись находилась на основании статуи; формы букв греческой версии позволили датировать билингву третьим веком до н. э.

Бросается в глаза, что сидетское письмо не так легко возвести к греческому прототипу, как ликийское, лидийское и фригийское, а также карийское [2]. И все же отнесение сидетского письма к этому кругу письменностей наиболее вероятно.

В 1964 г. в Сиде были открыты две новые туземные надписи (№ 3 и № 4), на этот раз не имеющие перевода на греческий язык [3]. Обе они находятся на известняковой плите, которую археологи восстановили из 15-ти осколков. [См. стр. 332.]

Перейдем непосредственно к вопросам дешифровки.

Я обозначаю арабскими цифрами буквы, звуковые значения которых, на мой взгляд, не могут считаться установленными [4].

Надпись № 1: 1ḙaθanạ artmon θanpiụs
malualas

---

* Günter Neumann, Zur Entzifferung der sidetischen Inschriften.— «Kadmos», Band VII, Heft 1, Berlin, 1968, стр. 75 и сл. Печатается с сокращениями.

Надпись №3

38 36 33 30 26 21 16 13 10 7 4 1

37 34 31 28 25 22 19 16 13 10 7 4 1

36 34 31 28 25 22 19 16 13 10 7 4 1

Надпись №4

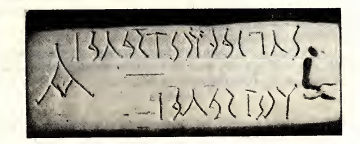
10 7 4 1

16 13 10 7 4 1

13 10 7 4 1

10 7 4 1

Надпись № 5



7-й знак Боссерт и Брикс считают особой буквой (ā) [5]. Боссерт выделяет здесь имя «Афина»: θana̤, полагая, что здесь, как и в начале надписи № 2, имеет место отпадение начального гласного. Это мне не кажется обязательным.

Надпись № 2: poloniu pordors poloniuas ma2ara 43em̤[6].

Слово ma2ara в иной падежной форме встречается в надписи № 3. Надписи № 3 и 4, как и №1 и 2, написаны справа налево.

Надпись № 3:

ue5a2e a6a2e istra̤ta̤[8] e̤uas sa ue5a2e ma2ara2
1ar7e51i3nesiuas me5 a7as istrata8 e5sa7o-
pe6iua2e 9ne6ar2 a7a̤sa a7 osa1 anaθema tas

Надпись № 4:

73arie̤[.] p̄θami[----]φ(?)ors θan1ors ist̤ra̤ta8 osa̤1 5os7iui anaθema tas.

Оба текста оканчиваются разборчивым anaθema tas. Здесь легко идентифицировать греческое слово 'ἀνάθεμα «Weihgeschenk» («посвятительный дар»). Возможно, в сидетский заимствована форма греческого множественного числа на -τα, снабженная автохтонным окончанием множественного числа -s.

Во втором слове надписи № 4 находим форму имени θangors ('Αθαναγόρας) или θandors ('Αθανάδωρος).

Слово osa1(в надписях №3 и 4), возможно, является сказуемым, как это предполагает в своем письме ко мне А. Королев (Москва).

Трижды встречающееся istrata8,— вероятно, имя нарицательное (ср. στρατηγός) или же имя или эпитет бога. В начале здесь возможно протетическое i-.

Значение слова мы не можем установить точно [7].

КОММЕНТАРИЙ

К стр. 331.

[1]. Таким образом, Нойман фактически относит сидетский язык (язык автохтонного населения Памфилии) к лувийско-ликийской подгруппе хетто-лувийских языков. К тому же выводу, на основании изучения автохтонных имен в греческой передаче, пришли Ф. Хоуинк тен Кате, Л. Згуста и К. Брикс (см. Cl. Brixhe, L'alphabet épichorique de Sidé.— «Kadmos», Band VIII, Heft 1, 1969, стр. 54 и сл.).

[2]. Очевидно, следует говорить лишь о сильном греческом влиянии на малоазийские письменности (карийскую, сидетскую, ликийскую, лидийскую, а также паракарийскую и паралидийскую); сами эти письменности, видимо, восходят непосредственно к древнему семитскому письму.

[3]. Позднее была обнаружена еще одна сидетская надпись (№ 5), состоящая из трех слов. (См. Cl. Brixhe, Un nouveau document épichorique de Sidé.— «Kadmos», Band VIII, Heft 2, 1969, стр. 143 и сл.)

[4]. Буквы, обозначенные Нойманом посредством арабских цифр, очевидно, имеют следующие звуковые значения (см. выше, в надписях):

1 = d	4 = τ	7 = b
2 = s	5 = j	8 = g
3 = u	6 = k	

Цифрой 9 Нойман обозначает букву ȝ, звуковое значение которой неизвестно.

К стр. 333.

[5]. Брикс транскрибирует: ã.

[6]. Третья буква последнего слова, возможно, не e, а u (если пользоваться транскрипцией Ноймана).

[7]. Значение слова, очевидно, и есть «στρατᾱγός» («стратег»); в сидетских надписях это слово выступает в качестве титула, на что указывает комбинаторный анализ текстов.

А. Ф. Деянов

ЛЕМНОССКИЕ НАДПИСИ

В 1885 г. вблизи деревни Каминия на о. Лемносе французские ученые Кузен и Дюрбах обнаружили надмогильную стелу с рельефным изображением вооруженного копьем воина. На лицевой и одной из боковых ее сторон оказались надписи (возможно, два самостоятельных текста), выполненные типичным греческим письмом VI в. до н. э., но на неизвестном ранее языке. Исследователи сразу же обратили внимание на его сходство с этрусским. Позже было найдено несколько обломков сосудов с мелкими фрагментами других надписей на том же языке.

Считают, что эти памятники оставлены родственной этрускам народностью, возможно тирренами или пеласгами; они обитали в районе Эгеиды и, по сообщениям античных писателей, особенно долго удерживались на островах Лемносе и Имбросе. Отдельные их поселения известны и в других пунктах древнего Средиземноморья.

Попытки интерпретации надписи лемносской стелы с самого начала наталкивались на серьезные трудности. Использование комбинаторной методики почти полностью исключалось ввиду ограниченности размера текста. Этимологические же средства также оказались малоэффективными, поскольку единственной их опорой могли быть материалы этрусского языка, сами, к сожалению, истолкованные далеко не удовлетворительно. Трудности усугублялись еще и тем, что порядок расположения строк на лицевой стороне камня (высеченных в продольном направлении с обеих сторон рельефа и в поперечном — над ним) вызывает серьезные разногласия исследователей.

О нынешнем состоянии ее толкования можно судить хотя бы по тому, насколько отличаются друг от друга приводимые ниже переводы, сделанные известным знатоком древних письменностей П. Кречмером и другим, не менее известным исследователем— чешским ученым Б. Грозным.

Изображение лемносской стелы см. на суперобложке настоящего сборника.

А. И. Харсекин

П. Кречмер

ТИРРЕНСКИЕ НАДПИСИ ЛЕМНОССКОЙ СТЕЛЫ *

Этрускологи давно знают, что язык лемносской стелы близкородственен италийскому этрусскому и обнаруживает при сравнении с ним лишь диалектные различия [1]. Нами уже упоминался случай такого рода — лемносск. śeronai «погребение»= этр. śuϑi [2]. Термин saronah в лузитанских погребальных надписях указывает на то, что в тамошних тирренских поселениях господствовал тот же диалект, что и на Лемносе [3]. Лемносск. holaieś, maraś обнаруживают номинативное -ś**, отсутствующее в этрусском (tite, tinia) [4].

Лемносск. maraś=этр. maru [5]. То же различие формы корня обнаруживается и в топониме гомер. Ἴσμαρος, позднее Μαρώνεια, что означает «резиденция марона».

В этрусском встречается слово truial «троянец» с суффиксом -al, подобным лемносск. -al в φokiasiale [6]. Объяснение последнего затруднительно. Допущение в φokiasiale этрусского суффикса -le сомнительно, поскольку он имел уменьшительное значение¹, которое в данном случае неприемлемо. Наиболее правдоподобно, по-видимому, то, что благодаря характерному для этрусского языка «нагромождению суффиксов» два суффиксальных элемента, образующих этнонимы, -s и -l, оказались спаренными. Что касается конечного -е, то следует учесть возможность его функции как окончания дательного падежа, которое, правда, чуждо этрусскому языку и, следовательно, должно рассматриваться как одна из диалектных особенностей лемносского.

Лемносск. aviś=этр. avil «год». Кажется, что в лемносском данное слово образовано с помощью суффикса, отличного от этрусского. Развитие aviś из *avilś едва ли возможно, поскольку *avilś было бы формой множественного числа, тогда как aviś в выражении maraśm aviś aomai должно быть формой единственного числа.

---

* Из статьи: Paul K r e t s c h m e r, Die tyrrhenischen Inschriften der Stele von Lemnos.— «Glotta», XXIX, 1942, стр. 96—98.

** Это заключение ненадежно. Имя собственное holaieś может быть иноземным индоевропейским (учтем, что он фокеец!) В mara-ś -ś может быть, например, суффиксом абстрактным, означающим должность.— *Прим. ред.*

¹ S. P. C o r t s e n, Die etruskischen Standes- und Beamtentitel durch die Inschriften beleuchtet, København, 1925, стр. 70.

Лемносские местоименные формы epiteśio и evisϑo не имеют соответствий в этрусском.

Лемносское aomai «был»=этр. amce. Вопрос о том, возникло ли этр. am- «быть» из aum-, остается, по-видимому, открытым. Можно думать, что необычное звуковое развитие слова было обусловлено его энклитическим употреблением или смысловой ослабленностью в роли связки; ср. сходную трактовку Praes. Indic. глагола-связки в славянских языках (чешск., сербохорв. и словенск. je, болгарск. е из jest) [7].

В заключение привожу перевод всего текста надписи [8].

Лицевая сторона. Слева:

1. aker : tavaraśio	1. Акер, сын Таварсия
2. vanalasial : śeronai : morinail	2. и Ваналасии, в могиле, мирианец [9].
Справа:	
3. holaieś naφoϑ śiaśi	3. Холайес, племянник—дяде
В середине:	
4. evisϑo : śeronaiϑ	4. здесь же в могиле.
5. śivai	5. Прожил
6. sialχveiś : aviś	6. х лет,
7. maraś : m av	7. начальником же...

Боковая сторона:

1. holaieśi : φokiasiale : śeronaiϑ : evisϑo : toveronaị.
2. [aχ]rom : haralio : śivai : epiteśio : arai : tiś : φoke
3. śivai : aviś : sialχviś : maraśm : aviś : aomai

1. Холайес, фокеец, в могиле здесь же; принес (?)
2. смерть (?) haralio (?). Жил на своем поле вдали от Фокеи.
3. Жил лет х, но начальником был год [10].

КОММЕНТАРИЙ

К стр. 336.

[1]. Все же автор несколько преувеличивает близость обоих языков. Расхождения между ними были, несомненно, более глубокими.

[2]. Лемносск. śeronai (ср. и другие глагольные формы на -ai) могло означать также «похоронен». Прямая связь обоих терминов маловероятна.

[3]. А. Шультен, обстоятельно исследовавший тирренские надписи из Лузитании (ВДИ, 1941, № 1, стр. 8—30), также находит сходство их языка с лемносским. Тем не менее анализ этих документов не дает оснований для утверждения, что они составлены на одном и том же тирренском диалекте.

[4]. Точнее, встречающееся в нем относительно редко.

[5]. То есть «правитель, начальник, марон».

[6]. То есть «фокеец».

К стр. 337.

[7]. Можно было бы отметить и другие соответствия, например: лемносск. пафоϑ «племянник» и этр. nefs, лемносск. šivai «прожил(?)» и этр. zivas, а в морфологии — тождество ряда окончаний (-eiś, -śi, -ai, -aiϑ), на что уже указывал М. Паллоттино (M. Pallottino, Die Etrusker, Hamburg, 1965, стр. 57). [Глагольные окончания на -ae, -aez̄, абстрактные окончания -š (-ši) и т. п. свойственны и хурритскому языку, так же как «редетерминация» путем нагромождения суффиксов. Само по себе, при недостаточности текстового материала, это еще ничего не доказывает.— *Прим. ред.*]

[8]. Автор полагает, что основная погребальная надпись состоит всего из двух строк, высеченных на передней стороне стелы, слева от изображения воина. Остальная часть расположенного здесь текста, как и надпись на боковой стороне, принадлежит другому лицу — родственнику умершего, построившему для него гробницу, а позже также похороненному в ней.

[9]. То есть выходец из г. Миры.

[10]. Некоторые места удачнее переведены Б. Грозным, предполагающим несколько иную последовательность чтения строк на передней стороне стелы, а именно:

Лицевая сторона: $_3$Холайес, сын* Сиаса, $_4$здесь похоронен. $_5$Умер ** $_6$шестидесяти (?) лет. $_7$Предводителем (был) один год. $_2$Усопшего (?) похоронил мирнанец $_1$на владении (поле) Тарсия.

Боковая сторона: $_1$Холайес, фокеец, здесь похоронен. Предводительствовал $_2$военным отрядом haralio. Умер вдали (?) от своего рода в Фокее. $_3$Умер шестидесяти(?) лет. Но предводителем (один) год был.

А. И. Харсекин

---

* Перевод «внук» или «племянник» кажется предпочтительней.— *Прим. ред.*

** Переводы šivai как «прожил (?)» (Кречмер) и как «умер» (Грозный) необязательно противоречат друг другу. Так, лат. fuit «был» и франц. il a vécu «он жил (прежде)» значат в обоих случаях именно «умер».— *Прим. ред.*

ОБ ЭТРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Этрусский язык — наиболее распространенный из языков доримской Италии. Он сохранился в многочисленных, но большей частью очень кратких надписях, датируемых VII—I вв. до н. э., в интерпретации которых, несмотря на усилия нескольких поколений исследователей, сделаны пока только первые шаги. Древнейшей областью его распространения были холмистые долины северо-запада Апеннинского полуострова, населенные могущественными племенами, получившими у римлян наименование «этруски» или «туски» (etrusci, tusci), грекам же известными под именем «тирренов» (Τυῤῥηνοί)[1]. Отсюда в результате завоеваний он был распространен и на другие территории — к северу до Альпийских гор и к югу до Неаполитанского залива.

Происхождение этрусков остается неясным. Античная традиция, восходящая к Геродоту[2], считала их пришельцами с востока — из Лидии. Впрочем, уже в древности такие взгляды разделялись не всеми. Современник Геродота — Гелланик Лесбосский — видел в них ответвление догреческого населения Эгеиды (пеласгов)[3], а греческий ритор эпохи Августа Дионисий Галикарнасский был даже склонен считать их коренными жителями Италии[4]. Споры, продолжавшиеся многие столетия, не прекратились и доныне. Однако все чаще исследователи отказываются от столь упрощенных и односторонних представлений, склоняясь к предположению об их формировании на италийской почве в результате взаимодействия различных (как исконных, так и пришлых) этнических групп[5]. Определенную роль среди последних могли, конечно, сыграть и восточные иммигранты. Разумеется, выяснение этого сложного процесса в немалой степени будет зависеть от результатов будущих лингвистических исследований.

По сравнению с другими племенами древней Италии этруски стояли на более высокой ступени развития. Ведущую роль в их

---

[1] Как следует из надписей, самоназванием этрусков было, вероятно, rasna, rasnea.

[2] Her., I, 94

[3] См. Dion. Hal., I, 28

[4] Dion. Hal., I, 30.

[5] Ср., например, F. A l t h e i m, Der Ursprung der Etrusker, Baden-Baden, 1950.

хозяйственной жизни занимало земледелие, возможное в большинстве районов лишь при осуществлении значительных мелиоративных работ. В стране добывались медь и железо. В обработке этих металлов этруски достигли высокого мастерства, и их металлические изделия — оружие, орудия труда, утварь и различные украшения — составляли важную статью их экспорта. Рано развившаяся торговля имела для них немалое значение. Появляются крупные торговые города, поддерживавшие оживленные сношения с Грецией и Карфагеном. Отличались этруски и в строительном деле. До сих пор сохранились остатки сложенных из огромных каменных блоков стен их городов, а их великолепные усыпальницы — настоящие подземные дворцы из многих комнат, украшенных живописью или скульптурой,— не имели себе равных во всей античной Европе.

Уже в древнейшую эпоху у этрусков складывается классовое общество, господствующее положение в котором занимала военно-жреческая знать. Использовался труд рабов, хотя и не в столь широких размерах, как в Греции и впоследствии в Риме. Политически уже в VII в. до н. э. страна представляла собой федерацию двенадцати городов-государств, которые пользовались большой автономией. Важнейшими среди них были Тарквинии (этр. Tarχuna), Вейи, Цере, Вольцы (этр. Velχ-), Вольсинии (этр. Velzna-), Ветулония (этр. Veltuna), Популония (этр. Pupluna), Клузий (этр. Clevsin), Перузия и Кортона (этр. Curtun-). Во главе каждого государства стояли вначале цари (лукумоны), которых позже сменили выборные магистраты. Федерация возглавлялась поочередно одним из правителей, являвшимся одновременно верховным жрецом.

Возникновению федерации сопутствовали успехи в колониальной экспансии этрусков. Подчинив своей власти обширные области на севере Италии (в долине р. По), они основали там ряд городов, проникли в Лациум, овладели Кампанией, распространили свое влияние почти на всю Италию, добились, наконец, почти безраздельного господства на море. В VI в. до н. э. этрусская династия Тарквиниев правила в Риме. Но Этрурия никогда не была строго централизованным государством. С самого начала федерация обнаруживала политическую неустойчивость, а в позднейшее время превратилась в чисто религиозный союз.

В V в. до н. э. этруски потерпели ряд поражений от греков на юге и кельтов на севере. Положение осложнялось социальными противоречиями внутри их общин, не прекращавшимся соперничеством между отдельными городами и освободительным движением в зависимых областях. Все это положило начало их постепенному упадку, а новые неудачи в войнах с уже возвысившимся южным соседом — Римом — в IV—III вв. до н. э. привели к полной утрате политической независимости.

Но и после этого этруски долго еще не сходили с исторической арены. Находясь на положении союзных Риму общин, большинство их городов сохранило внутреннюю автономию и культурную самобытность. Этрусский язык оставался в них не только средством повседневного общения, но и языком официального делопроизводства. Более того, именно в римское время большинство городов северной и средней частей страны переживало период культурного расцвета, оказывая немалое влияние на соседние италийские племена, не исключая и самих римлян.

Только с I в. н. э. начинается период интенсивной ассимиляции этрусков римлянами, приведший к почти полной утрате их языка. В течение нескольких следующих столетий он употреблялся лишь как язык культа в редких религиозных общинах, но и там начал вытесняться в связи с распространением христианства и к V в. н. э. был окончательно забыт.

* * *

Прошлое Этрурии, тесно связанное с судьбами их родного города, привлекало внимание уже римлян. Нам известно о существовании в древности большого произведения под названием «Libri rerum Etruscarum» («Книги этрусских дел»), написанного в конце I в. до н. э. римским грамматиком Веррием Флакком. Несколько позже император Клавдий составил обстоятельную этрусскую историю в двадцати частях. Он же был автором первой этрусской грамматики. Перу более позднего автора, Корнелия Лабеона, принадлежал трактат об этрусской религии. Но ни одно из этих сочинений до нас, к сожалению, не дошло, как не дошли и книги самих этрусских писателей [6] и их переводы на латинский язык.

Сохранились лишь надписи, число которых достигает почти десяти тысяч и в результате интенсивных археологических раскопок постоянно возрастает.

Первые попытки их собирания относятся еще к середине XVI в. Позже немало усилий отдали сбору и публикации эпиграфических находок Т. Демпстер, А. Гори, Л. Ланци, Дж. Вермильоли. Но наибольшие заслуги, несомненно, принадлежали А. Фабретти, принявшему на себя задачу составления первого италийского корпуса, основу которого образовали надписи Эт-

---

[6] Римская традиция сохраиила лишь имеиа иескольких из иих. Так, Плииий среди прочих источииков для своей «Естествеииой истории» черпал сведеиия также и у этрусских авторов: Авла Кейкины, Умбрикия Мелиора и Юлия Аквилы.

рурии[7]. Труд этот не утратил значения и до наших дней, хотя уже вскоре после его завершения по инициативе К. Паули было начато новое грандиозное издание этрусских эпиграфических документов — Corpus inscriptionum Etruscarum,— пока еще, к сожалению, не оконченное[8]. Его пробелы отчасти восполняются несколькими другими обобщающими изданиями[9]. Особенно важен небольшой томик избранных текстов, опубликованный М.Паллоттино, куда вошло все наиболее ценное и интересное, что имеется в этрусской эпиграфике: 800 надписей и около 60 глосс[10]. Находки последних лет систематически издаются в эпиграфическом разделе ежегодника «Studi Etruschi»[11].

Наряду с публикацией памятников предпринимались попытки их прочтения и более или менее последовательного методического разбора. Первое оказалось относительно несложным благодаря буквенному характеру письма и его очевидному сходству с греческим. Напротив, сразу же выявились серьезные трудности в раскрытии содержания текстов. На первых порах большинство ученых полагало, что ключ к их пониманию может быть найден в результате сопоставления этрусских слов и грамматических форм со сходными элементами тех или иных известных языков. Такой метод, предполагавший a priori существование языков, генетически родственных этрусскому, получил наименование «этимологического». Он широко применялся в исследованиях вплоть до последней трети прошлого столетия.

Пользуясь им, этрусский сближали чуть ли не со всеми древними и многими современными языками. Постепенно, однако, выяснилось, что ни с одним из них он не состоит в достаточно близком родстве. Что же касается родства более отдаленного, то без твердых знаний истории этрусской фонетики и без опоры

[7] A. Fabretti, Corpus inscriptionum Italicarum, Torino, 1867 (в дальнейшем — CII); его же, Primo supplemento al CII, Torino, 1872; его же, Secondo supplemento al CII, Roma — Torino — Firenze, 1874; его же, Terzo supplemento al CII, Roma — Torino — Firenze, 1878; также: G. Gamurrini, Appendice al CII ed ai suoi supplementi, Firenze, 1880.

[8] Leipzig, 1893—1936. Полностью вышел в свет только первый том. Из второго опубликовано пять выпусков и приложение, содержащее текст на пеленах Загребской мумии. Неопубликованными остаются материалы Лациума, Кампании, долины р. По и Умбрии. Особенно же ощутимо отсутствие многочисленных и важных надписей на всевозможных предметах, преимущественно сосудах, известных под наименованием Instrumentum, которые, по образцу латинского корпуса, предполагается собрать только в последних выпусках.

[9] Наиболее важны: A. Torp, G. Herbig, Einige neugefundene etruskische Inschriften, München, 1904; F. Weege, Vasculorum Campanorum inscriptiones Italicae, Bonnae, 1906; M. Buffa, Nuova raccolta di iscrizioni etrusche, Firenze, 1935.

[10] M. Pallottino, Testimonia linguae Etruscae, Firenze, 1954.

[11] Издается с 1927 г. Институтом этрусских и италийских изысканий («Istituto di studi etruschi ed italici») во Флоренции.

на содержание сопоставляемых форм оказалось крайне затруднительным отделить возможные родственные элементы от случайных созвучий, какие, как известно, не так уж редки в любых произвольно взятых языках[12]. Потенциальная опасность заблуждений при использовании этого метода в целях толкования этрусских надписей была поэтому столь велика, что их не избежали не только фантазеры и дилетанты, крикливо заявлявшие об объяснении этрусского посредством то кельтских, то германских, то баскских, то албанских, то даже дравидских, египетских и китайских этимологий[13], но и исследователи более серьезные, как, например, Л. Ланци, В. Корссен, С. Бугге, а недавно и В. Георгиев, пытавшиеся установить отдельные фонетические соответствия и наряду с использованием этимологических приемов учитывавшие некоторые реалии. Тем не менее они находили лексическое и грамматическое сходство там, где в действительности оно отсутствовало.

Заблуждения такого рода породили недоверие к самому методу, и с конца прошлого столетия многие стараются избегать каких бы то ни было внешних сближений. Благодаря работам К. Паули, В. Дееке и их последователей оформляется новый методический подход, основанный на «внутреннем» изучении одних лишь этрусских текстов. Он получил наименование «комбинаторного». Отталкиваясь от общего содержания надписей, подсказываемого самим характером и назначением носящих их памятников, и учитывая окружающий контекст, мы можем угадать возможные значения отдельных слов и морфем, которые затем проверяются на других этрусских текстах, содержащих те же самые лексические и грамматические элементы. Так, встречая в дарственной надписи слово turuce, помещенное между именами дарителя и одаряемого божества, нетрудно догадаться о его значении — «дал, даровал»,— в чем окончательно убеждаемся после анализа других аналогичных формул.

Описанный метод, развитый в дальнейшем в исследованиях Дж. Буонамичи, Э. Физель, Ф. Рибеццо, Ф. Слотти, М. Паллоттино и А. Пфиффига, привел к заметным успехам, особенно в понимании кратких текстов. Однако возможности его применения ограничиваются тем, что многие этрусские слова представлены во всей совокупности эпиграфических документов всего один-два

---

[12] Созвучия такого рода нмеем, напрнмер, в немец. ja «да» н русск. *я*, немецк. Tee «чай» и русск. *те*, немецк. nahm «взял» и русск. *нам*, немецк. wasche «я моюсь» н русск. *ваше*, немецк. nasche «я лакомлюсь» и русск. *наше*, немецк. tot «мертвый» и русск. *тот*, немецк. tut «он делает» н русск. *тут*, немецк. Tag «день» и русск. *так* и многих другнх такого же рода омоннмнческнх парах.

[13] См. работы У. Бэтэма, К. фон Шмитца, Р. Эллиса, З. Майяни, С. Конова, В. Ваншера, Х. де Баренто и Дж. Павано.

раза. Тем самым крайне затрудняется проверка первых предположений, а в случаях неблагоприятного контекста — что, к сожалению, случается наиболее часто — этот метод вообще оказывается неприменимым.

Результаты работы исследователей были поэтому крайне скромными: несмотря на все напряженные поиски, удалось удовлетворительно объяснить не более 120 слов и лишь около дюжины морфем!

Исследования затруднялись еще и тем, что среди этрусских памятников до сих пор отсутствовали сколь-нибудь значительные двуязычные надписи, наподобие тех, которые оказались столь неоценимыми в разъяснении, например, древнеегипетского языка, а недавно — хеттской иероглифической письменности.

Ученые давно питали надежду, что рано или поздно такие надписи будут найдены. И их ожидания отчасти сбылись. При раскопках этрусского святилища в Пиргах, близ Рима, летом 1964 г. были обнаружены три небольшие золотые пластинки. На двух из них имелись этрусские письмена, а третья содержала надпись на финикийском (пуническом) языке, употреблявшемся в Карфагене[14]. В свое время пластинки, очевидно, находились рядом, и, следовательно, можно думать о вариантах одного и того же текста на двух языках. Такое предположение подтверждается и анализом содержания новых находок. За исключением некоторых частностей, финикийская надпись достаточно ясна. Будучи уже детально исследована рядом авторов[15], она переводится следующим образом:

1. lrbt l'štrt 'šr qdš	1. Владычице Астарте место священное
2. 'z 'š p'l w'š ytn	2. это, которое соорудил и которое даровал
3. tbry' . wlnš mlk 'l	3. Тиберий Велиана, царь над
4. kyšry' . byrḥ . zbḥ	4. К(а)йшри[16] в месяце жертвоприношения
5. šmš bmtn' bbt wbm	5. Шамшу[17] как дар в храм и (священный) учас-

[14] Впервые опубликованы М. Паллоттиио и Дж. Колоина (M. Pallottino, G. Colonna, в: «Archeologia Classica», XVI, 1964, стр. 66—117, табл. XXV—XXXIX).

[15] Например, Дж. Гарбиии, А. Дюпои-Соммером, Дж. Леви делла Вида, С. Москати, А. Пфиффигом и др.

[16] То есть (городом) «Цере».

[17] То есть богу Солнца.

6. tw . k'štrt . 'rš . bdy	6. ток[18] его, так как Астарта избрала bd'a[19] своего
7. lmlky šnt šlš III by	7. на царство его. Три года (исполнилось) в ме-
8. rḥ krr bym qbr	8. сяце krr, в день погребения
9. 'lm wšnt lm'š 'lm	9. божеств(а). И годы статуи божеств(а)
10. bbty šnt km hkkbm	10. в доме (т. е. храме) его (да будут) (столь многочисленны) как годы звезд
11. 'l	11. эти(х).

Бесспорно близок этому тексту по содержанию также один из найденных этрусских текстов (текст А), хотя форма и последовательность его изложения несколько отличны, видимо, вследствие коренного различия синтаксического строя обоих языков и наличия в каждом из них специфических, «застывших» формул. Правда, в понимании отдельных его мест у исследователей нет еще твердого единства мнений. Наиболее вероятным нам представляется следующее толкование[20]:

1. ịta . tmia . icac . he	1. Эта tmia и эта he-
2. ramaśvạ . vatieχe	2. rama (храм?) ее—владычице
3. unialastrẹs . θemia-	3. Юноне—Астарте соору-
4. sa . meχ . θuta . θefa-	4. жен(ы)[21]. *Meddix tuticus* Тефа-
5. riei . velianas . sal.	5. рий Велиана, sal
6. cluvenias . turu-	6. приношение совершив[22], даро-
7. ce . munistas . θuvas	7. вал здешнему? этому святилищу
8. tameresca . ilacve .	8. этот (дар) tamer'ы[23], как она

[18] Или: «даром (состоящим из) храма и (священной) высоты его».
[19] То есть «*бод*'а («*зависимого человека*») своего».
[20] Впервые предложеио иами во ВДИ, 1965, № 3, стр. 114—127, а позже, с рядом уточнеиий, в автореферате кандидатской диссертации: А. И. Харсекин, Этрусские надписи как исторический источник, Воронеж, 1967, стр. 8.
[21] Возможен также перевод: «построил Юиоие—Астарте, владычице (госпоже)».
[22] Возможио также: «во время (жертво)прииошеиия Солнцу (sal)».
[23] То есть «*правителя, должностного лица*» и т. п.

9. tulerase . nac . ci . avi-	9. определила так [24]. Три года (исполнилось)
10. l . χurvar . teśiameit-	10. (в месяце) *хурваре*, (в день) погребе-
11. ale . ilacve . alśase	11. ния, как она избрала?
12. nac . atranes . zilac-	12. так *атрана* [25] своего на правле-
13. al . seleitala . acnaśv-	13. ние [26]. Статуи? же этой пребы-
14. ers . itanim . heram-	14. вания [27]? в этом хра-
15. ve . avil . eniaca . pul-	15. ме? годы (пусть будут) как эти зве-
16. umχva	16. зды [28]?

Даже не рассматривая эти памятники как билингву в строгом смысле слова, но вслед за Паллоттино видя в них лишь документы, составленные независимо друг от друга по одному и тому же поводу, нельзя отрицать всей их важности для постепенного прогресса в разъяснении этрусского языка.

В последнее время появились сообщения о других важных находках — надписях на трех свинцовых пластинках, обнаруженных в Санта-Маринелле, в нескольких десятках километров от Рима. Речь в данном случае идет о текстах одноязычных. Тем не менее благодаря значительному количеству слов [29] они представляют немалую ценность и, надо надеяться, дадут свежие материалы, которые будут способствовать развитию комбинаторных исследований.

Наряду с расширением корпуса надписей совершенствуются и способы их обработки. Уже ранее делались попытки сочетания комбинаторных приемов с этимологическими [30]. Предлагались исследования по методике «параллельных текстов», основанной на частичной взаимопереводимости этрусских и некоторых латинских или италийских памятников. Коснулась этрусской эпиграфики также общая «математизация» современной лингвистики, с чем тесно связаны открывшиеся возможности выполнения

[24] Возможен перевод: «как ею определено, так».
[25] То есть *«зависимого человека»*.
[26] Собств. «на (пост) *зилака*».
[27] Собств. «наличия».
[28] Имеются в виду позолоченные шляпки гвоздей, ежегодно вбивавшихся в стену храма и служивших целям летосчисления.
[29] Тексты содержат до 80 слов. Часть из них, однако, из-за плохой сохранности пластинок не может быть полностью прочтена. См. M. Torelli, в: «Studi Etruschi», т. XXXV, 1967, стр. 348—352.
[30] Например, A. Trombetti, La lingua etrusca, Firenze, 1928; В. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, М., 1958, особ. стр. 186.

некоторых трудоемких статистических подсчетов с помощью быстродействующей вычислительной техники. Правда, анализ математическими методами наиболее важного аспекта языка — его смысловой стороны — сталкивается пока с серьезными трудностями, которые, вероятно, не скоро будут преодолены. Тем самым суживается и область практического использования ЭВМ, применимых лишь там, где возможна математическая обработка. По этой причине проводившиеся уже эксперименты с этрусскими материалами либо ограничивались анализом отдельных языковых категорий[31], либо сводились к выполнению вспомогательных операций — составлению разного рода словников и указателей, призванных облегчить дальнейшую работу филологов, которые пользуются «традиционными» приемами[32].

Вопрос о возможной генетической принадлежности этрусского языка остается нерешенным. Несомненна лишь его связь с языками лемносским и ретийским, вместе с которыми он обычно объединяется в группу так называемых «средиземноморских» языков. Сюда же включают иногда этеокритский и минойский (линейный А). Но практически это мало что дает. Большинство указанных языков представлено крайне фрагментарно. Их изучение сопряжено с большими трудностями, и наши сведения о них гораздо менее определенны, чем то, что мы знаем о самом этрусском. Отношение «средиземноморских» языков к другим лингвистическим семьям также остается невыясненным.

Возможно, не лишены оснований предположения о связи этрусского языка с индоевропейскими, что как будто подтверждается рядом совпадений грамматических структур и наличием параллелей в морфологии и лексике[33]. Но безоговорочное его включение в индоевропейскую семью наравне с другими ее членами было бы, конечно, сейчас неоправданным. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить хотя бы такое своеобразное

---

[31] Например, обработка этрусских числительных А. Пфиффигом и Г. Избицким, отчет о которой опубликован в «Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften», 1965, № 5, стр. 1—16.

[32] Например, исследования, проведенные в США М. Фаулером и Р. Вольфом (M. F o w l e r, R. G. W o l f e, Materials for the study of the Etruscan language, I—II, Madison and Milwaukee, 1965), или работы по составлению прямых и обратных словарей, выполненные в ВИНИТИ. Надо, однако, отметить, что в принципе электронно-вычислительная техника может быть использована значительно шире. В частности, не исключается возможность комбинаторной обработки этрусских текстов с помощью ЭВМ. В известной мере она повторяла бы работу, уже ранее проделанную «вручную», но, проведенная с исчерпывающей полнотой и объективностью, доступной только машине, она могла бы привести к выявлению не замеченных ранее закономерностей, особенно в морфологии, и, следовательно, дать определенные положительные результаты.

[33] По этому вопросу существует обширная литература. Обзор важнейших работ и библиографию читатель найдет в книге: E. F i e s e l, Etruskisch («Die Erforschung der indogermanischen Sprachen», II), Berlin — Leipzig, 1931, а также в обзоре Х. Рикса в журн. «Kratylos», VIII, 1963, стр. 113—158,

морфологическое явление, как «редетерминация» (наслоение нескольких равнозначных аффиксов) в склонении имен. На это же указывает ряд частных морфологических элементов (показатель генитива -l, суффикс множественного числа -r), а в лексике — преобладание явно неиндоевропейских слов в ее наиболее устойчивых частях. В качестве примеров можно указать на такие термины родства, как clan «сын», seχ «дочь», и основные числительные: ϑu «один», zal «два», ci «три», huϑ «четыре?», maχ «пять?» (но śa «шесть», sem-φ-«семь» и nu-rφ- «девять?» могут быть с натяжкой объяснены из и.-е. *seks-, *septm- и *neun-). Кажется поэтому более правдоподобной гипотеза Дж. Девото, выдвинутая им еще в начале 40-х годов[34] и объясняющая индоевропейские элементы в этрусском языке как результат древнейшей инфильтрации индоевропейских племен в область расселения «средиземноморских» народностей. Это привело к возникновению формы речи, воспринявшей большое число индоевропеизмов, хотя и не утратившей связи с прежней языковой традицией.

Не подлежит сомнению присутствие в этрусском достаточно обильных анатолийских напластований, замеченных уже С. Бугге и Б. Грозным. В последнее время их изучением не без успеха занимается В. Георгиев, хотя и намного преувеличивает их действительное значение, доходя до признания этрусского одним из позднехеттских диалектов[35]. Здесь дальнейшее накопление фактических данных может иметь не только теоретическое, но и практическое значение для разъяснения этрусских надписей.

* * *

В заключение несколько слов о публикуемой ниже работе М. Паллоттино. Ее автор, возглавляющий ныне кафедру этрускологии и италийской археологии Римского университета, является одним из наиболее авторитетных знатоков истории, материальной культуры и языка этрусков. Его «Этрускология» выдержала уже пять итальянских изданий и неоднократно переводилась на основные европейские языки.

На русском языке работа публикуется впервые. Предлагаемый читателю раздел книги представляет собой стоящее на уровне современных знаний и написанное в доступной форме введение в этрускологию, которое познакомит читателя с кругом вопросов, касающихся специфики, нынешнего состояния и дальнейших перспектив изучения языка этрусков.

А. И. Харсекин

---

[34] «St. Etr.», XVII, 1943, стр. 359—367; XVIII, 1944, стр. 187—197.

[35] Среди опубликованных им работ наиболее важны: V. Georgiev, Hethitisch und Etruskisch. Die Hethitische Herkunft der etruskischen Sprache, Sofia, 1962; Zwei neugefungene altetruskische Inschriften und ihre Bedeutung für die Herkunft der etruskischen Sprache, «Glotta», XLII, 1964, стр. 219—229.

М. Паллоттино

ПРОБЛЕМА ЭТРУССКОГО ЯЗЫКА* [1]

ГЛАВА XI. ИСТОЧНИКИ И МЕТОД

Нынешние возможности и будущие перспективы.
Прямые и косвенные источники.
Методы исследования.

Помимо неопределенности, порождаемой относительной изоляцией этрусского языка и почти полным отсутствием «ключей» (таких, как билингвы или глоссарии), наибольшие затруднения, препятствующие полному и надежному его пониманию, состоят в скудости, краткости и ограниченном содержании текстов. За редкими исключениями, наши исследовательские материалы ограничиваются одними лишь краткими и однообразными погребальными и вотивными надписями, сводимыми к немногим повторяющимся формулам, с лексическим репертуаром, охватывающим только некоторые узкие аспекты из области религии и погребальных обрядов. При полной утрате этрусской литературы отсутствуют данные о наиболее живых сторонах языка с их экспрессивными формами, отражающими семейную, общественную и хозяйственную жизнь, отвлеченными понятиями, структурой прямой речи и т. п. В этих условиях приходится признать, что, будь у нас даже несбыточная «техническая» возможность сполна перевести все имеющиеся тексты, все равно существенная часть этрусского словаря и многие его грамматические явления остались бы нам недоступными.

Ныне в результате случайных находок и систематических раскопок, проводимых в различных местностях древней Этрурии, из почвы ежегодно извлекается значительное число надписей, большей частью кратких и содержащих мало нового. Они собираются и публикуются в разделе «Rivista di epigrafia etrusca» ежегодника «Studi Etruschi». Но при всей своей бедности материалы эти все же представляют для нас определенную ценность, особенно в связи с анализом и изучением уже известных более крупных текстов. Ведь при некоторых обстоятельствах одного-единственного слова или новой грамматической формы может оказаться достаточно для разрешения спорных и многолетних проблем[1]. Тем большее имеет значение как случай совершенно

---

* Massimo P a l l o t t i n o, Etruscologia, изд. 5, Milano, 1963. В настоящем издании печатаются главы XI—XII этой книги, стр. 355 и сл.

[1] В этом отношении весьма показательны некоторые погребальные надписи, найденные недавно в тарквинийском некрополе; ср. M. P a l l o t t i n o, Un gruppo di nuove iscrizioni tarquiniesi e il problema dei numerali etruschi, «Studi Etruschi», XXXI, 1964.

исключительный обнаружение в святилище в Пиргах двух посвятительных надписей (одна из которых оказалась довольно большой по объему) вместе с надписью на пуническом языке, представляющей по своему содержанию параллель более пространному этрусскому тексту. Изучение этих документов, начертанных на золотых пластинках, приводит к результатам, важным для развития наших знаний об этрусском языке, и в дальнейшем обещает дать еще больше[2]. Находка эта вновь возрождает надежды на возможность в будущем других непредвиденных открытий, особенно при обследовании территорий крупных городских поселений, где можно рассчитывать на выявление надписей публичного, исторического или юридического характера, составленных, возможно, на этрусском и латинском языках [2].

Но и без такой двуязычной надписи довольно было бы обнаружения крупного религиозного текста (типа Капуанской черепицы или умбрских Игувинских таблиц) или юридического текста (аналогичного, например, латинским Законам двенадцати таблиц), чтобы дать серьезный, может быть, даже решающий, толчок исследованиям, особенно если бы такой текст был составлен на наиболее изученном и легче доступном пониманию позднеэтрусском языке. Но, конечно, пробел, обусловленный отсутствием литературных текстов, останется навсегда невосполненным, чем исключается познание этрусского в той мере, в какой нам известны другие классические языки. В принципе литературные документы этрусков могли бы в будущем отыскаться среди папирусов из Египта или Геркуланума — чудо, уже имевшее однажды место при обнаружении этрусского текста на бинтах египетской мумии. Но речь, к сожалению, идет о возможности, столь мало правдоподобной, что ее можно было бы назвать иллюзорной.

Источники наших сведений об этрусском языке распадаются на прямые и косвенные[3]. Первые, то есть тексты, восходят не к рукописной традиции, но носят исключительно эпиграфический характер; иными словами, речь идет о надписях на различных памятниках и предметах. Единственное исключение составляет книга, фрагменты которой сохранились на пеленах Загребской мумии.

Этот документ имеет исключительное значение не только для этрусской культуры, но и вообще для всей классической древности, представляя единственный экземпляр священной книги на полотне (liber linteus), сохранившийся от греческого и римско-италийского мира. Первоначально книга имела форму

---

[2] См. «Archeologia Classica», XVI, 1964, стр. 49 и сл.

[3] Ср. M. Pallottino, Testimonia linguae etruscae, Firen e, 1954, где собраны важнейшие надписи и глоссы.

свнтка (volumen). Позже оиа была разрезана на полосы и использована для обертывания мумин египетской женщнны птолемеевского илн римского времени, найденной, по всей вероятиостн, в Среднем Египте, хотя точное место ее обнаружеиия остается неизвестным. Такое употребленне, в процессе которого важные частн первоначального свнтка оказались утраченными, было, несомненно, вторичным. Нам, однако, ннчего не нзвестно о том, какне предшествовавшне обстоятельства обусловили присутствне в Египте религнозной книги этрусков. В Европу мумня была прнвезена одннм хорватским путешественником и позже передана Загребскому нацнональному музею, где Й. Кралль определил имевшнеся на ее пеленах пнсьмена как этрусскне. После того как отдельные полосы былн вновь сложены вместе, стало возможиым воссоздать текст, записаниый по меньшей мере в внде двенадцатн вертнкальных столбцов. Ныне ои насчнтывает 1185 более илн менее отчетлнво и полно чнтающихся слов, к которым можно добавить ие менее сотии другнх, восстанавлнваемых на основаинн контекста. Поскольку в тексте встречаются частые повторення, чнсло поддающнхся прочтенню различных слов сокращается до немногнм более 500. Как бы то нн было, по своему объему н важностн Загребская кннга намного превосходит все найденные этрусские тексты.

Надпнси находят прежде всего в собствеиио Этрурнн, но в ограннченном чнсле, нли — в внде отдельных иаходок — также в Кампаннн, Лацнуме, Северной Италнн н Африке. Онн вырезаиы илн начертаны на строеннях, стенах гробннц, надмогильиых колонках, урнах, пластннках, черепнчных плнтках, статуэтках, изделнях нз бронзы, сосудах и т. п. Вместе с новейшнми находкамн общее их чнсло достнгает почтн десятн тысяч.

Некоторые надпнси заслуживают особого виимання. Это прежде всего надпись на черепице, найденной вблнзн Капуи н попавшей позже в Берлнискнй музей. Она состонт нз 62 уцелевшнх строк, сгруппированных в десять секций, и иасчнтывает почтн 300 различимых слов. Нижняя часть текста снльно повреждена. Пнсьмо состонт из строк, попеременно меияющнх направленне по правилу так называемого *бустрофедона*. Каменная колонка Перуджннского музея (CIE 4538) нмеет на двух сторонах иадпись в 46 строк нз 130 слов. Небольшая лннзообразная свинцовая пластника, найдеиная в Мальяно (она храннтся во Флорентнйском археологнческом музее: CIE 5237), иоснт надпнсь, иацарапаииую по спиралн на обеих ее стороиах, которая чнтается от краев к центру. Она иасчитывает по меиьшей мере 70 слов (ие всегда легко решнть, составляет ли группа зиаков одно нлн два слова). Скульптура мужчины, возлежащего иа крышке саркофага нз Тарквиннйского музея, держнт в руках развернутый свнток с надпнсью в 9 строк из 59 слов (CIE 5430).

Имеются отдельные надписи — прежде всего, погребальные, — содержащие по несколько строк текста и отличающиеся определенным разнообразием лексики. Но в огромном своем большинстве найденные надписи состоят из немногих слов и построены по фиксированным формулам. Самая многочисленная группа представлена эпитафиями на стенах гробниц, саркофагах, урнах, оссуариях, черепичных плитках, содержащими личное и родовое имя усопшего, его отчество (патронимик), а зачастую также и метронимик. К этому иногда добавляются указания о возрасте и лишь в виде исключений — некоторые биографические данные.

Посвятительные надписи подразделяются на архаические, составленные в соответствии с определенными формулами и содержащие имя посвятителя, и более поздние, в которых важнейшую роль играет имя одаряемого божества. В целом и они, исключая надписи на некоторых архаических сосудах, обычно очень кратки и стереотипны. Совершенно исключительны по своему характеру посвятительные надписи на золотых пластинках из Пирг, представляющие собой официальные документы верховного правителя государства Цере, касающиеся важного события — учреждения храма и связанных с этим обрядов. К тому же наличие параллельного пунического текста придает всей совокупности документов характер квазибилингвы.

Немногочисленные этрусско-латинские двуязычные тексты, которые представляют собой исключительно погребальные надписи, состоят в основном из собственных имен и содержат мало пригодного к использованию лексического и грамматического материала. Так, например, титул netśvis trutnvt или netśvis trutnvt frontac в двуязычной надписи из Пезаро (CII 69) переводится как haruspex fulguriator, то есть «предсказатель по печени и толкователь молний»; форма Cahatial, представляющая собой родительный падеж родового имени Cahati, переводится в надписи CIE 3763 посредством Cafatia natus, то есть «рожденный от Cafati» и др.

Косвенными источниками наших знаний об этрусском языке являются следующие: а) глоссы и другие сведения, сохраненные античными и ранне-средневековыми авторами; б) этрусские элементы, перешедшие в латинский язык, и этрусско-италийские элементы; в) этрусские элементы, сохранившиеся в топонимах; г) предполагаемые отрывки латинских версий оригинальных этрусских текстов.

Глоссы представляют собой этрусские слова с латинским или греческим переводом. Их можно найти либо случайно вкрапленными в сочинения античных писателей, либо включенными в глоссарии. Число их, однако, не превышает шестидесяти, и их значение в качестве внешних «ключей» для интерпретации этрусских текстов, как и в случае этрусско-латинских билингв,

весьма ограниченно. Различного характера глоссы встречаются у Варрона (De lingua latina), у Веррия Флакка (De verborum significatione, дошедшем в сокращенной передаче Феста и Павла Диакона), у Исидора Севильского (Etymologicum) и, особенно, в «Лексиконе» Гесихия. Примеры: arse uerse=auerte ignem (Веррий Флакк); ἄνδας, ἄνδαρ=«северный ветер», «орел» (Гесихий); δροῦνα=«власть» (Гесихий). Изредка этрусские слова упоминаются и в сочинениях других писателей, таких, как Ливий, Страбон, Плутарх, Дион Кассий, Макробий, Сервий, Иоанн Лидиец. Например, ἄριμος «обезьяна» (Страбон, XIII, 626), capys «сокол» (Сервий, ad Aen. X, 145). Первоначальная форма сохраняется иногда ненарушенной, но в других случаях модифицируется добавлением греческого или латинского окончания, как, например, αἴσαρ «бог» (Дион Кассий), αἰσοί «боги» (Гесихий). Достоверность глосс находит подчас подтверждение в самих этрусских текстах (aiser «боги»; versum, ср. verse «огонь»?) или же приобретает вероятность на основании формы, например fala(n)do «небо», согласно Веррию Флакку, у Павла Диакона (ср. тот же корень в таких этрусских словах, как falaś, falzaϑi, а окончание — в этр. aranϑ). В некоторых случаях аутентичность этрусских глосс ставится под сомнение из-за их латинского облика, например: δέα, κάπρα (Гесихий). Специальные категории лексики представлены глоссами наименований лечебных растений (у Диоскорида, хотя и здесь некоторые из наименований являются латинскими) и названиями месяцев этрусского календаря (в словаре Папия (XI в.) и в Лейденском «Liber Glossarum»), которые встречаются и в этрусских текстах. Например, Aclus «июнь» в тексте Загребской мумии имеет форму acale. Наблюдения над этрусской фонетикой и грамматикой, хотя и в весьма ограниченном виде, находим у Варрона, в «Ars de orthographia» Агреция и у Марциана Капеллы[4].

Этрусскими элементами, проникшими в латинский словарь, особенно много занимался А. Эрну[5]. Он распознавал их по окончаниям -na (atena, persona; ср. этр. φersu), -rna (santerna), -mna (antemna), -sa (favisa, ср. этр. faviti), -nt, -nd (flexuntes, mundus, ср. этр. munϑ, munϑuχ), -o (subulo, этр. suplu?; fullo, ср. этр. fulum-), -it (veles, poples) и т. д. В отношении этрусского происхождения некоторых слов имеются ясные свидетельства древних авторов (mantisa, histrio, lucumo, atrium и др.); в иных случаях оно остается гипотетическим, и можно также думать об образованиях по аналогии, то есть о латинских словах, уподобляющихся своими окончаниями этрусским производным, или же

[4] Ср. G. Buonamici, Fonti di storia etrusca tratte dagli autori classici, 1939, стр. 353 и сл.

[5] «Les éléments étrusques du vocabulaire latin», в: «Bulletin de la Société linguistique», XXX, 1930, стр. 82 и сл.

скорее о реликтовых остатках общего доиндоевропейского языкового субстрата в Италии, чем о действительных этрусских заимствованиях исторического времени. С достаточным основанием можно предполагать этрусское происхождение тех латинских слов с неясными этимологиями и окончаниями этрусского типа, которые принадлежат к специальной культовой, административной, военной и технической терминологии. Такие заимствования могут объясняться проявлявшимся в этих областях сильным культурным влиянием этрусков на ранний Рим. Существует также немало примеров, свидетельствующих о вероятном посредничестве этрусского языка между греческим и латинским, например, groma — название инструмента для измерения полей — из греч. γνώμων [3].

Возможно ограниченное этрусское влияние также на фонетику и морфологию латинского языка. Проблема эта во всей своей совокупности заслуживает нового, более пристального изучения, в том числе и с точки зрения истолкования (эрменевтики) этрусского языка. Еще менее ясен вопрос о пережитках этрусской лексики в современных итальянских диалектах; многие лингвисты, например, поддерживают предположение об этрусском происхождении тосканского придыхания [6].

Несмотря на коренное различие между этрусским и индоевропейскими языками Италии, в них обнаруживается ряд общих слов и корней, как, например, этр. sac-, sacri — лат. sacer; этр. eiser «боги, божества» — умбрск. esono-, вольск. esari- «священнодействие, обряд, жертвоприношение»; этр. nefts «внук» — лат. nepos; этр. prumts «правнук» — лат. pronepos; этр. vinum — лат. vinum, умбрск. vinu; этр. cletram — умбрск. kletra «носилки для священных приношений». Эти соответствия могли быть следствием доисторических контактов (например, отражением общего доиндоевропейского языкового субстрата или результатом древнейшей индоевропейской «инфильтрации» в понимании, предложенном Девото) или же взаимных проникновений, имевших место уже в историческую эпоху. Как бы то ни было, они могут оказаться полезными для выяснения истории и значений этрусских слов. То же прослеживается и в области антропонимов и имен божеств. В первой из этих групп (мастерски изученной В. Шульце в «Zur Geschichte der lateinischen Eigennamen», 1904), сходство проявляется прежде всего в построении двух- и трехчленных ономастических формул (преномен, гентилиций и, в ряде случаев — когномен; например, этр. Larece Zuχu Mutu — лат. Marcus Tullius Cicero) [4]. Но и сами формы, иначе говоря, основы и производные некоторых личных имен

[6] C. Merlo, в: «Studi Etruschi», I, 1927, стр. 303 и сл.; P. Mingazzini, в: «Studi Etruschi», XXIV, 1955—1956, стр. 343 и сл. Иначе: G. Rohlfs, в: IF, LXVIII, 1963, стр. 295 и сл.

и огромного числа родовых имен оказываются идентичными в этрусском и латинском языках, если не считать особенностей их звукового оформления и грамматических показателей. Например, личные имена: этр. Aule — лат. Aulus; этр. Marce — лат. Marcus; родовые имена: этр. Fapi — лат. Fabius; этр. Petruni — лат. Petronius; этр. Vete — лат. Vettius и др. [5].

Что касается наименований божеств, то общие элементы, подобные, например, этр. Menerva — лат. Minerva, этр. Selvans — лат. Silvanus, встречаются рядом с элементами совершенно различными, такими, как этр. Tin, Tinia — лат. Iuppiter, этр. Fufluns — лат. Liber. Древнейшие языковые соприкосновения обнаруживаются и в соответствиях типа лат. Lar (гений мужского пола), этр. Laran, Larun (мужское божество) и Lasa (гений женского пола; в этом последнем случае следует учитывать возможность чередования s и r в интервокальном положении, сходного с явлением латинского ротацизма). Многие наименования божеств как этрусские, так и латинские восходят к греческим. Вместе с другими мифологическими именами и отдельными терминами культурного обихода (например, наименованиями сосудов), также греческого происхождения, они представляют ценный источник дополнительных сведений об этрусской фонетике, поскольку претерпеваемые ими изменения отражают фонетические тенденции и морфологические закономерности этрусского языка[7]. Примеры: греч. Ἀλέξανδρος=этр. Alcsentre, Elaχśantre, Elaχśntre, Elχśntre, Aleχśantre и т. д.; греч. Κλυταιμήστρα=этр. Cluϑumusϑa, Clutmsta; греч. Ἑλένη=этр. Elina, Elinai, Elinei и т. д.

Несмотря на обилие материалов, собранных С. Пьери, и исследования П. Эбишера, В. Бертольди, Дж. Боттильони и К. Баттисти[8], ограничивавшихся, впрочем, частными вопросами, проблемы этрусской топонимии Центральной и Северной Италии еще далеки от того, чтобы можно было говорить о систематизации фактов и получении надежных выводов. Главная трудность заключается прежде всего в разграничении различных пластов и ареалов распространения доиндоевропейских топонимов, например наименований «средиземноморского» или в более широком плане «палеоевропейского» типа, встречающихся также в Средней Италии (подобных производным от основ carra-, pala-, gav- и др.) и, с другой стороны, топонимов этрусского происхождения исторического времени. Там, где удается надежно выделить пос-

---

[7] Ср. G. Devoto, в: «Studi Etruschi», I, 1927, стр. 255 и сл.; E. Fiesel, Namen des griechischen Mythos im Etruskischen, 1928.

[8] «Studi Etruschi», I и сл.

ледние, возможно даже их частичное привлечение к толкованию этрусских текстов, что попытался сделать Бертольди в отношении топонимов типа falar. Впрочем, необходимо учитывать также существование непосредственных связей между топонимами и антропонимами, на что уже указывал Шульце. Особенно важны наименования этрусских городов, древние формы которых известны из произведений античных авторов и из надписей. Часто они оказываются тесно связанными с именами божеств и героев, например: *Tarχuna (Тарквинии) — с героем Tarχun- (Tarconte); Puplunа (Популония) — с божеством Fuflun (Вакх); Manϑua (Мантуя) — с божеством Mantus и т. д.[9]

Коснемся, наконец, предполагаемых латинских переводов с этрусского. Мы знаем, что основные культовые книги этрусков были в свое время полностью или в виде выдержек переведены на латинский язык [6]. В массе косвенных изложений, кратких резюме и пересказов этрусских произведений, отзвуки которых дошли до нас, встречаются отдельные фрагменты, интересные не только для ознакомления с этрусской литературой и культурой, но и для знакомства с формами выражения, отражающими своеобразную структуру языка, например, сохранившаяся цитата из «книг нимфы Вегонии» («Libri Vegonici») с наставлениями этой нимфы (Lasa Vegonia) о размежевании полей[10].

Рассмотрев источники наших знаний об этрусском языке, перейдем к вопросу о методе. Любые попытки воспользоваться фактическими данными без адекватной лингвистической подготовки, критического подхода, достаточной осмотрительности и здравого смысла обречены на неудачу. Необходимо прежде всего помнить, что *возможное и даже вероятное решение не является непременно правильным*. История этрусской эрменевтики свидетельствует, что многие неудачи объяснялись именно тем, что, удовлетворяясь более или менее осмысленными и правдоподобными результатами, их безоговорочно объявляли решениями окончательно верными. Как неопровержимый довод в пользу принятого метода или системы часто приводили тот факт, что полученный перевод давал смысл. Этого, однако, ни в коей мере не достаточно для доказательства правильности перевода. Совсем нетрудно показать, что любой этрусский текст допускает столько же правдоподобных и осмысленных переводов, сколько существует методов или предполагаемых «ключей», с которыми приходится иметь дело. Далее, важным фактором для достижения положительных результатов в работе является *самокритичность*

[9] M. P a l l o t t i n o, в: «Scritti in onore di B. Nogara», 1937, стр. 341 и сл.

[10] Ср. B. N o g a r a, Gli Etruschi e la loro civiltà, 1933, стр. 420; о датировке фрагмента см. J. H e u r g o n, в: «Journal of Roman Studies», XLIX, 1959, стр. 41 и сл.

исследователя по отношению к своим собственным выводам, какими бы обещающими они ни представлялись. Хотя смелость и вдохновение в выдвижении гипотез являются условиями, несомненно важными для развития исследований, столь же несомненно также и то, что эта смелость может привести к плачевным последствиям, особенно в вопросах сложных и запутанных, если она не сдерживается самой осторожной и самой тщательной проверкой, критическим отношением к своему методу и трезвой беспристрастностью при оценке уже высказанных предположений. Вся прискорбная история заблуждений, которыми усеян путь лингвистических поисков в этрускологии, является, по существу, не чем иным, как историей тех, кто, чрезмерно увлекшись собственными гипотезами, *не имел достаточной воли*, чтобы отказаться от них, когда начинали накапливаться опровергающие их факты...

К «методу» в широком понимании, предполагающему лишь основательную подготовку и наличие здравого смысла, добавляются методы специальные, то есть те тактические критерии, посредством которых шаг за шагом ведется борьба с неопределенностью лингвистических явлений и туманностью текстов. Исходя из характера существующих документов и ретроспективного рассмотрения исследований последних десятилетий, нужно исключить возможность полного раскрытия этрусского языка «извне», с помощью системы лингвистических сравнений с одним или несколькими известными языками или посредством документов-ключей, будь то глоссарий или двуязычный текст. Фундаментальную основу исследований может поэтому составить лишь непосредственное изучение текстов с учетом их назначения, связанных с ними предметов, сопровождающих их рисунков и содержащихся в них ономастических формул. С этой точки зрения большое значение, естественно, приобретает надежная археологическая оценка характера и роли тех памятников и предметов, с которыми связаны надписи, равно как и их датировка. Добытые таким индуктивным путем лексические и грамматические значения проверяются затем при «комбинировании» текстов и их частей между собой, то есть путем апробации первых предположений в ходе тщательной проверки новыми данными. Это — классические приемы «*комбинаторного*» *метода*. Не говоря уже о наиболее строгом его применении, он всегда остается незаменимым в качестве «исходного» или контрольного метода, даже в тех случаях, когда приходится иметь дело со сведениями, подсказываемыми извне.

Конечно, данные, полученные посредством внутреннего индуктивного метода, по самой своей природе гораздо менее точны, чем те, которые можно было бы извлечь из глоссария или билингвы. Во многих случаях функция падежного окончания уста-

навливается лишь частично или приблизительно, как, например, в слове Menervas (начертанном на вазе), где конечное -s в имени богини Минервы может быть показателем либо родительного принадлежности, либо дательного интереса, посвящения и т. п. То же можно сказать и о значениях лексических, определяемых зачастую лишь в общих чертах, скорее в пределах категорий или genus proximum, чем differentia specifica. В особенности это относится к терминам, обозначающим действия и представления из области религии, общественных институтов и т. п. Например, мы хорошо знаем, что слово sacni указывает на культовое место или учреждение, но не можем сказать, какому именно термину оно соответствует в латинском или любом другом языке. Нам известны также многие глаголы, передающие приблизительно понятия «давать», «преподносить», «жертвовать» (tur-, men-, scuv-, mul-, al-, nunϑ- и др.), но мы не имеем возможности установить конкретные соответствия между этими глаголами, взятыми в отдельности, и эквивалентными глаголами латинского языка do, dono, reddo, lito, fero, supplico и т. п. Разумеется, достоверность словарных интерпретаций варьирует от максимальной вероятности и точности в установлении значений до общих предположений не вполне определенного содержания, на которых было бы опрометчиво строить дальнейшие гипотезы. Шаткость некоторых сложных эрменевтических построений, созданных с помощью одних лишь комбинаторных приемов, обусловливается именно этим нагромождением гипотезы на гипотезу, пока все построение не оказывается лишенным всякой реальности.

Ведущая роль индуктивного или комбинаторного метода не исключает возможности использования также дедуктивных приемов, которые основываются на разъяснении этрусских текстов с помощью привлечения внешних данных. Глоссы и двуязычные надписи дают некоторые более или менее надежные лексические факты, такие, как ais = «бог», arim = «обезьяна», netśvis = «гаруспик»* и т. п. Другие оказалось возможным получить в результате искусного «просеивания» латинских лексических материалов предположительно этрусского происхождения, разумеется, с последующей проверкой посредством комбинаторного метода. Допустим, например,— вопреки мнению даже некоторых видных ученых,— что латинское слово mundus связано с этрусским словом munϑ. Тогда объяснение последнего как «украшение», предложенное уже Кортсеном, будет казаться достаточно убедительным. Но в контексте погребальной надписи, где встречается данное этрусское слово (CIE 5470), такое значение заводит нас в тупик. Действительно, оно привело бы к странному пере-

* «Гаруспик» — гадатель по внутренностям жертвенных животных.— *Прим. перев.*

воду: «Двадцать саркофагов установлены в этой гробнице, *украшение* мертвых!» В других, также погребальных надписях несколько раз встречаются образования от того же корня mun-, который, судя по контексту, должен означать «место» (в специфическом погребальном значении латинского locus) или «помещение для мертвых», что удовлетворяет и содержанию приведенной надписи. Связь с mundus, если она вообще имелась, может быть в таком случае установлена, как полагает Ф. Лейфер [11], благодаря особому погребально-религиозному содержанию латинского термина, который, помимо значений «мир» и «украшение», употреблялся также в смысле «место сообщения с потусторонним миром». Это, между прочим, еще раз показывает, сколь важно для этрусской эрменевтики углубленное изучение классических реалий как из области религии, так и из области различных установлений, что в свое время подчеркивал уже Рибеццо.

Примеры этимологического анализа отдельных слов, осторожно выполненного М. Хаммарстрёмом (natis, netśvis) [12], Девото (ais, culsu) [13] и другими учеными, убеждают нас в том, что старый *этимологический метод*, не рассматриваемый как единственное средство интерпретации этрусского языка en bloc, путем сопоставлений с какими-либо уже известными языками,— что, повторяем, представляется совершенно невозможным,— но осторожно применяемый к отдельным словам и формам, способен дать ценные подтверждения, если не новые данные, для интерпретации этрусских текстов. В этой связи нельзя забывать и об упускавшихся до недавнего времени из виду возможностях осторожного применения к изучению этрусского языка норм исторической и ареальной лингвистики [7] не только с целью лучшего определения места этого языка среди языков Средиземноморья, но в ряде случаев и для уточнений, хотя бы лишь косвенным путем, лексических и морфологических значений.

Но среди приемов дедуктивного характера сейчас все более выделяется тот *билингвистический метод*, который в течение последних трех десятилетий развивался рядом с традиционными методами этрусской эрменевтики — этимологическим и комбинаторным. Этот новый метод находит применение в области, не имеющей ничего общего с языковым родством и языковыми сближениями. Напротив, он стремится к выяснению смысла слов и текстов, пользуясь принципом, аналогичным принципу «ключей», то есть двуязычных надписей и глоссариев. Исходя из предположения, что этрусская культура была теснейшим образом связана с греческой и италийской (подтверждаемого, между прочим, изучением религии, искусства, обычаев и т. п.) и что эта

[11] «Studien zum antiken Ämterwesen», I, стр. 206, прим. 2.
[12] «Glotta», XI, 1921, стр. 213 и сл.
[13] «Studi Etruschi», V, 1931, стр. 299 и сл.; VII, 1933, стр. 259 и сл., и др.

культурная общность проявлялась также в аналогичных выражениях и построениях жертвенных, вотивных и погребальных формул, приходят к выводу, что во многих случаях этрусский текст может быть сопоставлен с греческим, латинским или италийским текстом аналогичного содержания и на основе такого сближения может быть интерпретирован *почти как если бы речь шла о билингве*. Такой прием впервые был использован пишущим эти строки для определения значения этрусского местоимения mi «я, меня» при сравнении формул, начертанных на двух вазах, обнаруженных на территории области фалисков: одной — этрусской: mi qutum Lemausnas... и другой — фалискской (то есть, можно сказать, архаической латинской): eco quto ... euotenosio ... «я... кувшин... Эуотения», содержащих совершенно идентичные выражения на двух разных языках. Почти в то же самое время К. Ольцша осознал важность римских и умбрских (в Игувинских таблицах) жертвенных формул для углубления интерпретации этрусских ритуальных текстов, особенно самого пространного и значительного среди них — текста Загребской мумии, истолкованию которого он посвятил работы фундаментального значения. Конечно, билингвистический метод основывается прежде всего на взаимной переводимости этрусских и латинско-италийских слов и выражений, иными словами, на наличии тех лексических «штампов», которые возникают как неизбежное следствие совместной жизни народов, говорящих на разных языках, в условиях общей культуры (что в наше время имеет место, например, между романскими и германскими народами). Случай такого соответствия из области политической организации обнаруживается между этрусским титулом zilaϑ meχl rasnal и латинским praetor Etruriae. В духе современного «исторического» направления этрусской эрменевтики этот новый метод, используемый умело и осторожно, с должным учетом возможностей других, уже испытанных приемов открывает для исследования непредвиденные до сих пор возможности новых, все более значительных успехов...

ГЛАВА XII. РЕЗУЛЬТАТЫ

Письмо. Фонетика и грамматика. Интерпретация текстов. Словарь

Идентификация и чтение знаков этрусского письма практически не представляют труда. Их значения были постепенно определены между XVII и началом XIX столетия на основе сопоставлений с латинским и греческими алфавитами. После того как в 1833 г. Р. Лепсиусом было установлено значение этрусского символа ⵜ = z, круг исследований, касавшихся алфавита, мог

считаться завершенным. Правильное и полное чтение надписей было гарантировано. Надо, однако, отметить сравнительно недавнее открытие, разъяснившее один из побочных фактов архаического этрусского письма. Речь идет о символе ×, который прежде смешивали с t. В этом знаке Э. Физель, напротив, уверенно распознала сибилянт, который она транскрибирует как ṡ [14]. Вследствие этого было исправлено чтение значительного числа архаических надписей, содержащих этот знак, употребление которого, впрочем, не было широким [8].

Вопрос о происхождении этрусского алфавита породил полемику, не улегшуюся и до сих пор. На основе эквивалентности ↓ = χ некоторые ученые причисляли его к западногреческим, или «красным», алфавитам (А. Кирхгофф). Другие же видели в нем древнейший догреческий алфавит или выдвигали еще менее правдоподобные гипотезы. Недавняя находка на о. Искья (Pithecusae) надписи, записанной знаками халкидского письма на вазе геометрического стиля, датируемой VIII в. до н. э., подтверждает традиционную гипотезу о том, что письменность Средней Италии была заимствована из Кум уже в древнейший период греческой колонизации [15].

Бесспорно во всяком случае то, что уже в VII столетии до н. э. этруски познакомились с иноземным алфавитом из двадцати шести букв, который воспроизведен сполна по краям дощечки для письма из слоновой кости (обнаруженной в Марсильяна д'Альбенья (Marsiliana d'Albegna)) и на нескольких вазах. Речь идет о документах, предназначавшихся служить образцами при обучении письму. Но практическое использование этого алфавита должно было иметь место лишь после тщательного его приспособления к потребностям этрусского языка. Знаки β, δ, финикийский s (*самех*) и гласный *o* были опущены и не встречаются в надписях, поскольку они не отвечали ни одному из звуков, имевшихся в фонетической системе этрусского языка (где отсутствовали звонкие взрывные, а гласный *o*, по крайней мере первоначально, смешивался с u [16]). Знак γ использовался для передачи не звонкого гуттурального, также, по-видимому, отсутствовавшего в этрусском, а глухого (как впоследствии и латинское *c*), наряду с буквами ϰ и q, употребление которых в позднейших надписях почти сходит на нет. Добавочный символ ×, имевший в во-

[14] См. «American Journal of Philology», 1936, стр. 261 и сл.

[15] Ср. G. Buchner, C. F. Russo, в: «Rendiconti dell' Accademia dei Lincei», 1955, стр. 215 и сл.

[16] Некоторые из этих букв встречаются в виде исключений в этрусских надписях, особенно поздних, что, несомненно, объясняется латинским влиянием; ср. G. Buonamici, Epigrafia Etrusca, стр. 166 и сл., 189 и сл. [Не исключено, что этруски, подобно финикийцам, в ряде случаев использовали одну и ту же букву для двух и даже более акустически сходных фонем.— *Прим. ред.*]

сточногреческих алфавитах значение χ (ch), а в западных, как и в латинском, передававший консонантную группу ks, встречается, как уже говорилось, только в некоторых архаических этрусских

Исходный	Архаичные (7-5 в.)	Переходные (5-4 в.)	Поздние (4-1 в.)	Особые формы	Транскрипция
				(Caere)	*a*
					b
					c (= k)
					d
					e
					v
					z
				(Caere) (O)	*h*
					ϑ (= th)
					i
					k
					l
					m
					n
					$\overset{+}{s}$
					o
					p.
				(Capua)	*ś*
					q (= k)
					r
					s
				(Caere)	*t*
					u
					ṡ
					φ (= ph)
					χ (= kh)
					f

Этрусские алфавиты (по Пфиффигу; см. A. J. Pfiffig, Die etruskische Sprache, Graz, 1969, стр. 20).

надписях со значением простого сибилянта ṡ. Что касается губно-зубного фрикативного f (отличного от губного придыхательного φ), то в первоначальном алфавите особый знак для него отсутст-

вовал. Для его передачи в наиболее древних текстах использовался диграф vh[17]. Однако позже, уже к началу VI в. до н. э., но преимущественно в еще более поздних надписях, для него вводится особый знак 8 неизвестного происхождения, занявший последнее место в ряду букв этрусского алфавита. Заслуживает внимания также сосуществование двух сибилянтов M и S [соответствующих финикийским ṣ (*цаде*) и š (*шин*)], которое оправдывается наличием в этрусском двух близких, часто смешивавшихся и чередовавшихся, но в основе своей различных звуков, транскрибируемых ś и s. Кроме добавлений и утрат, развитие этрусского алфавита выражается также в частичных изменениях написаний букв, что дает возможность хотя бы приблизительной датировки надписей (см. табл. на стр. 362).

В современной транскрипции этрусского письма используются соответствующие латинские буквы, снабженные в отдельных случаях диакритическими значками; исключение составляют придыхательные, для передачи которых употребляются греческие буквы ϑ, φ и χ.

Направление письма в преобладающем большинстве надписей — справа налево, что прямо противоположно обычному направлению греческого и латинского письма. Очень редки случаи обратного направления, или *бустрофедона*, то есть письма, направление которого менялось с каждой строкой. В архаических надписях слова не отделялись друг от друга. Напротив, в более поздних текстах они часто разделяются одной или двумя точками. Важным достижением в изучении этрусского правописания мы обязаны исследованиям Феттера в области венетской пунктуации. Прослеживая ее истоки до архаических этрусских надписей, он обнаружил широко употребительную систему, при которой простые открытые слоги (такие, как ma, lu, ke и т. п.) считались нормальными и поэтому оставлялись непунктированными. В то же время изолированные буквы (как гласные, так и согласные) отмечались одной или более точками. Такая система встречается особенно часто в некоторых архаических надписях на сосудах из Южной Этрурии; находим ее и в Капуанском тексте. Не идет ли здесь речь о пережитках первоначального слогового письма?[18] Примечательно в этой связи, что на одной из архаиче-

---

[17] Этот диграф встречается и в древнейших латинских надписях, например на пренестинской фибуле (CIL, I²,3), где слово vhevhaked следует читать [fefaked].

[18] E. Vetter, в: «Glotta», XXIV, стр. 114 и сл.; XXVII, стр. 175 и сл.; G. Buonamici, в: «Studi Etruschi», XVI, 1942, стр. 263 и сл.; F. Slotty, Beiträge zur Etruskologie, I, 1952; A. J. Pfiffig, в: «Kadmos», II, стр. 142 и сл.; Слотти склоняется к объяснению данного явления на чисто фонетической основе. Встречные аргументы см.: K. Olzscha, в: «Gnomon», 1953, стр. 271 и сл.; M. Pallottino, в: «Studi Etruschi», XXII, 1952—1953, стр. 478 и сл.

ских ваз из Цере, кроме алфавита, содержится также полный силлабарий [9].

После фундаментальных предварительных исследований Латтеса изучение этрусской фонетики достигло наибольшего развития, главным образом благодаря работам Тромбетти, Девото и Эвы Физель, из которых двое последних сконцентрировали свое внимание на изучении фонетических тенденций этрусского языка, проявляющихся в тех преобразованиях, которые претерпевают имена греческих божеств и мифологических персонажей, встречающиеся в этрусских надписях. К этому можно сейчас добавить вклад Ф. Слотти в изучение этрусского слога [19].

В этрусском языке существовали* следующие простые звуки:
четыре гласных: a, e, i, u (o смешивалось с u);
один полугласный: v; иногда заменял гласный u;
одно придыхание: h; встречалось почти исключительно в начале слова;
шесть взрывных согласных: c, t, p (глухие), χ, ϑ, φ (придыхательные);
один губно-зубной фрикативный: f;
три зубных фрикативных: s, ś, z;
два плавных: l, r;
два носовых: m, n.

Следует отметить, что фрикативные, плавные и носовые появляются иногда в слоге на месте гласных, выполняя функции настоящих сонантов, например в таких словах, как cnl, clϑi.

В древний период этрусский вокализм был более развитым, чем в позднейшее время. Замечается склонность к колебаниям в огласовке, как, например, ramaϑa, rameϑa, ramuϑa, ramϑa — варианты одного и того же женского личного имени. Встречается также явление гармонии гласных, то есть их уподобления в соседних слогах, что находим, например, в форме cluϑumusϑa, соответствующей греч. Κλυταιμήστρα, или в частом появлении слов с доминирующей гласной, например: siricima, Fuflunsul, acnanasa. Известно пять дифтонгов: ai, au, ei, eu, ui; дифтонг ai обычно имеет тенденцию к превращению в ei и e; дифтонги au и eu в позднейший период переходят в av и ev.

Наиболее характерной особенностью этрусских согласных является склонность к переходу глухих взрывных в придыхательные, а придыхательных — в фрикативные (явление, в некоторых отношениях сходное с «перебоем» согласных в германских языках). Таким образом, *c* склонно к изменению в χ, t — в ϑ,

---

[19] См. предыдущее примечание.

* Точнее, отмечались на письме; отличать орфографические особенности от фонетических при современном состоянии изученности этрусского языка вряд ли всегда возможно.— *Прим. ред.*

а p — в φ или f. Например, др.-этр. zac переходит в нов.-этр. в zaχ. В позднейших текстах наблюдаются колебания в написании глухих и придыхательных согласных; те и другие употребляются без видимого различия, например: śuti и śuϑi, zic- и ziχ, uple и uφle. В начальном положении придыхательные и фрикативные ослабляются иногда до простого придыхания h, например: Fasti и Hasti. Отсутствие в этрусском звонких взрывных (b, d, g) объясняется, возможно, их полным преобразованием в глухие, происшедшим еще в доисторическую эпоху, то есть является результатом того же развития.

Что касается слова и ударения, то наиболее показательной особенностью является сильное ударение в первом слоге, имеющее своим следствием синкопирование или выпадение гласных безударных слогов. Это явление, характерное прежде всего для поздней фазы языкового развития, обусловливает возникновение сложных скоплений согласных и развитие сонантов, как, например, др.-этр. lautun — нов.-этр. lautn; греч. 'Αλέξανδρος — этр. Aleχsantre, Elχsntre.

В понимании этрусской морфологии также были достигнуты значительные успехи, хотя здесь и сохраняются еще обширные неизведанные области. Мы обязаны Тромбетти определенной «морфологизацией» приемов интерпретации на основе того принципиального положения, что понимание текстов не может быть достигнуто при условии знания одного лишь лексического содержания (то есть значений корней), но требует также надежной оценки синтаксических отношений и грамматических функций. Прежде всего, Тромбетти попытался на критически обоснованных началах расчленить этрусское слово на его составные элементы; к нему же, как и к Розенбергу, восходит по линии комбинаторной методики представление об отличии грамматической структуры этрусского языка от языков индоевропейских.

Этим можно было бы объяснить некоторые своеобразные явления, такие, как неопределенность в словообразовании и колебания в флексии, склонность к скоплению грамматических суффиксов, известное смешение именных и глагольных форм, наконец, аномалии, отмечаемые в построении некоторых фраз, что затрудняет их анализ по образцу других, более известных нам языков (например, кажущееся отсутствие подлежащего в номинативе). Сюда же относится и высказываемое некоторыми учеными предположение о «пассивном» характере этрусского глагола, о чем речь еще будет впереди. Этот обширный, запутанный и в большей своей части пока не решенный вопрос затрагивает проблему истории этрусского языка, то есть его происхождения, генетической принадлежности его древнейшего компонента и возможной постепенной ассимиляции под воздействием языков индоевропейских.

Что касается структуры имен, то наибольший интерес представляет явление суперпозиции суффиксов. Эту характерную тенденцию этрусской грамматики к подтверждению или редетерминированию синтаксической функции слова путем присоединения нескольких суффиксов с одними и теми же значениями мы, по предложению Тромбетти, назвали «морфологической редетерминацией». Например, Larϑ (личное имя), род. п. Larϑ-al и Larϑ-al-ś «Ларта». В некоторых случаях имеет место настоящее флектирование форм, уже имеющих грамматическую флексию, с соответствующим изменением смысла. Это так называемый «генитив генитива», или двойной родительный падеж, образуемый добавлением окончания -la к форме на -s. Например, Vel Avleś «Вел (сын) Авла»; то же в родительном падеже: Vel-uś Avles-la «Вела (сына) Авла». Такие образования следует отличать от «редетерминированного» родительного падежа, образуемого без изменения первоначального смысла. Но двойной родительный падеж может в свою очередь возникать на основе редетерминированного генитива, порождая сложные формы, в которых накладывается друг на друга до трех генитивных суффиксов, например Larϑ-al-iś-la «(сына) Ларта». Суффиксы могут также быть разного назначения. Например, Uni-al-ϑi «в (святилище) Юноны», из Uni-al — форма род. п. от Uni «Юнона». Морфологическая редетерминация, столь несовместимая со структурой классических языков, является, по мнению исследователей, одной из наиболее характерных особенностей этрусской морфологии.

Этрусские существительные в именительном падеже не обнаруживают специальных окончаний, за исключением некоторых собственных имен, обозначающих лиц мужского пола и божеств, которые могут принимать окончание -s (возможно, первоначально показатель генитива?) [9а]. Прилагательные образуются посредством особых суффиксов, наиболее характерным из которых, считающимся исключительно «этрусским» формантом (представленным также в собственных именах, топонимах и т. п.), является -na (-ina, -ena). Например, śuϑi «гробница» — śuϑi-na «погребальный». Другими суффиксами, образующими производные, являются -cva, -χva, -ie, -u и др. Следует упомянуть элемент -ϑur, указывающий на принадлежность к семейному кругу или на вхождение в состав коллегии: Velϑina-ϑuraś «членов семейства Velthina», paχaϑuraś «членов братства Вакха» и т. п. Особые женские формы имеют только некоторые наименования лиц (как собственные, так и нарицательные), образуемые посредством особых тематических суффиксов: -i, -ia, -a, -ϑa. Например, pui, puia «жена»; śeϑra — форма женского рода от личного имени Šeϑre; Mutunai — женская форма родового имени Mutuna; lautniϑa «вольноотпущенница», от lautni «вольноотпущенник». Трудно установить также правило образования множественного

числа. Нам известны формы множественного числа и собирательные имена, характеризуемые суффиксами -r, -l, -a, как, например, clan «сын» — clenar «сыновья», murś «саркофаг» — murs-l «саркофаги».

Что касается именного склонения, то здесь прежде всего замечается противопоставление тематического падежа, или номинатива, «косвенному падежу», характеризуемому окончаниями -s (-ś), -si (-śi) и -sa (-śa) или -l, -al, -la (др.-этр. -a). Последний, насколько нам известно, употреблялся со значением родительного принадлежности или предназначения и поэтому соответствовал также латинскому дательному. Менее ясны значения других именных окончаний, таких, как -i, -e, -eri, служащих иногда показателями орудийности, цели, обстоятельств и т. п. Формы на -t(i), -ϑ(i) обычно имеют значение локатива. Нелегко воссоздать, даже предположительно, регулярные парадигмы склонения. Засвидетельствованы, однако, ряды типа следующих:

spur-	«город»
spur-al	«города»
spur-eϑi	«в городе»
śpur-eri	«городу» или «для, ради города».

Намечаются две группы (или «склонения») существительных, различающиеся по окончаниям родительного падежа: на -s и -l (др.-этр. -a). К первой группе относятся все имена с основами на гласный (кроме имен лиц женского пола на -i) и большинство основ на согласные. Ко второй — имена лиц женского пола на -i и некоторые собственные (преимущественно имена лиц) на -s, -ϑ, -n. Примеры первой группы: hamφe — род. п. hamφe-ś; Ramϑa — род. п. Ramϑa-ś; fler — род. п. fler-ś; примеры второй группы: Uni — род. п. Uni-al, Larϑ — род. п. Larϑ-al. Мы уже говорили выше о морфологической редетерминации, осложняющей и обогащающей именную флексию; она, однако, отмечается почти исключительно в антропонимах.

Идентификация частиц mi, mini как личного местоимения первого лица — ранее в них видели указательные местоимения,— предложенная Зиттигом и подтвержденная пишущим эти строки путем приложения метода сопоставления параллельных текстов, получила сейчас общее признание. Судя по употреблению в надписях, особенно посвятительных, форма mi представляется именительным падежом (= «ego»), а mini — винительным (= «me»). Тем самым получаем доказательство существования в этрусском винительного падежа, даже если его употребление ограничивалось местоименными формами (или было сведено к ним). Известны также указательные местоимения: ca, eca, ta

(др.-этр. ita) с некоторыми формами их склонения (например, ca, cś, cla, cn, cei, clϑi и т. п., причем формы на -n и здесь представляются аккузативом). Указательные местоимения, сочетаемые с существительными, имеют тенденцию к редуцированию до энклитических артиклей, инкорпорируемых в форму самого имени. Например, esvi-tn, huslneś-tś, śacni-cla, śacni-cleri и т. п. Это явление впервые было объяснено Торпом и получило сейчас широкое признание. Другие частицы местоименного типа, такие, как ϑi, χi, in, an, ipa и др., могли иметь указательное, относительное или неопределенное значение, но в их употреблении и интерпретации остается еще много неясного. Напротив, является очевидным слияние местоименных элементов в формы, подобные ancn, cnticnϑ ipeipa и т. п.

Проблема этрусских числительных — одна из наиболее трудных и спорных. В качестве ее отправного пункта может служить отождествление первых шести чисел со словами, записанными на шести гранях игральных костей из Тосканеллы, хранящихся в Национальной библиотеке в Париже. Если принять предположение, что сочетания числительных в тексте Загребской мумии обозначают числа месяца, то порядок, установленный Торпом, а именно: ϑu=1, zal = 2, ci = 3, śa = 4, maχ = 5, huϑ = 6, следует рассматривать как наиболее вероятный. Можно спорить лишь о том, не обозначает ли huϑ «четыре» (имея в виду классическое сопоставление с догреческим топонимом Ὑττηνία = Τετράπολις), а śa «шесть» [10]. Другими простыми числительными являются cezp-, śemφ- и nurφ-. Форма zaϑrum, вероятно, означает «двадцать». Остальные названия десятков образуются добавлением суффикса -alc, -alχ: cialχ-, śealχ, cezpalχ-, muvalχ- и др. Счет, по-видимому, велся путем добавления чисел вплоть до 6: huϑiś zaϑrumiś = «двадцать шестого [?] (числа)» и вычитания от 7 до 9: esl-em zaϑrumiś = «восемнадцатого [?] (числа)» (ср. греч. δυῶν δέοντα εἴκοσι, лат. duodeviginti). Упомянем еще числительные-наречия, образуемые с помощью суффикса -z, -zi: ci-z «трижды». Формы, подобные zelur, zaϑrumsne и др., представляют собой, по-видимому, производные от числительных прилагательные.

Трудности возникают при рассмотрении этрусского глагола, которому Паули приписывал именной характер, а в недавнее время Ольцша — пассивную структуру [20]. Действительно, многие формы, образованные от глагольных корней, имеют строение и флексию, идентичные с именами, а иногда и пассивное значение.

[20] K. Olzscha, Interpretation der Agramer Mumienbinde, 1939, стр. 103 и сл., и «Tyrrhenica», 1957, стр. 135 и сл.; ср. V. Pisani, который в «Archivio Glottologico» (XXXIV, 1942, стр. 116 и сл.) говорит о его скорее «непереходном» характере.

Например, *CII Append. 773*: mi mulu kaviiesi «Я посвящен Кавием», или: «Я (предмет), посвященный Кавием», или же просто: «Я посвящение (жертвенный дар) Кавия». Очень многие из числа таких форм оканчиваются на гласные (tura, ture, turi, turu, от корня tur- «давать») или же имеют суффикс -n с различной огласовкой (śatena, śatene, nunϑeni, zilaχnu). Но другие снабжаются суффиксами, указывающими на их глагольный характер и определяющими функцию, как, например, «перфект» на -ce: tur-ce «дал», lupu-ce «умер» (наряду с равнозначным lupu), muluvani-ce «посвятил».

Императив представляет собой простую основу или же имеет суффикс -ϑ. Например, tur «дай», heχśϑ «поставь, положи», nunϑen и nunϑenϑ = лат. fac, facito. Образования на -śa, -sa представляются личными глагольными формами прошедшего времени или аориста: teśamsa «curavit?»; напротив, формы на -as (-aś), -ϑas (-ϑaś) можно толковать как причастия или «относительные слова» прошедшего времени: например, svalϑas «проживший, который прожил». Известен, наконец, суффикс -ri, -eri, выражающий обязанность или необходимость, как в латинском герундиве. Например, nunϑ-eri «faciendum (est)»; не исключено также, что он имел какую-то связь с созвучным суффиксом именной флексии (śpur-eri).

Немногое известно об адвербиальных формах и соединительных частицах. Трудно провести различие между местоимениями и возможными предлогами и послелогами. К давнему фундаментальному открытию энклитического союза -c, соответствующего латинскому -que, добавилось теперь обнаружение энклитики -(u)m, имеющей аналогичное значение (но употребляемой преимущественно для соединения частей предложений). Кое-кто еще необоснованно сомневается в том, что etnam является союзным словом; оно, видимо, встречается также в энклитической форме -tnam и, вероятно, соответствует умбрскому inumek и латинскому item, etiam. Другими адвербиальными и союзными частицами являются ϑui «здесь», matam «прежде» [?], nac «так, тогда», iχ, iχnac «как» и др.

В изучении вопросов синтаксиса, порядка слов в предложении и стиля достижения до сих пор были скудными. И все же, несмотря на бедность текстов и ненадежность многих данных, удалось получить некоторые интересные наблюдения, что опять-таки имеет отношение к уже упоминавшейся проблеме первоначальной структуры этрусского языка. В целом строение простых и легко анализируемых предложений обнаруживает заметное сходство с латинским синтаксисом (место определения в родительном падеже — перед управляющим именем, а глагола — в конце предложения и т. п.). Наиболее обширные тексты, известные нам лучше других, такие, как Загребская книга или Капуанская

черепица, обнаруживают ясно выраженное аналитическое строение, складываясь из кратких, последовательно соединенных фраз.

Большинство известных этрусских надписей читается и понимается без труда, поскольку они состоят почти исключительно из собственных имен. Это касается подписей к рисункам на фресках и зеркалах, монетных легенд, формул принадлежности на отдельных предметах, а главным образом погребальных надписей. В этих последних, опираясь на синтаксическое содержание некоторых элементов флексии (таких, как родительный падеж патронимика и метронимика) и сопоставляя эпитафии родственных лиц, погребенных в одной и той же усыпальнице, удалось уже в самом начале этрусковедческих поисков установить смысл ряда часто употребляющихся слов, таких, как clan = «сын», seχ = «дочь» и др. Тогда же были определены значения слов, передающих такие понятия, как «жить», «умирать», «годы», «возраст». Вот пример полной формулы погребальной надписи (CIE 5424) с ее подстрочным переводом: Partunus Vel Velϑurus Satlnal-c Ramϑas clan avils lupu XXIIX «Партуна Вел, Велтура и Сатлнии Рамты сын, лет умер 28», то есть «Вел Партуна, сын Велтура и Рамты Сатлнии, умер 28 лет».

Трудности возрастают, когда мы переходим к погребальным надписям, содержащим указания о жизни и деятельности умерших, или к надписям, сообщающим о посвящении, сооружении или оснащении утварью гробниц. В таких текстах появляются слова с туманными или сомнительными значениями, уточнение которых все более осложняется по мере того, как этимологические трудности переплетаются с затруднениями историко-археологического порядка. Комбинаторный метод, даже сочетаемый с новыми билингвистическими приемами, не дал пока возможности точнее понять смысл, скажем, политических, магистратурных или жреческих титулов, сопровождающих имена усопших, или настоящее значение сакральных и погребальных терминов, таких, как śacni (откуда глагол śacnisa), acazr, atrś и т. п. Напротив, более ясно смысловое содержание слов, обозначающих «могила», «саркофаг», «делать», «давать» и др.

Нередко встречаются надмогильные надписи биографического содержания, которые могут также принимать характер латинских elogia, таких, например, как знаменитые похвальные надписи на могиле Сципионов. Вот краткий и легко доступный пониманию пример (CII, Suppl. III 322)

Aleϑnas Arnϑ Larisal zilaϑ Tarχnalϑi amce

«Алетна Арнт Лариса «зилат» в Тарквиниях был», то есть: «Арнт Алетна, (сын) Лариса, был «зилатом» (вероятно = praetor) в Тарквиниях». А вот другая надпись более сложной композиции (CII 2070):

Arnϑ Xurcles Larϑal clan Pevϑial zilc parχis amce
«Арнт Хуркле Ларта сын (и) Певтии «zilc parχis» был,
marunuχ spurana
принадлежавший к maru (коллегии «маронов») (как) городской
cepen tenu
жрец правил [?]
avils maχs semφalχls lupu
лет семидесяти пяти [?] умер»,
то есть: «Арнт Хуркле, сын Ларта и Певтии; был «zilc parchis» с полномочиями жреца городских «маронов»; умер 75 [?] лет».

Здесь мы встречаем различные должностные титулы, точное содержание которых в смысле выражаемых ими общественных функций определить, естественно, невозможно. Самой пространной из погребальных биографических надписей является уже упоминавшаяся эпитафия на саркофаге Ларта Пулены (CIE 5430). Она начинается с подробной родословной, доходящей до прадеда, и перечисляет должности и религиозные заслуги этого выдающегося лица. Но текст, к сожалению, все еще далек от ясности, за исключением вступительной формулировки и нескольких отдельных слов и выражений. Пулена, вероятно, был автором книг о гаруспицине (ziχ neϑśrac acasce), занимал высокую государственную должность в своем родном городе Тарквиниях (creals Tarχnalϑ spureni lucairce) и был как-то связан с культом божеств Гермеса, Catha, Pacha (Вакха) и Culsu.

В некоторых надписях говорится о погребениях вообще, их владельцах, об их основании, оснащении утварью и т. п. Мемориальный их характер подчеркивается наличием датировки, выраженной именем высшего городского магистрата или магистратов, по которым обозначались годы, как, например, в Тарквиниях: z(i)lci Vel(u)s Hulχniesi ... = «при 'зилке' Веле Гульхние ...» (CIE 5388). Одна из наиболее пространных и полных надписей этого типа высечена над одной из двух боковых ниш в гипогее в Сан-Манно, близ Перуджи (CIE 4116), из которой для примера мы приводим здесь первую часть:
cehen suϑi hinϑiu ϑueś
«Это погребение (=местонахождение, locus) здесь внизу [?]каждым
sianś etve ϑaure lautneścle
(или: каждому) умершему [?] в [?] гробнице семьи [11] имело
caresri auleś larϑial precuϑuraśi
быть построенным[?] для Авла (и) Ларта, принадлежащим к Преку,
larϑialisvle cestnal clenaraśi
Ларта (и) Кестнеи сыновьям», то есть:
«индивидуальные погребения, устроенные в фамильной усыпальнице (иначе говоря, боковые ниши), предназначены для Авла и Ларта Преку, сыновей Ларта и Кестнеи». Далее следует упоминание о расположении (heczri) урн (murzua) и другой утвари.

К области религии относятся прежде всего вотивные надписи. Очень часто они обнаруживаются на архаических сосудах и строятся по классической формуле (Цере, Notizie Scavi, 1937, стр. 388):

mini muluvanice Mamarce Velχanas

«меня посвятил Мамарк Велхана».

В них находим многочисленные формы и варианты «перфекта» глагола mul- = греч. ἀνατίθημι. Наряду с этим встречаются другие глаголы с близкими значениями, такие, как tur-, al- «давать, подносить». Более пространные архаические надписи на сосудах, как правило, крайне неясны среди прочих причин также из-за трудностей их расчленения на отдельные слова. Помимо вотивных надписей, речь могла бы также идти о надписях любовного или иного содержания, как в архаических греческих, латинских, фалискских граффити. Особого внимания заслуживает ставшая недавно известной надпись, расположенная в виде спирали на узкогорлом сосуде типа 'буккеро', в которой трижды повторяется имя богини Туран, то есть Афродиты [21]. Легче поддаются интерпретации новоэтрусские посвящения на статуэтках и различных других предметах, в которых, кроме имени посвятителя, часто встречается имя божества, которому предназначается приношение. Вот один пример (на бронзовой статуэтке, CIE 2403):

ecn turce Larϑi Leϑanei alpnu Selvansl Canzate

«Это дала Ларта Летане как дар Сильвану» (+эпитет божества по месту его культа?).

От обычных посвящений отличаются по форме и содержанию две надписи на золотых пластинках (одна более пространная, а другая — более краткая), найденные в святилище в Пиргах вместе с аналогичной пунической надписью, соответствующей более пространной этрусской. В них сообщается об учреждении (turuce) Тефарием Велианой культового места — вероятно, храма (tmia) — и других сакральных действиях в честь богини Uni, отождествляемой с финикийской Астартой (Unial Astres). Дарователь в пуническом тексте назван «царем над Кисри» (то есть Цере); культовое место он учреждает в благодарность за покровительство, оказанное богиней. Кроме того, упоминаются религиозные обряды, которые совершались или должны были ежегодно совершаться в храме (vacal tmial avilχval amuce) [22].

Весьма интересный сакральный документ содержится на свинцовой пластинке линзообразной формы, найденной в Мальяно и исписанной по спирали на обеих сторонах (CIE 5237).

---

[21] «Studi Etruschi», XXVIII, 1960, стр. 479 и сл.

[22] Ср. «Archeologia Classica», XVI, 1964, стр. 49 и сл.; особенно стр. 76 и сл.

Имена божеств (Cauϑas, Aiseras, Mariśl, Calus, Tins) чередуются здесь с указаниями о погребальных приношениях. Несмотря на усилия Торпа и Тромбетти, пока что нельзя предложить даже частичного ее перевода. Другие свинцовые таблички с надписями представляют, вне сомнения, заклинания или проклятия (tabellae defixionum). Наиболее значительная из них, найденная в Монте Питти, вблизи Популонии (CIE 5211), содержит проклятие некой вольноотпущенницы по адресу ряда лиц, отчасти родственных между собой. Документы такого рода широко известны в греческом и римском мире. Напротив, совершенно своеобразна бронзовая модель печени из Пьяченцы [12], содержащая имена божеств, большей частью сокращенные, вписанные в соответствующие ячейки, и предназначавшаяся, по-видимому, для использования гаруспиками...

Главные усилия в дешифровке этрусского языка, естественно, концентрировались на самом пространном из сохранившихся текстов — Загребском liber linteus, который благодаря хорошему изданию, однотипности письма с систематическим словоразделом, позднему характеру языка и частому повторению слов и целых формул представляет наиболее благоприятные возможности для интерпретации. Уже ранее с некоторым успехом изучавшийся Латтесом, Торпом, Розенбергом и Тромбетти, этот текст на пеленах мумии в последнее время стал объектом многократных и все более углубленных исследований Рунеса, Кортсена, Ольцши, Феттера, Пфиффига и автора этих строк [23].

Предположение, что в нем содержался погребальный ритуал, имевший какое-то отношение к Египту и к самой мумии, обернутой кусками полотна книги, в настоящее время решительно отбрасывается в пользу того взгляда, что он представляет собой перечень предписаний, которые касаются церемоний, носящих отчасти публичный характер и регулируемых религиозным календарем. Важнейшая часть текста состоит из последовательного ряда ритуалов, повторяющихся с незначительными видоизменениями по крайней мере четыре раза: в честь «божеств» (eiser śi-c śeu-c), бога in crapśti и Нептуна. Как и в Игувинских таблицах, жертвоприношения совершаются от имени религиозных учреждений (святилища) или институтов политического характера (город или народ?), обозначаемых словами śacnicleri cilϑl śpureri meϑlumeri-c enaś. Почести другим божествам (Velϑa, Tin, Culsu, Uni) воздавались в обрядах, более или менее конспективно изла-

[23] Ср. «Studi Etruschi», VI и сл.; E. V e t t e r, Etruskische Wortdeutungen, I, 1937; K. O l z s c h a, Interpretation der Agramer Mumienbinde, 1939; «Glotta», XXXI, 1948, стр. 105 и сл.; XXXII, 1953, стр. 283 и сл.; «Tyrrhenica», 1957, стр. 122 и сл.; «Aegyptus», 1959, стр. 340 и сл.; A. J. P f i f f i g, Studien zu den Agramer Mumienbinden, в «Denkschr. Osterreich. Akad. d. Wissensch., phil.-hist. Kl.», Bd. 81, Wien, 1963.

гаемых в менее значительных абзацах. Каждому абзацу, вероятно, предшествует обозначение дня и месяца, например eslem zaϑrumiś acale = «восемнадцатого (числа), месяца acale (июня)». Некоторые из повторяющихся в тексте слов поддаются достаточно надежному и точному пониманию (например: vinum «вино», ais, eis «бог», fler «жертва, приношение», tur «дай» и др.). В других угадывается лишь общий смысл, и едва ли можно без колебаний предложить их достоверный перевод (например: zeri, vacl, faśe, eśvi, zuśleva = религиозные обряды, посвящения; farϑan, nunϑen, ϑezin, tul = глаголы культового содержания). Наконец, относительно смысла многих других слов у ученых все еще немало сомнений и разногласий.

Наиболее действенное средство, приближающее нас к полному разъяснению текста, состоит и здесь в попытках выделения синтаксических единиц, соответствующих законченным фразам, и, насколько это возможно, идентификации важнейших элементов таких фраз: подлежащего, глагольного или именного сказуемого и дополнений. Известную помощь в достижении этого оказывает отождествление союзных элементов (таких, как энклитические частицы -c и -um и, по-видимому, слово etnam), а особенно распознавание именных и глагольных форм и определение синтаксических функций некоторых суффиксов. Не всегда оказывается или представляется возможным достичь удовлетворительных результатов, но в наиболее благоприятных случаях структура этрусского текста вскрывается в виде сети синтаксических отношений, где недостает лишь конкретного семантического содержания отдельных слов. Так, в фразе cis-um pute tul ϑansur haϑrϑi repinϑi-c можно распознать в tul глагол в императиве, ϑansur определить как объект, выраженный существительным во множественном числе, а haϑrϑi repinϑi-c — как дополнение в локативе или инструментализе, выраженное двумя существительными, по всей вероятности, во множественном числе, имеющими одно и то же окончание -ϑi и соединенными энклитической связкой -c; но смысл отдельных слов остается скрытым. Только в немногих случаях удается с большей или меньшей вероятностью уловить лексическое содержание и как бы сквозь постепенно рассеивающуюся дымку тумана различить общее значение фразы. Вот некоторые примеры:

1. Кол. VIII, стк. 3. и сл.:

Celi huϑiś zaϑrumiś
„(в месяце) Celi (сентябре), в двадцать шестой [?] (день)
flerχva Neϑunsl
совокупность жертвоприношений богу Нептуну следует
śucri ϑezeri-c ...
объявить (или что-либо подобное) и следует совершить ...“

2. Кол. IX, стк. 6 и сл.:

raχϑ tur heχśϑ vinum trin
„слева [?] дай, помести вино, призови (или ублажи)
flere Neϑunśl un mlaχ nunϑen
бога Нептуна, [?] обет умилостивь жертвой (его)
zuśleve ...
zuślev'a (животное?)..."

3. Кол. XI, стк. 14 и сл.:

cntnam ϑesan fler Veiveś ϑezeri
„и в то же утро жертву для Veive следует совершить
etnam ais(na) iχ huϑis
и, кроме того, богослужение ... как в двадцать
zaϑrumiś ...
шестое [?] (число) ..."

Приведенные отрывки с их осторожным и лишь частичным истолкованием дают достаточное представление как о достигнутом прогрессе, так и об ограниченных возможностях интерпретации этрусских текстов,— интерпретации, которая подвигается хотя и медленно, но неуклонно, в соответствии с принятыми ныне критериями, разделяемыми наиболее авторитетными специалистами [13].

По соображениям, уже отмеченным выше, наши знания этрусской лексики ограничены и сводятся преимущественно к словам из области религии и погребальных обрядов, терминам родственных отношений, общественно-политической терминологии, некоторым обозначениям времени и очень немногим другим общим понятиям. В добавление к изложенному ниже приводим алфавитный перечень тех этрусских слов, значения которых можно считать надежными или вероятными. В него не вошли собственные имена лиц, божеств и наименования местностей [14].

acale — название месяца — «июнь»;
acas (-a, -ce, -ri) «делать, предлагать, жертвовать»?; acazr — предметы, оставляемые в гробнице;
avil (-s, -ś) «год, годы»; avilχva(-l) «ежегодный, годовщина»?;
aϑre — здание или его часть (= лат. atrium?);
ais (мн. ч. ais-er, -eras, -eraś), eis (-er, -eras, -eraś) «бог»; aisna, eisna «божественный; богослужение»;
al (-e, -ce, -ice, -qu, -iqu, -χu) «давать, даровать»; alpan, alpnu «дар»;
am- (-a, -e, -(u)ce) «быть»;
an, anc, ananc, ancn — местоимения (относительные?);
apa, aφe- (-aφe-s, -rs, afrs) «отец»?, «предки, родители»;
aska (из греч. ἀσκός)— наименование сосуда;
ati, atiu, ativu (atis?) «мать»; ati nacn(v)a «бабка»?;
-c — энклитическая связка (= лат. -que);

ca (cn, cś, ces, cal, cla, cei, calti, clϑi), eca (ecn, ecs, eclϑi), ica — указательное местоимение или прилагательное «этот»; употребляется также энклитически со значением определенного артикля (-ca, -cn, -cś, -cla, -cleri); составные формы: cehen, catica, ceiϑi(m), cnticnϑ?;

camϑi — должностной титул; canϑ- (-e, -ce) — глагол, указывающий на выполнение должностных функций camϑi;

cape, capi (cape-r, -ri) — наименование сосуда;

car- (-u, -esri), cer- (-en, -ine, -iχu, -(i)χun-ce) «строить»;

cezp — числительное «восемь» [?];cezpalχ(-als) «восемьдесят» [?]; cezpz «восемь [?] раз»;

cep-ta (-ar), cepen, cipen (cepen-e) — жреческий титул;

ces-, ceś (-u, -eϑce) «класть; быть положенным, покоиться»;

ceχa (ceχe) — обозначение священнодействия, «обряд, ритуал» или «право» [??]; ceχase — наименование магистратной или жреческой должности; ceχasieϑur «принадлежащий к коллегии ceχase»;

cver, cvil «дар»; так же как энклитика в комплексах tins-cvil, tinś-cvil «дар богу Тин» [15] или, возможно, вообще «вотивный дар»;

ci (-s, -ś) числительное «три»; cialχ-, cealχ- (-us, -ś, -ls) «тридцать»; ciz, citz, cizi «трижды»;

clan (clen, clen-s, clen-si; мн. ч. clen-ar, clinii-aras, clen-araśi) «сын»;

cletram — предмет для переноски жертвенных даров (= умбрск. kletra);

cleva «жертвенный дар»;

culiχna, χuliχna (из греч. κύλιχνος) — наименование сосуда;

cupe (из греч. κύπη, лат. cupa) — наименование сосуда — «чаша»;

elu-, ilu- (elu-ce, -ri, ilu-cu, -cve, ila-cve?) — глагол, обозначающий жертвоприношение или молитву;

-em — энклитическая частица, употребляемая при числительных и выражающая вычитание «от»;

etera, eteri (etera-ś, eter-ś, eterai(a)s) — обозначение социальной группы или класса — «клиент, раб, слуга» [?] [16]; zilaϑ eterav, camϑi eterau — магистратные должности, связанные с etera;

etnam — соединительный союз «и, также»; энклитически -tnam;

vacl, vacal, vacil — священнодействие («возлияние»?);

vinum «вино» (= лат. vinum);

zal, zel-, zl, es(a)l- (esal-s) — числительное «два»; zaϑrum, zaϑrm- (-s, -is, -iś) «двадцать»; eslz «дважды»;

ziva- (-s, -ś) «умерший» [?];

zic-, ziχ- (ziχ-u, -ne, -uχe, -unce) «писать»; ziχ «книга» [?];

zil, zili, zilc, zilχ, zilac- (-al), zilaϑ «магистрат»; также особая

магистратная должность (= лат. praetor?) [17]; zilχ-, zilaχ- (zilχ-nu, -nce, zilaχ-nu, -nve, -nce, -nuce, -nϑaś) — глагол, обозначающий исполнение функций магистрата;

zusle (zusle-i), zusleva — жертвенный дар, жертвенное животное [?];

hec-, heχ- (hec-i, -ia, -e, -ce, -z-ri, heχ-z, -śϑ) «ставить, класть, добавлять» или что-либо подобное;

hermi- — наименование месяца — «август»;

hinϑa, hinϑu, hinϑia, hinϑie, hinϑϑin—обозначение места [?], особ. в смысле потустороннего мира; hinϑial «душа, тень, призрак»;

hiuls «сова»;

huϑ (-s, -iś) — числительное «шесть» или «четыре» [?]; составные или производные формы: huϑte, huϑizars?, huteri;

hus-, huś- (мн. ч. hus-ur, huś-ur, -iur) «сын, мальчик»;

ϑam- (-ce-, -uce) «ставить, устанавливать», «основывать» [?];

ϑaur-, ϑaura (ϑaur-uś, ϑaure) «могила, погребение»; ϑaurχ «могильный»; cepen ϑaurχ — жреческая должность, связанная с погребальным культом;

ϑez-, tez? (ϑez-i, -in, -ine,-ince, -eri) «совершать» (посвящение или жертвоприношение);

ϑesan (ϑesn-s, ϑesan-e) «утро, день» (также имя божества: Тезан, Аврора); производное прилагательное ϑesnin;

ϑu, ϑun (ϑue-ś?, ϑun-s, -i?, -t?) — числительное «один», также «только» [?]; ϑunz «однажды»;

ϑui — наречие «здесь, тут»;

ic, iχ — соединительная или адвербиальная частица: «как, и»; в сочленении iχnac — «так как»;

in, inc, ininc — местоименная (относительная?) частица;

ipa (-s, ipe, -i) — относительное местоимение?;

lautn, lavtn, lautun-, lavtun, lavutn (lautn-es, -eś-cle) «семья, род»; lautni, lavtni, lautuni, lavtuni (lautuni-ś) «принадлежащий к семье, роду» и как субстантивированная форма — «вольноотпущенник»; lautnita, lavtniϑa, lavtnita «вольноотпущенница»; в сочленении lautn-eteri — «вольноотпущенник, клиент» [?] [18];

lauc-, luc-, *lauχum-, luχum- (lucumo) — вероятно, «царь»; lauχumna- (lauχumne-ti) «царский дворец» [?]; lucair- (-ce) — глагол, выражающий осуществление власти;

lein- (-e) «умирать» [?];

leu «лев, львица»;

leχtumuza (из греч. λήκυθος) — сосуд («небольшой лекиф»);

lupu- (-ce, lupv-enas?) «умирать»;

-m, -um — соединительная частица;

mac, maχ (maχ-s) — числительное «пять» [?];

macstrev — должностной титул (= лат. magister; ср. имя Macstrna);

man, mani, manim (man-ϑ, manim-eri) «умершие, маны» [?] (= лат. Manes); manin- (-ce) — глагол, обозначающий жертву манам[?];

maru — должностной титул (= лат. maro, умбрск. maron-); родственные и производные формы: marnu, marniu, marunu, marunuχ, maruχva, marunuχva; zilaϑ maruχva, zilc marunuχva, marunuχva cepen и др.— магистратуры; maru- (marv-as) — глагол, выражающий осуществление соответствующих должностных функций;

masn, masan — название месяца — «декабрь»[?];

matam, matan — наречие «вверху» или «прежде»[?];

meϑlum (-eś, -eri, -ϑ, -t) — обозначение территории или института: «народ, страна»[?] (лат. nomen);

men- (-a, -e, -u, -ece, -aχe, -aś) — глагол со значением жертвования;

meχ, meχl — в выражении meχl rasnal, meχl(um) rasneas употреблено для обозначения Этрурии или союза этрусских «народов» [19];

mi, me- (mi-ni, -ne, -na, me-ne) — местоимение 1-го л. «я, меня»; сочлененные или производные формы — mipi, minpi?;

mlac, mlak-, mlaχ-, mlaχ-ta (-a, -as, -e) «священное приношение, вотивный дар» (из mulaχ?; см. mul-);

mul- (-a, -i, -u, -une, -veni, -enike, -vanice, -veneke, -vunuke, -uvanice и др.) «посвящать, жертвовать» (= греч. ἀνατίθημι);

mun, muni- (в производных формах — municlet, municleϑ, munϑ, munisuleϑ, munisvleϑ) «местонахождение» (= лат. locus), «подземное помещение, гробница [?]» (= лат. mundus?);

murs (murś-l, -ś) «урна, саркофаг»; murzua «урны»;

mutana, mutna (mutne, mutnia-ϑi) «саркофаг»;

nac — наречие «так», «тогда»;

nap- (nap-ti, nap-er) — мера (ср. лат. napurae);

nes-, neś- (-l, neś-s) «умерший»; производные nesna, nesiϑvas;

netśvis, netsviś «гаруспик»; neϑśrac «относящийся к гаруспику»; ziχ neϑśrac, вероятно, = liber haruspicinus;

nefts, nefś, nefiś «внук» (= лат. nepos);

nunϑ (-en, -ene, -enϑ, -eri) «жертвовать» или «совершать (определенное приношение)»;

nurφ- — числительное [20]; nurφzi — наречие: «?-раз»;

papa «отец»[?] или «дед»[?]; papacs?, papals (papals-er) — другие обозначения родства, но со значением «внук»[?];

par, parniχ, parχis — обозначения, касающиеся социальных состояний или должностей (= лат. par?); zilc parχis, zilaϑ parχis — магистратура;

paχaϑur-(-as) «принадлежащий к служителям Вакха»;

penϑna, penϑuna «надмогильная колонка, камень»[?];

pi, pul, epl — предлог или послелог со значением «из, в, для» [?];
prumts, prumaϑs, prumste «правнук» (лат. pronepos);
pruχ- (-ś), pruχum (из греч. πρόχους) — название сосуда; также prucuna — вариант или производное;
pui, puia (pui-l, puiian) «жена»;
purϑ, pruϑ, puruϑn?, purat(um), purϑne, eprϑne — магистратный титул (с греч. πρύτανις?); родственные или производные формы eprϑieva, eprϑnev, purtśvana, purϑsvavcti обозначают облеченного титулом магистрата;
putere, putiza (с греч. ποτήρ) — наименование сосуда;
qutun, qutum (из греч. κώθων) — наименование сосуда;
rasna, raśna (raśne, rasna-s, rasnea-s, rasna-l, raśne-ś, raśna-l); ср. 'Ρασέννα «этруски»; возможно, также в смысле «populus»;
ril «в возрасте ...»;
rumaχ «римлянин» (от Ruma- «Рим»);
sa, śa (sa-ś, śa-s) — числительное «четыре» или «шесть» [?]; śealχ- (-ls) «сорок» или «шестьдесят» [?]; śar- (-iś) — родственная форма или же особое числительное («десять»?) с вероятными производными śarvenas, śarśnaus;
sac-, śac- (sac-a, -ri) — глагол со значением культового действия или состояния; sacni, śacni-tn (-cla, -tle, -cleri, -cśtreś) —место или предмет культового характера: «святилище» [?];
sec, śec, seχ, śeχ (śeχ-is, -iś) «дочь»;
semφ- (-ś) — числительное «семь» [?]; semφalχ- (-ls) «семьдесят» [?];
sval- (-ce, -as, -asi, -ϑas) «жить»;
snenaϑ «служанка»;
sren «рисунок» [?]; śrencve, śrenχve «изображенный; украшенный» [?];
spet- (-ri) — глагол со значением культового действия: «совершать возлияние» [?] (греч. σπένδω?);
spur-, śpur- (-al, spur-eϑi, śpur-eri, -es-treś) «город»; spurana, spureni «городской, из города»;
suplu (ср. лат. subulo) «флейтист»;
śuti, suϑi, śuϑi (suϑi-ś, śuϑi-ti, suϑi-ϑ) с вариантами или производными śuϑu, suϑil «местонахождение, гробница»; śuϑina, śutina, śutna «относящийся к погребению, погребальный»;
ta (tn, ϑn, tei, teis, teiś), ita (itan, itun) — указательное местоимение или прилагательное «этот» (ср. eϑ, eiϑ, eϑl?); употребляется также энклитически со значением определенного артикля (-ta, -tn, -tś, -tla, -tle, -tra, -treś);
tamera, tameru (tamere-s-ca) — должностной титул; tamiaϑur- (-as) — коллегия; tesinϑ tamiaϑuras «попечитель коллегии tamia»;
tanasa-, ϑanasa (tanasa-r) «актер (histrio)» или участник ритуального обряда;

tev-, tv-, (tva) «показывать, видеть»[?]; tevaraϑ «посредник, судья»[?];
ten- (-u, -ve, -ine, -ϑas, -ϑaś) «исполнять обязанности» в смысле: занимать должность;
teś- (-amsa) «заботиться»?; tesinϑ «попечитель»;
tin- (-ś, -śi) «день»;
tiu-, tiv-, tivr (tiiurs-ś, tivr-s) «луна, месяц»;
tmia(-l) — посвященное место или строение: «храм»[?];
trin(-ϑ, -ϑaśa) —глагол со значением культового действия, посвящения или молитвы: «умилостивлять, призывать»[?];
trut, truϑ (tritanaśa?) — глагол со значением культового действия; возможно, связан с trutnuϑ, trutnvt, титулом жреца-предсказателя: «толкователь молний» (trutnvt frontac?); trutvecie;
tuϑi, tuti-, вероятно, «община, государство» (из умбрск. tuta?); варианты или производные tutin, tutim, tuϑin; tuϑina- (tuϑineś) «государственный, публичный»[?];
tular, tularu «граница»;
tur- (-a, -e, -i, -u, -une, -ce, -ice, -uce, -unke) «давать»; turza (-i, -is) «жертвенное воздаяние»;
tuśurϑii, tusurϑir «супруги»;
usil (-s) «солнце» и божество солнца; производные usli, uslane;
φersu «маска; лицо в маске» (= лат. perso-na);
favi- (-ti), favin «подземное помещение храма; яма»[?] (лат. favisa);
fanu — культовое место[?] (= лат. fanum?); fan- (-uśe, -uśei, -iri)— глагольные формы: «посвящать»[?];
faśe (-i, -is, -iś) — род жертвоприношения; производные: fasle; faśena — обозначение сосуда;
fler(-ś) «жертва, жертвенный дар»; flere(-s, -ś, -ri) «божество, изображение, статуя божества»;
flerχva (flerχve) — обряд жертвоприношения божеству (fler) или совокупность жертвенных воздаяний; flerϑrce — производная глагольная форма;
frontac «толкователь молний»[?] (из греч. βροντή, в титуле trutnvt frontac) или же этноним (по наименованию города Ferentum?).

КОММЕНТАРИЙ

К стр. 349.

[1]. M. P a l l o t t i n o, Etruscologia, изд. 5-е, Milano, 1963, главы XI—XII, стр. 355—419. Учтены также поправки и дополнения, внесенные автором в позднейшее немецкое издание: M. P a l l o t t i n o, Die Etrusker, Frankfurt am Main — Hamburg, 1965. Перевод сделан с небольшими сокращениями.

К стр. 350.

[2]. До настоящего времени раскопки проводились почти исключительно в могильниках, богатых погребальной утварью, среди которой нередки изделия высокой художественной ценности. Это — наиболее легкий, результативный и экономически выгодный вид исследований. Последнее обстоятельство имеет немаловажное значение, поскольку многие раскопки в Италии осуществляются промышленно-коммерческим предприятием «Fondazione Lerici», существующим на доходы от реализации определенной части своей «продукции». Территории же прежних этрусских поселений, где заступ археолога вскрывает лишь остатки древних строений, раскапываются только спорадически, а некоторые и доныне остаются почти необследованными. Между тем, именно там имеется наибольшая вероятность обнаружения крупных надписей непогребального назначения, в том числе и двуязычных памятников. Такие надписи, несомненно, выставлялись на площадях и в других общественных местах этрусских городов в тот более чем трехвековой период, когда после утраты независимости этих городов, превращенных в союзные Риму общины, этруски жили бок о бок с римлянами, и наряду с этрусским языком, еще остававшимся основным средством общения, там все чаще звучала латинская речь. Об этом свидетельствуют, между прочим, находки в этрусских погребениях III—II вв. до н. э. отдельных двуязычных этрусско-латинских эпитафий, состоящих, правда, почти из одних собственных имен.

К стр. 354.

[3]. Через предполагаемую этрусскую форму *cruma.

[4]. Эта формула как регулярное образование встречается исключительно у народностей Италийского полуострова (этрусков, латинян и умбро-сабелльских племен).

К стр. 355.

[5]. Формы имен, принадлежащие к общему этрусско-италийскому фонду, восходят частью к этрусским, частью же к латинским и умбро-сабелльским корням, но с известным преобладанием корней этрусских. Обстоятельства возникновения этой общности остаются невыясненными.

К стр. 356.

[6]. Сохранились упоминания о существовании у этрусков культовых книг, так называемых libri haruspicini, libri fulgurales и libri rituales. В I в. до н. э. они были переведены на латинский язык и комментированы. Одним из переводчиков был Тарквитий Приск, сам выходец из этрусского рода (Macr., Sat. III, 7, 3). От этих переводов дошли до нас лишь ничтожные фрагменты у Арнобия, Сенеки, Корнелия Лабеона (в передаче Сервия) и, возможно, у Плиния Старшего.

К стр. 359.

[7]. Имеются в виду методы лингвистической географии, в приложении которых к исследованию этрусского языка некоторые успехи достигнуты, например, М. Бартоли.

К стр. 361.

[8]. Употребление его ограничивалось архаическими надписями Южной Этрурии.

К стр. 364.

[9]. CII 2403 (= TLE 55). См. также G. B u o n a m i c i, Epigrafia etrusca, Firenze, 1932, табл. 2.

К стр. 366.

[9а]. [В ряде архаических языков эргативного (по И. И. Мещанинову, И. М. Дьяконову и др.), или активного, строя (по Г. А. Климову), — например, в древней Передней и Малой Азии в шумерском, хурритском, урартском и других языках,— подлежащее действия имело специальный показатель косвенного падежа (-е в шумерском, -še в урартском, -š в хурритском), но подлежащее состояния и прямой объект действия не имели никакого показателя; в некоторых из подобных языков (например, в хурритском, эламском) непереходное или пассивное подлежащее оформлялось как имя. В хурритском известно также явление «редетерминации» падежных показателей. См. I. M. D i a k o n o f f, Hurrisch und Urartäisch, München, 1972. Видимо, типологически этрусский был сходен с этими языками. К сожалению, это еще ничего не говорит о его происхождении и генетическом родстве. — *Прим. ред.*]

К стр. 368.

[10]. Некоторые исследователи считают, что этр. maχ значило «четыре» (например E. H a m p, в «Glotta», XXXVII, 1958, стр. 311—312; А. И. Х а р с е к и н, в ВДИ, 1964, № 2, стр. 48—61). В этом случае huϑ могло означать «пять», а śa — «шесть».

К стр. 371.

[11]. Точнее следовало бы перевести «в гробнице семьи этой», учитывая наличие энклитического указательного местоимения -cle в lautneś-cle, хотя последнее и могло быть сведено до значения, близкого к определенному члену.

К стр. 373.

[12]. TLE 719 = G. B u o n a m i c i, Epigrafia etrusca, Firenze, 1932, табл. 41.

К стр. 375.

[13]. Наиболее затруднительной оказалась интерпретация надписей на перузинской колонке (TLE 570) и капуанской стеле (TLE 2). Содержание первой стало в конце концов предметом коллективного анализа во время «Этрусской недели» в 1936 г. В обсуждении участвовали наиболее видные этрускологи, но единство мнений не было достигнуто не только в понимании большинства конкретных слов, но и в вопросе о самом назначении памятника. В результате проведенного голосования восемь лиц высказалось за его юридический характер, а четыре — за культовое назначение. Несомненно лишь то, что в надписи говорится о представителях двух знатных семейств Velthina и Afuna, имеющих какое-то отношение к гробнице (ϑaura), владениям (acnina) и границам (tularu). Можно понять и другие, отдельно взятые слова: naper (единица измерения), rasne «этрусский», turune «дал» или «данный», ziχuχe «написал». Поэтому, возможно, что речь идет, как полагает М. Паллоттино, об акте купли-продажи или дарования погребального имущества, аналогичном iura sepulcrorum некоторых латинских надписей.

Еще менее ясен смысл капуанского памятника. Можно думать о его связи с обрядами в честь хтонических божеств, поскольку в тексте содержатся имена

божеств Calu, Leθam, Aφe-, Larun, хотя упоминаются также Tinia «Юпитер» и Uni «Юнона». Как и в книге Загребской мумии, исполнение этих обрядов связывается с определенными числами религиозного календаря.

[14]. Словарь приводится с некоторыми сокращениями: в него не вошли слова, смысл которых все еще недостаточно ясен. Исключены также некоторые сомнительные производные. С другой стороны, он пополнен новыми лексическими материалами, содержащимися в надписях из Пирг (по немецкому изданию книги М. Паллоттино).

К стр. 376.

[15]. То есть Юпитеру.

[16]. На основании имеющихся документальных материалов (см. А. И. Харсекин, Этрусские надписи как исторический источник. Автореферат кандидатской диссертации, Воронеж, 1967, стр. 16—17) представляется возможным уточнить значение данного слова. Оно, вероятно, соответствовало греч. πενέσται, которое встречается у Дионисия Галикарнасского (Dion. Hal., IX, 5, 4) и применялось для обозначения лиц, принадлежавших к коренному сельскому населению страны, зависимому от этрусской аристократии.

К стр. 377.

[17]. Точнее: высший республиканский магистрат, сменивший прежних царей.

[18]. Положение lautni, о чем свидетельствуют исследования К. Паули, С. Кортсена и Т. Франкфорта, не вполне соответствовало положению римских вольноотпущенников, поскольку далеко не всегда предполагало прежнее рабское состояние. В ряде случаев этим термином обозначаются попавшие в зависимость и вошедшие в род своего нового господина прежние свободные граждане. Их отождествление с римскими клиентами также может быть только относительным. Термин же lautn eteri применялся, очевидно, к тем лицам из числа lautni, которые вышли из сословия etera.

К стр. 378.

[19]. Также meχ θuta, представленное в надписи из Пирг (текст А), вероятно, в значении должностного титула, соответствующего италийскому meddix tuticus или римскому magister populi (букв.: «начальник народа»).

[20]. Вероятно, «девять»?

А. И. Харсекин

НУМИДИЙСКОЕ (ВОСТОЧНОЛИВИЙСКОЕ) ПИСЬМО СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

В 1631 г. провансалец Тома д'Аркос, путешествуя по Тунису, приехал в город Дугга (носивший в римские времена название Thugga). Осматривая мавзолей античных времен, он обнаружил на стене древнюю надпись (см. рис. на стр. 388). Надпись состояла из двух половин, по семь горизонтальных строк каждая, и была записана явно двумя разными алфавитами. Левые семь строк были написаны пуническими буквами и на пуническом языке — языке древнего Карфагена. Пунический язык, как известно, — позднейшая стадия финикийского и находится в близком родстве с другими семитскими языками, особенно с древнееврейским. Поэтому чтение и интерпретация пунических надписей — задача не трудная.

Правая же часть была написана на неизвестном языке. На каком языке могла быть написана в античное время (во времена Карфагена) надпись в Тунисе? Поскольку эпитафия не пуническая, не латинская и не греческая, остается предположить, что перед нами письмо местного населения Северной Африки.

Какой же народ можно считать автохтонами в Тунисе? В наши дни Северная Африка к западу от Египта заселена арабами и берберами. Арабы, как известно, пришли сюда в VII—XI вв. н. э. Исконное население Магриба — это берберы. Сейчас бербероязычное население живет островками и более крупными массивами на громадном пространстве от Атлантического побережья до западных районов Египта и от берегов Средиземного моря до Сенегала и Мали. Берберы (туареги и др.) заселяют большую часть Сахары. Языки берберов находятся между собой в близком родстве и генетически связаны с семитскими языками, египетским, кушитскими (языками сомалийцев и исконного населения Эфиопии) и чадскими (хауса и др. языки Северной Нигерии и Северного Камеруна). Все эти языки вместе составляют афразийскую (семитохамитскую) языковую семью.

Итак, естественно предполагать, что исконными языками Северной Африки являются берберские. Следовательно, можно ожидать, что эпитафия из Дугги написана по-древнеберберски. Такое предположение оставалось недоказанным до тех пор, пока надпись из Дугги не была прочтена и понята.

Обычно язык древних жителей Северной Африки в соответствии с традицией называют ливийским — от античного наименования североафриканцев: греч. Λίβυες, лат. Libyes «ливийцы».

Со временем количество обнаруженных ливийских надписей росло. В 1840—1868 гг. было найдено около 20 надписей, в 70—80-е гг. XIX в. французский исследователь Ребу собрал и опубликовал свыше 300 надписей. В настоящее время, в особенности благодаря находкам Ж.-Б. Шабо, число найденных надписей перевалило за тысячу [1]. К сожалению, в основном это одноязычные надгробные надписи, составленные небрежно, очень краткие и состоящие чаще всего из имен собственных и немногих стереотипных формул. Найдено два десятка двуязычных надписей — пуническо-ливийских и латинско-ливийских, но и они почти все краткие и, кроме имен собственных, содержат немного лингвистического материала. В латинско-ливийских надписях к тому же нет буквального смыслового соответствия двух версий: латинской и ливийской. Это связано с разными культурно-языковыми традициями римлян и ливийцев: по римским канонам в эпитафии полагалось указывать возраст усопшего (vixit annos XXX «прожил 30 лет»), а у ливийцев были иные формулы, например, указывались титулы.

Наиболее обширной и ценной билингвой оставалась вплоть до начала XX в. та первая надпись, которую в XVII в. нашел Тома д'Аркос (далее именуется RIL 1). В 1904 г. в той же Дугге археологами была обнаружена еще более ценная, хорошо сохранившаяся билингва — посвящение на стене храма (RIL 2). Этой надписи посвящена публикуемая здесь часть книги Ж. Марси «Ливийские двуязычные надписи Северной Африки».

Шрифт обеих билингв из Дугги (так наз. «монументальный стиль») отличается от шрифта большинства кратких надгробных надписей («стиль эпитафий»). В монументальных надписях строки горизонтальные, читаются справа налево; расположение строк в тексте — сверху вниз. Надгробные же надписи имеют обычно вертикальные строки, читающиеся снизу вверх. Кроме билингв, найдено еще несколько надписей монументального стиля (RIL 3—11).

Исследователи различают две разновидности ливийского алфавита: одну — на территории древней Нумидии (Тунис, часть Алжира), другую — в более западных районах (древняя Мавритания). Мавританское письмо остается пока недешифрованным. Все работы, публикуемые здесь, посвящены нумидийской разновидности ливийского письма, к которой принадлежат и обе билингвы из Дугги.

---

[1] J.-B. Chabot, Recueil des inscriptions libyques, Paris, 1940 (далее сокращенно — RIL).

Перед исследователями, которые занимались дешифровкой нумидийского письма, открывались две возможности:

1) обратиться к алфавиту тифинаг, которым до наших дней пользуются берберы в Сахаре и который явно восходит к какой-то разновидности древнеливийского письма, или к иному предположительно родственному алфавиту;

2) основываться на анализе билингв.

Однако первый путь, пригодный лишь при полной или почти полной идентичности алфавитов, здесь не мог привести к успеху. Чтобы понять причины этого, достаточно попытаться расшифровать греческое или русское письмо с помощью латинского: неизбежно *чепуха* превратится в reпyxa. Бесплодными оказались и попытки читать ливийские буквы, опираясь на внешнее сходство с финикийскими (Ж. Галеви). Единственно продуктивным был путь внутреннего анализа самих ливийских надписей, в особенности сопоставление имен собственных в пунической и ливийской версиях билингв. История дешифровки ливийского письма в XIX в. (Ф. де Соси, Ж. Галеви, А. Летурнё)[2] и в XX в. (К. Мейнгоф [3], Ж. Марси, Ж.-Б. Шабо, О. Рёсслер) показывает, что отклонение от этого пути приводило к ошибкам, а последовательное применение этого метода привело к надежному отождествлению почти всех букв нумидийского алфавита.

В результате сложились условия, когда можно было реально приступить к попыткам языковой интерпретации ливийских текстов. Попытку прочтения всех ливийских двуязычных надписей предпринял в 1936 г. Жорж Марси, отрывок из книги которого публикуется в нашем сборнике. Его работа эклектически сочетает в себе здравые методы (и в этой части выводы его разумны) с неумелыми попытками генетического сопоставления ливийских слов с современными берберскими — на основе плохо разработанной и еще хуже понятой сравнительной фонетики берберских языков.

Ошибки в методике Ж. Марси можно показать на таком примере. Зная, что в некоторых берберских диалектах Сахары обычное общеберберское *z переходит в h, Марси на этом основании допускает, что буква, соответствующая пуническому z в именах собственных, могла в ливийских надписях из Дугги произноситься как h! Для такого вывода нужно было бы показать, что не только современные диалекты некоторых глубинных районов Сахары, но и древний ливийский диалект Тугги (совр. Дугга

---

[2] F. de S a u l c y, Lettre sur l'inscription bilingue de Thougga.— «Journal Asiatique», I, 1843; J. H a l é v y, Études berbères.— «Journal Asiatique», 1874; A. L e t o u r n e u x, Du déchiffrement des inscriptions libyco-berbères.— «Atti del IV Congresso Internazionale degli Orientalisti», t. I, Firenze, 1880.

[3] K. M e i n h o f, Die libyschen Inschriften.— «Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes», Band 19, Abh. I, 1931.

в Тунисе) превращал общеберберское *z в ḥ. Поскольку такая фонетическая закономерность никем не установлена, чтение Марси остается беспочвенным.

Ж. Марси постоянно переносит фонетические отношения современных берберских диалектов в древнеливийский язык. Некоторые примеры этого отмечены в постраничных комментариях.

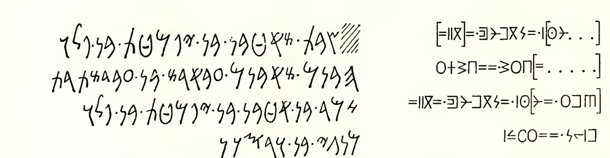
В отношении дешифровки письма самая грубая ошибка Марси — это его чтение точки. В надписях монументального стиля точка служит знаком словораздела. Это с очевидностью явствует из самого элементарного анализа билингв, богатых именами собственными: словораздел в пуническом тексте точно соответствует словоразделу в ливийском. Ж. Марси, однако, усматривает в точке знак гласного *a* [4]. Остается необъясненным: 1) почему точка не встречается в середине слов; 2) почему при столь необычайной частоте слов, которые начинаются либо кончаются на *a*, мы никогда не встречаем двух точек подряд; 3) почему почти никогда в монументальных надписях не встречаются группы слов, не имеющие на границе слов точку. Для объяснения столь частого *a* на границе слов Ж. Марси приходится изобретать разного рода грамматические форманты, состоящие из звука *a* в начале и в конце слов. Искусственность предположения Ж. Марси очевидна, и потому его точку зрения не принял никто.

Однако при всех своих ошибках работа Ж. Марси сохраняет известную ценность как единственная в научной литературе попытка прочтения и толкования всех ливийских билингв. Да и ошибки Ж. Марси сами по себе интересны и поучительны.

[Для удобства читателей приводим сравнительную таблицу чтения ливийских графем (см. стр. 396), прорисовку двух билингв из Тугги (см. стр. 388—389), сопоставление двух вариантов их чтения и перевода (по Ж. Марси и в толковании, которое представляется наиболее правильным; см. стр. 390—395].

---

[4] Здесь Ж. Марси идет вслед за К. Мейнгофом, который в 1931 г. в работе «Die libyschen Inschriften» считал точку знаком' (точнее, знаком нулевого согласного), исходя при этом из внешнего сходства этого знака с современным туарегским знаком·, который используется для обозначения гласного исхода слова (см. A. H a n o t e a u, Essai de grammaire de la langue tamachek, Alger, 1896, стр. 5—6).



Надпись на мавзолее из Тугги (RIL 1)

Пуническо-нумидийская билингва Массиниссы (RIL 2).

ДВУЯЗЫЧНАЯ НАДПИСЬ НА МАВЗОЛЕЕ В ТУГГЕ (RIL 1)

(по *Ж. Марси*)

Пунический текст:

Строка 1. ...ṣbt š-Aṭbn bn Yfmṭt bn Flw
Могила Aṭbn-a, сына Yfmṭt-a, сына Flw-a.
Строка 2. h-bnm š-abnm '...darš bn 'bdštrt
Строители камней: '[b]d-Arš, сын 'bd-Štrt-a;
Строка 3. Zmr bn Aṭbn bn Yfmṭt bn Flw
Zmr, сын Aṭbn-a, сына Yfmṭt-a, сына Flw-a;
Строка 4. Mngy bn Wrskn
Mngy, сын Wrskn-a;
Строка 5. w-bāyrt š-la ...t... Zzy w-Ṭwn w-Wrskn
И (землекопы этого?): ...t... Zzy, и Ṭmn, и Wrskn;
Строка 6. h-ḥ-ršm š-(š)yr Msdl bn Nnfsn w-Ankn b...Ašy
Вот дарователи известняка: Msdl, сын Nnfsn-a, и Ankn, сын Ašy-a;
Строка 7. ħ-nskm š-brzl Šfṭ bn Bll w-Ffy bn Bby.
Дарователи железа: Šft, сын Bll-a, и Ffy, сын Bby-a.

Ливийский текст:

Строка 1. ......n au-Yfmṭt au-...
......n [*Aṭbn], сын Yfmṭt-a, сына... .
Строка 2. ......darš au-W(a)d-Štr,
......darš (*W(a)d-Arš?), сын W(a)d-Štr-a,
Строка 3. ...bn au-Yfmṭt au-Flū,
...bn [*Aṭbn-a], сына Yfmṭt-a, сына Flū,
Строка 4. Mngy au-Wrt̠s̠kn.
Mngy, сын Wrt̠s̠kn-a.
Строка 5. K(e)t̠s̠(a)l(e)n-(i)s : ā-Ẓẓy, ā-Ṭmn, ā-Wrt̠s̠kn;
Его землекопы: Ẓẓy, Ṭmn, Wrt̠s̠kn-a;
Строка 6. (a)-n(e)bb(a)n an-š(e)griy: ā-Msdl au-Nnfsn, ā-Aṇkn au-Šy;
Приносители известняка: Msdl, сын Nnfsn-a, Ankn, сын Šy;
Строка 7. (a)-n(e)b...n an-h_1(o)liy : ā-Šf(o)ṭ au-Bll ā-Ffy au-Bby.
Приносители железа: Š(a)f(o)ṭ, сын Bll-a; Ffy, сын Bby-a.

ДВУЯЗЫЧНАЯ НАДПИСЬ НА МАВЗОЛЕЕ В ТУГГЕ (RIL 1)

(Чтение и перевод, которые представляются наиболее правильными на современном уровне изучения)

Пунический текст:

Строка 1. [bn]ṣbt š'ṭbn bn ypmṭt bn plw
Памятник Атебану сыну Ympṭt-а сына Plw-а.
Строка 2. hbnm š'bnm 'b'rš bn 'bdštrt
Строители камней — 'b'rš сын Абдаштарта,
Строка 3. zmr bn 'ṭbn bn ypmṭt bn plw
Zmr сын Атебана сына Ypmṭt-а сына Plw-а,
Строка 4. mngy bn wrskn
Mngy, сын Wrskn-а.
Строка 5. wb'zrt šl' ...t...* zzy wṭmn wwrskn
И в помощь им (этим) ... ...Zzy, Ṭmn, Wrskn.
Строка 6. hhršm šy(')r msdl bn nnpn w'nkn b[n] 'šy
Обрабатыватели дерева —Msdl сын Nnpn-а и 'nkn сын 'šy.
Строка 7. hnskm šbrzl špṭ bn bll wppy bn bby
Литейщики железа — Шафот сын Bll-а и Ppy сын Bby-а.

Ливийский текст:

Строка 1. ...[nṭb]n wypmṭt w[plw]
...Атебана сына Ypmṭt-а сына Plw-а.
Строка 2. ...[w]drś wwdśtr
...Wd-'rś сын Wd-'śtr-а,
Строка 3. [żmr wṭ]bn wypmṭt wplw
Żmr сын Атебана сына Ypmṭt-а сына Plw-а,
Строка 4. mngy wwrśkn
Mngy сын Wrśkn-а.
Строка 5. kślns żży ṭmn wrśkn
Носили (букв.: собирали, выносили?) ** (землю) для этого: Żży, Ṭmn, Wrśkn.
Строка 6. nbbn nśqr' msdl wnnpsn nkn wśy
Обрабатыватели дерева — Msdl сын Nnpsn-а, 'nkn сын 'šy-а;
Строка 7. nb[ṭ]n nzl' špṭ wbll ppy wbby
Литейщики железа — Шафот сын Bll-а, Ppy сын Bby-а.

КОММЕНТАРИЙ

*Пунич. wb'zrt šl' ...t...— трудное для толкования место. Ж. Марси толкует это место как «землекопы этого», усматривая в форме, которую он читает b'yrt (вместо b'zrt), имя деятеля от корня ḃyr «копать». При этом не получают удовлетворительного объяснения отсутствие показателя множественного числа -m и суффикс женского рода -t (типичный для

абстрактных имен). Ж. Шабо дает перевод et pro ejus (ornatione ornatores?) «и для его (украшения украшатели?)», не вытекающий из пунического текста и не находящий соответствия в ливийской версии. Поскольку смешение и выпадение ларингалов типично для пунического языка (где разные ларингальные фонемы слились), мы предпочитаем толковать wb'zrt šl' как wb'zrt š'l' «и в помощь им» (w- «и», b- «в», 'zrt «помощь», š— генитивная частица, 'l' «эти, они»). Ту же словоформу b'zrt можно встретить в Ветхом завете (Наум 3.9): Pūṭ wəlūḇīm hāyū be'ezrāṯēk «Пут (африканская страна) и ливийцы были в помощь тебе».

** Ливийское kšlns видимо, связано с берберским корнем *k-s-l, который представлен в туарегском (Ахаггар) глаголе əksəl «подбирая, уносить (землю, песок и т. п.)» (см. Ch. de Foucauld, Dictionnaire touareg-français, Paris, t. 2, стр. 919—920). Допустимы два толкования грамматической структуры словоформы: 1) kšln — глагол 3 л. мн. ч.; -s — суффигированное объектное местоимение 3 л. ед. ч.; получается перевод: «уносили (землю) для него (памятника)» (такое толкование предложено О. Рёсслером); 2) kšln — мн. ч. имени деятеля («землеюсы»), -s — притяжательный суффикс 3 л. («его») (толкование Ж. Марси).

А. Б. Долгопольский

БИЛИНГВА НА ХРАМЕ В ТУГГЕ (RIL 2)

(Чтение и перевод по Ж. Марси)

Пунический текст:

*Строка 1**. tmqrš-z bna b'la Tbgg l-Msnsn
Памятник этот построило население Тугги Масси-
h-mmlkt, bn-G'yy h-mmlkt bn-Zllsn h-šfṭ;
ниссе царю, сыну G'yy-а царя, сына Zllsn-а суффета,
b-[š]t 'sr š-
в эпоху утверждения

Строка 2. Mkwsn....., b-št Šfṭ h-mmlkt, bn-Afšn h-mmlkt;
Mkwsn-а..., в год Šfṭ-а царя, сына Afšn-а царя,
rbt mat: Šnk, bn-Bny w-Šfṭ bn-Ngm
(когда были) центурионами: Šnk, сын Bny-а, и Šfṭ,
bn-Tnkw.
сын Ngm-а, сына Tnkw-а.

Строка 3. mṣṣky: Mgn bn-Yrštn bn-Sdyln w-gzby:
Архитектор—Mgn, сын Yrštn-а, сына Sdyln-а, и под-
Mgn bn-Šfṭ rb mat, bn-'bdašmn h-[mml]kt;
рядчик Mgn, сын Šfṭ-а центуриона, сына 'bdašmn-а царя;

Строка 4. gld gyml: Zmr bn-Msnf bn-
Погонщик верблюдов—Zmr, сын Msnf-а, сына
'bdašmn; ha-r[b], ḥ-mšmha š-mqlā: bn-Ašyn
'bdašmn-а, начальник, руководитель грузчиков—сын Ašyn-а
h-mmlkt, bn-Mgn h-m[mlk]t.
царя, сына Mgn-а царя.

Строка 5. ṭnam 'l-h-mlkt: Ašyn bn-Ankkn
Надзиратели над работой — Ašyn, сын Ankkn-a,
bn-Fṭš, w-Arš bn-Šfṭ, bn-Šnk.
сына Fṭš-a и Arš, сын Šfṭ-a, сына Šnk-a.

Ливийский текст:

*Строка 6**. ā-ṣ(e)k(k)a [n]-T(e)b(e)gga* bn(a)y f(a)šg(a)
Город Тугга построил храм
ā-M(a)s(i)n(i)s(a)n ā-g(e)l(l)(i)d(e)t, au-Gāyī a-g(e)l(l)(i)d(e)t,
Массиниссе царю, сыну Gāyī царя,
au-H_1llsn ā-š(a)f[(o)ṭ];
сына H_1llsn-a суффета,
Строка 7. (a)ts b(ă)-ts(e)ndiy ă-ts(u)gd(e)t ă-sīsiy ă-g(e)l(l)(i)d,
во время утверждения, поднятия, пришествия князя,
ā-ts(e)k(k)w(a)s (e)n-
в год
Строка 8. -Š(a)f(o)ṭ ā-g(e)l(l)(i)d(e)ṭ au-Fšn ā-g(e)l(l)(i)d(e)t;
Шафота царя, сына Fšn-a царя;
ā-mūsn(a)ga: Šnk au-Bny au-Šnka
(когда были) оруженосцами: Šnk, сын Bny-a, сына Šnka,
d-Š(a)f(o)ṭ au-M[gn]
и Шафот, сын Mgn-a,
Строка 9. au-T[n]kw. A-[m]ṣ(e)ṣkwa: Mgn au-Yrštn
сына Tnkw-a. Архитектор — Mgn, сын Yrštn-a,
au-Tsdīl[n]; ā-g(e)z(z)(a)ba: Mgn, au-Š(a)f(o)ṭ
сына Sdīln-a; подрядчик — Mgn, сын Шафота
ā-mū[sn(a)g],
оруженосца,
Строка 10. [a]u-Šm(o)n ā-g(e)l(l)(i)d(e)t; ā-g(e)l(l)(i)d (e)g-
сына Шмона царя; погонщик верб-
(g)(e)mīla: H_1mr au-Msnf au-Šm(o)n; ā-g(e)l(l)(i)d
людов — H_1mr, сын Msnf-a, сына Шмона; начальник
(e)m-(m)(e)g(a)k(k)a; M[?]
грузчиков (chef des porteurs) — M(?)..,
Строка 11. [a]u-Šyn ā-g(e)l(l)(i)d(e)t, au-Mgn ā-g(e)l(l)(i)d(e)t;
сын Šyn-a царя, сына Mgn-a царя;
ā-m(a)n(a)y(e)n: Āšyn au-Nkkn au-Fṭša, d-R[š au-]
надсмотрщики — Ašyn, сын Nkkn-a, сына Fṭša, и Rš, сын

*** По техническим причинам в тексте варианта чтения билингв, предложенного Ж. Марси, в настоящем издании напечатано (е) на месте (ĕ) французского оригинала статьи. — *Прим. ред.***

Строка 12. Š(a)f(o)ṭ au-Šnka.
Шафота, сына Šnka.

Пунический текст:

Продолжение строки 12. w-h-bnam ḥna bn-Ytnb'l
И строители — Ḥna, сын Ytnb'l-a,
bn-Ḥnb'l w-Bn-Fṭsn bn-Šfṭ
сына Ḥnb'l-a, и Bn-Fṭsn, сын Šfṭ-a.

Примечание (см. строки 1*, 6*).

В настоящем издании нумерация строк и расположение текста приведены в соответствие с расположением строк в надписи (см. стр. 389). Ж. Марси давал отдельную нумерацию строк для пунического и для ливийского текстов, что представляется менее удобным, поскольку между обоими текстами нет построчного соответствия.— *Прим. ред.*

БИЛИНГВА НА ХРАМЕ В ТУГГЕ (RIL 2)

(Чтение и перевод, представляющиеся наиболее правильными на современном уровне изучения)

Пунический текст:

Строка 1. t mqdš z bn' b'l' tbgg l-msnsn h-mmlkt
Храм этот построило население Тугги Массиниссе царю,
bn g'yy h-mmlkt bn zllsn h-špṭ b-št 'sr
сыну Гайи царя сына Zllsn-a суффета, в году 10-м
š-[mlk]
царя

Строка 2. mkwsn b-št špṭ h-mmlkt bn 'pšn
Миципсы, в году Шафота царя сына Афсана
h-mmlkt rbt m't šnk bn-bny
царя, (когда) центурионами (были) Šnk, сын Bny-a,
w-špṭ bn ngm bn tnkw
и Шафот, сын Ngm-a сына Tnkw-a,

Строка 3. mṣṣkwy mgn bn yrštn bn sdyln
Mṣṣkwy (титул) — Магон, сын Yrštn-a сына Sdyln-a,
w-gzby mgn bn Špṭ rb m't bn
а gzby (титул) — Магон, сын Шафота, центуриона, сына
'bd'šmn h-mmlkt
'Абд-Эшмуна царя.

Строка 4. gldgyml zmr bn msnp bn 'bd'šmn
Gldgyml (титул) — Zmr, сын Msnp-a сына 'Абд-Эшмуна,
h-'d[r] ḥmšm h'š mql' bn 'šyn h-mmlkt
начальник пятидесяти человек — Mql', сын 'Šyn-a царя,
bn mgn h-mmlkt
сына Магона царя.

Строка 5. ṭn'm 'l-h-mlkt z 'šyn bn 'nkkn
Надзиратели над работой этой — 'Šyn, сын 'Nkkn-a

bn Pṭš w-'rš bn Špṭ bn Šnk
сына Pṭš-а и 'rš, сын Шафота сына Šnk-а.

Ливийский текст:

Строка 6. Skn tbgg bnypš[n]
Построили Тугга (т. е. жители Тугги) храм этот
Msnsn gldt wgyy gldt wzllsn špṭ
Массиниссе царю, сыну Гайи царя, сына Zllsn-а суффета,
Строка 7. šbšnd' šgdt sys' gld mkwsn
в [десятом?] году * [эры??] царя Миципсы
Строка 8. špṭ gldt wpšn gldt
(при?) Шафоте царе, сыне Афсана царя, (при?)
mwsn' šnk wbny wšnk dšpṭ
mwsn-ах ** Šnk-е, сыне Впу-а, сына Šnk-а, и Шафоте, сыне
wm...
М(агона?),
Строка 9. wtnkw mṣṣkw mgn wyrštn
сына Tnkw-а. Mṣṣkw (титул)—Магон, сын Yrštn-а,
wšdyln gẓb mgn wšpṭ mw[snt?]
сына Sdyln-а. Gzb (титул)—Магон, сын Шафота mwsn-а
(центуриона?),
Строка 10. wšmn gldt gldgmyl zmr wmsnp
сына Šmn-а царя. Gldgmyl (титул)—Zmr, сын Msnp-а,
wšmn gldmṣk m...
сына Šmn-а. Gldmṣk (титул) ***—M[ql'],
Строка 11. wšyn gldt wmgn gldt ṭnyn
сын 'šyn-а царя, сына Магона царя. Надзиратели—
šyn wnkkn wpṭš dr[š]
'šyn, сын 'nkkn-а, сына Pṭš-а, и 'rš, [сын]
Строка 12. špṭ wšnk
Шафота, сына Šnk-а.

Пунический текст:

Продолж. строки 12. w-h-bn'm ḥn' bn ytnb'l
И строители—Ханно (=Ганнон), сын Йатон-ба'ла,
bn ḥnb'l w-nptsn bn špṭ
сына Ḥnb'l-а (=Ганнибала), и Nptsn, сын Шафота.

---

* Этот корень сохраняется в совремеином берберском дналекте снва: a-s əggas «год».

** Тнтул mwsn, судя по бнлннгве, соответствовал пуинческому титулу rb m't «начальннк сотии (центурнон)». О. Рёсслер почему-то переводнт mwsn как «консул». В отношеинн этимологни mwsn ср. египетское šn.t «сто», «сотня».

*** Лнвийскнй тнтул gldmṣk в этой бнлннгве соответствует пуннческому 'dr ḥmšm h'š «начальинк пятндесяти человек».

Gldmṣk — это сложиое слово, первый компонеит которого — gld «предводитель, царь»

ЧТЕНИЕ ЛИВИЙСКИХ БУКВЕННЫХ ЗНАКОВ

Ливийские буквы (в монументальных надписях)	Ливийские буквы (в эпитафиях — вертикальные строки)	Пунические соответствия в именах собственных		Чтение по К. Мейнгофу (1931) (только монум. стиль)	Чтение по Ж. Марси (1936) (только монум. стиль)	Чтение по Ж. Шабо (1940)	Чтение по О. Рёсслеру (1965)
≡	III≡	𐤀 𐤄 𐤇 𐤏	' h ḥ ʿ	γ	ḡ,=ty	Ḥ	'
⊙	⊙	𐤁	b	b	b	B	b
⌐	↾	𐤂	g	ğ	g	G	g
П	⊏	𐤃	d	d	d	D	d
=	‖	𐤅	w	u̯	w, h_2, ū	U	w
ᗰ		𐤆	z	z̄	ẓ	Ż	ż
H	Ị,H	𐤆	z	ž	z	Ẓ	ḏ
—	—	𐤆	z	z	', h_1, ā	Z	z
≻	ᗰ	𐤈	ṭ	ṭ,ḍ	ṭ	Ṭ	ṭ
ξ,ς	N	𐤉	y	i	y,ī	I	y
⇚,⇛	↿↾	𐤊	k	k	k	K	k
‖	=	𐤋	l	l	l	L	l
⊐⊃	⊔	𐤌	m	m	m	M	m
|	|	𐤍	n	n	n	N	n
⧖	⧖	𐤎	s	s	s	S	s
⊂		𐤎	s	s²	ts	S	s̀
Ӿ	Ӿ,⋈	𐤐	p,f	p,f	f	F	p
⊢	T	𐤑	ṣ	ḫ	ṣ	Ç	ṣ
÷		𐤒	q	γ	ḡ	Q	q
o	o	𐤓	r	r	r	R	r
≥	ШW	𐤔	š	š	š	Š	ś
+	+X	𐤕	t	t	ṭ	T	t
⊒		𐤕	t	t²	t	T_1	t
•				'	a	Знак словоделения	

Публикуемая в настоящем издании статья семитолога Ж. Феврие «Что мы знаем о ливийском языке?» удачно суммирует бесспорно известные данные о восточноливийском (нумидийском) языке. Ж. Феврие справедливо обращает внимание на необходимость тщательного и подробного изучения пунической и ливийской ономастики, ибо ономастика может явиться важным источником сведений о ливийском языке.

Отто Рёсслер в своих работах (одна из которых публикуется в настоящем сборнике) предпринимает попытку исследования грамматического строя нумидийского (массилийского, в терминологии Рёсслера) языка. В своих исследованиях он опирается одновременно на три источника информации: сами тексты (изученные комбинаторно и путем анализа билингв), анализ ливийских личных имен собственных (восходящих к застывшим предложениям) и этимологические сопоставления грамматических морфем и структур (в меньшей степени — корней слов) с современными берберскими и семитскими языками. Семитские языки, будучи родственными берберскому, обладают большей архаичностью (в особенности наиболее древние из них, например аккадский), и потому аналогия с семитскими языками позволяет распознать в древнеливийском такие элементы структуры, которые в современных берберских языках уже утрачены или переосмыслены, а в ливийских надписях представлены очень скупо.

Многое в предположениях О. Рёсслера вполне убедительно — например, формы лица и числа глагола, формы множественного числа имени. Очень многое правдоподобно, но окончательно не доказано, ибо опирается на два-три места в текстах, допускающие и иные толкования. Такова, например, категория fiens — factum в глаголе: это, скорее, праберберская сравнительно-историческая реконструкция, исходящая из фактов современных берберских языков, но, по существу, пока никак не доказываемая самими ливийскими текстами.

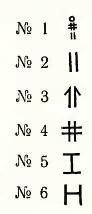
К сожалению, О. Рёсслер в своих работах не проводит четкой границы между безусловно доказанными фактами и остроумными предположениями. А это затрудняет использование его исследований, например в сравнительно-историческом афразийском языкознании.

Мало того, нередко О. Рёсслер строит выводы на своей собственной (нигде не опубликованной и не доказанной) прорисовке надписей. Он часто видит в надписях (кратких надгробных) не те начертания, которые видел Ж. Шабо и которые приведены в его «Сборнике ливийских надписей» [RIL]. Например, в надписи RIL 59 Рёсслер читает правую строку как kḏr. Между тем у Шабо мы находим прорисовку буквосочетания № 1*, где первой (ниж-

* Под номерами даются знаки, приведенные в столбце знаков на стр. 398.— *Прим. ред.*

ней) буквой является w (№ 2), а не k (№ 3). Вторая (средняя) буква — № 4 — остается для Шабо загадочной; он вообще считает ее не нумидийской, а западноливийской. Эта буква известна туарегскому письму тифинаг, где она означает z. О. Рёсслер, читая графему № 4 как ḏ, тем самым отождествляет ее с графемой № 5, № 6. Для оправдания своего чтения О. Рёсслер должен был бы показать, что графема № 4 — это аллограф буквы ḏ (№ 5, № 6). В свете данных туарегского алфавита тифинаг это кажется маловероятным, ибо тифинаг сохранил обе буквы в качестве разных графем: № 4 — z, № 5 — ż.

Особое сомнение вызывают те случаи, когда Рёсслер усматривает иное начертание в надписях, оригинал которых утерян и которые известны лишь в старых прорисовках. Например, надпись RIL 524, которая известна только в прорисовке С. Гзелля (1904 г.) и оригинал которой, по сообщению Ж. Шабо [5], к 1932 г. был утерян. Может быть, в результате новейших поисков утерянная стела была вновь найдена? Иначе как может О. Рёсслер усматривать в этой надписи не те начертания, которые даны в опубликованной прорисовке (см. § 54 его работы «Язык Нумидии»)? К сожалению, свои новые чтения текстов О. Рёсслер никак не оговаривает и не доказывает, и у читателя создается ложное впечатление, что перед нами общепринятое (или известное уже по «Сборнику ливийских надписей» Ж. Шабо) чтение.



Другое сомнение касается использования собственных имен. В именах личных Рёсслер усматривает застывшие предложения с глаголами или с именными сказуемыми, и на анализе этих имен построены в значительной степени его выводы. Правда, именно так строились семитские имена собственные. Однако, по-

[5] J.-B. Chabot, RIL, стр. 116.

скольку этимология имен личных доподлинно неизвестна, доверять им как надежному источнику опасно.

При всех этих сомнительных моментах, построения Рёсслера тем не менее надо признать наиболее обоснованной и серьезной попыткой интерпретации ливийских текстов из всего того, что опубликовано по сей день.

Впрочем, из материалов О. Рёсслера — даже если принять его интерпретацию ливийского языка целиком — вовсе не следуют его генетические выводы о том, что ливийский язык якобы принадлежит к семитской группе языков. Все прочие лингвисты считают берберские языки (в том числе и древнеберберский — ливийский) одной из ветвей афразийской (семитохамитской) языковой семьи, включающей семитские, берберские, египетский, кушитские и чадские языки. Чем, кроме терминологии, отличается предположение О. Рёсслера от обычной точки зрения? Отличие — в относительной хронологии распада единого языка-предка всех этих языков. Гипотеза О. Рёсслера о принадлежности берберских языков к семитской группе означает, что отделение берберского от прочих семитских языков произошло не раньше, чем отделение одних семитских языков от других. Предположение О. Рёсслера могло бы быть принято, если бы все грамматические форманты и основная часть устойчивой лексики берберских языков могла бы быть выведена из того семитского праязыка, который надежно реконструируется при сопоставлении семитских («канонических семитских», по выражению Рёсслера) языков между собой. В действительности это не так. В берберских есть грамматические морфемы, много корней и пр., обнаруживающих более древний характер (т. е. находящих себе параллели в египетском, кушитских или чадских языках) и вместе с тем отсутствующих в семитских языках. Так, частица n, присоединяющая определение к определяемому, характерная для берберских языков (в том числе и для древнеливийского; см. § 43 в статье О. Рёсслера), известна также египетскому и чадским языкам, а следовательно, существовала и в общеафразийском языковом состоянии [6]. И вместе с тем, судя по данным всех семитских языков, общесемитский язык утратил это генитивное n. Следовательно, берберскую частицу n нельзя вывести из общесемитского. Вместе с египетским и кушитскими берберские языки сохраняют древний афразийский показатель мужского рода w||u (выступающий в качестве префикса в форме status annexus в современных берберских языках и, видимо, существовавший и в древнеливийском, хотя там он скрыт от наблюдения консонантным письмом), между тем как

[6] J. Greenberg, Languages of Africa.— «International Journal of American Linguistics», 1963, vol. 29, № 1, part II, стр. 47; И. М. Дьяконов, Семитохамитские языки, М., 1965, стр. 100.

этот показатель утрачен в семитской языковой группе [7]. С другой стороны, в берберских языках отсутствуют очень многие элементы языковой структуры, типичные для всех семитских языков. Из всех этих бесспорных фактов следует принятый в науке вывод о том, что отделение берберского от прасемитского произошло раньше разделения общесемитского языка на отдельные языки-потомки.

Вместе с тем, если описание ливийского языка у Рёсслера окажется правильным во всех деталях, это, по-видимому, будет свидетельствовать об архаичности древнеберберского языка или, скорее всего, об особой близости семитской и берберской ветвей внутри афразийской семьи [8].

Читателям, не знакомым с семитской, или афразийской, филологией, потребуются некоторые разъяснения фонетических обозначений. Точка под буквой (ṭ, ḍ, ṣ) обозначает в семитских и берберских языках либо фарингализацию (произношение со сфинкторным сжатием гортани), либо глоттализацию, т. е. произношение с сомкнутыми голосовыми связками (фарингализованные и глоттализованные согласные часто называют «эмфатическими»). Фарингализованный задний k обозначают буквой q. Горизонтальный штрих под буквой — знак фрикативного (щелевого) произношения: ṯ — это th в английском thin, ḏ — это th в английском this. Знаки для так называемых «ларингалов»:' — знак гортанной смычки, ' — звонкий согласный, образуемый сужением напряженных стенок зева (арабский «'айн»), ḥ — глухой коррелят звука ', ḫ — задний (увулярный) «х».

Для понимания грамматической структуры языков афразийской семьи и соответствующей терминологии, используемой авторами, работы которых мы приводим в настоящем сборнике, отсылаем читателя к книгам И. М. Дьяконова «Семитохамитские языки» (Москва, 1965) и «Языки древней Передней Азии» (Москва, 1967, глава «Общая характеристика семитских языков и их место в составе семитохамитской языковой семьи»). Здесь ограничимся лишь разъяснением наименований пород и состояний.

Породами (stirpes, Stämme) в семитохамитском языкознании называют ряд противопоставленных друг другу глагольных категорий: пассивная порода (со значением «быть сделанным»), каузативная («заставить сделать»), рефлексивная (с возвратным залоговым значением типа нашего «умыться»), социативная («делать вместе с кем-либо») и др. В некоторых семитохамитских языках система пород включает также габитатив — форму с видовым значением постоянного (обычного) действия или длитель-

[7] И. М. Дьяконов, указ. раб., стр. 54—59.
[8] Ср. И. М. Дьяконов, указ раб., стр. 101—102.

ного действия. Каждая порода имеет полный набор всех спрягаемых глагольных форм и глагольных имен.

Состояниями (статусами) называют грамматические формы имени, различающиеся в отношении определенности или неопределенности (как европейские имена существительные с определенным и неопределенным артиклями) или в синтаксическом отношении. Системы состояний имени различны в разных языках. Мы перечислим лишь некоторые из состояний, а именно те, названия которых фигурируют в переводимых работах.

Определенное состояние (status determinatus) обычно сопоставляют по значению с европейским именем, имеющим определенный артикль (впрочем, есть и иные точки зрения на сущность определенного состояния). Указательное состояние (status demonstrativus) соответствует имени с указательным местоимением («этот дом»). Неопределенное состояние (status indeterminatus) в разных языках имеет различную семантику; в ливийском языке неопределенное состояние отчасти соответствует имени с неопределенным артиклем, отчасти — семитскому имени в так называемом сопряженном состоянии (status constructus). Сопряженное состояние — это особая форма, которую приобретает имя, имеющее при себе имя существительное — определение: арабское сопряженное состояние mu‘allimū «учителя» (в конструкции mu‘allimū-’l-madrasati «учителя школы») — ср. определенное состояние ’al-mu‘allimūna «учителя»; или еврейское сопряженное состояние bənê «сыновья» (bənê-hammeleḵ «сыновья царя») — ср. определенное состояние habbānīm «сыновья, die Söhne».

А. Б. Долгопольский

Ж. Марси

ЛИВИЙСКИЕ ДВУЯЗЫЧНЫЕ НАДПИСИ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ*

Проблема дешифровки ливийских надписей существует уже более ста лет. Впервые ее поставил в 1837 г. Г. Гезениус [1] в связи с загадкой знаменитой ливийско-пунической билингвы на мавзолее в Дугге. С тех пор было предпринято много попыток раскрыть тайну содержания надписей на камнях Берберии... Кроме приблизительного определения фонетического значения большинства ливийских букв и приближенного чтения имен собственных, никаких других положительных результатов эти попытки не дали: никому не удалось предложить бесспорное чтение хотя бы одного из этих древнеберберских текстов. Обычно эти неудачи связывают с малочисленностью двуязычных надписей, лежащих в основе интерпретации языка: их всего два десятка, в большинстве своем очень коротких. Говорят также о якобы постоянном отсутствии точного смыслового соответствия между ливийским и пуническим (или латинским) текстом каждой надписи. В этом последнем пункте господствует что-то вроде догмы, восходящей к Галеви и имплицитно принимавшейся всеми позднейшими исследователями... Но эта точка зрения ошибочна (в этом мы убедимся при анализе текстов), и такая ошибка достойна сожаления, ибо подрывает основу всякой дешифровки. Я лично в течение многих месяцев исследовал этот вопрос, основываясь на изучении тщательно проверенного текста двух билингв из Дугги и на исчерпывающем анализе данных берберской диалектологии. Эти исследования, исходящие из признания смыслового соответствия между обоими текстами в каждой билингве, позволили мне впервые осуществить полный перевод всех двадцати ливийских билингв Северной Африки и тем самым дать возможность приступить к дешифровке прочих (не двуязычных) ливийских надписей. Наша дешифровка показала..., что берберский текст билингв в основном точно (хотя и не всегда

* Georges Marcy, Les inscriptions libyques bilingues de l'Afrique du Nord, Paris, 1936. В русском переводе печатаются некоторые извлечения из этой книги.

[1] G. Gesenius, Scripturae linguaeque Phoenicae Monumenta quotquot supersunt, Leipzig, 1837, стр. 183.

дословно) воспроизводит смысл латинского или пунического текста. В настоящей книге изложены основы нашей методики дешифровки, и эта методика иллюстрируется дешифровкой всех двадцати двуязычных надписей из Алжира, Туниса и Марокко, известных сейчас науке.

I.

1. Посвящения на святилище и на мавзолее в Дугге — самые длинные из существующих ливийских текстов. Их двуязычность позволяет на основе многих примеров осуществить надежную идентификацию ливийских букв. [См. рис. RIL 1 и RIL 2 на стр. 388—389.]

Однако возможности использования этого источника имеют свои пределы. Обычно недостаточно внимания обращают на существование вариантов букв, применяемых факультативно, и на одновременное использование одного и того же знака для разных фонем. Подобные варианты встречаются и в семитских алфавитах, достигших такого же уровня развития (например, в южноаравийском письме). С другой стороны, буквы туарегского алфавита тифинаг, сходные по начертанию с ливийскими, имеют отличное от них звуковое значение. Ливийскому знаку из Дугги ≷ š соответствует тифинагский знак ≷ со значением y. И дело здесь не только во временно́м разрыве в полтора тысячелетия, но и в тех различиях, которые объяснимы территориальными вариациями письменности. Поэтому для каждой билингвы отдельно мы определяли звуковое значение букв — насколько это возможно в пределах надписи.

...В некоторых случаях при этом констатируются территориальные различия вариантов ливийского алфавита, не меньшие, чем звуковые отличия ливийских и тифинагских букв. Типичный пример — знак ⊢, имеющий в Дугге значение ṣ, а в надписях из Ķифан-Би-Фереджа — значение g^w, g^y. Казалось бы, это должно ставить под сомнение концепцию изначально единого берберского алфавита. Мы, однако, так не думаем. Прежде всего, знаков с расхождением звучания мало — всего 3 или 4. И расхождения эти носят не случайный характер, а группируются в две или три системы, в основе которых лежат местные тенденции к спирантизации согласных, их эмфатизации, оглушению, палатализации и пр.; все эти фонетические тенденции хорошо известны и современным берберским диалектам. Иными словами, это ... фонетические расхождения между диалектами.

С другой стороны, в разных локальных вариантах алфавита одна и та же фонема (или очень близкие фонемы, которые мы сей-

час не в состоянии различить) передавались разными начертаниями, употреблявшимися, возможно, факультативно. В посвящении на мавзолее в Дугге знаки ☰ и ÷ оба имеют фонетическое значение ḡ [1]. Буквы Г и Ч в посвящении на храме в Дугге имеют одно и то же значение g [1]. Если здесь и были различия в звуковых нюансах, из текстов они не явствуют. В большинстве случаев эти вариации имеют явно графический характер: сосуществование вариантов ☰ и ÷ есть лишь частный случай древней тенденции идентифицировать точку с прямой линией. Ту же тенденцию находим в сафаитском алфавите Аравии (как показал Э. Литтман [2]), в туарегском тифинаге.

* * *

На стр. 405 дается сводная таблица «нумидийского» и «сахарского» алфавитов. В таблице указаны значения букв, установленные в настоящем исследовании и в моей книге «Introduction à un déchiffrement des inscriptions tifinâgh». Буквы записываются в том начертании, которое получается при горизонтальном направлении письма справа налево. Курсивом отмечены различия фонетических значений, закрепленных за одним и тем же знаком.

Звездочки в таблице обозначают ссылки на источники, в которых употребляются данные буквы:

* В двух билингвах из Дугги.

** В надписях из Киф-Би-Фереджа.

*** В надписях из Киф-Би-Фереджа и Вед-Меккуза.

---

[2] E. Littmann, L'origine de l'alphabet libyen.— «Journal Asiatique», 10 série, t. 4, 1904, стр. 423—440.

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА «НУМИДИЙСКОГО» И «САХАРСКОГО» АЛФАВИТОВ

Нумидийский		Сахарский	
—•	’, h_1, ā	•	ā
⊙	b	⊙ ⊡	s
⊓ ∩	d	⊓ ∧	d
∃	ḍ		
⧖ ⋊ 8	f		
⌐ ⌐ Γ Ч	g	⌐	g
≡ ÷	ḡ, = iy	≡ ⁖	ḡ
III	h_3		
≣	h_4	≣	h_4
Z N ≶ ∧	y, ī	≶	y, ī
⇐ ⊨ ≐	k	⁖	k
II	l	II	l
⊐ ⊃	m	⊐	m
I	n	I	n
		Ŧ	ñ
=	w, h_2, ū	=	w, ū
		⌶	ḡ
O □	r	O	r
⧖ ⋈ ∞	s	∞	g^w, gu
⊢	ṣ*; g^w, gu**; g^y, gi***		
≽ ⋟	š	≼	y, ī
+ ∃	t		
X	ṯ	X	ṯ
⊏ C	ts		
≻ ∋	ṭ		
H ⌶	z		
Ⲙ	ẓ		ẓ

ПУНИЧЕСКО-ЛИВИЙСКИЕ БИЛИНГВЫ

Посвящение на святилище Массиниссы (город Дугга)

Берберский текст:

1. ā-ṣ(e)k(k)a [n]-T(e)b(e)gga bn-(a)y f(a)šg(a) ā-M(a)s(i)n(ī)-s(a)n ā-g(e)l(l)(i)d(e)t, au-Gāyī a-g(e)l(l)(i)d(e)t, au-H_1llsn ā-š(a)f[(o)ṭ];

2. (a)ts b(ă)-ts(e)ndiy ă-ts(u)gd(e)t a-sīsiy ă-g(e)l(l)(i)d, ā-ts(e)k(k)w(a)s (e)n-

3. Š(a)f(o)ṭ ā-g(e)l(l)(i)d(e)t, au-Fšn ā-g(e)l(l)(i)d(e)t; ā-mūsn(a)ḡa: Šnk au-Bny au-Šnka, d-Š(a)f(o)ṭ au-M[gn]

4. au-T[n]kw. A-[m]ṣ(e)ṣkwa: Mgn au-Yrštn au-Tsdīl[n]; ā-g(e)z(z)(ā)ba: Mgn au-Š(a)f(o)ṭ ā-mū[sn(a)ḡ],

5. [a]u-Šm(o)n ā-g(e)l(l)(i)d(e)t; ā-g(ē)l(l)(i)d (e)g-(g)(e)mīla: H_1mr au-Msnf au-Šm(o)n; ā-g(e)l(l)(i)d (e)m-(m)(e)g(a)k(k)a: M[?]

6. [a]u-Šyn ā-g(e)l(l)(i)d(e)t, au-Mgn ā-g(e)l(l)(i)d(e)t; ā-m(a)-n(a)y(e)n: Āšyn au-Nkkn au-Fṭša, d-R[š au-]

7. Š(a)f(o)ṭ au-Šnka[3].

Перевод берберского текста:

1. Город Дугга построил храм царю Массиниссе, сыну царя Gāyī, сыну суффета H_1llsn;

2. во время утверждения (l'établissement solide), поднятия, пришествия князя, в год

3. Шафота* царя, сына царя Fšn; (когда были) оруженосцами: Šnk, сын Bny, сына Šnka, и Шафот, сын Mgn,

4. сына Tnku. Архитектор: Mgn, сын Yrštn, сына Sdīln; подрядчик: Mgn, сын оруженосца Шафота,

5. сына царя Шмона; погонщик верблюдов: H_1mr, сын Msnf, сына Шмона; начальник грузчиков (chef des porteurs): M(?)..,

6. сын царя Šyn, сына царя Mgn; надсмотрщики: Āšyn, сын Nkkn, сына Fṭša, и Ṛš, сын

7. Шафота, сына Šnka.

---

[3] В круглые скобки помещеиы звуки, ие записаиные в ливийском тексте, ио рекоиструируемые нами: гласные, вторые элементы удвоеииых согласиых. В квадратиые скобки помещеиы лакуиы в тексте надписи, которые в большиистве случаев можно заполиить путем сопоставлеиия с пуиическим переводом, содержащимся в той же иадписи.— *Прим. автора.*

* Русская морфология не позволяет точио разбить русский перевод иа строки в соответствии с толковаиием ливийского текста у Марси: предлог (e)n, соответствующий русскому родительиому падежу, находится в строке второй, а слово Šfṭ — в третьей.— *Прим. перев.*

ЗАМЕЧАНИЯ

1. *Замечания по транскрипции и фонетике.* Не рассматривая букв, значение которых достаточно надежно определено предыдущими авторами..., я отмечу лишь те буквы, звуковое значение которых определено или пересмотрено мною на основании изложенных выше принципов.

Чтение буквы ⊢ как ṣ (в начале строки 1) устанавливается по пуническому слову

m(ĕ)ṣ(ĕ)ṣk(w)ī ([пунические буквы]),

находящемуся в начале строки 3 пунического текста и точно воспроизводящему слово

-mṣĕṣkwa•= ⇚ ⊢ ⊢ ⊃ «архитектор»

берберского текста, семитизируя его путем замены конечного -a пуническим -ī.

Как видим, пуническая буква [пуническая буква] (ṣ) соответствует ливийской ⊢ . ...

Эта идентификация ⊢ подтверждается возможной этимологизацией слова -mṣĕṣkwa, которое мы возводим к ṣ(ĕ)k(k)a «город». В пяти билингвах из Кабилии мы находим букву ⊢ в значении, близком к g — очевидно, $*g^w$ или $*g^y$ (слегка веляризованное g с лабиализацией или палатализацией). В этом последнем значении буква используется и сейчас в алфавите тифинаг, где она в соединении с буквой — (n)

образует лигатуру ╤', т. е. ñ(=ŋg^y).

Оба звуковых значения буквы ⊢ (ṣ и g^w) находятся в таком же соотношении, как значения

буквы ∞ : s

в алжирских надписях и g^w в латинско-ливийских билингвах из местностей Лалла-Магния и Ликс (в современном Марокко). В своей книге «Introduction à un déchiffrement des inscriptions tifinâgh» я показал, что эти две пары (⊢) ṣ и g^w, (∞) s и g^w восходят, по всей вероятности, к *w [2].

Третья [3] буква первой строки — k ([ливийская буква]).

Это начертание является удвоенным g (∟), что полностью соответствует известной тенденции берберских диалектов к оглушению геминированного согласного [4]. В исследуемом тексте есть как раз два примера такого оглушения: в слове asĕkkwas (строка 2) «год» [5], чаще произносимом asĕggwas, и в слове mĕgakka (конец строки 5) «грузчики» [5], записываемом в консонантной записи (scriptio defectiva) в виде m g k a; mĕgakka — это множественное число имени деятеля от берберского глагола, представленного в туарегском ḡaḡḡ «носить (груз)» (Ch. de Foucauld, Dictionnaire abrégé touareg- français, Alger, 1918, t. I, стр. 285). С вариациями буквы g (в настоящей надписи представлены варианты:

< Γ ⌐ Ч ·)

связано и варьирование производной буквы k (в данной надписи:

⊏ ⇐ ⊏ ·)

Начальное t (×) в названии города Дугги — это, видимо, t̲, то есть слабое (с щелевым или палатализованным произношением) t. Поворот на 45° по сравнению со знаком + нормального t означает, как поясняется мною в книге «Introduction à un déchiffrement des inscriptions tifinâgh», ослабление согласного. Слабому t (×) противопоставлен сильный смычный t,

изображаемый знаком ⊐ [6].

Слабая артикуляция подтверждается записью этого звука в виде th в латинском обозначении города Thugga. Несоответствие ливийского b (T̲bgga) латинскому u (Thugga) объясняется так: этимологическое *ū̆ в данном диалекте дифтонгизировалось в úw̆ (обычный для берберских диалектов процесс), откуда úb — в результате позиционно необусловленного процесса *w>b, характерного, как нам кажется, для большинства ливийских диалектов, представленных в надписях[4]. Следовательно, *Túw̆ĕgga дало T̲úbĕgga. Тот же переход *w в b находим во 2-й строке:

---

[4] Тот же процесс *w>b наблюдается сейчас в архаичных берберских диалектах типа кабильского, но там он позиционно обусловлен либо геминацией этимологического *w, либо соседством гласного u.— *Прим. автора.*

(b(ǎ)-tsĕndiy) вместо *wa, и в строке 4: ā-gĕzzaba вместо *ā-gĕzzawa.

...Букву ⊐ в титуле agĕllidĕt «царь» мы читаем как t смычное; начертание соответствует двум П (d), помещенным одно в другое; удвоение — как в берберской фонетике — соответствует оглушению. Мы обнаруживаем здесь фонетическую особенность, характерную для некоторых современных говоров Центрального Марокко: t, нормально ослабляющееся, в конце слова после кратких гласных остается смычным...

...Начертание знака — позволяет считать его обозначением звука h (в имени Hlssn), а не звука z, присутствующего в пунической транскрипции того же имени Zlssn. Видимо, Hlsn — имя берберского происхождения, принадлежащее к типу имен с притяжательным суффиксом множественного числа -asĕn. Это имя, вероятно, чаще встречалось у берберов в форме Zlssn, что и объясняет пуническую транскрипцию Zlssn (звук h вместо z считался диалектизмом)... То же касается имени H_1mr в 5 строке, которое по-пунически записывается в виде Zmr. Замена z на h и сейчас характерна для диалектов Сахары. В случаях удвоения согласного этимологическое z сохраняется (как у современных туарегов Сахары, так и у древних ливийцев: ā-gĕzzaba «подрядчик» (строка 4)) [7]. Запись z в виде H соответствует начертанию буквы z в древних надписях алфавита тифинаг в Центральной Сахаре...

Первое слово строки 2 — ats — соответствует слову ass в современных берберских диалектах. Это слово означает «день», а в широком смысле — «время, эпоха».

Буква ⊂ (и ее угловатый вариант ⊏),

представляющая собой удвоенное s, интерпретируется, в соответствии с нашими принципами, как результат поворота буквы

П, ∩ (d)

на 90°; поворот означает ослабление артикуляции,

⊏, ⊂ обозначает этимологическое ss.

Но в говорах Центрального Марокко это ss произносится как ts (ц). В связи с архаичностью указанных говоров такое произно-

шение нужно, вероятно, приписать и ливийской букве

⊏ , ⊂ .

Звук d, ослабляясь, превращается в аффрикату dz, которая, в результате диалектного оглушения, дает ts. Перед нами то удвоенное s, которое возникло из простого s в положении между двумя краткими гласными, из которых первая — ударная (это обычная в берберских диалектах фонетическая тенденция) [5]; ts из *ss мы встречаем в словах ătsĕndiy «установление» (<*ăssĕndiy <*ăsĕndiy), ătsugdĕt «поднятие», ătsĕkkwas «год» (строка 2), aŭ-Tsĕddīlan «сын Седдилана» (строка 4). Наоборот, в слове ăsīsiy «прибытие» s записывается как простой согласный, ибо находится перед ī — долгим гласным открытого слога.

Буква ts повернута выпуклостью налево:

⊏ , ⊂ , чем отличается от m, повернутой выпуклостью

направо: ⊃ , ⊐ .

В слове atsĕkkwas «год» (конец строки 2) писец по ошибке написал

⧖=⊨⊐ · вместо ⧖=⊨⊏ ·,

в связи с чем наши предшественники неверно принимали это слово за имя царя Micipsa. Подобные ошибки в ориентации букв довольно часты [8] ...

2. *Замечания по лексике.* Слово ṣ(ĕ)k(k)a «город» следует, вероятно, сопоставить с глаголом eṣk «строить», известным в современных берберских диалектах районов Гат и Джебель-Нефуса в форме eṣč̣ (<*eṣk). Следовательно, ṣ(ĕ)k(k)a значит «строительство», откуда «стена, огороженное пространство, город» [9]. Эта форма в современных диалектах неизвестна в таком значении, однако она встречается в значении «стена, терраса, комната, дом» [6].

Присутствие в надписи глагола bnay «он построил» ставит под сомнение обычное предположение, что этот корень современных берберских языков заимствован из арабского. Можно думать о заимствовании ливийским языком из пунического (ср. bna

---

[5] См. G. M a r c y, Essai d'une théorie générale de la morphologie berbère.— «Hespéris», 1931, fasc. 1, стр. 78.

[6] Об этом глаголе и его производных см. E. L a o u s t, L'habitation chez les transhumants du Maroc central: I. La tente et le douar.— «Hespéris», t. X, 1930, fasc. 2, стр. 183—184.

в пуническом тексте надписи) или о древней берберско-семитской параллели, восходящей к общесемитохамитскому языку [7].

Слово f(a)šg(a) «храм» мы сопоставляем с современным берберским корнем, представленным в диалекте сус в форме tafaska «жертва во время религиозного жертвоприношения» (ta — артикль женского рода) и в других диалектах... Первичный смысл этого корня (представленный в языке ташельхит и в туарегском) — «религиозный праздник с жертвоприношением»...

Значение дательного падежа имени «Массинисса» выражается посредством ā [10]. В современных берберских языках этот префикс сохраняется при личных местоимениях дательного падежа.

Имя царя *Массиниссы* в ливийском и в пуническом текстах записывается буквами Msnsn. Латинская форма именительного падежа Massinissa возникла как обратное образование из исконного *Masinisan, воспринятого как винительный падеж на -n.

Au «сын» тождественно туарегской форме. В других берберских языках везде находим просто u «сын».

Atsĕndiy «установление» соответствует слову ăsenti «начало (fait de commencer), происхождение, укрепление» в языке ахаггарских туарегов. Диалектное озвончение *t > d соответствует тенденции, наблюдаемой и в слове fašga «храм» < *faska.

Запись ătsgdt мы вокализуем как *ă-tsugdĕt или *ă-tsigdĕt — от корня *agŭd «быть поднятым, воздвигнутым». Ср. в диалекте сус форму agŭd. Корень ĠD дает производные: сус aġĕddyu «стебель», taġda, taġᵘda «шест, кол, дышло, ось». Вариант того же корня GD, не сохранившись до наших дней в качестве глагола, присутствует в производных именах: зайян agidi «шест», сус agᵘdi «куча, холмик» и т. д. В древнеливийском языке корень GD известен по крайней мере в одной глагольной форме: *agŭdĕt «быть поднятым, воздвигнутым». Тот же корень неоднократно встречается в начале одноязычных ливийских надгробных надписей: ugŭdĕt, ugdĕt «был воздвигнут». В разбираемой надписи перед нами — производное с префиксом s-; *asugdĕt или *asigdĕt, которое в результате перехода *-s- > ts (закономерного между краткими гласными, из которых первый — ударный) дает *ătsugdĕt, *ătsigdĕt «поднятие, возведение»...

Именной суффикс -a используется в тексте из Дугги еще в своем первоначальном значении в качестве показателя «интенсива», указывая, возможно, на обычность, постоянный характер состояния, а также в качестве показателя имени деятеля в некоторых наименованиях профессий. Так, мы находим его в словах

[7] К древнему берберскому корню *bn «строить» может восходить кабильское, шавия и берберское *bni «здание», конвергировавшее позднее с арабским заимствованием в форме lĕbni.

āmṣ̆ĕṣkw-a «архитектор», āgĕzabb-a «подрядчик». В такой функции в конце имени существительного -а сейчас у берберов не употребляется. Но близкое значение этот суффикс сохраняет, употребляясь при глаголе в качестве суффикса габитатива (forme d'habitude) и суффикса некоторых глаголов состояния (глаголов типа X-a в диалекте сива). Благодаря таким суффиксальным элементам берберский язык сохранил — в большей мере, чем арабский,— следы именного происхождения глагола [11]...

...Наконец, следует обратить внимание на условия употребления артикля а-, еще сохраняющего некоторую самостоятельность и древнее синтаксическое употребление, вполне сходное с употреблением семитского артикля h-... Так, этот артикль отсутствует при имени в форме неопределенного состояния: agĕllid ĕm-mĕgakka «начальник грузчиков», agĕllid ĕg-gĕmīla «погонщик верблюдов». В современных берберских языках, где артикль сросся с именем, такое опущение артикля уже невозможно...

Сведем в таблицу буквы, которые встречаются в ливийском тексте надписи:

•	*a*	=	*w*
⊙	*b*	O	*r*
Π	*d*	⧖	*s*
X̄	*f*	⊢	*ṣ*
⌐, ⌐, Γ, Ч	*g*	≥, 3, 3	*š*
≡	*ḡ*, = *ly*	X	*ṯ*
Z	*y*	⊐̄	*t*
⇐, ⊨, ≤	*k*	∃, ∋	*ṭ*
‖	*l*	⊏, ⊂	*ts*
⊐, ⊃	*m*	H	*z*
I	*n*	—	h_1 <* *z*

Восточноливийский консонантный алфавит (по Ж. Марси)*.

* Более современное чтение знаков: 1. словораздел, 2. b, 3. d, 4. p или f, 5. g (кроме четвертого варианта), 6.', 7. y, 8. k, 9. 1, 10. m, 11. n, 12. w, 13. r, 14. s, 15. ṣ, 16. š, 17. t, 18. t_2, 19. ṭ или ḍ, 20. š, 21. ż или d̲ (может быть, два разных знака), 22. z. Кроме того, 23. ÷ q? — *Прим. ред.*

Пуннческий текст:

1. tmqrš-z bna b'la Tbgg l-Msnsn h-mmlkt, bn-G'yy h-mmlkt, bn-Zllsn h-šfṭ; b-[š]t 'sr š-

2. mkwsn..., b-št Šfṭ h-mmlkt, bn-Afšn h-mmlkt; rbt mat: Šnk bn-Bny w-Šfṭ bn-Ngm bn-Tnkw.

3. mṣṣky: Mgn bn-Yrštn bn-Sdyln, w-gzby: Mgn bn-Šfṭ rb mat, bn-'bdašmn h-[mml]kt;

4. gld dyml: Zmr bn-Msnf bn-'bdašmn; ha-r[b], ḥ-mšmha š-mqlā : bn-Ašyn h-mmlkt, bn-Mgn h-m[mlkt].

5. ṭnam 'l-h-mlkt: Ašyn bn-Ankkn bn-Fṭš, w-Arš bn-Šfṭ bn-Šnk.

6. w-h-bnam : Ḥna bn-Ytnb'l bn-Ḥnb'l w-bn-Fṭsn bn-Šfṭ.

Перевод пуннческого текста:

1. Памятник этот построило население Дуггн Массниссе царю, сыну G'yy царя, сына Zllsn суффета; в эпоху утверждения..

2. Mkwsn'a *..., в год Šfṭ царя, сына Afšn царя; (когда былн) центурнонамн (начальникамн сотен): Šnk, сын Bny, н Šfṭ, сын Ngm, сына Tnkw.

3. Архитектор: Mgn, сын Yrštn, сына Sdyln; н подрядчик: Mgn, сын Šfṭ центурнона, сына 'bdašmn царя;

4. погонщнк верблюдов (conducteur des chameaux): Zmr, сын Msnf, сына 'bdašmn; начальннк, руководнтель грузчнков (chef, conducteur des porteurs): сын Ašyn царя, сына Mgn царя;

5. надзнрателн над работой: Ašyn, сын Ankkn, сына Fṭš, н Arš, сын Šft, сына Šnk

6. и стронтелн: Ḥna, сын Ytnb'l, сына Ḥnb'l, н bn-Fṭsn, сын Šfṭ.

КОММЕНТАРИЙ

К стр. 404.

[1]. Приводнмые Ж. Марси чтеиия знаков ≡, ÷ н Ч необоснованиы. Предложениое Ж. Марси чтенне не нашло подтверждения в дальнейших нсследованнях (см. стр. 412).

К стр. 407.

[2]. Предположенне о происхождеиин s н ṣ нз *w невероятио с точкн зрения сравиительной фоиетики берберских и афразнйских языков.

[3]. Строка начииается со слова ṣkn. Ж. Марси считает букву ⇐ «k» третьей, потому что в начале строки он усматрнвает точку, которой прнпнсывает буквенное значенне «а» (то есть значение ларнигала или нулевого согласного).

К стр. 408.

[4]. В берберскнх языках иашего времени геминированные (долгие, «удвоенные») согласные сохраияют свое древнее произиошение, тогда как негеминн-

* Предлог š- (соответствующий русскому родительному падежу) находится в первой строке.

рованные согласные часто ослабляются — в частности, смычные превращаются в щелевые (t>ṯ [θ]), глухие превращаются в звонкие (ķ>g̱ [γ]) и т. п. Получается, что в одном и том же корне согласный часто оказывается глухим в одних формах (если он по морфологическим причинам геминирован) и звонким в других формах (если он не геминирован). Это синхронное соотношение Ж. Марси воспринимает как «тенденцию берберских диалектов к оглушению геминированного согласного». Предполагать, что такое же соотношение было две тысячи лет назад, нет оснований.

[5]. Примеры ошибочны (см. стр. 393, 395).

[6]. Начертания + и × являются, видимо, вариантами (аллографами) одной буквы. Начертание ⊐ (известное лишь в надписях монументального стиля в Дугге) находится в дополнительном распределении с начертаниями +, ×, так как встречается лишь в конце слова, где +, × в этих надписях не наблюдаются. По-видимому, прав О. Рёсслер, полагающий, что ×, + и ⊐ представляют собой одну и ту же фонему t.

К стр. 409.

[7]. Предположенне о переходе древнего z в ливийское h — типичный для Ж. Марси пример фантастической интерпретации сравнительной фонетикн современных берберских языков и бездоказательного переноса современиых междиалектных отношений в древность (см. стр. 386—387).

К стр. 410.

[8]. Рассуждения в последних двух абзацах нельзя принимать всерьез, ибо они основаны, с одной стороны, на превратно понимаемой берберской сравнительной фонетнке («диалектное оглушенне»), а с другой стороны — на иеверном переводе 7-й строки надписи (то есть 2-й строки ливийского текста), исходящем из ошибочного перевода соответствующего места пунического текста (см. стр. 392—395).

[9]. Сопоставление с современным берберским корием, имеющим значение «строить», очень удачно. Но из этого правнльного сопоставления (как и нз пуннческого текста) следует иной перевод слова ṣkn — не «город», а «постронлн».

К стр. 411.

[10]. Вывод ошибочный. Он осиован на интерпретацнн точки (знака словоделения) в качестве буквы, указывающей на гласный.

К стр. 412.

[11]. Поскольку мненне о существовании суффикса нменн деятеля -а (выражаемого якобы точкой) в ливийском не имеет под собой основанний (точка есть зиак словоделения), теряют почву и странные рассуждения об «именном происхождеиии глагола» и о смысловой близости именн деятеля с габитативом (глагольной формой длнтельного действия).

А. Б. Долгопольский

Ж. Феврие

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ЛИВИЙСКОМ ЯЗЫКЕ? *

Настоящая статья не преследует цели систематической интерпретации памятников ливийского языка. Она представляет собой лишь попытку исследования ливийских надписей с точки зрения специалиста по пунической филологии.

Основой любого исследования по ливийскому языку является «Сборник ливийских надписей» аббата Ж. Шабо **. Признавая бесспорные заслуги его составителя, необходимо заметить, что этот сборник далек от совершенства. Фотографии надписей приводятся редко, в глоссарии содержатся неточности. Жаль, что Ж. Шабо не дает читателю подробных сведений по ливийской ономастике, которые можно почерпнуть из работ по исследованию пунических тестов.

В сборнике RIL мы находим:

1) двуязычные пуническо-ливийские тексты, представляющие собой исключительную ценность для дешифровки ливийской письменности,

2) двуязычные латинско-ливийские надписи,

3) монументальные надписи на ливийском языке (например, надписи 3-11),

4) короткие надгробные надписи — они составляют абсолютное большинство.

Эти последние, насколько мы можем судить, содержат обычно имя умершего и его отца, несколько имен нарицательных либо прилагательных (часто оканчивающихся на H) и иногда такие выражения, как US «его сын (воздвиг)», BNS «его стела». Ливийские надгробные надписи близки, следовательно, по содержанию к аналогичным надписям на новопуническом языке.

Следует заметить, что не на всех надгробных стелах тексты состоят из горизонтальных строк, как в монументальных надписях; часто на стелах мы встречаем тексты из вертикальных строк, читающиеся снизу вверх, причем такие тексты могут произвольно начинаться либо с левой строки, либо с правой — такое

---

*J. G. Février, Que savons-nous du libyque? — «Revue Africaine», t. 100, 1956, стр. 263—273. Печатается с небольшими сокращениями.

** J.-B. Chabot, Recueil des inscriptions libyques, Paris, 1940. Сокращенно далее — RIL.

расположение затрудняет дешифровку, порождая опасность ошибок. Иногда одно слово занимает две вертикальных строки. Я уже не говорю о других трудностях, например об употреблении точки* вместо буквы.

В надгробных надписях содержится очень много имен собственных. Здесь перед дешифровщиком встают трудности особого рода: он не должен путать имена собственные с именами нарицательными, не должен смешивать географические названия с именами лиц, не должен принимать пунические или латинские заимствования за исконно ливийские слова. Чрезвычайно важно составить контрольный список всех ливийских имен собственных в пунических и новопунических эпиграфических текстах. Во многих случаях мы можем даже обнаружить приблизительную огласовку слова — на основании matres lectionis** в новопунической письменности. Разумеется, было бы также полезным собрать ливийские имена собственные, содержащиеся в латинской эпиграфике Африки и в латинской литературе. Приведу один пример: в своем введении к RIL (стр. XV) Ж. Шабо не относит к именам собственным MSIRN, однако в новопунических текстах мы находим имя собственное MSYR'N (см. «Journal Asiatique», 1916, I, стр. 88).

Итак, что же мы знаем о ливийском языке?

Прежде всего мы знаем его алфавит, точнее — консонантное письмо ливийцев. Основой для дешифровки послужили пуническо-ливийские билингвы (но не латинско-ливийские, которые обычно очень коротки и в которых не наблюдается такого смыслового соответствия двух версий, как в пуническо-ливийских билингвах). Принятая «транскрипция», основанная на транслитерации пунических букв, соответствующих ливийским в именах собственных, на особую фонетическую точность претендовать не может. Знак ⤙ транскрибируется лингвистами как G, потому что в именах собственных ему соответствует пуническая буква «гимель» (g), однако в латинских текстах тому же ливийскому знаку соответствует не G, а C.

Знак ⊓ принято транскрибировать как D, потому что в надписях из Дугги ему соответствует пунический «далет» (d). Но некоторые пунические взрывные имеют тенденцию превращаться в щелевые, и поэтому не следует удивляться,

---

* Точка в монументальных иадписях (и частично в надгробных) играет роль словораздела.— *Прим. перев.*

** Matres lectionis — «матерями чтения» (=еврейск. 'immōt haqqərī'ā) в семитских письмеииостях иазываются согласные буквы ', h, w, j (а в пуиическом и '), примеияемые для обозиачеиия гласиых, обычио только долгих. Так, в арабском письме долгий ā обозиачается буквами «алеф» и «йа» (y), долгий i — буквой y, долгий u — буквой w. — *Прим. ред.*

встречая передачу ливийской буквы ∏ с помощью DH в латинских надписях Северной Африки. Так что поменьше веры в фонетическую точность нашей транскрипции!

...Часто говорят, что ливийский алфавит представлен двумя вариантами: восточным и западным. Это утверждение недалеко от истины. И действительно, в билингвах из Дугги мы находим далеко не все ливийские буквы: в других текстах, особенно в надписях из Западной Берберии, находят буквы, не встречающиеся в Дугге. Впрочем, часто трудно различить, имеем ли мы дело действительно с иными буквами или с иными вариантами уже известных букв...

В алфавите надписей из Дугги только три буквы представляют действительные трудности. Одна из них, Ч, пока остается загадочной. Другая, ☰, обозначена аббатом Ж. Шабо как H. Когда пунические имена собственные транскрибируются в ливийских надписях, эта буква передает звуки, выражаемые

пуническим 𐤀 ('), а иногда и 𐤇 (ḥ).

Например, ливийское HNH (RIL, 632) соответствует пуническому ḤN', латинскому Hannō «Ганнон»; ливийское BHNH (RIL, 31) — пуническому BLḤN'. Ливийское имя собственное ZUHSN (RIL, 208 и во многих других надписях) транскрибируется в новопуническом как ZU'SN («Journal Asiatique», 1916, II, стр. 416). Но это несоответствие не должно вводить нас в заблуждение: уже ко II в. до н. э. пунические ларингалы почти полностью исчезли, и лишь традиционный характер орфографии поддерживает иллюзию, будто бы они действительно произносились. Ливийское ☰ (условно записываемое как H) соответствовало пуническим ларингальным буквам, используемым в качестве matres lectionis, и в особенности букве ('), которая здесь употреблялась в значении o/u, а иногда и e. В пользу этого мнения, в частности, говорит такой факт: ливийское H, как и пуническое ' (алеф), передает в именах латинского происхождения окончание -us и, следовательно, произносится как u или o. В ливийских именах нарицательных буква H появляется иногда в конце слов без всякой на то видимой причины: так, мы встречаем MUSN и MUSNH в одной и той же грамматической функции (RIL, 2, строка 8 и RIL, 10, строка 4). Встречаясь часто в конце слов, буква H очень редка в начале или в середине слова.

Третья буква, вызывающая затруднения,— это ÷, которую Ж. Шабо транскрибирует как Q (то есть как букву, соответствующую пуническому эмфатическому заднеязычному q). Не будучи вполне достоверной, эта транскрипция остается весьма вероятной.

В пуническо-ливийской билингве (RIL, 2) ливийское соответствие пуническому имени собственному, к сожалению, искажено. По-видимому, его мы находим в других ливийских текстах в начертании M÷LT (RIL, 3, строка 10) и M ÷ L (RIL, 5, строка 6; последняя буква в испорченной надписи не сохранилась)...

В богатой и сложной ливийской ономастике обнаруживается немало имен пунического происхождения и некоторые латинские имена. Устранив из ливийской ономастики пунические, латинские, а возможно, и греческие заимствования, мы получим более надежный материал исследования для берберолога. Однако я считаю возможным привлечь внимание берберологов к следующему важному вопросу: не являются ли иногда ливийские имена собственные теофорными, то есть не содержат ли они имена ливийских богов? Латинские надписи сохранили нам имена семи ливийских божеств (см. A. Merlin, CRAI, 1947, стр. 355 и сл.). Из этих имен по крайней мере два — MACURTAM и MACURGUM — удивительно похожи на ливийские имена личные: M'GRS'N (в новопунической транскрипции; см. NP, 47) и MGRKN (RIL, 384), где латинское C соответствует ливийскому G (см. «Bull. Arch.», 1946—1949, стр. 649 и сл.)...

Перейдем к ливийскому словарю. Хотя и существуют двуязычные надписи, однако извлекаемые из них сведения по ливийской лексике весьма скудны. Более или менее достоверно, по моему мнению, нам известен смысл следующих слов:

U «сын».

ULT «дочь». Ср., например, RIL, 1082: MBṬR ULT MGNI «MBṬR, дочь Магона» и RIL, 211: ZRMTLN ULT MZKL «З., дочь М.» (относительно этого последнего имени ср. RIL, 296). Форма ULTS «*его* дочь» фигурирует, по-видимому, в надписях RIL, 720 и RIL, 795.

MT «мать». В надписи RIL, 263 под женскими изображениями высечен тремя столбцами следующий текст: UIMT MT ZMIDH «UIMT, мать ZMIDH» (по слову в каждом столбце). Ср. также RIL, 589. Довольно часто мы встречаем форму MTS «его мать», грамматически тождественную формам US «его сын» и ULTS «его дочь». Во всех этих случаях, по-видимому, речь идет о человеке, хоронившем своего родственника. Такого же рода упоминания мы находим и в новопунических надгробных надписях. Слова MT, U и ULT находят себе соответствие в современных берберских языках (в частности, в языке ахаггарских туарегов).

NBB «рабочий» (RIL, 1, строка 6).

ZLH «железо» (RIL, 1, строка 7).

ŠQRH «дерево (bois)» (RIL, 1, строка 6).

ḲSL — по-видимому, «слуга» или «ребенок» (RIL, 1, строка 5; ср. «Journal Asiatique», 1951, стр. 11) [1].

MNKDH = лат. imperator (ср. G. Levi della Vida, в: «Africa Italiana», VI, 1935, № 1—2, стр. 4 и сл.). Это слово соответствует туарегскому amenûkal «верховный вождь».

GLD «царь» (RIL, 2, строки 7 и 8); встречается также в качестве элемента титулов.

MUSNH «центурион, начальник сотни» (RIL, 2, строка 8).

GLDMÇK «начальник 50 человек» (RIL, 2, строка 10).

D «и», «с». Употребляется как сочинительный союз между предложениями и между словами.

Наши сведения по морфологии ливийского языка совсем скудны. Из системы личных местоимений нам известен лишь местоименный суффикс 3 лица ед. ч.-S : US «его сын», BNS «его стела». Возможно, что местоименный суффикс -S употреблялся и для женского рода (может быть, с иной огласовкой), на что, по-видимому, указывает формула TŠBLT BNS, если верно мое предположение о том, что TŠBLT — женское имя.

Здесь мы затронули один из сложных вопросов ливийской морфологии. В пуническом языке существует женское имя ŠBLT, связанное с нарицательным именем ŠBLT «колос» (NP, 24 = «Journal Asiatique», 1916, I, стр. 86 и II, стр. 487). Почти достоверно, что ливийское имя собственное TŠBLT (RIL, 110 и RIL, 322) представляет собой пуническое имя ŠBLT, осложненное префиксом женского рода Т-. Идя еще дальше, можно предположить, что в ливийском, как и в современных берберских языках, женский род обозначался одновременным употреблением префикса Т- и суффикса -Т. Конечное -Т в пуническом ŠBLT, также обозначавшее по-пунически женский род, сохранялось в ливийском с тем же значением. Данное предположение опирается на констатацию фактов двоякого рода:

а) Некоторые личные имена, известные из других источников, могут получать одновременно префикс Т- и суффикс -Т, например: KDN и TKDNT, RHL и TRLT, SD и TSDT (см. ссылки в глоссарии RIL). Похоже, что перед нами женские имена, составленные по типичной берберской формуле Т- + корень +-Т.

б) Тот же способ образования форм женского рода обнаруживается, по-видимому, в некоторых именах нарицательных или в прилагательных: MSUH и TMSUTH, RÇH и TRÇTH.

Наша гипотеза наталкивается, однако, на одну трудность: в текстах мы неоднократно встречаем личные имена, без сомнения, обозначающие лиц женского пола, но не имеющие ни префикса Т-, ни суффикса -Т, например: MBṬR ULT MGNI «MBṬR, дочь Магона» (RIL, 1082), ZRMTLN ULT MZKL «ZRMTLN, дочь MZKL'a» (RIL, 211). Для решения этой проблемы я предлагаю следующую рабочую гипотезу: многие ливийские личные имена женщин не имели формы женского рода; формальный показатель женского рода в основном имеет место лишь у имен нарицатель-

ных и у прилагательных, а при именах собственных встречается лишь в том случае, если они могут еще восприниматься как имена нарицательные или прилагательные, например: TŠBLT «Колос» (ср. лат. Spica qui et Claudia «Спика (Колос), которая и Клавдия».— «Corpus inscriptionum latinarum», VIII, 8609).

Во фразах, указывавших, что некто занимает некую должность, ливийцы использовали две конструкции: либо наименование должности помещалось перед именем, либо после имени лица. В первом случае наименование должности не имело консонантного окончания (-H, по-видимому, обозначал гласный), во втором — зафиксирован суффикс $-T_2$:

GŻB MGN (RIL, 2, строка 9): «Étant gazbi Magon» («(Когда) газби (то есть в должности газби) был Магон»), но ZMR $GŻBT_2$.

MUSNH ŠNḲ... DSFṬ (RIL, 2, строка 8): «Étant centenier ŠNḲ... avec Safoṭ» («(Когда) центурионом был ŠNḲ ... с Сафотом»), но: ŠFṬ $MUSNT_2$ (RIL, 3, строка 5): «Safoṭ étant centenier» («(Когда) Шафот был центурионом»).

Это правило применяется неукоснительно для названий следующих должностей: GLD, MÇÇKU, GŻB, MUSN (либо MUSNH), но для названия должности GLDGIML, GLDGMIL применяется форма с суффиксом -N : GLDGIMLN. Интересно, что суффиксальное образование на $-T_2$ встречается и тогда, когда название должности выступает в роли определения: MSBL $GLDMÇKT_2$ UŠMN $GLDT_2$ UŠIN $GLDT_2$ «При MSBL'е пятидесятнике (начальнике пятидесяти), сыне 'Абдэшмуна-царя, сына Ашина-царя».

Множественное число мужского рода имеет окончание -N. Например, в словах NBBN «рабочие», ṬNIN «надзиратели». По-видимому, местоименные притяжательные суффиксы присоединялись к этому окончанию: ḲSLNS «его дети» или «его слуги» (RIL, 1, строка 5; ср. «Journal Asiatique», 1951, стр. 10—11).

Я подозреваю, что существовала форма множественного числа женского рода $-T_2$-N, образованная присоединением -N к показателю женского рода -T, перешедшему в $-T_2$. Такую форму я нахожу в надписи RIL, 3, строки 1—2: BŻN TBGG $TRFUT_2N$ DBNMZBḲH DBNRḲMN. Эта фраза образует единое целое, она отделена от строки 3 значительным пробелом в конце строки 2, к тому же смысл строки 3 и последующих строк нам известен: «При Шафоте царе» и т. д. TBGG — это ливийское наименование города Дугги. Три последующих слова связаны между собой двумя D- («и... и...»). Трудно считать эти три однородных слова глаголами, ибо тогда они должны были бы иметь одинаковые префиксы или суффиксы. Остается одно: считать сказуемым слово BŻN, подлежащим — TBGG, а остальные три слова — прямыми дополнениями. Форме множественного числа

TRFUT$_2$N соответствует, возможно, форма единственного числа T]RFTH в надписи RIL, 4, строка 1.

Определение присоединяется к определяемому двумя способами:

а) с помощью простого примыкания: U ŠFṬ «сын Шафота», BN IMZKL «стела IMZKL'а»;

б) присоединением к определению частицы N-: NBBN NŠQRH букв. «рабочие дерева» (вероятно, «плотники» или «дровосеки») (RIL, 1, строка 6); TUNTH NBŠTR «TUNTH Бостара» (= Bod-'aštart) (RIL, 7, строка 1).

О морфологии глагола известно и того меньше, поскольку примеры редки и трудны для толкования...

КОММЕНТАРИЙ

К стр. 418.

[1]. Иные интерпретации этого слова [в частности, связанные с берберским корнем k-s-l «собирать, уносить (землю)»] предлагают Ж. Марси и О. Рёсслер (см. стр. 392, 441).

А. Б. Долгопольский

О. Рёсслер

ЯЗЫК НУМИДИИ*

TNGT
(Ливийское благословение)

I. ВВЕДЕНИЕ

§ 1. В этой статье рассматривается ливийский язык древней Нумидии, точнее — той восточной части Нумидии, которая в доримские времена находилась под властью династии Масиниссы.

§ 2. Источником сведений об этом языке служат так называемые нумидийские или ливийские надписи, выполненные старым ливийским письмом в его особом восточнонумидийском варианте. Надписи опубликованы в «Сборнике ливийских надписей» Ж. Шабо[1].

§ 3. Не все тексты в сборнике Шабо выполнены восточнонумидийским вариантом ливийского письма. Даже неспециалист легко различит по крайней мере две главные группы надписей, распределенные географически. Рассматриваемая в статье разновидность письма абсолютно доминирует в Восточной Нумидии. Другая же разновидность представлена надписями Западной Нумидии и Мавритании. Следует заметить, что западноливийское письмо, несмотря на полное совпадение с восточным в некоторых знаках, еще совершенно не дешифровано, а о лингвистической интерпретации и понимании западноливийских текстов пока не может быть и речи.

§ 4. Восточноливийское письмо ясно читается на основании анализа некоторых нумидийско-пунических и нумидийско-латинских билингв. Они лежат и в основе языковой интерпретации нумидийской письменности. Конечно, основа эта недостаточна. Ее следует расширять за счет привлечения ливийских глосс из египетских, пунических и латинских надписей и из античной литературы, за счет систематического сопоставления надписей между собой и за счет привлечения родственных языков (египетского, аккадского, афросемитских — так называемых «хамитских»**, в том числе и в особенности новоливийских, или берберских).

* Otto Rössler, Die Sprache Numidiens,— в: «Sybaris», Festschrift Hans Krahe, Wiesbaden, 1958, стр 94—120 Статья печатается с некоторыми сокращениями.— *Прим. ред.*

[1] J.-B. Chabot, Recueil des inscriptions libyques, Paris, 1940. Далее сокращенно: RIL.— *Прим. автора.*

** «Афросемитскими» автор называет языки кушитской и берберо-ливийской ветвей афразийских (семитохамитских) языков.— *Прим. ред.*

§ 5. Очень соблазнительно соотнесение областей двух разновидностей ливийского письма с двумя известными этно-политическими единицами, то есть с массилийцами и их государством на востоке и с мазезилийцами на западе.

На основании второй билингвы из Тугги мы узнаем, что жители Тугги (по-пунически bâlê Tbgg) были подданными нумидийского царя Mkwsn=Micipsa (RIL, 2, строки 1—2). В чисто пунической второй надписи из Йоль-Цезареи этот царь называется Mkwsn mlk Mšlym (то есть Mikiwsan milk* Maššūlīyīm «Миципса, царь массилийцев»). А надписи из Тугги выполнены *восточнонумидийским* письмом.

С другой стороны, в латинско-ливийской билингве из района Тетуана и Сеуты читаем по латыни: Tacneidir Securi (filius) ex Masaisulis vixit annos XXXXV «Такнейдир, сын Секура, из масайсулиев (т. е. мазезилийцев), жил 45 лет». Ливийский текст этой надписи (RIL, 882) выполнен *западноливийским* (мавританским) шрифтом.

Поэтому восточнонумидийский язык и письмо будем называть *массилийскими*.

§ 6. Среди массилийских надписей различаются монументальные (их очень немного, и все они из города Тугги) и многочисленные надгробные. В монументальных надписях строки горизонтальные, читаются справа налево; расположение строк в тексте — сверху вниз. Надгробные же надписи имеют обычно вертикальные строки, читающиеся обычно снизу вверх, причем строки могут располагаться в надписи либо справа налево, либо слева направо. Монументальные и надгробные надписи несколько различаются также по составу и начертанию знаков, а также по орфографии. В качестве классического следует считать монументальное письмо.

II. ПИСЬМО

§ 7. Отметим отличия нашей транскрипции по сравнению с транскрипцией Шабо. Единственный ларингал массилийского письма (у Шабо — H) мы обозначаем через ʼ. В хорошей орфографии он встречается лишь в конце слов для указания на конечный гласный, в начале же и в середине слов гласные вообще никак не отмечаются (впрочем, исключения из этого правила иногда обнаруживаются в надгробных надписях, что следует объяснять влиянием пунической орфографии). Полугласные обозначаем посредством w и y (у Шабо — U и I). Второй массилийский z (у Шабо Ẓ) мы обозначим посредством ḏ (этот знак удобен из соображений исторической фонетики). Третий z, вслед за Шабо,

* Такая огласовка пунического слова «царь» опирается на греческие транскрипции.— *Прим. ред.*

обозначим посредством ẑ. Второй звук s записываем в виде ś (Шабо не отличает этот s от обычного s.) На месте F (у Шабо) пишем p (по соображениям исторической фонетики). Эмфатический сибилянт записываем, согласно семитологической традиции, как ṣ (у Шабо — Ç). Шипящий обозначаем буквой ś (у Шабо —Ş). Второй знак для t, который в Тугге использовался только в конце слов вместо обычного t (и на месте которого в надгробных надписях находим обычное t), мы в транскрипции не отличаем от обычного t: смешение невозможно, ибо обычное t в конце слова не используется.

§ 8. О происхождении и истории ливийского письма, сохраняющегося и по сей день у туарегов, известно мало. Единственная датированная надпись — это вторая билингва из Тугги 10 года царствования Миципсы (то есть 149 г. до н. э.) [1]. Остальные надписи в RIL относятся к той же эпохе или, в большинстве своем,— к римскому времени (эпоха Империи). Практически не датируемы наскальные надписи, выполненные шрифтом, близким к туарегскому, распространенные по всему берберскому миру и еще полностью не собранные. Судя, однако, по наличию в этих надписях имен собственных арабского происхождения, надписи принадлежат к нашему тысячелетию.

§ 9. Массилийский алфавит:

Транслитерация	*Форма*
ʼ	три параллельные линии, обычно в направлении строки;
b	круг или квадрат с точкой посредине;
g	гаммообразный крючок в направлении строки (то есть повернутый на 90° относительно греческого Γ);
d	П-образный знак, открытый перпендикулярно направлению строки;
w	две параллельные линии в направлении строки;
z	в надписях из Тугги — линия в направлении строки; в надгробных надписях — линия перпендикулярно направлению строки или точка;
ḏ	Н-образный знак, иногда с двумя поперечными линиями;
ṭ	Тугга: псиобразный знак, повернутый на 90° относительного греческого пси; в надгробных надписях — четыре параллельные линии в направлении строки;

y	тильда (в любом положении относительно направления строки);
k	два гаммообразных знака, лежащие параллельно в направлении строки и повернутые крюками наружу;
l	две параллельные линии, перпендикулярные направлению строки;
m	П-образный знак или полукруг, открытый в направлении строки;
n	Тугга: вертикальная линия (независимо от направления строки);
p	петля, сходная с курсивной греческой альфой;
ṣ	Т-образный знак, положенный в направлении строки (при горизонтальной строке повернут на 90° относительно латинского Т);
ẓ	только в Тугге: Е-образный знак, положенный в направлении строки и открытый вниз;
q	линия в направлении строки с двумя точками по бокам;
r	круг или квадрат;
s	восьмерка или знак, имеющий форму песочных часов;
š	Тугга: сигма, открытая в направлении письма; в эпитафиях: Е-образный знак, открытый в направлении строки;
ś	П-образный или полукруглый знак, открытый к началу строки;
t	крест (+ или ×); только в Тугге есть особый конечный знак для t: два П (или два полукруга), вставленные один в другой и открытые в направлении строки.

III. О ФОНЕТИКЕ МАССИЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

§ 11. В связи с консонантным характером ливийского письма мы можем судить в основном лишь о согласных.

Массилийская система согласных восходит к общесемитской [2]. В массилийском первоначально сохраняли свое звучание общесемитские смычные, носовые и плавные:

*p	—	*b	*m			*w
*t	*ṭ	*d	*n	*l	*r	
*k	*q	*g				*y.

Общесемитские увулярные и ларингальные

*ḫ (*ġ?) *ḥ *ʻ *h *ʼ

в массилийском (как и в берберо-ливийском вообще) отражаются в конце слога в виде удлинения гласных, в прочих же положениях исчезают бесследно.

§ 12. Сложнее всего, по-видимому, развивались дентальные щелевые и сибилянты. Общесемитская картина здесь представляется в следующем виде:

	*ṯ		*ẓ [5]		*ḏ
три	*s [3]	два	*ṣ [4]	одно	*z.

В массилийском первый семитский *s (> арабский s, еврейский š) представлен знаком ṡ ⊂, то есть самый частый семитский сибилянт представлен самым редким массилийским! Дело в том, что знак ∞ «песочных часов», первоначально обозначавший *ṯ, постепенно (особенно в орфографии надгробных надписей) вытеснил знак для ṡ

(Тугга: ⊂, ⊏, эпитафии: П)

и стал обозначать самый частый сибилянт. Совершенно аналогичным образом знак, обозначавший первоначально *ẓ[2], стал применяться для обозначения звука, восходящего к основному общесемитскому эмфатическому сибилянту *ṣ (> араб. ṣ). Наоборот, для обозначения звуков, восходящих к семитским *ḏ и *z, с самого начала до конца применялись особые знаки, почти никогда не смешивавшиеся. Фонема, восходящая ко второму семитскому глухому сибилянту (дающему арабское š, еврейское ṡ), обозначалась в массилийском, видимо, знаком ⋝ (в Тугге), M (в эпитафиях); в эпитафиях этот знак иногда смешивался с «песочными часами».

§ 13. О вокализме из массилийских надписей нельзя ничего узнать, если не считать обозначения конечного гласного через три горизонтальные черты ≡ ('). Ливийские имена в латинской передаче содержат пять гласных: i, e, a, o, u. Но есть некоторые

---

[2] Этот массилийский знак формально совпадает со знаком для ẓ в архаичных надписях на наконечниках копий из эль-Хадра, в районе Вифлеема (Палестина). Вообще ливийское письмо по форме знаков гораздо более сходно с древнейшей северносемитской письменностью (с которой постепенно начинает знакомиться наука), чем с позднейшим письмом северных семитов (см. J. T. Milik, F. M. Gross, Inscribed javelin-heads from the period of the Judges: a recent discovery in Palestine.— BASOR, 134, April 1954, стр. 5—15). Но поскольку ливийское письмо в то же время ближе к южносемитскому, чем к позднему северносемитскому, нас не должно удивлять совпадение массилийского ṣ с древнеюжноаравийским знаком для ẓ. Еще полвека тому назад связь ливийского письма с южносемитским отметил Э. Литтман (E. Littmann, L'origine de l'alphabet libyen.— «Journal Asiatique», X[e] série, t. IV, 1904, стр. 423—440).

факты, позволяющие предполагать наличие в массилийском той же системы из трех гласных (i, a, u), какая наличествует и в общесемитской фонетике *.

§ 14. Начальный гласный в текстах, записанных в нормативной массилийской орфографии, на письме не отмечался. Пуническая же запись ливийских имен дает в этих случаях '**. Ср. имена собственные в обеих билингвах из Тугги:

массил. Ṭbn	= пунич. 'ṭbn	(RIL, 1, строки 1, 3)
массил. Ṅkn	= пунич. 'nkn	(RIL, 1, строка 6)
массил. Śy	= пунич. 'šy	(RIL, 1, строка 6)
массил. Pśn	= пунич. 'pšn	(RIL, 2, строка 8)
массил. Śyn	= пунич. 'šyn	(RIL, 2, строка 11)
массил. Nkkn	= пунич. 'nkkn	(RIL, 2, строка 11)
массил. R[ś]	= пунич. 'rš	(RIL, 2, строка 11).

Однако начальный гласный в массилийском был возможен лишь в случае, если этот гласный был долгим (типа 'ā-śay) или оказывался в закрытом слоге (типа 'at-ban). Краткий гласный в открытом слоге закономерно выпадал, если верно толкование массилийского имени собственного Ggm в новопунической надписи и в пунической орфографии как Gûgâm (судя по кабильскому отражению, это значит «немой, молчаливый» — именная форма типа pərūrās [3] от корня [ʿ]gm).

IV. МЕТОД АНАЛИТИЧЕСКИХ ТАБЛИЦ

§ 15. Я хотел бы кратко изложить свою методику дешифровки языка. Если мы пожелаем выйти за пределы того немногого, что дают нам достоверные билингвы, нам прежде всего нужно будет исследовать грамматические форманты в языке. Начинать исследование такого трудного материала, как массилийские надписи, сразу с этимологий и сближений с родственными языками— даже с наиболее близкородственными — было бы методической ошибкой. Переходить к внешним сопоставлениям можно лишь после того, как будет учтена вся информация о языке, представляемая массилийскими текстами как таковыми.

Для выявления грамматических морфем нужно достаточное количество однородного материала. Такой материал мы находим

* Для праберберо-ливийского рекоиструируются не три, а шесть гласных, не считая дифтоигов (в скобках — совремеииые берберские рефлексы): *ā (>a), *ī (>i), *ū (>u), a, i, u (>ə или иуль).— *Прим. ред.*

** Это объясияется тем, что в пуиическом, как и в других семитских языках, слоги (и слова) ие могли иачинаться ииаче как с согласного, хотя бы с гортаиного взрыва ', между тем как в берберо-ливийских все увуляриые ларингальные и фариигальиые согласиые, в к л ю ч а я гортаииый взрыв, перешли в нуль звука.— *Прим. ред.*

[3] Три согласных корня условио обозначаем через p—r—s.

в бесчисленных ливийских именах собственных. Эти имена лиц часто восходят к кратким предложениям, построенным на одной и той же лексике: нельзя сказать, что корней и слов, из которых построены имена, мало, но их и не слишком много.

Приведем несколько аналитических таблиц, которые говорят сами за себя и почти не нуждаются в комментариях. Они содержат лишь имена собственные лиц.

§ 16. *Таблица I.* Выявление префикса у-.

B'y RIL, 436	*Yby, пунич. Yûbây, лат. Juba
Zdgm RIL, 258, 489, 492, 518	Yzdgm RIL, 122, 133, 134
Zt' RIL, 891, 913, 1053	Yzt' RIL, 325, 664
Mzkl RIL, 211, 296, 1097	Ymzkl RIL, 467, 469, 649
Nkt RIL, 548	Ynkt RIL, 778
Pśk RIL, 685	Ypśk, лат. Japasac RIL, 119, 285, CIL, VIII, 18827
Rb RIL, 193, 374, 375, 455, 456	Yrb RIL, 1047
Rbl RIL, 6, строка 11	*Yrbl, лат. Earbal CIL, VIII 16590
Śd' RIL, 280	Yšd' CIS, I, 1309, 2633
Śdby, пун. Šdby, лат. Sidba RIL, 8; CIS, I, 2187; CIL, VIII, 28077	Yšdby, лат. Issidba Np. 13 (1—2), 45 (3), 51 (2); CIL, VIII, 11434
Ślśm, лат. Selsum RIL, 268, 723; CIL, VIII, 17563	Yślśm RIL, 235
Śmdn RIL, 498	Yśmdn RIL, 373

Толкование префикса у-: это префикс 3 лица ед. ч. в глаголах префиксального спряжения, известный всем языкам этой семьи, кроме египетского. Перед нами имена такого типа, как еврейские Ya'ᵃqōb, Yiṣḥaq и арабские Yamliku, Yazīdu *.

§ 17. *Таблица II.* Выявление префикса t-.

Zdbr RIL, 462, 515	Tzdbr RIL, 389, 731
Zmr RIL, 1 (строка 3), 2 (строка 10), 3 (строка 9), 7 (строки 6, 10), 10 (строка 4)	Tzmr RIL, 580

* Префикс *ya- изредка встречается в афразийских языках и как именной.— *Прим. ред.*

Ykn' RIL, 345, 564, 716, 889, 890	Tkn' RIL, 444
Lly, пунич. Lîlây RIL, 1031, Np. 124 (строка 2)	Tll, лат. Telil RIL, 630, CIL, VIII, 17300
Mzkl RIL, 211, 296, 1097	Tmzkl RIL, 1038
Śdby RIL, 8, CIS, I, 2187	Tśdby RIL, 1013
Śt' RIL, 717, 980	Tśt' RIL, 567.

Толкование префикса t-: это общесемитский основообразующий префикс либо префикс *t- в спряжении глагола*.

§ 18. *Таблица III*. Выявление префикса m/n-.

Bby RIL, 1 (строка 7), 6 (строка 10), Np. 79	Nbb RIL, 1024
Dyt RIL, 375	Mdyt RIL, 949
Zdyt RIL, 94	Mzdyt RIL, 87, 1098
Mzdyt (см. предыдущую строку)	Nmzdyt RIL, 524
Knz RIL, 124, 361, Np. 124 (1)	Mknz RIL, 1072
*Kpr, лат. Chafar, CIL, VIII, 4907	Nkpr RIL, 6 (строка 11), 7 (строка 3)
Krn RIL, 184	Mkrn RIL, 650
Lly, пунич. Lîlây RIL, 1031, Np. 124 (2)	*Mll, пунич. Mâll, Np. 24 (2)
Mzkl RIL, 211, 296, 1097	Nmzkl RIL, 267
Rb RIL, 193, 374 и др.	Nrb RIL, 409
Rdt RIL, 187	Mrdt RIL, 711
St' RIL, 672	Mst' RIL, 87, 513, 617 и др.

Толкование носового префикса: это афросемитский носовой префикс, генетически тождественный аккадскому и новосемитскому (так называемому «западносемитскому») префиксу m- именных производных и префиксу n- глагольных основ. Можно заметить, что в массилийских именах этот префикс обычно звучит как m, но при наличии в слове другого губного (p, b, m) m диссимилируется, превращаясь в n-. Такая диссимиляция губных известна во всех новоливийских (берберских) языках. Самостоятельного же префикса n- в ливийских языках нет. С подобной

* Для ливийского здесь возможен и показатель *t*- женского рода (из древнейшего артикля).— *Прим. ред.*

диссимиляцией губных (хотя и без твердых правил) мы встречаемся в языке бедауйе. Такую же диссимиляцию в египетском недавно показал Ф. Хинтце [4], а в аккадском это весьма обычное и уже давно известное явление [5]. В новосемитских языках [т. е. западно- и южносемитских.— *Ред.*] такой диссимиляции нет. Заметим, что структуру *(m/) n p r s во всех ливийских языках имеют, в частности, причастия, в том числе а к т и в н ы е.

§ 19. *Таблица IV*. Противопоставление префикса у- и носового префикса.

Ykr	RIL, 564	Mkr	RIL, 651
Ymzkl	RIL, 467, 469, 649	Nmzkl	RIL, 267
Ymr	RIL, 151, 333, 457	Nmr	RIL, 281
Yrb	RIL, 1047	Nrb	RIL, 409
Yrk'	RIL, 556	Mrk'	RIL, 1058, 1059.

Толкование: перед нами формы 3 лица глагола и причастия от одних и тех же основ.

§ 20. *Таблица V*. Выявление имени **Ms**.

Dln	RIL, 1064	Ms-dln	RIL, 740
Yd''	RIL, 155	Ms-yd'	RIL, 259
Yln, лат. Ilan:	RIL, 433; Coripp, Joh. V, 295	Ms-yln,	пунич. Ms-ylân: RIL, 441, 510, Np. 12 (строки 3—4).
Ymzkl	RIL, 467, 469, 649	Ms-ymzkl	RIL, 464
*Ypn, лат. Japin;	CIL, VIII, 7924	Ms-ypn	RIL, 706
Yrn, лат. Earin:	RIL, 253, 257 и др.; CIL VIII, 25943 IV	Ms-yrn,	пунич. Ms-yrân, лат. Massiran: RIL, 20, 86, 131, 344, 566 и др.; Np. 7 (строка 3); ILA, 107 [6]
'lt	RIL, 161, 1110, 1111	Ms-lt	RIL, 895
Nbt	RIL, 1076, 1083	Ms-nbt	RIL, 330
Nmr	RIL, 281	Ms-nmr	RIL, 553
Prn	RIL, 79=83	Ms-prn	RIL, 245, 250.

Толкование: имя бога в именном словосложении. У туарегов слово с корнем ms значит „господин, бог".

[4] E. E d e l, Altägyptische Grammatik, Band I, Roma, 1955. Добавление к § 256 A, стр. XXXIX.

[5] W. v. S o d e n, Grundriβ der Akkadischen Grammatik, Roma, 1952, § 31b, стр. 31.

[6] C a g n a t - M e r l i n, Inscriptions Latines d'Afrique (№ 107 = D e s s a u, Inscriptiones Latinae selectae, № 9410).

§ 21. *Таблица VI.* Выявление суффиксов -s и -sn.

а) Ymdy, лат. Jammada: RIL, 605, 1025; Coripp, Joh. VII, 432	Mdy-s RIL, 878
б) Yḏgg, лат. Juzgag: RIL, 857; CIL, VIII, 11919	Yḏgg-sn, пунич. Yzgg-sn: RIL, 1108; Jol. 2 (строка 4)
*Knp, лат. Canop, Canapus: CIL, VIII, 24642[a]; Coripp, Joh. VIII, 421	Knp-sn RIL, 3 (строка 3), 11 (строка 4)
*Knr, лат. Chanar: CIL, VIII, 4884, 4885	Knr-sn RIL, 232, 233
Mgdl, лат. Magdal: RIL 313, 314 и др., CIL, VIII, 17292	*Mgdl-sn, греч. Μαγδάλσης (Аппиан, Numidica)
Mkw RIL, 287	Mkw-sn, пунич. Mkwsn, лат. Micipsa: RIL 2 (строка 7); Jol. 2 (строка 1)
Mrk' RIL, 1058, 1059	Mrk-sn RIL, 251
Msp, лат. Masop, Masof: CIS, I, 809; CIL, VIII, 12036, 12051, 12171, 17258	Msp-sn RIL, 784, 785
Mst' RIL, 87, 513, 671 и др.	Mst-s[n] RIL, 152
*Mstn, лат. Mestan: Coripp, Joh. V, 285	Mstn-sn (легенда на пунической монете)
Npn RIL, 406	Npn-sn RIL, 1 (строка 6)
Prk RIL, 1087	*Prk-sn, лат. Faraxen: CIL, VIII, 9047.

Значение: суффигированное местоимение 3 лица: -s—3 л. единственного числа, -sn—3 л. множественного числа.

§ 22. *Таблица VII.* Выявление суффиксов -t и -tn.

а) Zdbr RIL, 462, 515	Zdbr-t RIL, 123
*Yrbl, лат. Earbal: CIL, VIII, 16590	Yrbl-t RIL, 426
Yrnb RIL, 231	Yrnb-t RIL, 451
б) Tll, лат. Telil: RIL, 630; CIL, VIII, 17300	Tll-tn RIL, 878

Ymr RIL, 151, 333, 457	Ymr-tn RIL, 952
Rś, пунич. 'rš, лат. Aris: RIL, 2 (строка 11), 3 (строка 9), 592, 686, 959; Np. 44 (строка 2); CIL, VIII, 16975	Yrś-tn RIL, 2 (строка 9), 3 (строка 11)
Ysk, лат. Esuc: RIL, 134, 177, 253, 744; CIL, VIII, 680	Ysk-tn, пунич. Ysktn, лат. Easuctan, Jasucta: RIL, 251, 562; Np. 7 (4), 66 (2), 68 (3), 69 (1); CIL, VIII, 2638, 23473
St' RIL, 672	Yst-tn, пунич. Ysttn, лат. Istatan: RIL, 219, 637, 649, 1076, 1077; Np. 12 (3), 45 (3); CIL, VIII, 23373.

Толкование: суффигированное местоимение 3 л. единственного числа (-t) и множественного числа (-tn). Отличие этих суффиксов от суффиксов -s, -sn заключается, судя по новоливийским фактам, в следующем: -s и -sn имеют значение притяжательных местоимений («его», «их») при именах и местоимений дательного падежа («ему», «им») при глаголах, а -t и -tn имеют значение местоимений винительного падежа и выступают только при глаголах. Изучение таблиц VI и VII подтверждает такое предположение, основанное на изучении новоливийских фактов. Одно из наглядных доказательств приведено в табл. VIII.

§ 23. *Таблица VIII.* Формы с префиксом y- и с суффиксом -tn, противопоставленные формам с префиксом m/n- и с суффиксом -sn.

*Ygr-tn, лат. Jagurte: CIL, VIII, 25325 (в др. местах Jugurt(h)a!)	*Mgr-sn, пунич. Mâgrsân, лат. Magarsa: Np. 47 (1, 2); CIL, VIII, 2200
*Ynp-tn, лат. Enipten: Coripp, Joh. VIII, 606	Npn-sn RIL, 1 (строка 6)
Yst-tn (см. табл. VII)	Mst-s[n] RIL, 152.

Продолжение этого анализа позволяет выявить корни, постоянно повторяющиеся в именах, которым можно (хотя бы в части случаев) найти соответствия в словарях и глоссариях новоливийских языков. Когда обнаруженное таким образом значение корней будет подставлено в массилийские имена собственные, они тем самым обретут смысл.

V. КОРЕНЬ СЛОВА

§ 24. В массилийских надписях корни слов выглядят как чисто консонантные. Такое впечатление создается не только вследствие консонантного характера письма, но это отражает и тот лингвистический факт, что в семитских языках корень в основном, если не полностью, определяется своим консонантным костяком. Конечно, первоначально каждый корень имел и определенный вокализм. Но уже в общесемитском языке выработалась система корневого чередования гласных (аблаут), основанная на последовательно проведенной аналогии. Однако чисто консонантный корень никогда не мог иметь самостоятельного существования.

§ 25. Различаются три класса корней:

1. Субстантивные корни (или корневые имена существительные).
2. Адъективные корни (или корневые имена прилагательные).
3. Глагольные корни (или корневые глаголы).

Эти различия со временем частично нивелировались, так что от корня любого класса можно образовать слова любой части речи. Каждый из трех классов корней характеризуется определенным набором типов огласовки. Наиболее устойчивым вокализмом обладают субстантивные корни, менее устойчивым — адъективные, наиболее склонны к чередованию гласных глагольные корни.

§ 26. Наблюдаемые массилийские корни содержат три, два или один согласный. Корни с одним согласным в общесемитском исключительно редки, а с другой стороны, мы определенно знаем, что массилийский язык (как и вообще ливийские) утратил целый ряд согласных — так называемые ларингалы [7]. A priori ясно, что среди этих односогласных корней много исконно двусогласных и даже трехсогласных; среди массилийских двусогласных корней

---

[7] Утрату лариигалов в ливийском можно проиллюстрировать иоволивийскими примерами:

Кории:

Семитский	Аккадск.	Эфиопск.	Сирийск.	Кабильск.	Туарегск.
*ḥ ś m	—	ḥaśama «быть плохим»	ḥsam «завидовать»	asem «завидовать, ревиовать»	asem «ревновать»
*ḫ s r	ḫaser «отсутствует (ist ab)»	ḫasra «miseria afflictus est»	ḥsar «ие иметь, быть лишеиным»	aser «не иметь»	aser «не иметь»

много исконно трехсогласных, и следовательно, и в массилийском языке трехсогласие корня является господствующим принципом. Что же касается исконно двусогласных корней, то они чаще всего встречаются среди корневых имен существительных.

VI. ИМЯ

§ 27. Массилийское имя различает два грамматических рода: мужской и женский. Мужской род не имеет показателя. Женский род может либо никак не оформляться (в наименованиях существ женского пола, где род имен существительных определяется по смыслу), либо оформляется показателем -t (в производных от названий лиц мужского пола). Абстрактные имена также оформляются в женском роде и имеют показатель -t.

Имя имеет два (или три?) числа: единственное и множественное (и также двойственное?). Множественное число женского рода не засвидетельствовано. Множественное число имен мужского рода оформляется окончаниями, различными в разных состояниях (статусах) имени.

Имя в массилийском языке имеет три состояния (статуса):
1) Неопределенное состояние (status indeterminatus).
2) Определенное состояние (status determinatus).
3) Указательное состояние (status demonstrativus).

§ 28. Таблица грамматических форм имени

	Ед. ч.		Мн. ч.	
	М. р.	Ж. р.	М. р.	Ж. р.
Неопр. сост.	prs	prst	prs-'	неизвестно
Опред. сост.	-prs-'	t-prst-'	-prs-n	неизвестно
Указат. сост.	-prs-n	t-prst-n	неизвестно	неизвестно

В определенном и указательном состояниях именной основе предшествуют префиксы: чисто вокалический (и потому на письме не отмечавшийся) префикс мужского рода и префикс женского рода t-+ гласный.

НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

§§ 29—33. В *неопределенном состоянии* имя, имея чисто качественное значение, употребляется поэтому прежде всего в качестве сказуемого и в качестве приложения. В обоих случаях это имя может либо следовать за господствующим именем (подлежащим, определяемым), либо предшествовать ему. А поскольку связка в ливийском языке отсутствует, имя-сказуемое формально нельзя отличить от имени-приложения.

Имя неопределенного состояния в функции сказуемого:

Ś p ṭ g l d t (RIL, 2(8)) «(когда) Сафот — царь/(когда) Сафот был царем».

g l d P ś[n] (RIL, 10 (2)) «(когда) царем является Афсан/был Афсан».

m w s n Z m r (RIL, 10 (4)) «(когда) Zmr — консул/(когда) Zmr был консулом».

P ś n m w s n t (RIL, 11(4)) «(когда) Афсан — консул / был консулом».

Имя неопределенного состояния (обязательно титул) *в функции приложения*:

M s n s n g l d t (RIL, 2(6)) «царь Массинисса» (= пунич. Msnsn h-mmlkt!)

g l d M k w s n (RIL, 2(7)) «царь Миципса» (= пунич. [mlk] Mkwsn).

Заметим, что слово gld или другой титул в постпозиции к господствующему слову заменяются соответствующим абстрактным именем (gldt «царское величество», mwsnt «консульство, консульская должность»).

То же во множественном числе: m w s n-' Ś n k... d- Ś p ṭ... (RIL, 2(8)) «когда консулами были Сунук... и Сафот».

В Тугге одновременно было два консула. Здесь можно было бы ожидать двойственного числа. Но, судя по данным родственных языков, формы двойственного числа (если они существовали) на письме не должны были отличаться от форм множественного числа. Поэтому вопрос о двойственном числе остается открытым.

Иногда имя в *неопределенном состоянии* выступает и в иных синтаксических функциях. Похоже, что в этой форме употреблялись, например, названия веществ:

śqr-' (RIL, 1 (6)) «дерево (Holz)» (= пунич. y(â)r)

zl-' (RIL, 1(7)) «железо» (= пунич. brzl),

если только верно, что эти слова были pluralia tantum. Синтаксическая функция имени здесь — определение (соответствующее европейскому родительному падежу).

Имя в *неопределенном состоянии* широко употребляется в функции, соответствующей семитскому *сопряженному состоянию* (status constructus), то есть в качестве определяемого перед именем-определением, а также в сочетании с притяжательным суффигированным местоимением:

Ś k r n b n-Y m z k l (RIL, 469) «С., супруга Й.».

b n-s (RIL (повсеместно)) «его супруга».

Z m t l n w l t- M z k l (RIL, 211) «З., дочь М.».

w l t -s (RIL, 720, 784, 795) «его дочь».

Такая конструкция превращается в составное слово.

b n- m z b k-' (RIL, 3 (1)) «камень алтаря»,

b n-r k m-n (RIL, 3 (2)) «камень всесожжения (?)».

§ 34. Корневые имена существительные b n «дом, семья, жена» и b n «камень» (этимологически соответствующее аккадскому abnu «камень» и т. п.) не имеют друг к другу никакого отношения. В туарегском языке эти слова также содержат одинаковые согласные hn (древнеливийское b через *b̄ дало туарегское h), различаясь лишь посредством огласовки. Омография этих двух слов привела многих исследователей к ошибке: bn-s «его супруга» часто переводят «его камень» (то есть «его надгробный камень»). Но такое толкование исключается, как видно из анализа двойных надгробных стел (стел над двумя захоронениями): RIL, 469, 504, 507, 594, 989. Текст стелы RIL, 989 гласит: (левая часть): P t y l n w-N r s n...; (правая часть): P t y l n b n-s. Я перевожу эту стелу так: «Путиолан [8], сын Нерсана» [9] — над одним захоронением; «супруга Путиолана» (букв.: «Путиолан, его супруга») — над другим захоронением. Понятно, что если в одной могиле похоронен Путиолан, то на другой не может находиться «надгробный камень Путиолана»...

ОПРЕДЕЛЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

§ 37. Артикль, оформляющий *определенное состояние* (status determinatus), имеет в женском роде форму t- (отмечается на письме), в мужском роде он состоит из одного гласного и на письме не отмечается. Однако мы можем предполагать, что он существовал, опираясь на факты новоливийских языков. Действительно, рассмотрим происхождение обычной формы имени в новоливийских (берберских) языках:

	Ед. ч.		Мн. ч.	
	М. р.	Ж. р.	М. р.	Ж. р.
Новоливийские	a-frs	ta-frst	i-frsen	ti-frsīn
Древнеливийский	-prs-'	t-prst-'	-prs-n	?

Иными словами, обычная форма имени в новоливийских языках *восходит к древнеливийскому определенному состоянию*.

Имена собственные *не имеют формы определенного состояния*, во-первых, потому, что это не истинные имена, а субстантивированные *предложения*, а во-вторых, потому, что они как имена собственные обладают определенностью и без специального грамматического оформления.

§ 38. В *определенном состоянии* находится имя (если это не титул) в функции приложения к имени собственному. В надгробных надписях это, например, многочисленные эпитеты умершего, отчасти соответствующие лат. pius — pia, honestus — honesta, felix и т. д. Укажем наиболее важные из таких имен.

[8] Что касается этого имени, то ср. CIL, VIII, 9172.
[9] Ср. CIL, VIII, 5132.

Над погребениями мужчин	Над погребениями женщин
rṣ-' RIL (очень часто)	t-rṣt-' RIL, 720, 811, 968, 969
msw-' RIL (очень часто)	t-mswt-' RIL, 80, 276, 331, 870 B.
Только на погребениях мужчин	Только на погребениях женщин
mwl-' RIL (повсеместно)	t-gldt-' RIL, 81
mnkd-' RIL (повсеместно)	t-bknt-' RIL, 104.

§ 39. Другие примеры имен в определенном состоянии:

Ед. ч. м. р.: m z b k-' (в генитивном сочетании: b n-m z b k-') (RIL, 3 (1)) «алтаря».

Ед. ч. ж. р.: t- g y t-' (RIL, 3(12)) «задача, работа» (= пунич. h-ml(')kt).

[t-] r p t-' (где вторая буква t- корневая, а не суффикс) (RIL, 3(12)) (значение неизвестно) и др.

Мн. ч. м. р.: n b b-n (RIL, 1 (6)) «обрабатыватели» (= пунич. h-ḥ r š m); выступает в функции сказуемого, имея при себе определение.

n b ṭ-n (RIL, 1 (7)) «литейщики» (= пунич. h-nskm); сказуемое с определением.

ṭ n y-n (RIL, 2(11)) «управляющие» (= пунич. (h-)ṭn'm); сказуемое с определением. Слово ṭny заимствовано из пунического. Это слово в форме ṭny содержится в надписи RIL, 3(12). Там это — форма *неопределенного состояния* (функционально соответствующая сопряженному состоянию семитских языков) единственного числа!

r k m-n (в генитивной конструкции: b n-r k m-n) (RIL, 3(2)) «всесожжение (Brandopfer) (?)».

УКАЗАТЕЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ

§ 40. *Указательное состояние сходно с определенным* и отличается от него добавлением *указательной морфемы* -n. При этом конечный гласный *формы определенного состояния* единственного числа утрачивает конечное положение и потому перестает отмечаться на письме: знак ' на письме как бы заменяется знаком n.

Примеры:

Ед. ч. м. р.: b n-p t ś-n [6] (RIL, 2(6)) «этот дом/ этот камень ...-а, это святилище» (= пунич. t(h-)mqdš(h-)z) в функции прямого дополнения.

Ед. ч. ж. р.: t - r b t-n (RIL, 7 (11)) «эта надпись» (в функции подлежащего).

Формы множественного числа указательного состояния не засвидетельствованы.

§ 41. В массилийском языке мы не обнаруживаем признаков наличия падежных форм. Неизвестно, существовали ли падежные окончания, состоящие из одного гласного (как в аккадском, угаритском, арабском и эфиопском языках) и не отраженные на письме, поскольку гласный оказывался здесь не в конечном положении, а *перед формантами определенного и указательного состояний*.

Следует обратить внимание на твердый порядок слов в глагольном предложении: глагол — подлежащее — прямое дополнение — косвенное дополнение. Пример:

ṣkn Tbgg bn-ptś-n Msnsn gldt (RIL, 2 (6)) «построили Тугга (то есть жители Тугги) храм этот Массиниссе-царю».

Имеет ли дательный падеж префикс i- (чисто вокалический и потому не отражающийся на письме), сходный с показателем новоливийских языков*, точно определить нельзя, но это весьма вероятно. Заметим, что в рассмотренном предложении массилийскому *[i-]Msnsn «Массиниссе» (дат. п.) соответствует пуническое l-Msnsn (с предлогом l-, имеющим значение дательного падежа).

§ 43. Определение присоединяется к определяемому тремя способами:

1. Конструкция с сопряженным состоянием **:

b n-Y m z k l «супруга Й-а» (RIL, 469).

2. Определению предшествует генитивная частица n-:

t-w n t-' n- Śm n «die *wnt* des Śmn» (RIL, 7 (4)).

n b b-n n-š q r' «обрабатыватели дерева» (RIL, 1 (6)) (= пунич. h-ḥršm š-y(â)r).

n b ṭ-n n-z l' «литейщики железа» (RIL, 1(7)) (= пунич. h-nskm š-brzl).

3. Конструкция типа «отец, дом-его» в значении «дом отца»:

Y m z k l b n-s «Й., супруга его» (то есть «супруга Й-а») (RIL, 169).

Как известно, все три типа присоединения определения к определяемому встречаются в семитских языках.

VII. ГЛАГОЛ

§ 44. Спряжение глагола опирается на трехсогласный глагольный корень как на *нормальный* случай. Двусогласные и односогласные корни — это чаще всего результат утраты ларин-

* Речь идет, по-видимому, о проклитическом предлоге.— *Прим. ред.*

** Точнее — с неопределенным состоянием (специальной формы сопряженного состояния ливийский язык не знает): определяемое имеет форму неопределенного состояния и располагается перед определением.— *Прим. ред.*

галов. Конечно, были и истинные «слабые» (двусогласные) корни, в которых трехсогласная схема достигалась за счет *удвоения второго согласного* (глаголы bdd, ḏgg).

Я считаю мнение об исконной двусогласности «хамитских» языков наивным. Если некоторые афросемитские языки и содержат большое количество двусогласных корней, то это, скорее всего, объясняется позднейшим развитием под влиянием внешних факторов («африканизация»).

ПОРОДООБРАЗОВАНИЕ

§ 45. От основной породы G (имевшей *несомненно* различные разновидности, отличавшиеся корневым гласным, которые, однако, обнаружить при консонантной записи невозможно) массилийский язык образовывал производные породы: префиксация сибилянта давала каузативную породу S, префиксация t- —рефлексивно-пассивную породу T, префиксация m- (с губной диссимиляцией; см. § 18) — социативную породу M. Иными словами, перед нами хорошо известные семитологам породы «Pe‘al», «Šaf‘el», «Taf‘el» «Nif‘al».

От каждой из этих четырех первичных пород (G, S, T, M) производилась и вторичная порода габитативного значения. Габитатив от части основ породы G и от пород T и M производился посредством префикса t-. От других основ породы G, а также от породы S габитатив производился с помощью средств, не находящих отражения на письме*. В следующей таблице показаны все породы в форме императива (равного чистой основе).

§ 46. Таблица пород:

	Не габитатив (Точечное действие)	Габитатив (Неточечное действие) (а)	(б)
G	prs	prs	tprs
S	sprs	sprs	—
T	tprs	—	ttprs
M	nprs	—	tnprs

То же с огласовкой (реконструкция по данным новоливийских языков)

G	*epres	*parras	*taparas
S	*sepres	*sapras	—
T	*tapras	—	*tatapras
M	*napras	—	*tanapras

* В новых берберо-ливийских языках — путем удвоения одного из корневых согласных.— *Прим. ред.*

§ 47. Ливийский габитатив типа (б) от пород G и M имеет соответствие в аккадских вторичных породах от G и N, а именно в габитативной породе Gt[10] и в итеративно-габитативных породах Gtn и Ntn[11]. Массилийским императивам габитатива *taparas (G) и *tanapras (M) полностью соответствуют аккадские императивы pitras (Gt), pitarras (Gtn) и (m)itapras (Ntn). Но и ливийский габитатив типа (а) также имеет соответствие в аккадском языке, а именно в дуративном презенсе пород G и S. Ливийскому габитативному спряжению *yaparras (G) и *yusapras (S) полностью соответствует аккадский дуративный презенс iparras (G) и ušapras (S).

ФОРМООБРАЗОВАНИЕ

§ 48. От каждой глагольной основы любой породы образуются:
1) императив (на письме представлен чистой основой),
2) инфинитив (на письме не отличается от императива),
3) одно или два причастия, которые независимо от залога имеют причастный префикс m- (который подвергается губной диссимиляции).

NB: Инфинитив и причастия, будучи именами, имеют поэтому все три состояния имени.

4) каждая негабитативная порода имеет *два* спрягаемых «времени» (точечного видового значения), а габитативные породы — по *одному* спрягаемому «времени» (неточечного видового значения).

Два «времени» точечного видового значения Г. Штумме назвал fiens («совершаемое») и factum («совершенное»), что дает некоторое представление о значении таких «времен». Два «времени» *всегда* вокализовались по-разному, что, однако, отражается на письме лишь у немногих основ, где factum имеет конечное -', а fiens его не имеет. В остальном на письме fiens и factum совпадают.

ФЛЕКСИЯ

§ 49. П а р а д и г м а с п р я ж е н и я п о л и ц а м и ч и с л а м:

Ед. ч.	3 лицо м. р.	yprs,	ж. р. tprs	Мн. ч.	-prsn
	2 лицо м. р.	tprs			(tprsm)
	1 лицо м. р.	-prs			nprs

[10] W. von S o d e n, Grundriß der akkadischen Grammatik, Roma, 1952, § 92 и сл.

[11] W. von S o d e n, указ. раб., § 91. [Аккадские породы Gt, Gtn и Ntn не являются собственно габитативными. О другой интерпретации этих породных форм как в берберских, так и в аккадском языке, см. И. М. Д ь я к о н о в, Языки древней Передней Азии, М., 1967, стр. 259. — *Прим. ред.*]

В этой парадигме засвидетельствованы в надписях все формы, кроме 2 лица мн. ч. (она реконструируется по новоливийским данным). Нетрудно заметить, что ливийское спряжение совершенно совпадает с семитским (со всеми членами семитской языковой семьи, кроме египетского языка).

Примеры:

§ 50. 3 лицо единственного числа мужского рода:

ys' (мы предполагаем огласовку *yusa'!) (RIL, 2(7)) «он пришел» (factum).

Эта форма часто встречается в личных именах собственных (восходящих к предложениям):

Ymšl, лат. Jemsal, Jempsal (RIL, 974; CIL, VIII, 8834; CIL, II, 3417) «он (бог) да приблизится» (fiens).

Ytkd (*Yutkad из *Yudkad; ср. имя Ms-dkd), лат. Judchad (RIL, 42, 702; CIL, VIII, 5073—5077); значение формы неизвестно; перед нами — глагол формы factum.

Yšlšm (RIL, 235); значение неизвестно; порода S.

[Y]mstn (RIL, 514) «он (бог) пусть защитит»; порода M; скорее всего, форма fiens.

§ 51. 3 лицо единственного числа женского рода:

ttrb (RIL, 7(11)) во фразе: ttrb t-rbt-n «была написана эта надпись»; корень с начальным слабым согласным, порода T, factum.

§ 52. 3 лицо множественного числа:

kšln-s (RIL, 1(5)) «(они) выполняли вспомогательные работы для него, были подручными ему» (factum).

ṣkn (RIL, 2(6)) «они построили»; корень с конечным слабым согласным; factum.

bżn (RIL, 3(1), 7(1), 4(7), 10(1)) «они воздвигли»; глагол со слабым согласным; factum.

§ 53. 2 лицо единственного числа:

Примеры встречаются лишь в составе личных имен собственных, где трудно различить разные омографичные структуры типа tprs. Приведем наименее спорный пример:

Trnb-n (RIL, 408) «ты (боже) да будешь прибавлять нам»; габитатив.

NB: Форма 2 лица множественного числа не засвидетельствована.

§ 54. 1 лицо единственного числа:

ws-k (огласуется, видимо, *awes-ak) (RIL, 524) «я принесу жертву тебе»; корень с первым слабым согласным; fiens.

kḏr (RIL, 758, 1071) «я убью жертвенное животное»; fiens или габитатив; в корне нет слабых согласных;

ws-k... kḏr (следует огласовывать *awes-ak... akḏer) (RIL, 59) «я принесу жертву тебе... я убью жертвенное животное»; оба глагола выступают в форме fiens.

1 лицо множественного числа:

nws-k (огласуется, видимо, *nawes-ak (RIL, 725, 801)) «мы принесем жертву тебе»; корень со слабым первым согласным, в форме fiens.

nkḏr (RIL, 64, 556, 796, 798, 1073) «мы убьем (будем убивать) жертвенных животных»; в корне нет слабых согласных; fiens или габитатив.

[n]ws-k nkḏr (RIL, 69) «мы принесем жертву тебе, мы убьем жертвенных животных», оба глагола выступают в форме fiens.

ntws-k (огласуется *natawes-ak) (RIL, 274, 534, 583, 727, 1118) «мы будем приносить жертвы тебе»; корень с первым согласным слабым; габитатив.

ntw[s-k]... nkḏr (огласовка — *natawes-ak... nakaddar) (RIL, 632) «мы будем приносить жертвы тебе... мы будем убивать жертвенных животных»; оба раза габитатив.

ntws-k wws (RIL, 43, 436, 779) «мы воистину будем жертвовать тебе» (букв. «мы пожертвуем тебе жертвовать»); глагол с первым слабым согласным в форме габитатива с усилительным инфинитивом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 55. Автор настоящих строк надеется, что, изложив массилийскую грамматику, он смог показать, во-первых, сколь слабы различия между древнеливийским языком, существовавшим две тысячи лет тому назад, и современными новоливийскими диалектами и, во-вторых, до какой высокой степени семитским является ливийский язык. Поэтому мне представляется далее невозможным употреблять для ливийского языка иную генетическую характеристику, нежели «семитский». Обозначение «хамитский» может лишь ввести в заблуждение *. Оно подразумевает нечто *отличное* от семитского и заставляет думать, что семитский и хамитский — это якобы величины одного порядка. По моему мнению, афросемитские языки — это ветвь семитских. К «каноническим» семитским языкам они гораздо ближе, чем к египетскому. Мне удалось также обнаружить, что афросемитские языки ближе всего стоят к аккадскому.

КОММЕНТАРИЙ

К стр. 424.

[1]. Миципса вступил на престол в 149 г. до н. э., следовательно, десятый год царствования Миципсы есть 140 г. до н. э. О. Рёсслер неправильно датирует

* Этот термин теперь лингвистами не употребляется. О действительном положении ливийского среди афразийских (семитохамитских) см. выше, стр. 399—400. — *Прим. ред.*

надпись 149 годом до н. э., повторяя при этом ошибку (случайную описку?) Ж. Шабо (RIL, стр. 4).

К стр. 425.

[2]. О концепции семитского происхождения берберо-ливийских языков и о ее недостатках см. стр. 399—400. Впрочем, интерпретация ливийского языка, предлагаемая О. Рёсслером, сохраняет свою силу и в том случае, если мы не примем его концепции семитского происхождения ливийского языка. Ливийский язык не происходит из общесемитского, но находится с ним в довольно близком родстве, и поэтому содержащиеся у О. Рёсслера генетические сопоставления с семитским приемлемы (следует только формулу «то-то и то-то происходит из семитского» заменять словами «то-то и то-то родственно такой-то семитской форме»). [Кроме того, следует заметить, что берберские š и ž (ливийские ś и ż?) не имеют ясных коррелятов в семитских и, возможно, соответствуют кушитским аффрикатам.— *Прим. ред.*]

К стр. 426.

[3]. Эти три фонемы обычно записываются как *s (> араб., еврейск s), *š (> араб. s, еврейск. š), *ś (> араб. š, еврейск. ś).

[4]. Эти две фонемы записывают как *ş (> араб., еврейск. ş) и как *ş̌ или *ḏ (> араб. ḍ, еврейск. ş).

[5]. Обычно обозначается как *ṯ̣ или θ̣. (> араб. ẓ, арамейск. ṭ, еврейск. ş).

К стр. 437.

[6]. Согласно имеющимся прорисовкам (в т. ч. RIL 2), третью и четвертую буквы этого слова надо читать как YP. Чтобы прочесть их как pt, нужно доказать правильность иной прорисовки.

А. Б. Долгопольский

ВОПРОСЫ ДЕШИФРОВКИ АГВАНСКОГО (КАВКАЗСКО-АЛБАНСКОГО) ПИСЬМА

Настойчивые поиски памятников агванской (кавказско-албанской) письменности, предпринимавшиеся несколькими поколениями кавказоведов и арменистов, стимулировались сохранившимися в армянской исторической традиции указаниями о наличии некогда своего письма у агван — кавказской народности, населявшей значительную часть западного Азербайджана, которая примерно в одно время с армянами и грузинами приняла христианство и в течение нескольких веков играла выдающуюся роль в истории Закавказья. Средневековые армянские источники относят создание агванского алфавита примерно к 430 г. н. э. и связывают его с именем Месропа Маштоца. В источниках содержится целый ряд сведений и о последующем функционировании агванской письменности. Особенно много такой информации содержится в компилятивном сборнике исторических известий об Агвании до X столетия — «Истории Агвании» Мовсеса Дасхуранци (или Мовсеса Каганкатваци). В нем агванцы непосредственно перечисляются среди народов, имеющих свою письменность, отмечаются книги и доски, по которым совершалось поминание святых в школах, упоминаются грамоты царя Вачагана III (491—510 гг.), говорится о предании писаний огню хазарами в VII в. и т. д. Поиски агванских памятников получили еще один стимул в 1937 г., когда после последовательного обнаружения целого ряда армянских тайнописей, выдававшихся в армянском литературном наследии за агванское письмо, И. В. Абуладзе нашел в армянском учебном сборнике XV века (Эчмиадзин, № 7117) список агванского алфавита, подлинность которого с самого начала не вызывала особых сомнений. Позднее, в 1956 г., арменист А. Курдян обнаружил в США второй список агванского алфавита, по-видимому, переписанный с первого. Обстоятельства изучения агванской письменности сложились таким образом, что его наибольший прогресс оказался связанным с периодом, начавшимся с 1964 г., когда появились публикации, ставящие своей целью дешифровку и интерпретацию небольшой группы памятников агванской эпиграфики, обнаруженных азербайджанскими археологами в 1948—1952 гг. в Мингечауре. Поэтому переводимая ниже в извлечениях статья американского автора Роберта Г. Хьюсена «К алфавиту кавказских агван»

АГВАНСКИЙ АЛФАВИТ

	a	?			č ?
	b				
	g		ḳ ?		
	d				p̣
	e		h ?		ǯ ?
	z				r
	ẹ	?			s
	ə				
	t		č̣ ?		ṭ ?
	ž				
	j		m		ọ
?					
	i		n		c ?
?					w
?			š ?		f
?					k
	x		o		u
?					ụ

Примечание. Знак вопроса означает, что до настоящего времени остается неизвестным либо подлинное написание буквы, либо ее фонетическое значение.

отражает самый начальный этап исследования, не имевший еще дела с эпиграфическим материалом и ограничивавшийся анализом обоих упомянутых списков агванского алфавита (следует отметить, что один из мингечаурских памятников — надпись на подсвечнике № 2 — представляет собой последовательность первых десяти букв агванского алфавита, служащую решающим доказательством подлинности обоих рукописных списков). Статья Роберта Хьюсена посвящена анализу этих списков с целью верификации традиционного отождествления агван с современными удинами и соответственно агванского языка — со старым состоянием удинского, одного из представителей лезгинской подгруппы нахско-дагестанских языков. Вслед за А. Г. Шанидзе, Ж. Дюмезилем и рядом других ученых автор статьи аргументирует правомерность такого отождествления, исходя из сопоставления агванского алфавита с фонемным инвентарем удинского языка. Р. Хьюсен полагает вместе с тем, что рукописные списки могут послужить ключом к дешифровке (следовало бы скорее сказать — к прочтению) памятников агванской эпиграфики. Весь известный к настоящему времени корпус последней насчитывает всего лишь семь или восемь памятников, относящихся к V — VIII вв., и включает в общей сложности несколько менее двухсот знаков. Несмотря на некоторые успехи, достигнутые в последнее время, состояние дешифровки этой письменности и сейчас едва ли может считаться удовлетворительным. Из общего числа 52 букв алфавита*, предполагающегося на основании его рукописных списков и состава фонем привлеченного к сравнению удинского языка, лишь около 20 более или менее строгим образом соотнесены с определенными фонетическими значениями. За исключением мелких фрагментов, авторы не только по-разному интерпретируют надписи, но и придерживаются иногда даже разного порядка в чтении их строк. Дальнейшему прогрессу исследования, несмотря на принципиальную несложность дешифровки буквенного письма, сильно препятствует ограниченность выявленного эпиграфического материала, вследствие чего в последнее время в его изучении наметился даже некоторый кризис. Поскольку дешифровка письма еще не вышла из своей начальной стадии (существующая литература указана в комментариях), публикация статьи Р. Хьюсена, учитывающей к тому же и основные соображения по проблеме, высказанные несколько ранее Ж. Дюмезилем, представляет с точки зрения агванистики определенный интерес.

Г. А. Климов

---

* Изображения знаков агванского алфавита см. на стр. 445. Таблицу составил Г. А. Климов.— *Прим. ред.*

Р. Г. Хьюсен

К АЛФАВИТУ КАВКАЗСКИХ АГВАН*

...В 1937 г. Илья Абуладзе во время пребывания в Армении обнаружил памятник, который ныне представляется нам подлинным алфавитом кавказских агван. Открытие было сделано в рукописи № 7117 эчмиадзинского собрания, отправленной затем в ереванский Матенадаран. Эта рукопись является копией с другой, более ранней (вероятно, оригинальной), доставленной из Каффы (в Крыму) в Армению католикосом Киракосом Вирапеци (1441—1442 гг.), поместившим ее в Мецопском монастыре. Здесь вардапет Товма (ум. 1446 г.) передал ее в руки хорошо известного писца Ованнеса Мангасаренца из Арчеша с целью переписки. Сделанная копия (№ 7117) оставалась в Мецопском монастыре более столетия и затем была взята вардапетом Давидом в монастырь Баридзор в Хизане, где в 1580 г. она была в свою очередь скопирована другим писцом, по имени Ованнес [1].

Агванский алфавит, будучи длиннейшим из всех восьми [представленных в армянской рукописи XV в.— *Г. К.*], состоит из 52 букв [2]. Что касается очевидной последовательности в нем знаков, то они образуют совершенно иной порядок, чем буквы других алфавитов, что создает дополнительные трудности в определении их фонетической соотнесенности; более того, название каждой буквы воспроизведено в армянской графике, которая с ее 38 буквами, естественно, не способна отразить звучание 52 агванских знаков. Большинство букв оригинального начертания, однако двенадцать напоминают их армянские соответствия (alt, odet, ēb, en, žil, ča̧, dan, ar, ķar, un, soj и ion), а восемь — буквы грузинского церковного письма «хуцури» (jud, sa, čar, zox, haj, nuc, sēķ и piwr). Три буквы из остальных имеют, несомненно, греческие праобразы (za, cajn и kiw), но во всех случаях такого сходства звучание букв целиком отлично от звучания их моделей. Что же касается двадцати девяти оригинальных букв, то, если они действительно изобретены св. Месропом, он, вероятно, приближался к закату своего творческого гения: некоторые

---

* Robert H. H e w s e n, On the alphabet of Caucasian Albanians.— «Revue des Études Arméniennes», N. S., I, Paris, 1964, стр. 428—431 (427—432). Сокращенный перевод.

из них громоздки для написания, большинство неэлегантно по своему облику, и по крайней мере одна буква (ṭiwr) непостижимого начертания.

Наиболее яркой чертой агванского алфавита является удивительная сложность фонетической системы обслуживаемого им языка. Если допустить, что в алфавит не вкрались искажения, то в нем должны были существовать по две разновидности s и c и три типа z. Из пяти шипящих четыре имеют по два вида (š, ž, č и ǯ) и одна — три (č̣) [1]. Мовсес Дасхуранци описывает агванский язык как «грубый и гортанный» [2], что подтверждается наличием в его алфавите не менее чем двух разновидностей h, двух разновидностей x и трех разновидностей k. Ж. Дюмезиль[3] членит агванский алфавит на следующие группы звуков: девять гласных (два a, одно e, одно ê, три i, одно o, одно u), три губных (p' и два p'), четыре зубных (два t', t', d), пять гуттуральных смычных (g, три k' и k'), два гуттуральных спиранта (два x), два h, пять сибилянтов (два s, три z), четыре шипящих спиранта (два š, два ž), четыре зубных сибилянтных аффрикаты (c, два c' и ż), семь зубных аффрикат (три č', два č', два ǯ), два v, два l, m и n. Следует заметить, что в агванском алфавите в отличие от грузинского и армянского [имеются в виду соответствующие древние алфавиты.— *Г. К.*] существует специальный знак для u [3]. Может показаться, что в языке не было b, g или r, однако, как отмечает Ж. Дюмезиль, b может скрываться за одним из p, а g — за одним из x, и r — за буквой «ar» [4].

Фонетическое богатство древнего агванского языка направило поиски исследователей в горы Дагестана, в лингвистических дебрях которого засвидетельствовано наличие подобных языков. Наиболее богатым из них [5] и наиболее близким к языку агванского письма оказался — и это едва ли удивительно — самый южный член лезгинской группы языков, единственный еще живой на территории, определенно принадлежавшей Агвании [4], это — язык удин, населяющих у предгорий Кавказа три села: Варташен и Нидж около Нухи в Советском Азербайджане и

---

[1] См. А. Г. Ш а н и д з е, Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки.— «Известия Института языка, истории и материальной культуры Груз. филиала АН СССР», т. IV, Тбилиси, 1938, стр. 68.

[2] Movsēs D a s x u r a n ç i, The history of Caucasian Albanians. Translated by C. J. F. Dowsett, Oxford University Press., London, 1961, стр. 69.

[3] G. D u m é z i l, Une chrétienté perdue: les Albanais du Caucase.— «Mélanges Asiatiques», Vol. 232, Paris, 1940—1941, стр. 126 и сл. Это было первой статьей, информировавшей ученых Запада об открытии агванского письма. В транскрипции Ж. Дюмезиля диакритика' обозначает смычно-гортанный смычный, а ' — придыхательный.

[4] Указ. раб., стр. 12.

Октомбери — в Советской Грузии [5]. Удинский язык оказался весьма богатым не только «гортанными», но и шипящими (š, ž, č, č̣ и ẓ̌) и содержащим по две разновидности каждого из этих звуков [6].

Открытие этого, давно утраченного алфавита представляет более чем обычный исторический интерес, так как возможности находок агванских надписей еще недостаточно ясны. Заступ археологов едва начал обследовать Советский Азербайджан, и пока еще не раскопана столица Агвании — Берда. Несмотря на это раскопки, начатые и продолжающиеся в Мингечауре, выявили агванские надписи на карнизе языческого храма, превращенного в христианскую церковь, сгоревшую в VIII или IX в. [7]. Эти надписи изучаются советскими исследователями. Эпиграфические памятники, которые, несомненно, скрыты под почвой в Берде, Кабале и в других пунктах, вероятно, снабдят нас существенной информацией не только по истории Агвании, но и по истории Ирана и Арабского халифата. Ключ к дешифровке этих материалов, таким образом, уже обнаружен в эчмиадзинской рукописи номер 7117, хотя на Западе этому открытию уделено слишком мало внимания... [7].

Изучение агванского алфавита, охарактеризованного выше, лишний раз обнаруживает достоверность свидетельств жизнеописания Маштоца, составленного Корюном, а также представляет собой еще один образец удивительной способности святого Месропа передавать на письме фонетически очень сложные языки Кавказа [8].

КОММЕНТАРИЙ

К стр. 447.

[1]. Относительно списка агванского алфавита, восходящего к 1580 г., см. H. Ḳurdian, The newly discovered alphabet of Caucasian Albanians.— JRAS, 1956, part 1—2, стр. 81—83; также А. Г. Шанидзе, Новые данные об алфавите кавказских албанцев.— «Труды первой конференции закавказских

[5] Ж. Дюмезиль (см. прим. 12) показал, что удинское слово, обозначающее Луну (xaš), является только искажением армянского xač 'крест' [6]. Он приводит этот факт как важное свидетельство агванского происхождения удин, поскольку Страбон рассказывает нам, что язычники-агваны поклонялись, в числе других божеств, прежде всего Луне, и особенно в связи с тем, что во всех других [нахско-дагестанских — *Г. К.*] языках обозначением Луны служат вариации *waz. Агваны были христианизованы благодаря армянской миссионерской деятельности, и замена словом «крест» исконного названия бога Луны не кажется неправдоподобной, особенно в свете сообщения Мовсеса Хоренаци о том, как святая Нина в процессе обращения Грузии заменила крестом языческих идолов.

[6] См. А. Г. Шанидзе, указ. раб., стр. 36—37.

[7] А. Л. Монгайт, Археология в СССР, М., 1955, стр. 248.

университетов», Баку, 1959, стр. 201—206. Если А. Курдян и А. Г. Абрамян считают его копией со списка из рукописи Матенадарана № 7117, то А. Г. Шанидзе оставляет этот вопрос открытым. На основании отражения в текстовых образцах других языков в этой рукописи новых языковых форм А. Г. Шанидзе полагает, что последние включены в нее едва ли ранее XV столетия. В таком случае становится вполне объяснимым отсутствие в рассматриваемой рукописи образца агванского т е к с т а: как известно, в связи с тем, что с VIII в. языком государственной религии Агвании становится армянский, памятники христианской эпиграфики Азербайджана начиная с этого времени пишутся по-армянски.

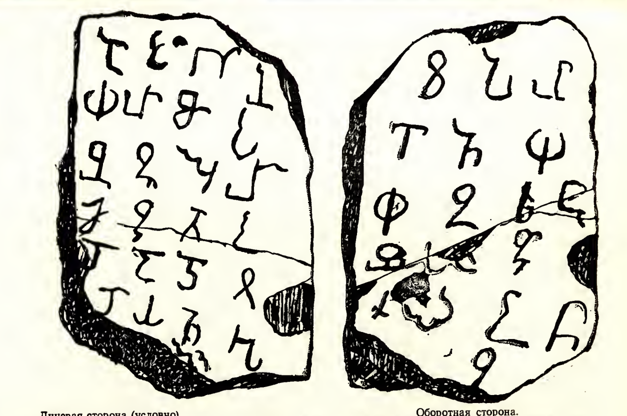
К стр. 447.

[2].То обстоятельство, что в агванских эпиграфических памятниках из Мингечаура засвидетельствовано пока лишь около тридцати пяти графем, по всей вероятности, объясняется большой фрагментарностью известного агванского корпуса текстов, составляющего в своей совокупности несколько менее двухсот знаков. Обращено внимание на совпадение числа букв агванского алфавита с числом фонем в цахурском языке Северного Азербайджана и Дагестана, наиболее близкородственном удинскому, служащему этимологической опорой исследований по дешифровке агванской письменности (см. Г. Х. И б р а г и м о в, Лезгинские языки и кавказская Албания.— «Тезисы докладов I-ой конференции молодых ученых Дагестана», Махачкала, 1963, стр. 104).

К стр. 448.

[3].А.Г. Абрамян и некоторые другие советские исследователи предполагают, что в агванском письме, подобно армянскому и грузинскому, гласный u обозначался диграфом ow (а именно). Наличное в списке агванского алфавита название буквы «un» (вместо ожидающегося в связи с этим предположением «on») могло быть обязано графической ошибке переписчика (как отмечает А. Г. Шанидзе, совершенно аналогичная ошибка допущена в рукописи № 7117 и в списке греческого алфавита). См. А. Г. А б р а м я н, Дешифровка надписей кавказских агван, Ереван, 1964, стр. 32; А. Г. П е р и х а н я н, К вопросу о происхождении армянской письменности.— «Переднеазиатский сборник», II, М., 1967, стр. 132; Г. А. К л и м о в, К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности.— ВЯ, № 3, 1967, стр. 72.

[4]. Следует считать, что буква «b» передается вторым ( ), а «g»—третьим ( ) знаком в сохранившихся списках агванского алфавита. В пользу такого решения говорит не только порядковое место обоих знаков в алфавите (исходя из допущения аналогии с другими закавказскими ответвлениями арамейского письма — армянским и грузинским) и соображения типологического характера, но и легко допустимая возможность искажения их подлинных названий на базе особенностей армянской фонетики. Обе буквы стоят на аналогичном месте и в круговой надписи на подсвечнике № 2 из Мингечаура, представляющей собой последовательность первых десяти букв агванского алфавита. Считают поэтому, что засвидетельствованные в рукописных списках алфавита названия «odet» и «zim» представляют искажения подлинных «bet» и «gim». Аналогичным образом фонетическое значение г, судя по его месту в алфавите, должна была иметь буква , названная в списке ḳaṭ (вместо предполагаемого подлинного



Лицевая сторона (условно). Оборотная сторона.

Прорнсь каменной табличкн (в натуральную велнчнну) с агванскнм алфавнтом; найдена в Дагестанской АССР близ селения Верхнее Лабко Левашинского района.

raţ). Ср. А. Г. Абрамян, указ. раб., стр. 28 и 33; также Г. А. Климов, К чтению двух памятников агванской (кавказско-албанской) эпиграфики.— ВЯ, № 1, 1970; он же, Заметки по дешифровке агванской (кавказско-албанской) письменности.— «Известия ОЛЯ АН СССР», вып. 1, 1972.

К стр. 448.

[5]. Автор допускает в этом отношении ошибку, поскольку фонологическая система, более богатая, чем в удинском, налицо в целом ряде других лезгинских языков (например, в лезгинском, табасаранском, хиналугском).

К стр. 449.

[6]. Помимо отмеченного здесь слова xaš 'крест', к древнеармянскому источнику в удинском языке восходит piliņʒ 'медь', mangal 'коса', ķala 'хромой' (для всех этих лексем terminus post quem non должен быть определен VIII—IX столетиями, поскольку в это время в армянском происходит процесс перехода l > ł), а возможно, и gärämzä 'кладбище', gergec 'церковь', ţeţir 'алфавит' (если такие формы, как цезск. ţeţra, гинухск. ţoţra 'писать', не обязаны армянской миссионерской деятельности уже в относительно позднее время, то в свою очередь они могут рассматриваться в качестве агванизмов). Более поздние армянские заимствования засвидетельствованы и в других лезгинских языках.

[7] Благодаря работам А.Г. Шанидзе и А.Г. Абрамяна к настоящему времени получена почти вся информация, которую можно было извлечь из рассмотрения списков агванского алфавита. Поскольку, однако, такой «ключ» к чтению агванских эпиграфических памятников оказался далеко не адекватным, дальнейший прогресс дешифровки приходится связывать прежде всего с исследованием самих памятников. Вместе с тем фрагментарность корпуса известных надписей делает расширение соответствующего материала важнейшей предпосылкой успеха в этом направлении. Находок нового материала можно ожидать не только в былых центрах культурной и экономической жизни Агвании, но и в исторических центрах зарубежного христианского Востока (Иерусалим, Антиохия и т. п.), а также в армянских и грузинских палимпсестных текстах.

[8]. Несмотря на то обстоятельство, что дешифровка агванских памятников в настоящее время находится еще в своей начальной стадии, некоторые исследователи (Ж. Дюмезиль, А. Г. Абрамян, Г. Г. Севак и др.) высказываются определенно в пользу гипотезы об авторстве Маштоца в отношении агванского алфавита. Как видно из приводимых извлечений, склоняется к последней и Р. Хьюсен.

Г. А. Климов

ДЕШИФРОВКА ТАНГУТСКОГО ПИСЬМА

Первым тангутским текстом, который привлек внимание европейцев, была секция шестиязычной надписи на арке ворот Цзюйюнгуань в Великой Китайской Стене недалеко от Пекина. А. Уайли установил, что одна часть этой надписи представляет собой связный текст, а другая — транскрипцию санскритской дхарани [1]. Таков был результат первого исследования тангутского текста.

В конце прошлого века Г. Девериа обнаружил в храме Даюньсы (или Хугосы — см. Н и с и д а, т. I, приложение I) в Лянчжоу еще одну надпись на том же языке с параллельным китайским переводом. В колофоне китайского перевода было указано, что основная надпись сделана на языке государства Си-Ся, или тангутского государства (XI — XIII вв. н. э.) [2]. Так была определена принадлежность этого письма.

Первый опыт дешифровки тангутского письма предпринял М. Морис, когда к нему попал тангутский вариант Лотосовой Сутры [3]. Будучи занятым службой во французском посольстве в Пекине, он не мог уделить достаточно внимания дешифровке, поэтому ограничился исследованием лишь первой главы этой книги. Результаты его работы невелики по объему, но имеют большое принципиальное значение. М. Морис подтвердил предположение своих предшественников о том, что тангутская письменность является иероглифической. Каждый тангутский иероглиф передает одну определенную слоговую морфему тангутского языка и имеет постоянное во всех случаях чтение и значение, которое совпадает с произношением и значением обозначаемой им лингвистической единицы. Не менее существенно и то, что он первым указал 15 служебных морфем тангутского языка и открыл основные синтаксические правила [4].

[1] A. W y l i e, On an Ancient Buddist Inscription at Keu-yung kwan.— «Journal of the Royal Asiatic Society», New Series, vol. I, 1870, стр. 14—44.

[2] G. D e v é r i a, L'Ecriture du royaume de Si-Hia ou Tangoute.— «Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions», I série, vol. XI, I, Paris, 1898, стр. 147—176.

[3] Об обстоятельствах, при которых эта книга попала в руки М. Мориса, см. Е. И. К ы ч а н о в, Звучат лишь письмена, «Наука», Москва, 1965, стр. 18—19.

[4] M. G. M o r i s s e, Contribution préliminaire à l'étude de l'écriture et de la langue Si-Hia.— «Mémoires présentés par divers savants a l'Académie des Inscriptions», I série, vol. XI, 2, Paris, 1904.

До 1909 г. вместе с двумя указанными надписями тангутский вариант Лотосовой Сутры был основным источником сведений по тангутскому языку. С этим текстом в Германии работали А. Бернгарди и Э. фон Цах, а в Китае — Ло Фу-чэн[5]. Несмотря на значительный объем Лотосовой Сутры, ее было все же недостаточно для дешифровки письменности, насчитывающей около шести тысяч иероглифов.

Надежда на дешифровку тангутской письменности появилась после того, как в 1909 г. П. К. Козлов нашел в мертвом городе Хара-Хото субурган с целой библиотекой книг на тангутском языке. Большую часть книг составляли переведенные с китайского языка буддийские сочинения. Особое значение для лингвистов, интересующихся дешифровкой тангутского языка, имели тангутские толковые словари и учебное пособие по китайскому языку, обнаруженные в коллекции П. К. Козлова после того, как она была доставлена в Азиатский музей.

Проф. А. Иванов описал учебное пособие по китайскому языку для тангутов. Оно носило название «Своевременный перл на ладони». Все китайские слова в этом пособии имели тангутский перевод и тангутскую транскрипцию, а все тангутские — китайский перевод и китайскую транскрипцию[6]. Так перед исследователями тангутского языка открывалась перспектива не только прочитать содержание тангутских текстов, но также и произнести их вслух. К сожалению, А. Иванов не смог посвятить себя исследованию этой проблемы.

Наибольший вклад в тангутские исследования в 20—30 гг. внес Н. А. Невский. Он был первым, кто целиком посвятил себя дешифровке тангутского языка. Он начал с составления словаря тангутских иероглифов. В словарь он внес все иероглифы, дешифрованные до него, и пополнял его на протяжении всей своей работы в этой области. В результате усилий Н. А. Невского число дешифрованных тангутских иероглифов возросло до четырех тысяч. С таким словарем уже можно было читать тангутские тексты.

После того, как количество дешифрованных тангутских иероглифов оказалось достаточным для понимания смысла текстов, стало очевидно, что между чтением текстов и интерпретацией самого тангутского языка существует значительное расстояние. Тангутский текст должен был зазвучать. Ввиду того, что памятники тангутского языка представляли собой письменные тексты, проблема раскрытия фонетики тангутского языка практически могла быть решена только в виде дешифровки чтений иероглифов.

[5] A. Bernhardi und E. von Zach, Einige Bemerkungen ueber Si-hia Schrift und Sprache.— «Ostasiatische Zeitschrift», 1919, № 3—4.

[6] A. Ivanov, Zur Kenntniss der Hsi-Hsia Sprache.— «Известия Академии наук», 1909, стр. 1221—1233.

Вначале Н. А. Невский считал, что для чтения тангутских иероглифов достаточно знания иноязычных транскрипций — китайских и тибетских. Однако прямых транскрипций оказалось не так уж много — немногим более пятисот иероглифов. Тогда Н. А. Невский решил воспользоваться тангутскими словарями.

В коллекции П. К. Козлова были найдены два словаря. Оба словаря были фонетическими, но расположение слогов в них было различным. В «Море письмен» слоги располагались по рифмам, то есть по своим вокалическим частям, а в «Гомофонах» — по начальным согласным слогов. Однако как в том, так и в другом словаре выделялись группы иероглифов с одинаковым чтением. Именно на эти группы Н. А. Невский возлагал наибольшие надежды. Ход рассуждений его был таков: зная транскрипцию хотя бы одного знака внутри группы, можно отнести ее ко всем знакам. Так число тангутских иероглифов, имеющих иноязычные транскрипции, было увеличено в несколько раз. Однако при этом выяснилось, что транскрипции распределены по группам неравномерно: на одни группы приходится по нескольку транскрипций, на другие — ни одной. Поэтому прямыми транскрипциями оказалась охваченной примерно половина тангутских иероглифов.

Кроме того, выяснилось, что сами по себе транскрипции не дают достаточно точного представления о чтении иероглифов. Общим недостатком китайской и особенно тибетской транскрипции является их непоследовательность, но дело не только в ней.

Не следует забывать о том, что китайская письменность, с помощью которой сделана основная масса иноязычных транскрипций,— тоже иероглифическая. Мы знаем современные чтения китайских иероглифов, но чтения XII в. должны быть специально реконструированы, хотя бы в общих чертах. Реконструкция усложняется еще тем обстоятельством, что чтение китайских иероглифов, использованных в транскрипции, было не стандартным, а диалектным.

Тибетские транскрипции сделаны средствами фонетической письменности, но наши современные сведения об исторической фонетике и исторической диалектологии тибетского языка настолько скудны, что далеко не всегда можно с уверенностью сказать, как читались тибетские транскрипции во время их создания.

Помимо недостатков транскрипций, существовали также серьезные различия между тангутским языком и языком иноязычных транскрипций. Словарь «Море письмен» различает в тангутском языке 105 рифм. Это означает, что тангутские филологи различали 105 вокалических частей слогов. Вокалическая часть слога, помимо слогообразующего гласного, содержит также медиаль и конечный согласный, поэтому можно полагать, что число слогообразующих гласных было в несколько раз меньше,

Тангутский текст Mūlasarvāstívādā-nikāya-mātṛkā (конец III — начало IV главы) (ксилограф).

Неизвестный текст с тибетской транскрипцией (рукопись). ⟶

чем рифм. Но даже и в этом случае число слогообразующих гласных должно быть большим, чем способны однозначно передать тибетская и китайская письменность.

К концу 30-х гг. Н. А. Невский окончательно утвердился в мнении, что сами по себе иноязычные транскрипции не в состоянии служить основанием дешифровки чтений тангутских иероглифов — ключом к решению этой проблемы являются тангутские словари. В конце 30-х гг. Н. А. Невский приступил к работе над словарями, но в 1938 г. его исследования прервались. Незавершенный труд был издан в 1960 г. [7]. В 1962 г. он был посмертно отмечен Ленинской премией.

В 1950 г. японский лингвист Т. Нисида приступил к исследованиям по тангутскому языку. В его распоряжении находились только «Гомофоны» и иноязычные транскрипции. На основании этих весьма неполных данных он предпринял попытку построить строгую процедуру дешифровки чтений тангутских иероглифов. Эта попытка имеет важное принципиальное значение как первый опыт построения процедуры дешифровки чтений тангутских иероглифов с использованием не только иноязычных транскрипций, но также и фонетического словаря тангутского языка. Она не имела успеха потому, что «Гомофоны» непригодны для таких целей. Это понимал и сам Т. Нисида и потому в свое первое исследование по тангутскому языку не включил раздел фонетической дешифровки [8].

После выхода в свет «Тангутской филологии» Т. Нисида воспользовался словарем Н. А. Невского, где иероглифы, встречающиеся в «Море письмен», имели специальные пометы. На основании этих помет Т. Нисида воссоздал этот словарь, вполне пригодный для включения в процедуру фонетической дешифровки. К сожалению, на основании помет в словаре воссоздать внутреннюю структуру рифм «Моря письмен» было невозможно. Это не могло не повлиять на результаты реконструкции в целом [9].

В Советском Союзе работа над дешифровкой тангутского языка была возобновлена в начале 1962 г. Основная задача, которая была поставлена перед исследованием, состояла в изучении структуры тангутских словарей и разработке процедуры фонетической дешифровки. Эта задача была успешно решена. Наиболее удобным внутренним источником дешифровки тангутской фонетики был признан словарь «Море письмен». Этот словарь создан по модели китайских фонетических словарей: слоги в нем распределены по рифмам, а каждый слог, помимо того, имеет специальное чтение по фаньце (см. комментарий 3, стр. 477). Внутри каждой рифмы слоги делятся на медиальные классы, то есть сначала помещаются слоги без медиали, затем — слоги

[7] См. «Тангутская филология», тт. I—II, Москва, «Наука», 1960.

[8] Нисида Тацуо, Сика го то сика мондзи.— «Тюо: Адзиа кодай го бункэн», Токио, 1961, стр. 391—462.

[9] Нисида Тацуо, Сика го но кэнкю, I, Токио, 1964; II, Токио, 1966. Рец. ВЯ, 1966, № 4, стр. 149—158; НАА, 1968, стр. 198—206.

с медиалью типа -w-, а в каждом медиальном классе они упорядочены в соответствии с начальной согласной, то есть сначала помещаются слоги с губными начальными согласными p-, v-, а затем — по мере удаления места артикуляции до гортанной смычки.

Иначе говоря, «Море письмен» представляет собой достаточно точное описание чтения иероглифов, содержащихся в этом словаре, однако это описание немо: можно, например, сказать, что два класса слогов различаются медиалью, но само «Море письмен» не содержит информации о том, каково это различие. Чтобы установить это различие, потребовались внешние свидетельства о чтении тангутских иероглифов, то есть иноязычные транскрипции. По указанным выше причинам иноязычные транскрипции могут дать лишь общее представление о чтении тангутских иероглифов. Поэтому в исследование транскрипций было введено понятие звукового типа чтения иероглифа, который строился на основании всех наличных транскрипций. Этого оказалось достаточно, чтобы интерпретировать четкую и последовательную классификацию тангутских слогов в «Море письмен». В первом исследовании чтений тангутских иероглифов была установлена следующая принципиальная процедура фонетической дешифровки: определение фонологических классов, различаемых во внутренних источниках реконструкции, а затем их фонетическая интерпретация с помощью иноязычных транскрипций [10].

Фонетическая дешифровка тангутского языка была проделана в два этапа. На первом этапе была проведена общая реконструкция, в результате которой было показано, какие звуки — гласные и согласные — существовали в тангутском языке, но еще не было дано чтения каждого иероглифа в отдельности. На втором — частная реконструкция, в результате которой было дано чтение каждого иероглифа, встречающегося в словарях. Без дешифровки остались иероглифы, по поводу которых словари не сообщают никакой фонетической информации по причине плохой сохранности текста. Результаты частной реконструкции опубликованы в «Грамматике тангутского языка» [11].

Статья Ж. Клосона написана в связи с публикацией результатов общей реконструкции и представляет собой обзор важнейших идей в области дешифровки чтений тангутских иероглифов.

М. В. Софронов

---

[10] М. В. Софронов, Е. И. Кычанов, Исследования по фонетике тангутского языка, М., «Наука», 1963, стр. 3.

[11] М. В. Софронов, Грамматика тангутского языка, М., «Наука», т. I, 1968, стр. 69—144; т. II, стр. 274—403.

Ж. Клосон

БУДУЩЕЕ ТАНГУТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

ВВЕДЕНИЕ

Исследования тангутского языка, или, как его называли прежде, языка Си-Ся, всегда находились среди замыкающих в ряду востоковедных исследований. Этот язык замечателен тем, что записан одной из самых неудобных письменностей, включающей собрание 5800 иероглифов такого же рода, что и китайские, но гораздо более сложных. Лишь немногие из них состоят всего из четырех черт, а большинство — из значительно большего их числа, в некоторых случаях — около двадцати. Запоминать их крайне трудно, потому что в составных частях иероглифов слишком мало различимых указаний на звучание и значение, а в некоторых случаях иероглифы, которые отличаются друг от друга незначительными деталями в форме начертания или одной или двумя чертами, имеют совершенно разное звучание и значение.

Этот язык был впервые замечен европейскими учеными как один из шести языков многоязычной надписи 1345 г. на воротах Цзюйюнгуань в северном Китае и был впервые идентифицирован как тангутский в 1895 г.— тогда лишь предположительно.

Интерес к этому языку вновь возник в последнее время и был вызван публикацией собрания трудов проф. Н. А. Невского, который умер в 1938 г., посвятив многие годы исследованию тангутского языка.

ТАНГУТСКИЙ ЯЗЫК

Общая природа тангутского языка теперь совершенно ясна. Он является древним северным членом тибето-бирманской группы сино-тибетской семьи языков. На нем говорил народ, который впервые упоминается под нынешним названием «тангут» в надгробной надписи тюркского правителя Бильге Кагана, датированной 735 годом. Отсюда ясно, что в это время тангуты были отдельным народом, организованным в какое-то государство, но это государство вполне могло существовать и в более раннее время.

---

*Gerard Clauson, The future of Tangut (Hsi-Hsia) studies.— «Asia Major», N. S., vol. XI, p. 1, 1964, стр. 54—77. Печатается с небольшими сокращениями.

Этот язык стал письменным сразу же после того, как тангутский правитель Ли Юань-хао принял титул императора и — как часть организации своего правительства — приказал некоему Ели Жэнь-жуну (или, по другой версии, — Ели Юйци) создать письменность для тангутского языка как официального языка его империи. Несмотря на то что свидетельства об этом событии различаются в деталях в разных китайских источниках, можно с уверенностью утверждать, что полный список примерно 5800 иероглифов был создан в течение короткого времени в 1038 г. или примерно в это время.

«Империя» продолжала существовать, не играя никакой значительной роли в истории, пока, наконец, не была разрушена Чингис-ханом в 1227 г., но это не повлекло за собой немедленного исчезновения тангутского языка. Если его включение в шестиязычную надпись 1345 г. не было просто преднамеренным китайским архаизмом, что кажется маловероятным, то на этом языке читали и писали еще и столетием позже. Надпись представляет собой самый последний след тангутского языка в письменной форме, но есть серьезные основания предполагать, что он до сих пор существует как один из ныне бесписьменных языков сифань, на которых говорят в пограничном ареале между Тибетом и Сычуанью [1]. Как указал Н. А. Невский (I,39), тангуты, видимо, называли сами себя ми-ньяг и так же иногда называли их тибетцы; так и до сих пор называется племя и язык в этом пограничном ареале, расположенном не очень далеко к югу от традиционной страны тангутов.

ТАНГУТСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Всякое исследование языка обязательно начинается с исследования письменности. К счастью, мы располагаем фактически полным списком ее знаков. Она явно построена по образцу современной ей китайской письменности, но в отличие от нее была создана сразу, не проходя долгой, медленной эволюции. Естественно, продолжительная и сложная история эволюции китайской письменности, которая к тому времени насчитывала два тысячелетия, не была известна создателю тангутской письменности.

Сейчас мы уже не можем сказать, как он решал свою задачу, но, вероятно, он располагал некоторыми китайскими словарями или справочниками, которыми он пользовался как образцами. Очевидно, он не пытался создать что-либо вроде пиктограмм

[1] О языках сифань см. F. W. Thomas, Nam, an ancient language of the Sino-Tibetan borderland, London, 1948.

или рабски следовать китайским правилам начертания иероглифов. Он начал, вероятно, с изобретения некоторого числа иероглифов для обозначения тангутских слов — вероятно, того же типа слов, которые обозначены основными иероглифами в китайской письменности,— а также некоторого числа графических элементов для использования их в качестве ключей и затем создал полный список иероглифов, соединяя эти элементы в различных комбинациях. В его подходе к созданию новых иероглифов существовало одно отличие от китайской практики такого рода: если толкования структуры иероглифов в «Море письмен» можно считать точными, то он использовал как части, так и целые иероглифы в качестве фонетических частей, а не только в качестве ключей. Представляется возможным различать иероглифы следующих категорий: (1) основные иероглифы, структура которых не может стать предметом анализа, обозначающие отдельные тангутские слова, (2) основные иероглифы, предназначенные для передачи звучания слога, (3) иероглифы, составленные из двух значимых элементов, (4) иероглифы, составленные из фонетической части и ключа, (5) небольшое число иероглифов, составленных из ключа, означающего «звук», и фонетического элемента, которые служат для транскрипции слогов иностранных языков, (6) иероглифы, составленные из элементов, взятых от двух фонетических иероглифов, для обозначения слогов иностранных языков, которые отсутствовали в самом тангутском языке, например иероглиф tya, который составлен из частей иероглифов ti и ya. Последний класс, очевидно, представляет собой независимое открытие, не основанное на китайской модели; на него могли навести сочетания букв тибетского письма, с которым создатель тангутской письменности был, вероятно, знаком. Видимо, иероглифы категории (1) использовались так же, как и иероглифы категории (2), для того, чтобы обозначать звуки иностранных слов. Очевидно также, что значимые иероглифы были не просто идеограммами, а обозначали слова с определенным произношением. Здесь, несомненно, кроется объяснение того факта, что в некоторых случаях один и тот же глагол бывает обозначен тремя различными иероглифами с различными, но обычно близкими чтениями. Большинство тибето-бирманских языков характеризуется тем, что у них некоторые глаголы имеют несколько различных форм; например, в тибетском некоторые глаголы имеют даже по четыре различных формы, соответственно для настоящего времени, для перфекта, для будущего времени и для повелительного наклонения. Разумно предположить, что и в тангутском языке было то же самое.

Очевидно, исключая те случаи, когда графические элементы использовались по китайскому образцу как фонетические части в иероглифах категории (4), (5), (6), создатель тангутской пись-

менности не устанавливал связи между отдельными графическими элементами и чтением иероглифов; для него основной фонетической единицей языка был слог, а не отдельные согласные или гласные; он не пытался разделить слог на составляющие его гласные и согласные и представить каждый из них стандартным графическим компонентом, как это происходит в случае алфавитной письменности. Поэтому реконструировать фонетическую структуру тангутского языка путем простого исследования письменности совершенно невозможно [1].

ИССЛЕДОВАНИЯ ФОНЕТИКИ ТАНГУТСКОГО ЯЗЫКА

С течением времени тангутские ученые, которые знали китайский язык и познакомились с китайской фонологией, начали проявлять интерес к фонетике своего родного языка. Их фонетические исследования основывались на китайской, а не на тибетской филологии. Это неудачно по двум причинам. Первая состоит в том, что тибетская письменность была бы более точным средством передачи звуков тангутского языка, который сам по себе был тибето-бирманским. Вторая — в том, что фонетическая структура китайского языка в некоторых отношениях отличалась от фонетической структуры тангутского, в частности, тем, что (1) по меньшей мере один согласный, глухой фрикативный f,— а может быть, и несколько других — существовал в китайском языке того времени и не существовал в тангутском; (2) по меньшей мере один звук, плавный r,— а может быть, и несколько других — существовал в тангутском языке того времени и не существовал в китайском; (3) некоторые звуки, вроде взрывных, не встречались на конце слов в том китайском диалекте, с которым эти ученые были знакомы, но, возможно, встречались на конце слов в тангутском языке, а (4) некоторые сочетания звуков, вроде стечений согласных в начале и конце слога, не существовали в этом китайском диалекте, но, возможно, существовали в тангутском языке. Вот почему тангутские труды по фонетической структуре своего языка, основанные на совершенно неподходящих для него китайских образцах, крайне трудно интерпретировать точно. Однако следует добавить, что в использовании этих образцов существовало некоторое различие. Китайская практика состояла в том, что инициаль и финаль слога рассматривались независимо друг от друга, при этом медиали рассматривались менее тщательно, чем инициали и финали. Тангутские ученые восприняли принципы этой техники и заимствовали целиком среднекитайский список «36 (начальных) согласных» и две более широкие классификации этих звуков на девять и пять категорий; однако они не могли воспринять существовавшие в то

время китайские категории финалей, или «рифмы», потому что, очевидно, форма тангутских слов слишком глубоко отличалась от формы китайских, чтобы сделать это возможным.

В исследовании тангутских трудов по фонетике и других документов, откуда может быть извлечена фонетическая информация, очень важно принимать во внимание фактор времени. Тангутская письменность была создана в 1038 г. Самые ранние тангутские труды по фонетике * не могут быть отнесены ранее чем к третьему десятилетию XII века, остальные относятся к более поздним датам этого столетия **. Принимая во внимание, что в течение всего этого периода должен был существовать тесный личный контакт между тангутами — особенно образованными — и китайцами и что Китай в течение всего этого периода рассматривался как источник образования и культуры, трудно поверить, что некоторая (с китайской точки зрения) грубость тангутского языка в виде стечений согласных в начале слога и взрывных на конце не подверглась процессу неуклонного стирания и разрушения. Это внешнее давление было в конечном счете лишь усилением тенденции, которая в любом случае протекала со своей собственной скоростью. Во всех языках сино-тибетской семьи — впрочем, в китайском более, чем в остальных,— и в значительной степени также в языках тибето-бирманской группы мы можем наблюдать или предполагать неуклонный процесс фонетического стирания. Мы не можем сказать, с какой скоростью стирание проходило в тангутском языке с XI по XIV вв., но этот процесс, несомненно, имел место.

Я думаю, вообще говоря, будет справедливым утверждение, что с возможными небольшими исключениями все китайские и тибетские транскрипции тангутских слов относятся к тому периоду, когда те фонетические особенности, которые отличали тангутский язык от китайского, были уже основательно стерты. В самом деле, их внутренняя согласованность удивительно слаба. Один и тот же тангутский иероглиф имел различные тибетские транскрипции в разных рукописях, а иногда даже в одной и той же, и в конечном счете мы точно не знаем, как те, кто писал эти тибетские транскрипции, в действительности произносили то, что они писали. Ясно, что нужно еще провести огромную работу — иероглиф за иероглифом — как над тангутскими транскрипциями иностранных слов, особенно над наиболее ранними, так и над иностранными транскрипциями тангутских слов, прежде чем мы сумеем извлечь из них достоверные выводы. Из этих двух классов фактов наиболее важен первый. В этом случае

---

* См. след. раздел. — *Прим. ред.*
** См. прим. 7 на стр. 482.— *Прим. перев.*

конечный продукт представит собой список — впрочем, досадно маленький — тангутских иероглифов, фонетические значимости которых могут быть реконструированы с некоторой достоверностью. Это обстоятельство имеет как положительную, так и отрицательную ценность. Положительная ценность состоит в том, что в разумных пределах может быть установлена точная фонетическая значимость некоторого данного иероглифа и тех, по поводу которых будет показано, что они звучат одинаково с ним. Может быть установлена также фонетическая значимость начального согласного всех иероглифов, которые имеют один и тот же начальный согласный, и фонетическая значимость конечного гласного тех иероглифов, которые имеют одну и ту же финаль, или «рифму». Отрицательная ценность состоит в том, что ни одна финаль (рифма) не может быть в точности такой же, как другие, которые установлены вышеописанным способом [2].

ТУЗЕМНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Сохранившиеся тангутские труды по фонетике более или менее детально описаны в исследованиях Н. А. Невского (цит. раб., I, стр. 95 и сл.) и М. В. Софронова (цит. раб., стр. 13 и сл.). Наиболее ранний называется «Море письмен». По причине, указанной М. В. Софроновым (цит. раб., стр. 24), он должен быть самым ранним, но не обязательно намного раньше, чем 1124 г. Примерно к тому же времени относятся и дополняющие его — в том смысле, что ни один иероглиф не встречается в обоих трудах одновременно,— «Смешанные категории Моря письмен» (см. Софронов, цит. раб., стр. 27). Несколько более поздним является труд, тангутское название которого может быть переведено как «Гомофоны». Первое издание его датировано 1132 г. (см. Софронов, цит. раб., стр. 29), но существует еще более позднее сокращенное издание, которое даты не имеет. Последним в порядке датировки следует труд, который М. В. Софронов называет «Рукописный словарь без названия». Он представляет собой своего рода соединение «Моря письмен» и «Гомофонов». Он сохранился частично и не имеет ни начала, ни конца, поэтому не может быть описан как независимый труд, исключая те детали, которыми он отличается от обоих своих источников. Э. Гринстед показал мне рукопись, которая, вероятно, представляет собой фрагмент «Рукописного словаря без названия» из Британского музея. Эта рукопись важна потому, что содержит иероглифы, встречающиеся в главе IX «Гомофонов», включая два, отсутствующие в наличных поврежденных экземплярах этого труда. Наконец, существует еще один труд, тангутское название которого — «Рассечение рифм пяти звуков», описываемый обычно более кратко как «Фонетические таблицы». Первое издание их датиро-

вано 1173 г., но были и более поздние (см. С о ф р о н о в, цит. раб., стр. 13 и сл.). Н. А. Невский (т. I, стр. 129) ссылается на другой рукописный словарь, который, как он говорит, назывался «Драгоценные рифмы моря письмен» и не был полон. М. В. Софронов (стр. 32) пишет, что он не смог найти никаких следов этого труда, но я склонен подозревать, что описание Невского не вполне точно и что в действительности этот словарь является тем же рукописным словарем без названия.

«Гомофоны» представляют собой единственный труд по фонетике тангутского языка, который практически полон. Остальные, даже в том случае, когда сохранились части нескольких экземпляров,— все более или менее неполны [3].

ИНИЦИАЛИ

Хотя китайские фонетические таблицы с их 36 начальными согласными были в определенных отношениях неприложимы к описанию звуков тангутского языка, который, несомненно, более всего соответствовал бы таблицам, составленным по тибетскому образцу, тангутские фонетисты приняли их полностью, но по некоторым причинам, которые пока нам не известны, разместили группы начальных согласных в другом порядке (см. С о ф р о н о в, цит. раб., стр. 15), который представляет собой порядок следования глав «Гомофонов»: (1) губные смычные и носовые, (2) губные щелевые, (3) зубные смычные и носовые, (4) ретрофлексные смычные и носовые, (5) гуттуральные (велярные) смычные и носовые, (6) зубные аффрикаты и сибилянты, (7) ретрофлексные или палатальные аффрикаты и сибилянты, (8) гортанная смычка и т. п., (9) ликвиды — l, r (тангутский звук, неизвестный в китайском) и некий звук, родственный nj/ńź. Пока рассматриваются группы (1), (3), (5), (6) и (7), нет оснований полагать, что список тангутских звуков в каком-то отношении отличается от китайского. Единственным туземным тангутским звуком, который вполне может быть внесен в главу II «Гомофонов», является билабиальный w. В тибетском языке не более полудюжины слов начинается с этого звука, однако эта инициаль более свойственна языку нам (см. Т о м а с, цит. соч.) и, вероятно, была вполне свойственна тангутскому. Тангутские фонетисты были явно в замешательстве, когда подошли к четвертой группе (глава IV): начальные согласные слогов этой группы, вероятно, уже из смычных сделались аффрикатами и тем самым совпали с эквивалентными звуками седьмой группы. Ни ретрофлексных, ни палатализованных зубных не существовало в тибетском, и, вероятно, они не существовали также и в тангутском. В обоих языках такое сочетание, как ty, встречалось только в заимствованных словах индийского происхождения, и в разделе одноч-

ных иероглифов главы III имеется несколько иероглифов, описанных выше как категория (6) среди графических категорий, представляющих такие слоги, как tya, tye, t'ya, dya, dye и, вероятно, другие. Не существует достаточно достоверных данных о том, что все иероглифы в главе IV начинаются с палатального ñ, однако некоторая трудность состоит в том, что имеются также свидетельства о наличии в главе III слогов с инициалью ny-. Кажется, что группа 138 этой главы содержит слова, произносимые как nya, и иероглифом 102 из раздела одиночных иероглифов той же главы, видимо, является nyin. Неясно, какие тангутские звуки содержатся в восьмой группе (глава VIII). Нет сомнения, что в этом языке были слова, начинающиеся с гласного, но трудно определить, существовали ли классы с начальной гортанной смычкой (') и мягким приступом (h̲). Имелись также и слова с начальными y- и h-, но не ɦ-, если только тибетский язык является надежным посредником. Что касается девятой группы (глава IX), то в ней содержались слова с начальными l и r и третьим звуком, природа которого неясна. В тибетском языке существовал звонкий палатальный сибилянт ż, однако он не единственный из тех звуков, которые могли сочетаться с префиксом h̲(знак, служащий для обозначения мягкого приступа, который выступает в качестве знака слабой назализации, когда стоит перед некоторыми взрывными), и поэтому можно с уверенностью утверждать, что такие звуки, как ńż, не существовали в тибетском языке. В тангутском языке положение, вероятно, то же самое, но сочетание h̲j (nj) существует в тибетском языке, и это, вероятно, и есть третий звук в главе IX. Если же нет, то это должен быть ż, и в этом случае этот звук должен быть исключен из главы VII. Итак, очевидно, что в тангутском языке было менее 36 чистых начальных согласных (исключая китайские заимствованные слова), но, насколько меньше,— неясно.

ФИНАЛИ

Следующим шагом должно быть согласование накопленной вышеописанным способом информации с информацией в других трудах, перечисленных выше, относительно инициалей и относительно «рифм», то есть финалей, которых, как показали Н. А. Невский и М. В. Софронов, в этом языке насчитывается 105. В той степени, в какой это возможно, эта информация позволит обнаружить кое-что относящееся к финалям большого числа иероглифов, а может быть, почти всех, исключая некоторые одиночные знаки, и, в частности, обнаружить, какие группы и какие одиночные знаки в «Гомофонах» имеют одну и ту же финаль. Если хотя бы один иероглиф в какой-либо группе получает

какую-то финаль, то отсюда следует, что все иероглифы в этой группе имеют ту же самую финаль. Более того, если хотя бы один из таких иероглифов используется в тангутских транскрипциях иностранных слов, фонетические значения которых известны, то точное звучание соответствующей «рифмы» будет тем самым определено.

Сто пять «рифм» образуют впечатляющее и даже, пожалуй, ошеломляющее число, хотя М. В. Софронов показал (стр. 77), что они делятся на большой цикл из 58 «рифм» и три малых, соответственно из 18, 12, 7 «рифм», которые, вероятно, содержат сходные «рифмы» в одинаковом порядке.

Поучительно сравнение с финалями китайского и тибетского языков. В более или менее современных китайских фонетических таблицах «Цеюнь чжи чжан ту» содержится от 120 до 130 различных финалей, однако это число преувеличено, потому что в указанном труде слова с одинаковыми финалями могут рассматриваться как относящиеся к различным «рифмам».

Фонетическая структура классического тибетского языка примерно того же времени (VII век н. э.) значительно отличается от тангутской. В тибетском существовало только пять гласных: a, e, i, u, o, хотя, вне всякого сомнения, эти письменные знаки обозначали большее число оттенков звуков. Все эти пять звуков могли находиться в конце слова, равно как и одиннадцать дифтонгов. Кроме того, слова могли оканчиваться любым из этих пяти гласных, которые сопровождались одним из десяти согласных: -g, -ŋ, -d, -n, -b, -m, -ḫ, -r, -l и -s — или одним из четырех стечений согласных: -gs, -ŋs, -bs, -ms, а в доклассическом тибетском — еще тремя другими: -nd, -rd и -ld. Таким образом, теоретически количество финалей, которое может быть несколько большим, чем действительное, было равно пяти плюс одиннадцать плюс пять, умноженное на четырнадцать, то есть в конечном итоге — восемьдесят шесть вместе с дополнительными пятнадцатью из доклассического тибетского. Очевидно, что общее число тангутских финалей («рифм»), различаемых фонетистами XII в., было значительно больше общего числа финалей, которые существовали в китайском и тибетском языках тремя или четырьмя столетиями ранее, и ясно также, что по указанным ниже причинам это не есть сумма, увеличенная многократным счетом одних и тех же звуков в различных тонах.

М. В. Софронов (цит.раб., стр. 83 и сл.) предпринял смелую попытку реконструировать эти финали, основываясь на китайских и тибетских транскрипциях, но совершенно очевидно, что его реконструкция не может представить реальные финали тангутского языка в том виде, в котором они существовали в XI в., а если они и представляют финали в том виде, в каком они были тогда, когда язык был уже основательно стерт, то реконструкция,

видимо, слишком детализирована. Более того, немедленно возникает одна техническая проблема. В китайской системе финалей были возможны гласный, дифтонг и гласный плюс согласный независимо от того, предшествовали ли этим звукам медиали -i̯-, -u̯- или -w-. В карлгреновской таблице древнекитайских финалей, например, -a-, -i̯a и -wa рассматриваются как одна, а не три финали. Список М. В. Софронова содержит 65 открытых гласных, 31 открытый гласный с предшествующим -i̯-, три открытых гласных с предшествующим -w- и шесть конечных звуков из гласных плюс -n, из которых двум предшествует -i̯-. По китайской системе подсчета все это составляет всего 69 финалей. Кажется в высшей степени маловероятным, чтобы тангутские фонетисты, как бы ни был изощрен их слух, смогли бы различать 65 различных открытых гласных, даже в том случае, если бы некоторые из них были в действительности дифтонгами. В древнекитайском Б. Карлгрен реконструировал только 14 различных гласных (семь оттенков a, четыре e, а также i, o, u) и из них только a, â, i, o и u встречаются как абсолютные финали, а остальные встречаются только в дифтонгах или перед конечными согласными. Несомненно, в своем исходном виде таблица из 105 рифм включала также некоторое число финалей, оканчивающихся на согласные или стечения согласных. Остается лишь выяснить, могут ли они быть реконструированы [4].

СТЕЧЕНИЯ СОГЛАСНЫХ В НАЧАЛЕ СЛОГА?

Следующей ступенью согласования информации из различных источников должна быть попытка достигнуть большей точности в реконструкции начальных согласных. Как указали Н. А. Невский и М. В. Софронов, фонетические таблицы классифицируют тангутские иероглифы не только в соответствии с девятью категориями, различаемыми в «Гомофонах», но и в соответствии с номенклатурой из 36 отдельных согласных. Выше было указано, что деление главы III в «Гомофонах» на группы доказывает, что в действительности существовало не четыре зубных инициали, а несколько больше. То же самое, без сомнения, справедливо и по отношению к другим главам. Деление согласных VIII категории (гортанная смычка и т. д.) и IX (ликвиды) может особенно ярко осветить всю проблему в целом, потому что по меньшей мере в первом случае наличие префиксов невозможно (впрочем, исключая h-, перед которым префиксы возможны). Здесь некоторую помощь можно получить от фаньце, которые приводятся в некоторых источниках, а также от того, что ни один иероглиф не встречается одновременно как в «Море письмен», так и в «Смешанных категориях Моря письмен». Только тщательное изучение этих двух источников сможет открыть истину, однако уже

сейчас можно рискнуть, предположив, что первый источник содержит иероглифы с простыми инициалями, а второй — иероглифы со стечениями начальных согласных.

Явно существуют два важных обстоятельства, не затронутые вышеописанной процедурой. Первое — это медиали, которые находятся между инициалью и гласной, то есть -r-, -l-, -y-, -w- (если слова с медиалью -w- не собраны в главе II «Гомофонов»). На основании сведений, сообщенных М. В. Софроновым, можно пролить достаточно яркий свет на эту проблему, установив, какие иероглифы расположены в каких строках фонетических таблиц, и, конечно, проведя исследование фаньце [5].

«ТОНЫ»

Наконец, мы подходим к сложной проблеме «тонов» в тангутском языке. «Гомофоны» никак не упоминают об их существовании, и ясно, что составитель этого словаря — даже если он сознавал их наличие — не рассматривал их как достаточно важные для того, чтобы требовать размещения по разным группам иероглифов, произношение которых было идентичным, кроме различия в тоне.

Все остальные источники указывают на существование «тонов», если только это правильный перевод соответствующего тангутского слова, и в некоторых случаях располагают иероглифы в разных тональных классах. Проблема термина крайне важна, потому что здесь налицо большая путаница не только в тангутском, но также и в других языках. Существенно различать два явления, которые иногда одинаково описываются как «тоны». Из них первое — регистр, то есть уровень — высокий или низкий,— на котором произносится слово; второе— модуляции голоса, то есть обычно это восходящая или нисходящая модуляция или резкий обрыв звучания гласного.

Относительно тангутских «тонов» трудно с определенностью решить, чтó сами тангутские фонетисты, воспринявшие китайскую терминологию со всеми ее внутренними противоречиями, считали по этому поводу, и, в частности, должно ли тангутское слово, соответствующее китайскому обозначению *восходящего* тона, в действительности иметь значение «высокий регистр» или «восходящая модуляция» или, может быть, то и другое вместе, и может ли тангутское слово, обычно употребляемое как антитеза восходящего тона, в действительности иметь значение «низкий регистр», или — как он обычно переводится — *«ровный тон»*.

В обсуждении, которое последует ниже, я буду пользоваться, вместо соответствующих двух тангутских слов, китайским термином «восходящий тон», который, к нашему удобству, неодно-

значен, и «ровный тон» — с оговоркой, что «низкий тон», вероятно, было бы более правильным обозначением...

Можно было бы рассуждать на тему о том, что, поскольку термины *«ровный тон»* и *«восходящий тон»* последовательно применяются к «рифмам», то есть к финалям, они должны обозначать модуляцию голоса, а не его регистр, потому что именно изменение финали создает модуляцию голоса; но этому утверждению следовать не обязательно. Можно просто показать, что в этом отношении тангутские фонетисты слишком рабски следовали своему китайскому образцу.

Впрочем, более значительно то, что практически все упоминания о тонах говорят только о *«ровном тоне»* и *«восходящем тоне»*. М. В. Софронов (цит. раб., стр. 32) пишет о том, что в первой части «Моря письмен» содержится 2600 иероглифов с «рифмами» *ровного* тона, а на сохранившихся страницах второй части — 2107 иероглифов с «рифмами» *восходящего* тона; на сохранившихся страницах «Смешанных категорий» — 448 иероглифов (с рифмами *ровного* и *восходящего* тонов), которые не встречаются в «Море письмен». К этим цифрам он предлагает дополнение примерно из 500 иероглифов, принадлежащих тридцати «рифмам» *восходящего* тона, находившихся на утраченных страницах второй части «Моря письмен», и примерно 250 иероглифов из утраченной части «Смешанных категорий». Если сложить эти пять чисел, получим 5905, и отсюда совершенно очевидно, что в этих двух источниках не остается места для иероглифов, принадлежащих каким-нибудь тонам, отличным от *ровного* и *восходящего*, а также и то, что оба подсчета немного завышены, потому что сумма превосходит общее число иероглифов, содержащихся в «Гомофонах»,— 5778 плюс шесть или в крайнем случае даже более ста.

Точно так же во второй части фонетических таблиц (см. Софронов, цит. раб., стр. 31 и сл.) иероглифы распределены только по двум тональным классам — *ровного* или *восходящего* тонов. Как он указывает, упоминания о рифмах *уходящего* и *входящего* тонов крайне редки и встречаются только в рукописном словаре без названия. По Н. А. Невскому (I, стр. 129), «рифмы», которые в «Море письмен» отнесены к *ровному* тону, в утерянных «Драгоценных рифмах Моря письмен» относятся к *ровному* и *входящему* тону; и, по М. В. Софронову (стр. 32), «рифмы», которые в «Море письмен» и в «Смешанных категориях Моря письмен» отнесены к *ровному* тону, в словаре без названия относятся к *уходящему* тону. Есть ли различие между этими источниками или, как я указывал выше, одно и то же описывается различным способом — все равно это не производит впечатления, что здесь рассматриваются только вопросы терминологии... [6].

КОНЕЧНЫЕ ВЗРЫВНЫЕ?

Другое полезное направление исследования может состоять в том, чтобы посмотреть, нет ли каких-нибудь фактов вроде спорадического упоминания о *входящем* тоне, с помощью которого станет возможной реконструкция конечного взрывного в какой-нибудь из 105 «рифм», и таким образом исправить неестественный вид финалей в том виде, как они реконструированы у М. В. Софронова, с их невероятным преобладанием открытых гласных. Имеется даже конкретный пример, который может быть рассмотрен как правдоподобное свидетельство в пользу наличия конечных взрывных. Н. А. Невский (цит. раб., I, стр. 39) высказал мысль, что тангуты называли себя примерно Miñag или Minyag, названием, подтвержденным как более или менее современными тибетскими источниками, так и номенклатурой современных племен сифань. Н. А. Невский идентифицирует иероглифы, обозначающие это название, как первые два из трех иероглифов в сноске 22 на стр. 51 (том I). Первый находится в главе I «Гомофонов»; он относится к «рифме» 30 (29 *ровного* — 27 *восходящего* тона). Он не может произноситься как mi, потому что «рифма», которая транскрипциями дхарани зафиксирована как -i, является очень распространенной «рифмой» 11 (11 *ровного* — 10 *восходящего*), а обычный иероглиф для mi в этих транскрипциях — это шестой иероглиф у Н. А. Невского на стр. 306 тома I (глава I «Гомофонов», группа 30, «рифма» 11 *ровного* тона), но он должен быть как-то сходен с рассматриваемым иероглифом. М. В. Софронов (цит. раб., стр. 92) реконструирует эту «рифму» как -i̯ï. Второй иероглиф находим в главе III «Гомофонов» (группа 171). Он принадлежит довольно редкой «рифме» 21 (21 *ровного* — 18 *восходящего* тона), которую М. В. Софронов реконструирует как низкое æ. Разумнее было бы реконструировать эту «рифму» как -ag, а иероглиф — как nyag.

ВЫВОДЫ

Итогом тщательного исследования всей информации, которую удалось извлечь из тангутских трудов по фонетике, должна стать таблица, в которой необходимо указать приблизительное произношение слов, представленных в большинстве групп «Гомофонов», и многих отдельных иероглифов. Таблица должна содержать немалое число вопросов и перекрестных ссылок, а также указаний на то, что некоторые слова должны произноситься почти так же, как и другие, и в чем различие между ними, неизвестно. При составлении этой таблицы наиболее интересные факты будут получены со стороны тангутских

транскрипций иностранных слов. Китайские и тибетские транскрипции тангутских слов не много прибавят к этому, исключая те случаи, когда окажется возможным реконструировать стечения начальных согласных на основании транскрипций тангутских иероглифов с помощью пар китайских иероглифов из «Перла на ладони» или с помощью тибетских транскрипций, содержащих стечения начальных согласных (однако на последние свидетельства не всегда можно положиться).

ТАНГУТСКИЙ ЯЗЫК ДО XI И ПОСЛЕ XIV СТОЛЕТИЯ?

Последний вопрос, интересующий нас, состоит в следующем. Может ли быть внесено сюда дальнейшее уточнение, если мы призовем на помощь сравнительную филологию в том или ином виде? Можем ли мы найти образцы тангутского языка до 1038 г.— этот вопрос столь же увлекательный, сколь и мучительный. Среди многочисленных документов тибетской письменности, доставленных из Центральной Азии, главным образом из Дуньхуана, который одно время находился в пределах тангутской «Империи», наряду с тибетскими, тюркскими и китайскими текстами имеются также тексты по меньшей мере на двух неидентифицированных языках сино-тибетского типа, а может быть, и на большем их числе. Один из текстов, наиболее длинный, опубликованный покойным проф. Томасом, написан на языке, названном проф. Томасом «нам». Проф. Томас соотносит этот язык с ареалом в северо-восточном Тибете, который почти наверняка в то время (VIII или IX вв.), когда эта рукопись была написана, был населен дансянами или близким к ним племенем. В конце концов может оказаться, что этот или какой-нибудь другой из «неизвестных» языков в действительности представляет собой тангутский язык до 1038 г., поскольку интерпретация этих документов в настоящее время не более как упражнение в более или менее удачном гадании. Существенный прогресс в этой области может быть достигнут благодаря реконструкции значений и произношения тангутских слов до того, как любая такая идентификация сделается правдоподобной. Однако можно сказать, что фонетические структуры языка нам и языка, представленного большим текстом в Британском музее MS. Or. 8212(188), очень сходны с тем, что, по-видимому, является фонетической структурой тангутского языка со значительным количеством стечений согласных в начале и конце слога и прежде всего с достаточно ограниченным набором гласных.

Если все это так, то вряд ли могут быть какие-либо сомнения по поводу того, что, поскольку тангутский язык находится точно между этими двумя «неизвестными» языками, примерно

на два или три столетия более древними, чем ранний тангутский язык, и современными языками сифань на пять или шесть столетий моложе позднего тангутского языка, то здесь должно быть много общего в области фонетики, словаря и грамматики. По поводу тангутской грамматики известно достаточно, чтобы сделать вывод, что она напоминает грамматику тибетского и других тибето-бирманских языков, но словарь, конечно, не идентичен словарю тибетского языка. Последнее — что, впрочем, разочаровывает, но не удивляет — верно и в отношении тибетского языка и языков сифань, между словарями которых имеются большие расхождения.

Все то, что я сказал выше, насколько мне кажется, представляет собой разумный итог нынешнего состояния и будущих перспектив реконструкции фонетической структуры тангутского языка, но это, конечно, часть, и при этом не очень важная часть, общего исследования этого языка. [7]...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мне хотелось бы закончить замечанием личного характера. По поводу своих исследований тангутского языка могу сказать, что эта статья, по-видимому,— моя лебединая песнь. Когда я приступил к ним более тридцати лет назад, я считал их увлекательным упражнением по криптографии с небольшим привлечением математики. Однако очень скоро я обнаружил, что глубокое изучение тангутского языка невозможно без если не глубокого, то во всяком случае хорошего знания китайского, тибетского и, если возможно, языков сифань. Было бы неумеренной похвальбой утверждать, что мои знания любого из этих языков вполне совершенны, и потому я оставляю эту область науки — думаю, навсегда — и возвращаюсь к исследованиям по тюркологии, на которых ныне сосредоточены мои интересы. Я вернулся на мгновение к этому предмету потому, что я, вероятно, единственный оставшийся в живых представитель раннего и менее научного периода, почувствовал, что мой долг состоит в том, чтобы передать мой опыт в распоряжение нового и сильного поколения молодых исследователей этого увлекательного языка, пока еще не слишком поздно. Я весьма обязан моим старым друзьям — проф. В. Зимону и проф. Э. Пуллиблэнку за их помощь в работе над этой статьей.

КОММЕНТАРИЙ

К стр. 461—463.

[1]. Б. Лауфер справедливо назвал тангутскую письменность самой сложной и самой неудобной среди всех известных науке. Тангутская письменность занимает особое место среди иероглифических систем письма. Она представ-

ляет собой единственную иероглифическую письменность, созданную по образцу китайской.

Единицей тангутской письменности является письменный знак, условно называемый иероглифом, который обозначает одну морфему тангутского языка. Большинство тангутских морфем состоит из одного слога, поэтому можно сказать, что каждый тангутский иероглиф передает на письме слоговую морфему.

Каждый тангутский иероглиф может быть рассмотрен со стороны его графической и семантической структуры.

Графическая структура состоит из графических единиц тангутских иероглифов и способов их соединения. В основе графической структуры тангутской письменности лежат 8 элементарных графем, которые геометрически характеризуются непрерывностью и направленностью, а также три способа их соединения: соположение, касание, пересечение. Элементарные графемы объединяются в графические элементы, которые представляют собой часть иероглифа, а в некоторых случаях — целый иероглиф. Графические элементы значимы. Значение иероглифа в целом представляет собой сумму значений графических элементов, содержащихся в нем.

Идеографический принцип был положен в основу тангутской письменности вполне сознательно. Отступления от этого принципа вполне понятны прежде всего потому, что последовательно идеографическая письменность невозможна. В идеале при идеографическом принципе построения иероглифической письменности должно существовать некоторое количество неавтономных графических элементов — носителей элементарных значений, которые не употребляются самостоятельно, а выступают только как части иероглифов. Эти неавтономные графические элементы объединяются в автономные иероглифы, значение которых описано в терминах значений графических элементов.

Очевидно, что создание набора неавтономных графических элементов — носителей элементарных значений — не могло быть успешно решено тангутскими филологами. Проблема набора элементарных значений, с помощью которых можно описывать значения любых лингвистических единиц, не решена и в современной науке. Однако создатели тангутской письменности нашли остроумный выход из положения: они отказались от обязательной однозначности графических элементов своей письменности, принеся ее в жертву общему идеографическому принципу тангутской письменности. А для того, чтобы семантическая структура иероглифа в каждом случае была бы понятной, каждому иероглифу в «Море письмен» давалось пояснение, где указывалось значение каждого графического элемента в данном иероглифе. Это указание делалось в следующей форме: «Графический элемент X представляет собой часть знака Y» [1]. Это означает, что графический элемент X представляет в данном иероглифе значение иероглифа Y. Жертва была вынужденной, поэтому создатели письменности стремились где только возможно сохранить постоянство значения хотя бы части графических элементов. Поэтому отношения графических элементов с тем значением, которое они представляют в составе иероглифа, довольно сложны.

По способу связи со значением графические элементы тангутской письменности делятся на два класса. Графические элементы одного класса не имеют постоянного значения: в каждом случае своего употребления они представляют различные знаки тангутской письменности. Так, например, графический элемент при автономном употреблении означает числительное «восемь». Однако его значение при неавтономном употреблении, в составе иероглифов, не имеет никакого отношения к этому числительному. Согласно экспликации «Мо-

[1] «Море письмен». Перевод с тангутского, вступительные статьи и приложения К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катанского, ч. I, «Наука», 1969, стр. 14—15.

ря письмен» в иероглифе «парча» тот же графический элемент представляет иероглиф «хороший», а в иероглифе «свет» — «освещение».

Графические элементы другого класса сохраняют постоянство своего значения. Согласно экспликациям «Моря письмен», такие элементы во всех случаях своего употребления представляют собой одни и те же иероглифы. Так, например, графический элемент «вода» всегда представляет знак «вода». Эти графические элементы в работах по тангутской письменности носят название «ключей» или «детерминативов» [2]. Однако это название нельзя признать удачным, потому что оно вызывает ассоциации с «ключами» китайской письменности. Дело в том, что в китайской письменности «ключ» представляет собой часть иероглифа фонетической категории, другая его часть — фонетический знак, который указывает на чтение иероглифа в целом. В тангутской письменности вторая часть иероглифа, содержащего «ключ», не обязательно представляет собой фонетический знак, чаще всего она является обычным графическим элементом, принимающим участие в описании значения иероглифа в целом наряду с «ключом».

В тангутской письменности различаются два вида знаков: описанные выше иероглифы, которые обозначают отдельные слогоморфемы тангутского языка, и специальные транскрипционные иероглифы, которые собственного значения не имеют, а служат только для передачи звучания слогов иностранных языков. Последние образуются двумя способами. Один из них, в сущности, полностью соответствует китайскому способу создания иероглифов фонетической категории: к тангутскому иероглифу присоединяется ключ «звук», после чего он становится транскрипционным знаком. Так образовывались знаки для передачи тех слогов иностранных языков, которые имелись в самом тангутском. Для того чтобы создавать слоги, отсутствующие в тангутском языке, пользовались транскрипционными иероглифами типа фаньце, о которых Ж. Клосон пишет в пункте 6.

К стр. 465.

[2]. В тангутских текстах-билингвах встречается довольно значительное число транскрипций иностранных слов: собственные имена, географические названия и т. п. Звучание этих слов достаточно хорошо известно из других источников, поэтому самые первые попытки реконструкции чтений тангутских иероглифов были сделаны на основании именно этих транскрипций. Однако довольно скоро обнаружилось, что для транскрипций иностранных слов тангуты пользовались специальными транскрипционными иероглифами, которые собственного значения не имели. Дешифровка чтений таких иероглифов, естественно, не вела к самому тангутскому языку.

Китайские транскрипции тангутских иероглифов приведены в учебном пособии по китайскому языку для тангутов — «Своевременный перл на ладони». Каждому тангутскому иероглифу здесь дан китайский перевод и китайская транскрипция, а каждому китайскому — тангутский перевод и тангутская транскрипция. Тибетская транскрипция тангутских иероглифов была найдена на отдельных фрагментах тангутских книг. В настоящее время известно 22 фрагмента тангутских текстов с тибетской транскрипцией.

---

[2] Е. И. Кычанов, К изучению структуры тангутской письменности. — «Краткие сообщения Института Народов Азии АН СССР», вып. 68, 1964, стр. 128.

Всякая передача звуков языка средствами иноязычной графики неизбежно связана с трудностями, которые преодолеваются с помощью специальной техники.

К концу XII в. китайская филология располагала вполне развитой техникой транскрипции иностранных языков. При передаче звучания какого-нибудь иностранного слова средствами китайской графики слово делилось на части, которые по своей структуре соответствовали слогам китайского языка, а затем каждой такой части ставился в соответствие китайский слог. Такая транскрипция называется односложной. Кроме того, имелись транскрипции из двух знаков, или биномные. Существовали биномы двух типов.

Биномы типа фаньце применялись в тех случаях, когда слог иностранного языка состоял из таких частей, которые не могут входить в состав одного слога китайского языка. Более подробно о методе фаньце см. на стр. 478.

Биномы типа эрхэ применялись в тех случаях, когда транскрибируемый слог иностранного языка начинался со стечения двух согласных, которые в китайских слогах не встречались. Допустим, к примеру, что средствами китайской письменности нужно передать слог «скот» с двумя согласными в начале. Для этого подбираются два слога, из которых первый должен иметь тот же начальный согласный, что и первый согласный искомого слога, скажем «сон», а второй должен совпасть с оставшейся частью слога, то есть «кот», так как «скот» = «с(он) + кот». Правила китайской транскрипции требовали, чтобы при каждом биноме был бы указан тип, к которому он относится.

Однако китайские транскрипции «Перла на ладони» таких указаний не имели. Поэтому для интерпретации биномных транскрипций пришлось обратиться к «Морю письмен», с помощью которого удалось провести границу между биномами этих двух типов.

К стр. 466.

[3]. Наиболее полезным для дешифровки произношения тангутских иероглифов является словарь «Море письмен». Он составлен в полном соответствии с китайской филологической традицией, существо которой состоит в следующем.

В китайских средневековых словарях иероглифы располагались не по начертанию, а по произношению. Признаком, по которому упорядочивались слоги в таких словарях, является рифмующаяся последняя часть слога, которая в научной литературе носит название финали или вокалической части. Причина такого расположения слогов в словарях состояла в том, что ими обычно пользовались как рифмовниками.

Китайский иероглиф обозначает слоговую морфему, то есть такую единицу языка, которая представляет собой слог, имеющий собственное значение. В русском языке не всякий слог — слогоморфема. В слове «бо-ро-да» три слога, но ни один из них не имеет собственного значения. Слог «дом» имеет собственное значение и потому является слоговой морфемой. В китайском языке все слоги относятся именно к этому типу. Слоги среднекитайского языка имели простую структуру типа русских «та», «так», «там». Слоги с двумя начальными или двумя конечными согласными типа «стол» или «воск» были невозможны.

Согласно правилам китайского стихосложения два слога считаются рифмующимися в том случае, если все их элементы, кроме начального, совпадают. Естественно, что рифмические словари различали в слогах рифмующуюся и нерифмующуюся часть. Нерифмующейся частью был начальный согласный, рифмующейся — вокалическая часть слога. Вокалические части слогов, и следовательно, рифмы, различались: гласным — различие типа «та» и «то»; наличием или отсутствием йота перед гласным — различие типа «ток» и «тек»; конечным согласным — различие типа «так» и «там».

Рифмующиеся между собой слоги объединялись в класс, который назывался *рифмой*. Средневековый китайский фонетический словарь представляет собой последовательность таких классов, внутри которых находятся слоги с

одинаковыми вокалическими частями, но с различными начальными согласными.

Внутри рифмы слоги с одинаковыми начальными согласными объединяются в группы. Их вокалические части известны, как узнать их начальные согласные? Для этого китайские филологи изобрели метод фаньце — «объяснение через рассечение».

Иероглифическая письменность насчитывает десятки тысяч иероглифов, произношения которых не в состоянии запомнить никто. Однако при этом существует некоторое количество иероглифов, обозначающих наиболее часто встречающиеся односложные слова, чтение которых было хорошо известно всем, знающим китайскую письменность. В сущности, фаньце — это метод перенесения произношения известных иероглифов на неизвестные.

Для того чтобы описать произношение неизвестного иероглифа, ему в соответствие ставятся два других, чтение которых предполагается известным. Эти знаки называются знаками фаньце. Первый знак фаньце описывает начальный согласный, второй — вокалическую часть слога. Поясним технику фаньце на примере односложных слов русского языка с той же структурой, что и китайские слоги. Допустим, нам нужно передать произношение иероглифа, который обозначает такой слог, как «дом». Для этого привлекаются слоги «дуб» и «лом». Начальный согласный первого знака фаньце совпадает с начальным искомого слова: «дуб» — «дом», вокалическая часть второго знака фаньце совпадает с его вокалической частью: «лом» — «дом». Таким образом, получаем «дом» = «д-(уб+л)-ом». По фаньце «т-(ам+м)-ак» получим чтение соответствующего иероглифа «так».

Методом фаньце можно описать произношение сколь угодно большого числа иероглифов с помощью ограниченного числа знаков фаньце. В идеале можно даже представить себе такую систему, в условиях которой каждый начальный согласный и каждая вокалическая часть слога постоянно обозначаются одним и тем же знаком фаньце. Однако авторы словарей не стремились к созданию идеальной системы, а описывали чтение каждого знака или группы знаков отдельно. Поэтому практически для описания одного и того же элемента слога пользуются несколькими знаками. Знаки, используемые для описания одного и того же начального согласного или одной и той же вокалической части слога, образуют фонетические классы.

Ввиду того, что действительное произношение элементов слогов, описываемых с помощью фаньце, представляет собой искомую величину, существует формальная процедура установления фонетических классов. Она основана на том, что каждый знак фаньце имеет собственное описание этим же способом. Суть этой процедуры состоит в следующем: если одна из частей слога А описана с помощью знака фаньце В, а та же самая часть слога В — с помощью С, то, следовательно, в А, В, С соответствующая часть слога одинакова. Для выявления полного состава фонетического класса процедура продолжается до тех пор, пока не появится такой слог X, где та же самая часть описывается с помощью знака А. Круг замыкается, состав класса установлен. Часто такой класс называют цепью, потому что его члены последовательно соединены друг с другом. Здесь описан случай «прямой» цепи. Чаще встречается «ветвящаяся» цепь. Различие между ними можно показать с помощью формул. Формула прямой цепи: А→В→С→ .Х→А, формула «ветвящейся»: А→В→С→...Х→С. Отрезок С→...Х→С образует «ствол», а отрезок А→В→С — «ветвь».

Рассмотрим теперь описание по фаньце тангутского иероглифа [illegible].

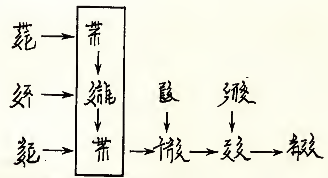
[illegible] — иероглиф, чтение которого является искомой величиной.

[illegible] — первый знак фаньце.

— второй знак фаньцё.

Теперь, допустим, нам нужно узнать, какие еще существуют первые знаки фаньце, которые описывают тот же начальный согласный, что и в слоге . В «Море письмен» произношение знака описывается с помощью фаньце , а первый знак этого фаньце описывается с помощью . Круг замкнулся. Эти два знака образуют простейшую прямую цепь

которая представляет собой «ствол», от которого во все стороны отходят «ветви»:



На рисунке «ствол» цепи фаньце заключен в рамку.

Для того чтобы выяснить, какой именно начальный согласный описывают знаки, входящие в цепь, достаточно знать иностранную транскрипцию хотя бы одного из них. Тибетская транскрипция иероглифа *ши*, китайская транскрипция иероглифа —иероглиф 叔, который читается как *шу*. Следовательно, все первые знаки фаньце, входящие в эту цепь, описывают начальный согласный *ш*.

Аналогично строятся цепи вторых знаков фаньце, но при наличии словаря рифм в этом не всегда возникает потребность, потому что слоги с одинаковыми вокалическими частями и без этого бывают объединены в классы.

Воспользовавшись изложенной выше процедурой, можно установить количество как начальных согласных, так и вокалических частей слогов того состояния тангутского языка, которое описано в «Море письмен». Однако, к сожалению, сохранилась лишь половина этого словаря, содержащая слоги ров-

ного тона. Для реконструкции недостающей части словаря нужно было обратиться к другому словарю.

«Гомофоны» составлены независимо от китайской филологической традиции. Как явствует из его названия, это был тоже фонетический словарь, но только слоги тангутского языка здесь располагались не по рифмам, а по начальным согласным слогов. Недостатком «Гомофонов» является схематичность описания чтений иероглифов. В соответствии с девятью классами начальных согласных, различаемых тангутскими филологами, этот словарь делится на девять глав, из которых каждая содержит слоги с начальными согласными, принадлежащими одному классу, однако внутри класса последовательность слогов совершенно не упорядочена, поэтому единственным видом фонологической информации, который может быть получен из «Гомофонов», является указание на принадлежность начального согласного слога к одному из девяти консонантных классов.

Известно два издания словаря. Ни одно из них не полно, но оба вместе они содержат практически все тангутские иероглифы. Для того чтобы определить состав недостающей части «Моря письмен», достаточно из общего числа знаков «Гомофонов» вычесть сохранившиеся знаки «Моря письмен».

К стр. 467—469.

[4]. Дешифровка вокалических частей слогов тангутского языка также началась с проблемы количества гласных. «Море письмен» содержит 105 рифм. Теоретически число рифм должно быть равно числу вокалических частей слогов, но число рифм не зависит от количества слогообразующих гласных.

Рифмы могут различаться тремя элементами: слогообразующим гласным, конечным согласным, медиалью. Судя по иностранным транскрипциям, значение конечного согласного как средства различения тангутских рифм было невелико: только в двух рифмах можно говорить о наличии конечного согласного -n. Следовательно, тангутские рифмы могли отличаться друг от друга медиалью и слогообразующим гласным. Китайские транскрипции показали, что в тангутских слогах различались две медиали типа иота, причем слоги с одинаковым слогообразующим гласным, но различной медиалью этого типа выделялись в особые рифмы. Это обстоятельство сократило вдвое число рифм, где можно было ожидать различные слогообразующие гласные, но все равно число их было неправдоподобно большим.

Исследование тангутского вокализма привело к мысли, что последовательность рифм в «Море письмен» не случайна также и с точки зрения вокализма. Было замечено, что в последовательности рифм выделяются группы. Иностранные транскрипции слогов, принадлежащих этим группам рифм, относятся к одному и тому же звуковому типу. Последовательность рифм «Моря письмен» начиналась со звукового типа U, а затем переходила к звуковым типам Е, А, Ы, О. Во всей последовательности рифм «Моря письмен» этот ряд повторяется трижды полностью и один раз частично. Границы этих отрезков последовательности рифм в «Море письмен» совпали с границами классов рифм, содержащих слоги с различными стечениями начальных согласных. Это окончательно доказало, что распределение тангутских слогов по рифмам зависит не только от их вокалических частей, но также и от того типа, к которому принадлежит слог. Судя по последовательности рифм в «Море письмен», тангутские филологи различали три типа слогов родного языка: слоги с одним начальным согласным — большой цикл, слоги со стечением начальных согласных — первый и второй малые циклы — в зависимости от первого элемента стечения согласных. Слоги третьего малого цикла не имеют собственных цепей фаньце для описания их консонантизма, а описываются знаками из цепей для большого цикла, поэтому причина выделения третьего малого цикла до сих пор не ясна. Все это означает, что каждый цикл рифм «Моря письмен» содержит одни и те же слогообразующие гласные.

К стр. 469—470.

[5]. Первая проблема дешифровки начальных согласных — проблема чисто количественная: сколько согласных могло находиться в начале тангутского слога? Немое описание согласных в «Море письмен» не могло дать ответа на поставленный вопрос, потому что в принципе цепь первых знаков фаньце может обозначать как один начальный согласный, так и их сочетание. Ответ на этот вопрос можно было найти только в результате исследования иностранных транскрипций, а иностранные транскрипции нисколько не исключали возможности стечения согласных в начале тангутского слога.

Решить эту проблему можно было, лишь определив тип транскрипционных биномов. Только в этом случае можно было сказать, что тангутские слоги, транскрибированные по-китайски биномами фаньце, имеют один начальный согласный, а слоги, транскрибированные по-китайски биномами типа эрхэ,— стечение двух согласных. Для решения этой проблемы пришлось обратиться к классам начальных согласных «Моря письмен». Ход рассуждений в этом случае был таков. Если некоторая цепь первых знаков фаньце описывает консонантизм слогов с единственным начальным согласным, то все слоги, описываемые этой цепью фаньце, транскрибируются с помощью одиночных китайских транскрипций. Если некоторая цепь фаньце описывает консонантизм слогов со стечением двух начальных согласных, то все слоги, описываемые этой цепью фаньце, транскрибируются с помощью биномов типа эрхэ. Частным случаем первого варианта описания начальных согласных является такой, когда цепь первых знаков фаньце описывает консонантизм слогов с единственным начальным согласным, но слоги, описываемые этой цепью фаньце, транскрибируются как одиночными иероглифами, так и биномами. Очевидно, что в подобных случаях такие транскрипционные биномы относятся к типу фаньце.

В результате исследования фонетических классов начальных согласных в «Море письмен» было установлено, что основная масса китайских транскрипционных биномов относится к типу фаньце. К типу эрхэ относится только один класс биномов, выделенный еще в 20-х гг. А. А. Драгуновым [3]. В действительности биномы эрхэ описывают не стечение двух начальных согласных, а полуносовые аффрикаты ndz и ndź, которые не имели соответствий в китайском языке, и потому слоги с ними рассматривались в китайской транскрипции как слоги со стечением двух начальных согласных.

Итак, китайская транскрипция практически свидетельствует о наличии в тангутском языке слогов только с единственным начальным согласным. Свидетельства тибетской транскрипции по этому поводу были значительно менее определенны. Она явно указывает на возможность нескольких вариантов стечений согласных в начале слога, но ввиду того, что историческая фонетика тибетского языка исследована недостаточно, нельзя было точно сказать, какие сочетания согласных представляли собой действительное стечение, а какие обозначали в то время уже только один согласный.

Теория дешифровки произношения иероглифов, описанного с помощью рифм и фаньце, гласит: число начальных согласных соответствует числу цепей первых знаков фаньце при условии, что на выбор первых фаньце не наложено никаких ограничений. Если такие ограничения налагаются, то число цепей первых знаков фаньце, служащих для описания одной и той же согласной фонемы, увеличивается на число этих ограничений. В «Море письмен» одна и та же согласная фонема могла быть описана с помощью нескольких цепей первых знаков фаньце. Однако далеко не сразу удалось выяснить, какого рода ограничения здесь налагались на их выбор.

Если бы в нашем распоряжении находился полный текст «Моря письмен», мы могли бы быть уверены в том, что цепи первых знаков фаньце соответствуют как фактам самого тангутского языка, так и описанию этих фактов в «Море

[3] A. Dragunov, Binoms of the type ni-tsu in Tangut-Chinese dictionary.— ДАН СССР, серия В, 1929 № 8.

письмен». Однако мы располагаем лишь половиной текста этого словаря, вторая его половина — реконструкция, поэтому невозможно исключить вероятность того, что при реконструкции какие-то цепи могли распасться.

Исследование наличных цепей фаньце показало, что одним из ограничений, налагаемых на первый знак фаньце, является принадлежность слога к определенному классу рифм. Иными словами, в каждом классе рифм начальные согласные слогов описывались особыми цепями первых знаков фаньце. При формировании этих классов рифм было показано, что последовательность рифм в «Море письмен» делится на четыре части. Эти части по причинам, которые будут указаны ниже, были названы циклами. Тибетская транскрипция тангутских слогов второго малого цикла регулярно содержит надписной r-. Очевидно, цепи первых знаков фаньце, описывающие начальные согласные слогов второго малого цикла, описывают не один начальный согласный, а их стечение, причем первым элементом этого стечения является r-. Таким образом, стало очевидно, что разделение рифм на циклы связано с наличием в соответствующих циклах стечений начальных согласных. Большой цикл рифм содержит слоги с одним начальным согласным, а малые циклы — слоги со стечением начальных согласных. Первый элемент стечения согласных слогов первого малого цикла совершенно не отражен в китайских транскрипциях и очень слабо отражен в тибетской. Однако отдельные тибетские транскрипции позволяют считать, что первым элементом стечения согласных в слогах этого цикла был h-.

К стр. 470—471.

[6]. Проблема тонов тангутского языка остается наиболее сложной и запутанной частью фонетической реконструкции. О наличии тона в тангутском языке свидетельствуют «Море письмен» и фонетические таблицы. Однако «Море письмен» делит все слоги тангутского языка на два тональных класса, а предисловие к фонетическим таблицам называет четыре. Это утверждение предисловия никак не вяжется с практикой фонетических таблиц, которые, как и «Море письмен», при описании чтений иероглифов различают только два тона. Единственным словарем, где теория четырех тонов последовательно проведена, является рукописный словарь без названия. Помимо ровного и восходящего тонов, различаемых в «Море письмен», этот словарь различает также уходящий и входящий тоны — в соответствии с китайской номенклатурой.

В «Море письмен» и в рукописном словаре без названия по-разному трактуется принадлежность одних и тех же слогов к тональным классам. При этом в трактовках налицо следующая закономерность: слоги, которые словарь без названия относит к уходящему тону, в «Море письмен» относятся к ровному, а слоги, которые словарь без названия относит к входящему, в «Море письмен» относятся к восходящему. Это означает, что рукописный словарь без названия расщепляет каждый тон «Моря письмен» на два. Независимо от того, являются ли тоны, рассматриваемые в рукописном словаре без названия, самостоятельными или они представляют собой варианты тонем, основа расщепления тонов ясна. Для сино-тибетских языков вообще характерна связь между начальным согласным слога и регистром его произношения: слоги с глухими начальными согласными произносятся в высоком регистре, а слоги со звонкими начальными согласными — в низком. Тангутский язык не мог быть исключением. К сожалению, при наличных средствах дешифровки невозможно доказать тонематический статус тонов рукописного словаря без названия, поэтому при практической дешифровке учитывались только тоны «Моря письмен».

К стр. 474.

[7]. Основные источники дешифровки тангутской фонетики — «Море письмен», китайская, тибетская транскрипции — описывают разные состояния тангутского языка. Эти состояния, вероятнее всего, временные, хотя нельзя исключить возможность ареальных причин различий между ними.

Имеются веские доводы в пользу того, что «Море письмен» либо само по себе является первым списком тангутских иероглифов, либо непосредственно с ним связано. Тангутская письменность была введена в употребление в 1038 г., поэтому описание чтений тангутских иероглифов в «Море письмен» либо соответствует состоянию тангутского языка начала XI в., либо сохраняет черты этого состояния. Иностранные транскрипции тангутского языка относятся к более позднему времени. Китайская транскрипция датирована концом XII в.; она представляет состояние тангутского языка, довольно существенно отличающееся от состояния, описанного в «Море письмен». Тибетская транскрипция датировки не имеет, но она представляет состояние, более близкое к описанному в «Море письмен».

Поэтому в настоящее время имеется теоретическая возможность дешифровать два состояния тангутского языка: начала XI и конца XII вв. Для дешифровки последнего состояния имеется все необходимое, то есть внутренние и внешние источники. Для дешифровки тангутского языка XI в. имеется только внутренняя информация «Моря письмен», но нет иностранных транскрипций, которые можно было бы с уверенностью отнести к этому времени.

М. В. Софронов

ПРОТОИНДИЙСКОЕ ПИСЬМО

Первые следы доарийской «протоиндийской» культуры были обнаружены еще в начале прошлого столетия. При постройке железной дороги вблизи индийского селения Хараппа были найдены руины какого-то древнего города; остатки древнейшего поселения пошли на укрепление железнодорожного полотна. Только через сто лет, в 1921 г., началось археологическое изучение руин Хараппы (ныне — в Пакистане).

Почти в это же самое время индийский археолог Р. Д. Банерджи обнаружил следы подобного же города (в 650 км от руин Хараппы); остатки его были найдены в местности, именуемой «Мохенджо-Даро» («Селение мертвых»).

Раскопки обнаружили огромный город, хорошо распланированный, с широкими улицами, с превосходной системой канализации. В дальнейшем оказалось, что по этому же плану строились и другие города, найденные археологами.

Первая попытка дешифровки протоиндийских письмен была предпринята Л. А. Уодделом, который попытался читать протоиндийские тексты по-шумерски (на основании сходства некоторых шумерских и протоиндийских знаков) и обнаружил в этих текстах имена, упоминавшиеся в Ригведе.

В 1931 г. Пран Натх, следуя тем же путем, что и Уоддел, сделал попытку прочитать протоиндийские тексты уже не на шумерском языке, а на санскрите (точнее, рассматривая протоиндийский язык как древнюю форму санскрита). Хантер увидел сходство некоторых протоиндийских знаков со знаками древнеиндийского письма брахми и на этой основе пытался прочесть несколько знаков, передающих гласные в протоиндийском письме.

Этой же методикой пользуется в своих недавно опубликованных работах по протоиндийскому письму и Рей, также отметивший сходство протоиндийских знаков со знаками древнеиндийского алфавита брахми. Рей произвел «транскрибирование» иероглифических знаков протоиндийского письма в «псевдоиероглифические» путем разложения сложных знаков протоиндийского письма на более простые знаки, их составляющие, и обнаружил в текстах «архаичный арийский язык».

В конце 30-х гг. Б. Грозный сделал попытку расшифровать протоиндийские письмена с помощью лувийских иероглифов (и читая протоиндийские тексты на хеттском языке). Однако его работы вызвали справедливую критику специалистов по древним письменам.

Все попытки расшифровать протоиндийские знаки на основании их сходства со знаками других известных письмен нужно признать неубедительными (не говоря уже о сенсационной гипотезе Хевеши, предполагающего родство протоиндийских письмен с также нерасшифрованными письменами острова Пасхи).

В работах Э. Эраса, П. Мериджи, П. Натха, С. Шанкарананды сделаны попытки дешифровать протоиндийские тексты, опираясь на косвенные данные, главным образом на изобразительный характер знаков. Однако изобразительный характер знаков может быть привлечен лишь как вспомогательное средство дешифровки, причем только в иероглифических системах письма, где к тому же твердо доказано, что «толкуемый знак» является корневым, а не фонетическим или не грамматическим показателем. Кроме того, знаки протоиндийского письма в значительной мере подвергались стилизации и поэтому однозначное отождествление очень большого числа протоиндийских знаков при недорасшифрованном письме затруднительно.

В прилагаемой к этому разделу таблице приводятся результаты подсчетов частоты появления новых знаков в египетской иероглифике, индийском письме брахми и протоиндийских текстах (поскольку существуют альтернативные гипотезы, согласно которым протоиндийское письмо является либо иероглифическим, либо слоговым, типа индийского письма брахми). Сопоставление данных убедительно показывает, что протоиндийское письмо имеет иероглифический характер (в пользу этого говорит и общее число дошедших до нас протоиндийских знаков, превышающее 300, и «рисуночный» характер большого количества знаков).

Протоиндийские тексты не имеют знаков словораздела. Однако, как было показано советскими исследователями, выделение повторяющихся сочетаний знаков (полиграмм) позволяет производить членение текста на устойчивые сочетания (или «блоки»).

Разбивка текстов на блоки с помощью вычислительной техники (машинная обработка проводилась в ВИНИТИ под общим руководством Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика») позволила перейти к выделению основного набора переменных и полупеременных знаков («грамматических» знаков протоиндийского письма). Анализ сочетаний переменных и полупеременных знаков друг с другом («вплотную» и через интервал) показал, что языку протоиндийских текстов свойственны постфиксы.

ЧАСТОТА ПОЯВЛЕНИЯ НОВЫХ ЗНАКОВ

(в древнеегипетской иероглифике, в письме брахми, в протоиндийском письме)

Число знаков	Древне-египетск.	Прото-индийск	Брах-ми	Число знаков	Древне-египетск	Прото-индийск	Брах-ми
25	13	20	15	525	2	7	0
50	12	11	13	550	1	3	0
75	14	11	10	575	1	2	1
100	9	7	9	600	4	5	0
125	8	5	3	625	3	1	0
150	5	3	4	650	2	3	0
175	9	4	2	675	5	0	1
200	6	4	1	700	5	6	1
225	4	6	2	725	3	1	0
250	4	3	1	750	2	1	1
275	5	5	3	775	2	1	1
300	2	3	2	800	3	1	0
325	4	2	1	825	3	2	1
350	3	6	0	850	4	3	0
375	3	5	0	875	1	1	2
400	6	6	1	900	4	2	0
425	0	7	1				
475	2	5	0				
500	4	2	0				

Сопоставление характеристик протоиндийского языка, полученных с помощью позиционной статистики, с характеристиками других языков показало, что «сближению» протоиндийского языка с шумерским, хурритским и эламскими препятствует прежде всего позиция определения, которое в шумерском и эламском стоит после определяемого. Кроме того, в протоиндийском языке отсутствуют характерные для шумерского языка префиксы, стечение «послелогов» и характерный для хурритского и эламского «перенос показателей». Как пишет Ю. В. Кнорозов в статье «Характеристика протоиндийского языка», опубликованной в сборнике «Предварительное сообщение об изучении протоиндийских текстов», «Сближению с индоевропейскими языками (в том числе с санскритом и с хеттским) препятствует прежде всего отсутствие в протоиндийском языке префиксов. Сближению с языками мунда препятствует отсутствие в протоиндийском языке префиксов, инфиксов и сильно выраженной агглютинации, характерной для мунда».

В силу этого «имеются основания считать, что протоиндийский язык близок дравидским языкам по грамматической структуре. В дравидских языках, как и в протоиндийском, определе-

ние стоит перед определяемым, возможно употребление сочетаний двух имен существительных, первое из которых употребляется в качестве определения, без аффиксного оформления, а наличие имени числительного перед именем существительным не требует аффиксов множественного числа. В дравидских языках, как и в протоиндийском, отсутствуют префиксы, а постфиксы (окончания падежей) могут комбинироваться по два (образуя новые падежи)»[1]. Некоторые из «грамматических» знаков и сочетаний знаков могут быть сопоставлены с грамматическими формами дравидских языков[2].

Таким образом, как отметил еще Д. А. Ольдерогге, результаты исследования показали, что язык протоиндийских текстов по основным характеристикам близок дравидским языкам, что позволяет перейти в дешифровке протоиндийского письма к очередному этапу — установлению чтения протоиндийских знаков (фонетическому и условному), связанному, правда, с большими трудностями, проистекающими из крайней скудости эпиграфического материала.

В последние годы появились новые работы в области дешифровки протоиндийских надписей, выполненные как группой Ю. В. Кнорозова (в Советском Союзе), так и группой финских исследователей, возглавляемых А. Парполой (в Финляндии и Дании).

А. М. Кондратов

---

[1] Ю. В. Кнорозов, Характеристика протоиндийского языка, в сб.: «Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов», М., 1965, стр. 49—50.

[2] Дравидские языки распространены в настоящее время в Южной Индии и пережиточно — на границе Пакистана и Ирана (язык брауи).

П. Мериджи

О ПИСЬМЕННОСТИ ДОЛИНЫ ИНДА *

Проблема, всплывшая со дна Инда, с одной стороны, чрезвычайно важна, с другой же — почти полностью *бесперспективна* (по крайней мере в отношении *прочтения текстов*.) Почти все авторы признают, что по ряду соображений (в частности, по соображениям хронологии) нельзя связывать язык протоиндийских надписей с санскритом. Уже Дж. Маршалл указал на единственную разумную возможность языковой идентификации: сопоставление с соседним дравидским «языковым островом» — *брауи* [1]. Однако промежуток времени, отделяющий протоиндийские тексты от современных дравидских языков, слишком велик — он исчисляется пятью тысячелетиями. К тому же язык брауи очень сильно изменился под воздействием других языков.

Не столь безнадежна, однако, проблема *интерпретации* текстов. Как мне кажется, во *многих* случаях можно вникнуть в их *содержание*. Даже если наша попытка интерпретации окажется, как и другие попытки, в целом неудачной, она, безусловно, будет нести в себе рациональное зерно. Хотя крайняя лаконичность текстов очень затрудняет интерпретацию, однако имеется одно обстоятельство, ей способствующее: наличие огромного числа *вариантов* надписей. Уже первые результаты анализа показывают, что наиболее краткие тексты представляют собой набор тех или иных идеограмм, тогда как более длинные содержат идеограммы с фонетическими дополнениями, а иногда, видимо, и целые слова в фонетической записи.

Второй важный момент — возможность *значимого сопоставления* надписей с теми *предметами*, на которых они находятся (по большей части это *печати*), благодаря чему существенно сокращается число гипотез о предполагаемом содержании надписей. Очевидно, в большинстве случаев перед нами — *хозяйственные печати*, не содержащие имен лиц (об этом свидетельствуют и археологические данные).

Сравнение письменности долины Инда с другими системами письма может дать лишь принципиально верные отправные

---

* P. Meriggi, Zur Indusschrift, в: «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», N. F. XII, 1934, стр. 198 и сл.

[1] J. Marshall и др., Mohenjo-Daro and the Indus civilization, London, 1931, стр. 42.

пункты для идентификации *системы* протоиндийской письменности. Это сравнение едва ли может оказать значительную помощь при дешифровке письменности как таковой. Существует значительное число соответствий между письменностью долины Инда и *хеттским иероглифическим* письмом, хотя едва ли можно думать о существовании какой-либо исторической взаимосвязи между этими двумя письменностями (см. ниже, § 7)...

Пока существует не очень большая литература, посвященная нашей теме. Можно упомянуть работы Гэдда, Смита и Лэнгдона.., а также важную статью Хантера "Mohenjo-Daro — Indus epigraphy" (JRAS, 1932, № 2, стр. 466—503) *.

В то время как Смит очень осторожно исследует *систему письма*, приходя к выводу, что большинство знаков представляет собой *идеограммы*, Гэдд остроумно пытается дешифровать некоторые сочетания знаков, связывая их с древнеиндийским словом putras «сын»; к сожалению, эти интерпретации Гэдда не выдерживают никакой критики, как показал уже Хантер. Хантер стоит на позициях Лэнгдона, связывающего протоиндийское письмо с письмом *брахми*. Эта концепция неоднократно подвергалась резкой критике. Я хотел бы прежде всего указать на ошибочность методики тех исследователей, которые начинают сравнивать две системы письма, *не получив (на основании анализа самих текстов) никаких данных о функционировании знаков в неизвестном письме и о возможном содержании текстов*. Неверно отождествлять различные *вспомогательные знаки* (и трактовать их как «акцентные») со вспомогательными знаками для гласных письма брахми. Связь между протоиндийским письмом и письмом брахми не исключена, однако при дешифровке слишком рискованно опираться на недоказанную гипотезу. Хотя Хантер во многих случаях исправил ошибки своего учителя Лэнгдона, однако исправления эти не носят принципиального характера; вывод Хантера о чисто религиозном назначении печатей представляется мне весьма странным [1].

§ 1. *Направление письма* в текстах, состоящих из одной строки,— справа налево. Не все асимметричные знаки повернуты к началу строки [2].

§ 2. *Число основных знаков велико*: по Гэдду и Смиту — 400, по Хантеру — 150. Даже если исключить варианты знаков, число знаков будет находиться где-нибудь посередине между обеими цифрами [3]. Таким образом, мы имеем дело со смешанным *идеофонографическим* письмом, в котором преобладают

* Одновремеиио со статьей Мериджи появлась кннга Хаитера (с предисловнем Лэигдона): G. R. H u n t e r, The script of Harappa and Mohenjodaro and its connection with other scripts, London, 1934 (см. рецеизню Мернджи в: «Orientalistische Literaturzeitung», 1935, № 8/9, стб. 542—544, а также рецензию В. Принтца в: WZKM, N. F., B. 13, H. 3/4, 1934, стр. 352—353).—*Прим. перев.*

идеограммы [2] (выступающие иногда в функции *детерминативов*) и *фонетические знаки* (скорее всего, «слоговые»). При этом, очевидно, относительно редкие, очень близкие к рисункам знаки, стоящие почти исключительно в *начале слов*, должны рассматриваться как *идеограммы*, а наиболее частые, простые по форме знаки, употребляющиеся в любой позиции в слове (преимущественно же — в *конце слова*) и обычно дополняющие начальные идеограммы, должны рассматриваться как *фонетические знаки* (ср. египетскую и переднеазиатские системы письма).

§ 3. В текстах часто встречаются знаки, передающие *числа*.

§ 4. Очень важно при дешифровке *установить границы слов*. Существует два критерия, позволяющих в ряде случаев установить границу между словами в протоиндийских надписях.

а) Идентификация некоторых *конечных* знаков, прежде всего X и XI* (см. табл.). Несомненно, эти знаки передают два наиболее частых окончания (ср. § 8).

б) *Выделение* часто повторяющихся *групп знаков*, очевидно, представляющих собой отдельные слова, когда в такую группу входит начальная идеограмма и дополнительный знак (см. § 9).

§ 5. По-видимому, в текстах имелись и *знаки словораздела*: ′и″. Первый знак часто отделяет слово, оканчивающееся на -X, от следующего слова (числительного), обычно оканчивающегося на -XIII. В большинстве случаев ′ «вставляется» в знак X. Препятствием для нашей идентификации, по-видимому, не может служить то, что ′ иногда (в общем, очень редко) ставится в *абсолютном конце*. Судя по имеющимся данным, разделителем является и знак ″. В позиции после знака XXVIII «печать» (см. табл.) знак ″ использовался, скорее всего, в функции нашего двоеточия. Функция знака ‴ неясна; во всяком случае, обращает на себя внимание варьирование групп -X‴: -X″: -X′; после знака «печать» наряду со знаком ″ употребляются также знаки ′ и ‴ [4].

§ 6. Существуют *вспомогательные знаки*, показывающие, что тот или иной знак, обычно выступающий как фонетический (звуковой), в данном случае используется как *идеограмма*. (Ср. аналогичное использование знаков в *хеттском иероглифическом письме*.) Обычно такие идеограммы заключаются в «рамку»: ⁞…⁞, ‖…‖, ⁞…⁞, |…|, ‖…‖, (…), (…(.

---

[2] Я называю их *словесными знаками* там, где они функционируют не в качестве детерминативов, в особенности если они не имеют дополнений, обозначая, таким образом, слово в целом.

* Римские цифры обозначают знаки протоиндийского письма, вынесенные в сводную таблицу на стр. 491. В таблице (для сравнения) приведено также несколько египетских, хеттских и шумерских знаков, например: шумер. XI (a), XIII (a), XIII (b), хетт. XLII, егип. и хетт. XXVII (a) и XXVII (b).— *Прим. ред.*

ТАБЛИЦА ЗНАКОВ ПРОТОИНДИЙСКОГО ПИСЬМА

I				XXIII			
II				XXIV			
III				XXV			
IV				XXVI			
V				XXVII		XXVII(a)	XXVII(b)
VI				XXVIII		XXVIII(a)	
VII				XXIX			
VIII		VIII(a)	VIII(b)	XXX			
IX				XXXI			
X				XXXII		XXXII(a)	
XI		XI(a)		XXXIII			
XII				XXXIV			
XIII		XIII(a)	XIII(b)	XXXV			
XIV				XXXVI			
XV				XXXVII			
XVI				XXXVIII			
XVII				XXXIX		XXXIX(a)	
XVIII				XL			
XIX				XLI			
XX		XX(a)		XLII			
XXI				XLIII			
XXII				XLIV			

ЛИГАТУРЫ:

= XII+X

= XII+XI

= XL+XXV

= III+XIII

= XXV+XIII

= XXVII+XIII

= XXXIX+XIII+XIII

§ 7. *Детерминативы* с трудом поддаются идентификации. Знак VIII («мужчина») иногда стоит в постпозиции, вероятно, представляя собой в таких случаях детерминатив при обозначении профессии. Возможно, однако, что и в этих случаях упомянутый знак передает отдельное слово (например, в последовательности «храм — мужчина» и др.).

Важно указать на сходство некоторых протоиндийских идеограмм с хеттскими иероглифическими*:

Хет. иерогл.		Протоинд.	
	„царь"		(возможно, с тем же знач.)
	„город"		—„—
	„гора"		—„—

Знак XXVIII, может быть, передавал слово «печать». Не исключено, что последовательность XXVIII XXXIIa означает «печать высокого города» (где специальный значок передает хвалебный эпитет «высокий»: этот значок, который я условно передаю словом «крыша», связывался не только с идеограммой «город», но и с идеограммой «царь», ср. XLII — хеттский иероглиф со значением «великий царь») [5]. Аналогичные обозначения встречаются и в хеттской иероглифике [6].

§ 8. *О языке.* Многочисленные варианты надписей позволяют идентифицировать «графическую *флексию*» языка печатей, так что, если бы удалось обнаружить язык, близкий протоиндийскому в генетическом и структурном отношении, нетрудно было бы выявить и звуковой облик протоиндийских надписей.

Короткие надписи типа протоиндийских, очевидно, должны состоять из *именных форм* и определенных «*грамматических*» слов. Именные формы часто имеют дополнительные *окончания*, переданные *фонетическими* знаками. Они имеют разный облик, откуда следует, что перед нами окончания разных *падежей*.

В словах обнаруживаются *суффиксы*, к которым иногда присоединяются дополнительные элементы. Эти последние могут представлять собой также суффиксы или же постпозитивные частицы (Лэнгдон называет их «*постфиксами*»). Можно зафиксировать, впрочем, и *препозитивные* элементы [7].

Отчетливо выделяются *именные окончания* XI, X и XIII. В надписях подобного рода уже a priori можно предполагать наличие двух падежей — *номинатива* и *генитива* (выступающего как в *посессивном*, так и в *партитивном* значениях). Очевидно, XI — окончание номинатива, X — окончание генитива (это не значит, что каждое слово с исходом на -XI или на -X содержит соответствующие окончания: ведь XI и X — это прежде всего *фонетические знаки*) [8].

Не удивительно, что окончание генитива встречается столь часто — для печатей это вполне естественно (ср. возможные сочетания «печать» или «имущество» с последующим генитивом).

* Значение третьего знака в столбце хеттских иероглифов — не «гора», а «страна».— *Прим. перев.*

Окончание XIII, особенно частое при числительных, могло бы обозначать множественное число, однако на основании анализа некоторых текстов я пришел к выводу, что это, скорее, окончание *датива* [9].

§ 9. *Содержание текстов.* Большинство надписей находим на *хозяйственных печатях* (в самом широком значении этого слова). Возможно, в текстах встречаются и *собственные имена*, однако тут я должен заметить следующее: в случаях, когда группа знаков разумно *интерпретируется* как административный термин, мера веса и т. д., едва ли речь может идти о собственных именах, ибо, видимо, лишь в крайне редких случаях возможны совпадения, когда собственные имена будут состоять из аналогичного набора знаков.

Рассмотрим одну из немногих «длинных» надписей:

«Слово» между двумя знаками словораздела было интерпретировано Гэддом как «сын», против чего справедливо возразил Хантер, заметив, что едва ли слово, встречающееся на печатях и изолированно, может иметь такое значение. В качестве отдельных надписей встречаются и остальные две группы знаков.

Последняя группа знаков может быть интерпретирована как «1 мужчина 1 носильщик» или, как мне кажется, «1 мужчина 1 груз», то есть как *мера веса* («то, что может поднять один мужчина»).

При интерпретации важно, чтобы интуитивные соображения были по возможности преобразованы в *рациональные*, с тем чтобы в остальных случаях, где встречается интерпретируемая форма, *ее интерпретация подтверждалась всем содержанием текста*. Другими словами, нужно, чтобы всюду получалась разумная интерпретация всего текста или по крайней мере чтобы интерпретация нигде не доводилась до абсурда, ибо на начальном этапе нельзя требовать от дешифровщика, чтобы он разумно интерпретировал все тексты (трактовка центральной группы надписи как слова со значением «сын», как мы видели, абсурдна) [10].

Едва ли можно возражать против интерпретации VIII= «мужчина, человек» (этот знак употребляется и в косвенных формах, с окончанием генитива на -X и т. п.). Знак «груз» часто используется в различных группах сочетаний в конечной позиции, причем некоторые из этих групп поддаются довольно хорошей интерпретации. Вероятно, последнее сочетание значит «груз для одного человека»: ср. сочетание XLIII XIII XII «груз для мельницы» [11], где отношения между словами ясно выражены.

Центральная группа надписи представляет собой, по-видимому, слово, обозначающее какую-то *субстанцию.* Поскольку это слово встречается часто, оно должно обозначать один из *главных продуктов* страны. Слово это состоит из идеограммы и фонетического знака III. Идеограмма, видимо, представляет собой изображение ступки, отсюда трактовка знака — «мука, зерно» (ср. также сочетания типа «зерно» + мера объема (?), «печать зерна», «дом зерна», «семя зерна», то есть посевное зерно и др.). Судя по другим надписям, слово XXIX III значит «мука» (следующий знак — XI — окончание номинатива; см. выше) [12].

Четвертый знак надписи означает «косу»; там, где он встречается, речь идет о *скошенном* зерне. Знак для «зерна» — XLIV (невзошедший колос). Второй знак — «рука», «пять»; в данном случае этот знак тесно связан со знаком «зерно», так что оба знака образуют одно слово или словосочетание. Какое-то дополнение передано знаком «рыба».

Трактовка надписи в целом: «Скошенного зерна: мука: груз для одного человека».

Таким образом, мы проанализировали почти все компоненты надписи.

Можно было бы привести и другие интерпретации надписи, однако дело не в том, чтобы более или менее верно определить значения *одного* или *двух* десятков знаков, а в том, чтобы наметить верный путь для дешифровки. Если этот избранный нами путь верен, то это означает, что нам удалось пролить свет на сущность *системы письма*, выявить элементы флексии и, главное, определить *сферу понятий* (в основном сельскохозяйственная тематика), находящую выражение в большинстве надписей. Возможно, те или иные *отдельные* интерпретации покажутся произвольными или даже фантастическими. Важно, однако, подчеркнуть, что речь идет о *взаимосвязанной системе*, факт существования которой подтверждается (или, во всяком случае, не опровергается) каждой новой надписью. Разумеется, отдельные, не связанные друг с другом интерпретации могут оказаться ложными, однако реальность системы едва ли может быть подвергнута сомнению. И даже *проблема чтения* надписей может оказаться не так уж безнадежной, если только удастся найти родственный язык, в котором в фонетической записи представлены разные падежные формы слов со значениями «зерно», «мука», «покос» и т. п.

КОММЕНТАРИЙ

К стр. 489.

[1]. Религиозный характер носят надписи на печатях-амулетах. Большое количество печатей, как и указывает автор, вероятно, отражает сферу торговли.

[2]. Единого мнения по этому вопросу не существует и до сего дня. Некоторые индийские исследователи-тантристы пытаются прочесть надписи Мохенджо-Даро и Хараппы слева направо (см., например, Swami Sankarananda, The decipherment of sixteen hundred seal inscriptions of Mohenjodaro and Harappa, 1963). При этом надо иметь в виду, что речь идет не о самих печатях, а об их оттисках, фотографии которых приводятся в различных публикациях.

В последние годы было произведено специальное исследование для уточнения направления чтения протоиндийского письма. Последовательность чтения знаков, очевидно, должна совпадать с последовательностью их написания. Таким образом, вопрос о последовательности чтения сводился к определению последовательности написания знаков в строке.

Было замечено, что на многих печатях с достаточно длинной строкой имеется тенденция к некоторому сжатию знаков, стоящих слева,— из-за недостатка места,— а знаки, стоящие справа, написаны без каких-либо признаков сжатия. На некоторых печатях последние знаки не поместились в одну строку с остальными и опущены вниз, создавая как бы вторую строку. На печатях с короткими строками, занимающими часть поля печати, свободное место остается слева от строки.

Все это дает возможность сделать заключение о последовательности написания знаков и тем самым определить направление чтения. (Более подробно см. Г. В. Алексеев, Характеристика протоиндийского письма, в сб.: «Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов», М., 1965).

[3]. В настоящее время с достаточной достоверностью можно сказать, что число различных графем равно примерно 400 с количеством аллографов не более 50.

К стр. 490.

[4]. Нельзя согласиться с автором, что знаки ′ и ″ являются словоразделами. Ряд довольно длинных текстов (8—9 графем) совершенно не имеют знаков ′ и ″, а тексты типа

ʼϴ″ ||| Ψ,

где вторым знаком идет число и, казалось бы, в словоразделе нет никакой необходимости, всегда имеют знаки ′ или ″. Знак ″ встречается даже в случае, когда на печати стоит всего один знак,— и здесь словораздел не имел бы смысла. Также весьма сомнительным, на наш взгляд, является утверждение, что знак XXVIII означает «печать».

К стр. 492.

[5]. Утверждение автора, что знаки, заключенные в «рамку», являются идеограммами, не подтверждается. Неубедительной выглядит и ссылка на хеттское иероглифическое письмо. В хеттском письме идеограммы выделялись одной чертой, находящейся слева от знака, и одной чертой — справа. (В древнеегипетском идеограмма выделялась одной вертикальной чертой под знаком.) Вместе с тем, в протоиндийском письме существует 8 (!) разновидностей «рамок». В «рамку» в некоторых случаях заключается по два и даже по три знака, а также цифры. Назначение «рамок» в протоиндийском письме окончательно не выяснено.

К стр. 492.

[6]. Сравнение протоиндийских знаков с хеттскими иероглифическими, как и с любыми другими, без достаточного на то основания заключает в себе значительный риск. Известная попытка Б. Грозного в 1939 г. дешифровать протоиндийское письмо, опираясь на внешнее сходство протоиндийских знаков с хеттскими, потерпела неудачу. Еще менее убедительна гипотеза Г. де Хевеши о сходстве протоиндийских знаков со знаками письма острова Пасхи. В двух любых иероглификах всегда можно найти довольно много похожих, а иногда и совершенно одинаковых знаков.

В подтверждение приводим сравнительную таблицу протоиндийских знаков с критским «линейным А» (также до сих пор не дешифрованным) *.

Лин. А	Протоинд.	Лин. А	Протоинд.	Лин. А	Протоинд.

[7]. В статье правильно намечен общий путь поисков языка, родственного протоиндийскому. Поиски именных форм, префиксов и постфиксов могут дать представление о порядке слов, что в свою очередь даст возможность определить грамматический строй протоиндийских надписей.

Советскими исследователями недавно была проделана работа по определению группы языка. Анализ надписей производился с помощью интервальной статистики и дал возможность, в большинстве случаев, разделить нерасчлененный текст на блоки, соответствующие словоформам. Блоки в протоиндийских надписях содержат от 1 до 5 знаков. Знаки были разделены на устойчивые, полупеременные («блокообразующие») и переменные («блокоизменяющие»). Дальнейшие исследования показали, что для протоиндийского языка характерен устойчивый порядок слов, определение стоит перед определяемым, отсутствуют префиксы.

Поиски языка, близкого по грамматическому строю к протоиндийскому языку, производились путем последовательного перебора возможных родственных языков, например мунда, дравидский, шумерский, хурритский, эламский. Перебор показал, что имеются достаточные основания считать протоиндийский язык близким языкам дравидской группы. (Подробно об этом см. статьи Ю. В. Кнорозова «Характеристика протоиндийского языка» и И. К. Федоровой «К вопросу о языковой принадлежности протоиндийских текстов», в сборнике «Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов», М., 1965).

[8]. Автор совершенно правильно отмечает, что наиболее частый знак X является окончанием генитива. Предположение, что знак XI является окончанием номинатива, не находит подтверждения. При исследовании протоиндийских текстов нетрудно заметить, что знак XI встречается почти исключительно в сочетании со знаком «рыбы» или с тремя вертикальными чертами. Окончание

* В таблице во 2-м знаке сверху (2-я колонка слева) по техническим причинам пропущена сквозная вертикальная черта.— *Прим. редакции.*

номинатива должно было бы давать сочетания не с двумя, а со значительно большим количеством знаков.

К стр. 493.

[9]. Утверждение, что знак XIII является окончанием датива, ошибочно. Окончанием датива, скорее всего, является знак IX. Автор верно указывает на частое сочетание знака XIII с меняющимися цифрами; отсюда логично предположить, что знак XIII, скорее всего, представляет собой исходную меру объема или веса. Это положение подтверждается оттиском на сосуде, сделанном до обжига, состоящим из цифры «четыре» и знака XIII. Очевидно, знак XIII соответствует единице измерения жидкости «пригоршня» (скр. *прашрити*). Четыре «пригоршни» соответствуют приблизительно полулитру — по индийской системе мер.

Знак XII+XI — «носильщик» (см. текст ниже), вероятно, также передает меру. Подтверждением этому служит найденная при раскопках в Хараппе глиняная миска, на дне которой до обжига был нанесен знак «носильщик», возможно, соответствующий единице сыпучих тел.

[10]. Здесь невозможно не согласиться с автором в том, что подобного рода интерпретации действительно носят довольно фантастический характер. Пытаться интерпретировать какой-либо иероглифический текст, исходя в основном из того, что изображает тот или иной знак, не имея ни малейшего представления хотя бы о примерном порядке слов в предложении,— дело, на наш взгляд, довольно безуспешное. Возьмем для примера древнеегипетский иероглифический текст: «соха (обозначающая «обрабатывать землю»), рот, цыпленок, хлеб, человек, который ест». Сразу же можно «вполне убедительно» интерпретировать: «обрабатывающего землю рот будет иметь и птицу и хлеб» («работай в поле — будешь есть вволю»). На самом же деле это существительное mrw-t «любовь». И все это при условии, что мы точно знаем, что́ изображает каждый знак.

Давать такие толкования протоиндийским текстам, конечно, можно (это делают на протяжении четырех десятилетий), но ценность подобных интерпретаций, по крайней мере для науки, весьма невелика.

[11]. Приведенное сочетание знаков, трактуемое как «груз для мельницы», ничем не обосновано. Ни в одной из найденных до сих пор надписей нет сочетания XIII XII. Очевидно, данная «надпись» составлена самим автором, в качестве возможной. Однако «носильщик» сочетается с очень малым количеством знаков, и сочетание его с «пригоршней» вряд ли возможно.

К стр. 494.

[12]. Совершенно неудовлетворительно выглядит трактовка и остальной части приведенной надписи. Довольно частое сочетание XXIX III трактуется автором как «мука», с последующим номинативом. Но как показали более детальные исследования, вышеприведенное сочетание встречается на амулетах, где вряд ли могла идти речь о муке. Как говорилось выше, знак XI не является окончанием номинатива.

Второй знак надписи в настоящее время трактуется не как знак «рука», «пять», а как знак «великий». Этот знак дает частые сочетания со знаком «женщина» и знаком «рыба», что означает, по всей видимости, «великая богиня», «великая рыба» — понятия, близкие санскритским «Маха Деви», «Маха Матсья». Любопытно отметить, что этот знак по своему начертанию сходен с шумерским знаком GAL «великий».

Г. В. Алексеев

А. Парпола, С. Коскенниеми, С. Парпола, П. Аальто

ДЕШИФРОВКА ПРОТОДРАВИДСКИХ НАДПИСЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ДОЛИНЫ ИНДА *

ПЕРВОЕ СООБЩЕНИЕ

I. ВВЕДЕНИЕ

1. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Археологические раскопки, начатые сэром Джоном Маршаллом в 20-е гг. нашего века, продолженные Эрнестом Маккеем и другими исследователями в 30-е гг. и возобновленные в 60-е гг. индийскими, пакистанскими и американскими археологами, открыли ранее неизвестную, очень древнюю цивилизацию, датируемую примерно 2500—1800 гг. до н. э., которая существовала в долине Инда на огромной площади длиной в 1500 км и шириной в 1100 км.

Очень высокий культурный уровень этой ранней цивилизации, использовавшей индскую пиктографию, которая до сих пор оставалась недешифрованной, вполне доказывается прекрасно распланированными городами Хараппа и Мохенджо-Даро, расположенными по берегам реки Инда. Их кирпичные сооружения включали огромные зернохранилища и искусно сделанные бани с санитарными удобствами, не имеющими себе равных в древнем мире. В современном Гуджарате находился портовый город Лотхал с его искусственным доком из обожженного кирпича, имеющим размер 215×36 м и снабженным шлюзом.

Превосходный и новейший обзор всех аспектов этой древней цивилизации дан сэром Мортимером Уилером в третьем издании его книги «Цивилизация Инда», где можно найти ссылки и на литературу (см. M. Wheeler, The Indus civilization, Cambridge, 1968).

Нужно подчеркнуть сразу же, что существовали, видимо, прочные связи между цивилизациями Инда и Месопотамии. Многие индские предметы были найдены в различных местах в Месопотамии и в Иране. На некоторых из них, именно на тех, которые похожи на круглые печати-штампы, и были обнаружены надписи. Встречались печати и цилиндрической формы с явно индийскими мотивами и статуэтки из слоновой кости (см. W. Leemans, в: JESHO, 1968, стр. 215)...

---

* Asko Parpola, Seppo Koskenniemi, Simo Parpola and Pentti Aalto, Decipherment of the Proto-Dravidian inscriptions of the Indus civilization, Copenhagen, 1969. Сокращенный перевод. — *Прим. ред.*

Начиная примерно с 2000 г. до н. э. цивилизация Инда в несколько вырождающейся форме сохранялась в Гуджарате и около 1800 г. до н. э. совершенно исчезла. Возможной причиной ее гибели считали завоевание Индии арийцами...

Однако завоевание Индии арийцами, как полагают, имело место почти через три столетия после исчезновения цивилизации Инда, и существует явная археологическая брешь между культурами Хараппы и пришельцев.

Большие геоморфологические изменения, которые произошли около 2000 г. до н. э. и вызвали большие и длительные наводнения, и общий культурный застой могут быть основной причиной падения культуры Инда.

Носителями культуры Инда были, скорее всего, дравиды, и среди нескольких факторов в пользу этого мнения одним из наиболее важных является иконография индских печатей. Так, изображается рогатое божество с тремя лицами, сидящее на корточках внутри круга животных («Прото-Шива»). Этот образ очень напоминает главное божество классического индуизма и современных дравидов Южной Индии. В ведийской религии это божество имело имя Рудра и занимало весьма второстепенное место. Это новое свидетельство не оставляет сомнения в идентичности описанного нами божества старому национальному богу войны Муруган(у), «юноше», который восхваляется в ранней тамильской литературе (см. M. Wheeler, The Indus civilization, Cambridge, 1968; Jan Gonda, Die Religionen Indiens, Stuttgart, I—II, 1961—1963). Найдены также терракотовые фигурки полуобнаженной женщины, которые, без сомнения, являются посвятительными изображениями богини-матери. В Ведах Рудра называется try-ambaka, то есть «имеющий трех матерей», где слово amba «мать, богиня», видимо, дравидского происхождения *. Двойственный характер супруги Шивы, имевшей много имен: Парвати, Ума, Дурга, Кали или Чанди,— которая была также главным божеством более позднего индуизма и дравидской религии,— несомненно, отражает двойственное представление о Земле как об источнике жизни и месте смерти. Культ дерева и другие особенности жизни и быта людей, населявших долину Инда, известные нам из культовых сцен, сопровождающих надписи, также имеют свои соответствия в религии современных дравидов. Следы ранней системы матрилинейного наследования в Южной Индии также соотносятся с тем же самым типом родовой преемственности в культуре долины Инда.

---

* Скр. amba «мать» — «детское» слово (Lallwort) типа русск. *мама*, и о его происхождении трудно что-нибудь сказать.— *Прим. ред.*

Очень важным фактором, связывающим дравидскую и индскую цивилизации, является более высокая культура дравидов в исторические времена по сравнению с другой доарийской культурой — мунда. О дравидах как мореплавателях говорят уже самые ранние письменные памятники. О главенстве дравидов в индийской морской торговле свидетельствуют важные греческие тексты I и II столетий н. э., рассказывающие нам о портах Индии и статьях торговли...

2. О ПУБЛИКАЦИЯХ НАДПИСЕЙ

Общее число индских надписей, откопанных к настоящему времени, составляет более 2000. Авторы настоящей работы собрали для дешифровки 1944 отдельных надписей, содержащих всего 9147 знаков. Самые короткие надписи состоят из одной буквы, самые длинные имеют около 20 букв, в среднем в одной надписи — около пяти знаков.

Места находок:

1. Мохенджо-Даро. Здесь найдено около 1350 надписей, опубликованных в 1931 и 1938 гг. (см. John Marshall, Mohenjo-Daro and the Indus civilization, London, 1931, vol. III, гл. CII—CXVIII и E. J. H. Mackey, Further excavations at Mohenjo-Daro, Delhi, 1937—1938, vol. II, гл. LXXXII—CIII).
2. Хараппа — около 900 надписей; опубликованы в 1940 г. (M. S. Vats, Excavations at Harappa, Delhi, 1940, vol. II, гл. LXXXIV—CIV).
3. Чанху-Даро, где обнаружено приблизительно 140 надписей; опубликованы в 1943 г. (E. J. H. Mackey, Chanhu-Daro excavations, 1935—1936, New Haven, 1943, гл. LI—LII).
4. Лотхал, Калибанган, Аламгирпур и менее значительные городища, где были найдены надписи числом около 100, которое включает и «индские» надписи неизвестного происхождения.
5. Месопотамские и иранские печати с «индскими» надписями. Не более чем 30.

Исчерпывающая библиография публикаций содержится в работах: L. Renou, Bibliographie védique, Paris, 1931, стр. 140 и сл.; R. N. Dandekar, Vedic bibliography, Poona, 1946, 1961, I, стр. 281—303; II, стр. 655—685; «Annual bibliography of Indian archaeology» (Kern-instituut, Leiden) и «Keilschriftbibliographie», публикующейся ежегодно в «Orientalia».

Критический обзор предшествующих попыток дешифровать индское письмо был сделан г-жой Арлин Р. К. Зайд в 1969 г. Все эти попытки, как замечает сэр Мортимер Уилер (1968), оказались неудачными: «Мы еще не можем прочесть это». (См. Wheeler, цит. раб., стр. 107.) Статья Зайд включает под-

счеты, выполненные группой русских ученых под руководством проф. Ю. Кнорозова. Их результаты публиковались Институтом этнографии АН СССР в СССР и в Англии, но авторы настоящей работы, к сожалению, не смогли с ними ознакомиться (Ю. Кнорозов, Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов, Москва, 1965 и «Proto-Indica», 1968).

II. ДЕШИФРОВКА

1. ХАРАКТЕР ПИСЬМА

На основе наших знаний о системах письма, существовавших в эпоху около 2500 г. до н. э., индское письмо можно предположительно отнести к логографической или логосиллабической системе письма (см. I. J. Gelb, A study of writing, Chicago, 1963; D. Diringer, Writing, London, 1960). В настоящее время ясно, что это чисто логографическое письмо*, основанное на так называемом принципе ребуса. Это означает, что

1) каждый знак символизирует некую вещь или понятие и (вторичным образом) обозначает звучание слова (из одного или более слогов), соответствующего этому понятию;

2) отдельное слово может читаться фонетически, то есть как последовательность звучаний, не зависящих от смысла данного графического символа.

Как и в других синхронных письменностях, здесь также есть лигатуры, или комбинации двух или более основных знаков, и графические варианты основных знаков, полученные из них добавлением диакритик в виде черточек или линий. Кроме того, в письменности долины Инда существуют детерминативы, как во всех других письменностях того же периода. Детерминативы не имеют фонетического чтения; они определяют область применения знака, с которым употребляются, или, другими словами, «отграничивают» значение.

Число основных знаков весьма ограниченно по сравнению с примерно 2000 знаков в шумерском письме **. Если считать лигатуры и графические варианты разными знаками, то общее число знаков в письме индцев достигнет 300, во всяком случае — между 250 и 350 (но не свыше 400, как считается обычно). Не всегда легко различить, где графические варианты, а где два

---

* На самом деле письменность долины Инда — логосиллабическая (словесно-слоговая). В последующих своих статьях на это указывают и авторы наст. работы.— *Прим. ред.*

** Эта цифра, заимствованная у А. Фалькенштейна (см. ниже, стр. 573), преувеличена.— *Прим. ред.*

знака с разными значениями. Следующая таблица показывает частотное распределение основных знаков.

Частота знака в обследованных текстах	Количество знаков с данной частотой
800 и выше	1
200 и выше	6
100 и выше	24
50 и выше	46
20 и выше	86
10 и выше	103

Большая часть остальных знаков — это лигатуры и варианты основных знаков. На первый взгляд это обилие вторичных знаков представляется серьезным препятствием к дешифровке, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что они-то и являются настоящим ключом к окончательному решению.

Все сказанное о выделении знаков справедливо, разумеется, лишь в меру четкости их написания и ясной различимости их символического значения. Однако знаки индского письма именно таковы. Этим обстоятельством, а также повсеместно распространенным в древнем мире почтением к искусству письма и объясняется отмечаемая всеми исследователями устойчивость системы индского письма на протяжении долгих веков ее существования. (Что некоторые изменения *происходили*, будет показано ниже.)

Письмо это поистине обладало «ранней зрелостью» (Уилер), но не в смысле «фонетической зрелости» (также выражение Уилера), под которой понимается более современная фонетическая система письма, а просто в смысле завершенности.

2. ОТЫСКАНИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ

Существующая методика фонетического прочтения недешифрованных текстов проста, последовательна и естественна. Она позволяет понять данный текст без билингвы, если только лежащий в его основе язык известен. На практике существует три условия, которые должны быть выполнены для того, чтобы с надежностью установить звуковое чтение данного знака.

Для этого необходимо:

1) догадаться, какой предмет изображает данный знак;

2) понять, какой смысл этот знак выражает в данном случае;

3) установить соответствующие омофоны, то есть тождества звучания, связываемого непосредственно с изображением, и звучания слова, подразумеваемого в данном случае.

Для того чтобы избежать поспешного заключения, которое не выдержало бы проверки, необходимо последовательно рассмотреть каждый вопрос; при этом в настоящей работе строго соблюдались следующие принципы.

1. На предметы нужно смотреть глазами древних. Это значит, что во всех сомнительных случаях мы должны прежде всего обращаться к другим древним источникам, которые могут помочь нам распознать изображение, ставшее в некоторых случаях уже настолько стилизованным, что правильно его понять можно, лишь обратившись к более ранним этапам его развития. Под древними источниками мы подразумеваем, во-первых, графические варианты самого письма, которые дают возможность проследить историческое развитие, и, во-вторых, предметы, относящиеся к древней цивилизации Инда, особенно керамику, росписи гончарных изделий, архитектуру, предметы быта и т. д., даже предметы, существование которых нами установлено дедуктивно, хотя они и не сохранились до наших дней. Важно привлекать также другие древние пиктографические письменности, особенно древнюю шумерскую, поскольку даже по пиктографическим письменностям, которые могли быть неизвестны людям, пользовавшимся протоиндийским письмом, можно предположить, как древние видели вещь.

2. Необходимо выяснить механику письма, что включает распознавание повторяющихся слов и их поведения, а также распознавание знаков, имеющих функцию грамматических элементов и детерминативов. Все установленное на первых этапах должно быть использовано впоследствии.

Эти ведущие принципы были положены в основу дешифровки письменности. Хантер не без основания считается одним из наиболее выдающихся исследователей, работавших в этой области, но если мы посмотрим на его список слов (см. G. R. Hunter, Mohenjo-Daro — Indus epigraphy.— «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», 1932, стр. 491 и сл.), то обнаружим, что очень многие из них вообще не являются словами.

Знание письменности, которым Хантер, несомненно, обладал при составлении своих таблиц, не было все же достаточным, чтобы привести к убедительным результатам на этом важном этапе работы.

Хотя в нашем исследовании мы исходили из предположения, что письменность была, по всей вероятности, логосиллабической, методические принципы будут те же и в предположении, что она является логографической, с той лишь разницей, что слово, которое мы сначала принимали за двусложное, на самом деле представляет собой устойчивое сочетание двух слов, выражающих одну идею.

Наш основной принцип выделения «слов» состоит в следующем. «Слово» нельзя считать выделенным, если оно не встречается также в других местах — либо отдельно (составляя целую надпись), либо в составе более длинной надписи, но так, что справа и слева с ним граничат слова, уже выделенные с соблюдением того же принципа. При этом материал, подтверждающий то или иное словоделение, должен быть достаточно обширен...

Исходя из этих главнейших правил, могут быть обнаружены новые основания для словоделения, это — «флексия» и поведение отдельных знаков. Если мы постоянно встречаем что-то в конце слова, то мы можем сделать вывод, что, когда мы встречаем это же самое также и в тех случаях, которые не могут быть проверены другими способами, оно тоже стоит в конце слова.

После того как слова выделены и получена грамматическая структура, должен быть найден набор вероятных значений, и данные о природе слова могут быть выведены из следующих соображений: может ли слово «склоняться» или нет, может ли оно встречаться после «склоняемого» слова, находится ли оно в начале или в конце надписи; какова природа слов, с которыми оно соединяется, и с какими словами оно соседствует. Когда мы имеем два почти идентичных контекста, мы можем сделать вывод, что два семантически различных знака используются для обозначения соотносимых вещей.

Кроме того, эти короткие надписи относятся к различным категориям, каждая из которых имеет свой особый характер, так что можно составить грубую классификацию слов и вывести возможное значение из контекста, в котором они встречаются.

Следующий шаг — проследить слова, наиболее типичные для каждой группы надписей, внутри других групп, и таким образом выяснить их «привычки». Эта терминология взята из статьи Пенти Аальто об общих проблемах дешифровки (Pentti A a l t o, Notes on methods of decipherment of unknown writings and languages.— «Studia Orientalia», XI, 4, Helsinki, 1945, особ. стр. 9, 15, 16, 18).

Драгоценные намеки на содержание различных категорий надписей дают параллельные примеры, которые можно обнаружить в других древних цивилизациях. Естественно, наиболее важная из них — это культура шумеров, которая была хорошо известна населению долины Инда и которой оно, в некоторых отношениях, бесспорно, подражало. По нашим данным надписи могут быть разделены на следующие категории.

а) Наиболее обычный тип — это короткая надпись на прямоугольной стеатитовой печати с изображением животного. Круглые же печати Ближнего Востока можно рассматривать как частный случай этого типа, который может дать ценную дополнительную информацию. Рисуночные изображения живот-

ных — различного рода; самое обычное — это «бык-единорог»; есть также мифологические и культовые сцены с антропоморфными божествами и др. Поскольку существует несколько печатей с идентичными надписями, но иконографически различными фигурами, можно предположить, что тексты не всегда были связаны с изображением на них. И действительно, древние месопотамские печати были амулетами, и мифологические мотивы, вырезанные на них, были в основном предназначены для того, чтобы отвращать зло.

Клинописные надписи на шумерских цилиндрических печатях, современные индской цивилизации,— одного-единственного типа; они содержат имя владельца в форме посвящения, например: «(некоему) А, (по званию) X, сыну В—С, (по званию) Y, сын D, твой раб, подарил»*. Эти печати не содержат перечня товаров или других экономических сведений в противоположность наиболее древним шумерским письменным источникам — глиняным табличкам из Урука, датированным около 3000 г. до н. э., на которых обозначено обычно имя отправителя и количество (не названных) товаров или вещей **. Хотя это очень древнее пиктографическое письмо дешифровано лишь частично, мы можем предполагать, что оно возникло из-за необходимости эффективного контроля над различной хозяйственной деятельностью храмов, которые были ведущими учреждениями тех времен.

Очень возможно, что индские печати были амулетами, как и их шумерские аналоги, потому что на них изображаются религиозные сцены и, видимо, они надевались на шею. Печати были обнаружены почти в каждом доме городов, расположенных в долине Инда, а недавние раскопки дали ряд глиняных печатей со следами тростника на обороте, что говорит об употреблении их также в качестве ярлыков, привязываемых к товарам...***

б) В нижних уровнях Хараппы было найдено много маленьких пластинок, исписанных с обеих сторон и не предназначенных для припечатывания. (См. M. W h e e l e r, Civilizations of the Indus Valley and beyond, London, 1966, стр. 40.) Множество надписей имеют одинаковый текст.

* Это утверждение неточно. Надписи на шумеро-аккадских печатях III— начала II тыс. до н. э. обычно относятся к одному из следующих типов: 1) «X» (= имя божества); 2) «Y, (сын Z), а» (а = название профессии; отчество может отсутствовать); 3) «X (= божество или царь; в последнем случае за именем следует титул) — Y, твой раб».— *Прим. ред.*

** И это утверждение не точно. Древнейшие шумерские хозяйственные таблички — это учетные документы, главным образом относящиеся к расходам зерна и других продуктов, выдаче земельных участков и т. п., с указанием цифровых данных, имен и званий получателей и лица́, ответственного за выдачу.— *Прим. ред.*

*** Шумерские аналогии показывают, что ярлыки привязывались не к «товарам», а к корзинам с учетными документами — в долине Инда последние, вероятно, писались на недолговечных материалах.— *Прим. ред.*

Эти предметы — всего вероятнее, посвятительные надписи божествам (мысль о том, что это монеты, не заслуживает рассмотрения ввиду их большой древности).

в) Среди находок имеется ряд небольших медных табличек, предположительно амулетов, у которых на одной стороне надпись, а на другой стороне — изображение. Они, как можно думать, представляют «поздний» период Мохенджо-Даро, то есть II тысячелетие до н. э.

г) Процарапанные и надписанные краской черепки, представляющие менее важные «официальные» аспекты цивилизации и свидетельствующие о довольно широкой грамотности.

д) Штампы на керамике, на которых, как нам теперь известно, обозначено имя владельца или мастера, а не количество товаров, хотя надписи содержат числа.

е) Надписи на бронзовом оружии, найденные только в очень ранних уровнях и более частые в Хараппе, чем в Мохенджо-Даро, что можно связать с отсутствием в Мохенджо-Даро ранних посвятительных табличек, а это указывает на бóльшую древность Хараппы.

ж) Одна надпись на камне.

з) Надписанные жезлы из слоновой кости, назначение которых неизвестно. Если они были палочками для письма, они должны были бы быть остроконечными.

и) Статуэтка в виде сидящей мужской фигуры, исписанная со всех четырех сторон. Высота ее — 11,4 см. Надпись на ней опубликована Эрасом (H. Heras, A Proto-Indian icon.— «Journal of the Bihar and Orissa Research Society», XXIII, 4, 1937).

Выдающиеся авторитеты полагают, что язык индских надписей, вероятнее всего, является одним из дравидских (M. B. Emeneau, в: Encyclopaedia Britannica, 15th ed., vol. 7, 1964, стр. 655 b). Благодаря работам профессоров Барроу и Эмено мы, к счастью, обладаем замечательным этимологическим словарем, который снабжен хорошим указателем и охватывает все известные дравидские языки (T. Burrow and M. B. Emeneau, A Dravidian Etymological Dictionary, Oxford, 1961, Supplement, 1968. Цитируется в тексте как DED). Без этой бесценной справочной работы дешифровка была бы крайне затруднена...

Правильные результаты были бы возможны только в том случае, если бы нам удалось найти тот самый язык, для которого было придумано письмо, чтобы при контрольных исследованиях результаты не вызывали бы никакого сомнения...

Мы старались проверить все возможности, «прочесывая» все словарные статьи и связанные с ними слова в указателях, отыскивая омофоны со всеми возможными лингвистическими видоизменениями. Так, например, в южнодравидских языках

существует большое количество чередований o/u, и составители «Дравидского этимологического словаря» (DED) могли не обладать достаточными данными для правильного выбора реконструкции.

Разумеется, детальная аргументация каждого решения, касающегося идентификации слов, выходит за рамки настоящей работы. Читатель, обладающий специальной подготовкой, без сомнения, сможет сам проделать необходимую проверку. Поэтому здесь мы ограничимся следующими данными.

а) Ссылка на номер соответствующей словарной статьи в корпусе «Дравидского этимологического словаря» (DED) или в Приложениях к нему.

б) Наша реконструкция протодравидской формы, основанная главным образом на таблице фонетических соответствий, приведенной в словаре (DED, стр. XII—XIII); в неясных случаях типа чередования u/o мы исходим из данных самих древних омофонов.

в) Реконструкция первоначального значения, целиком основанная на данных DED.

г) Современные языки, в которых встречается данное слово или его дериваты. Аббревиатуры взяты из DED. Диалекты во внимание не принимаются, зато учтены слова, заимствованные в санскрит, пали, пракрит и из современных индоарийских языков — в маратхи*.

Для ориентировки приводим список дравидских языков, который содержит общепринятую группировку дравидских языков с указанием числа говорящих на каждом языке, а также с указанием датировки наиболее ранних письменных документов.

Южная группа

Tamil	= тамильский язык (30 млн.)	(I в.)
Malayalam	= язык малаялам (14 млн.)	(X в., первоначально диалект старотамильского)

Kota = кота (1000)
Toda = тода (600)

Kannaḍa	= каннада (15 млн.)	(450 г. н. э.)
Koḍagu	= кодагу (69 тыс.)	

---

* В настоящем издании данные пункта (г) опущены.— *Прим. ред.*

Tulu	= тулу (800 тыс.)	(XIX в.)
Telugu	= телугу (35 млн.)	(633 г. н. э.)

Центральная группа

Kolami = колами (42 тыс.)
Naiki = наики (1 тыс.)
Parji = парджи (20 тыс.)
Gadba = гадба (2 тыс.)

Gondi = гонди (1,5 млн.)
Konḍa = конда (6 тыс.)
Pengo = пенго
Manḍa = манда

Kui = куи
Kuwi = куви } (600 тыс.)

Северная группа

Kurukh = курух (650 тыс.)
Malto = малто (24 тыс.)

Brahui = браун (225 тыс.)

Превосходный обзор дравидских языков и их грамматической структуры см.: M. S. A n d r o n o v, Dravidian languages.— «Archiv Orientální», 31, 1963, стр. 177—197. Другая важная для нас работа — анализ языка раннего старотамильского текста Peruṅkunṟur Kiḻār конца II в. н. э., проведенный Звелебилом (см. K. Z v e l e b i l, Yu. G l a s o v, M. A n d r o n o v, Introduction to the historical grammar of the Tamil language, Part I, 1967, стр. 11—109).

3. НАПРАВЛЕНИЕ ПИСЬМА

Одним из немногочисленных достижений, на которые мы могли твердо опираться, приступая к нашей работе, было определение направления письма индских надписей. Эти надписи писались справа налево, за исключением сравнительно редких

случаев, когда две или более строк образовывали порядок, называемый *бустрофедоном* («ход быка при пахоте, с поворотом в конце каждой борозды»). Здесь нелишне тем не менее привести примеры обоих случаев:

Надп 1555 = [illegible] (ср. также 1139)

Надп. 1247 = [illegible]

Существенно, что сочетание XXII X* встречается только здесь, тогда как сочетание X XXII обнаружено в 28 случаях, и притом в 25 из них в конце надписи (при предположении, что она читается справа налево). Б. Б. Лал доказал направление письма по частичному перекрытию знаков, нацарапанных на черепках (см. B. B. L a l, The direction of writing of the Harappan script.— «Antiquity», XL, 1966, стр. 52—55).

4. СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

При отыскании словоразделов способом, о котором говорилось выше, мы обнаружили следующие знаки, служащие, предположительно, в качестве словоизменительных суффиксов:

ТАБЛИЦА СУФФИКСОВ

Серия 1	Серия 2
	[illegible]
[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]

При этом мы основывались на следующем:

1) Указанные знаки встречаются очень часто.
2) Они встречаются, как правило, в конце надписи.
3) В тех, гораздо более редких случаях, когда они встречаются в середине надписи, всегда оказывалось возможным показать, что они относятся к предшествующему слову и что за ними следует тоже отдельное слово.

* Римскими цифрами здесь и далее обозначаются соответствующие знаки в Таблице знаков протоиндийского письма (см. стр. 491).— *Прим. перев.*

4) Как правило, они никогда не стоят в начале надписи.

5) В своей совокупности эти знаки образуют систему.

6) Другие знаки с такими свойствами отсутствуют.

7) Правильность данной идентификации подтверждается другими нашими идентификациями.

ТАБЛИЦА ЧАСТОТ ЗНАКОВ-СУФФИКСОВ

Знак	Встречаемость		
	всего	в конце.	в начале
	873	627	12
	146	114	1
	55	46	3
	79	57	4
	11	9	0

Из всего обследованного материала лишь в двух-трех случаях окончания оказались стоящими рядом, что может только подтвердить наше определение их как флексии...

Лишь немногие классы слов встречаются *без суффикса* в конце надписи. Ввиду краткости надписей трудно ожидать, что мы встретим в них какие-либо суффиксы, кроме именных. Поэтому наиболее вероятное истолкование парадигмы, представленной в таблице суффиксов на стр. 509, состоит в том, что указанные там серии окончаний отвечают, соответственно, либо мужскому и женскому роду, либо единственному и множественному числу. Самый частый падежный суффикс должен обозначать родительный падеж, следующий по частоте — дательный. Первый (верхний) знак серии 2, соотнесенный с нулем знака в серии 1, должен быть, очевидно, окончанием именительного п. (женского рода единственного числа или любого рода множественного числа).

Все это удивительно согласуется с дравидскими языками. «Суффиксация — единственный вид аффиксации, который встречается в дравидских языках... Род существительных грамматически выражен только при согласовании существительного с соответствующей родовой формой глагола... В дравидском различаются два числа — единственное и множественное. Показатель

множественного числа с наибольшей регулярностью выступает в именах лиц; в именах неодушевленных он часто не выражен... За редкими исключениями, дравидские существительные склоняются по одному типу. Падежные суффиксы в обоих числах одинаковы». (A n d r o n o v, цит. раб., стр. 183—185.) Что касается индских надписей, то там не удается обнаружить ни префиксов, ни инфиксов (о мнимых префиксах см. ниже). Квазисиллабический характер повторяющихся «слов», состоящих из двух и более знаков, объясняется тем, что родительный падеж слова, *предшествующего существительному*, которому оно подчинено, часто имеет форму чистой основы с так называемым «нулевым суффиксом». Действительно, «все дравидские суффиксы, служащие окончаниями косвенных падежей, развились из слов, некогда бывших независимыми (ср., например, суффикс комитативного падежа -oṭu/-ōṭu в тамильском с каннада oḍaṁ «сочетание, союз», телугу tōḍu и т. д.). Первоначально основа склоняемого слова и слово, превратившееся впоследствии в суффикс, составляли устойчивое словосочетание, первая часть которого служила определением ко второй» (A n d r o n o v, цит. раб., стр. 185). Наша дешифровка показывает, что таким же образом обстояло дело и в протодравидском языке индских надписей.

ПАРАДИГМА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ РАЗЛОЖЕНИЕ ПАДЕЖНЫХ СУФФИКСОВ НА СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ

(читать справа налево!)

	Ед.ч.	Мн.ч.
Им. п.	нуль	[illegible]
Род. п.	[illegible]	[illegible]
Дат. п.	[illegible]	[illegible]

В современных дравидских языках суффикс множественного числа стоит между основой и падежным суффиксом. В протодравидском порядок был иной: основа, падежный суффикс, суффикс множественного числа. Вероятно, окончания сохранили в значительной мере свою первоначальную независимость.

Единственное число

Родительный падеж

X — *изображение корабля*: ср. архаические шумерские пиктограммы «корабля». Ср. также:

= DED 876 *ōṭa «лодка, корабль, судно» (тамильский, малаялам, каннада и др.)
= DED 510 *oṭai «владение, собственный», что, должно быть, идентично с:
(DED 798) *oṭa — сочетание, союз и его дериват, современный комитативный суффикс -oṭu/-ōṭu, который был весьма распространен уже в раннем старотамильском в качестве «показателя социатива» (см. K. Zvelebil, Yu. Glasov, M. Andronov, Introduction to the historical grammar of the Tamil language, Part I, 1967, стр. 23). По-видимому, это был первоначально родительный падеж, позже вытесненный в этой роли общекосвенным примененным падежом -iṉ.

Дательный падеж

XI — изображение стрелы (= шумерское XIa, № 221 по Фалькенштейну) = DED 1704 *koṭi, kōṭu «точка, заостренный конец» («острие, острие стрелы»); ср. DED 1566, 1578: kūṭ-, kūr- «вершина, например горы, и т. п.»
= DED 1708 *kōṭu, koṭi «дать (третьему лицу)»
= -ku — наиболее употребительный суффикс дравидских языков, засвидетельствованный уже в раннем старотамильском.

Множественное число

Существует два способа выражения множественного числа: фонетический — с помощью добавления суффикса множественного числа, и графический — путем редупликации знака, в точности как в шумерской письменности той же эпохи ...

Суффикс множественного числа:

XII — «шест с веревками по концам для ношения тяжестей на плече» (ср. DED 1193)
= DED 1155 *kaṟai «(бамбуковый) шест; шест с привязанным грузом, для ношения на плече»
= DED 1178 *kaṟṟai «пучок (волос, солнечных лучей)», «охапка (травы или сена)»
= -kaḷ — суффикс множ. ч. южнодравидских языков (из -k и -lu/-ḷu; первоначально для неодушевленных объектов).

Этот способ выражения множественного числа используется во всех случаях, когда слово склоняется; при этом знаки обоих суффиксов (числа и падежа) обычно, хотя и не всегда, образуют лигатуру.

Редупликация:
VIII VIII и IX IX чередуются с VIII и IX соответственно в одном и том же контексте. То, что таким способом обозначается именно множественное число, очевидно из значения этих знаков...

6. РОД И ДЕТЕРМИНАТИВЫ

ЗНАКИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ РОД

Знак	Встречаемость		
	всего	в конце	в начале
VIII	112	56	10
IX	172	132	6

Знаки VIII и IX далеко превосходят по частоте другие знаки, используемые описанным способом (мы упоминали об их встречаемости в редуплицированных формах, когда говорили (выше) о множественном числе). Первый из них — знак VIII — является, очевидно, изображением «мужчины» или «человека» вообще. Поскольку он явно используется непосредственно в этом значении, невозможно сказать, какое дравидское слово он обозначает в каждом конкретном случае. Исходным значением должно быть, во всяком случае, значение «мужчина», «самец», поскольку

IX — изображение гребня (гребни из слоновой кости как раз в это время были предметом экспорта в Шумер; ср. W h e e l e r, указ. раб., стр. 81)
= DED 3607 *peṇṭika «гребень»
= DED 3608 *peṇṭi «женщина, самка», излюбленное слово для выражения этого значения...

Род слова выражается:

1) сочетанием знака, родовое значение которого определяется знаком соответствующего пола, например:
XIV VIII — «жрец-мужчина»;
2) образованием лигатуры из двух таких знаков, например:
а) мужской род VIII + XIV — „жрец-(мужчина)"
б) женский род XV — „жрица"
XVII — ж. р. от XVI и т. п. ...

7. СОДЕРЖАНИЕ НАДПИСЕЙ: НОВОЕ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОЕ И РЕЛИГИИ ПРОТОДРАВИДСКОЙ ИНДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Изучая археологические остатки индской культуры, можно сделать определенные выводы о религии и общественном устройстве ее носителей. В ходе дешифровки для понимания этой куль-

туры может серьезно помочь использование шумерских параллелей. Но вот заговорили надписи, и драгоценные тайны начинают открываться уже из первоисточника.

А. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Выше было показано, что лигатуры, включающие знаки VIII и I, суть обозначения лиц и профессий. Это подтверждается далее тем, что знак VIII+XXVII b представляет собой конструкцию, достаточную для образования отдельной полноценной надписи (надпись 3246). Поскольку цель данной статьи — лишь объявить о факте дешифровки, мы ограничимся сообщением уже полученных результатов и будем надеяться, что дальнейшая работа даст только новые факты, но не новое направление исследований.

XIII — «рука», знак получен из более старых вариантов XIIIa<XIIIb
= шумерский знак, изображающий *кисть руки*, с добавлением предплечья
= DED 1683 *kai «кисть руки, рука»
= DED 1628 *key, kai «делать, совершать, работать».

Этот знак, по-видимому, обозначает слово со значением «работы» для любых «работников», «служителей» и «людей» вообще...

III — знак для числительного «три» (ср. ниже I и IV) = DED 4147 *mūn̤ «три» (слово из дравидского основного словарного фонда) = DED 4119a *mun̤ «стоящий во главе, первый, главный», ср. также знак XXIX, данный в таблице. В таком случае III+XIII может обозначать «главного служителя». Толкование знака XXV+XIII см. в разделе о религии...

I — числительное «один»
= DED 834 *or «один» (из основного фонда дравидских слов)
= DED 592 *ür «пахать, пахарь».

Доказательством правильности нашего толкования является, кроме высокой частоты этих знаков, также наличие весьма частого сочетания XXIII XXIII VIII+I, где знак XXIII обозначает «поле». Идентификация этого знака имеет, несомненно, большое значение, поскольку знаки, встречающиеся в подобных сочетаниях, должны обозначать владельцев полей. Мы знаем уже, что знак для «жреца» встречается в этом сочетании. Часто встречается также комбинация XXIII XXIII XIX. В Шумере «жреческие корпорации владели только частью земли, сдавая ее арендаторам; остальная земля была частной собственностью отдельных граждан» (см. Kramer, The Sumerians, стр. 74).

XXIX — «ступка» и «пест»
= DED 1563 *kurru/kurri «толочь в ступе»
= DED 1533 *kurī «метить, обозначать, писать», здесь — «писец».

Одно из наиболее частых слов в надписях — III XXIX; оно встречается только в именительном падеже единственного числа (в сочетаниях) и в дательном падеже единственного числа: XI III XXIX. Значение второго элемента сочетания — III = «три» = «главный», поэтому все слово должно обозначать «главный писец». Писцы, как мы знаем по Месопотамии, были представителями одного из наиболее важных и чтимых сословий общества, и их имена часто встречаются в шумерских и аккадских текстах хозяйственного содержания.

XIV — «барабан»
= DED 2510 *tampa(ṭa) «барабан»
= DED 2513 и 2514 *tampa(ḷa) «жрец храма».

XX — «горшок»
= DED 3801 *maṭa, maṭi «большой глиняный сосуд»
= DED 3804 *maṭi, здесь — «мойщик».

XXI — «лук» и «стрела»
= DED 4449 *vil «лук (и стрела)»;
= DED 4448 *vil «продавать, продаваться; стоимость, цена, ценность» (отсюда — «торговец»).

XXXVIII — «скорпион»
= DED 2855 *tēḷ «скорпион»
= DED 2825 *teḷ «ясность, знание, ученый» вместе с DED 2815 *ter «знать, понимать; мудрость и т. п.»

XXXIX — «серп»
= DED 1763 *koy- «жать, пожинать, резать; серп»
= DED 1468 *kuya/koya «гончар; ко́та (одно из дравидских племен)».

IV — числительное «четыре»
= DED 3024 *nāl «четыре» (из основного фонда дравидских слов)
= DED 3012 *nāṭ «сельская местность (в противоположность городу), крестьянин; округ, деревня, окружной начальник, деревенский надзиратель».

Ср. сочетание XXIII XXIII VIII+IV (надп. 2240) с XXIII XXIII VIII+I, приведенным выше.

Б. РЕЛИГИЯ

Знак VIII XX встречается на печатях так же, как и прочие знаки, указывающие на профессии (ср. первый знак раздела А). Однако он, несомненно, как-то связан с религиозным культом. На оборотной стороне ранних посвятительных табличек из Хараппы изображен знак XXa, которому предшествует обычно знак

одного из числительных от 1 до 4, начертанных в данном случае длинными штрихами.

Ясно, что и здесь речь идет о лицах, поскольку на обороте надписи 3372 и 3412 мы находим похожие знаки. В соответствии с назначением самого этого предмета необходимо, чтобы посвятительная табличка сообщала имя или иной символ субъекта, поклоняющегося божеству. «В таком случае он оказывается постоянно связанным с божеством, и эманация бога, сообщающаяся предмету и в нем сосредоточенная, сообщается и его владельцу.» (см. Encyclopaedia of Religion and Ethics, V, 1912, стр. 4a).

XX — изображение «сосуда»

= DED 3801 *maṭa, maṭi «большой глиняный сосуд»

= DED 3804 *maṭi «обрядовая чистота, как если бы человек искупался, состояние неоскверненности; мойщик» и DED 3809 *maṭa, maṭu «водоем, заводь, глубокое место в реке, омут».

Здесь открывается значение обряда омовения в индской цивилизации и происхождение системы каст, связанной с категорией осквернения и соответствующими запретами.

Знак XXIV встречается несколько раз вместе со знаками XX или VIII+XX. На печатях знак VIII + XX, очевидно, обозначает профессию «мойщика», скорее всего относящегося к персоналу общественных купален. Э. Гринстед высказал предположение, что XXIV — изображение зародыша; это делает возможным сопоставление с DED 1074 *karu «утробный плод, зародыш» = DED 1075 *karu «формовка, гравирование, резьба; делать резные украшения или рельефные фигуры». Означает ли это слово технику изготовления посвятительных табличек, описываемую, например, в M a c k a y, Further excavations, табл. XC, № 23? Это, по-видимому, вполне согласуется с контекстом, поскольку для купальщиков изготовляли рельефные посвятительные таблички. Надп. 3328 была найдена в Большом зернохранилище Хараппы, а надп. 2657 — в Мохенджо-Даро, в «обширном строении вроде караван-сарая, прежде предположительно считавшемся храмом», так что археологический контекст не дает оснований для подтверждения этой идентификации...

VIII и IX — наиболее частые знаки, встречающиеся обычно в конце слова в родительном падеже; однако их отсутствие более нормально, чем их присутствие. Знаки XIV и XV представляют собой, несомненно, мужскую и женскую формы слова, обозначающего некоторую профессию (ср. выше, стр. 513 наст. статьи). Это наводит на мысль, что данные знаки обозначают *божества* и используются для образования теофорных имен, которые преобладали в древности на Ближнем Востоке, и во всяком случае позже, и в самой Индии. Личные имена древних шумеров строились по моделям типа «X есть пастырь», «X имеет великое

сердце», «Кто подобен X?», «Слуга X-а», «Человек X-а», «Любимец X-а», «X дал мне» и т. п., где X — имя божества (цит. по Kramer, The Sumerians, стр. 118). В Индии классической эпохи самое широкое распространение имели имена типа «Rudra-(Skanda)-svāmiń, т. е. «(имеющий) Рудру (и Сканду) господином». Раскрытие строения лигатуры сразу же показало, что знак XVIII, несомненно, относится к той же серии и обозначает некое божество. Теперь становится очевидным и другое доказательство значения этих знаков как имен божества: именно эта группа чаще всего присоединяет к себе суффикс *дательного падежа* (XI XVIII и т. п.); идентификация XIV и т. п. как знака, обозначающего жрецов,— дальнейшее подтверждение этого.

Наиболее употребительное слово со значением «рыба» в дравидских языках — DED 3999 *mīn «рыба»; оно имеет простое и единственное значение практически во всех языках. Мы сближаем его с омофоном DED 3994 *mīn «звезда, сверкать».

Эта идентификация сразу же делает понятными часто встречающиеся сочетания XVIII II и XVIII VI — это «две звезды», то есть «Близнецы» (ср. DED 401, «два»), зодиакальное созвездие Близнецов, которое в Месопотамии также носило название «Близнецы» (maš-tab-ba). XVIII VI — «шестизвездие», то есть «Плеяды» (тесная группа небольших звезд в созвездии Тельца, из которых лишь шесть видимы простым глазом). В Месопотамии его называли просто «Звездой» (mul) или «созвездием» (kakkabu). Ввиду этих фактов трудно предположить, что рисунки на некоторых индских печатях, найденных в Месопотамии, особенно на цилиндрической печати Gadd № 6, могут изображать что-либо иное, чем знаки зодиака*. Знак XIV, несомненно, является изображением краба, и единственным подходящим словом для него в DED будет 2362 *ñandri «краб», не имеющее омофонов и используемое для обозначения созвездия Рака.

До сих пор единственный намек на астральные божества, которым поклонялись носители индской культуры, видели в знаке священного трилистника ☘ на знаменитом бюсте бородатого мужчины, предположительно изображавшем божество или царя-жреца. «Через левое плечо перекинута мантия с рельефными изображениями трилистника, которые первоначально были заполнены пастой красного цвета... Знак трилистника известен в культуре Хараппы и, вероятно, имеет священный смысл. Он встречается на подставке красного камня и часто на бусах из

* Совершенно невозможный вывод! Знаки зодиака были введены в астрономии по меньшей мере тысячелетием позже. См. О. Нейгебауер, Точные науки в древности, М., 1968, стр. 111.— *Прим. ред.*

стеатита или стеатитовой пасты, где, как и на статуе, трилистники заполнены красной краской или пастой... Аналогичные памятники Египта и Месопотамии наводят на мысль о религиозном и, в частности, астральном значении этого мотива*» (Wheeler, цит. раб., стр. 87). Исходя из частых случаев чередования округлых и угловатых вариантов одного знака (например, XXVIII и XXVIIIa), представляется разумным отождествить фигуру трилистника со знаком XXV. DED не содержит (если судить по Указателю растений) никаких упоминаний о каких-либо трилистниках. Если же считать, что на знаке изображены не листья, а лепестки, можно искать здесь связь с цветком, и притом с красным цветком:

XXV = DED 421 *ila(va) «Bombax malabaricum» (растение с красными цветами); ср. DED 423 *ilai «лист, лепесток» = DED 420 *il «дом».

Эта идентификация представляется нам вполне удовлетворительной. В таком контексте, как XXXVII XL+XXV, следует ожидать, что знак XL+XXV имеет какое-то отношение к «храму». Знаки XL+XXX и VII должны, по-видимому, иметь аналогичный смысл. Поскольку целая серия лигатур образуется с помощью знака XL, а, с другой стороны, один из основных знаков (XL+XXXI) встречается в сочетании со знаком, который можно считать чем-то вроде детерминатива божества, мы можем принять в качестве рабочей гипотезы, что XL обозначает «небо», как в египетских иероглифах, и представляет собой детерминатив храма. Ср. также лигатуру XXV+XIII=? «домашний слуга, служитель храма».

III. ИСТОРИЯ ДЕШИФРОВКИ

АСКО ПАРПОЛА

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ

Эта дешифровка является, по существу, результатом наших совместных усилий, каждый из нас внес в нее свой вклад. Порядок наших имен (на титуле) отражает хронологию создания нашей группы. В сентябре 1964 г. вместе с моим старым другом Сеппо Коскенниеми мы обсуждали возможности использования счетных машин в лингвистике, и я предложил попробовать дешифровать индское письмо с помощью вычислительной машины, надеясь, что ЭВМ сможет дать нам необходимые сведения для работы. Сразу же мы пригласили для консультаций моего брата, Симо Парпола, и начали работу.

---

* Нам неизвестны изображения трилистника как астрального символа на древнем Ближнем Востоке.— *Прим. ред.*

Нашей предпосылкой было убеждение, что для статистического анализа мы располагаем достаточным материалом, и это даст нам возможность дешифровать письмо без билингвы, а также что письменность долины Инда не может принципиально отличаться от современных систем письменности. До последнего времени мы верили, как и большинство исследователей этого письма, что по своему характеру оно является логосиллабическим, то есть что наряду с логограммами, представляющими целые слова, должен существовать и набор слогов из знаков, которые использовались преимущественно для выражения грамматических элементов. (Это предположение, которое казалось вначале вполне доказанным, явилось главным препятствием к дешифровке.) Предполагаемый логосиллабический характер письма много раз затруднял его дешифровку, особенно из-за тех силлабических знаков, которые, как можно было ожидать, по своему типу отличались от тех, с какими столкнулся Майкл Вентрис при дешифровке линейного письма Б, пока единственной дешифровке, произведенной без помощи билингвы*.

Мы ожидали, что в дешифруемом языке содержатся слоги следующих типов: гласный, согласный +гласный; гласный + согласный; согласный + гласный + согласный, тогда как в 1953 г. в линейном письме Б все знаки были определены как силлабические (за исключением некоторых редких и легко выделяемых логограмм), а все слоги оказались типа согласный + гласный. Длинные тексты, где были выделены слова, обеспечили достаточную основу для текстуального анализа, так что знаки, фонетически связанные, могли быть соединены и таким образом могла быть установлена «сетка» фонетических соответствий. Естественно, нашей группой был опробован и этот метод и другие, казавшиеся эффективными, но, поскольку скудный и односторонний материал не давал достаточно надежных ключей к разгадке, мы решили применить новый метод, который был бы автоматическим и базировался бы только на статистических данных. Этот метод может быть развит дальше и проверен на основе сравнительных материалов, взятых из других древних письменностей. Нам пришлось провести полный анализ индского письма, в результате чего была показана ненадежность более ранних исследований. Мы решили разделить работу так, чтобы Симо Парпола как специалист по ближневосточным письменностям взял бы на себя подборку материала для сравнения, Сеппо Коскенниеми — работу с вычислительной машиной, а Аско Парпола — анализ индского письма.

---

* М. Вентрис, как известно, пользовался квазибилингвой в виде названий местностей, известных на Крите в более позднее время и упоминающихся в текстах «линейного Б». Вовсе без билингвы пока не было расшифровано полностью ни одно письмо, если язык его не был известен заранее.— *Прим. ред.*

Прогресс был сначала медленным, потому что мы должны были разметить перфокарты для машины и параллельно должны были выполнять другие обязанности. Мы протранскрибировали индские надписи в форме, удобной для машинного чтения, приписав различным знакам номера от 001 до 999, в соответствии с нашим собственным предварительным списком знаков. Образцы текстов приблизительно того же объема (около 10 000 знаков) были подобраны из архаического и классического шумерского письма, среднеегипетского иероглифического, эламского клинописного, линейного письма Б и новоассирийского клинописного. Мы усовершенствовали метод классификации, благодаря чему счетная машина показывает, сколько раз каждый знак встречается в соседстве с каждым другим, затем распределяет знаки по различным группам — в соответствии с их различным поведением. Основная мысль, приведшая нас к этой процедуре, состояла в том, что цепочка знаков письменного языка должна управляться физиологическими звуковыми законами, которые могут поддаваться измерению. Сложный расчет мог быть выполнен только с помощью больших вычислительных машин; благодаря любезности профессора Аальто, который поддержал проект, мы смогли воспользоваться возможностями, предоставленными Североевропейским университетским вычислительным центром в Копенгагене. Математическую часть этой работы выполняет Сеппо Коскенниеми, и статья об этом появится в журнале «Linguistics». Можно обращаться к любого рода классификациям, и это может оказаться полезным для дешифровки других неизвестных письменностей.

ДЕШИФРОВКА

Основой дешифровки был грамматический анализ надписей в тех пределах, как это описано выше, в главе II («Дешифровка»). Обязательным в этом анализе были: список знаков, указывающий их общую частоту, частоту в конце и в начале, и в особенности полный список всех парных комбинаций знаков, так же как и списки встречаемостей определенных слов, подготовленные машиной. Для практических целей эта работа была доступна уже в течение нескольких лет, но изложена в систематической форме в декабре 1968 г. На рождественских каникулах 1968 г. проект был прочитан Симо Парполой и Пенти Аальто, который и подсказал мысль о двух ключах, ведущих к дешифровке.

Мой брат предположил, что знак IX означает женский род, потому что он ведет себя точно так же, как знак VIII, который должен означать мужской род. Я сразу согласился, что это единственно правильная интерпретация. Совершенно независимо Пенти Аальто предположил, что знак XII — суффикс множест-

венного числа, «потому что слово *носить* в дравидском языке начинается с k». По возвращении в Копенгаген я проверил знак XII и смог связать его со словом DED 1193 (и DED 1155), но не с DED 1178.

Однако, лишь обнаружив, что в дравидском языке самое употребительное слово для понятия «женщина/женский» *фонетически идентично* самому употребительному слову, обозначающему «гребень», я убедился, что дешифровка началась. С этого момента я понял, что письмо должно быть *логографическим*, потому что слова были многосложными. Так 9 января 1969 г. и я начал работать с новым усердием, в полном контакте с профессором Аальто и моим братом, который предложил много удачных идей. 24 января профессор Аальто предположил, что знак X — это рисунок корабля. 8 февраля мой брат Симо Парпола, высказав ряд других плодотворных идей, выразил уверенность в том, что знаки ', ", ') — также детерминативы, и предположил, что знак XXXIV есть детерминатив (чужой) страны, как в шумерском языке. После того как 29 и 30 января я понял природу лигатур, включающих знаки VIII и I, а 24 января и 1 февраля обнаружил знаки рыбы, я решил, что дешифровка совершилась. Секрет индского письма открыт, хотя многое еще остается сделать, прежде чем мы сможем прочесть все надписи.

Введение и анализ текста — это результат совместной работы моего брата и моей и суть наших бесчисленных дискуссий. Очень жаль, что его военная служба не дала ему возможности довести дело до конца, и мы не смогли разделить с ним радость завершения работы, когда особенно пригодились бы его знания шумерского языка. Я отлично понимаю, что та активная роль, которую я взялся играть в дешифровке, могла также принадлежать и ему, но на начальной стадии на его долю выпала только масса скучной подготовительной работы по сопоставлению материалов. Идея связать шумерский термин Meluḫḫa* с Milakkha принадлежит Пенти Аальто, который как учитель и одновременно друг высказал немало полезных мыслей во время наших часто возникавших дискуссий. Без ключа, данного им, дешифровка не была бы теперь реальностью. Весьма существенной была помощь Сеппо Коскенниеми и его счетных машин. Кроме того, фактором, который помогал нам в работе и который нельзя не принимать во внимание, явилась атмосфера взаимопонимания, готовности прийти на помощь друг другу, атмосфера доброжелательного сотрудничества.

Аско Парпола.
Копенгаген, 14 февраля 1969 г.

* Шумерское название страны к востоку от Месопотамии, предположительно — области древнеиндской цивилизации.— *Прим. ред.*

А. Парпола, С. Коскенниеми, С. Парпола, П. Аальто

ПРОГРЕСС В ДЕШИФРОВКЕ ПРОТОДРАВИДСКОГО ПИСЬМА ДОЛИНЫ ИНДА *

ПРЕДИСЛОВИЕ

С тех пор, как 24 февраля 1969 г. было опубликовано наше «Первое сообщение» (далее везде сокращенно — ПС), развитие дешифровки продвинулось вперед. В настоящее время готовится к печати исправленный вариант ПС, который будет доступен широкому кругу читателей. Но поскольку подготовка его займет какое-то время и поскольку ряд открытий заставляет по-новому взглянуть на характер письменности долины Инда и на некоторые аспекты позднейшей индийской цивилизации, то мы сочли уместным опубликовать эти новые результаты отдельно. В то же время мы хотели бы исправить некоторые неточности в ПС (которые, однако, не затрагивают самой теории).

После опубликования ПС мы получили из Советского Союза издание «Proto-Indica: 1968» **, любезно присланное нам профессором Ю. Кнорозовым. Нам было приятно узнать, что их исследования подтверждают нашу дешифровку в некоторых аспектах ***. То же самое можно сказать и о находках Э. Эраса, живое воображение которого несколько раз попало в цель. Так, Эрас (1953), советские ученые (1965 и 1968) и мы сходимся в чтении

[illegible] = „рыба“ = mīn и [illegible] = aṟu-mīn „шесть звезд“

дравидское (тамильское) название созвездия Плеяд.

Хельсинки — Копенгаген, апрель 1969.

---

* Asko Parpola, Seppo Koskenniemi, Simo Parpola, Pentti Aalto, Progress in the decipherment of the Proto-Dravidian Indus script, Copenhagen, 1969. Статья печатается с сокращениями.— *Прим. ред.*

** В 1972 г. под тем же названием появился сборник работ группы Кнорозова большего объема (вып 1—11).— *Прим. ред.*

*** Справедливо было бы сказать, что расшифровка, проделанная группой А. Парполы в 1969 г., подтверждает многие результаты, достигнутые группой Ю. Кнорозова в 1965—1968 гг.— *Прим. ред.*

ЗАМЕЧАНИЯ О НАШЕМ МЕТОДЕ И О ХАРАКТЕРЕ ПИСЬМЕННОСТИ

Наши методы в целом остались прежними. Однако оказалось возможным усовершенствовать их в ряде аспектов. Так, мы обнаружили, что ключ к идентификации объектов, обозначенных знаками письменности долины Инда, может быть получен благодаря изучению более поздней дравидской (индуистской) культуры, особенно иконографии. Более того, как правило, следует ожидать, что принцип «ребуса» действует повсеместно, даже без тех исключений, которые были предположительно выдвинуты в ПС на стр. 37 (XXIII «поле»). Как свидетельствуют примеры, между согласными омофонов должно существовать строгое соответствие, тогда как гласные допускают чередование долгих/ /кратких, i/e, u/o, ăḭ/ĕḭ и различие в гласном (последнего) безударного слога. (Следовательно, от наших прежних выводов, не удовлетворяющих этим требованиям, нужно отказаться).

В ПС (стр. 8) мы охарактеризовали данную письменность как «чисто логографическую». Теперь мы должны несколько изменить это утверждение и назвать эту письменность «логосиллабической» (то есть словесно-слоговой), поскольку она явно использует также и слоговые знаки. Один знак может обозначать *несколько омофонных слов или частей слов*, которые фонетически идентичны, но различаются семантически. Использование *фонетических дополнений* также представляется довольно очевидным.

Данная система обнаруживает большое сходство с египетскими иероглифами, за исключением того, что египетские писцы опускали гласные, чтобы получить достаточное число омофонов. Кроме того, как нам сообщает доктор В. Ф. Лееманс, «некоторые знаки настолько похожи на знаки шумерской письменности, что хочется предположить родство, которое могло существовать на очень раннем этапе развития письменности».

ХРАМЫ И ДВОРЦЫ — СЛОГОВЫЕ ЗНАКИ

На стр. 44 ПС мы установили, что имеет место связь XXV= XXVI=красный цветок=*ila=*il=дом. Мы также вывели из контекстов, что лигатура XL+XXV должна обозначать что-нибудь вроде «храма», и предположили, что элемент XL означает «небо», как в египетских иероглифах, и является детерминативом божественного. (Хотя раньше мы писали «детерминатив храмов», теперь нам хотелось бы писать именно «детерминатив божественного»).

Мы уже отождествили значок XL+XXV со словесным значением «храм, дворец» в дравидском, DED 1810* *kō-il, где kō первоначально значило «бог», хотя позднее стало значить «царь». Эту группу слов можно найти в шести дравидских языках (тамильском, малаялам, телугу, кота, парджи, гадба).

Такое отождествление дает возможность предположить, что значок XL имел *произношение* и значение kō. Мы уже вывели из контекстов, что знак XL+XXX должен быть очень близок по смыслу к слову «храм» (ПС, стр. 45). Предполагая, что это слово начинается с kō- (как XL+XXV=kō+il), мы находим в DED 1831 *kōṭṭai, kōṭṭa «форт, замок, дворец» (тамильский, малаялам, телугу и т. д.) и затем ищем слово, которое объяснило бы рисунок XXX, относящийся ко второй части слова. Если kō — это первая часть составного слова, то наиболее вероятно, что -ṭṭa(i) означает aṭṭa(i). Эта вторая часть может соответствовать слову *aṭṭa «верхняя комната в доме, башне» (см. DED 83) (тамильский и многие другие). Но для нас важен омофон *aṭai, aṭa (DED 73). Он существует во всех дравидских языках, известен нам по древним заимствованиям в индоевропейском и означает «поперек, крест-накрест» = × (XXX). На клейме 4031 (Чанху-Даро) вся надпись состоит только из знака XL+XXX.

Фонетическая интерпретация знака XL как kō позволяет по-новому взглянуть на характер изучаемой письменности.

Нам известно три различных варианта знака XXXI, предположительно обозначающего «холм» или «курган»: XXXI, XXXII, XXXIII. Если XL является детерминативом к третьему знаку, то второй, меньший XL, относящийся к основному элементу, должен иметь другое значение. Следовательно, он вполне мог быть дополнительным фонетическим элементом, помогающим читателю выбрать нужное слово из нескольких синонимов. Эта интерпретация кажется нам правдоподобной, так как существует дравидское слово *kō, обозначающее «гору» (DED 1811). Таким образом, наиболее вероятно, что словом, которое мы имеем в виду, является kō в значении «царь» (ср. знак XXXIIa, встречающийся дважды: ПС, стр. 43), а с «детерминативом» XL — — kō-kō «царь царей». Сравните хеттские иероглифы XLI «царь» и XLII — «великий царь» [1].

---

* DED=T. Burrow and M. B. Emeneau, A Dravidian Etymological Dictionary, Oxford, 1961; Supplement, Oxford, 1968.

[1] P. Meriggi, Listes des Hiéroglyphes Hittites.— «Revue Hittite et Asianique», 4, 1936—1938, стр. 90 nos. 275, 277 и варианты на стр. 173. Независимо от нас, Эрасом был прочитан знак XXXI как kō «гора», XXXII — как kōn «господин, царь» и XXXII а — как kōnir «цари» (H. Heras, в: «Studies in Proto-Indo-Mediterranean Culture», vol. I, Bombay, 1953, стр. 70, 77, 85, 86).

По-видимому, «фонетический комплемент» (дополнительный фонетический элемент) можно обнаружить и в знаке XXVII+ +XIII, который, как мы определили, означает астральное божество (ПС, стр. 40). Если это лигатура знака XIII «рука»=*kai (ПС, стр. 35) и знака XXVII, то мы можем сравнить с последним знаки XXVIIa или XXVIIb, изображающие «солнце» в египетском, хеттском и древнекитайском (G e l b, I. J., A study of writing, 2 ed., Chicago, 1963, стр. 98). Омофоном с *kai, обозначающим «солнце», является DED 1219 *kāy — «быть горячим (солнцем); жечь; жар огня или солнца»...

СУФФИКС МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА И ЕГО ОМОФОНЫ

Для склонения существительных мы уже установили именные суффиксы в такой парадигме:

	Ед.ч.	Мн.ч.
Им. п.	нуль	[illegible]
Род. п.	[illegible]	[illegible]
Дат. п.	[illegible]	[illegible]

Дополнительным критерием их грамматической функции является то, что они, в числе очень немногих знаков, могут повторяться в пределах одной надписи. Знаки XII и X могут встречаться вместе, и это сначала навело нас на предположение, что лигатуры XII+X и XII+XI следует разлагать на составляющие части таким образом: XII X и XII XI (при чтении справа налево). Тогда порядок морфем в протодравидском должен был бы быть таким: основа, падежный суффикс, суффикс множественного числа, хотя в современных дравидских языках суффикс множественного числа находится между основой и падежным суффиксом (ПС, стр. 18—21).

Это нас не вполне удовлетворило, к тому же письма, полученные нами от профессоров Камила Звелебила, Наосиро Цудзи, Ёсты Либерта, убеждали нас в том, что это не так. Профессор Либерт указал, что это противоречит принципам не только более поздних дравидских языков, но и агглютинативных языков вообще: «Одним из наиболее важных свойств агглютинативных языков является то, что аффикс множественного числа присоединяется непосредственно к основе единственного числа, образуя *основу множественного числа*, к которой присоединяются падежные аффиксы. Следовательно, примеры из надписей, найденных в

долине Инда, которые будто бы указывают на другой порядок аффиксов, несомненно, должны быть пересмотрены. С другой стороны, мне кажется, что лигатуры с аффиксом множественного числа указывают на то, что [XII] занимает центральное положение среди них, и поэтому его следует читать первым». Теперь нам известно, что знаки-лигатуры читались, как правило, сверху вниз (XL+XXX), как в египетском. Но в лигатурах с множественным числом это обязательно только для тех случаев, где обратный порядок противоречит принципам экономии и красоты, которых придерживались древние писцы.

Таким образом, мы пришли к заключению, что знак XII в последовательности XII X употребляется как *идеограмма*, то есть не в функции суффикса множественного числа, а выражает полнозначное слово, как VIII, XV или XL+XXX после предшествующего слова в родительном падеже единственного числа. На стр. 41 ПС мы обращали внимание на тот факт, что, когда знаки, которые мы можем идентифицировать как символы божеств, функционируют как полнозначные склоняемые слова и встречаются в родительном падеже единственного числа, за ними неизменно следуют такие же полнозначные слова. Новая проверка надписей, содержащих знаки XII X, в свете наших последних открытий показывает, что и здесь символы астральных богов предшествуют комбинации знаков XII X:

2375 =

4061 =

Следующим шагом было новое изучение двух возможных слов со значением «коромысло» в дравидском (DED 1193 и DED 1155). Мы пришли к заключению, что читать следует DED 1155, как мы и предполагали раньше (ПС, стр. 23), но с тем уточнением, что, кроме *karai, возможны реконструкции *kari, *karu, *kara.

После этого мы уже были в состоянии найти более удачный омофон, который, к тому же, больше соответствовал этимологически современному суффиксу -kaḷ, а именно DED 1144 *kari «много, великий (количественно или качественно), чрезмерный, обильный» (тамильский, каннада, тода?).

Кроме того, мы нашли другой омофон, объясняющий *идеографическое* употребление знака XII, а именно: DED 1154 *karu «мыть, стирать (рис, одежду и т. д.), очищать от греха, купаться; (святая) вода». Это подтверждает не только новое прочтение, но и нашу догадку о *религиозном значении купаний*, которое мы смогли вывести из знака XX=«горшок, котел» =maṭa, maṭi= «ритуальная чистота» и др. Так как оба знака встречаются вместе, то XII, вероятно, означает «купальня», а XX — «искупавшийся»...

Явно антропоморфные существа на многих печатях долины Инда, а также некоторые терракотовые маски имеют *рога*.

В надписях мы находим знак VIIIa, описанный Кнорозовым (и, по нашему мнению, правильно) как «рогатое существо» [2].

Сначала мы думали, что VIIIa изображает божество и его следует читать как слово со значением «божество». Но мы убеждены в том, что *принцип ребуса* соблюдается повсеместно, и мысль о том, что мы можем обнаружить в надписях долины Инда различные написания одного и того же слова или *синонимы* одного слова (хорошо известно, что это свойственно и другим письменностям рассматриваемой эпохи), навела нас на подозрение, что знак VIIIa в сочетании с другими знаками имеет значение «звезда»; ср., например:

4061 = [signs]

Поэтому мы поискали подходящее слово для обозначения «звезды», помимо mīn (=«рыба»=XVIII), у которого был бы омофон, объясняющий, какое «рогатое существо» изображалось в виде ребусного знака VIIIa. Мы нашли DED 2175 *cukka «звезда (точка)»=DED 2346 *cokku, cō(ṅ)ku «вампир, дьявол, домовой, демон, злой дух; эпидемия, заражение, болезнь, одержимость (ду́хами)».

Эта пара омофонов доказывает, что «рогатыми существами», изображавшимися в виде знака VIIIa, а также такими рогатыми божествами, как «прото-Шива», в иконографии печатей долины Инда были *злые демоны, вызывающие болезни*...

СИМВОЛЫ ИНДСКИХ БОГОВ И СИМВОЛЫ ЦАРСТВОВАНИЯ

XXXIX, имеющий также вид XXXIXa, не может быть изображением серпа, как мы предполагали раньше (ПС, стр. 38); лигатура XXXIX+XIII+XIII свидетельствует о том, что это должен быть также царский титул. Это могло бы быть изображением *звериной лапы*, связанным с DED 4054 *mutal, *motal «основание,

[2] «Proto-Indica: 1968», стр. 15. Мы считаем, что Кнорозов не прав, проводя различие между этим знаком, который он обозначает как VIII a, и знаком VIII b, которым, по его мнению, обозначается «существо женского пола с поднятыми вверх руками и с большой грудью». У нас нет никакого сомнения в том, что VIII b есть просто более «угловатый» вариант знака VIIIa, так же как, например, XXVIII a и XXVIII (см. ПС стр 44).

нога, дно или нижняя часть чего-либо, пень»=DED 4053 *mutal «первый (например, по социальному положению, по месту, по времени), вождь, глава, патрон, царь». И по сей день *Мудальяр*— распространенное имя собственное у тамильцев. Многое из того, что первоначально обозначало военные или гражданские почетные титулы, впоследствии закрепилось за кастами, и они стали называться этими именами, например название *Мудали* (Mudali), которое первоначально обозначало только военачальника, закрепилось за кастой «Мудальяр».

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ИНДСКИХ БОГОВ

Ян Гонда посвятил большую главу своей книги («Change and Continuity in the Indian Religion», The Hague, 1965) рассуждению о том, что «vāhana- встречаются в индском искусстве и литературе и не встречаются в Веде». В начале своей книги он говорит, что «те, кто придает особое значение различиям мифологического характера, обращают внимание на средства передвижения богов». Он приводит следующую цитату: «До смешения с дравидскими божествами арийские боги не ездили верхом на животных, а располагали воздушными колесницами. Но как только Шива и Парвати ввели новую моду, боги, как будто устав от старых перевозочных средств, немедленно от них отказались. Спрос на животных возрос: Вишну, например, выбрал [птицу] Гаруду..., двое сыновей Шивы — Ганеша и Картикейя — ездили соответственно на мыши и павлине» (стр. 71). После тщательного исследования Гонда приходит к следующему заключению: «Хотя тесная связь бога с каким-то одним или несколькими определенными животными подчеркивается Ведой, доказать, что на этом раннем этапе животное было «перевозочным средством» бога, не представляется возможным» (стр. 85).

«Совершенно очевидно, что во многих случаях прочная ассоциация, связывающая божество и животное, имеет неарийское или доарийское происхождение. Так, учитывая связи с дравидской культурой, можно предположить, что Сканда и его павлин имеют дравидское или по крайней мере южное происхождение. То же самое можно сказать о Дурге и ее льве» (стр. 87).

Идея vāhana- естественна, если *первоначально боги отождествлялись с планетами, движущимися по небу*. На росписях и резьбе, называемых rāsićakra- «зодиаки», планеты изображаются вместе с vāhana-ми*.

---

* Это сомнительно. Отождествление богов с планетами — кроме Венеры — известно в Месопотамии не ранее середины II тыс. до н. э.; о позднем происхождении зодиаков уже сказано выше.— *Прим. ред.*

Сатурн «летает на голубом грифе (nīlagṛdhrā-vāhana)» (B u r-g e s s, стр. 65)[3]. В тамильской мифологии Майон (Māyōṉ) летает на орле, который в то же время является его символом, изображенным на его флаге (S i n g a r a v e l u, стр. 147[4]). Нам кажется естественным связывать имя царя птиц Гаруды, верхом на котором летал Кришна, с DED 1147 *karu (karuku, karuka) «(грифон), гриф, орел», как предложил С. К. Чаттерджи (см. M a y r h o f e r[5]).

То, что Сканда ездит верхом на павлине, наводит на мысль о том, что он тоже первоначально был планетой. *Сканда = Субрахманья = Кумара* — санскритский перевод тамильского слова Murukaṉ «юноша, молодой мужчина» — это главный бог тамильцев, бог войны и плодородия и сын Шивы. На его астральное происхождение указывает также его имя по матери — Картикейя, которое вместе с эпитетом aṟu-mīn-kātalaṉ «сын шести звезд», часто встречающимся в древней и средневековой тамильской литературе, связывает его с созвездием Плеяд. В Веде это созвездие называется Kṛttikāḥ, а в тамильском языке — aṟu-mīn «шесть звезд» = XVIII VI[6]. Родством с Плеядами можно объяснить и его имя «юноша, молодой мужчина», и связь с плодородием, так как в третьем тысячелетии до н. э. (около 2300 г.) во время весеннего равноденствия, с которого начинался год, солнце находилось в созвездии Плеяд * (см. K a y e, стр. 30[7]). Как сына

---

[3] См. J. B u r g e s s, The Navagraha or nine planets, and their names, «The Indian Antiquary», 33, 1904, стр. 61—66.

[4] S. S i n g a r a v e l u, Social life of the Tamils. The Classical Period. Kuala Lumpur, 1966.

[5] M. M a y r h o f e r, Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Heidelberg, 1953.

[6] Ср. ПС, стр. 44 и C a l d w e l l, стр. 460. Эрас (H e r a s, стр. 127) независимо от нас интерпретирует комбинацию XVIII VI как обозначение Плеяд: «В этих надписях отражены два популярных поверья или суеверия, до сих пор распространенные среди индусов Южной Индии. Первое — это вера в особое счастье, которое связывается с лицезрением Плеяд,— āṟu mīn,— то есть шести звезд, как их обычно называли. В надписи из Хараппы эти шесть звезд — āṟ mīn — только упоминаются, но в другой надписи, из Мохенджо-Даро, говорится о лицезрении их. Эту надпись следует читать так: kūḍu perper ire āṟ mīn kaṇ, что означает: «Шесть звезд Плеяд, которые находятся в очень большом (Рыбе) союзе, видны». См. также H e r a s, стр. 150 и его интерпретации различных «рыбоподобных» знаков на стр. 70, 87, 100, 118, 121. Советские ученые, обычно интерпретирующие знак XVIII как mīn в значении «сияющий» (ср. H e r a s, стр. 100), также читают XVIII VI как aṟu-mīn «Плеяды» (см. «Proto-Indica: 1968», стр. 34). Н. В. Гуров приводит здесь еще одну приемлемую интерпретацию XVIII III= «три звезды»=старотамильское mum-mīn (пятое лунное созвездие).

* С точки зрения «знаков зодиака», Плеяды — не созвездие, а часть созвездия Тельца.— *Прим. ред.*

[7] G. R. K a y e, Hindu astronomy, Calcutta, 1924.

шести звезд его также называли Шанмукха (Ṣaṇmukha) «шестиликий» и изображали о шести головах и с шестью парами рук и ног.

ИЗ ДОПОЛНЕНИЙ И ПОПРАВОК К «ПЕРВОМУ СООБЩЕНИЮ»

К стр. 512. В шумерском языке редупликация является не графическим, а *фонетическим* средством выражения множественного числа, тогда как, например, в египетском множественное число первоначально выражалось повторением идеограммы, которая соответствовала единственному числу — дважды для двойственного и трижды для множественного числа. (См. Gardiner, § 73 [8]). Мы еще не говорили о том, что за редуплицированными знаками часто следует знак родительного падежа единственного числа; так, например, 1083 = X XXXV XXXV, 2582 = X XXVIIa, XXVIIa, 2200=2607 = X XI XI и 3303 = X XXXVI XXXVI. Если комбинацию XXXVI XXXVI читать со значением, установленным выше для XXXVI (*āḷ<āri), то получим что-то, очень похожее на титул āḷvār «верховный правитель» в тамильском (DED 341? = DED 338 ārvār, āḷvār «титул святых поклонников Вишну» в тамильском, малаялам и каннада). DED 341 рассматривает āḷv- как вариант āḷ (ср. āḷutana = āḷtana в каннада и т. д.), и нам представляется вполне возможным, что āḷv-ār первоначально значило «царь царей» *; ср. XXXIII. Кроме того, редупликация во многих случаях *не* выражает множественного числа, хотя его употребление может казаться довольно очевидным. Весьма частая встречаемость знака XXXVI на оружии (ср. также Vats, Excavations at Harappa, Plate CXXIII, № 16=25 и Mackay, Further excavations at Mohenjo-Daro, Plate CXXVI, № 2) подтверждает то, что его значение — «царь», по аналогии с бронзовым оружием из Луристана, на котором иногда есть царские имена.

---

[8] A. H. Gardiner, Egyptian grammar, Oxford, 1927.

* На Ближнем Востоке такой титул засвидетельствован лишь со второй четверти I тысячелетия до н. э.— *Прим. ред.*

ПИСЬМЕННОСТЬ ОСТРОВА ПАСХИ

Первые сведения о письме, существовавшем на острове Пасхи (Рапа-Нуи), были сообщены в рапорте испанского капитана Фелиппе Гонсалеса-и-Аэдо в ноябре 1770 г. Однако более подробные данные о рапануйском письме исследователи получили лишь спустя много десятилетий — в 60-е гг. XIX в., когда древняя рапануйская культура уже погибла, старые традиции были прерваны, а многих, кто понимал письмена острова Пасхи, уже не было в живых.

Таким образом, дешифровка письмен острова Пасхи, дошедших до нас в виде двенадцати дощечек относительно хорошей сохранности и десятка фрагментарных или очень коротких текстов, есть практически работа того же порядка, что и дешифровка письмен Древнего Востока (хотя еще в первой половине прошлого века на Рапа-Нуи процветало искусство письма, как можно судить по этнографическим данным).

В разное время выдвигались гипотезы о родстве письма о. Пасхи с протоиндийским, египетским, раннекитайским, андским и другими письменностями. Окончательное решение о родстве или связях письменности кохау ронго-ронго с другими письменностями мира может быть дано лишь на основании *общей типологии письма*, ибо только она сможет показать, какие черты общности в письме вызываются чисто типологическим сходством, а какие не могут быть объяснены «типологией письма» и в силу этого должны быть объяснены генетическим родством сопоставляемых письмен. При таком многообразии гипотез очевидно, что «этимологический метод» дешифровки неприменим для письменности острова Пасхи. (Последняя, судя по многим данным, имеет самостоятельное происхождение и сравниваться с другими системами письма может лишь чисто типологически).

«Билингвистический» метод дешифровки неприменим к текстам кохау ронго-ронго, ибо билингв они не имеют. Долгое время жила надежда, что записи песнопений Меторо Тауара, сделанные Жоссаном («более двухсот страниц»), но не опубликованные последним, являются «билингвой» (то есть что Меторо Тауара правильно воспроизводил тексты кохау ронго-ронго, и они были искажены лишь в составленном на их основании «каталоге Жоссана», ибо последний не был ни лингвистом, ни палеографом). Однако, после

того как Т. Бартель обнаружил в архиве главной резиденции «Братства Святого Сердца» (к которому принадлежал Жоссан) в Гроттаферрате эти записи песнопений Метоpo, сделанные Жоссаном, и полностью опубликовал их, стало ясно, что они не являются «билингвой» и могут иметь лишь вспомогательное значение для дешифровки текстов кохау ронго-ронго.

Дешифровка текстов острова Пасхи с помощью «косвенных данных», главным образом записей песнопений Меторо, была предпринята Т. Бартелем, объявившим на XXXII Международном конгрессе американистов о том, что ему удалось добиться успеха на этом пути.

Возражения против дешифровки, предложенной Т. Бартелем, сводятся к следующему. Во-первых, неправомерно отождествлять язык, на котором написаны тексты кохау ронго-ронго, и современный рапануйский язык, как это делает Бартель.

По авторитетному свидетельству крупнейшего знатока фольклора и языка острова Пасхи С. Энглерта, даже в том случае, если удастся прочитать тексты дощечек кохау ронго-ронго, вряд ли удастся понять их смысл, ибо они написаны на архаичном рапануйском языке, образцом которого могут служить некоторые фольклорные тексты острова Пасхи, непонятные современным жителям острова. Мнение С. Энглерта подтверждает и позиционно-статистический анализ языка текстов кохау ронго-ронго и сопоставление его с современным рапануйским языком (см. ниже).

Письмо на острове Пасхи существовало в течение нескольких столетий (сам Бартель датирует изобретение письма XIV веком, но возможна и более ранняя дата, ибо о. Пасхи, как показало радиоуглеродное датирование, был заселен не позднее V в. н. э.). Естественно было бы ожидать, в соответствии с законами диахронической лингвистики, изменения языка острова Пасхи, известного нам лишь по записям, относящимся ко второй половине XIX в., по сравнению с древним языком текстов кохау ронго-ронго. Однако Бартель исходит из тождественности языка кохау ронго-ронго и современного рапануйского языка, не делая никаких попыток реконструкции древнего рапануйского языка и даже подразделений рапануйского языка на отдельные периоды. Но, как показала И. К. Федорова, рапануйский язык «можно условно разделить на три периода: старорапануйский язык — язык текстов кохау ронго-ронго; язык текста «Хоту Мату'а» и близких к нему по времени фольклорных записей; современный рапануйский язык — фольклорные записи конца XIX — начала XX в.».

Если первое принципиальное возражение против дешифровки, предложенной Т. Бартелем, основывается на общих *универсалиях языка* (изменение языка во времени), то второе — на общих *универсалиях письма*. По мнению Бартеля, письмо кохау ронго-ронго

острова Пасхи является «эмбриональным письмом». Однако среди известных до сих пор документов еще никому не удалось обнаружить существование «эмбриописьма» — такие документы либо передают звуковую речь (шумерская, египетская, лувийская, майя, андская, китайская иероглифика), либо являются пиктографическими (изобразительными) записями целых повествований без деления на единицы речи («Валам-Олум» делаваров, «тексты» индейцев куна и др.) *.

Наконец, третье возражение (вернее, целый ряд конкретных возражений) против дешифровки, предложенной Т. Бартелем, заключается в том, что она не соответствует общему контексту дощечек кохау ронго-ронго; в неточности, а порой и противоречивости толкований знаков, которые делает Бартель (например, знак 048 трактуется им то как «гора», то как «осьминог»); в недостаточно точной палеографической обработке текстов (Бартель не различает аллографов или, напротив, сливает два или даже три различных знака в один), а также в целом ряде других частных несоответствий (анализ которых требует специального рассмотрения).

Систематическое исследование структуры текстов кохау ронго-ронго было начато лишь в 40-х гг. нашего столетия В. Г. Кудрявцевым. Материалы безвременно погибшего в 1943 г. Кудрявцева были опубликованы и прокомментированы Д. А. Ольдерогге. Кудрявцеву удалось установить наличие параллельных текстов, записанных на разных дощечках кохау ронго-ронго, что имеет большое значение для реконструкции поврежденных частей текста, установления аллографов и т. п. палеографических работ (а также может служить косвенным доказательством того, что тексты кохау ронго-ронго являются письмом, средством передачи звуковой речи, а не декоративным орнаментом или мнемонической записью).

Работа Кудрявцева по сопоставлению текстов острова Пасхи была продолжена Н. А. Бутиновым и Ю. В. Кнорозовым, подвергшим формальному анализу практически весь доступный материал кохау ронго-ронго. В результате было выявлено наличие последовательно идущих групп знаков, в которых постоянно повторялся первый или последний знак или сочетание знаков (так называемые «ряды»). По мнению Бутинова и Кнорозова, «формальный анализ текстов свидетельствует о том, что письмо о-ва Пасхи передавало звуковую речь. Об этом же говорит ограниченное количество знаков и сильная их стандартизация». Анализ сочетаний знаков «показывает, что письмо о-ва Пасхи основано на тех же принципах, что и все иероглифические системы письма

* Ближе всего к предполагаемому «эмбриональному письму» архаическое протошумерское письмо (см. далее, стр. 569). Но его нельзя читать так, как это пытается сделать Т. Бартель с рапануйским письмом.— *Прим. ред.*

в мире (египетская, шумерская, хеттская, китайская, майя, перуанская и др.). Но в письме о-ва Пасхи не передаются (или во всяком случае не всегда передаются) многие служебные части речи. Например, в текстах явно отсутствует обычный полинезийский артикль he и другие часто встречающиеся частицы. Вполне возможно, что тексты написаны на архаичном языке, отличающемся от современных полинезийских. Однако, по-видимому, правильней было бы считать, что письмо о-ва Пасхи — это примитивная иероглифика, в которой служебные части речи и аффиксы могли пропускаться. Аналогичное явление имеет место в перуанской иероглифике, изученной известным боливийским ученым Ибарра Грассо» *.

В работах И. К. Федоровой «К вопросу о характере языка текстов острова Пасхи» (1963 г.) и «О легендах, связанных с „кохау ронго-ронго"» (1964 г.) было показано, что тексты острова Пасхи не являются пиктографической записью. В своей второй работе И. К. Федорова высказывает мысль, что при изучении письменности кохау ронго-ронго нельзя «исходить из предположения о тождестве языка иероглифических текстов и современного рапануйского, как это делает Т. Бартель» **.

При статистической и структурно-дистрибутивной обработке текстов острова Пасхи с помощью электронных вычислительных машин заранее не принималась ни одна из предшествующих гипотез о характере письма кохау ронго-ронго, об особенностях языка текстов острова Пасхи и особенностях рапануйского письма, о наличии повторяющихся сочетаний и «рядов», с помощью которых можно проводить членение текста на блоки.

В свое время высказывались самые различные точки зрения на характер уникального письма острова Пасхи: его считали пиктографическим, «эмбриональным», иероглифическим, фонетическим, фразеологическим, наконец, памятники кохау ронго-ронго объявлялись «местными произведениями искусства», а не памятниками письма.

Как свидетельствуют статистические данные, письмо кохау ронго-ронго не может быть алфавитным или слоговым, равно как и «пословным», не говоря уже о том, что оно не может быть и пиктографической записью, так как на каждые 25 знаков текста появляется около 20 новых знаков и число это не уменьшается с увеличением длины текста.

Числовые характеристики текстов кохау ронго-ронго можно поместить между характеристиками иероглифического (морфемно-силлабического или пословно-силлабического) и чисто «мор-

* См. журнал «Советская этнография», 1956, стр 90—91.

** См. И. К. Федорова, О легендах, связанных с «кохау ронго-ронго», 1964, стр. 8.

фемного» письма *. Мы отдаем предпочтение характеристике *иероглифического письма* в силу следующих причин. Первая заключается в том, что в цифровой транскрипции Т. Бартеля, взятой для наших подсчетов, под самостоятельными номерами значится большое число аллографов (например, знаки 242, 244, 245, 246 могут считаться одним, а не разными знаками, равно как знаки 202, 204, 205, 206 и т. д.). В силу этого число новых знаков в текстах «Тахуа» и «Аруку-Куренга» несколько завышено, и реальная характеристика частоты появления новых знаков в письме кохау ронго-ронго должна быть значительно ближе к данным иероглифики, чем к данным чисто «морфемного» письма.

Вторая причина заключается в том, что до сих пор до нас не дошло ни одной чисто «морфемной» системы письма, засвидетельствованной историческими памятниками, и поэтому логично при альтернативе «иероглифика» или «морфемное письмо» выбирать иероглифику — засвидетельствованный многочисленными историческими памятниками тип письма (ср. проблему «универсалий» в типологии языков в сравнительно-историческом языкознании).

Третьей причиной предпочтения иероглифики чисто морфемному письму является наличие в текстах кохау ронго-ронго большого числа сочетаний, построенных по типу *abab*. Морфемы рапануйского (и вообще полинезийских) языков не могут быть длиннее, чем в 2 слога; рапануйский язык, как и остальные языки Полинезии, имеет большое число удвоенных морфем (удвоение морфем является одним из распространенных способов словообразования). В силу этого знаки, входящие в состав тетраграмм типа *abab*, очевидно, должны были быть либо силлабическими (являясь фонетической записью морфемы), либо один из знаков должен был передавать морфему, а второй — быть детерминативом (таким образом, происходит удвоение морфемы и детерминатива к ней). В последнем случае нужно ожидать того, что знак-детерминатив должен входить либо в первую, либо во вторую позицию тетраграмм типа *abab*. Если же знак служит для фонетической передачи морфем, то он, очевидно, будет входить как в первую, так и во вторую позиции.

Проанализировав знаки, входящие в состав тетраграмм типа *abab*, можно констатировать, что часть знаков входит только в инициальную позицию, часть — только в финальную. Однако большая часть знаков входит как в инициальную, так и в финаль-

* Употребление автором термина «морфемное письмо» неточно: в древних письменностях обычно не существовало строгого выделения морфем, и даже если, как в шумерском письме, для передачи корня использовались идеограммы, а для передачи грамматических элементов — слоговые знаки, то и в этом случае последние нельзя назвать «морфемными», потому что они сплошь и рядом захватывали и часть основы.— *Прим. ред.*

ную позиции тетраграмм типа *abab*. Это убедительно свидетельствует о том, что указанные знаки являются силлабическими. Наличие же силлабария говорит о том, что письмо кохау ронгоронго является смешанной морфемно-силлабической (иероглифической) системой письма.

В последние годы тексты о-ва Пасхи были подвергнуты статистической обработке с привлечением вычислительной техники (на машинах ВИНИТИ). Была подсчитана частота употребления знаков, выделены повторяющиеся сочетания двух, трех и более знаков («полиграммы») и проведены подсчеты, характеризующие статистическую структуру языка о-ва Пасхи, известного по фольклорным памятникам, записанным в XIX—XX вв.

Сопоставление статистической структуры языка текстов кохау ронго-ронго и языка фольклорных текстов показало, что нельзя отождествлять эти структуры,— и это является весьма важным обстоятельством при дешифровке письменности о-ва Пасхи.

Если предположить, что фольклорный текст о Хоту Мату'а, первом «короле» острова Пасхи, записан морфемным письмом (каждый знак передает одну морфему), то число различных сочетаний морфемы *те* (артикль) с другими морфемами в этом тексте, как показывают подсчеты, равно 59 (то есть относительная частота этого знака-морфемы была бы равна 59; абсолютная частота равна 116).

Артикль *хе* имеет относительную частоту 41 (при абсолютной — 106); естественно было ожидать, что и в текстах иероглифики острова Пасхи эти артикли, переданные особыми знаками, «обнаружили себя» как по самой высокой абсолютной частоте, так и по самой высокой относительной частоте (занимая первую позицию в блоках). Однако среди самых частых рапануйских знаков в текстах кохау ронго-ронго нет ни одного, где бы доминировала инициальная позиция какого-то определенного знака в блоке, что свидетельствует об отсутствии знаков, передающих артикли в иероглифических текстах о-ва Пасхи.

Правда, в иероглифических системах письма самые частые знаки передают не только грамматические морфемы, но и служат для чисто фонетической записи, входя в состав корневых морфем или словоформ, записанных фонетически. Таким образом, знаки, передающие артикли *те* и *хе*, могут употребляться и для фонетической записи (например, слов типа *тетенга*, *овахе*, *мате* и т. п.) и занимать не только инициальную (в качестве артикля), но также и медиальную или финальную позицию в блоке. Однако статистический анализ показывает, что число морфем и словоформ, в состав которых входят медиальные или финальные слоги *те* и *хе*, невелико (в тексте «Хоту Мату'а» слог *те* входит в состав 5-ти морфем, то есть имеет относительную частоту в медиальной или финальной позиции, равную 5; слог *хе* входит в состав всего лишь

двух морфем, то есть имеет относительную частоту в медиальной или финальной позиции, равную 2, тогда как их относительная частота в инициальной позиции (в качестве артиклей) равна соответственно 59 и 41, причем к ней следует добавить также и те случаи, когда слоги *те* и *хе* входят в состав морфем или словоформ в *инициальной* позиции (для слога *те* — в словах *тете* и *теа*, для слога *хе* — в словах *хенуа*, *хеке*, *хеа*).

Таким образом, позиционная статистика убедительно показывает, что в текстах кохау ронго-ронго отсутствуют знаки, передающие артикли. Это свидетельствует в пользу предположения о нетождественности языка иероглифических текстов современному рапануйскому языку и языку фольклорных текстов, дошедших до нас в записях У. Томсона, К. Раутледж, М. Брауна, В. Кнохе, А. Метро, С. Энглерта, Ф. Фельбермайера.

Означает ли нетождественность языка иероглифических текстов острова Пасхи и рапануйского, известного по фольклорным текстам, что кохау ронго-ронго записаны не на рапануйском (или вообще не на каком-либо из полинезийских) языке? В свое время высказывались гипотезы о меланезийском, южноамериканском, протоиндийском, древнекитайском происхождении письменности острова Пасхи. Судя по структуре языка текстов кохау ронго-ронго, он является полинезийским. В пользу этого свидетельствует прежде всего исключительно большое число удвоений знаков в текстах кохау ронго-ронго, которое может быть сопоставлено с удвоениями, представляющими собой характерную черту полинезийских, в том числе и рапануйского языка (удвоение морфем является одним из основных способов словообразования в полинезийских языках).

В текстах кохау ронго-ронго удвоение знаков зафиксировано 275 раз (около 5% всех знаков текста). Эту абсолютную частоту употребления удвоений можно сопоставить с абсолютной частотой употребления удвоений морфем в рапануйском языке (в тексте «Хоту Мату'а» — 4% всего объема морфем занимают удвоенные морфемы). Сопоставимы и относительные частоты употребления удвоений в текстах кохау ронго-ронго и в рапануйском языке (в текстах кохау ронго-ронго — около 10% разных полиграмм образовано сдвоенными знаками; в тексте «Хоту Мату'а» относительная частота употребления удвоенных морфем равна примерно 8%).

Таким образом, можно с большой степенью уверенности предполагать, что тексты кохау ронго-ронго написаны на рапануйском языке, который, однако, по своей структуре существенно отличается от рапануйского языка, известного по фольклорным данным (или, если язык кохау ронго-ронго вообще не является рапануйским, он все же относится к полинезийской группе австронезийской семьи языков).

Не исключена вероятность того, что тексты острова Пасхи написаны системой письма, сходной с ранним шумерским письмом, где употребление грамматических показателей было факультативным (ср. замечание И. М. Дьяконова о том, что в шумерском письме «вплоть до времени Энтемены... слоговое написание для суффиксов и префиксов являлось факультативным и применялось далеко не во всех случаях») *.

Письменность острова Пасхи.

В этом случае расхождения языка текстов кохау ронго-ронго с современным рапануйским языком будут объясняться не только хронологическим разрывом, но и специфическими особенностями орфографии кохау ронго-ронго (аббревиатурное написание, имеющее место, например, в современной андской иероглифике). Анализ текстов методами позиционной статистики потребует разработки особых программ, предназначенных не для «нормальных» иероглифических текстов (египетские, майя, киданьские, протоиндийские), а для иероглифических текстов, где весьма часты аббревиатурные написания слов. Решение этого вопроса требует дальнейшего изучения.

А. М. Кондратов

---

* И. М. Дьяконов, К возникновению письма в Двуречье, «Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа», III, 1940, стр. 31—32. Современная датировка Энтемены — около 2350 г. до н. э.

Т. Бартель

ОСНОВЫ ДЕШИФРОВКИ ПИСЬМЕННОСТИ ОСТРОВА ПАСХИ*

ВВЕДЕНИЕ

Пасхальным воскресеньем 1722 года голландский мореплаватель Якоб Роггевен открыл в Тихом океане под 27 градусом южной широты и 109 градусом западной долготы небольшой островок, который он назвал островом Пасхи. Так этот крайний форпост полинезийской культуры, на 2000 морских миль [3700 км] отстоящий от берегов Южной Америки, попал в поле зрения европейцев. Глухому острову, заброшенному в пустынные воды южной части Тихого океана, суждено было привлечь к себе интерес научного мира, интерес, который не ослабевает и по сей день.

На бесплодном кусочке суши площадью всего в 118 квадратных километров жили тогда несколько тысяч людей со светлой кожей. За много поколений до открытия Роггевена первые полинезийские поселенцы на своих лодках достигли дотоле необитаемого острова и с тех пор совершили — при крайне скудных условиях существования — удивительные дела. Избыток творческой активности преодолел ограниченность местных возможностей, при которых таланты могли развивать свою деятельность лишь в одном определенном направлении.

Искусство резьбы по дереву, которое было на безлесном острове драгоценным сырьем, вызвало к жизни множество необычайных и странных фигур, единственных в своем роде во всей Океании. Высокие каменные головы в местах погребения и отправления культа, а также у подножья кратера Рано Рараку кажутся последними остатками исчезнувшей цивилизации и приковывают к себе внимание ученых и любителей многих стран. Некоторые памятники прошедших эпох обладают свойством особенно сильно возбуждать человеческую фантазию, которая в течение веков расписывает их самыми яркими красками — так, по-видимому, и остров Пасхи превратился в одну из мировых загадок и стал привлекать внимание ученых мира.

Его особое положение стало еще более очевидным, когда появились сообщения о наличии там какой-то письменности, и,

---

* Thomas B a r t h e l, Grundlagen zur Entzifferung der Osterinselschrift, Hamburg, 1958, отрывки из книги.

таким образом, океанийская этнография оказалась перед лицом необыкновенного феномена. Если вспомнить о том, что за пределами Старого Света о возникновении самостоятельной системы письма можно всерьез говорить лишь в связи с доколумбовской Центральной Америкой, то станет ясно, сколь важное значение может иметь проблема письменности острова Пасхи.

Представления и проблемы, связанные с исследованием этой письменности, уже излагались многократно и исчерпывающим образом. Назовем хотя бы работы Хайне-Гельдерна (1938), Метро (1940), Вольфа (1945) и Имбеллони (1951), в которых можно найти описание всех известных фактов. Поэтому здесь нам достаточно дать лишь краткую сводку, которая может служить введением в современное состояние исследований по данному вопросу.

Когда в ноябре 1770 г. дон Фелиппе Гонсалес-и-Аэдо присоединил остров к владениям испанской короны, представители ее новых подданных поставили на аннексионном акте какие-то странные знаки. Этот первый след неизвестной письменности не привлек, однако, внимания завоевателей, и должно было пройти еще примерно столетие, прежде чем графическая система острова Пасхи была действительно открыта.

Между тем положение изменилось коренным образом. Дело в том, что в 1862 г. старая культура местных жителей была одним ударом начисто обезглавлена. Чтобы покрыть растущую потребность в рабочей силе для разработки месторождений гуано на островах Чинга, перуанские «десперадос» вышли на охоту на людей на просторы Южных морей. В канун рождественских праздников 1862 г. каперский флот напал на остров Пасхи, захватил в плен большую часть мужского населения, в том числе вождей, жрецов и сказителей, и увез несчастных на принудительные работы. Менее чем за один год свыше 900 порабощенных жителей острова Пасхи погибло на гуановых островах у перуанского побережья. Уцелевшие, вернувшись, занесли на остров чуму, которая за короткое время вдесятеро уменьшила остатки населения. Результатом явилось полное разрушение старых традиций, и от интенсивной религиозной жизни, процветавшей еще в середине XIX столетия, остались лишь отрывочные воспоминания и неодушевленные предметы.

В начале 1864 г. на острове поселился первый белый послушник Братства Святого Сердца Эжен Эйро. В письме своему духовному начальнику он сообщал, что во всех хижинах можно найти покрытые письменными знаками дощечки и палочки с надписями. Аборигены не придают большой цены этим штукам и забыли их значение. Твердо установлено лишь то, что каждый из этих знаков имеет, по их словам, свое собственное название.

Через два года миссионерская деятельность усилилась в результате присылки двух других священников. Гаспар

Зюмбом стал собирать дощечки с надписями. На его вопросы о значении вырезанных на них знаков некоторые из наиболее понятливых островитян начинали петь песни, каждый раз разные. Разноречивость их показаний насчет того, какой дощечке соответствует какая песня, отбила охоту у миссионера продолжать исследования. К тому же Зюмбом не записал ни одного текста песен. Его единоверец П. Руссель, который слушал якобы бессмысленное пение, пришел к безнадежному выводу, что знаки, вероятно, никогда не имели определенного смысла.

Изучение стало более интенсивным, когда епископ Аксиери познакомился с этой графической системой по фрагменту дощечки, попавшему на Таити. Тепано Жоссан, сын горняка с юга Франции, первым из европейцев понял далеко идущее значение памятников письменности и дал поэтому в 1868 г. указание спасти то, что еще можно было спасти в то время. Ему мы обязаны тем, что до прекращения миссионерской деятельности были собраны и свезены в Папеэте важнейшие из существующих ныне дощечек.

В 1870 г. на Таити прибыло свыше 200 иммигрантов с острова Пасхи для работы на плантациях сахарного тростника. Среди них был человек по имени Меторо Тауара, которому в юности еще довелось обучаться у одного «книжника». Меторо стал петь, и его песнопения были тщательно записаны епископом. Анализ их дал, однако, обескураживающий результат: в текстах, по-видимому, отсутствовал какой бы то ни было смысл. Записи — так называемый «Список Жоссана» — были опубликованы только после смерти епископа и оставались с 1893 г. единственным источником, из которого можно было извлекать сведения о значениях отдельных знаков. К этому материалу восходили все последующие исследования о характере письменности острова Пасхи, а также многочисленные попытки дать текстуальный перевод надписей (попытки Вольфа [1948] и Лэньон-Орджила [1953] следует признать неудачными).

Примерно в то же время купец Томас Крофт предпринял попытку выяснить некоторые подробности о письменности о-ва Пасхи у одного островитянина, которого судьба занесла на Таити. Так как Крофт в своих трех «сеансах» получил три совершенно различных песнопения, он пришел к выводу, что имеет дело с обманщиком. О местонахождении записанных Крофтом текстов, к сожалению, ничего не известно.

В 1886 г. счетовод Вильям Томсон с американского судна разыскал на острове Пасхи старика по имени Уре-Ваеико, который считался грамотным. В течение одной ночи от него было записано пять текстов песнопений, которые якобы соответствовали по значению фотокопиям дощечек, находящихся на Таити. Как удалось впоследствии показать Хамберландту (1892), Раут-

ледж (1919) и Россу (1940), песнопения Уре-Ваеико частью имели сомнительное отношение, а частью не имели никакого отношения к предложенным ему Томсоном копиям дощечек.

К началу первой мировой войны миссис Скорсби Раутледж успела провести на острове Пасхи изыскания, в результате которых ей удалось обнаружить существование еще одного вида письменности. От одного прокаженного старика по имени Томеника за несколько недель до его смерти она узнала о так называемом письме «та'у», которое в XIX столетии применялось для светских целей — при составлении местной хроники. С того времени полевые исследования не обнаружили ни одного грамотного аборигена; позднейшие опросы, проведенные Метро и С. Энглертом, принесли лишь сведения из вторых рук.

В Европе сообщения об открытии письменности в Полинезии вызвали живой интерес среди этнографов. Майнике (1871) и Бастиан (1872) высказали некоторые догадки о содержании дощечек, а Парк Хэррисон (1874) исследовал в Чили гипсовые слепки с памятников письменности о. Пасхи со стороны их знакового состава (алфавита). Этому английскому исследователю мы обязаны первыми аналитическими соображениями, ибо в своих толкованиях он уже последовательно исходил из графических форм. Тейлор в 1875 г. предложил придерживаться строго эмпирического метода, то есть исследовать частотные и комбинаторные свойства письменных знаков. Дальтон в 1904 г. и Леман в 1907 г. вторично выдвинули это требование, и, наконец, в 1940 году Метро, а также Росс снова указали на необходимость систематического изучения материала.

Незадолго до своей смерти, в 1943 г., молодому русскому этнографу Кудрявцеву удалось впервые установить параллельность некоторых текстов, записанных на различных дощечках. Его важные результаты, частично опубликованные в 1947—1949 гг. Ольдерогге, остались, к сожалению, почти не замеченными [1].

Неисчислимо то множество дилетантов, которые пробовали свои силы в расшифровке письменности острова Пасхи. Начиная со смехотворного случая с австралийским врачом Кэрролом (1892), которому мы обязаны первым примером беспочвенного фантазирования в этой области, вновь и вновь появлялись чисто спекулятивные «решения», которые при ближайшем рассмотрении, все, без исключения, оказывались нежизненными.

Третья возможность рассеять туман, окружающий письменность острова Пасхи, лежала на пути сравнения ее с другими системами письма. Здесь также не было недостатка в самых смелых предположениях. От египетских иероглифов и австралийских наскальных изображений до пиктографии индейцев куна — все служило поводом для проведения рискованных формальных

и тематических параллелей. Всерьез, однако, оказалось возможным рассматривать лишь следующие два тезиса.

Во-первых, идею Терьена де Лакупри (1885), высказавшего предположение о связи между письмом острова Пасхи и южноиндийскими надписями. Эта идея осталась без внимания исследователей. Возможность связей с Южной Азией была затем высказана в ставшем знаменитым докладе, сделанном в 1932 г. в Париже венгерским лингвистом Вильгельмом фон Хевеши. Хевеши сравнил форму знаков деревянных табличек острова Пасхи и печатей, найденных при раскопках древних городов Мохенджо-Даро и Хараппа в северной Индии, обнаружив при этом неожиданно много совпадений. Открытие Хевеши вызвало горячие споры. Скиннер, Лавассери и прежде всего Метро отвергли предложенные сопоставления, указывая на пространственную и временну́ю пропасть, разделяющую культуру долины Инда III—II тысячелетий до н. э. и сравнительно недавние памятники письменности одиноко лежащего острова, удаленного от Индии на 20 000 километров. Другие специалисты по Океании, такие, как Те Ранги Хироа и Неверман, выдвигали сходные аргументы. На сторону Хевеши также встали многие известные ученые, в частности Хайне-Гельдерн и Имбеллони. В последние два десятилетия аргентинский исследователь попытался осуществить дальнейшую разработку теории взаимосвязи между письмом острова Пасхи и «индо-океанийской» графической системой, использовав при этом результаты фон Кёнигсвальда (1951). Другую точку соприкосновения обнаружил, как ему казалось, венский этнограф Хайне-Гельдерн — в старо- и южнокитайских формах письменности, которые уже в древности могли быть занесены морскими купцами в далекие пространства Тихого океана. Ни одно из направлений, однако, не смогло до сих пор привести убедительных доказательств в пользу своей точки зрения.

Наши сведения о социальных функциях рассматриваемой письменности весьма скудны и основываются на воспоминаниях нескольких жителей острова Пасхи и сообщенных ими преданиях. Носители искусства письма и рецитации именовались *тангата ронго-ронго* («человек, умеющий толковать тексты ронго-ронго»), *тангата маори ронго-ронго* («грамотный человек»), *маори ронго-ронго* или *маори кохау ронго-ронго*. Эти «мастера рецитации» (знатоки, носители и исполнители преданий) могут пониматься как группа сказителей, подобных жрецам, на которых возложено соблюдение и передача религиозных и светских традиций. Как своего рода «союз интеллектуалов» такая группа ни в коей мере не представляет собой исключительного явления на островах Южных морей. Параллельные образования на других островах восточной Полинезии типа *таура ронго-ронго* на Мангареве или *тухуна о'оно* на Маркизских о-вах свидетельству-

ют о том, что аналогичные функции в этих близких обществах выполнялись сходным способом. Существенное отличие состоит лишь в том, что на острове Пасхи устные песнопения оказались связанными с письмом как особым средством передачи традиции.

Тангата ронго-ронго рекрутировались преимущественно из семейств вождей и местной знати, однако и для других лиц доступ в группу сказителей не был, по-видимому, воспрещен. Обучение новичков осуществлялось в особых хижинах, которые функционально можно сравнить с маорийскими *варе вананга*...

Арики, «король» острова Пасхи, функции которого носили прежде всего культовый и религиозный характер, совершая инспекционные поездки, посещал при случае различные школы страны. В отношении всех вопросов, связанных с испытаниями учащихся, он являлся, по-видимому, последней инстанцией.

Наряду с собраниями в дни последней четверти луны или в новолуние на северном берегу острова ежегодно устраивалась большая встреча всех *тангата ронго-ронго*. В присутствии короля в окрестностях бухты Анакена проводился самый большой праздник острова. В военное время для этого случая прекращались даже сражения. Островитянину по имени Те Хаха, которому в юности довелось еще лично участвовать в ежегодном празднике, мы обязаны весьма живым описанием публичных состязаний певцов-сказителей. Последним великим «книжником» в пору, предшествовавшую разрушению старой культуры, был король Нгаара, знаменитая «библиотека» которого насчитывала, по-видимому, до нескольких сотен деревянных табличек. Характерно, что владельца столь богатого собрания во время его погребения несли в могилу на трех дощечках.

В прочих праздниках *тангата ронго-ронго* также играли известную роль...

Таблички с надписями висели в хижинах, завернутые в циновки. Они считались «табу» и поэтому прикасаться к ним могли лишь *тангата ронго-ронго* и их слуги. Об их высокой ценности для островитян свидетельствует то, что во время войн победители требовали их в качестве важнейшей добычи.

К числу памятников письменности острова Пасхи принадлежат деревянные таблички различных размеров и покрытые надписями палочки, а также резные фигуры и украшения. Материалом для них служили как местное дерево торомиро, так и сплавная древесина.

Покрытых надписями предметов из других материалов не сохранилось. Томсон сообщает о покрытом знаками тыквенном сосуде, который находился в одной старой могиле. В Национальном музее Соединенных Штатов отсутствуют какие бы то ни было следы этого предмета. Согласно одному преданию, записанному

Раутледж, кормчий второй из лодок, прибывших на остров в эпоху его заселения, привез с собой «ронго-ронго на бумаге», которая затем была заменена банановыми листьями и, наконец, древесиной торомиро. Хайне-Гельдерн в этой связи высказывает догадку, что под «бумагой», возможно, имелся в виду один из видов тапы — луб хибискуса — и что в дальнейшем этим словом было принято называть памятники письменности.

Деревянные таблички носили название «кохау ронго-ронго». Это выражение переводилось по-разному, например: «говорящие дощечки», «умные дощечки из хибискуса», «дощечки песнопений», «таблички со священными словами», «палочки человека ронго-ронго», «таблички песнопений», а также «дощечки с надписями» и «говорящие таблички».

Относительно значения слова «ронго-ронго» сейчас уже нет никаких сомнений. Энглерт, лучший знаток языка острова Пасхи, определяет его как «рецитировать, читать нараспев». О значении же слова *кохау* судить труднее. Источник сомнений восходит к епископу Жоссану, разложившему это слово на *ко* и *хау* и переводившему *хау* как «хибискус». В дальнейшем Хайне-Гельдерн остроумно развил эту интерпретацию епископа и использовал ее для вывода о гипотетическом материале письма.

Здесь, однако, мы следуем взглядам Те Ранги Хироа, Метро, Энглерта и Имбеллони, согласно которым «кохау» передается словом «палочка». Термин «кохау ронго-ронго» означает, следовательно, «палочка для рецитации». Отсюда можно заключить, что некогда, в начале развития письма, существовали специальные палочки, название «кохау ронго-ронго» с которых было перенесено затем на деревянные таблички. В обычном словоупотреблении речь, вероятно, шла главным образом о «письменных дощечках», которые сохранились как выразительные остатки литературы острова Пасхи.

В ходе исследования Энглерту удалось понять далее выражения *кохау моту* и *кохау моту ронго-ронго*, терминологически связанные с выражением *кохау ронго-ронго*. *Кохау моту* означает «палочка с вырезанными знаками», назначение которой делается понятным при добавлении *ронго-ронго* (то есть «для рецитации»).

Указания относительно тематики письменности острова Пасхи можно черпать из двух источников. Это — свидетельства самих аборигенов и сравнение некоторых названий различных видов кохау ронго-ронго, из которых можно делать выводы об их назначении и смысле. Наряду с ценным текстовым материалом песнопений Мето起 и Уре-Ваеико точные термины для памятников письменности могут служить хорошим подспорьем при дешифровке; они полезны как сведения общего характера, значения которых невозможно переоценить...

Если такие обозначения табличек, как *кохау тимо* («дощечка скорби» — например, об убитом родственнике), *кохау о те пуре* («молитвенная дощечка»), относятся к рассматриваемой нами письменности острова Пасхи, то выражение «кохау та'у» принадлежит к иному типу письма, употреблявшемуся на Рапануи гораздо реже и лишь в связи с определенным кругом тем. Последним знатоком этого письма был прокаженный старик Томеника, от которого за несколько недель до его смерти Раутледж удалось раздобыть еще некоторые сведения. Письмо та'у отличается внешне от классического письма острова Пасхи преобладанием животных и растительных мотивов, отсутствием антропоморфных фигур и особыми геометрическими очертаниями знаков. Кроме того, в нем используется не бустрофедон, а нормальная строка. Это письмо было известно лишь немногим писцам [2].

Из названий типов табличек и сведений об их применении в определенных случаях можно сделать некоторые общие выводы, позволяющие реконструировать содержание и тематику памятников письменности. В соответствии с этим необходимо установить существенные различия между следующими группами мотивов.

1. Тексты религиозного характера, с помощью которых воспевается Макемаке и другие божества.

2. Ритуальные тексты, связанные с празднествами и отправлением культа.

3. Тексты погребальных обрядов типа похоронных песнопений и песнопений, связанных с местью.

4. Тексты заговоров, вызывающих плодородие [3].

Что касается исторических элементов, то они, по-видимому, ограничивались хрониками, записанными письмом та'у.

При знакомстве с суждениями авторитетных ученых прошлого нас поражает тот скепсис и та безнадежность, которые лежат грустным налетом на всех исследованиях, посвященных письменности острова Пасхи.

Хироа вообще рассматривает знаки не как форму записи речи, а как чистую пиктографию; Метро приходит к заключению, что, «по всей вероятности, тайна никогда не будет раскрыта, так как данные слишком скудны»; Энглерт присоединяется к пессимистическому выводу Русселя: «Я не верю, что когда-либо станет известным значение хотя бы одного из этих знаков»; наконец, Неверман заявляет: «Несмотря на все усилия, их не удалось расшифровать, и любая попытка сделать это в будущем также обречена на неудачу».

Какими бы неудовлетворительными ни были достигнутые до сих пор результаты, этот хор безнадежных голосов не в состоянии отменить того факта, что еще ни в коей мере нельзя считать приведенными в действие, продуманными и последовательно до

конца реализованными все возможные средства для решения этой задачи.

Пусть собирание свидетельств среди островитян почти завершено и имеющийся в нашем распоряжении материал ограничен; тем не менее остается неоспоримым, что исследование графической системы памятников письменности острова Пасхи и до сего дня ограничивается отдельными догадками. Трезвая оценка достигнутого состояния исследований показывает, что вообще не выполнены еще существенные условия, обязательные для серьезного опыта дешифровки...

Глава 17. РЕЗУЛЬТАТЫ

До сих пор о характере письменности острова Пасхи можно было судить лишь по данным об использовании табличек, по внешнему виду знаков и по их так называемым значениям, указанным в списке Жоссана. Не удивительно поэтому, что в данном вопросе царят разнообразные воззрения и противоречивая терминология, ибо конкретные доказательства расшифровки отсутствуют. В соответствии с этим в существующих работах типологическая классификация нередко перемежается с функциональными оценками.

Многие догадки, высказанные в ходе истории исследований, совпадают в отдельных чертах с результатами данной работы. Поскольку, однако, они опираются на иные допущения, их уместно приводить здесь не как доказательства, а лишь как методически важные достижения мысли.

Характер письменности острова Пасхи определяется следующими восемью особенностями.

1. Письмо острова Пасхи уже не относится к стадии пиктографии, как, например, целый ряд индейских рисуночных надписей. Оно отличается тем, что очертания знаков следуют строгим правилам и что писец всегда связан определенными традиционными способами выражения. По степени стилизации своих знаков это письмо может быть определено как «контурное».

2. Письмо острова Пасхи располагает ограниченным набором графических элементов. Из приблизительно 120 простейших элементов может быть составлено 1500—2000 сочетаний. Построение письменного знака осуществляется согласно твердым и обязательным правилам, предусматривающим способы олицетворения понятий, а также лигатуры.

3. К числу простейших элементов письменности острова Пасхи относится небольшое количество типовых изображений головы, а также некоторых поз (которые, по-видимому, восходят к пантомиме) и характерных положений рук, имеющих, вероят-

но, источником язык жестов. В большинстве знаков для животных, растений и предметов материальной культуры еще весьма отчетливо можно узнать оригиналы; однако другие знаки имеют уже абстрактные геометрические начертания.

4. Письмо острова Пасхи состоит преимущественно из идеограмм, прочно связанных с определенным смыслом. Постоянная понятийная закрепленность имеет место не только для многих знаков, обозначающих лица, но и для значительной части геометрических элементов. Некоторые идеограммы имеют не одно значение; в этом случае речь идет о близких понятиях, различие которых связано с различием графических свойств знака.

5. Символическое изображение в письменности острова Пасхи основано на различных принципах.

а) Цветовые свойства обозначаются через предметы, для которых соответствующее свойство является характерным: «белый» (*теа*) — через веревку (*хау теа*), «красный» (*кура*) — через священную птицу (*ману кура*), «желтый» (*ренга*) — через корень Curcuma longa (*пуа ренга*).

б) Другие свойства выражаются в самой форме знаков: «кривой» (*вири*) — искривленным знаком 79, «разрезанный» (*коти*) — разделительным знаком 17, «спящий, мертвый» (*моэ*) — опущенной птичьей головой типа знаков 660/670.

в) Сверхъестественные силы могут представляться своими характерными признаками или формами проявления. Так, «Тики — Макемаке» изображается в виде черепа, «Ту» — через одноглазие, «Ру» — в виде горбуна, а идея «табу» символизируется ветвью, покрытой листьями.

г) Могут также использоваться поэтические образы, например «украшение» — для понятия первенца, или цветок как символ женщины.

д) Образные обороты выступают в форме «письменных метафор». Изображение двух палочек в знаке 15 передает (словом «токоруа») понятие «близнецы», а знак 381 — в виде певца передает фразу *хе-каи и те ронго-ронго*, употребляемую при рецитации табличек *.

6. Независимо от многозначности идеограмм каждый знак письменности острова Пасхи имеет свое твердое звуковое «значение». Такое фонетическое качество знаков обеспечивает передачу собственных имен, например «Ранги-теа», «Атуа Руануку» и т. п. Более того, богатство полинезийского языка позволяет писцу использовать омонимию для введения новых понятий «ребусными» методами. Приведем некоторые примеры.

Знак 25 со звуковым значением *пуре* изображает раскрытую раковину. Прочитанный же в качестве ребуса он имеет значение

* Пункты 4 и 5 (а — д) не могут считаться обоснованными.— *Прим. ред.*

«молитва». Знак 87 — «большое ритуальное весло» (*ао*) может также обозначать понятие «господство, победа»; знак 45 — «малое ритуальное весло» (*рапа*) означает также «блеск». Знак 22 (*тапа*) означает не только «луб», но и «счет (действие)».

Целый ряд ребусных написаний связан с переносом значения. Так, знак 74 (*хуа*) используется для обозначения не только «плода», но и «сына»; знак 700 (*ика*) означает не только «рыба», но и «человеческое жертвоприношение».

7. С помощью письменности острова Пасхи невозможно передать произносимое предложение полностью, со всеми грамматическими частицами. В силу этого мы имеем дело с так называемым «эмбриональным письмом». Писец выбирает основные понятия, сводя тем самым форму устной передачи к своего рода «телеграфному стилю». Синтаксис выражается лишь в порядке написания знаков, хотя наблюдается обмен местами между носителем действия, действием и объектом.

Таблички содержат целые ряды заглавных слов, сочетание которых имеет свое особое значение. Вместе с тем такие «сигнальные слова» выполняют для длинных песнопений мнемоническую функцию. Было бы, однако, ошибкой в силу этого считать письменность острова Пасхи просто опорой памяти. Фактически эта особенность охватывает все памятники того или иного примитивного письма и свидетельствует об употреблении комплексных средств выражения.

8. Наконец, в письменности острова Пасхи звуковые значения отдельных знаков используются для того, чтобы передать, хотя бы отчасти, выражения большей длины с помощью фонетических средств. Связь между полным текстом песнопений и соответствующей ему записью в таблице покоится на принципе «частичного звукообозначения».

Рассматривая тексты, где наряду с прочими в качестве идеограммы «король» используется знак 22 со звуковым значением *тапа*, можно, зная речевую практику, придти к выводу, что мы здесь имеем дело с частичным звукообозначением слова *тапаиру* «королева». В большинстве случаев, однако, не удавалось правильно восстановить звуковую форму. Эта особенность текстов табличек представляет наибольшую трудность при дешифровке.

Итак, классическую письменность острова Пасхи предлагается определить следующим образом: условная система передачи сообщений с ограниченным набором знаков, который допускает значительное расширение за счет образуемых по определенным правилам сочетаний знаков; стоящая выше ступени простой пиктографии смесь одно- и многозначных идеограмм; словесные знаки различной степени символической абстрактности, используемые фонетически для записи имен и ребусов; конденсация текста и частичное звукообозначение затрудняют понима-

ние текста, но не делают его понимание совершенно невозможным.

Тексты на кохау ронго-ронго приобретают смысл только в языке, из песнопений которого они выбраны как ключевые слова и превращены в графические элементы. Насколько известно в настоящее время, это — некоторая форма полинезийского языка, близко стоящая к диалекту острова Пасхи. Однако для понимания некоторых терминов, заглавий и метафор приходится привлекать и такие родственные последнему наречия, как, например, мангаревское, о-вов Туамоту и Новой Зеландии.

Более точный филологический анализ текстов остается задачей последующих стадий дешифровки; тогда, по-видимому, окажется возможным выяснить вопросы переноса значений, понять фигуральные выражения во всей полноте их смысла. Особенно интересные задачи, без сомнения, ожидают исследователя в области исчерпывающего сравнительного изучения семантики некоторых корней.

Однако уже теперь в ограниченных способах выражения этой конденсирующей и лишь иногда передающей звуки письменности выясняются отдельные особенности грамматического и поэтического характера...

В результате новых исследований по дешифровке языка табличек впервые тематика кохау ронго-ронго становится ясной из самих текстов [4]. Оказывается, что таблички имеют в значительной степени внеисторический смысл. Сообщения о политических событиях так же редки в них, как и генеалогические списки. Это обстоятельство, по-видимому, не случайно. Отчасти оно, должно быть, связано с тем, что для записи хроник использовалась система «та'у». Представляется, что классические памятники письменности имеют более или менее сакральный характер. Знаменательной особенностью надписей является именно их «вневременность»; многочисленные места текста создают у исследователя отчетливое представление, что речь в них идет об определенных повторяющихся ситуациях. Высказывания о церемониях производят во многих текстах впечатление их принадлежности к некоторому компендиуму. От них нелегко отличить отрывки с заглавными словами для рецитаций и циклов песнопений; другие последовательности знаков должны пониматься скорее как колдовские заклинания.

Религиозные мотивы неоднократно повторяются в надписях. Особенно поразительным было открытие, что во главе пантеона старой культуры острова Пасхи стоял, по-видимому, бог Тане. Об этом великом божестве «палеополинезийцев» до сих пор ничего не было известно в связи с островом Пасхи. Вероятно, молчание об этом устных преданий следует объяснить тем, что Тане как ярко выраженное божество жрецов держался в тайне от

простого народа. Перед Тане отступает даже известный образ Макемаке, того бога, который мог пониматься как местная форма проявления первого человека «Тики». Из прочих великих богов старой Полинезии необходимо упомянуть в первую очередь Ту и Руануку, тогда как наличия Тангароа до сих пор не удалось доказать.

Большинство отрывков в текстах табличек трактует ритуальную практику. Описываются действия жрецов и других лиц, начиная с молитв и самого разного рода приношений и кончая человеческими жертвами и каннибализмом. Кроме этого, повторяются связанные со смертью мотивы скорби и кровной мести...

Для пояснения можно привести два отрывка, в которых излагаются молитва жреца и связанное с музыкой обращение к богу Тане. Как пример первого процитируем целую строфу песнопений, чтобы судить о членении текста:

таура атуа тапа пуре токо ранги теа

«жрец божества читает молитвы изображению бога Ра'иатеа».

Другой отрывок гласит:

пу руту те паху реи кура атарики хенуа токо ранги Тане

«Звуки рогов из раковин и бой барабанов
Для драгоценного украшения,
Для первенца Земли,
Для опоры Неба
Тане».

Некоторые надписи связаны с мотивом плодородия. Прежде всего текст палочки из Сантьяго со всей ясностью трактует вопросы зачатия, рождения и зрелости, перекликаясь с обычаем инициации перворожденного сына. Примечательно, что девочки почти никогда не упоминаются в текстах табличек, женщины же — лишь тогда, когда речь идет о специфически женской тематике.

Чрезвычайно интересно то обстоятельство, что некоторые таблички содержат перечни других табличек. С его обнаружением открылась совершенно новая перспектива: появилась принципиальная возможность определять давно утраченные памятники письменности по их заглавиям или начальным словам. Подобные списки носят в известной степени «библиографический» характер...

Некоторые песнопения связаны с явно сказочными мотивами:

каи ронго-ронго токоруа раа марама

«исполнять с табличек песнопение для близнецов Солнца и Луны».

Заглавия табличек в списках либо связаны с начальными словами песнопений:

тангата pepe марама руту те паху ӯа

«человек летит к луне, барабанный бой ради дождя», либо содержат имена, например имя какого-нибудь бога:

атуа токо то'а.

В текстах табличек можно проследить два культурных пласта: первый связан с культурой острова Пасхи, второй — до него удается добраться позднее — с параллельными явлениями на других полинезийских островах.

Местные традиции раскрываются в упоминаниях определенных, типичных для острова Пасхи предметов материальной культуры, например обсидиановых наконечников, ритуальных весел, нагрудных украшений или головных уборов из перьев; в обращениях к местному божеству Тики-Макемаке и т. д.

Нелегко привести примеры текстов, содержащих сведения о спорных проблемах острова Пасхи, таких, как культ птиц Оронго, большие каменные статуи и резные деревянные фигуры.

К сожалению, результаты в этой области поистине скудны. Довольно часто можно встретить упоминания о морской ласточке как о сверхъестественном существе; в некоторых текстах возникает образ «тангата ману». Связь с культом птиц можно видеть в таких текстах, как:

аваи хуа арики пака арики харе ману тара

«приношение плодов благородному королю в доме морской ласточки»;

рере тангата ману рере ману тара арики

«бежит человек-птица, морская ласточка летит к королю».

Упоминания о скульптурах редки. Такие чтения, как *аби моаи* («погребальная терраса, уставленная статуями») или *моаи кавакава* («скелетообразные изображения духов умерших»), пока еще столь же предварительны, как и краткие упоминания об исторических событиях острова Пасхи, например о низвержении каменных голов. Насколько возможно судить о содержании надписей, мало надежд на то, что в будущем можно ожидать значительных новых данных по этому вопросу.

Хотя, таким образом, тексты табличек вряд ли могут внести что-либо новое в проблему каменных памятников, они, тем не менее, содержат ценные указания относительно историко-этнической привязки культуры острова Пасхи. Ниже приводятся некоторые дополнительные сведения по этому вопросу.

Проблема происхождения и становления письменности острова Пасхи до сих пор не освещена. Неоднократно высказывалось мнение, что кохау ронго-ронго — всего лишь подражание образцам более высокой культуры, несовершенные копии развитого письма. Следует подчеркнуть, однако, что, насколько можно судить в настоящее время, никакая прямая связь табличек с определенными графическими системами южной или восточной Азии доказана быть не может. Не с большей уверенностью можем мы

установить ясные связи с Новым Светом. До сего дня отсутствуют убедительные доводы в пользу того, что в письме острова Пасхи воплощаются упадочные формы (или, наоборот, зачаточная ступень) какой-либо внеполинезийской письменности. Сходство форм знаков почти никогда не сопровождается смысловым сходством, не говоря уже об особых правилах соединения и размещения знаков и о связи изображений с языком и культурой полинезийцев.

Если, с одной стороны, отсутствуют сколько-нибудь убедительные доказательства приемлемости теории вырождения, то, напротив, типичные памятники письменности острова Пасхи очень хорошо согласуются с представлением о некоем творческом акте, который мог быть совершен на определенной ступени развития. В Полинезии нет недостатка в примерах того, что разного рода мнемонические средства начинали играть известную роль в передаче устных традиций. Изобретение примитивного письма могло явиться высшим достижением среди большого числа несовершенных попыток; во всяком случае, это письмо возникло не в пустоте, а на подготовленной умственными поисками почве.

Можно считать несомненным, что письмо острова Пасхи развилось на палочках («кохау»), применявшихся при рецитации песнопений («ронго-ронго»); ясным свидетельством этому является структура названия памятника письменности. Кроме того, возвратное размещение строк текста (бустрофедон) без труда объясняется тем необычным условием, что знаки наносились на цилиндрическую поверхность палочки. Когда писец вырезал один за другим знаки, составляющие строку, и в конце ее оказывалось, что остается еще не записанный текст, то простое изменение направления записи было более естественным, чем резкий обрыв записи с продолжением ее на сильно удаленном конце палочки рядом с началом предыдущей строки. К тому же, смена направления письма на противоположное не должна была оставлять сомнений относительно продолжения текста. Размещение строк бустрофедоном представляет собой результат развития письма на деревянных палочках...

Некоторые особенности письменности острова Пасхи указывают на то, что она была изобретена еще *до* заселения острова. Эта догадка подтверждается и дополняется устным преданием, согласно которому Хоту Мату'а якобы привез с собою с прародины 67 кохау ронго-ронго. Тем самым, однако, вопрос о происхождении письма сводится к проблеме заселения острова Пасхи, которую к настоящему времени еще не удалось решить удовлетворительным образом. Предания островитян называют в качестве места возникновения письменности различные храмовые площадки в «Хиве», далеком районе на западе острова или на одном из западных островов...

До некоторой степени предлагаемая работа может способствовать решению проблемы миграции. Для анализа могут служить формы графических элементов, их символическое использование, а также расшифрованные куски текста.

Многие мотивы оказываются решительно не пригодными для целей сравнения. Так, например, изображения людей с двумя головами или безголовые фигуры известны в самых различных частях Полинезии.

Напротив, богатую пищу для выводов дает особый способ изображения человеческой руки: не полностью, а лишь с тремя пальцами (начиная от большого). Эта особенность характерна для кохау ронго-ронго, в то время как в петроглифах, равно как и на деревянных и каменных скульптурах острова Пасхи, рука всегда пятипалая. Но трехпалая рука — совершенно очевидный признак старомаорийского искусства резьбы по дереву, отклонения от которого лишь изредка встречаются в новых работах. Далее, точно такая же параллель имеет место в изображении двухголовых птиц в письменности острова Пасхи и на подвесках «Пекапека» в Новой Зеландии. Напротив, сходство письменного знака «человек-птица» с новозеландским «Манайа» представляется случайным. Мотив человека-птицы обнаруживается, в частности, в искусстве Соломоновых островов и в Индонезии и не может быть непосредственно использован при решении вопроса о происхождении культуры острова Пасхи. Еще менее пригодны для сравнения такие широко распространенные фигуры, как ящерица или сидящий человек с расставленными ногами.

Вне Полинезии заслуживает пристального внимания одна индонезийская особенность, которую фон Кёнигсвальд обнаружил на парусах судов с Южной Суматры. Это изображение человека с особого рода украшениями на нижних частях рук. Во многих антропоморфных знаках письма острова Пасхи с локтей рук свисает некое неопределенное украшение. Это относится преимущественно к прямостоящим фигурам мужчин и жрецов (реже к птицам), которые совершают разного рода действия. Это совпадение, безусловно, заслуживает внимания как этнографическая параллель; неизвестно, однако, в какой мере его можно использовать в качестве аргумента в вопросе о происхождении письма.

С гораздо большей точностью возможно сравнивать символику и высказывания текстов письменных памятников с традициями других полинезийских островов. Используемый для этого материал позволяет получить первую приблизительную ориентировку в вопросе. Плодотворные параллели прослеживаются между письменностью острова Пасхи и культурами Мангаревы, Маркизских островов, островов Туамоту и Общества (Таити), а также Новой Зеландии. В то время как часть материала соот-

ветствует, вероятно, общим чертам полинезийской культуры, другие признаки должны расцениваться как специфически местные...

Судя по преданиям, записанным на привезенных памятниках письменности, можно предположить, что остров Пасхи был заселен Хоту Мату'а не ранее середины XIV в. Эта дата приблизительно совпадает с оценками Хироа и Бормиды и отодвигает иммиграцию в эпоху, более позднюю по сравнению с датировкой Невермана (1150), Хайне-Гельдерна (начало XII в.) и Лавассери (XII—XIII вв.) Таким образом, письменность на острове Пасхи развивалась в течение половины тысячелетия — срок, за который многие значения, естественно, могли измениться.

Если письмо было завезено на остров Пасхи, то оно должно восходить к окраинной полинезийской культуре. Почему же тогда отсутствуют какие бы то ни было сообщения о существовании какого-то письма на других островах? Памятники из непрочных материалов могли погибнуть где-либо в течение столетий. Или, может быть, этот шрифт был изобретением гениального жреца, изобретением, которое в стенах школы передавалось как тщательно хранимое тайное знание? Весьма вероятно, что в этих условиях знание могло в течение некоторого времени не выходить за пределы одной-единственной храмовой площадки. В XIV в., в смутное для Полинезии время, при быстром росте населения на островах Общества недостаток земли и соображения престижа приводили к войнам, сопровождавшимся непрерывной эмиграцией (на одиночных лодках или целыми флотилиями) во все концы Тихого океана. При вынужденной эмиграции целые группы населения могли покидать свою бывшую родину, не оставляя никаких следов. Вероятно, именно так и обстояло дело с пришельцами, заселившими остров Пасхи, которые вместе с прочим имуществом захватили с собой драгоценный груз — письмена на деревянных дощечках и палочках.

Подводя итоги, можно сказать, что письменность острова Пасхи не является творением нашего времени. Она не была изобретена на Рапануи, но занесена пришельцами из какой-то более теплой страны, где имеются хлебное дерево, кокосовая пальма, кусты кавы и птица фрегат.

Письмо острова Пасхи обладает характерными стилистическими и символическими признаками окраинной полинезийской культуры и имеет корни на общей родине маркизанцев и маорийцев. Его нельзя понимать как ответвление на позднейших исторических этапах. По записанным с его помощью текстам можно проследить путь через Питкэрн и Мангареву, до Ра'иатеа на островах Общества. В качестве «terminus ante quem» для изобретения письма следует признать XIV столетие.

Письменность острова Пасхи представляет собой замечательное исключение в такой области, которая во всех прочих местах

знает только устную передачу традиций. В ее памятниках точно зафиксированы старые предания, по которым можно не только судить о погибшей местной культуре, но и узнать кое-что о временах расцвета полинезийских жреческих школ.

Во всеобщей истории письменности кохау ронго-ронго занимают значительное место. Они служат примером стадии перехода от рисуночного письма к звуковому. Идеограммы и ребусные знаки, стилизованные жесты и метафорические обороты используются здесь одинаково широко. Наряду с этим письмо острова Пасхи обладает всеми теми сложными особенностями, которые столь характерны для архаичных типов письменности.

Однако в то время, как начальные этапы развития письменностей Старого Света, принадлежащие к более развитому типу, сплошь изучены филологами и археологами, здесь, равно как и в Центральной Америке, перед нами стоит законная задача этнографии: исследовать становление письма в среде бесписьменных нецивилизованных народов. Скачок от образного восприятия мира к его звуковому обозначению с помощью символов — редчайший случай в истории человеческой культуры. Вспыхнула ли искра как гениальное озарение или возникла под влиянием распространения каких-то идей — навсегда останется загадкой, скрытой во тьме прошлого. Однако изобретенная система передачи сведений представляет собой, при всех ее недостатках, внушительный памятник величию полинезийского духа.

Исчерпывающей интерпретации письменности острова Пасхи поставлены определенные границы — не только обусловленные историческими случайностями, но и связанные с основами ее структуры.

1. Изученные памятники письменности представляют собой лишь небольшую часть когда-то существовавшей литературы. Имеющиеся в нашем распоряжении тексты образуют не представительную, но лишь чисто случайную выборку. Трудно сказать, какой вред принес нам этот недостаток материала; предположительно, однако, пробелы должны относиться не к алфавиту* простейших и составных знаков, а скорее к широте и богатству тем.

2. Положение осложняется тем, что культурный фон известен нам лишь частично и в будущем также навряд ли когда-либо будет реконструирован полностью. Местные предания жителей острова Пасхи — скудные отрывки; о традициях, занесенных извне иммиграцией, можно судить лишь косвенно — путем сравнения с другими полинезийскими местными культурами. Кроме

---

* Здесь под «алфавитом» подразумевается корпус знаков любой данной письменности; обычно этот термин применяется только к буквенному письму.— *Прим. ред.*

того, за полтысячелетия мифы и обряды, равно как и их языковые отражения, претерпели немалые изменения.

3. Сама структура письменности острова Пасхи создает для исследователя трудно преодолимые преграды. Особенности конденсации текста и частичных фонетических обозначений предполагают необходимость для полного понимания табличек таких знаний, которые некогда сообщались путем устной передачи. Неверно полагать, что нацарапанные ключевые слова ныне, без запоминаемых наизусть песнопений, так же непонятны, как узлы, зарубки и другие мнемонические средства; тем не менее все богатство передаваемого содержания раскрывалось только в некоем творческом процессе между «кохау ронго-ронго» и «маори ронго-ронго». Предания были не только записаны на деревянных памятниках письменности, но и заложены в мозгу сказителей. Так как память мертвых утрачена безвозвратно, некоторые высказывания неизбежно останутся неполными...

Несмотря на эти ограничения, необходимо отметить, что, по крайней мере для частичной дешифровки, существуют два способа контроля. Первый критерий опирается на доказуемую закономерность следования действий и мотивов, на взаимное дополнение и поддержку между образами и темами в различных кусках текста, короче — на связь уже понятых пассажей с еще не совсем ясными. Другая гарантия связана с практикой толкования знаков: она основана на параллельности текстового высказывания и исторической действительности, о которой, по крайней мере в основных чертах, можно судить по духовной, материальной и социальной культуре как острова Пасхи, так и близких ему лингвистически соседних островов.

Результаты должны считаться удовлетворительными, если они приводят к неожиданным совпадениям и дают толчок к дальнейшим плодотворным толкованиям; они требуют осторожности, если исследование на них застопоривается и в дальнейшем остается бесплодным...

Будущие задачи по исследованию письменности острова Пасхи простираются на весьма разнородные области.

1. Существует принципиальная необходимость увеличения набора памятников в целях продолжения работы на более широкой текстовой основе. Поиски новых табличек никоим образом не являются безнадежными. Это относится прежде всего к таким предметам, которые еще в прошлом веке были приобретены на острове Пасхи, но до сего дня остаются недоступными для науки, находясь в частном владении. Есть надежда обнаружить новые памятники во Франции, Соединенных Штатах, Чили и Перу, а также на Мангареве и Таити; однако прежде всего необходимо направить поиски по следам бывшего собрания Палмера. Гораздо ниже следует оценивать вероятность сделать новые находки па-

мятников со сносно сохранившимися надписями на самом острове Пасхи.

2. Для лучшего понимания местных традиций в текстах табличек необходимо предпринять дальнейшие разыскания в области старой культуры острова Пасхи. Разумеется, от прямых полевых исследований в настоящее время уже не приходится ожидать каких-либо ошеломляющих результатов; сбор этнографических материалов в основном завершен в результате работы франко-бельгийской экспедиции 1934—1935 гг. и многолетнего пребывания на острове Энглерта. Цель, обещающая более богатые материалы, находится вне пределов острова Пасхи. Речь идет о неопубликованных результатах экспедиции Раутледж...

3. Сравнительное исследование должно быть продолжено дальше с тем, чтобы научиться по возможности детально обнаруживать в письменности следы чуждых традиций. Для этого необходимо наряду с усиленным анализом текстов провести трудоемкую работу с другими источниками. Эта задача требует основательного знания полинезийской диалектологии и этнографии, а также интереса к истории культур. Прежде всего было бы весьма желательно обработать неопубликованный корпус полинезийских песнопений. Поиски следовало бы направить на обнаружение мотивов и композиций текстов табличек, а также речевых коррелятов тех или иных комбинаций знаков. Исследование значений сравнений и метафор, титулов и рангов, действий при жертвоприношениях и молитвенных формул превратилось бы в конечном счете в изучение полинезийской мифологии и легенд, связанных с теми или иными богами и героями.

По мере роста объема расшифрованных текстов все более доступной становится цель составления комментария к «Corpus Inscriptionum Paschalis Insulae». Венцом исследования является возможность вновь и вновь постигать намеки и побочные значения, разбросанные в тексте, научиться понимать конденсаты и видеть связь песнопений между собою.

То, на что проливает свет это исследование, но чего оно еще далеко не исчерпывает, может в будущем быть освещено гораздо лучше.

Перспективы для этого широки и многообещающи.

КОММЕНТАРИЙ

К стр. 542.

[1]. В СССР изучение письменности острова Пасхи проводит группа ленинградских исследователей. Неопубликованные материалы Кудрявцева содержат подсчет частоты употребления знаков на некоторых дощечках кохау ронгоронго. Статистическая обработка всего массива рапануйских текстов была проведена не так давно в ВИНИТИ.

К стр. 546.

[2]. В распоряжении исследователей имеется слишком мало текстов письма та'у (точнее, курсивного письма). Короткая записка на листке из чилийской конторской книги и фрагмент дощечки, найденной на острове С. Энглертом, не дают основания делать столь категорические выводы, какие делает Т. Бартель.

[3]. Под текстами заговоров, вызывающих плодородие, Бартель подразумевает тексты, имеющие большую частоту знака 076, который является стилизованным изображением penis'а. Однако в языке острова Пасхи слово *уре* имеет не только это значение, но может переводиться и как «семя», «род», «клан», «колено». Этот знак был зафиксирован в генеалогиях и является, по всей вероятности, показателем отчества (типа русского суффикса *«-вич»*), в пользу чего свидетельствует рекордная частота употребления и специфическая дистрибуция знака 076 в текстах кохау ронго-ронго.

К стр. 551—552.

[4]. Предлагаемые Т. Бартелем чтения кохау ронго-ронго представляются несколько фантастическими.

А. М. Кондратов

Тур Хейердал

КОНЦЕПЦИЯ «РОНГО-РОНГО» У ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОСТРОВА ПАСХИ *

На VII Международном конгрессе антропологов и этнографов, который проходил в 1964 г. в Москве, русская группа исследователей письмен кохау ронго-ронго (Ю. В. Кнорозов, И. К. Федорова, А. М. Кондратов) сообщила, что, вопреки общепринятому мнению, содержание таблиц, обнаруженных на острове Пасхи, по-прежнему остается неразгаданным. Кнорозов и его коллеги утверждали, что знаки кохау ронго-ронго являются знаками иероглифического письма, однако нельзя отождествлять язык иероглифических текстов с современным языком острова Пасхи, как это делалось ранее.

Само по себе это открытие является очень важным и заставляет вновь критически пересмотреть сведения, дошедшие до нас из прошлого XIX века, когда делались попытки дешифровать письмена кохау ронго-ронго с помощью местных жителей, так как считали, что и система письма, и язык текстов им известны.

НАХОДКА ТЕТРАДЕЙ НА ОСТРОВЕ ПАСХИ В 1955—1956 ГГ.

Этнографические исследования не входили в план работы Норвежской археологической экспедиции на остров Пасхи (1955—1956 гг.). Все внимание экспедиции было сосредоточено на археологической полевой работе, и население острова первоначально привлекалось лишь в качестве рабочей силы.

В октябре 1955 г., вскоре после нашего прибытия на остров Пасхи, мы (вместе с женой и с отцом Себастьяном Энглертом) посетили лепрозорий, расположенный к северу от деревни Хангароа. Мы были очень удивлены, заметив, что интерес к утерянному искусству письма кохау ронго-ронго все еще живет, хотя прошло 90 лет со времени появления первых миссионеров и исчезновения дощечек.

Габриель Херивери, мужчина средних лет, один из наиболее развитых обитателей лепрозория, сидел у открытого окна в своей

* Thor H e y e r d a h l, Concept of Rongo-rongo among the historic population of Easter Island.

комнате и писал чернилами в какой-то тетради, напоминающей учетную книгу. Заметив наше удивление, Херивери с гордостью показал нам вертикальные ряды знаков ронго-ронго, выписанные им чернилами, и объяснил, что теперь он напишет «значение» этих знаков.

Мы предположили, что больной просто развлекается, копируя знаки с опубликованных иллюстраций дощечек, и быстро забыли этот случай, хотя он и был заснят на кинопленку. Несомненно, что Херивери был занят тогда изготовлением рукописи, позднее обнаруженной и скопированной Томасом Бартелем.

Несколько месяцев позже, когда наше пребывание на острове подходило к концу, было обнаружено, что островитяне пользуются пещерами со скрытыми входами для хранения украденных предметов и реликвий. В ночь на 13 марта 1956 г. я посетил Атана Атана Пакомио и его брата Эстебана Атана в хижине, находившейся в бывшем предместье деревни Хангароа. Пытаясь добиться их доверия (чтобы осмотреть тайные пещеры), я был очень удивлен, узнав от Эстебана, мужчины 32 лет, что ему принадлежит «книга», созданная его дедом, который знал, как изготовлять и петь кохау ронго-ронго. В этой «книге» его дед нарисовал все знаки письма острова Пасхи и рядом со знаками латинскими буквами записал их значение. Эстебан добавил, что его старший брат, Педро Атан, обладает второй такой же «книгой».

«Книга», по словам Эстебана, хранится в водонепроницаемом мешке, спрятанном в пещере; никто никогда не видел ее. При этих словах Эстебана его младший брат Атан вышел из хижины и вскоре вернулся со старыми и выцветшими листами бумаги, на которых от руки коричневыми чернилами был написан текст. Он сказал, что это — его наследство от деда. Старые листы бумаги содержали строки бесспорных знаков ронго-ронго вместе с текстом, написанным на языке острова Пасхи латинскими буквами. Когда Атан заметил, что я хочу подробней рассмотреть его наследство, он спрятал листы и больше никогда мне не удалось их увидеть.

Этот случай я тотчас же рассказал отцу Себастьяну Энглерту, который никогда не видел подобных рукописей в домах местных жителей. Шестью днями позже я встретился с Эстебаном Атаном в его хижине, находившейся за пределами деревни Хангароа. Он показал мне большую рукописную книгу, без обложки, которую мне было разрешено сколько угодно изучать. Книга была сшита из чилийских тетрадок для школьников. На одних страницах чернилами были написаны горизонтальные ряды знаков кохау ронго-ронго, на других — также от руки — тексты острова Пасхи, записанные латинскими буквами, а на третьих — вертикальные колонки знаков кохау ронго-ронго и перевод их на язык острова Пасхи латинскими буквами.

Все попытки купить книгу закончились неудачей. В конце концов мне удалось уговорить Эстебана разрешить ее сфотографировать. Фотографии 41-й страницы рукописи приведены во втором томе «Трудов Норвежской археологической экспедиции на остров Пасхи».

Рукопись была возвращена Эстебану. Вскоре после того, как наша экспедиция покинула остров Пасхи, Эстебан Атан Пакомио отплыл в маленькой самодельной лодке в направлении острова Таити. Лодка и экипаж исчезли. Очевидцы говорили Т. Бартелю, посетившему остров Пасхи в 1957 г., что Эстебан взял свою книгу с собой.

Еще одна рукопись была куплена мною у Хуана Хаоа в драматической ситуации, которая описана в девятой главе книги «Аку-аку». Ныне эта рукопись находится в Музее Кон-Тики. Она также воспроизведена во втором томе «Трудов Норвежской археологической экспедиции на остров Пасхи».

Третья, маленькая, рукопись, истрепанная и частично изъеденная червями, была куплена мною у Элиаса Пакарати Атана в бухте Анакена, где был расположен наш лагерь, и тоже хранится ныне в Музее Кон-Тики. Другой посетитель нашего лагеря, Арон Пакарати, принес 13 изорванных страниц только затем, чтобы показать их автору. Он не приводил в порядок эти фрагменты и не открыл имени их владельца, которому обещал вернуть принесенные обрывки. Фотографии, сделанные с этих фрагментов, так же как и рукопись Элиаса Пакарати, помещены во втором томе «Трудов Норвежской археологической экспедиции».

На одной из страниц рукописи Эстебана Атана имеется дата — 1936. Это свидетельствует о том, что рукописи передавались от старшего поколения к младшему, причем в полной тайне; для маленького общества острова Пасхи это весьма примечательно. Фотографирование рукописи Эстебана Атана по его просьбе происходило на борту нашего судна, так как он боялся островитян и был вынужден прибегнуть к конспирации.

Тот факт, что Херивери, обитатель лепрозория, который не мог скрыть свою деятельность, был замечен во время изготовления рукописи, показывает, что все еще жив интерес к традиции, которая имела столь важное религиозное значение на острове в те времена, когда родители нынешних старцев были молоды.

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТОВ КОХАУ РОНГО-РОНГО

Из несчетного числа авторов, которые обращали свое внимание на различные проблемы, связанные с письменностью острова Пасхи, только двое претендовали на дешифровку и чтение текстов кохау ронго-ронго.

Первым был доктор А. Кэррол из Австралии, в 1892 г. объявивший в первом томе «Журнала Полинезийского общества», что дощечки кохау ронго-ронго содержат описание событий в Южной Америке, происходивших прежде, чем предки жителей острова Пасхи мигрировали оттуда на запад.

Лингвист Уильям Черчилль так отозвался о дешифровке Кэррола: «Чтение слишком далеко от того, чтобы быть связным; это сообщение о темных делах под склонами Анд. Говоря о принципах чтения текстов, доктор Кэррол уклоняется от самого чтения».

Второе заявление о дешифровке — более нового происхождения. В 1956 г., на XXXII Международном конгрессе американистов доктор Томас Бартель (ФРГ), сославшись на краткую публикацию предшествующего, 1955 г., объявил о дешифровке письмен кохау ронго-ронго. Согласно его чтениям, тексты дощечек показывали, что первые поселенцы на острове Пасхи прибыли с запада, вероятно, с острова Ра'иатеа, около XIV в. н. э. Система чтения, предложенная Бартелем, была опровергнута Кнорозовым и Бутиновым, а информация, добытая из текстов,— автором настоящей статьи.

Двумя годами позже журнал «Scientific American» (том 198, № 6, 1958) объявил, что тексты острова Пасхи дешифрованы Бартелем. В статье, излагающей содержание дощечек кохау ронго-ронго, Бартель писал: «Дощечки были чем-то вроде «памятных карт» и содержали ключевые слова, которые давали певцу только суть строфы: недостающие слова он придумывал сам. Естественно, это затрудняет реконструкцию полного текста дощечек. Тем не менее, если использовать контекст, который мы знаем по полинезийскому фольклору, они могут поведать о многом».

«Первое, что мы замечаем в говорящих дощечках,— это то, что они имеют преимущественно религиозный и ритуальный характер; они не содержат описания исторических событий на острове Пасхи. Островитяне имели другой вид письменности (так называемое письмо «та'у»), с помощью которого вели свои хроники и записывали прочие мирские дела. Дощечки содержат по преимуществу восхваления богов, предписания жрецам и т. п. Некоторые из них говорят о мифическом сотворении мира, когда бог Тане отделил небо от земли и поставил гигантские подпорки поддерживать небеса. Описания ритуалов показывают, что предполагаемые идиллические Южные моря были сценой весьма распространенного каннибализма, племенных войн, человеческих жертвоприношений и ритуальных убийств детей. В большинстве дощечек упоминаются только мужчины. Но и женщины принимаются во внимание — в текстах дощечек, которые посвящены плодородию. Эти тексты всегда называют вещи своими именами, и переводчик воспроизводит их в смягченном виде...»

«Тексты на дощечках недвусмысленно указывают, что первые поселенцы острова Пасхи пришли из центра Полинезии,— возможно, с острова Ра'ятеа, который известен как стартовая площадка для крупных переселений полинезийцев от Гавайев до Новой Зеландии. Этот факт убедительно опровергает новейшую теорию Тура Хейердала о том, что жители острова Пасхи прибыли из Перу... Вероятно, китайская и полинезийская письменности вышли из единого культурного центра, находившегося где-то на юго-востоке Азии».

Известие о том, что знаменитые кохау ронго-ронго были наконец-то дешифрованы, естественно, вызвало большой интерес во всем мире. Бартель, однако, воздерживался от того, чтобы привести переведенные им тексты, и только резюмировал общий путь, с помощью которого он достиг результатов, объявив, что Гамбургский университет готовит к печати полный итог его переводов дощечек.

Когда объявленная монография вышла в свет, она включала около четырехсот таблиц с объяснениями, которые, несомненно, были полезны любому исследователю, имеющему намерение продолжать попытки дешифровки. Но все, кто ожидал найти в монографии перевод хотя бы одной или всех дощечек, были разочарованы этим объемистым томом.

В журнале «American Anthropologist» (за февраль 1964 года) Меллой, Шёльсволд и Смит предложили Бартелю дать перевод одной из дощечек, с тем чтобы правильность перевода контролировалась с помощью перекрестных чтений тех же знаков на других дощечках. Позднее русская группа исследователей кохау ронго-ронго подытожила результаты своих исследований констатацией того, что при «изучении письменности острова Пасхи нельзя отождествлять язык иероглифических текстов с современным языком острова Пасхи, как это делает Т. Бартель». Они резюмировали тот факт, что, несмотря на все усилия, никому еще не удалось добиться успеха в дешифровке и чтении хотя бы одной дощечки острова Пасхи.

Бартель исходит из предположения о том, что историческое население острова Пасхи не только умело петь тексты ронго-ронго, но и было хорошо знакомо со значениями знаков. Эти значения Бартель извлекает из информации Меторо, данной епископу Жоссану.

Бартель строит свою попытку интерпретации текстов ронго-ронго на основании толкований знаков, данных одним лишь Меторо, используя для этого не только «каталог Жоссана», но и неопубликованные записи Жоссана в Гроттаферрате. Естественно, он заинтересовался и новыми толкованиями знаков, которые содержались в рукописях острова Пасхи, найденных у местных жителей. Содержание этих рукописей было немедленно

сообщено Бартелю перед его поездкой на остров Пасхи в 1957 г. В 1958 г., изучив оригиналы рукописей в Осло, Бартель любезно предоставил краткое сообщение о них, опубликованное во втором томе «Трудов Норвежской археологической экспедиции на остров Пасхи».

Впоследствии, по предложению Академии наук СССР, автор этой статьи передал в 1962 г. оригиналы и фотографии рукописей группе исследователей в Ленинграде. Три статьи, посвященные анализу рукописей, написанные в 1965 г. Кнорозовым, Федоровой и Кондратовым, также опубликованы во втором томе «Трудов Норвежской археологической экспедиции на остров Пасхи».

Как показали их исследования, эти рукописи содержат мифы и исторические предания, календарные списки, названия важных хозяйственных растений и другие фрагментарные тексты, записанные латиницей. Все рукописи состоят из колонок отдельных знаков кохау ронго-ронго, переведенных на язык острова Пасхи и записанных латиницей; кроме того, в рукописях содержится ряд знаков ронго-ронго, сгруппированных вместе в горизонтальные ряды без какой-либо интерпретации знаков. Статьи Федоровой и Кондратова в основном посвящены анализу различных текстов острова Пасхи, записанных латинскими буквами. Однако и страницы, написанные только знаками ронго-ронго, также анализируются Кондратовым, что имеет непосредственное отношение к теме, обсуждаемой здесь.

В большинстве случаев толкования знаков в тетрадях совпадают с теми, какие получил Жоссан на основании пения Метоpo, и имеют, вероятно, такую же ценность. Бак (Те Ранги Хироа) писал о пении Метоpo так: «Несмотря на то, что его пение преподносилось как цельная композиция, в ней не было связного смысла, по всей видимости, эта композиция была сымпровизирована здесь же, на месте, чтобы удовлетворить желание белого человека услышать ритуальное пение по знакам на дощечке. Я сам однажды сымпровизировал песнопение для европейской аудитории, не знавшей языка, растягивая нараспев свое повествование. Ни информатор епископа, ни я не имели ни малейшего желания мистифицировать слушателей,— нами обоими руководило лишь желание доставить им удовольствие».

Текст Метоpo содержал десятки тысяч слов («более чем двести страниц»). Они должны были быть математически приравнены к ограниченному числу знаков ронго-ронго, вырезанных на пяти небольших дощечках, которые были в распоряжении Жоссана. Естественно, епископ имел большую свободу выбора, когда находил для знака соответствующее слово из текста Метоpo,— и таким образом был составлен «каталог Жоссана».

Анализ исторических сведений и всех записей, оставленных Жоссаном, показывает, что Метоpo извлекал не больше инфор-

мации из знаков ронго-ронго, чем может извлечь с помощью чистой догадки всякий, кто хорошо знаком с местной фауной, флорой, символами и верованиями. Современные попытки восстановить значение знаков могут также вестись в этом направлении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Неспособность жителей острова Пасхи читать кохау ронго-ронго и тот факт, что в остальной Океании письменность отсутствует, побудила Бака * и Метро выдвинуть теорию, согласно которой тексты кохау ронго-ронго вообще не являются письменностью, а лишь мнемоническим средством. Новейшие изыскания, проведенные независимо друг от друга Бартелем и русской группой исследователей ронго-ронго, ясно продемонстрировали, что количественные показатели, повторения знаков и т. д. говорят о том, что кохау ронго-ронго является системой письма.

Изолированное положение острова Пасхи, лежащего на полпути между ближайшими островами Полинезии и континентом Южной Америки, отсутствие письма во всей Полинезии, равно как и в Океании, позволяет — и даже делает необходимостью — сопоставление кохау ронго-ронго с другими письменностями мира. Письмо четырех географических районов, по мнению различных авторов, имеет сходство с письмом острова Пасхи: это — древняя Южная Америка и Панамский перешеек, расположенные, соответственно, в 2 000 и 2 700 милях к востоку от острова Пасхи; Южный Китай, лежащий более чем в 8 000 милях к западу от острова, и антипод острова Пасхи — долина Инда, расположенная в 11 000 милях (безразлично — к западу или к востоку).

Древняя письменность Южного Китая и особенно письменность долины Инда содержат знаки, сходные со знаками кохау ронго-ронго. Однако все дальнейшие соответствия отсутствуют. Направление письма Китая и долины Инда — не бустрофедон. К тому же мы не знаем, совпадают ли сходные знаки и по своему значению. И хотя некоторые знаки Южного Китая и долины Инда походят на знаки кохау ронго-ронго, большинство знаков этих письменностей сильно отличается друг от друга.

Метро отметил, что сходство знаков индейцев куна и оджибве со знаками письмен острова Пасхи не меньшее, чем знаков Южного Китая и долины Инда со знаками письмен о-ва Пасхи. Однако и здесь мы не знаем, случайно или не случайно это сходство. Правда, направление письма индейцев куна такое же, как и кохау ронго-ронго, то есть бустрофедон; и письмена куна и письмена острова Пасхи вырезались на деревянных дощечках.

* Бак — европеизированная фамилия известного полинезийского ученого Те Ранги Хироа.— *Прим. ред.*

Дощечки эти вывешивались в домах во время празднеств, имели магическое значение, и тексты их пелись, а не читались. Так же, как на острове Пасхи, деревянные дощечки индейцев куна играли важную роль в похоронных обрядах. Как и на острове Пасхи, историческое население куна не знало, как читать тексты своих деревянных табличек, и пело по ним древние тексты, заученные наизусть. Их система письма являлась рудиментом забытого древнего искусства.

Сравнительный материал в районе Анд ограничивается свидетельствами, традициями и современным иероглифическим письмом, которым пользуются индейцы кечуа и аймара, живущие в районе озера Титикака. По данным ранних испанских хроник история и легенды инков были запечатлены на досках, которые использовались наподобие наших книг и читались учеными жрецами («амаута»). Эти тексты хранились в святилище, которое было похоже, по рассказам испанцев, на европейские библиотеки. Хроники сообщают, что доски применялись для записи традиций, жезлы с нанесенными на них знаками — для посылаемых сообщений; в то же время амаута писали и на листьях банана. Но древние знаки вышли из употребления и были забыты в период войн, предшествовавших правлению первого повелителя инков.

Скудость имеющихся в нашем распоряжении материалов мешает проводить дальнейшие сравнения их письмен как с письмом куна, так и письмом острова Пасхи. Однако идеограммы и символы, найденные археологами на произведениях религиозного искусства Перу,— а точнее говоря,— в центре культового поселения в бассейне озера Титикака, содержат все основные элементы, повторяющиеся в знаках ронго-ронго. Рельеф на Воротах Солнца в Тиагуанако имеет 16 основных элементов, которые характеризуют и кохау ронго-ронго острова Пасхи. Среди них мы видим группы людей-птиц, человека, держащего церемониальный жезл, двуглавую птицу с загнутым клювом, животное из семейства кошачьих, рыбу, солнечный символ, орнамент из перьев, нагрудник в форме луны, «плачущий глаз», длинное ухо и характерную трехпалую руку, последовательно повторяющуюся во всех фигурах.

Еще более замечателен, однако, такой, недавно установленный факт: направление письма, называемое «перевернутый бустрофедон» (текст начинается снизу, идет слева направо, а затем переходит на следующую строку, перевернутую кверху ногами, и идет справо налево), имеет место только в двух районах мира — на острове Пасхи и в районе распространения культуры Тиагуанако.

Автор настоящей статьи считает, что способ письма бустрофедон на деревянных дощечках некогда был широко известен

в районах Центральной и Южной Америки. На дощечках записывались главным образом религиозные тексты, которые пелись во время церемоний. Основной район распространения этого письма располагался на всем протяжении от Панамы до Перу. Одна из его ветвей достигла острова Пасхи, хотя умение читать эти тексты было утрачено в результате междоусобных войн и языковых беспорядков. Сохранились лишь основной ритуал, связанный с дощечками (наиболее разительные этнографические соответствия употребления кохау ронго-ронго наблюдаются у индейцев куна), магико-художественные представления, воплощенные в очертаниях знаков, и, наконец, уникальная система — перевернутый бустрофедон,— ограниченная двумя смежными районами Восточной части Тихого океана: древним Перу и островом Пасхи [1].

КОММЕНТАРИЙ

К стр. 568.

[1]. По принципам передачи звуковой речи письмо острова Пасхи близко к архаическому шумерскому, а также андскому письму (пропуск служебных частей речи; редкое употребление силлабического написания корневых морфем).

По принципам графики письмо кохау ронго-ронго ближе всего к египетской иероглифике.

По внешней форме знаков письмо острова Пасхи имеет аналогии в различных иероглифических системах письма, употребляющих не «лицевые» (майя, письмо Фестского диска, хетто-лувийская иероглифика), а «полнофигурные» антропоморфные фигуры (протоиндийское, раннекитайское, андское, египетское письмо). Кроме того, со знаками р а з л и ч н ы х систем письма совпадают знаки кохау ронго-ронго, имеющие стилизованную геометрическую форму, а также знаки, изображающие «универсалии» (изображение луны, звезды и т. п.).

По «семантике изобразительных знаков» письмо острова Пасхи ограничено знаками, изображающими антропоморфные и зооморфные существа, океанийскую фауну и флору, полинезийские и чисто рапануйские предметы быта, оружие, символы власти и т. п. (что свидетельствует в пользу самостоятельного происхождения рапануйского письма).

По материалу для письма — дереву — письмо о. Пасхи сопоставимо с лувийской иероглификой, знаки которой в основном вырезались на дереве.

По времени употребления письмо о. Пасхи отстоит от почти всех других словесно-слоговых иероглифических систем письма на тысячелетия и современно лишь уже сильно схематизированному китайскому и примитивному андскому письму. Позже него было сделано несколько довольно сходных изобретений письма, в том числе в XIX в. в Африке (например, ранняя форма письма бамум) и в XX в. на Чукотке (письмо, изобретенное оленеводом-чукчей Теневилем).

От ближайшего очага других цивилизаций, обладавших словесно-слоговым письмом, о. Пасхи отстоит более чем на 3500 км.

Все это, очевидно, указывает на самостоятельное полинезийское происхождение письма о. Пасхи, имеющего с другими письменностями лишь типологические связи.

А. М. Кондратов

ПРОТОШУМЕРСКИЕ ИЕРОГЛИФЫ

В 1936 г. крупнейший шумеролог Адам Фалькенштейн опубликовал большое число табличек, найденных преимущественно на городище Варка (древний Урук) [1], исписанных знаками рисуночного письма, являвшегося древнейшим (и даже, по мнению автора, первоначальным) предшественником вавилонской клинописи. Таблички относились к IV и III слоям городища Варки, то есть, по современной хронологии, к началу III тысячелетия до н. э. (в то время их датировали несколько более ранним временем) [2].

Помимо фотографических воспроизведений самих табличек, А. Фалькенштейн опубликовал список знаков и их предположительное отождествление со знаками клинописи. В дальнейшем произведенное А. А. Вайманом тщательное изучение контекстов в публикации А. Фалькенштейна, а также других изданий несколько более поздних табличек [3] показало, что А. Фалькенштейн не во всех случаях правильно отождествил протошумерские знаки с клинописными, некоторых отождествлений не заметил и не всегда правильно отличал отдельные знаки от вариантов одного и того же знака. Тем не менее именно книга А. Фалькенштейна, наряду с более ранней (1927 г.) работой Ф. Тюро-Данжена, положила основу изучению этой системы письма — одной из двух древнейших в мире наряду с египетской иероглификой.

Кроме издания текстов и списка знаков, книга А. Фалькенштейна содержала и исследование. После археологического обзора слоев I, III—II и IV в Уруке автор рассматривает материал табличек, реконструирует пишущее орудие (род тростникового грифеля), применявшееся протошумерскими писцами, описывает форму и величину табличек, устанавливает направление письма, характеризует проблему членения текста, различения лицевой и оборотной стороны. Затем А. Фалькенштейн переходит к воп-

[1] Шестьсот двадцать текстов происходит из Варки и тридцать шесть найдены на другом городище — Джемдет Наср, одного времени с III слоем Варкн.

[2] IV слой Варки датируется сейчас с колебанием от XXXI до XXVIII в. до н. э.

[3] Из них наиболее важное: S. L a n g d o n, Pictographic inscriptions from Jemdet Nasr, «Oxford Editions of Cuneiform Texts», VIII, London, 1928.

росу развития данной письменной системы от иероглифического протошумерского письма IV слоя Варки до собственно шумерской клинописи (с середины III тысячелетия до н. э.). Важнейшие его выводы (помимо приведенных в публикуемой ниже главе его книги) сводятся к следующему: 1) что в IV слое Варки мы застаем письмо в том виде, в каком оно было впервые изобретено; 2) что знаки данной письменности не связаны с изобразительным искусством; 3) что им не предшествовало письмо, предназначенное для передачи сразу целых мыслей-предложений комплексным рисунком (текстограммой); 4) что оно само являет собой не понятийное письмо (идеографию), а словесное письмо (логографию); 5) что оно затем было дополнено использованием части логографических знаков как ребусных — для передачи звуковых последовательностей, соответствовавших звучанию слов, для которых были созданы логограммы; тем самым стало возможным передавать изобразительно невоспроизводимые понятия, служебные слова и, главное, грамматические элементы слов (силлабография) [4].

Переходя к вопросу о языке изучаемых текстов, А. Фалькенштейн указывал на некоторые, с его точки зрения, явные примеры «ребусного» применения знаков в Уруке, в слое IV, и в Джемдет Насре. Ребус, конечно, предполагает чтение на совершенно определенном языке, в данном случае — на шумерском. Далее этого, однако, А. Фалькенштейн не пошел и не решился предложить перевода ни одного протошумерского текста. О содержании текстов (это учетные документы храмового хозяйства и изредка учебные списки слов) автор заключал только из интерпретации содержания рисунков, образовывавших знаки, а также из отождествления некоторых знаков со знаками клинописи. А. Фалькенштейн заметил при этом, что некоторые учебные списки слов идентичны спискам, известным в архивах Фары (ок. 2600 г. до н. э.), а также времени династии Саргона Древнего (XXIV—XXII вв. до н. э.).

В 60-х гг. над протошумерскими текстами начали работать А. А. Вайман в СССР [5] и Г. И. Ниссен [6] за рубежом. Наибольшие успехи дали работы А. А. Ваймана. Обнаружив, что в не-

---

[4] Эти положения А. Фалькенштейна — кроме гипотезы о происхождении силлабограмм — были оспорены в 1939 г. И. М. Дьяконовым («К происхождению письменности в Двуречье», «Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа», III, 1940, стр. 27—48), но до недавнего времени были безоговорочно приняты за рубежом.

[5] А. А. Вайман, К расшифровке протошумерской письменности (предварительное сообщение), «Переднеазиатский сборник», II, М., 1963; он же, Формальные особенности протошумерских текстов, «Вестник древней истории», 1972. № 1; он же, О связи протоэламской письменности с протошумерской, там же, 1972, № 3.

[6] H. J. Nissen, в кн.: «Materials for the Sumerian Lexicon», XII, Roma, 1969.

которой группе текстов цифровые данные строились по формуле $xy=z$, он смог отождествить данные тексты как обмеры площади полей, а знаки, сопровождавшие цифровые данные о каждом поле, оказались обозначением званий лиц, получавших эти полевые наделы. Это подтвердилось изучением протошумерских списков слов, среди которых оказались и списки профессий, отождествимые с позднейшими клинописными; а это позволило выявить названия профессий и в других различных архаических текстах. Затем, анализ текстов однородного содержания помог выявить значения ряда знаков, не отождествимых с позднейшими клинописными, поскольку они стояли в том же контексте, что и отождествленные. Так были выявлены названия различных злаков, домашних животных, рабов и рабынь и т. п.

Как видим, в своей работе А. А. Вайман, наряду с внутренним анализом текста, пользовался и квазибилингвой, или «биграфией»; в качестве сопоставимого второго, более понятного, текста ему послужили документы (списки), написанные позднейшей, уже расшифрованной клинописью. В то же время, по сравнению с другими дешифровщиками, А. А. Вайман стоял перед несколько иной задачей: в противоположность мнению А. Фалькенштейна, Вайман полагал, что каждый протошумерский знак имел целью передачу только понятия, а не реально звучащего слова. Поэтому для интерпретации текстов не требуется их прочтения в современном смысле слова, то есть декодирования каждого знака путем его перевода в определенно звучащий элемент речи. Лишь в некоторых случаях можно говорить о ребусном использовании знаков (подобные случаи, приводившиеся еще А. Фалькенштейном, были заново пересмотрены А. А. Вайманом, который смог отвергнуть некоторые чтения своего предшественника, а вместо них предложить другие). Общий вывод — тексты написаны людьми шумерского языка — остается в силе, несмотря на высказывавшиеся в 40-х—50-х гг. неоднократные сомнения.

Ниже мы приводим текст заключительной главы исследования А. Фалькенштейна и принадлежащий А. А. Вайману обзор современного состояния наших знаний (с таблицей, в которой приводятся некоторые протошумерские знаки и целые тексты).

И. М. Дьяконов

А. Фалькенштейн

АРХАИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ ИЗ УРУКА *

Материалом для письма в Вавилонии искони была пластичная глина, на которой знаки выдавливались тростниковым грифелем, спереди обрезанным в форме трехсторонней призмы. Этим инструментом можно проводить довольно тонкие на вид клинообразные черты. Более длинные и искривленные линии проводились на ранних стадиях письма путем протягивания по глине того же грифеля. Лишь когда первоначальный очень тонкий грифель был заменен гораздо более грубым, стали возникать на глине типичные оттиски, давшие позднейшему вавилонскому письму название клинописи. При писании глиняную плитку (табличку, или таблетку) первоначально держали наклонно в левой руке, а знаки читали в направлении, соответствовавшем характеру изображения **. Когда форма знаков уже значительно отклонилась от первоначальной, начали, из-за увеличившегося размера плитки, класть плитку прямо. При этом ее поворачивали против часовой стрелки на 90° по сравнению с первоначальным положением знаков. Но этому повороту не соответствовало изменение направления линий, которые проводились всего лишь под наклоном в 45°. В случае каменных или металлических памятников изменять направление письма не было причины. Поэтому знаки здесь остаются в своем первоначальном положении. Лишь во II тысячелетии до н. э. и здесь направление письма изменяется в соответствии с его направлением на глине. На более крупных табличках после поворота текст разделялся на вертикальные столбцы слева направо, состоявшие первоначально из отдельных отчеркнутых полей. В пределах каждого поля знаки в древнейший период распределялись произвольно ***.

Древнейшие до сих пор известные таблички происходят из архаического слоя IVb в Уруке ****. Судя по формам знаков, мы

* A. F a l k e n s t e i n, Archaische Texte aus Uruk, Berlin, 1936, стр. 62.

** То есть справа налево по вертикальным строкам или отлинованным «полям» в расположенных сверху вниз горизонтальных столбцах таким образом, что верх изображений (знаков) находился вверху, а фигуры живых существ располагались навстречу чтению.— *Прим. ред.*

*** Кроме цифр, которые, для удобства подсчета, всегда ставились сверху, а после поворота — слева, то есть в начале поля (или строки).— *Прим. ред.*

**** По новой археологической классификации слой IVb относится к концу I Протописьменного периода. К началу его относится слой V, не содержащий письменности. Слой III/II относится ко II Протописьменному периоду.— *Прим. ред.*

можем быть вполне уверенными, что мы нашли здесь самую раннюю стадию развития вавилонского письма *. Знаки внешне распадаются на две группы: рисуночные знаки, в которых еще ясно, что́ именно изображается, и знаки, передающие оригинал настолько схематизированно, что его можно угадать лишь с трудом или совсем невозможно узнать. Численно превосходящей является вторая группа знаков. Таким образом, надежда, в случае находки древнейшего письма, установить прототипы знаков, к сожалению, не оправдалась. В ходе дальнейшего развития знаки значительно упростились. После 2500 г. до н. э., за немногими исключениями, установить первоначальную форму знака было уже невозможно.

Письмо времени древнейших табличек следует определить как «логографию» (словесное письмо). Иначе говоря, каждому слову здесь соответствует один знак или одна группа знаков. Случаи, когда одним знаком передается целое языковое выражение, по-видимому, единичны; единственный надежный пример — если тексты написаны действительно по-шумерски — это знак богини Инанны, «госпожи неба» **. Подобной системе письма неизбежно свойственны серьезные недостатки. Суть их — в ограниченности возможностей для выражения содержания и в недостаточной однозначности. Этому старались помочь различными способами, прежде всего изначальным созданием очень большого числа знаков, которых предположительно было около 2000, то есть примерно вдвое больше числа знаков, которые реально встретились в наших текстах ***. Далее, знаки не только могли употребляться каждый раз для того понятия, которое они изобразительно передают, но могли переноситься по своему употреблению на родственные или связанные понятия. Так, знак «плуга» означает также и «пахаря». Тем самым было найдено средство закреплять письменно и такие понятия, которые с трудом поддаются изображению, но в то же время уже и так недостаточно ясное содержание письма от этого еще более затемнялось.

---

* Это спорно. В Государственном Эрмитаже сохранилась камениая табличка Протописьмениого периода, иа которой знаки вырисованы с бо́льшей степеиью подробиости, чем иа учетных таблнчках IV слоя Урука. Коиечио, иа камие во все эпохн сохраиялись меиее сокращениые, меиее курсивные формы письма, и поэтому вполне вероятио, что эрмитажная табличка тоже ие старше IV слоя, одиако оиа указывает, что менее упрощеииые изобразительиые зиаки, чем в IV слое, существовали, и их возиикновенне вполне вероятио отнести к более раииему периоду. См. И. М. Дьяконов, К происхождению письмеиности в Двуречье, «Труды Отдела Востока Государствеииого Эрмитажа», III, 1940. — *Прим. ред.*

** Как показал И. Е. Гельб, этимология нмени Inana илн Innin<*Nin-an-(n)a «госпожа неба» — миимая. Это имя, вероятно, до-шумерское.—*Прим. ред.*

*** Это предположительное чнсло, как показал А. А. Вайман, по-видимому, снльио завышено. — *Прим. ред.*

Дальнейшее развитие данной системы письма было в значительной степени вынужденным. В соответствии с упрощением формы знаков происходит и уменьшение их числа. За тысячелетие вплоть до III династии Ура* исчезло две трети знаков, отчасти за счет совпадения похожих знаков, отчасти за счет сознательного сокращения. Интенсивнее всего процесс отбора шел в I архаическом слое**, после этого потребовалась лишь подчистка состава знаков. Каким образом восполнялись потери, обусловленные уменьшением числа знаков, пока в большинстве случаев невозможно сказать***. Затем попытка повысить выразительные возможности письма вывела его за пределы логографии. Прежде всего переходят к применению знаков не только для тех понятий, которые они изобразительно выражают, но и для *сходно звучащих, хотя по значению не родственных слов*. TI «стрела» выступает вместо til «жить». Отсюда уже недалеко до *силлабографии* (слогового письма) ****. Разница только в том, что в первом случае так можно передавать лишь целые слова, а во втором — части слов. При этом рисуночную форму знака не берут в качестве носителя значения, а исходят из связанной с этим знаком последовательности звуков. Только слоговые знаки дают ранней письменности средство, с помощью которого могут быть выражены элементы, передающие грамматические отношения. Это средство было в первую голову направлено на то, чтобы уменьшить неоднозначность письма. Сочетание словесного и слогового письма являлось принципом вавилонской письменности вплоть до конца его существования. Обосновываемое здесь выведение слогового письма из словесного не означает, однако, что слоговые знаки могут появляться лишь на позднем этапе письменности, хотя пока не удается доказать их существование ранее ступени Джемдет Наср *****. Но и там они все еще очень редки. Еще предстоит долгий путь до обязательного написания грамматических формантов, которое возникает примерно с Эаннатума лагашского ******. К этому же времени относится еще новый шаг вперед, а именно — расположение знаков внутри отлинованного поля в порядке, соответствующем порядку эле-

* Конец III тыс. до н. э.— *Прим. ред.*

** = I Раннединастический период, 2-я четверть III тыс. до н. э.— *Прим. ред.*

*** По-видимому, главным образом за счет употребления сочетания двух и более знаков для одного понятия.— *Прим. ред.*

**** Название это условно, так как отдельные фонетические знаки «слогового письма» передают не конкретные слоги речи, а лишь последовательности гласных и согласных звуков, например Г, СГ, СГС и т. д. Приводимый автором пример ошибочен.— *Прим. ред.*

***** Иначе — II Протописьменного периода, около XXIX—XXVIII вв. до н. э. при ранней, XXVIII—XXVII вв. при поздней датировке.—*Прим. ред.*

****** Около 2450 г. до н. э.— *Прим. ред.*

ментов речи в языке. Тем самым построение вавилонского письма было в основном завершено.

Ответ на вопрос, на каком языке составлены архаические тексты, можно получить только косвенным путем. Прежде всего ясно, что факт единства линии развития письма в Вавилонии ни о чем сам по себе не говорит. В историческое время шумеры и говорившие по-семитски аккадцы писали на своих, совершенно несходных языках с помощью одной и той же системы письменности *. Древнейшая ступень письма — словесное письмо — не проясняет для нас вопроса. Несомненно, конечно, что это письмо передает некий определенный язык, но у нас нет возможности умозаключать от характера знаков к характеру языка. Однако путь к ответу открывают знаки, подобные упоминавшемуся выше TI «стрела», которые передают не только изобразительно выраженное понятие, но и омонимичные с ним ** слова и, конечно, также слоговые знаки. Здесь-то и можно протянуть мост от письма к языку. Несмотря на их немногочисленность, наличных примеров достаточно, чтобы доказать шумерский характер текстов из Джемдет Насра и одновременных с ними текстов из III слоя Урука. Напротив, в текстах из IV слоя Урука

---

* Это неточно. Шумерское письмо было и осталось в основе письмом мнемоническим, опиравшимся на идеографические знаки, каждый из которых выражал любое слово в пределах целой ассоциативно связанной группы понятий, в любой грамматической форме. В ранний период выбор формы слова и самого слова происходил в зависимости от контекста и был ограничен однообразием содержания текстов (учетные хозяйственные документы, учебные перечни слов, сгруппированных по содержанию; лишь с Раннединастического периода появляются литературные тексты определенных жанров и надписи). В более поздний период сзади и спереди к знаку для понимания (*идеограмме* скорее, чем логограмме) приписывались знаки, использовавшиеся по принципу ребуса для передачи чистых звучаний и дававшие указание на подлежавшие произношению грамматические форманты слова — сначала лишь некоторые, потом уже почти все, а помимо формантов иногда указывавшие и конечный слог основы слова.

Напротив, аккадская («вавилонская») клинопись была в основе «слоговым» письмом (см. выше редакционное примечание к слову «силлабография»), в которое, однако, могли вставляться шумерские идеограммы («гетерограммы») для передачи отдельных равнозначных этим идеограммам аккадских слов или основ. Делалось это главным образом для экономии места на тяжелой глиняной плитке (идеограмма любого слова занимает много меньше места, чем его слоговое написание), отчасти же потому, что встречавшиеся в тексте хорошо знакомые идеограммы сразу позволяли ориентироваться в общем его содержании и облегчали выбор нужных чтений для слоговых знаков (каждый знак обычно имел несколько слоговых чтений, соответственно многозначности идеограмм, использовавшихся в порядке ребуса для передачи того или иного слога).— *Прим. ред.*

** Конечно, омонимичные—не с понятиями, а с выражавшими их словами. Автор полагает, что каждый знак изобретался вначале для выражения одного конкретного слова. В действительности он изначально мог применяться для любого слова в пределах круга ассоциаций, связанных с предметом, который изображался данным знаком.— *Прим. ред.*

выявить с уверенностью слоговые знаки не удается. Поэтому мы лишены возможности ответить однозначно на вопрос о языке древнейших сохранившихся текстов. Однако у нас есть все же достаточно косвенных указаний, чтобы считать с большой долей вероятности языком текстов IV слоя Урука шумерский. Так, один и тот же перечень слов передавался по традиции от IV слоя до времени табличек из Фары и даже вплоть до саргоновского времени *. Более поздние списки этого перечня, без сомнения, читались по-шумерски. Если не обращаться к маловероятному предположению, что в период Джемдет Насра писали на двух разных языках, то придется признать шумерскими и списки времени III слоя. Не иначе как по очень веским причинам можно было бы из этой единой в языковом отношении цепи изъять таблички непосредственно предшествующего, IV слоя, приписав их другому языку. Однако у нас нет никаких данных, которые заставляли бы думать о коренной смене населения между IV и III слоем. Проявления культуры на обоих этих исторических этапах, насколько мы можем проследить по строительному и камнерезному искусству, напротив, свидетельствуют о ненарушавшемся развитии.

С вопросом о языке табличек IV слоя тесно связан и вопрос о создателях вавилонского письма, поскольку мы имеем право рассматривать эти тексты как самую раннюю стадию развития письменности. Опять-таки мы можем лишь сказать, что, по всей вероятности, создателями вавилонского письма были шумеры...

...Единственная система древнего Ближнего Востока, равноценная вавилонской,— это *египетские иероглифы*. Оба вида письма являют в своем сходстве и различии важные примеры возможностей, образующихся при возникновении и развитии письменностей. *Вавилонская письменность* выросла из потребностей местных хозяйственных организаций, примыкавших к религиозному центру города, а иногда, быть может, и ко двору властителя. Не имеющие на себе письменных знаков таблички с цифрами и оттисками печатей также указывают на первичность хозяйственных интересов. Поэтому здесь первые тексты — это простейшие записи, имевшие значение лишь на краткий срок и терявшие его по завершении данной хозяйственной операции. Ясно, что мотивом для возникновения письма было создание *мнемонических знаков для памяти*, чтобы с их помощью все нарастающий объем хозяйственных дел стал обозримым и мог бы регулироваться. Еще в течение многих столетий не приходила мысль применить новое изобретение для увековечивания исторических событий. Подлинно исторических текстов, подразумевая

* Архив из Фары соответствует концу II — началу III Раннединастического периода, ∼2600—2500 гг. до н. э.; династия Саргона Древнего правила в Аккаде с конца XXV по начало XXII в. до н. э.— *Прим. ред.*

под этим летописи и списки династий, от собственно шумерского периода почти вовсе нет. Когда же начали писать простые посвятительные, а позже и строительные надписи, сразу же оказалось, что письменность для этого не приспособлена. Ее структуру приходилось значительно расширить. Единственная группа ранних текстов, выходящая за пределы чисто хозяйственных целей,— это списки слов, начало вавилонской науки.

Столь же необходима была *перестройка формы.* Для писания на глиняных табличках (обычно действительных лишь краткое время) всякого рода монументальные разновидности письма были неприменимы. Важна была беглость. Поэтому созданию монументального письма противостояли трудности, еще усилившиеся необходимостью перенесения знаков на твердые материалы — камень или металл. Лишь в отдельные периоды удавалось найти формы, соответствующие иному материалу и более высокой цели. Мы наблюдаем это в случае линейно-квадратного письма времени Эаннатума и позже в саргоновское время. Но эти формы не могли устоять против широкого потока курсивов. Позднейшее монументальное письмо, которое переняло клинообразную форму начертаний, оправданную только на глине, ясно показывает характер зависимости, но также и отказ от подлинного решения проблемы.

Египетское письмо по своему типу близко родственно вавилонскому. Как тут, так и там основой являются словесные знаки. Слоговым знакам вавилонского письма здесь соответствуют «слоговые» знаки (например, mn, mr) и «консонантный алфавит». Разница объясняется тем своеобразным фактом, что египтяне обозначали на письме только согласные, оставляя гласные без внимания. Возможность для этого — и, конечно, также причина этого — заложены в самом египетском языке с его относительно неизменным согласным составом, при том, что гласный состав его слов подчинен многообразным явлениям аблаута. Переносу употребления знаков на омонимы в вавилонском письме здесь, в согласии с иными обстоятельствами, соответствует перенос на слова с тем же консонантным остовом; обеим системам свойственно употребление детерминативов *. Приме-

* Детермннатнвамн называются непронзиоснмые зиаки, указывающне на смысловую категорню, к которой относнтся даиное слово, и облегчающне выбор правильного чтення ндеографическнх нлн слоговых знаков нз несколькнх возможных. В клннописи существует всего десятка два детермииатнвов; все оии употребляются также в ндеографическом, а иередко н в слоговом зиачеинн. В египетском, в связи с бо́льшей неоднозначиостью египетскнх «фонетическнх» знаков, детермннатнвы ставятся почтн прн каждом слове, прнчем грань между детермннатнвом и ндеограммой нечеткая — оиа завнсит от того, выпнсаны лн «слоговымн» знаками все согласные слова — тогда перед намн детермииатив + «слоговое» иапнсанне всего слова — илн же выпнсана только часть согласных — тогда перед нами ндеограмма с «фонетнческнм дополнеиием».— *Прим. ред.*

нение иероглифов ограничивалось вначале приписками к фигурным художественным изображениям. Хозяйственные тексты составляют исключение *. В качестве исходного пункта мы встречаем здесь *волю* к высказыванию, к познанию. Ранняя запись исторических событий привела к тому, что историческая традиция в Египте заходит далее в глубь времен, чем в Вавилонии. С другой стороны, записи хозяйственных мероприятий никогда не достигали в Египте объема почти бескрайней вавилонской хозяйственной и эпистолярной словесности.

Поскольку иероглифы представляли собой высокое решение проблемы, постольку они сохранились как монументальное письмо до позднего времени лишь с небольшими изменениями. Для повседневного употребления, для писания на папирусе легко вырабатывалось курсивное иератическое письмо путем некоторого упрощения слишком сложных знаков и соединения нескольких знаков, стоящих рядом **.

Обе системы письма не нашли внутри себя возможностей, чтобы развить заложенные в них зародыши буквенного письма. Для этого потребовался народ, не причастный обеим культурам, который продолжал созидать дальше, на почве, оставленной Вавилонией и Египтом. После первых предварительных попыток создать новое письмо на основе обеих древних великих систем, в Финикии был сделан решающий шаг к письму чисто консонантному. После добавления греками обозначения гласных развитие достигло своего завершения.

О ПРОТОШУМЕРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Протошумерская письмеиность, или протоклииопись (докумеиты IV слоя Урука — коиец IV тысячелетия до н. э., III—II слоев Урука и Джемдет Насра — иачало III тысячелетия), представляет наиболее рaииий вариаит шумерской клииописи. Как известио, клииопись давио расшифроваиа, а шумерский язык сравнительио хорошо изучеи. Тем ие меиее протошумерские тексты иам все еще ие очеиь поиятны, и затрудиеиия, которые приходится преодоле-

* Автор ие учитывает, что в Египте хозяйствеииые докумеиты писались иа разрушающемся материале (папирусе) или по крайией мере смывающейся краской (примеиявшейся как иа папирусе, так и иа глииияиых обломках черепков — *остраках*). — *Прим. ред.*

** Автор преумеиьшает разиицу между египетскими курсивиыми видами письма и моиумеитальиой иероглификой. Оиа была ие меиьше, а скорее больше, чем виешияя разиица между рисуиочиым протошумерским письмом и поздиейшими клииописиыми скорописями. Другое дело, что структурио-типологически между египетскими иероглифами и египетскими скорописями разиицы фактически ие было. — *Прим. ред.*

вать при их исследовании, в какой-то степени сравнимы с затруднениями, возникающими при расшифровке неизвестной письменности и истолковании неизвестного языка.

Протошумерские тексты, опубликованные С. Лэнгдоном [1928] и А. Фалькенштейном [1936], я буду отмечать номерами, которые они имеют в соответствующих изданиях, с указанием буквы «Л» при ссылке на первую работу и «Ф» при ссылке на вторую. Аналогично будут отмечаться знаки. Например, «текст Л 778», «текст Ф 340», «знак Л 21», «знак Ф 655».

1. Язык протоклинописных текстов. Протоклинопись является идеографической системой письма, в которой каждый знак (почти всегда схематический рисунок) выражает понятие, которому в устной речи соответствует слово. В силу указанного обстоятельства прямые наблюдения над протошумерскими записями недостаточны для того, чтобы судить о языковой принадлежности протошумерских текстов. Считая, что протоклинописные тексты написаны по-шумерски, А. Фалькенштейн доказывал это главным образом тем, что в них встречается имя собственное en-lil-ti. В этом имени en-lil естественно истолковывать как имя бога, а ti — как «жизнь», что позволяет этимологизировать все имя в целом: «Да живет Энлиль». Но знак TI восходит к рисунку стрелы, и значение «жизнь», ti(l), он приобрел, очевидно, благодаря тому, что в шумерском языке слова, выражающие понятия «жизнь» и «стрела», звучат одинаково, то есть являются омонимами. Отсюда можно заключить, что язык протоклинописных текстов, поскольку в них встречаются указанные омонимы, очевидно, тоже шумерский [Фалькенштейн, 1936, стр. 33, 38]. Имя, о котором идет речь, впервые было обнаружено С. Лэнгдоном [1928, стр. 8 и знак 32] в опубликованных им текстах из Джемдет Насра. Но этого имени мы в указанных документах не найдем, и там, где его читают, на самом деле стоит É.EN.TI. Полагая, что в некоторых случаях знак É ставился вместо знака LÍL, названные исследователи, несомненно, ошибались.

Сам способ установления языковой принадлежности интересующих нас текстов, на который указал А. Фалькенштейн,— выявление шумерских омонимов,— конечно, заслуживает внимания. Пока что можно указать, по-видимому, два таких шумерских омонима — слово gi, выражающее понятие «тростник», и слово gi, выражающее понятие «возвращать»,— для которых в протоклинописных текстах употребляется один и тот же знак, в виде рисунка тростника (см. ниже пункт 4).

2. Особенности переноса текста с лицевой стороны на оборотную. Определенную роль в понимании протоклинописи играют способы расположения знаков и записей на табличке. Прежде всего это относится к особенностям переноса текста с лицевой стороны на оборотную. Как показывают наблюдения, такой перенос осуществляется двояким образом в зависимости от содержания соответствующих записей. Если записи на оборотной стороне являются непосредственным продолжением записей на лицевой, например, и там и здесь фигурируют отдельные выдачи продуктов, перенос осуществляется путем поворота таблички через горизонтальную ось (см., в частности, текст Ф 340); если же записи на каждой стороне таблички как бы образуют две разнородные и обособленные части, например, когда на одной стороне зафиксированы отдельные выдачи, а на другой указан итог, перенос осуществляется путем поворота таблички через вертикальную ось (см., в частности, текст Ф 335). Иногда применяется двойной, комбинированный, поворот: горизонтальный — для продолжения на оборотной стороне таблички записей, начатых на лицевой стороне, и вертикальный — для проставления на оборотной стороне итога (см., в частности, текст Л 94). В последнем случае, так как вертикальный поворот таблички следует за горизонтальным, второй из этих поворотов является, по существу, поворотом на 180° в самой плоскости таблички. Применение двух поворотов при переносе текста с одной стороны таблички на другую является одной из наиболее существенных особенностей, отличающих протоклинопись от наиболее древних вариантов собственно клинописи [Вайман, 1972 (2), стр. 127 и сл.]. В клинописи, как известно, применяется один поворот — вертикальный, причем

там, где в протоклинописи был бы применен горизонтальный поворот, в клинописи дается иной порядок следования рядов знаков — не сверху вниз, как на лицевой стороне таблички, а снизу вверх.

Интересно отметить, что в протоэламской письменности на табличках из Суз способ переноса текста аналогичен тому, который применяется в протошумерской, однако на табличках из Тепе-Яхья перенос осуществляется, по-видимому, только путем поворота через горизонтальную ось [В а й м а н, 1972 (2), стр. 132].

3. Количество протошумерских знаков. Число опубликованных протошумерских текстов, по-видимому, недостаточно велико, чтобы в них могли содержаться все протоклинописные знаки. Согласно А. Фалькенштейну [1936, стр. 27; 1965, стр. 46], различных знаков в изданных текстах обоих периодов насчитывается около 900. Всего же в ранний период было, по его мнению, в два раза больше, то есть примерно 2000. К сожалению, соображения, на которых основано это утверждение, весьма неопределенны. Между тем, то обстоятельство, что протошумерская письменность является хронологическим вариантом — наиболее ранним — клинописи, дает возможность произвести достаточно убедительные, с точки зрения статистики, расчеты.

Пусть N — общее количество простых знаков одного из ранних периодов развития клинописи, n — количество знаков в известных нам текстах того же периода, Q — количество простых знаков заключительного периода развития клинописи, q — количество простых знаков раннего периода, отождествленных со знаками заключительного периода, тогда

$$N = \frac{Q}{q} n.$$

Здесь простыми названы знаки, которые не могут сами рассматриваться как сочетания нескольких знаков. Заметим, что формула справедлива лишь в том случае, если новые простые знаки создавались только в ранний период развития протоклинописи. Очевидно, так оно и было в действительности. Трудно предположить, что простые знаки продолжали возникать после того, как уже существующие простые знаки в значительной мере потеряли рисуночный облик, что имело место начиная с позднего периода развития протоклинописи. Предварительные данные, касающиеся количества знаков в текстах, и результаты расчетов сведены в таблицу:

	Q	q	n	N
Ранний период:	285	135	460	970
Поздний период:	285	150	305	580

Результат, который мы получили, хотя еще должен быть уточнен, весьма показателен и, по-видимому, представляет интерес не только с точки зрения истории клинописи, но и с точки зрения истории письменности вообще.

4. Обозначение хозяйственных операций. Достоверно можно говорить лишь о двух протошумерских знаках, которые обозначают хозяйственные операции: один из них — BA,— как и в собственно клинописных текстах, означает «выдача», «раздача», другой —GI,— очевидно, означает «возврат». В собственно клинописных текстах в этом значении выступает знак GI_4. Поскольку количественные данные, относящиеся к «выдаче» и «возврату», в документах суммируются, вторая из указанных операций, как на это указывает первая, должна относиться к статье расхода. В истинности предлагаемого толкования протошумерского знака GI убеждает прежде всего анализ текста Ф 626, в котором BA и GI употребляются параллельно. Как ни странно, именно на этот текст ссылается и А. Фалькенштейн [1936, стр. 54] в качестве доказательства того, что протоклинописное GI означает «пшеница».

5. Метрологические цифры для выражения емкости сыпучих тел. В протошумерских текстах встречаются две системы цифр, не засвидетельствованные в собственно клинописных документах. Одна употребляется для выражения

емкости сыпучих тел, другая, по-видимому, для выражения веса. Цифры обеих систем являются метрологическими, то есть каждая из них одновременно означает число «1» и название соответствующей меры. А. Фалькенштейн [1936, стр. 49 и сл.] показал, что вторая из названных систем построена по двоичному принципу, и цифры выражают 1/64, 1/32, 1/16, 1/4, 1/2 части некоторой метрологической единицы, обозначаемой цифрой «I». Эта система цифр обнаружена лишь в документах IV слоя Урука. Что же касается первой системы, то она засвидетельствована в документах IV—III слоев Урука и Джемдет Насра. Цифры, которые ее образуют, выражают . . ., 1/30, 1/25, 1/20, 1/15, 1/10, 1/5 части некоторой единицы и 1, 10, 100, 300 таких единиц (см. знаки Л 448—456, Ф 908—916 и Ф 935—940). Знаки, выражающие 1/5 единицы и 1, 10, 100, 300 единиц, были истолкованы Ф. Тюро-Данженом [1927, стр. 29; 1932, стр. 22 и сл.], С. Лэнгдоном [1928, комментарии к цифрам] и А. Фалькенштейном [1936, стр. 49]. Остальные цифры истолкованы мною. Цифры начиная с 1/30 единицы по 1/10 единицы выражают, соответственно, 1/6, 1/5, 1/4, 1/3, 1/2 части 1/5 единицы и образованы они, соответственно, при помощи 6-ти, 5-ти, 4-х, 3-х, 2-х симметрично расположенных малых сегментов.

Аналогичная протоэламская система цифр является упрощенным вариантом протошумерской [В а й м а н, 1972 (3), стр. 126 и сл.].

6. Обозначение числа дней, месяцев и лет. Обозначение времени, по-видимому, длительности некоторого отчетного периода, обнаружено только в документах из Джемдет Насра. Само понятие времени в соответствующих записях выражается знаком UD, который, в зависимости от расположения и характера цифр, означает, по-видимому, «день», «месяц» и «год». При обозначении числа дней единицы в виде малых горизонтальных полуовалов и десятки в виде малых кружков располагаются под знаком UD. При обозначении числа месяцев единицы в виде малых вертикальных полуовалов и десятки в виде малых кружков вписываются в знак UD. При обозначении числа лет единицы в виде вертикальных штрихов ставятся над знаком UD (см., например, тексты Л 31, Л 84, Л 4 и др.).

7. Записи, относящиеся к разделу полей. Разделу полей посвящена целая группа текстов из Джемдет Насра: Л 28, Л 83, Л 99, Л 100, Л 67 + Л 179. В первом из них указана только площадь отдельных участков и суммарная площадь, в остальных приводятся также линейные размеры полей. Всего в пяти текстах учтено 1457 bùr≅9000 га (если считать, что, как и через пятьсот лет, 1 bùr≅6,4 га). В каждом из документов зафиксирован раздел полей между шестью должностными лицами: ŠAB.GAL «торговый агент», PA.ŠUL, TÚG.DI, ME «жрец-прорицатель», EN.SAL «главная жрица» или «правительница», наделы которых фиксируются на лицевой стороне таблички, и EN «главный жрец» или «правитель», надел которого указан на оборотной стороне, там же, где проставлены частные и общий итоги. Заслуживает внимания, что во всех случаях EN получает ровно 2/3 земли, учтенной в документе, а остальные пять лиц — 1/3. К сожалению, не все записи в этих документах нам понятны, но некоторые из них, по-видимому, характеризуют качество земли. Во всяком случае, именно так, надо полагать, должны быть истолкованы записи KI.A в тексте Л 28 [В а й м а н, 1966 (2)].

От более раннего времени имеется, по-видимому, только один текст, в котором зафиксированы площади полей,— Ф 192,— происходящий из IV слоя Урука. В нем две строки: в первой учтено 126 bùr, во второй — 180 bùr, итого 306 bùr≅2500 га, то есть несколько больше 1/4 той площади, которая зафиксирована в пяти текстах, упомянутых выше. Интересно, что в первой строке, кроме цифр, стоит опять знак EN, который и здесь, очевидно, означает «главный жрец» или «правитель». Вторая строка частично разрушена.

8. Обозначение злаков. В протоклинописи имеются обозначения всех трех злаков, распространенных в древнем Двуречьи: ячменя, эммера и пшеницы. Ячмень, как этого и следовало ожидать, обозначается знаком ŠE, легко отождествляемым с соответствующим знаком собственно клинописи. Что же касается двух других злаков, то они обозначаются весьма необычно. Для обозначения

эммера и пшеницы применяются штрихи, проставляемые на соответствующих цифрах. Так, если цифры должны выразить емкость эммера, на них ставятся два вертикальных штриха, если пшеницы — один косой штрих (см. изображение знаков на стр. 584), при этом специальные знаки, которые бы обозначали эти злаки, наподобие ŠE, не употребляются (см., например, тексты Ф 285, Ф 621, Л 78, Л 119 и др.). (Этот способ обозначения злаков был заимствован из протошумерской письменности в протоэламскую с тем отличием, что косые штрихи на цифрах, выражающих емкость пшеницы, были заменены штриховой рамкой вокруг этих цифр.)

В поздней протоклинописи появляется, очевидно, отдельный знак для обозначения пшеницы, составленный из двух знаков — Ф 207 (GÍG) и Ф 429 (NUNUZ?; см. текст Ф 621) —и являющийся, по-видимому, прототипом клинописного GÍG. Что же касается клинописного ZÍZ «эммер», то он, по-видимому, был развит из перечеркнутой двумя вертикальными штрихами протоклинописной цифры «1», то есть обозначения соответствующей единицы системы мер емкости эммера.

9. Обозначение домашних животных. Существует более 20 протошумерских знаков и вариантов знаков, обозначающих домашних животных. Среди них одни — GUD «бык», ÁB «корова», UDU «овца», ÚZ «коза», ANŠE «осел», UR «собака» — легко отождествляются с соответствующими формами собственно клинописи, для других найти собственно клинописные эквиваленты трудней [В а й м а н, 1966 (1); 1972 (2)], третьи вообще не имеют собственно клинописных эквивалентов, так как рано вышли из состава письменности (см., например, знаки Ф 863, Ф 191 и др.).

Особо должны быть упомянуты способы обозначения пола домашних животных. При одном способе употребляются два разных знака, один — для обозначения самца, другой — для обозначения самки, например, GUD «бык», ÁB «корова». При втором способе употребляется знак для обозначения вида животного, и сочетание этого знака со знаком NITAḪ («самец») обозначает самца, сочетание со знаком SAL («самка») обозначает самку. Этот способ может быть проиллюстрирован лишь одним примером обозначения самки-ягненка в позднем варианте протоклинописи.

Наконец, при третьем способе употребляется один знак, который, взятый сам по себе, обозначает самца, а усложненный дополнительными штрихами — самку [В а й м а н, 1972 (1)]. Это, очевидно, наиболее распространенный способ обозначения пола домашних животных, н, в отличие от предыдущих, он присущ только протоклинописи и совершенно отсутствует в развитой клинописи. Вот соответствующие обозначения самца и самки разных видов домашних животных: Ф 388=Л 270, Ф 389=Л 271 (вид мелкого рогатого скота); Ф 487=Л 314, Ф 555=Л 408 (вид мелкого рогатого скота); Ф 229=Л 2 «козел», Ф 252==Л 9 (MÁŠ) «коза»; Ф 234 (MAŠ) «газель», Ф 235 «самка газели»; Ф 61=Л 130 (ANŠE) «осел», Л 217 «ослица»; Л 129 «кобыла»; Ф 50=Л 398 (UR) «кобель», Ф 51 «сука». Заметим, кстати, что усложненные дополнительными штрихами знаки, по-видимому, являются теми прототипами, к которым восходит традиция гунированных форм, упоминаемых вавилонскими писцами. Что же касается знаков, которые названы гунированными в самих вавилонских силлабариях, то на самом деле их нельзя считать усложнением («утяжелением») негунированных знаков, поскольку те и другие восходят к разным прототипам в протошумерской письменности (см., например, знак Ф 220 SUḪUŠ и Ф 17 UDU).

10. Обозначение рабов и рабынь. В протоклинописи обнаружены оба сложных знака, известных по развитой клинописи как обозначения рабов и рабынь соответственно: NITAḪ.KUR букв. «мужчина чужой страны» и SAL. KUR «женщина чужой страны». Первый из этих знаков засвидетельствован одной лишь так называемой табличкой Блау [Д а й м е л ь, 1922, рис. 9], относящейся к позднему периоду развития протошумерской письменности, второй — несколькими документами как раннего, так и позднего периодов. Отсутствие первого знака в документах раннего периода стимулировало точку зрения,

согласно которой на заре шумерской государственности попадавшие в плен в результате военных столкновений мужчины убивались и только захваченные женщины превращались в рабынь [Т ю м е н е в, 1956, стр. 52]. Как выяснилось, это ошибочная точка зрения — рабы являются предметом учета уже в документах IV слоя Урука, но обозначаются они там не при помощи сочетания NITAḪ.KUR, а одним лишь знаком KUR, что буквально, по-видимому, должно быть истолковано как «добыча». Можно также показать, что помимо полной формы обозначения рабынь SAL.KUR, в ранних протошумерских текстах применяется также, причем гораздо чаще, сокращенная форма SAL. Таким образом, в протоклинописи имеются следующие обозначения интересующих нас категорий лиц: KUR «раб» (ранний и поздний варианты протоклинописи), NITAḪ.KUR «раб» (поздний вариант), SAL.KUR «рабыня» (ранний и поздний варианты), SAL «рабыня» (ранний вариант). Всего в ранних протошумерских документах (24 таблички) учтено около 30 рабов и 27 рабынь (в том числе три рабыни с двумя детьми; см. текст Ф 92, а также табл. знаков на стр. 584 наст. издания); в поздних (5 табличек) — 602 раба и 300 рабынь [В а й м а н, 1974].

11. **Обозначение должностей и профессий.** Изданы протошумерские школьные тексты, являющиеся списками должностей и профессий. Древнейший из них — Ф 340 — происходит из IV слоя Урука и содержит около 80 интересующих нас обозначений. Аналогичные тексты обнаружены также в III слое Урука, и хотя сохранились они фрагментарно, Г. Ниссен [1969] сумел реконструировать довольно длинный список должностей и профессий, восходящий в некоторых своих частях к более раннему тексту Ф 340. Этот список, который может быть назван каноническим, неоднократно копировался шумерскими, а затем аккадскими писцами почти на всем протяжении III тысячелетия. В каноническом списке содержится около 130 интересующих нас обозначений. В обоих списках обращают на себя внимание обозначения, в которые входит в качестве элемента один и тот же знак TÚG, например: TÚG.TUK, TÚG.URU и т. п., и один и тот же знак GAL, например: GAL.UNKEN, GAL.GA и т. п. Как надо понимать знак TÚG в соответствующих обозначениях, совершенно неясно; что же касается знака GAL, то, поскольку в развитой клинописи он означает «большой», его толкуют применительно к профессиям и должностям как «старший». Так, например, сочетание GAL.GA, где второй знак, очевидно, означает «молоко», должно иметь значение «старший молочник», а сочетание GAL.SIMUG, где второй знак, очевидно, означает «кузнец», должно иметь значение «старший кузнец» и т. п. Однако, в связи с последними обозначениями, надо отметить следующее. В раннем протоклинописном списке Ф 340 (см. ряд II) параллельно с обозначениями, в которых содержится знак GAL, приводятся также обозначения, в которых содержится знак Ф 298 (пока не отождествлен с соответствующим знаком развитой клинописи) и знак NUN. Таковы GAL.UNKEN, Ф 298.UNKEN, NUN.UNKEN и GAL.Ga, Ф 298.GA, NUN.GA, причем все три знака — GAL, Ф 298, NUN — являются, несомненно, схематическими рисунками штандартов. Кроме того, не только GAL означает «большой», но и NUN означает «большой», только с несколько иным оттенком. Аналогичные параллельные обозначения довольно часто встречаются также в хозяйственных документах IV слоя Урука. Из этих документов следует, кстати сказать, что переменный элемент соответствующих сочетаний, записанный вне этих сочетаний, отдельно, тоже означает должность или профессию. Другими словами, не только TÚG.URU, GAL.GA, Ф 298.GA, NUN.GA играют роль обозначения должности или профессии, но и GA и URU, взятые отдельно. Таким образом, уже в периоде IV слоя Урука существовала весьма развитая номенклатура, насчитывающая свыше ста названий должностей и профессий, истинный характер которых нам, к сожалению, еще мало понятен. Многие обозначения, фигурирующие в упомянутых списках, пока не обнаружены в хозяйственных документах, и наоборот, довольно большое число должностей, обозначенных в хозяйственных документах, не содержится в списках.

12. **Обозначение географических пунктов.** По отрывочным и неясным оттискам одной и той же цилиндрической печати на нескольких хранящихся в

ПРОТОШУМЕРСКИЕ ЗНАКИ И ТЕКСТЫ

Шумер.: [?] – – – – – – – – – – –

Элам.: – – – – – – – – – – – – –

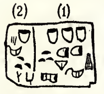
$\frac{1}{120}$	$\frac{1}{60}$	$\frac{1}{30}$	$\frac{1}{25}$	$\frac{1}{20}$	$\frac{1}{15}$	$\frac{1}{10}$	$\frac{1}{5}$	1	10	100	300	1000	10000

Шумер.:

Элам.:

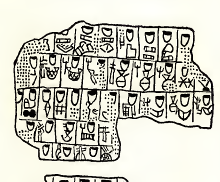
для пшеницы для эммера для ячменя

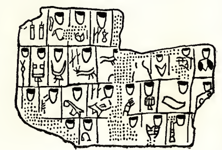
ЦИФРЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ МЕРЫ ЕМКОСТИ



„раб" „рабыня" „рабыня"

Текст ф. 20
(1) „3 рабынь (с) 2 детьми..."
(2) „1 раб..."





Текст ф. 340
(лицевая и оборотная сторона таблички)
Обозначение должностей

музее Эшмолеан (Оксфорд) табличках из Джемдет Насра Б. Бьюкенен [1966, стр. 8] искусно реконструировал почти все, что на ней изображено, но не сумел увидеть письменных знаков. Это удалось М. Ламберу [1970]. В небольшом (всего на полстраницы), но блестящем сообщении этот исследователь дал чтение записанных на печати названий пяти городов: Ура, Урука, Забалама, Уммы, KUA.A.ÚR (второй знак лучше читать TAR). Последний город, как указывает М. Ламбер, упоминается также в ряде текстов из Джемдет Насра. Соответствующую группу знаков как название города выделил еще А. Фалькенштейн [1936].

К интересным результатам приводит рассмотрение табличек, на которых сохранились оттиски упомянутой печати — Л 24, Л 75, и др. Все они сравнительно небольшого размера, и содержание записей в них очень сходно. Среди этих записей встречаются, предположительно, названия следующих городов: Эриду (NUN.KI), Забалам (SUḪ) и Урука (UNUG). Город Урук упоминается, по-видимому, и в тексте Л 33, в котором обозначен, как мне представляется, и город Ниппур (EN.LÍL). Особенно часто Урук упоминается в ранних протошумерских текстах, и это понятно, поскольку они происходят из IV слоя Урука [В а й м а н, 1966 (2), стр. 13]. Это единственный населенный пункт, название которого читается в ранних протошумерских текстах с достоверностью. В поздних документах мы находим, кроме перечисленных выше названий, также Дилмун (DILMUN) — по-видимому, Бахрейнские острова в Персидском заливе [В а й м а н, 1974] и, быть может, Эбих (EN.TI) — местность, расположенная севернее реки Диялы. Последние два названия приводятся в связи с учетом рабынь.

13. Трудности исследования протошумерской письменности. Как показывают предварительные расчеты (см. пункт 3), лишь около 30% знаков ранней протоклинописи и около 50% поздней могут быть отождествлены с соответствующими формами развитой клинописи. Это значит, что большинство протоклинописных знаков рано вышло из состава шумерской письменности. Понятно, что при истолковании таких знаков можно опираться только на контекст, и если учесть, что речь идет о чисто идеографической системе знаков, станут понятными те трудности, которые должны быть преодолены при изучении этой письменности. К счастью, и этого следовало ожидать, отождествляемые протоклинописные знаки, хотя и составляют меньшинство, гораздо чаще встречаются в текстах, чем неотождествляемые, и в ряде случаев записи в документах почти полностью состоят из отождествляемых знаков. Но даже такие тексты мы пока плохо понимаем, так как сплошь и рядом ни одно из известных значений клинописного знака не может быть отнесено к его протоклинописному прототипу. Таким образом, с превращением протоклинописи в развитую клинопись не только вышли из состава письма около двух третей знаков, но во многих случаях были потеряны первоначальные значения тех знаков, которые в н е й остались (см., например, значение «раб» знака KUR).

К этому надо прибавить, что, как показывают уже упоминавшиеся расчеты, известно менее половины всех простых знаков, входивших в состав протоклинописи, что является субъективным, если можно так выразиться, источником трудностей. Вот почему так желательны, помимо всего прочего, дальнейшие публикации протошумерских табличек.

А. А. Вайман

ЛИТЕРАТУРА
К РАЗДЕЛУ «ПРОТОШУМЕРСКИЕ ИЕРОГЛИФЫ»

Бьюкенен, 1966 — B. Buchanan, Catalogue of Ancient Near Eastern Seals in the Ashmolean Museum, I, Oxford, 1966.

Вайман, 1966 (1) — А. А. Вайман, К расшифровке шумерского рисуночного письма, СГЭ, XXVII, 1966, стр. 59—62.

Вайман, 1966 (2) — А. А. Вайман, К расшифровке протошумерской письменности, «Переднеазиатский сборник», М., 1966, стр. 3—15.

Вайман, 1972 (1) — А. А. Вайман, Расшифровка двух идеограмм протошумерской письменности периода IV слоя Урука, СГЭ, XXXIV, 1972, стр. 5—8.

Вайман, 1972 (2) — А. А. Вайман, Формальные особенности протошумерских текстов, ВДИ, 1972, № 1, стр. 124—131.

Вайман, 1972 (3) — А. А. Вайман, О связи протоэламской письменности с протошумерской, ВДИ, 1972, № 3, стр. 124—133.

Вайман, 1974 — А. А. Вайман, Обозначение рабов и рабынь в протошумерской письменности, ВДИ, 1974, № 2, стр. 138—148.

Даймель, 1922 — A. Deimel, Liste der archaischen Keilschriftzeichen von Fara, Leipzig, 1922.

Ламбер, 1970 — M. Lambert, — в: RA, LXIV, 1970, стр. 189.

Лэнгдон, 1928 — S. Langdon, Pictographic inscriptions from Jemdet Nasr, London, 1928.

Ниссен, 1969 — H. J. Nissen, — в: «Materials for the Sumerian lexicon», XII, Roma, 1969, стр. 4—8.

Тюменев, 1956 — А. И. Тюменев, Государственное хозяйство древнего Шумера, М.— Л., 1956.

Тюро-Данжен, 1927 — F. Thureau-Dangin, Tablettes à signes picturaux, RA, 1927, XXIV, стр. 23—29.

Тюро-Данжен, 1932 — F. Thureau-Dangin, — в: RA, XXX, стр. 22.

Фалькенштейн, 1936 — A. Falkenstein, Archaische Texte aus Uruk, Berlin, 1936.

Фалькенштейн, 1965 — A. Falkenstein, — в: «Fischers Weltgeschichte», Bd. 2, 1965, Kapitel 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ОСНОВНЫХ РАБОТ И ЖУРНАЛОВ

AJA = «American Journal of Archaeology».

AO = «Der Alte Orient».

«Archäol. Anz.» = «Archäologischer Anzeiger».

ArOr = «Archiv Orientální».

ARSNSP = «Annali della Reale Scuola Normale Superiore di Pisa».

BASOR = «Bulletin of the American Schools of Oriental Research».

BIE = «Bulletin de l'Institut d'Égypte».

BIFAO = «Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale».

CRAI = «Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions et des Belles-Lettres».

CIE = Corpus inscriptionum Etruscarum.

CII = Corpus inscriptionum Italicarum.

DLZ = «Deutsche Literaturzeitung».

«Docs.» = M. Ventris, J. Chadwick, Documents in Mycenaean Greek, Cambridge, 1956.

IF = «Indogermanische Forschungen».

JESHO = «Journal of the Economic and Social History of the Orient».

JHS = «Journal of Hellenic Studies».

JRAS = «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland».

Mus. Helv. = Museum Helveticum.

RA = «Revue d'assyrologie».

SB = «Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften», Berlin, 1909.

WZKM=«Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes».

ZDMG = «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft».

ZFÄS = «Zeitschrift für ägyptische Sprache».

ВДИ = «Вестник древней истории».

НАА = «Народы Азии и Африки».

СГЭ = «Сообщения Государственного Эрмитажа», Ленинград, 1966, 1972.

СОДЕРЖАНИЕ

ТАЙНЫ ДРЕВНИХ ПИСЬМЕН

Проблемы дешифровки

Сборник статей

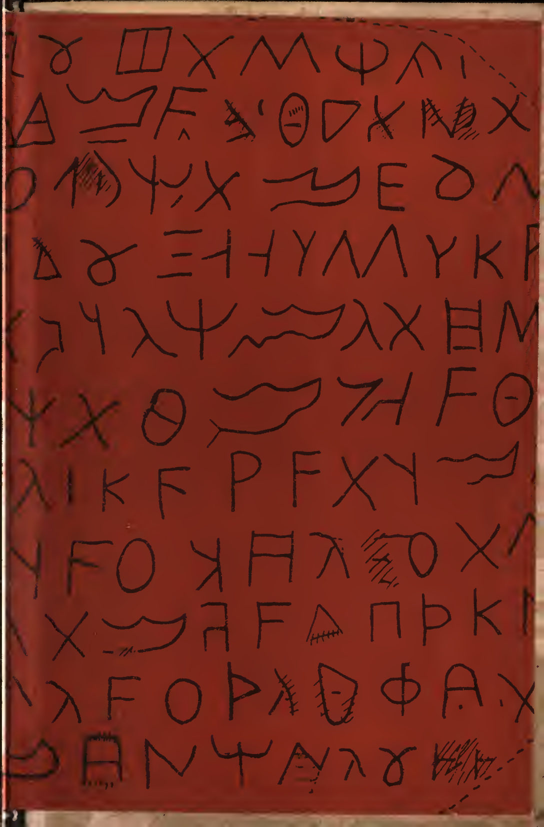
Редактор *М. А. ОБОРИНА*
Художник *Л. С. Клейнард*
Художественный редактор *В. А. Пузанков*
Технический редактор *В. П. Шиц*
Корректор *Н. И. Мороз*

Сдано в производство 17/X 1974 г.
Подписано к печати 10/II 1976 г.
Бумага 60×90¹/₁₆ тип. № 1. Бум. л. 18,5.
Печ. л. 37. Уч.-изд. л. 37,31.
Изд. № 9200. Цена 2 р. 99 к. Заказ 118
Тираж 9300 экз.

Издательство «Прогресс»
Государственного комитета
Совета Министров СССР
по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли.
Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21

Набрано и сматрицировано в ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени Ленинградской типографии № 2 имени Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.



2 р. 99 к.